ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Спб. 1-й Военной Гимназіи
ОТДѢЛЪ III
№ 427 Хронологическ. католога.
№ 152. Систематическ. католога.

Kirěevskij

8° P. o. rel.
3164 (4

<36604821190015

<36604821190015

...bliothek

15

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Выпускъ IV

Bayerische Staatsbibliothek München

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1862.

: bir 83 ?

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Января 20-го дня 1862 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1861 года, Мая 15-го, XLVII засѣданіе; пунктъ 5. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что А) Коммиссіею изготовленъ къ печатанію 4-й выпускъ « Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ ,» Дополнительный къ 3-мъ прежнимъ и заканчивающій I-ю часть изданія, « Владимірово время Былевыхъ пѣсень; » Б) въ 4-й выпускъ войдутъ: Пѣсни—а) Илья Муромецъ, б) Потокъ Михайло Ивановичь, в) Ставръ Годиновичь, г) Горденъ (Гордей) или Хотенъ (Хотинъ) Блудовичь, д) Чурило Пленковичь, е) Михайло Казарянинъ, ж) Соловей Будиміровичь; з) Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси; и) Аника Воинъ; Приложенія—Сказки, преданія, замѣтки, дополненія, соотвѣтствующія Былевымъ пѣснямъ; Указатель лицъ, именъ, предметовъ, словъ, реченій, и проч., изъ Былевыхъ пѣсень Времени Владимірова, составленный П. А. Безсоновымъ; В) объемъ 4 - го выпуска будетъ вдвое болѣе предыдущихъ.

Положено: « а) Приступить къ печатанію 4-го выпуска « Пѣсень » въ числѣ 1. 200 экземпляровъ.

б) Цѣну за экземпляръ назначить прежнюю, т. е. по 50 коп. , а съ пересылкою 75 к. сер **), и

в) Всѣ распоряженія по печатанію и продажѣ 4-го выпуска, не ожидая новаго постановленія Общества, возложить, на прежнемъ основаніи, на Д. Члена П. А. Безсонова. »

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1861-й годъ.

**) Въ XLIX-мъ засѣданіи Общества, 1861 г. Ноября 18, по случаю особенной величины въ объемѣ 4-го выпуска, оказавшейся при печатаніи, положено цѣну его увеличить въ 1 рубль сер., съ перес. 1 р. 50.

Выпускъ 4,

Дополнительный.

Богатыри: Илья Муромецъ; Никита Ивановичь, богатырь-Залѣшанинъ; Михайло Ивановичь, богатырь-Потокъ, Бродяга; Ставръ Годиновичь, Бояринъ; богатыри-Горожане, Посадскіе, Горденъ или Хотенъ Блудовичь и Чурило Пленковичь; Михайло Петровичь, богатырь-Казарянинъ; Соловей Будиміровичь, богатырь-Мореходецъ.

Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси.

Аника Воинъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1 *).

(Архангельскій уѣздъ).

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во селѣ было въ Корочаровѣ,
Жилъ тутъ старикъ со старухою.
Даровалъ имъ Богъ на старость дѣтище.
Сидитъ дѣтище сѣдуно́мъ тридцат лѣтъ.
Пришелъ подъ окно старъ человѣкъ,
Проситъ старъ человѣкъ милостыню благословенную **).
« Съ печи не встава́ю тридцат лѣтъ, »
Молвилъ Илья Муромецъ.
— Вставай, добрый молодецъ,—
Проговорилъ старъ человѣкъ.
Встаетъ съ печи Илья Муромецъ,
Беретъ хлѣба великъ коровай,
Ладитъ ***) подать милостыню благословенную,
Подходитъ къ окошку наволо́чному ****):
Пропалъ старикъ съ нау́личья *****).

*) Это Побывальщина, съ разрушеннымъ стихомъ и складомъ, почти Сказка; стихи ея раздѣлены здѣсь гадательно, такъ впрочемъ, что знакомый съ пріемами былеваго творчества довольно легко можетъ возстановить ихъ первобытный видъ. — По содержанію близка Побывальщина къ пѣснямъ III-го отдѣла въ 1-мъ выпускѣ.— *О.*

**) Милостыня отъ того *благословенная*, что даютъ ее съ *благимъ*, добрымъ *словомъ*.— *О.*

***) Хочетъ, намѣревается.— *О.*

****) Волоковому, задвижному, безъ рамъ. Въ сѣверныхъ областяхъ Руси оставляютъ въ этомъ окнѣ готовую пищу и питье для бѣдныхъ прохожихъ.— *О.*

*****) *Пауличье*, площадь улицы.— *О.*

Въ тѣ поры въ селѣ Корочаровѣ
Праздникъ былъ;
Старикъ Иванъ Тимоѳеевичь
Наварилъ великъ щанъ *) пива.
Выходилъ Илья на широкій дворъ,
Поднималъ великъ щанъ пива пьянаго,
Завздынулъ **) чанъ на повѣть ***) высокую.
Воротился старикъ Иванъ Тимоѳеевичь
Изъ церкви Троицкой,
Послѣ воскресенской обѣдни,
Диву дался, когда не увидѣлъ
На старомъ мѣстѣ щана съ пивомъ:
«« Что же это, старуха, за притча прилучилася:
«« Семерыма да осьмерыма ****) не могли щана
«« Ни въ кую сторону подать,
«« А теперь щанъ изъ подъ оконъ убрали?
«« Мужики всѣ были въ церквѣ Троицкой:
«« Не Илейко ли сѣдунъ экимъ чудомъ потѣшается?»»
Проговорилъ старикъ,
И оба со старухой засмѣялися.
Приходятъ старики въ горницу,
Тутъ они въ досталь придивилися:
Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
Земнымъ поклономъ чѣвствовалъ своихъ родителей,
Просилъ у нихъ крѣпкаго благословенія,
Самъ засряжался во путь во дорогу дальнюю.

На прямоѣзжей дорогѣ,
Промежь Кіева и Мурома,
Залегало чудище поганое,
Алатырецъ *****) некрещеный,
Соловей разбойникъ.

*) Чанъ.—*О.*

**) Поднялъ.—*О.*

***) *Повѣть*: кровля надъ дворомъ или кровля навѣсовъ, окружающихъ дворъ; иногда чардакъ подъ этой кровлей, гдѣ сани, оглобли, и т. п.; доходя до воротъ и кроя ихъ, она получаетъ названіе *обверушки.*—*О.*

****) Въ четверомъ да въ восьмеромъ.—*О.*

*****) Объясненіе см. ниже въ « Замѣткѣ. »—*О.*

Чинилъ онъ обиды всему міру крещеному:
Никого не пропускалъ
Мимо своей окаянной залóги;
А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
Чтó вершинами въ нёбо ввиваются;
Засвиститъ чудище въ полсвиста—
Замретъ листъ въ зеленомъ лѣсу;
Засвиститъ чудище полнымъ свистóмъ—
Оглушитъ всякого человѣка крещенаго.
А по той дорогѣ
Ходы́ *) въ Кіевъ полтора часа,
А по окольной дорогѣ
Ходы́ въ Кіевъ полтора года.
Пошелъ Илейко на Кіевъ градъ
По прямоѣзжей дорогѣ,
Помимо залóги **) Алатырца
Соловья разбойника,
Сострѣлилъ Соловья съ девяти дубовъ,
Приковывалъ, прищуру́пливалъ ***) его ко стремени булатному,
Повози́лъ его во палаты княженецкія,
Свѣтлому князю Владиміру на покáзанье.

Доѣзжали они до терема до Соловьинаго:
Сидятъ у окóленокъ ****) малы дѣточки,
Малы дѣточки Соловьиныя;
Новóй *****) говоритъ: «« Батюшко богатыря въ стремени везетъ, »»
А новóй *****): «« Богатырь батюшка въ стремени везетъ. »»
Какъ увидѣлъ Соловей разбойникъ
Своихъ малыхъ дѣтушекъ,
Слезно всплакался онъ у стремени булатнаго:

*) Ходьбы.—*O.*

**) Заставы: Соловей *заложилъ* дорогу.—*O.*

***) Привинчивалъ: *щурупъ*, съ нем. *Schraube*, винтъ.—*O.*

****) У оконницъ.—*O.*

*****) Иной; одинъ—другой.—*O.*

— Государь ты, мой батюшко,
— Илья Ивановичь!
— Отпусти ты меня на волю вольную,
— Положу я тебѣ заповѣдь великую:
— Не буду я больше сидѣть надъ дорогой прямоѣзжею,
— Не стану свистѣть по соловьиному,
— Не стану губить народу крещенаго. —
Илья Муромецъ тому не воймуетъ *):
« Повезу я тебя, чу́да, въ Кіевъ градъ,
« На показаньё князю Владиміру.»

Подъѣзжали они ко городу ко Крякову:
Городъ Кряковъ обсаженъ обсадою,
Морятъ Кряковцевъ смертью голодною.
Говоритъ Илейко Соловью разбойнику:
« Пособи мнѣ-ка выручить
« Кряковъ изъ неволюшки.»
Поѣхалъ Илья по праву руку,
Соловей пошелъ по лѣву руку:
Подъ Кряковымъ добры молодцы силу выбили.
Выносили Кряковцы золоты ключи,
Отпирали ворота городо̂выя:
«« Покланяемся тебѣ, богатырь честно̂й,
«« Нашимъ городомъ:
«« Приходи къ намъ въ становьё **),
«« Вотъ тебѣ городъ нашъ, будь на́большимъ!»»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Ой вы гой еси, горожана Кряковцы!
« Подъ вами сила была неоси́льчива ***):
« Вы живите, брата́ны, по старому,
« Я поѣду въ стольный Кіевъ градъ!»

Прищурупливалъ онъ Соловья ко стремени булатному.
Пріѣзжали они ко граду ко Кіеву.

*) Не внимаетъ. — О.
**) Въ станы, гдѣ стоятъ они, живутъ. — О.
***) Неодолимая. — О.

Походилъ Илья въ церковь Божію,
Слушать обѣдню великую,
Воскресенскую *).
Увидѣлъ его въ церквѣ
Князь Владиміръ стольный Кіевскій,
Учалъ онъ его доспрашивати:
— Котораго города, которой земли,
— Какъ молодца именемъ зовутъ?—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
Сынъ Ивановичь **):
« Здѣсь не то поютъ, не то и слушаютъ,
« Здѣсь идетъ обѣдня воскресенская.»
Отошла обѣдня воскресенская,
Проситъ Владиміръ Илью Муромца
Къ себѣ на тра́пезу.
Учалъ онъ его на пиру допрашивать:
— Которой ты, молодецъ, ѣхалъ дорогою:
— Прямоѣзжею дорогой, аль окольною?—
« Ѣхалъ я дорогою прямоѣзжею.»
— Въ очью ты облыга́ешь меня, добрый молодецъ:
— Той дорогой ни конному, ни пѣшему
— Пропу́ску нѣтъ,
— Тамъ залога чу́дища
— Соловья разбойника.—
« Ѣхалъ я дорогою прямоѣзжею,
« Наѣзжалъ вора Соловья разбойника,
« Сидѣлъ онъ на девяти дубахъ,
« Что̀ вершинами въ нёбо ввиваются;
« Засвистѣлъ онъ по соловьиному—
« Подо мною конь на колѣнцы палъ,
« На великую силу я посправился,
« Стрѣлялъ въ Соловья изъ туга лука,

*) То есть стихъ таковъ:

« Великую, Воскресенскую. »— *О.*

**) Опять стихъ:

« Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь. »— *О.*

«Сшибъ его съ дерева жароваго [*]),
«Приковалъ ко стремени булатному
«И привезъ къ тебѣ на показанье.»

Выходили они на красно крыльце;
Илья Муромецъ взялъ князя подъ праву руку,
А княгиню взялъ подъ лѣву руку,
Самъ велѣлъ Соловью разбойнику
Сосвистѣть тихимъ посвистомъ.
Соловей разбойникъ сосвистѣлъ по соловьиному:
Князи и бояра
И сильные-могучіе богатыри
Съ ногъ попадали,
Круты крыщи со хоромъ окаталися.
Еще смекалъ [**]) воръ Соловей разбойникъ,
Что тѣмъ посвистомъ уходитъ Илью Муромца:
Илья Муромецъ взялъ его да и рoзорвалъ.

2 [***]).

(Тамъ же).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цысарскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

*) *Жаровой* лѣсъ — рослый, выбѣжавшій высоко, съ чистою лѣсиной (ростъ ускоряется на открытомъ мѣстѣ, на припекѣ, на *жару*). Ср. вып. 1-й, стр. 51.— *О.*

**) Намѣревался, чаялъ, надѣялся, разсчитывалъ.— *О.*

***) Былина эта одинакова съ тою, какая помѣщена у насъ въ 1-мъ выпускѣ, отд. IV, № 1; но здѣсь нѣсколько особыхъ словъ и оборотовъ: вмѣсто того, чтобы ихъ выписывать со списками на 1-й выпускъ, мы нашли удобнѣе напечатать всю былину, тѣмъ болѣе, что та записана г. Кузмищевымъ, а эта г. А. Харитоновымъ и, при нѣсколькихъ разнорѣчіяхъ, доказываютъ обѣ, какъ вѣрно онѣ записаны со словъ.— Объясненія прибавимъ только къ тѣмъ словамъ и выраженіямъ, которыя встрѣчаются здѣсь впервые: остальное см. въ 1-мъ выпускѣ.— *О.*

Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичь младъ;
Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополище.
Всѣ были братцы въ разъѣздицѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чисто̀мъ полѣ,
Во чисто̀мъ полѣ спалъ въ бѣло̀мъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ за охотою,
За той ли за охототой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
« Еще что̀ же то за богатырь ѣхалъ?
« Изъ той ли земли изъ Жидовскія
« Проѣхалъ Жидовинъ могучь богатырь
« На эти степи Цысарскія! »
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
« Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
« Мы что̀ на заставушкѣ усто̀яли?
« Мы что̀ на заставушкѣ углядѣли?
« Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ! »
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Поло̀жили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, положили,
« Не ладно, ребятушки, удумали,—
« У Васьки полы долгія:
« По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
« На бою на дракѣ заплетется,
« Погинетъ Васька по напрасному. »
Положились на Гришку Боярскаго:

Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, удумали,
« Не ладно, ребятушки, положили,—
« Гришка рода боярскаго:
« Боярскіе роды хвастливые;
« На бою-дракѣ Гришка призахвастнется,
« Погинетъ Гришка по напрасному.»
Положились на Алешу Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Состигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика во чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, положили,
« Не ладно, ребятушки, удумали,
« Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,—
« Алешка рода поповскаго:
« Поповскіе глаза завидущіе,
« Поповскія руки заграбущія;
« Увидитъ Алешка на нахвальщикѣ,
« Увидитъ онъ много злата-серебра,—
« Злату Алешка позавидуетъ,
« Погинетъ Алешка по напрасному.»
Положились на Добрынюшку Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Состигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика во чистомъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привезти голову на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имáетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ во уздечку тесмяную,
Сѣдлаетъ во сѣдельце Черкесское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—

А вѣсо̂мъ та палица девяносто пудъ,
На бедры беретъ саблю острую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣхалъ Добрыня на гору Сарачинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на по̂лѣ чернизину,
Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
« Воръ, собака, нахвальщина!
« За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
« Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
« Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
« Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
« На всю нашу братію приборную?»
Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрынюшку Никитича.
Мать сыра земля сколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнцы палъ.
Добрынюшка Никитичь младъ
Господу Богу возмолится,
Данъ-Мать *) Пресвятой Богородицѣ:
« Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь поправился,
Уѣхалъ Добрыня отъ нахвальщика.
Пріѣхалъ на заставу богатырскую,
Встрѣчаетъ его Илья съ братіей приборною;
Сказываетъ Добрыня Никитичь младъ:
« Какъ выѣхалъ на гору Сарачинскую,
« Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
« Увидѣлъ на полѣ чернизину,
« Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
«« Воръ, собака, нахвальщина!
«« Ты за чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
«« Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
«« Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

*) Донской Божіей Матери.— *Примѣч. записавшаго.*

«« Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
«« На всю нашу братію приборную?»
« Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
« Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
« Мать сыра земля сколебалася,
« Изъ озеръ вода выливалася,
« Подо мною конь на колѣнцы палъ.
« Господу Богу я возмолился,
« Донъ-Мать Пресвятой Богородицѣ:
«« Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
« Подо мною конь посправился,
« Воротился я отъ нахвальщика.»
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ:
« Малое большимъ замѣняется,
« Бо́льшему некѣмъ замѣнитися:
« Ѣхать атаману самому!»
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ во уздечку тесмяную,
Сѣдлаетъ во сѣдельце Черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—
Не величка палица—полтораста пудъ,—
На бедра беретъ саблю острую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сарачинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
« Воръ, собака, нахвальщина!
« Ты за чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
« Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
« Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
« На всю нашу братію приборную?»
Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
Мать сыра земля сколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася;

Попущалъ коня на Илью Муромца:
Илья Муромецъ не у̀дробилъ.
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Въ первые палками ударились,—
У палокъ чи́вья *) отламались,
Другъ друга не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приламались,
Другъ друга не ранили;
Бились-дрались рукопашнымъ боёмъ,
Бились-дрались день до вечера,
Со вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,—
Покользитъ у Илейки ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ ему нахвальщикъ на бѣлы груди,
Вынималъ чингалище булатное,
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщикъ наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матёрый!
— За чѣмъ ты ѣздишь во чисто поле?
— Будто некѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той пути при дороженькѣ;
— Собиралъ бы ты, старикъ, въ келейку:
— Тутъ бы, старикъ, и животъ скончалъ!—
Лежитъ Илейко подъ богатыремъ,
Говоритъ Илейко таково слово:
« Да не ладно у Святыхъ Отцевъ написано,
« Да не ладно у Апостоловъ удумано;
« Написано было у Святыхъ Отцевъ,
« Удумано было у Апостоловъ:

*) *Чи́вьё* — рукоять какого либо орудія, ручка вещи; такъ говорятъ: чивье ковша, кувшина. — *Примѣч. записавшаго.* — То же, что *цѣвья.* — *О.*

«« Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;»
« А нынѣ Илья подъ богатыремъ!»
Лежучи у Ильи вдвое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщика въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева стоячаго,—
Палъ нахвальщикъ о сыру землю,
Въ сырую землю ушелъ до́ поясъ.
Не досугъ Ильѣ много спрашивать,—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро закрылъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову;
Воткнулъ на копье бржемецкое *),
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня встрѣчаетъ Илью Муромца
Со своею братьею приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю,
При своей братьи похваляется:
« Ѣздилъ во полѣ, братцы, тридцать лѣтъ,—
« Экого чуда не наѣзживалъ!»

3 **).

(Тамъ же).

За городомъ было за Кіевомъ,
Стояли за Кіевомъ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли;
Третій годъ на проходѣ сталъ,
Четвертый ходитъ по наулычью ***).
На ранней зорюшкѣ, на утренней,
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,

*) Мурзавецкое.—*О.*

**) По содержанію ср. эту былину съ 1-мъ выпускомъ отд. I, № 2, 3, 4, 5, 6; отд. IV, № 2.—*О.*

***) Т. е. подошелъ уже близко.—*О.*

Смотрѣлъ по далѐчу чисту полю,
Увидѣлъ паленицу преудалую:
Ѣдетъ молодецъ на добромъ конѣ,
На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.
Воротился Илья во бѣлъ шатеръ:
« Кто бы изъ насъ съѣздилъ во чисто поле,
« Досмотрѣлъ паленицу преудалую?»
«« Мы пошлемъ Алешу Поповича?»»
« Алеша Поповичь гордливъ-спѣсивъ:
« Не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться,
« Не умѣетъ богатырю честь отдать.»
«« Мы пошлемъ Тихаго Дуная сына Ивановича?»»
« У Дуная повороты были тихія *),
« Онъ не за̀ виды **) положитъ буйну голову.»
«« Пошлемъ мы Добрынюшку Никитича:
«« Тотъ знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
«« Знаетъ, какъ богатырю честь отдать.»»

Походитъ Добрыня на конюшій дворъ:
Видѣли молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія.
Заѣхалъ онъ на шо̀ломя ***) высокое,
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту полю,
Увидѣлъ паленицу удалую:
Ѣздитъ молодецъ по чисту полю,
Тѣшится утѣхою дворянскою,—
Мечетъ острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копью приговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,

*) Память объ отношеніи Дуная-богатыря къ Дунай-рѣкѣ, которая у Славянъ постоянно носитъ названіе *Дуная Тихаго* и *Бѣлаго*.—*О.*

**) *Не за̀ виды*: ни за что.—*О.*

***) См. вып. 3, стр. 46, примѣч. 6-е.—*О.*

—Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
Добрыня Никитичь воротился въ бѣлъ шатеръ,
Самъ отвѣтъ держитъ Ильѣ Муромцу:
« Видѣлъ я паленицу преудалую:
« Ѣздитъ паленица по чисту полю,
« Потѣшается потѣхой дворянскою,—
« Мечетъ копье подъ высоту небесную,
« На конѣ подъѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
« Самъ копью наговариваетъ:
«—Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
«—Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Ой ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
« Не твоя чаша,—не тебѣ и пить *)!»

Походилъ Илья на конюшій дворъ,
Сѣдлалъ своего коня добраго,
Тянулъ двѣнадцать подпругъ шелковыихъ,
Бѣлаго шелка Шемаханскаго,
Тринадцатую тянулъ черезъ хребетную кость:
Не ради красы,—ради крѣпости,
Чтобъ не оставилъ добрый конь во чистомъ полѣ.
Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія:
Только въ чистомъ полѣ курева **) стоитъ.
Заѣхалъ онъ на шоломя высокое,
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту полю,
Увидѣлъ паленицу преудалую:
Ѣздитъ паленица на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхой дворянскою,—

*) Народное творчество такъ привыкло къ «загребущимъ рукамъ» Алеши Поповича (См. «Замѣтку» ко 2-му выпуску), что когда кто бы то ни было берется не за свой кусъ, тотчасъ является представленіе о Поповичѣ, его образъ передъ глазами. И здѣсь, при хвастовствѣ паленицы, у Ильи вырываются слова: «Ты, паленица, затѣялъ то же, что, случалось, затѣвалъ Алеша! И тебѣ та же будетъ доля, что Алёшѣ: не твой кусъ,—неравно подавишься, не твоя чаша,—не тебѣ и пить!»—*О.*

**) Пыль столбомъ.—*О.*

Мечетъ копье въ вышину небесную,
Подъѣзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
Самъ копью наговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
— Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
« Ой ты гой еси, паленица преудалая!
« Ты за чѣмъ рано похваляешься?
« Не уловя ты птицы, теребишь ее,
« Не сваривши птицы, Богу молишься *)?»
Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря съѣзжались во чистомъ полѣ.
Ударились первымъ боёмъ палицами желѣзными,—
Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили,
Въ кольцахъ **) палицы поламалися.
Кололись они копьями пурманецкими ***),—
Въ чивьяхъ копья поламалися,
Они тымъ боёмъ другъ друга не ранили.
Хватались они тягами желѣзными,
Тянулись черезъ гривы лошадиныя,—
Одинъ одного не перетягиваетъ,
Добры кони пали на корачь,
Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили.
Сходили они со добрыхъ коней,
Хватались плотнымъ боёмъ, рукопашкою,—
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По колѣнямъ въ землю пріобмялися.
У Ильи права нога окатилась ****),
А лѣвая нога подломилася:

*) Т. е. садишься уже ѣсть ее.—*О.*

**) По словамъ сказочниковъ, рукояти палицы были просверлены, въ эти дыры вдѣвались кольца, за которыя уже брались руками.—*Примѣч. записавшаго.*—Вѣроятнѣе, что это были кольца или колѣна самого дерева, изъ котораго были палицы.—*О.*

***) Мурзавецкими.—*О.*

****) Раскатилась, поскользнулась.—*О.*

Падалъ Илья на сыру землю,
Паленица садилась на бѣлы груди.
Тутъ Илейко возмолится:
« Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
« Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
« Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
« За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ , за безмужнихъ женъ,—
« Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
« Онѣ были богомольныя,
« День и ночь онѣ Богу молятся *).»
Не сѣрая утица востопорщится:
Илья на земли поворотится;
Металъ сокольника подъ вышину небесную,
Выше всякого шароваго **) дерева,
Самъ вставалъ, да и подхватывалъ,
Клалъ паленицу на сыру землю,
Садился къ паленицѣ на бѣлы груди,
Учалъ онъ паленицу доспрашивать:
« Коего, молодецъ, города, которой земли,
« Которой Сибирской украины ***),
« Какъ молодца именёмъ зовутъ,
« Какъ молодца по отцѣ чёвствуютъ?»
Отвѣчаетъ паленица удалая:
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
— Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
— Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—
Вопросилъ его Илья второй наконъ ****):
« Коего, молодецъ, города, котороіі земли,
« Которой Сибирской украины,

*) Смыслъ тотъ , что за дѣла добрыя и по молитвамъ сиротъ Илья выразилъ твердую надежду на свое спасеніе.— *О.*

**) Т. е. « жароваго; » см. выше.— *О.*

***) *Сибирская украйна* была для Руси самая дальняя; потому, когда дѣло шло о появленіи незнакомца издалека, украйна, съ которой онъ появлялся, представлялась Сибирскою.— *О.*

****) Разъ.— *О.*

« Какъ молодца именѐмъ зовутъ,
« Какъ молодца по отцѣ чѐвствуютъ?»
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Много бы я съ тобой не разговаривалъ,
— Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—
Вопросилъ его Илья третей наконъ:
« Коего, молодецъ, города, которой земли,
« Которой Сибирской украины,
« Какъ молодца именёмъ зовутъ,
« Какъ молодца по отцѣ чѐвствуютъ?»
Отвѣчаетъ паленица преудалая:
— Отъ моря я отъ Студенаго *),
— Отъ камени я отъ Ла́тыря,
— Отъ той отъ бабы отъ Латы́горки **),
— Именемъ зовутъ меня Сокольничекъ.—
Сходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,
Бралъ его за руку за правую,
Цаловалъ во уста во сахарныя:
« Здравствуй, мое чадо милое!»

За бѣду пало Сокольнику, за великую ***).
Онъ садился на добра коня,
Поѣзжалъ онъ ко своей матушкѣ:
— Гой ты, матушка, Амелѳа Тимоѳеевна!
— Ты скажи мнѣ-ка моего батюшку.—
Отвѣчала Амелѳа Тимоѳеевна:
« Ужь ты дитятко мое рожёное!
« Когда ты ѣхалъ во чисто поле,
« Говорила я тебѣ заповѣдь великую:
« Ты наѣдешь стараго,—старому кланяйся,
« Младаго наѣдешь,—младаго спрашивай.»
За бѣду ему пало, за великую.
Ѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,

*) Море *Студеное—Бѣлое*, и далѣе все сѣверное; у Русскихъ Славянъ ему противоположно *Черное*, иначе *Теплое*.—*О.*

**) Объясненіе Латыря, Латыгорки и т. п. см. въ концѣ выпуска, въ «Замѣткѣ.»—*О.*

***) Т. е. когда онъ догадался о своемъ незаконномъ происхожденіи.—*О.*

Металъ вострымъ копьемъ въ бѣлъ шатеръ,
Прилетѣло копье Ильѣ во бѣлы груди:
У Ильи былъ о́берегъ *) полтора пуда,
Полтора пуда былъ съ четвертью;
Прянулъ Илья изъ бѣла шатра,
Хваталъ Сокольника со добра коня,
Схвативши его онъ, на полы ро́зорвалъ.—

4 **).

(Тамъ же).

Старъ каза́къ Илья Муромецъ,
Ѣздитъ Илья по чисту полю,
Онъ не годъ ѣздитъ, не дру́гой ѣздитъ,
Ѣздитъ Илейко двѣнадцать лѣтъ:
Пался ему въ стрѣту Сильный Иванище:
Не на конѣ ѣздитъ Иванище, ходитъ въ пѣшь.
Остоя́лся ***) Илья передъ Иванищемъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Путь-дорога, Калика перехожая!
« Куда снялся ****), сумка перемётная *****)?»

*) По другимъ пѣснямъ—крестъ.—*Оберегъ*—ладонка, въ значеніи талисмана: Орловск., Тульск., въ ладонкѣ зашитъ сокъ чертополоха съ ладономъ и воскомъ; на сѣверѣ—выползенка змѣиная; на востокѣ, Пермск. и Вятск., зашиты заговоры знахаря на бумагѣ. Сѣверная поговорка: «Оберегъ вная (очень, сильно) бережетъ.»—*О*.

**) Слѣдующія двѣ Былины и одна (въ разнорѣчіяхъ) Побывальщина представляютъ подвиги Ильи на службѣ Владиміру, потому относятся къ IV-му отдѣлу пѣсень, помѣщенныхъ въ 1-мъ выпускѣ; но тамъ не было у насъ пѣсень собственно о борьбѣ съ Идолищемъ и упомянуто объ ней только въ приложенной сказкѣ и «Замѣткѣ.»—*О*

***) Остановился.—*О*.

****) Собрался; замѣчательно, что, судя по отвѣту, вопросъ «куда» имѣетъ вмѣстѣ смыслъ и «откуда.»—*О*.

*****) Обыкновенное знамя, а отсюда и прозвище Калѣкъ Перехожихъ.—*О*.

— Спялся я, Калика, изъ Кіева.—
Говорилъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
«По старому ли въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
«Просятъ ли милостыню спасенную?»
— Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
— Не просятъ милостыни спасенныя:
— Обнасильничалъ Идолище поганое,
— Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
— У княгини держитъ руки въ пазухѣ.—
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Ты отдай мнѣ-ка свое платье цвѣтное,
«Ты отдай свою шляпу земли Греческой,
«Ты отдай мнѣ-ка свою клюшу я́ра дерева *),
«Самъ садись на моего коня добраго.»

Скоро пошелъ Илья въ стольный Кіевъ градъ,
Шагалъ уша́ги **) по полуверсты,
Приходилъ Илья въ стольный Кіевъ градъ.
Приходилъ Илья въ княжо̀й теремъ:
Княженецкія гридни съ боку на бокъ пошати́лися,
Ставники въ окнахъ помитусились ***).
Вхо́дитъ Илья въ княжо̀й теремъ,
Остоялся за дверми дубовыми,
Проситъ у князя милостыню спасенную.
Говоритъ Идолище поганое
Ласкову князю Владиміру:
— Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
— У насъ заповѣдь положена крѣпкая:
— Не просить по Кіеву милостыни спасенныя;
— А теперь милостыня въ терему стоитъ.—
Говорятъ Ильѣ придверники:
«« У насъ Идолище вышины двухъ саженъ,

*) Клюку изъ дерева явора, яворчатую; ср. «яворчатыя гусли;» но здѣсь *яръ*, *яровой* можетъ также значить *жаръ*, *жаровой*, о чемъ см. выше.— *О*.

**) *Ушагъ*—уходъ шага, мѣра его, величина.— *О*.

***) *Митуситься*—бочиться, кривиться.—*Примѣч. записавшаго*. — *Митусить*, сѣверн., глядѣть одинмъ глазомъ; — *ся*, суетиться, шататься, мотаться, рябить, мерещиться, мелькать.— *О*.

«« Ходитъ Идолище по терему—шаговъ ничуть *);
«« А ты идешь, Калика перехожая, неизродная **),
«« А по шагамъ твоимъ теремъ ходенёмъ ходитъ.»»
Приходитъ онъ въ хоромы княженецкія,
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Отколь пришелъ ты, старъ человѣкъ?
— У насъ была кладена заповѣдь великая:
— Не просить милостыни спасенныя.—
« Я не зналъ про вашу заповѣдь великую,
« А пришелъ я со степей Цыцарскіихъ,
« Поклониться пресвѣтлому князю Владиміру.»
Говоритъ Идолище поганое:
— Ты скажи-ко мнѣ, Калика перехожая:
— Походилъ ты вѣкомъ на святой Русѣ,
— Повидалъ ты всякого народа православнаго,—
— Ты скажи, какой есть у васъ Илья Муромецъ?
— Есть мнѣ охота съ нимъ повидиться.—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« На меня гляди, буде хошь узнать Илью Муромца.»
Говоритъ Идолище поганое:
— Ты скажи, Калика перехожая:
— По многу ли Илейко хлѣба ѣстъ,
— По многу ли Илейко къ выти ***) пива пьетъ?—

*) Не слыхать.—*О.*

**) Безобразная, безпорядочная, невѣжливая. — *Изродный* (сынъ, хлѣбъ), въ средней полосѣ Руси значитъ—негодный; на оборотъ, на сѣверѣ,—годный, отличный, видный, статный, красивый. То есть это слово, какъ и *уродъ*, *уродливый*, принимаетъ двоякое значеніе,— выродка въ хорошемъ и въ дурномъ. Такому различію у Русскихъ соотвѣтствуетъ различіе и Славянскихъ нарѣчій, гдѣ на юго-востокѣ *у* въ этомъ случаѣ значитъ недостатокъ, ущербъ, а на западѣ отличіе въ хорошемъ смыслѣ и красоту.—*О.*

***) Здѣсь—количество, сколько кто съѣстъ или выпьетъ за одинъ разъ, въ одно время, для утоленія голода и жажды.—*Выть*, по областямъ Руси: кормъ; потомъ—количество корма (и питья) по дачамъ, отпускамъ; отсюда—тягло, какъ доля, какъ мѣра кормящей земли; дача какъ мѣсячина, кормъ отпускаемый помѣсячно, погодно; отсюда же—жалованье; жалованье въ значеніи помѣстья; въ Московскомъ государствѣ съ этимъ связывалось вотчинное вѣдомство, дѣлопроизводство по этой части (откуда, до послѣдняго времени, *повытчикъ*—дѣлопроизводитель, столоначальникъ, *повытье*—столъ); далѣе—часъ корма (поговорка — « за каждую выть да руки мыть»), у крестьянъ зимой четыре раза,

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Ѣстъ Илейко по калачику,
« Пьетъ Илейко по стаканчику.»
Насмѣялся надъ нимъ Идолище поганое:
— Еще что̀ же онъ за богатырь такой!
— Я къ выти по три печи хлѣба ѣмъ,
— По сороковкѣ къ выти пива пью!—
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
« У моего батюшки было коровище старое,
« Не молодо коровище было,—ста годовъ,
« Вышла та коровища на за̀дворьё,
« Обожралась коровища дробиною *),—
« Тутъ оно, коровище, треснуло:
« И съ тобой то же будетъ, Идолище поганое!»

Хваталъ Идолище булатный ножь,
Металъ онъ ножемъ въ Илью Муромца;
Снималъ Илья шляпу земли Греческой,
Металъ ту шляпу въ Идолища:
Улетѣлъ Идолище сквозь стѣну во чисто поле.

Походилъ Илейко во чисто поле,
Настигалъ Иванища Сильнаго,
Говорилъ ему таковы рѣчи:
« Есть въ тебѣ, Иванище, силы—два меня,
« А нѣтъ въ тебѣ смѣлости—полъ-меня!»

*

лѣтомъ пять; промежутокъ между этими вытями, рабочіе часы, то, что̀ Тверск. и Новгор. называютъ нынѣ *у́поводъ*; наконецъ—побудка на ѣду, аппетитъ («у больнаго выти нѣтъ»). Сродно съ латинск. *vita*, въ значеніе поддержки жизни («reparare sibi vitam;» въ нашемъ древнемъ языкѣ, *жизнь*, *жиръ*, *животъ* въ значеніи корма, лѣтописное—«и тако *ожиша*,» когда послѣ голоду подвозили кормъ).—*О*.

*) Заторъ солода съ мукою, послѣ того какъ слито сусло, гуща послѣ пива, браги или квасу, выжимки, хмѣлины, и т. п.—*О*.

5 *).

(Тамъ же).

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается:
Добрый молодецъ подвигается **),
Добрый молодецъ—Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;
Съ пенечка на пенечекъ онъ поскакиваетъ,
Съ холмочка на холмочекъ онъ поплясываетъ.
На всрѣту идетъ дядя ***) Данило сынъ Игнатьевичь.
Тутъ братаны повстрѣчалися,
Повстрѣчалися братаны, поздоровались.
Возговоритъ Илья Муромецъ:
«Ужь ты здравствуешь, Данило сынъ Игнатьевичь!
«Ты откýль идешь, ты куда пошелъ?»
Отвѣчаетъ Данило сынъ Игнатьевичь:
—Иду я отъ града Русáлима,
—Отъ царя Константина Боголюбова,
—Отъ царицы Елены Александровны.—
Возговоритъ Илья Муромецъ:
«По хорошему ли живетъ Константинъ Боголюбовичь?»
Отвѣчаетъ Данило Игнатьевичь:
—Не здорово живетъ царь Константинъ Боголюбовичь:
—Не стало въ Ерусалимѣ четья-пѣтья церковнаго,
—Не стало звона колокольнаго,
—Разселилось Одолище поганое,
—Поганое Одолище, проклятое.

*) Къ этой Былинѣ приводимъ, какъ разнорѣчіе, «Сказаніе о седми рускихъ богатыряхъ,» напечатанное съ рукописи (XVII вѣка?) въ «Памятникахъ старин-русск. литературы,» вып. 2, 1860 г. Въ основѣ своей это народная былина, но съ разрушеннымъ складомъ и стихомъ, т. е. Побывальщина. Когда же занесли ее въ рукопись, тогда нѣсколько окрасили книжнымъ цвѣтомъ, съ пріемами Московскихъ лѣтописей и языкомъ Московскаго Двора: вышло «Сказаніе.» Удерживаемъ особенности языка, но исправляемъ правописаніе.—*О.*

**) Движется, а вмѣстѣ *подвизается*, совершаетъ подвиги, полюетъ.—*О.*

***) То же, что *дѣдъ*, *старецъ*, калѣка.—*О.*

— Въ долину Одолище пяти сажень,
— Промежду плечми у Одолища коса сажень,
— Головища его какъ пивной котелъ,
— Глаза у него какъ чаши питейныя,
— Носище какъ палка дровокóльная.—
Возговоритъ Илья Муромецъ:
« Ужь ты гой еси, Данило сынъ Игнатьевичь!
« Ты за чѣмъ Одолища на бѣлъ свѣтъ спустилъ *)? »
Отвѣчаетъ Данило сынъ Игнатьевичь:
— Ужь ты гой еси, Илейко сынъ Ивановичь!
— Голова моя стала теперь при старости,
— Нога за ногу запинается,
— Рука за руку заплетается.—
Возговоритъ Илья Муромецъ:
« Разболокай **), Данило, платье каличье,
« Скидай съ ногъ лапотóчки-обтопточки,
« Подавай мнѣ-ка шляпу земле-грецкую ***),
« Земле-грецкую шляпу—сорокъ пять пудовъ.»
Оболокаетъ ****) Илейко платье калúкино,
Обуваетъ лапотки-обтопточки,
Накладаетъ шляпу земле-грецкую,
Походитъ Илья во дороженьку:
Съ горы на гору Илеюшка поскакиваетъ,
Съ шóломя на шóломя поплясываетъ 1).

*) Т. е. оставилъ въ живыхъ.—*О.*

**) Разоблѣкай, скидавай.—*О.*

***) Т. е. земли Греческой.—*О.*

****) Надѣваетъ.—*О.*

1) Приводимъ помянутую Побывальщину. Въ скобахъ тѣмъ же шрифтомъ поставлены нами дополненія, для гадательнаго возстановленія, гдѣ можно, разрушеннаго склада, а шрифтомъ помельче—исправленія и объясненія.

Въ столномъ было градѣ Кіевѣ
У великаго князя Владиміра
Было пированье почестное
На многія князи и бояря (бóяря),
И на сильныя могучія богатыри (богáтыри).
И какъ пошелъ пиръ новоселной (нá веселѣ?),
И зговоритъ (возговоритъ) князь Владиміръ Кіевскій

Приходитъ во городъ въ Ерусалимъ
Ко царю къ Константину Боголюбову,
Къ его палатамъ бѣлокаменнымъ.
Скрычалъ-сзычалъ зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ по каличьему:
«Ужь ты гой еси, царь Константинъ Боголюбовичь,

Своимъ рускимъ богатырямъ (богáтырямъ):
«Князямъ-богатырямъ вѣдомо ли,
«Что отпущаетъ на меня царь,
«[Царь] изъ Царяграда (изъ Царя́града)
«Сорокъ два богатыря (богáтыря),
«А велитъ итти ко мнѣ изгонею (изгонoю, для нападенія въ рас-плохъ),
«[Изгонею] въ Кіевъ градъ?
«А вамъ, богатырямъ, на крѣпко стоять,
«Съ стольнаго града Кіева
«Отъѣзду никакого не учинить (не у́чинить),
«Никуды себѣ изъ моея вотчины.»
И заслышали русскія богатыри таково слово,
И пошли они изъ за стола не докушамши,
Бьютъ челомъ они великому князю,
[Князю] Владиміру Кіевскому,
[Бьютъ челомъ они] семь богатырей (богáтырей),
А первой богатырь славный Илья Муромецъ,
Второй богатырь Дворянинъ Залѣшенинъ,
Третій богатырь младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ),
Четвертый богатырь Глапитъ (Глапитъ?),
Пятый богатырь Суханъ Домантьевичь,
Шестой богатырь Дворянинъ Бѣлая Палица,
Седмой богатырь Добрыня Микитичь [младъ];
Что зговорятъ богатыри таково слово:
««Государь ты, великой князь,
««[Князь] Владиміръ Кіевской!
««Не извадились (не повадились, не навыкли) мы, государь, дома сидѣть,
««Извадились мы, государь, сами ѣздить,
««[Сами ѣздить] по полю по чистому,

« Ужь ты гой еси, царица Елена Александровна!
« Подайте милостыню спасенную,
« Ради Христа, Царя небеснаго,
« Ради Матери Божьей, Богородицы!»
Отъ того отъ каличьяго голоса
Небо съ землею потрясалися,
Бѣлокаменны палаты пошаталися,
Во палатахъ столы сколыбалися,

«« Побивать люди многія.
«« Отпусти насъ, государь, во поле чистое:
«« Мы тебѣ принесемъ вѣсть правую
«« И языки приведемъ многія.»»
И зговоритъ великій князь,
[Князь] Владиміръ Кіевскій:
« Не пригоже вамъ мене покинуть
« Въ стольномъ градѣ Кіевѣ:
« И я тѣхъ людей жду къ себѣ
«[Жду къ себѣ] съ часу (съ часу) на часъ.»
И въ тѣ поры рускіе богатыри закручинились,
Ударили челомъ князю и прочь пошли.

Идутъ же богатыри къ своимъ добрымъ (добрымъ) конямъ,
И кладутъ на себя доспѣхи крѣпкія,
Садятся богатыри на свои добрые кони (кони добрые),
Ѣдутъ же богатыри въ поле чистое,
Прямыхъ (правыхъ, истинныхъ) вѣстей провѣдывать.
И зговорятъ ѣдучи промежь себя,
[Промежь себя] таково слово:
«« Лучче намъ тое срамоты великія,
«« Какъ случится намъ въ чистомъ полѣ смерть недобрая,
«« Пойдемъ мы прямо къ Царюгороду
(Чѣмъ повстрѣчать въ чистомъ полѣ смерть недобрую, лучше той срамоты—пойдемъ прямо къ Царюгороду)!»»
И какъ будутъ богатыри (богатыри)
Отъ Царяграда (Царяграда) за двѣнадцать верстъ,
Переѣждаютъ богатыри Смугру рѣку:
Ажно (анъ вотъ) ѣдутъ встрѣчи (въ стрѣчу) двѣнадцать человѣкъ,
Все Каличи Перехожія.

На столахъ питья-кушанья поплескалися,
За столомъ князи-бояра всѣ припа́дали,
Поганое Одолище пріужа́хнулось.
Возговоритъ Одолище поганое:
— Ужь ты гой еси, царь Константинъ сынъ Боголюбовичь!

И пріѣхалъ къ нимъ молодъ Алеша Поповичь (**Алеша Поповичь младъ**),
И самъ говоритъ имъ таково слово:
«Братцы вы, Каличи Перехожія!
«Давайте вы намъ съ себя платье калическое,
«А у насъ берите платье скорлятное (**скарлать, шарлахъ**),
«[Того ли] скорляту бѣлаго!»
И зговорятъ Каличи таково слово:
«« Ой еси, младъ Алеша Поповичь (**Алеша Поповичь младъ**) !
«« Не дадимъ тебѣ мы
«« Своего платья калическаго!»»
А у Каликъ атаманъ,
И зовутъ его Никитою,
А родомъ Карачевецъ (**Кара́чевецъ**).
И пріѣждаетъ къ нимъ другой богатырь,
[Богатырь] Илья Муромецъ,
А самъ говоритъ таково слово:
«За то намъ браниться не за што;
«Возмите вы у насъ платье свѣтлое,
«А намъ давайте платье калическое.»
И зговорятъ Каличи таково слово:
«« Съ тобою говорить, Илья, нечего,
««[Говорить нечего] и спору нѣтъ!»»
Даютъ же Каличи свое платье съ себя,
Калическое [платье] рускимъ богатырямъ (**бога́тырямъ**),
А богатыри даютъ съ себя
Свое платье свѣтлое.
И спрашиваетъ ихъ Илья Муромецъ,
[Спрашиваетъ] Перехожихъ Каликъ:
«По что, Никита, ходилъ во Царьградъ?»
Никита ему сказалъ таково слово:
— Ходили мы провѣдывать прямыхъ вѣстей:

— Эки у васъ на Руси калики голосастые!
— Скрычи-ко *) калику въ нову горницу.—
Отпиралъ Константинъ царь окошечко косисчето:
«« Ужь ты гой еси, Калика перехожая,

— Есть ли отпускъ изъ Царяграда
— Богатырямъ ко граду Кіеву?
(Снаряжаютъ ли оттуда богатырей на Кіевъ?)
— И тѣ вѣсти намъ прямо неизмѣнныя:
— Ѣздятъ богатыри во Царѣгородѣ,
— А хвалятся при царѣ [богатыри],
— Что хотятъ ѣхать къ Кіеву,
— И въ Кіевѣ учинить сѣча великая,
— А князя Владиміра и его княгиню (со княгинею?)
— И съ его богатыри въ полонъ взять.—
И заслышили русскіе богатыри таково слово,
И зговоритъ сильный богатырь Илья Муромецъ,
[Зговоритъ] своимъ товарищамъ:
« Слышите ли, братцы, таково слово?
« За совѣтъ слуги и головы складываютъ.»
(Чтó порѣшили, за то слуги и головы сложать, то и выполнятъ богатыри Цареградскіе.)
И оставляютъ тотъ (тутъ) богатыри
[Коней] своихъ у Смугры рѣки
И всѣ свои наряды богатырскія,
Емлютъ же по одной по булатной палицѣ,
И тѣ несутъ подъ полами,
И пошли прямо къ Царюграду.
Идучи говорятъ таково слово:
«« Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ
«« Языкомъ татарскимъ (татарскіимъ)?»»
И зговоритъ Дворянинъ Залѣшенинъ:
— Всѣхъ у насъ лучче говоритъ
— Младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ);
— Каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
— И всѣхъ насъ лучче бранится (брáнится ; говоритъ чужимъ, непонятнымъ, телячьимъ языкомъ, который всегда словно брань и ругательство).—

*) Позови, кликни.— *О*.

«« Перехожая калика, сумка переметная!
«« Ты поди-ко ко мнѣ въ нову горницу,
«« Я въ тѣ-поръ подамъ милостыню спасенную.»»
Походилъ Илейко на лѣстницу:
Отъ ходы *) его лѣстницы заскрыпѣли,
По мостамъ **) онъ идетъ,—мосты погнулися.
Заходилъ онъ въ палату бѣлокаменну,
Онъ крёстъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны покланяется:
« Ужь ты здравствуешь, царь со царицею!
« Ужь вы здравствуйте, князи-бояра!»
Онъ поганому Одолищу челомъ не бьетъ,
Онъ челомъ не бьетъ, не покланяется.
Это Одолищу за бѣду пало.
Возговоритъ Одолище поганое:
—Ужь ты здравствуешь, Калика перехожая,
— Перехожая калика, сумка переметная!
— Какой на Руси есть Илья Муромецъ,
— Сильный-могучій богатырь?
— Много ли онъ вытью хлѣба съѣстъ,
— Много ли онъ вина духомъ ***) пьетъ,
— Высокъ ли онъ ростомъ-возрастомъ?—
Отвѣчаетъ Калика перехожая:
« Знаю Илью я, ровно какъ себя:
« Вытью хлѣба ѣстъ онъ по три прóсвиры,
« Вина духомъ пьетъ по одной чарочкѣ,
« Ростомъ-возрастомъ онъ ровёнъ со мной.»
Говоритъ Одолище поганое:
— Еще что же онъ за богатырь пришелъ?
— А какъ я ли, Одолище поганое,
— Вытью хлѣба ѣмъ по три пуда въ выть,
— Вина духомъ пью по ведру на разъ.—
Возговоритъ Калика перехожая:

*) Отъ ходьбы.—*О*.
**) По мостамъ,—настланнымъ переходамъ, наружнымъ сѣнямъ (*сѣни* собственно внутреннія).—*О*.
***) Однимъ духомъ, за одинъ разъ.—

« Встарь было у князя у Владиміра,
« Было коровище обжористо;
« Не могло коровище наѣдатися,
« Не могло коровище напиватися;
« Вышло коровище во чисто поле,
« Напало коровище на дробинище *),
« Еще тутъ коровищу разо́рвало,
« Еще тутъ коровищу растреснуло,
« Еще тутъ коровище окопы́лилось **).
« И тебя, поганаго, разорветъ!»
Это Одолищу за бѣду пало,
За бѣду пало за великую;
Говорилъ Одолище поганое:
— Кабы былъ здѣсь Илья Муромецъ,
— На доло́нь бы посадилъ, да другой прижалъ,
— Межь доло́нями мокрò бы повыжалось [2]).—

*) См. выше.— *О.*

**) Издохло, околѣло.—*Копылъ*—шестъ стоячій (наприм. въ саняхъ, связь полозьевъ съ грядками), какъ *роженъ*—лежачій. Обратилось въ торчекъ: ср. *околѣть*—отъ *колъ*, малорусск. *одубѣлъ*—отъ *дубъ*.—*О.*

2) И какъ пришли богатыри въ Царьградъ (въ Царьградъ бога́тыри),
И въ тѣ поры идетъ у царя столъ новосельной,
А въ столѣ подаютъ третюю яству;
И учали Калики просить у царя
[Просить] на новоселье милостыни
(Сдѣлавши изъ «на́ веселѣ» новоселье, не осмыслилъ ли этого по своему писецъ рукописи?),
Стояли противъ окна царскаго,
И воскричатъ громкимъ голосомъ;
И услышалъ тутъ царь Констянтинъ,
[Услышалъ] самъ Каликъ прошенія
Изъ своея палаты царскія,
И зговоритъ царь Констянтинъ
Своему богатырю Тугарину Зміевичу:
«« Вели позвать Каликъ въ палату ко мнѣ,
« И услышу по рѣчамъ о Кіевскихъ вѣстяхъ:
« Либо что они вѣдаютъ (не знаютъ ли они чего либо)?»
И позвали въ палату Каликъ тѣхъ ко царю,
И царь учалъ ихъ спрашивать:

³) Бралъ Одолище булатный ножъ,
Киналъ *) въ Калику перехожаго.

«Скажите намъ, Калычи Перехожіе,
«Изъ котораго града ходите?»
И зговоритъ туто стоячи Илья Муромецъ:
— Ходимъ мы, государь, изъ Кіева града (изъ града Кіева),
— Отъ князя Владиміра Кіевскаго.—
А противъ царя сидитъ его богатырь (богатырь его),
[Богатырь его] Идолище жидовское;
И зговоритъ богатырь Идолище
Великому царю Констянтину:
«« Государь ты, сильной царь!
«« Спроси ихъ о Кіевскихъ богатыряхъ (богатыряхъ):
«« Сколько ихъ нынѣ у великаго князя,
««[У великаго князя] Владиміра Кіевскаго?»»
И зговоритъ туто стоячи Илья Муромецъ:
— Въ Кіевѣ, государь, тридцать два богатыря;
— Да удалы (удалъ?) добрѣ необычно есть
— Славенъ богатырь Илья Муромецъ.—
И зговоритъ царь Константинъ:
«Каковъ онъ рожею и ростомъ (ростомъ и рожею)?
«Посмотри по нашимъ богатырямъ (сравни съ ними, на кого похожъ).»
И зговоритъ стоячи Илья Муромецъ:
— Ростомъ только съ меня
— И рожею походитъ на меня.—
И зговоритъ тутъ сидючи Идолище,
Великое насмѣхаючись:
«« Аще ли правда (книжное),
«« Что онъ таковъ Илья Муромецъ,
«« И я его посажу на лодонь,
«« И другою раздавлю!»»

3) Отселѣ въ нашей Былинѣ слѣдуетъ убіеніе Идолища, такое, какое совершилъ въ Кіевѣ Илья Муромецъ; но Побывальщина раздѣляетъ два поприща дѣйствій, одно въ Царѣградѣ, другое въ Кіевѣ, и описываетъ между обоими совершенно особыя отношенія:

И зговоритъ Идолъ-богатырь
Царю Констянтину [Боголюбовичу]:

*) Кидалъ.—О.

Разсержалось у Илейка сердце богатырское,
Расходились плечи могучія:
Захватилъ онъ шляпу земле-грецкую,

«« Не мѣшкай, государь царь Констянтинъ, службы богатырскія
(Государь царь, Констянтинъ Боголюбовичь,
Не мѣшкай службы богатырскія),—
«« Отпусти насъ скоро къ Кіеву граду (ко граду Кіеву);
«« Вольнаго слова не будетъ солганаго
(То же, какъ и выше: что порѣшили мы, на что добровольно вызвались, того не солжемъ, а выполнимъ):
«« Мы какъ будемъ въ Кіевѣ,
«« И привеземъ мы къ тебѣ великаго князя,
««[Великаго князя] Владиміра Кіевскаго,
«« И съ княгинею его, и съ его богатырями,
«« И въ Кіевѣ учинимъ сѣчь великую.»»
И не стерпѣлъ такова слова слышать (слышать такова слова)
Младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ),
И зговоритъ таково слово Идолищу:
— Какъ ты пріѣдешь къ Кіеву,
— Такова тебѣ слова не говорити,
— И не узнаешь отъ Кіева дороги,
— И не путемъ прочь поѣдешь,
— И еще тебѣ живу не отъѣждевать,
—[Не отъѣждевать] прочь отъ Кіева!—
Идолище же на него осержается.
И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:
— Твоего, государь, царскаго меда
— Упился Калика (Алеша) и говоритъ нитунисъ (ни то, ни се, вздоръ).—
И зговорятъ Алешѣ товарищи потихонку:
«« Уйми свое сердце богатырское,
«« Потерпи малешенько:
«« Нельзя намъ съ тобою
«« Такова слова молвити.»»
И спрашиваетъ ихъ царь Констянтинъ:
« Видали ли вы въ Кіевѣ
« Лошадей богатырскихъ (богатырскіихъ)?»

Земле-грецкую шляпу—сорокъ пять пудовъ,
Металъ шляпой въ Одолища поганаго,
Попадалъ ему въ буйну голову,—

И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:
— По вся дни видаемъ мы
— Лошадей Кіевскихъ богатырей (богáтырей).—
И зговоритъ богатырь Идолище великое:
«« Государь ты, вольной (конечно « сильной ») царь!
«« Вели показать наши лошади богатырскія.»»
И скоро ведутъ лошади богатырскія:
Идолища богатыря лошадь
Ведутъ двадцать человѣкъ,
На двухъ цѣпяхъ золотыхъ;
Ведутъ же лошадь богатыря
Тугарина Змѣевича десять человѣкъ
(Лошадь богатыря Т. Зм.
Ведутъ десять человѣкъ);
И Калики лошадей видѣли.
И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:
— Сверху, государь, мы не умѣемъ смотрѣть:
— Вели, государь, намъ на земли посмотрѣть.—
Идутъ же Калики отъ царя изъ палаты,
Изъ сѣней они лошадей смотрѣли,
И говорятъ промежъ себя идучи:
«« Теперь и намъ, товарищи, пора пришла:
«« Готовьте вы свои булатныя палицы!»»
И скоро кинулись Калики,
И отняли по добру коню;
И полетѣли тутъ головы
Богатырскія и татарскія;
И сѣли на добрые кони,
И поѣхали изъ града вонъ.
Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичь (А. П. младъ),
А самъ говоритъ царю таково слово:
— Потому есть поѣхали изъ града вонъ,
— Что оставили мы своихъ коней
—[Коней] богатырскихъ у Смугры рѣки,

Полетѣла голова ровно пугвица,
Вышибала въ горницѣ три па́клинка *).

— А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри
—[Хотимъ] перевѣдаться.—
И ударя челомъ царю, и поѣхалъ прочь,
[Поѣхалъ] до своихъ товарищовъ
И къ своимъ добрымъ конемъ.

И учали богатыри рускіе наряжаться (изъ каликъ передѣваться богатырями),
И класть на себя доспѣхи крѣпкія,
И емлютъ свою сбрую ратную:
Ажно скачютъ богатыри
Отъ Царяграда погонею великою.
И зговоритъ младъ Алеша Поповичь
Своимъ товарищемъ
(И зговоритъ своимъ товарищемъ
Алеша Поповичь младъ):
— Постойте, братцы, малешенько,
— Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться,
—[Перевѣдаться] и поперетися!—
А Илья Муромецъ встрѣчаетъ ихъ
Отъ своего стана во полуверстѣ,
И всѣ богатыри за нимъ же.
И скоро (какъ скоро) богатыри съѣхались,
И ударились копьями, вострыми концами,
И пробили на себѣ всѣ доспѣхи крѣпкія,
[Пробили] копьями вострыми,
И подъ присадки **) поламались.
И зговоритъ Илья Муромецъ:
«Ужели сбили богатырей съ добрыхъ коней?»
И побили туто всѣ (всѣхъ) богатырей,
[Всѣхъ богатырей] сорокъ человѣкъ,
А двухъ человѣкъ живьемъ взяли,
Идола Скоропита (Скорпіона; ср. «змѣйка-скоропейка») а (и) Тугарина Зміевича,

*) Короткіе обрубки брсвенъ, изъ которыхъ простѣнокъ между окнами. — О.
**) *Присадка* — древко: по древко изламались ихъ копья. — *О.*

Возговоритъ Калика перехожая,
Перехожая калика Илья Муромецъ:

И поѣхали ко Царю-граду,
Ко царю Констянтину (Боголюбову) .

И зговоритъ Илья Муромецъ:
« Вѣдомо ли тебѣ, царю:
« Мы твоихъ богатырей побили,
« А двухъ живыхъ взяли?
« А тебя мы, царь, ничѣмъ не двигнемъ,
«[Ничѣмъ не двигнемъ] ни чернымъ волосомъ,
« Потому что мы поѣхали изъ Кіева
« Безъ государева вѣдома,
« На похвалу твоихъ богатырей
(Изъ того, что богатыри твои расхвастались).
« И мы тебѣ не отдадимъ твоего богатыря,
«[Твоего богатыря] Тугарина Зміевича;
« Отдадимъ тебѣ твоего богатыря,
«[Твоего богатыря] Идола Скоропита:
« А съ собой емлемъ въ Кіевъ градъ
« Ко князю Владиміру на показъ
« Тугарина Зміевича богатыря удалаго
(На показъ ко князю Владиміру
Богатыря удáлаго Тугарина Зміевича).»
Не бѣлая лебедь воскликала,
Восплачится Тугаринова мать,
Бьетъ челомъ рускимъ богатырямъ
И благовѣрной царицѣ Еленѣ:
« Благовѣрная царица Елена
(Царица Елена благовѣрная)!
« Упроси ты у рускихъ богатырей!»
И зговоритъ благовѣрная царица Елена:
— Ой еси ты, Илья Муромецъ съ товарищи!
— Отпустите вы Тугарина Зміевича,
— Утрите вы слезы кровавыя,
— Не нанесите на себя клятвы вѣчныя.—
И зговорятъ рускіе богатыри таково слово:
«« Государыня, благовѣрная царица Елена!

« Ужь ты царь Константинъ, сынъ Боголюбовичь!
135. « Увози Одолища поганаго въ чисто поле,

«« Не двигнемъ мы Тугарина,
«« [Не двигнемъ] ни чернымъ волосомъ.
«« Для твоего государынина попрошенья (попрошенія);
«« А Тугаринъ будетъ въ Кіевѣ градѣ
(А будетъ Тугаринъ въ градѣ Кіевѣ),
«« У князя Владиміра Кіевскаго,
«« И потомъ будетъ въ Царѣградѣ
«« У тебя, государыня:
«« А теперьво (древнее « то-перво ») оставить во Царѣградѣ
нельзя (книжное),
«« Потому что намъ государю
«« Великому князю Владиміру
«« Ударить челомъ нечѣмъ
(Нечѣмъ челомь ударити).»»
И руские богатыри ударили челомъ (челомъ ударили)
Царю Констянтину (Боголюбову),
И поѣхали прочь къ Кіеву граду (ко граду Кіеву).

И ведутъ богатыря Тугарина Зміевича,
И ѣдутъ богатыри по полю по чистому.
И какъ будутъ богатыри
Близь града Кіева,
Выбираютъ себѣ богатыря Залѣшанина,
И посылаетъ (посылаютъ) его ко граду Кіеву,
Ко князю Владиміру Кіевскому со здоровьемъ (книжное: спросить о здоровьѣ).

И пріѣхалъ Дворянинъ Залѣшанинъ,
[Пріѣхалъ] въ Кіевъ градъ,
Ко князю Владиміру Кіевскому,
И говоритъ таково слово:
« Многолѣтное здравіе (книжное) государю,
« Великому князю Владиміру Кіевскому
(Государю Кіевскому,
Великому князю Владиміру)!
« Вели, государь, намъ, холопамъ твоимъ (позднѣйшее),
« Свои очи видѣти!

« Сѣрымъ волкамъ на съѣденьице,
« Чернымъ воронамъ на пограяпье *)!»
Возговоритъ царь Константинъ сынъ Боголюбовичъ:

« Были мы, государь, безъ твоего государева вѣдома, во Царѣградѣ
(Были мы, государь, во Царѣградѣ,
Безъ твоего, государь, вѣдома),
« Для твоихъ государевыхъ недруговъ;
« И убили въ Царѣградѣ сорокъ богатырей,
« А двухъ живыхъ взяли,
« Идола Скоропита да Тугарина Зміевича:
« Одного отдали царю Констянтину
(Одного царю Констянтину отдали),
« А другого съ собой взяли,
« Тугарина Зміевича, удалого богатыря.
« А къ тебѣ, государь, пріѣхалъ (я)
« Дворянинъ Залѣшанинъ,
« Въ великому князю Владиміру,
« Просить отъ своихъ товарищевъ здоровье.»
И государь ихъ пожаловалъ,
Велѣлъ имъ пріѣхать къ себѣ.
И пріѣхали богатыри въ Кіевъ градъ
Къ великому князю Владиміру,
И привели языка добраго (съ вѣстями),
Удалаго богатыря Тугарина Зміевича.
И государь ихъ пожаловалъ
За ту службу вѣрную,
Давалъ имъ шубы соболиныя
И цѣпи златыя великія,
Да имъ же говоритъ таково слово:
— И впредъ я васъ буду жаловать
— За вашу службу вѣрную.—
Спрашиваетъ великій князь Владиміръ Кіевскій Тугарина Зміевича о вѣстяхъ
(Спрашиваетъ о вѣстяхъ Тугарина Зміевича
Великій князь Вл. Кіевскій):

*) Воронів крикъ: они *граютъ*, собираясь на падаль.— *О.*

«« Ужь ты батюшка, Илья Муромецъ!
«« Ты бери казны, сколько надобно!»»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Что у васъ вѣсти въ Царѣградѣ? —
И зговоритъ Тугаринъ Зміевичь,
[Зговоритъ] таково слово:
«« Что ты меня, государь,
«« О вѣстяхъ спрашиваешь?
«« Всѣ вѣсти у тебя, государь:
«« Нѣтъ, государь, тебя грознѣе
«« Во всѣхъ царствахъ,
«« А богатырей нѣтъ твоихъ удалѣя
«« Во всѣхъ земляхъ!»»
Бьетъ челомъ Илья Муромецъ съ товарищи:
« Смилуйся, государь, великій князь Кіевскій,—
« Отпусти, государь, Тугарина Зміевича:
« Дали есть (есмь, есмы) слово
« Благовѣрной царицѣ Еленѣ
(Царицѣ Еленѣ благовѣрныя),
« Что намъ у тебя, государя,
« Упросить Тугарина Зміевича.»
И зговоритъ князь Владиміръ Кіевскій
Своимъ богатырямъ
(И зговоритъ своимъ богатырямъ
Владиміръ князь Кіевскій):
— Были вы во Царѣградѣ,
— И всѣхъ богатырей въ полѣ побивали
(И побивали въ полѣ всѣхъ богатырей;
Не докончено: « а понѣ... »).—
Отпущаетъ же Тугарина Зміевича
Съ добрымъ конемъ и съ своею сбруею ратною,
И провожаетъ его до Царяграда,
Да рубежа (Цареградскаго).
И отпустили его во Царьградъ,
И зговорятъ ему богатыри таково слово:
«« Скажи ты, Тугаринъ Зміевичь, государынѣ,
«« Благовѣрной царицѣ Еленѣ
(Царицѣ Еленѣ благовѣрныя):

« Что̀ мнѣ надобно, каликѣ перехожему?
« На приходѣ ты гостя не учѣствовалъ:
« На походѣ-то гостя не учѣствовать!»

6 *).

(Тамъ же).

Изъ за моря, моря Синяго,
Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичь,
Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
Собралъ собака силы трехъ годовъ,
Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
Сорокъ королей, королевичей.
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Сопущалъ собака якори булатные,
Выпущалъ шеймы **) шелковыя,

«« Еще есмы въ правдѣ устояли,
«« И царское все исполнили,—
«« Государю служба служена
«« И честь получена.»»
И поѣхали богатыри назадъ въ Кіевъ градъ
Ко князю Владиміру Кіевскому,

И стали славно жить въ градѣ Кіевѣ,
И ихъ храбрости слава не минуется.

*) Былина эта по содержанію относится къ тѣмъ, которыя помѣщены въ V-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска.—*О*

**) Канаты.—*О.*

Выметывалъ схóденки дубовыя,
Выхóдилъ на крутъ-красёнъ бережокъ,
Раздернулъ бѣлъ-полóтняный шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Скрычалъ зычнымъ голосомъ, богáтырскимъ,
Созывалъ своихъ мурзовъ-бурзóвъ, Татаровей:
« Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?
« Кто бы съѣздилъ ко тому городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый?»
Поголовно молчатъ бурзы-мурзы, Татаровя.
Закрычалъ онъ по второй накóнъ *):
« Ой вы гой еси, мурзы-бурзы, Татаровя!
« Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?
« Кто бы съѣздилъ ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый?»
Тутъ выскочилъ бурза-мурза, Татаровичь:
Старъ-горбатъ, на передъ покляпъ,
Синь кафтанъ, голубой карманъ;
Говорилъ самъ таково слово:
— Ужь ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичь!
— Умѣю я говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ,
— Отвезу ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый.—
« Поѣзжай ты, бурза-мурза, Татаровичь,
« Поѣзжай не путемъ не дорóгою,
« Черезъ лѣса дремучіе,
« Черезъ лузя дыбучіе **),

*) Разъ.— *О.*

**) *Лугъ*—въ старинномъ славянскомъ значеніи поросли, рощи; лѣса *дыбучіе* —одного корня, что и *дубовые*, а *дубъ*—древнѣйшее названіе для всякого дерева, въ значеніи—растущаго къ верху, дыбомъ, на дыбъ.— *О*

« Поѣзжай ты ко Кіеву,
« Перескочи черезъ стѣну городовую,
« Черезъ ту башню наугольную,
« Брось своего коня середь двора,
« Не привязана, не приказана,
« Иди во гридни княженецкія.
« Двери грудью на пяту бери,
« Положь ярлыкъ на дубовъ столъ,
« Оборотясь, приступи *) крѣпко, вонъ поди,
« Приступи, чтобъ спѣли **) свѣтлыя оконницы!»

Видѣли, какъ молодецъ коня сѣдлалъ,
Двѣнадцать подпругъ со подпругою натягалъ,
Не для басоты ***) молодецкія, а для крѣпости богатырскія:
Никто ни видѣлъ поѣздочки богатырскія;
Конь горы и долы промежь ноги бралъ,
А маленькія рѣчки хвостомъ устилалъ.
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Перескочилъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ тѣ башни наугольныя,
.
Положилъ ярлыкъ на дубовъ столъ,
Оборотясь, приступилъ толь крѣпко, самъ вонъ пошелъ.

Тутъ Владиміръ стольный Кіевскій
Со своей женой Апраксіей
Крычатъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
« Ужь вы гой есте, Добрыня Никитичь и Алеша Поповичь младъ!
« Вы примайте ярлыки, распечатывайте,
« Поскорѣе того прочитывайте,
« Не утайте вы слова єдного!»
Говорили Добрыня Никитичь съ Алешей Поповичемъ:

*) Вѣроятно *преступи*, переступи черезъ порогъ.—*О.*
**) Дрогнули, загудѣли, зазвенѣли.—*О.*
***) Красоты.—*О.*

«« Ярлыкъ, князь батюшко, не радостный:
«« Изъ за моря, моря Синяго,
«« Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
«« Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
«« Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
«« Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
«« Собралъ собака силы трехъ годовъ,
«« Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
«« За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
«« За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
«« Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
«« Сорокъ королей, королевичей.
«« Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
«« Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ - могучихъ богатырей:
«« Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
«« Другого богáтыря Добрыню Никитича,
«« Третьяго богáтыря Алешу Поповича.
«« Похваляется:—Дашь-не дашь, за боёмъ возьму,
««— Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
««— Князя со княгинею въ полонъ возьму,
««— Божьи церкви на дымъ спущу,
««— Чудны иконы по плáвь рѣки,
««— Добрыхъ мóлодцевъ полоню станицами,
««— Красныхъ дѣвушекъ плѣнúцами *),
««— Добрыхъ коней табýнами.—»»

Надѣвалъ Владимiръ платье цѣнное **),
Цѣнное платье, печальное,
Походилъ ко Божьей церкви, Богу молитися;
Въ срѣту идетъ нищая Калика перехожая:
— Ужь ты здравствуй, Владимiръ, стольный Кіевскій!
— Ты за чѣмъ надѣлъ черное платье, печальное?

*) *Плѣницы*—узы; плѣнныхъ, становившихся рабами, забивали кучами вмѣстѣ въ колодку, такъ и водили; подобную кучу плѣнныхъ рабовъ, забитыхъ въ одну колодку или цѣпь, южные Славяне называютъ доселѣ *синджиръ*, съ турецкаго, а Турки взяли съ греческаго *σίδηρος*, желѣзо, цѣпь, узы, плѣницы.—*О.*

**) Церное, черное?—*О.*

— Чтó у васъ во Кіевѣ учинилося?—
« Молчи, нищая Калика перехожая,
« Не хорошо у насъ во Кіевѣ учинилося:
« Изъ за моря, моря Синяго,
« Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
« Подымался Батый царь, сынъ Батыевичь,
« Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
« Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
« Собралъ собака силы трехъ годовъ,
« Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
« За сыномъ было сорокъ тысячей,
« За зятемъ быдо силы сорокъ тысячей;
« Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
« Сорокъ королей, королевичей.
« Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
« Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
« Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
« Другого богáтыря Добрыню Никитича,
« Третьяго богáтыря Алешу Поповича.
« Похваляется:—Дашь-не дашь, за боёмъ возьму,
«— Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
«— Князя со княгинею въ полонъ возьму,
«— Божьи церкви на дымъ спущу,
«— Чудны иконы по пла́вь рѣки,
«— Добрыхъ мóлодцевъ полоню станицами,
«— Красныхъ дѣвушекъ плѣнúцами,
«— Добрыхъ коней табýнами.—»
— Не зови меня нищей Каликой перехожею,
— Назови меня старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ.—
Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
« Ужь ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!
« Постарайся за вѣру христіянскую,
« Не для меня, князя Владиміра,
« Не для-ради княгини Апрáксіи,
« Не для церквей и монáстырей,
« А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:

— Ужь давно намъ отъ Кіева отказано.
— Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ.—
« Не для меня ради, князя Владиміра,
« Не для-ради княгини Апра́ксіи,
« А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
Проводилъ Владиміръ Илейка во гридни княженецкія,
Посылалъ его ко царю Батыю, сыну Батыевичу.
Бралъ Илейко съ собою Алешу Поповича и Добрынюшку,
Брали они много злата-серебра,
Поѣзжали ко Батыю съ подарками.

Увидали ихъ бурзы-мурзы, Татаровя,
Говорили сами таковы рѣчи:
«« Ѣдетъ Владиміръ стольный Кіевскій,
«« Везетъ намъ Илейку во подарочки!»»
Подъѣзжаетъ Владиміръ стольный Кіевскій
Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ
Ко Батыю царю сыну Батыевичу.
Подаютъ ему они подарочки,
Сами просятъ сроку на три года,
На три года, на три мѣсяца.
Даетъ Батый сроку только на три дня.
Наливаетъ чару зелена вина,
Не велику чару—въ полтора ведра,
Подавалъ чару князю Владиміру:
Принималъ Владиміръ чашу въ о́бѣ-ручь,
Прикушалъ изъ чаши съ пивно́й стаканъ;
Подаетъ чару Ильѣ Муромцу:
Принимаетъ онъ чару едино́й рукой,
Выпиваетъ онъ чару на единой духъ;
Расходилися плечи могучія,
Раскипѣлося сердце богатырское:
« Ты прощай, Батый царь, Батыевичь!»

Отправлялися въ путь дороженьку,
Къ своему ко граду стольну Кіеву.
Говорилъ казакъ Илейко Муромецъ:
« Запирай, князь, ворота крѣпко на́-крѣпко,

« Засыпай ихъ желтымъ пескомъ, сѣрымъ камешкомъ;
« Я поѣду, добрый молодецъ, на Почай-рѣку.
« Я поѣду созывать сильныхъ богáтырей. »
Пріѣзжалъ онъ на Почай-рѣку,
На Почай-рѣкѣ богатырей не наѣхалъ;
Поѣзжалъ Илейко на Дунай-рѣку.
Тутъ богатыри сидятъ во бѣломъ шатрѣ:
« Поѣдемте, братцы, отстаивать Кіевъ градъ,
« Не для-ради князя Владиміра,
« Не для-ради княгини Апрáксіи,
« А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей! »
Добры молодцы собиралися,
Садилися по своимъ добрымъ конямъ,
Поѣзжали братаны за Дунай-рѣку.
Подъѣзжаютъ братаны ко Дунай-рѣкѣ:
Первый скочилъ племянникъ Самсонъ Колывановичъ, —
Скочивши погрязъ посередь рѣки;
Разскочился дядюшка *) Самсона Колывановича, —
Вытянулъ племянника и съ лошадью;
Всѣ богатыри переѣхали.
Подъѣзжали ко граду стольну Кіеву,
Метали жеребей промежь себя:
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,
Кого поставить въ середку силы, въ мáтицу;
Доставалася Самсону рука правая,
Никитѣ **) съ Алешей рука лѣвая,
Илейкѣ доставалась середка силы, мáтица.

Бьются-рубятся двѣнадцать дней,
Не пиваючи не ѣдаючи,
Добрымъ конямъ вздоха не даваючи;
Поѣхали добры молодцы опочúвъ держать;
Не поѣхалъ Илейко опочивъ держать.
Проговорилъ его добрый конь по человѣчьему:

*) Илья Муромецъ? — *О.*
**) Залѣшанину. — *О.*

— Ужь ты старъ казакъ, Илья Муромецъ!
— Есть у Татаръ въ полѣ накопаны рвы глубокія,
— Попатыканы въ нихъ копья мурзамецкія,
— Копья мурзамецкія, сабли вострыя:
— Изъ перваго подкопа я вылечу,
— Изъ другого подкопа я выскочу,
— А въ третьемъ останемся ты и я!—
Билъ Илья коня по крутымъ ребрамъ:
« Ахъ ты волчья сыть *), травяной мѣшокъ!
« Ты не хочешь служить за вѣру христіянскую!»
Пала лошадь во третей подкопъ,
Остался Илейко во подкопѣ.
Набѣжали злыя Татаровья,
Оковали Илеюшку желѣзами,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ:
— Ужь ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
— Послужи мнѣ-ка также, какъ Владиміру,
— Вѣрою неизмѣнною ровно три года!—
Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
« Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
« Нѣтъ у меня копья мурзамецкаго,
« Нѣтъ у меня палицы боёвыя:
« Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскія!»
Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичъ:
— Ой вы, слуги мои вѣрныя!
— Вы ведите Илейку на широкій лугъ,
— Вы стрѣляйте его стрѣлами калеными!—
То Илеюшкѣ не поглянулося,
Говорилъ онъ таково слово:
« Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!
« Ты такъ казни, какъ на Руси казнять богатырей:
« У насъ выведутъ на поле на Куликово,
« Положатъ голову на плашку на липову,
« По плечь отсѣкутъ буйну голову;

*) См. вып. 1-й, стр. 42.—*О.*

« Не толь старику будетъ смерть страшна!»
То Батыю слово показалося:
— Выводите его на поле Куликово,
— Положите голову на плаху на липову,
— По плечь срубите буйну голову!—
Возмолится старъ казакъ Илья Муромецъ
Тому угоднику Божьему Николаю:
« Погибаю я за вѣру христіянскую!»
У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвалъ онъ оковы желѣзныя,
Хваталъ онъ поганаго Татарина,
Который покрѣпче, который на жилѣ не рвется,
Взялъ Татариномъ помахивать:
Въ которую сторону махнетъ,—улица.
Подбѣгаетъ къ Илеюшкѣ добрый конь,
Садился онъ на добра коня,
Билъ Татаръ чуть не до единаго.
Убирался Батый царь съ большими убытками,
Съ большими убытками, съ малыми прибытками,
Съ малыми прибытками, со срамотою вѣчною,
На мелкихъ судахъ, на пáвозкахъ.

(Записано 5 Янв. 1849 года).

*

7 *).

Никита Залѣшанинъ.

(Тамъ же).

.

Ѣздитъ Илья во чистомъ полѣ.
Говоритъ себѣ таково слово:
« Побывалъ я, Илья, во всѣхъ городахъ,

*) Эта былина, у которой, къ величайшему сожалѣнію, не сохранилось начала, по содержанію относится къ тѣмъ, кои были помѣщены у насъ въ VI мъ отдѣлѣ 1-го выпуска, гдѣ изображается ссора Ильи съ Владиміромъ и кончина Ильи; на эту ссору есть намекъ и въ былинѣ предыдущей, стихи 141, 142.— *О.*

« Не бывалъ я давно во Кіевѣ:
« Я пойду въ Кіевъ, попровѣдаю,
« Чтó такое дѣется во Кіевѣ?»

Приходилъ Илья въ стольный Кіевъ градъ.
У князя Владиміра пиръ на вéсело.
Похóдитъ Илейко во княжóй теремъ.
Остоялся *) Илейко у ободверины.
Не опознáлъ его Владиміръ князь,
Князь Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ты откýль родомъ, откуль племенемъ,
— Какъ тебя именемъ величать,
— Именемъ величать, отцемъ чевствовать?—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Свѣтъ Владиміръ, красное солнышко!
« Я Никита Заолѣшанинъ.»
Не садилъ его Владиміръ со боярами,
Садилъ его Владиміръ съ дѣтьми боярскими.
Говоритъ Илья таково слово:
« Ужь ты батюшко, Владиміръ князь,
« Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
« Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
« Самъ ты, князь, сидишь со воронами,
« А меня садишь съ воронятами!»
Князю Владиміру за бѣду пало:
— Есть у меня, Никита, три богáтыря;
— Выходите-ко вы, самолучшіе,
— Возмите Никиту Заолѣшанина,
— Выкиньте вонъ изъ гридницы!—
Выходили три богáтыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоитъ—не шáтнется,
На буйной главѣ колпакъ не тря́хнется.
« Ежели хошь, князь Владиміръ, позабавиться,
« Подавай еще трехъ богáтырей!»

*) Остановился.—*О.*

Выходили еще три богáтыря,
Стали они Никитушку попѣхивать,
Стали они Никитушку поталкивать:
Никита стоитъ—не шáтнется,
На буйной главѣ колпакъ не тряхнется.
« Ежели хошь, князь Владиміръ, потѣшиться,
« Посылай еще трехъ богáтырей!»
Выходили третьи три богáтыря:
Ничего не могли упахáть съ Никитушкой *).

При томъ пиру при бесѣдушкѣ,
Тутъ сидѣлъ да посидѣлъ Добрынюшка,
Добрынюшка Никитичь младъ;
Говорилъ онъ князю Владиміру:
«« Князь Владиміръ, красное солнышко!
«« Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учёвствовать,
«« На отъѣздѣ гостя не учёвствуешь;
«« Не Никитушка пришелъ Заолѣшанинъ,
«« Пришелъ старъ казакъ Илья Муромецъ!»»
Говоритъ Илья таково слово:
« Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
« Тебѣ охота попотѣшиться?
« Ты теперь на меня гляди:
« Глядючи, снимешь охоту тѣшиться!»
Сталъ онъ, Илейко, потѣшиться,—
Сталъ онъ богатырей попихивать,
Сильныхъ-могучихъ учалъ попинывать:
Богатыри по гридницѣ ползают,
Ни одинъ на ноги не можетъ встать.
Говоритъ Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ой ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
— Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
— Хоть по правую руку, аль по лѣвую,
— А третьёе тебѣ мѣсто,—куда хошь садись!—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Володиміръ, князь земли свято-русскія!

*) Ничего не могли подѣлать: вытолкнуть его, выпихнуть. — *О.*

« Правду сказывалъ Добрынюшка,
« Добрынюшка Никитичь младъ:
« Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учёвствовать,
« На отъѣздѣ гостя не учёвствуешь!
« Самъ ты сидѣлъ со воронами,
« А меня садилъ съ воронятами!»

(Всѣ эти семь былевыхъ пѣсень доставлены В. И. Далемъ, записаны А. Харитоновымъ).

8 *).

(Онежскій уѣздъ Арханг. губ.).

Въ гридню идетъ
Незнамъ человѣкъ:
Шуба на немъ
Струйчатой камки;
Ожерелье на шубѣ
Черна соболя,
Пуговки
Фальяшныя,
Петелки
Бѣлошелковыя;
На ножкахъ сапожки—
Зеленъ сафьянъ;
Шиты пяты,
Носки востры;
Подъ пятами-то подбиты
Змѣи лютые;
Подъ пяту-пяту
Воробей пролетѣлъ.

*) Эту Старину (такъ называемую « бабью, » особаго склада, соотвѣтствующаго пѣснямъ « Женскимъ »), къ сожалѣнію также записанную отрывкомъ, мы присоединяемъ къ предыдущей Былинѣ потому, что въ ней является тотъ же герой—Никита (Залѣшанинъ), и записана она въ той же Архангельской области.— *О.*

Онъ и крестъ кладетъ
По писаному,
Поклонъ ведетъ
По ученому;
Бьетъ челомъ
Князю Владиміру,
Послѣ княгинѣ
Апраксинѣ *):
« Здравствуй, Владиміръ,
« Славный Кіевскій!
« Поишь ли ты кормишь
« Государевыхъ дѣтей,
« Заѣзжихъ удалыхъ
« Добрыхъ молодцовъ?
« Я къ тебѣ
« Служить пришелъ,
« Вѣрою
« Неизмѣнною.
« Не боюсь я Татаръ
« Въ полѣ тысячи;
« Не боюсь я Татаръ
« Въ полѣ другоя;
« Отъ третей тысячи
« Въ побѣгъ не йду;
« Тридцати воробьямъ
« Со мной что пособить **)?»
За столомъ сидитъ
Тридцать бояриничковъ,
Тридцать великихъ-могучеихъ.
Пришедши Никита
Въ нову горницу,
Пришедши Никита
Къ дубову столу,
Бралъ онъ чару

*) Апраксіѣ? — *О.*

**) Намекъ на то, что тридцать богатырей хотѣли его притѣснить и вѣроятно онъ самъ ихъ поприжалъ. — *О.*

Серебряную,
Налилъ чару
Зеленаго вина,
Выпилъ чару,—
Онъ въ карманъ положилъ.
Никитушка
Изъ гридни вонъ:
Дверьми хлопъ,—
Ободверины вонъ;
Во́ротьми хлопъ,—
Вереюшки вонъ;
Какъ точеныя
Перила пріосыпались.
«« Тихонько, ребятушка *),
«« Не гаркайте,
«« Не шеберните **):
«« Не услышалъ бы
«« Никита Ивановичь!
«« Услышитъ—онъ воротится,
«« Насъ и всѣхъ
«« Убьетъ;
«« Не оставитъ
«« Ни стараго, ни малаго,
«« Не оставитъ
«« Владиміру на сѣмена....»»
— Ужь ты гой еси, Владиміръ,
— Славный Кіевскій....—

(Ср. Прибавл. къ Изв. А. Н., XL, л. CV—XXIV; записано священ. А. Ивановскимъ).

*

Тотъ же г. Харитоновъ, который записалъ приведенныя выше семь пѣсней для сборника В. И. Даля, прибавляетъ въ заключеніе: « На вопросъ мой, — гдѣ умеръ Илья и что̀ знаютъ объ его смерти, пѣвецъ сказалъ:

*) Ребятушки?—*О.*

**) Не шевелитесь, не шелохнитесь, не дѣлайте шороху.—*О.*

Всѣ богатыри получили смерть,
А Илья богатырь окаменѣлъ.

При этомъ присовокупилъ онъ, что въ Кіевѣ и теперь есть огромная окаменѣвшая фигура когда-то жившаго Ильи богатыря. Крестьяне Шенкурскаго уѣзда о смерти его говорятъ то же самое.»

* *
*

ПОТОКЪ МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ.

(Кирша Даниловъ).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ
На три братца названые,
Свѣто-руские *) могучіе богатыри:
А на перваго братца названаго,
Свѣто-рускаго могучаго богатыря,
На Потока Михайлу Ивановича;
На другаго братца названаго,
На молода Добрыню Никитича;
На третьяго братца названаго,
Что на молода Алёшу Поповича.
Что взговоритъ тутъ Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Потокъ Михайло Ивановичь!
«Сослужи мнѣ службу заочную:
«Съѣзди ты ко морю синему,
«На теплыя-тихи заводи,
«Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ
«Къ моему столу княженецкому:
«До люби я молодца пожалую.»
Потокъ Михайло Ивановичь,

*) Свято-русскіе.— *О.*

Не пьетъ онъ, молодецъ, ни пива, ни вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.
А скоро, де, садился на добра коня,
И только его увидѣли,
Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.

Онъ будетъ у моря синяго,
По его по щаски великія
Привалила птица къ круту берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ.
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго,
Посмотрѣть на тихія заводи,—
И увидѣлъ бѣлую лебедушку:
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней
Увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.
Вынимаетъ онъ, Потокъ,
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спуститъ калену стрѣлу,—
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
— А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
— Не стрѣляй ты меня, лебедь бѣлую:
— Нѣ въ кое *) время пригожуся тебѣ.—
Выходила она на крутой бережокъ,

*) Въ нѣкое, въ какое ни будь.—*О.*

Обернулася душой красной дѣвицей.
А и Потокъ Михайло Ивановичь
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Втапоры больно его уговаривала:
— А ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
— Хотя ты на мнѣ и женишься,
— И кто изъ насъ прежде умретъ,
— Второму за нимъ живому во гробъ итти.—
Втапоры Потокъ Михайло Ивановичь
Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:
« А и ты гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
« Будемъ въ городѣ Кіевѣ,
« Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ,—
« И ты втапоры будь готовая,
« Приходи къ церкви соборныя,
« Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое. »

И скоро *) онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря синяго,
Авдотьюшка Лиховидьевна,
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.
Потокъ Михайло Ивановичь
Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Перво **) его въ свой домъ ускорить могла;
И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;
А потокъ Михайло Ивановичь

*) Какъ скоро, когда. — *О.*
**) Прежде. — *О.*

Ѣдетъ—самъ дивуется:
«А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,
«А она перво меня въ домѣ появилася!»
И прiѣхалъ онъ на княженецкой дворъ;
Приворотники доложили стольникамъ,
А стольники князю Владимiру,
Что прiѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичь.
И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать.
Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,
Поставилъ ко крылечку красному,
Походитъ во гридню свѣтлую,
Онъ молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны:
«Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владимiръ князь!
«Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,
«Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
«И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,
«Авдотьюшку Лиховидьевну,
«Къ вечернѣ быть въ соборѣ
«И съ ней обрученье принять.
«Гой еси, ласковой, сударь, Владимiръ князь!
«Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой
«На три брата названые,
«А нынѣ для меня одного
«Доспѣй свадебной пиръ веселой,
«Для Потока Михайлы Ивановича.»
А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ
Въ колоколъ ударили,
Потокъ Михайло Ивановичь
Къ вечернѣ пошелъ;
Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна
Скоро втапоры наряжалася и убиралася,
Убравши къ вечернѣ пошла.
Ту вечерню отслушали.
А и Потокъ Михайло Ивановичь
Соборнымъ попамъ покланяется,

Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять:
Эти попы соборные,
Тому они дѣлу радошны,
Скоро обрученье сдѣлали,
Тутъ обвѣнчали ихъ
И привели къ присягѣ такой:
«« Кто перво умретъ,
«« Второму за нимъ живому въ гробъ итти.»»
И походитъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичь,
Изъ церкви вонъ со своею молодою женою,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
На тотъ широкой дворъ ко князю Владиміру;
Приходитъ во свѣтлы гридни;
И тутъ имъ князь сталъ веселъ-радошенъ,
Сажалъ ихъ за убраны столы;
Втапоры для Потока Михайлы Ивановича
Столъ пошелъ:
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя;
А и тутъ пили-ѣли, прохлаждалися,
Предъ княземъ похвалялися.
И не мало время замѣшкавши,—
День къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,—
Потокъ Михайло Ивановичь
Спать въ подклѣть убирается;
Свели его во гридню спальную,
Всѣ тутъ князи и бояра разъѣхалися,
Разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись.

*

А у Потока Михайлы Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной
Не много житья было—полтора года.
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна.
Съ вечера она разхворается,

Ко полуночи разболѣлася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ *),
Надъ молодымъ Потокомъ Михайлою Ивановичемъ.
Рано зазвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ, Потокъ,
Соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла его молода жена;
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на саняхъ привезти **)
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти.
А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень;
Сбиралися тутъ попы со дьяконами
И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Потокъ Михайло Ивановичь
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тое жь могилу глубокую;
И заворочали потолокомъ дубовымъ,
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянной крестъ;
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана
Къ колоколу соборному.

И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичь,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи,
И для страху добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,

*) Хотѣла его перехитрить, опутать чарами, погубить живьемъ въ силу клятвеннаго договора. — *О.*

**) Древнѣйшій обычай класть умиравшихъ на саняхъ, извѣстный изъ Поученія Владиміра Мономаха и рисунковъ къ Житію Бориса и Глѣба. — *О.*

Собиралися къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ;
А потокъ Михайло Ивановичь
На то-то не робокъ былъ:
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапоры она, еретница,
Изъ мертвыхъ пробуждалася;
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ;
И услышалъ трапезникъ,
Бѣжитъ тутъ къ могилѣ Авдотьиной,—
Ажно тутъ веревка изъ могилы
Къ колоколу торгается.
И собираются тутъ православной народъ,
Всѣ тому дивуются.
А Потокъ Михайло Ивановичь
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ;
И разрывали тое могилу на скоро,
Опускали лѣсницы долгія,
Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ,
И со его молодой женой;
И объявили князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборнымъ,
Поновили ихъ святой водой *),
Приказали имъ жить по старому.

И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
Его Потока похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну

*) Освятили надъ ними воду, отпѣвши молебенъ, и окропили. — *О.*

Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю.
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.

То старина, то и дѣянье.

* *
*

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Оттуда же).

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ
У ласкова осударь-князя *) Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра,
И на рускіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Князи и бояра пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
И великимъ княземъ похваляются;
И только изъ нихъ одинъ бояринъ
Ставръ Годиновичь не пьетъ не ѣстъ,
И при своей братьи не хвастаетъ,
Только на единѣ съ товарищемъ
Таковы рѣчи сказываетъ:
« Что̀ это за крѣпость во Кіевѣ
« У великаго князя Владиміра?
« У меня, де, Ставра боярина,
« Широкой дворъ не хуже города Кіева:
« А дворъ у меня на семи верстахъ,
« А гридни-свѣтлицы бѣлодубовы,
« Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
« Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей,

*) Т. е. государя князя.—*О.*

« Полъ-середа одного серебра,
« Крюки да пробои по булату злачены.»
А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
Доносили о томъ самому князю Владиміру:
«« Что, де, осударь, ласковой Владиміръ князь,
«« Ставръ бояринъ въ очи ни о чемъ не хвалится,
«« А за очи похваляется.
«« Что есть у него дворъ на семи верстахъ,
«« Крѣпче города Кіева:
«« Гридни-свѣтлицы бѣлодубовыя,
«« Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
«« Потолокъ черныхъ соболей,
«« Полъ-середа одного серебра,
«« Крюки да пробои по булату злачены.»
Услыша о томъ Владиміръ князь,
Приказалъ сковать Ставра боярина,
На руки и на ноги желѣза ему,
Посадить его въ погреба глубокіе,
Затворять дверями желѣзными,
Запирать на-крѣпко замки булатными.
И Владиміръ князь посылалъ посла
Немилостиваго ко Ставру боярину,
Чтобъ дворъ его запечатати
И взять въ Кіевъ молоду его жену
Ко великому князю Владиміру.

И ей Ставровой молодой женѣ
Перепала вѣсть нерадошна,
Что Ставръ бояринъ во Кіевѣ
Посаженъ въ погреба глубокіе,
Руки и ноги скованы.
Скоро она наряжается
И скоро убирается;
Скидавала съ себя волосы женскіе,
Надѣвала кудри черныя *),

*) Подобныя многія юго-славянскія пѣсни показываютъ, что женщина въ этомъ случаѣ остригала длинныя волосы и оставляла одни кудри по мужскому: таково здѣсь значеніе — «скидавать» и «надѣвать.» — *О.*

А на ноги сапоги—зеленъ сафьянъ,
И надѣвала платье богатое,
Богатое платье посольское,
И называлась грознымъ *) посломъ,
Грознымъ посломъ Васильемъ Ивановичемъ,
И поѣхала съ великою [свитою] ко городу Кіеву.

Половину дороженьки проѣхали,
И въ стрѣчю ей изъ Кіева грозенъ посолъ:
Тутъ они съѣхались, послы поздоровались,
Какъ послы послуются **),
Они ручка объ ручку цѣлуются.
Сталъ, де, изъ Кіева спрашивать посолъ:
« Ай и гой вы еси, удалы-добры молодцы!
« Куда вы ѣдете и куда Богъ несетъ?»
И взговорятъ ему, послу, таковыя слова:
— А ѣдемъ мы изъ дальней Орды, Золотой земли ***),
— Отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича,
— Ко городу ко Кіеву,
— Ко великому князю Владиміру,
— Брать съ него дани-невыплаты,
— Не много не мало—за двѣнадцать лѣтъ,
— За всякой годъ по три тысячи.—
Изъ Кіева посолъ позадумался,
А и единое словечко повыговоритъ:
« Я, де, изъ Кіева грозенъ посолъ,
« Ѣду, де, ко Ставру боярину,
« Дворъ его запечатати,
« А его молоду жену въ Кіевъ взять.»

*) Посолъ, какъ и всякій вѣстникъ, являющійся обыкновенно нечаянно, съ неожиданною вѣстью, въ былевомъ творчествѣ Славянъ представляется и называется всегда *грознымъ* или *страшнымъ*.—*О.*

**) Какъ всегда, съ какими пріемами ведутъ *послы* посольское *дѣло* при *переговорахъ*. Сравни при этомъ сербское *посао* (посолъ)—дѣло, и *пословье*, *пословицу*, при чемъ корень *сл-*,*сл-а-ти* сближается со *слу-ти*, откуда *слава* и *слово*. Виною то, что по древнѣйшимъ представленіямъ, а отсюда и въ языкѣ, *слово* и *дѣло* неразрывны, въ *посольствѣ* же именно все дѣло есть слово, и слово прямо переходитъ въ дѣло.—*О.*

***) По нынѣшнему словосочиненію: «изъ дальней земли, Золотой Орды.»—*О.*

Отвѣчаютъ тутъ удалы-добры молодцы:
— Прежде у насъ тотъ *) былъ постоялой дворъ;
— Нонѣ заѣзжали,—въ дому нѣтъ никого,
— Молода его жена убиралася
— Въ дальну Орду, Золоту землю.—
Изъ Кіева посолъ воротился назадъ,
Пріѣхалъ во стольной во Кіевъ градъ,
Сказалъ онъ князю тихохонько,
Что ѣдетъ изъ дальней Орды, Золотой земли,
Грозенъ посолъ Василій Ивановичъ.
А и тутъ больно князь запечалился;
Кидалися, металися;
То улицы метутъ, ельникъ ставили **);
Передъ воротами ждутъ посла
Изъ дальней Орды, Золотой земли,
Отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича.

И пріѣхалъ онъ, посолъ, на княженецкой дворъ;
Они скоро поскакали со добрыхъ коней,
А идутъ во гридни во свѣтлыя.
Вывела княгиня князя за собой
И во тѣ во подвалы-погребы,
Молвила словечко тихохонько:
«« Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся,—
«« А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
«« Быть Ставровой молодой женѣ
«« Василисѣ Микулишнѣ ***);
«« Знаю я примѣты всѣ по женскому ****):
«« Она по двору идетъ—будто уточка плыветъ,
«« А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,
«« А на лавицу садится— колѣнца жметъ,
«« А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,

*) Тутъ?—*О.*

**) Ставили вѣхи для проѣзда, по древнему (и нынѣшнему) плохому состоянію русскихъ дорогъ.—*О.*

***) Не долженъ быть это посолъ, а должна быть Василиса.—*О.*

****) Примѣты женскаго пола.—*О.*

«« Дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ *).»»
А и туто-тъ-ко Владиміръ стольной Кіевской,
Ну же онъ посла сталъ **) потчивати;
Всяко питье по таковкамъ ***) пьютъ;
Ужь тутъ ли посолъ напивается;
А Владиміръ князь сталъ провѣдывати ****):
« Тако посолъ буде женщина †),
« Не станетъ онъ во Кіевѣ боротися
« Со моими могучими богатырями.»
Таковы люди были въ Кіевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы,
Притченки да Хапилонки ††).
Выводилъ тутъ князь семь борцовъ:
И того ли посолъ Василій не пятится,
Вышелъ онъ на дворъ боротися;
Середи двора княженецкаго
Сошлися борцы съ посломъ боротися:
Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватила поперегъ хребта,
Ушибла его середи двора.
А плюнулъ князь, да и прочь пошолъ:
« Глупая княгиня, неразумная!
« У тя волосы долги, умъ коротокъ:
« Называешь ты богатыря женщиною;

*) Читай: «Дюжины (дужины) изъ перстовъ не вышли всѣ,» не всѣ вышли изъ перстовъ слѣды дугъ, колецъ: осталися слѣды колецъ; ср. въ пѣсняхъ П. Н. Рыбникова—«А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать.»—*О.*

**) Тождесловіе: «ну же» однозначуще со «сталъ,» началъ.—*О.*

***) По таковскому, за урядъ, не разбирая, много.—*О.*

****) Искушать, испытывать.—*О.*

†) Только посолъ будетъ женщина, если онъ женщина.—*О.*

††) Какъ въ выраженіи «Спиря поспиривает, Сёма пересёмываетъ» собственныя имена обращены въ глаголъ, выражено ими дѣйствіе, такъ здѣсь на оборотъ свойства и нарицательныя прозвища обращены въ имена собственныя: *притченки* отъ *притка* (извѣстное древнее слово) —кто натыкается, является откуда ни возьмись, задираетъ невзначай, прыткій, удалый; *хапилонки*—хапать, хватать, — хватъ. Ср. 1-й вып. стр. 45, «два брата Хапиловы,» и ниже «Замѣтку.»—*О.*

« Такого посла у насъ еще было и не видано!»
Втапоры княгиня съ княземъ заспоровалась:
«« А и ты ласковой, сударь, Владимiръ князь!
«« Да не быть этому грозному послу,
«« Быть Ставровой молодой женѣ!»»
Говорилъ тутъ Владимiръ стольной Кiевской:
« Гой ты еси, княгиня Апраксѣевна!
« Я ли посла Василья провѣдаю:
« Заставлю его изъ туга лука стрѣлять
« Со своими могучими богатырями.»
Выводилъ тутъ Владимiръ стольной Кiевской
Двѣнадцать сильныхъ-могучихъ богатырей;
Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу;
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ
И отъ той стрѣльбы богатырскiя
Только сырой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.
Говорилъ посолъ Василiй Ивановичъ:
— Гой еси, Владимiръ князь!
— Не надо мнѣ эти луки богатырскiе;
— Есть у меня лучонко волокитной *),
— Съ которымъ я ѣзжу по чисту полю.—
Втапоры кинулися ея **) удалы-добры молодцы:
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ
Тридцать человѣкъ;
И говоритъ князю таково слово:
— Что потѣшить, де, тебя, князя Владимiра!—
Беретъ она во ту рученьку лѣвую,
И беретъ стрѣлу каленую,—
Та была стрѣлка булатная,—
Вытягала лукъ за ухо,

*) Который *волочатъ* за собою въ дорогѣ, дорожный, завозный, кое-какой.— *О.*

**) Вѣроятно это «*ся,*» дважды повторенное при *кинули-ся.*— *О.*

Хлеснетъ по сыру дубу,
Изломала его въ черенья ножевые,—
Спѣла тетивка у туга лука,—
И Владимiръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучiе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые,—
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ-кряковистой *) дубъ,
Изломала въ черенья ножевые **).—
И говорилъ посолъ таково слово:
— Не жаль мнѣ сыра дуба кряковистаго,
— Только жаль мнѣ своей калены стрѣлы:
— Никому не найти во чистомъ полѣ.—
Плюнулъ Владимiръ князь, самъ прочь пошелъ,
Говорилъ себѣ таково слово:
« Развѣ самъ Василья посла провѣдаю.»
Сталъ съ нимъ въ шахматы играть
Золотыми тавлеями;
Первую заступь заступовали ***):
И ту посолъ поигралъ ****);
Другую заступь заступовали:

*) Ср. выше, въ другихъ выпускахъ, на прим. 3-мъ, стр. 76.— *О*.

**) Перебито. Два описанiя стрѣльбы:

1-е: И беретъ стрѣлу каленую,—
Та была стрѣлка булатная,—
Вытягала лукъ за ухо,
Хлеснетъ по сыру дубу.
Изломала его въ черенья ножевые.

2-е: Спѣла тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ-кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья ножевые.

За этимъ слѣдствiе:

И Владимiръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучiе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые.— *О*.

***) Ходъ сходили.— *О*.

****) Выигралъ.— *О*.

И другую заступь посолъ же поигралъ;
Третью заступь заступовали:
Шахъ да и матъ, да и подъ доску *).
И сталъ посолъ говорить таково слово:
— Гой еси, стольной Владиміръ князь!
— Отдай ты мнѣ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ,
— За всякой годъ по три тысячи.—
Говоритъ Владиміръ князь:
«Изволь меня, посолъ, взять головой съ женой.»
И говорилъ тутъ посолъ таковы слова:
— Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
— Есть ли у тебя веселые молодцы **)?—
И тотчасъ посылалъ Владиміръ князь
Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ ***),
И собрали веселыхъ молодцовъ
На княженецкой дворъ.
Втапоры у великаго князя ради посла
Было пированье почестное,
На великихъ на радостяхъ;
И тутъ посолъ невеселъ сидитъ,
Только князю таково слово выговоритъ:
— Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?—
Похватится ****) Владиміръ князь,
Послалъ по Ставра боярина,
Боярина Годиновича,
Велѣлъ его разковать всего;
Сымали желѣза съ рукъ и съ ногъ,
И приводили Ставра на почестной пиръ.
И втапоры посолъ скочилъ на рѣзвы ноги,
Посадилъ Ставра противъ себя,
[Противъ себя] въ дубову скамью,
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:

*) Подъ доску шашки, игра кончена.—О.

**) Обыкновенное, постоянное прозвище Скомороховъ; здѣсь изъ нихъ выводятся, кажется, одни плясуны, ибо Василиса послѣ добивается игрока на гусляхъ и пѣвца.—О.

***) Всякого сорта и на всякую руку.—О.

****) Спохватится, спохватился.—О.

Сыгришъ сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею.
Сверхъ того игралъ Еврейской Стихъ *).
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ **);
Говорилъ таковы слова:
— Гой еси, Владиміръ князь!
— Не надо мнѣ твои дани-выходы,
— Только пожалуй веселымъ молодцомъ
— Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ.—
И Владиміръ князь о томъ радошенъ сталъ,
Отдавалъ Ставра руками своими;
Взявши посолъ Ставра,
Отъѣзжалъ изъ Кіева вонъ;
Провожаетъ его Владиміръ князь и со княгинею.

И становился онъ, посолъ, у быстра Днѣпра,
Разставлялъ палатки свои бѣлыя,

*) Ставръ перебралъ всѣ роды: 1) сыгрывалъ одни сыгрыши, мотивы, цареградскіе (хитрые, искусные), одна музыка; 2) заводилъ плясовую, на иностранный ладъ, что перенимали отъ пріѣзжихъ (самыя отдаленные чужіе края отводились къ «Ерусалиму» и въ Кіевѣ для заѣзжихъ иностранцевъ была «слобода Ерусалимская);» 3) давалъ наигрыши, т. е. пѣлъ уже съ опредѣленнымъ содержаніемъ, именно *величальныя* пѣсни, *величалъ*; 4) пѣлъ наконецъ *Стихъ*, т. е. духовный (священный, Еврейскій).—*О.*

**) Любопытно, что по общему Славянамъ воззрѣнію это есть непремѣнное слѣдствіе и лучшая рекомендація для музыки и пѣнія. Приведемъ одинъ примѣръ изъ Сербскихъ пѣсень. Ѣдутъ сквозь горы знаменитые два брата названыхъ, Кралевичь Марко и Милошь. Милошь пѣвалъ такъ, что его заслушивались, ему завидовали горныя бѣлыя вилы:

Тогда Милошь началъ попѣвати:
А красную пѣсню онъ началъ,—
Ото всѣхъ нашихъ лучшихъ и старшихъ,
Какъ и кто держалъ себѣ царство
По честной по Македоніи
И что онъ оставилъ на помнинъ душѣ (т. е. началъ пѣсню былевую).
Смилилася Марку пѣсня:
Наслонился онъ сѣдлу на облучье,
Марко спитъ себѣ, Милошь попѣваетъ.—*О.*

(Ср. Собран. Караджича, т. II).

Говорилъ таково слово:
— Пожалуй, де, осударь, Владимiръ князь,
— Посиди до того часа, когда я высплюся.—
Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго
И убирался въ платье женское,
При томъ говорилъ таково слово:
— Гой еси, Ставръ, веселой молодецъ!
— Какъ ты меня не опознываешь?
— А доселѣва мы съ тобой въ свайку игрывали:
— У тебя, де, была свайка серебряная,
— А у меня кольцо позолоченое;
— И ты меня поигрывалъ,
— А я тебѣ толды-вселды.—
И втапоры Ставръ бояринъ догадается,
Скидавалъ платье черное,
И надѣвалъ на себя посольское;
И съ великимъ княземъ и со княгинею прощалися,
И отъѣзжали во свою землю дальную.

* *
*

ГОРДЕНЪ или ГОРДЕЙ,
ХОТЕНЪ или ХОТИНЪ
БЛУДОВИЧЬ.

1.

(Оттуда же).

Въ стольномъ было городѣ во Кiевѣ,
У ласкова осударь-князя Владимiра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ;
Много было у князя Владимiра
Князей и бояръ, и княженецкихъ женъ.
Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:

Первая вдова Чесовая жена *),
А другая вдова-то Блудова жена;
Обѣ жены богатыя,
Богатыя жены, дворянскія.
Промежу собой, сидятъ, за прохладъ говорятъ **);
Что взговоритъ тутъ Блудова жена:
« Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
« Есть у тебя девять сыновей,
« А девять сыновей какъ ясныхъ соколовъ,
« И есть у тебя дочь возлюбленна
« Молода Авдотья Чесовична,
« Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая;
« А у меня у вдовы, Блудовы жены,
« Единъ есть сынъ Горденъ, какъ ясенъ соколъ;
« Многіе пожитки осталися ему
« Отъ своего родимаго батюшки;
« Нонѣ, за прохладъ, за чужимъ пиркомъ,
« Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
« Я хощю у тебя свататься
« За молода Гордена Блудовича,
« Дочь твою ***), возлюбленну Авдотью Чесовичну.»
Втапоры Авдотья Чесова жена на то осердилася:
Била ее по щекѣ, таскала по полу кирпищету,
И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ,
Вдову опозорила,
И весь народъ тому смѣялися ****).

Исправилась она, Авдотья, Блудова жена,
Скоро пошла ко двору своему;
А идетъ ко двору—шатается,
Сама больно закручинилася.
И завидѣлъ Горденъ сынъ Блудовичь,
Скоро онъ метался съ высока терема,

*) Жена Чеса или Часа.—*О.*

**) Ведутъ прохладную бесѣду, за отдыхъ, спокойную.—*О.*

***) Т. е. « хочу сватать .»—*О.*

****) При словѣ « народъ, » какъ собирательномъ, множествен. число; такъ и ниже.—*О.*

Встрѣчалъ за воротами ее,
Поклонился матушкѣ въ праву ногу:
— Гой еси, матушка!
— Что̀ ты, сударыня, идешь—закручинилася?
— Али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ?
— Али чарой—зеленымъ виномъ обносили тебя?—
Жалобу приноситъ матера вдова
Авдотья Блудова жена,
Жалобу приноситъ своему сыну
Гордену Блудовичу:
« Была я на честномъ пиру
« У великаго князя Владиміра;
« Сидѣли мы съ Авдотьей, Чесовой женой,
« За прохладъ съ нею рѣчи говорили
« О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ;
« Сваталась я на ея любимой на дочери,
« Авдотьѣ Чесовичнѣ,
« За тебя, сына, Гордена Блудовича;
« Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися:
« Била меня по щекѣ
« И таскала по полу кирпищетому,
« И при всемъ народѣ, на пиру, обезчестила.»
Молодой Горденъ сынъ Блудовичь
Уклалъ спать свою родимую матушку—
Втапоры она была пьяная—
И пошелъ онъ на дворъ къ Чесовой женѣ.

Сжималъ песку горсть цѣлую,—
И будетъ противъ высока терема,
Гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична,—
Бросилъ онъ по высокомъ терему,
Полтерема сшибъ, виноградъ *) подавилъ.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась, будто бѣшеная, изъ высокаго терема,
Середи двора она бѣжитъ, ничего не говоритъ,
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,

*) Садъ, посаженный вокругъ терема.— *О.*

Побѣжала къ своей родимой матушкѣ
Жаловатися на княженецкой пиръ.
Втапоры пошелъ Горденъ на княженецкой дворъ,
Ко великому князю Владиміру,
Разсматривать вдову, Чесову жену:
Та вдова, Чесова жена, у великаго князя
Сидѣла на пиру за убраными столы.
И тутъ молодой Горденъ выходилъ назадъ,
Выходилъ онъ на широкой дворъ;
Вдовины ребята съ нимъ заздорили;
А и только не всѣ они пригодилися,
Пригодилось ихъ тутъ пять человѣкъ,
Взяли Гордена пощипывати,
Надѣючи на свою родимую матушку;
Молодой Горденъ имъ взмолится:
— Не троните меня, молодцы!
— А меня вамъ убить—не корысть получить.—
А они тому не вѣруютъ ему,
Опять приступили къ нему,
И онъ отбивался и метался отъ нихъ,
И прибилъ всѣхъ тутъ до единаго.
Втапоры донесли народъ Кіевской
Честной вдовѣ, Чесовой женѣ,
Что «« молодой Горденъ Блудовичь
«« Учинилъ драку великую,
«« Убилъ твоихъ дѣтей до смерти.»»
И посылала она, Чесова жена,
Любимыхъ своихъ четырехъ сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтобъ онъ отъ того не убрался домой,
Убить бы его до смерти;
И настигли его на широкой улицѣ,
Тутъ обошли вкругъ его,
Ничего съ нимъ не говорили;
И только одинъ хотѣлъ было ударить по уху,
Да не удалось ему,
Горденъ вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,

И ушибъ его до смерти;
Другой подвернется, и того ушибъ;
Третій и четвертой кинулися къ нему,
И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.

Пошелъ онъ, Горденъ, къ Авдотьѣ Чесовичнѣ,
Взялъ ее за бѣлы руки
И повелъ ко Божьей церкви;
Съ вечернями *) обручается,
Обручился и обвѣнчался съ ней,
И домой пошелъ.
По утру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
Позвалъ тутъ князя со княгинею
И молоду свою тещу, Авдотью Чесовую жену.
Втапоры было честна вдова, Чесовая жена,
Загординилася, не хотѣла было итти
Въ домъ къ зятю своему;
Тутъ Владиміръ князь, стольной Кіевской,
И со княгинею стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гнѣвалася.
И она тутъ ихъ послушала,
Пришла къ зятю на веселой пиръ;
Стали пити-ясти, прохлаждатися.

2.

(Онега).

Во славномъ во городи во Кіеви,
У ласкова кнезя у Владимера
Заводилось столóванье, цёстёнъ пиръ.
Ужь какъ вси на пиру-то напивалисе,
Вить и вси на цёснóмъ наѣдалисе,
Да и вси на цёснóмъ приросхвасталисъ.

*) Во время вечерень, вечернее. – *О.*

А сидѣла на пиру да молода вдова,
Молода вдова да Блудовà жона,
Да и нацяла Блудовà жона у Цясовой сватататьсе:
« Да отдай-ко-се ты Катеринушу Цясовисьню
« За моёго Хотёнышка, сына Блудова?»
А Цясовой жоны то не показалосе,
Да и говорила ей таковы слова:
— У тя мужа-та звали Блудишшомъ,
— А сына-та зовутъ у тя уродишшомъ:
— Тотъ ли по зáполямъ уродуётъ [*]
— Да стрѣлятъ сорóкъ-воронъ за цюжимъ дворомъ.—
И взела она цяру зеленà вина,
И ленула [**] ей насупротивъ въ яснѝ оци,
Подмоцила ей шубу соболпную.

Съ того пирà не вèсела Блудова жона,
Идетъ домой да не въ корысти [***], не въ радости.
Хотёнышко матушку стрѣцеётъ:
— Штò же ты, моя рóдна матушка,
— Идешь домой да не въ корысти, не въ радости?
— Али мѣсто тѣ дали не по вотцины,
— Али цярой тобя да óбнесли,
— Али пьенича-дуракъ не насмѣялсе ли?—
Отвѣцяла молода вдова, Блудова жона:
« Мѣсто мнѣ-ка дали по вотцины,
« И цярой миня не óбнесли,
« И пьенича надъ мной не насмѣялсе;
« А сидѣла на цёснòмъ пиру,
« Насупротивъ сидѣла молода вдова,
« Молода вдова да Цясова жона;
« Ише я за тобя нацяла сватататьсе
« На той ли Катеринуши Цясовисьны.
« Отвѣцяла молода Цясова жона:
« — У тя мужа-та звали Блудишшомъ,

[*] Проказить, чудить, около гуменъ, по загуменьямъ, — мѣсто проказъ и любовныхъ дѣлъ въ простомъ народѣ. — *О.*

[**] Плеснула; отъ «лить.» — *О.*

[***] Ничего хорошаго, пригоднаго не несетъ оттуда. — *О.*

«— А сына-та зовутъ у тя уродишшомъ:
«— Тотъ ли по зáполямъ уродуётъ,
«— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ.—
« И взяла она цяру зеленá вина,
« Да ленула виномъ мнѣ въ ясны оцй,
« И подмоцила шубу соболиную.»

То Хотёнышку не показалосе.
Скоро шелъ да на широкой дворъ,
Сѣдлалъ-уздалъ да коня доброго,
Скоро онъ поѣхалъ во цистó полё.
Идетъ Хотёнъ изъ цистá поля́,
Голосомъ крицитъ да шляпо́й машотъ:
— Здрастуй-ко ты, тёшша гордливая,
— Да здрастуй-ко ты, тешша ломливая!
— Стрѣцей-ко-се ты зетя уродишша,
— Да тотъ-ли по заполямъ уродуётъ,
— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ!—
Какъ попёръ молодéць домъ копьемъ , тупымъ коньчомъ,
Да тотъ ли домъ онъ по окнамъ *) снялъ.
Приходила молода вдова, Цясова жона,
Говорила Катеринуши Цясовисьны:
«« Штó это, цядо моё милоё,
«« Кажись, не было въ поли ни вѣтра, ни вѣхоря,
«« А нашо-тъ домъ, вить, по окнамъ снятъ!»»
Отвѣцяла Катеринуша своей матери:
« Ой ты, матушка моя рóдная!
« Изъ цистá поля шелъ доброй мóлодець,
« Голосомъ крыцялъ да и шляпой махалъ,
« А само-тъ онъ да выговаривалъ:
«— Здрастуй-ко ты, тешша гордливая,
«— Да здрастуй-ко ты, тешша ломливая!
«— Стрѣцей-ко-се ты зетя уродишша,
«— Да тотъ ли по заполямъ уродуётъ,
«— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ!—

*) По окна, весь верхъ.—*О.*

« Да попёръ молодéць домъ копьемъ, тупымъ коньчомъ,
« И домо-тъ онъ, вить, по окнамъ сиялъ,
« А само-тъ поѣхалъ во цистó полё.»
Скоро-нá-скоро вдова тутъ догадаласе,
Што дороднё-доброй мóлодець не хто другой,
Какъ Хотёнышко, Блудовъ сынъ;
Ише скоря *) того пошла она къ своимъ сынамъ,—
А у ей сыновьёвъ было деветеро,—
Приносила имъ жалобу на Хотёныша:
«« Ой же вы еси, сыны, добры мóлодци!
«« Подьте да захватите сына Блудова,
«« Приведите его мнѣ предъ ясны оцй!»»
А отвѣтъ дёржáтъ сыны, добры мóлодци:
« Ой ты, наша рóдна матушка!
« Намъ, вить, у Хотёна взеть-то нецего!»
Молодой вдовы то не показалосе:
«« Кабы было у миня деветь зéтевьёвъ,
«« Дакъ оны бы миня послушались.»»
Да не стали тутъ добры мóлодци
Отзыватьсе отъ своёй рóдной матери,
И поѣхали въ нагонъ за Хотёнышкомъ.
Спитъ Хотёнъ во бѣлòмъ шатри,
Спитъ онъ, спитъ да не пробудитсе;
Наѣжжали молодци да близь шатра,
Добры кони стоптали **) копытами громко-нá-громко.
Отъ того Хотёнъ и пробужеитсе,
Да не долго Хотёнъ тутъ срежеитсе,
Садилсе Хотёнъ да на добра коня
И поѣхалъ къ молодцямъ насупротивъ.
Троихъ молодцёвъ копьемъ скололь,
Да троихъ молодцёвъ конемъ стопталъ,
Да ише троихъ къ стремени привезалъ.
Скоро-нá-скоро поѣхалъ къ Цясовой жоны,

*) Скорѣй.—*О*.

**) Затоптали, начали топтать.—*О*.

И крыцялъ онъ гласомъ громкіемъ:
— Здрастуй-ко-се ты, молода жона,
— Молода жона *), да Цясова жона!
— Выкупай-ко ты своихъ добрыхъ молодцёвъ:
— Вить, троихъ я копьемъ скололъ,
— Да троихъ я конемъ стопталъ,
— Да ише троихъ къ стремени привезалъ.
— Коли выкупишь, дакъ живыхъ спушшу,
— А не выкупишь, дакъ смерти̇ придамъ.—
Тутъ молода вдова и спасаласе **):
На торелку клала золота,
Да на дрўгу скатна женьцюга,
А на третью—ширинку золоцёную,
И называла его зе̇тёмъ роднымъ.

***) А самъ поворацивалъ коня въ цисто̇ полё,
И отсѣкъ своему коню голову,
Выливалъ це̇рево ****) лошадиноё,
Залѣзалъ онъ самъ въ кони́ноё це̇рево.
Прилетали ту два ворона,
Воронъ старшіе да воронъ младшіе.
А спрого́воритъ-то воронъ младшіе:
«Бацько, намъ Богъ обѣдъ послалъ!»
А отвѣтъ дёржалъ воронъ старшіе:
— Нѣтъ, малой, тутъ обманъ, вить, есь.—
И нацялъ воронъ младшой облётывать,
Нацялъ воронъ покыркивать,
Да нацялъ и церево поклю́ивать *****);
Ухватилъ тутъ ворона̇ Хотёнышко за ногу:
Тутъ и старой воронъ заоблётывалъ,
Старой воронъ запокыркивалъ,

*) Въ обоихъ случаяхъ должно быть: «молода вдова.»—*О.*

**) Спохватывалась, принимала мѣры ко спасенію.—*О.*

***) Слѣдующее за симъ есть явная вставка: целовко казалось играть свальбу, когда побиты были братья невѣсты; потому вставляется разсказъ объ ихъ оживленіи, отличающійся складомъ отъ цѣлой былины.—*О.*

****) Черево, черевья, внутренность.—*О.*

*****) Покаркивать, поклевывать.—*О.*

Проситъ малого выпустить.
Отвѣцялъ Хотёнъ таковы слова:
— Ой жо ты, воронъ старшіе!
— Принеси-тко мнѣ-ка воды жи́выя,
— Да принеси-тко-се воды мертвыя:
— Втогды выпушшу вороненыша.—
Полетѣлъ какъ воронъ старшіе
За тридевять земель, за тридевять морей,
За водою жи́вою, да за водой мертвою.
И прилетѣлъ воронъ съ водой жи́вою,
Прилетѣлъ воронъ съ водой мертвою,
Отдавалъ Хотёнышу во бѣлы̀ рукѝ:
Втогда спустилъ онъ ворона младшого.
Водой живою обрызгалъ коня мертвого,—
И конь его нацялъ здрыгивать *);
Водою мертвою сталъ обрызгивать,—
Конь ёго сталъ ужь на ноги;
И сѣлъ молодець на добра коня,
И поѣхалъ оживлять своихъ шурьяко̀въ,
Оживилъ, вить, онъ своихъ шурьяковъ,
И поѣхалъ къ палаты бѣлокамённой.

Стали социнеть **) свадьбу брасьную,
Собирались итти ко Божьи́мъ церквамъ
Принимать вѣнчи да пресвѣтлые,
Обруцетьсе перстнеми золоцёныма.
Такъ женилсе Хотенъ на Катеринуши;
Со того времени зацялсе поцестёнъ пиръ.

(Ср. Приб. къ изв. А. Н., XL, л. CV—XXIV; записано г. Верещагинымъ).

* *
*

*) Вздрагивать.— *О.*
**) Сочинять — *О.*

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ.

1.

(Кирша Даниловъ).

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова осударь-князя Владиміра,
Было пированіе, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
На многи князи и бояра,
И на рускіе могучіе богатыри.
Будетъ день въ половина дня,
А и будетъ столъ во полу-столѣ.
Князь Владиміръ разпотѣшился,
А незнаемы люди къ нему появилися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто;
Всѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«« Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
«« Ѣздили мы по полю по чистому,
«« Сверхъ тоя рѣки Череги,
«« На твоемъ государевомъ займищѣ *):
«« Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
«« Не наѣзживали звѣря прыскучаго,
«« Не видали птицы перелетныя;
«« Только наѣхали во чистомъ полѣ:
«« Есть молодцовъ за три ста,

*) *Займище*—топкое мѣсто, цѣпь болотъ (*занимать, понимать*—водою), иногда поросшее тростникомъ, лѣсомъ, приволье для охоты.—*О.*

«« [Есть молодцовъ] и за пять сотъ;
«« Жеребцы подъ ними Латинскіе,
«« Кафтанцы на нихъ камчатные,
«« Однорядочки-то—голубъ скурлатъ *),
«« А и колпачки—золоты плаши **);
«« Они соболи, куницы повыловили,
«« И печерски ***) лисицы повыгнали,
«« Туры, олени выстрѣлили,
«« И насъ избили-изранили;
«« А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,
«« А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
«« Дѣти, жены осиротѣли,
«« Пошли по міру скитатися ****).»»
А Владиміръ князь стольной Кіевской,
Пьетъ-онъ-ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцовъ за три ста,
Есть молодцовъ за пять сотъ,
Пришли охотники рыболовые,
Всѣ избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«« Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
«« Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
«« На твои щаски княженецкія
«« Ничего не поимавали;
«« Нашли мы людей: есть молодцовъ

*) *Скурлатъ*, сербск. *скерлет*, соссит, шарлахъ; посл͡ику же встрѣчается цвѣта и бѣлаго, и голубаго, то, безъ отношенія къ цвѣту, ткань, вѣроятно хлопчатая.—*О.*

**) То же, что *плъши*, верхушки, вшитыя *плашмя*, какъ бывало на прежнихъ козацкихъ колпакахъ; а висячія—*лопасть*.—*О.*

***) Пещерскія, что живутъ въ норахъ.—*О.*

****) Это говорятъ государевы охотники, которымъ, по недостатку лова, нѣтъ задѣльнаго жалованья, нечѣмъ и кормиться.—*О.*

«« За три ста и за пять сотъ *),
«« Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
«« Щуки, караси повыловили жь
«« И мелкую рыбицу повыдавили;
«« Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
«« Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,
«« Отъ васъ, государь, жалованья нѣтъ,
«« Дѣти, жены осиротѣли,
«« Пошли по міру скитатися,
«« И насъ избили-изранили.»»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Пьетъ-ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа—молодцы сокольники,
Другіе—молодцы кречетники,
И всѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«« Свѣтъ, государь, Владиміръ князь!
«« Ѣздили мы по полю чистому,
«« Сверхъ тоя Череги,
«« По твоемъ государевомъ займищу,
«« На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ:
«« На твои щаски княженецкія
«« Ничего не поимывали, не видали
«« Сокола и кречета перелетнаго;

*) Стихи явно перебиты; вѣроятно (судя по напѣву и примѣру другихъ стиховъ):

На твои щаски княженецкія
Ничего не поимавали;
Ничего не поимавали,
Только нашли мы, нашли мы людей:
Есть молодцовъ за́ три ста,
Есть молодцовъ и за пять сотъ.—*О.*

«« Только наѣхали мы молодцовъ
«« За тысячу человѣкъ *):
«« Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали
«« И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
«« А насъ избили-изранили,
«« Называются дружиною Чуриловою.»»
Тутъ Владиміръ князь
За то слово спохватится:
« Кто это Чурила есть таковъ?»
Выступался туто старой
Бермята Васильевичь:
— Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
— Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
— А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца.
— Дворъ у него на семи верстахъ,
— Около двора желѣзной тынъ,
— На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
— А и есть по жемчужинкѣ;
— Середи двора свѣтлицы стоятъ,
— Гридни бѣлодубовыя,
— Покрыты сѣдымъ бобромъ,
— Потолокъ черныхъ соболей,
— Матица-то валженая **),
— Полъ-середа одного серебра,
— Крюки да пробои по булату злачены;
— Первые у него ворота вальящатые ***),
— Другіе ворота хрустальные,
— Третьи ворота оловянные.—

*) Опять стихи вѣроятно таковы:
На твои щаски княженецкія
Ничего не поимывали;
Ничего не поимывали,
Не видали сокола и кречета перелетнаго;
Только наѣхали мы молодцовъ,
Есть человѣкъ за тысячу.—*О.*

**) *Матица*—середній брусъ потолка; *валженая* (—влаженая, вымокшая, сыромятная,)—обыкновенное прозвище ремней, кожи; обтянутая кожей?—*О.*

***) Рѣзные; ср. другіе выпуски.—*О.*

Втапоры Владимiръ князь и со княгинею,
Скоро онъ снаряжается,
Скоря того поѣздку чинятъ;
Взялъ съ собою князей и бояръ,
И могучихъ богатырей,
Добрыню Никитича
И стараго Бермяту Васильевича;
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старой Пленъ:
Для князя и княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А князямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ ворота оловянные;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сарожепинъ *)
Приступилъ ко князю Владимiру
И ко княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраные столы,
[Сажалъ] въ мѣсто почетное;
Принималъ-сажалъ князей и бояръ,
И могучихъ рускихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя,
А питья все заморскiя,
Чѣмъ бы князя развеселить:
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ.
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое,—
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
« По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося:
« Князя, меня, въ домѣ не случилося,

*) Сурожепинъ, торговецъ по Сурожу; ср « Замѣтку » къ 3-му выпуску.— *О.*

« Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
« Или какой грозенъ посолъ.»
Старой Пленка Сарожѐнинъ
Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
— Изволь ты, осударь,
— Владимiръ князь со княгинею,
— И со всѣми своими князи и бояры кушати:
— Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
— И не грозенъ посолъ;
— Ѣдетъ, де, дружина хорабрая сына моего,
— Молода Чурилы сына Пленковича;
— А какъ онъ, осударь,
— Будетъ предъ тобою жь,
— Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
— Будетъ столъ во полу-столѣ.—

Пьютъ-они-ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ;
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается:
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть [молодцовъ] и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему;
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица;
И прiѣхалъ Чурила ко двору своему;
Перво *) его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ,—
А и некуда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоять со своимъ промысломъ **);
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися
И совсѣмъ убиралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ:

*) Впередъ.—*О.*

**) Съ сопровождавшей его охотою.—*О.*

Беретъ золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ золоту казну,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другую *) сорокъ печерскихъ лисицъ,
И бралъ же камку бѣло-хрущату **),
А цѣна камкѣ сто тысячей,
Принесъ онъ ко князю Владиміру,
Клалъ передъ нимъ на убраной столъ.
Втапоры Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
« Гой еси ты, Чурила Пленковичь!
« Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
« Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
«[Въ Кіевѣ жить], князю служить.»

Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался,
Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ ***),
Ко ласкову князю Владиміру;
Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ;
А и будутъ на дворѣ княженецкіимъ,
Скочили они со добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлицы ****) гридни,
Садилися за убраные столы.

*

Посылаетъ Владиміръ, стольной Кіевской,
Молода Чурила Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,

*) Вѣроятно (судя и по напѣву): «другое (о въ у, е черезъ ё въ ю).» — О.

**) О *хрущатой* камкѣ см. вып. 3-й, стр. 78. — *О.*

***) Весь стихъ сбитъ безъ складу: должно быть два стиха изъ одного. — *О.*

****) Свѣтлыя? — *О.*

А зватаго *) приказалъ брать
Со всякого по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ,
И собралъ ко князю на почестной пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичь,
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ,
Къ той Катеринѣ прекрасной **);
И тутъ онъ позамѣшкался;
Ожидаетъ его Владимiръ князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Чурила Пленковичь:
Втапоры Владимiръ князь
Ни во что положилъ;
Чурила пришелъ—и столъ пошелъ,
Стали пити-ясти, прохлаждатися,
Всѣ князи и бояра до пьяна напивалися,
Для новаго стольника, Чурилы Пленковича;
Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.

По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала
Пороха снѣгу бѣлаго:
И нашли они свѣжiй слѣдъ;
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;
А иные тутъ усмѣхаются,
[Усмѣхаются] сами говорятъ:
«« Знать ***), это не зайка скакалъ,
««[Не зайка скакалъ], не бѣлъ горностай;

*) Побору за зовъ, вѣроятно въ пользу Чурилы.—*О.*
**) По стиху требуется:
Къ той Катеринѣ прекрасныя.—*О.*
***) Замѣтно, видно, что...—*О.*

«« Это шелъ Чурила Пленковичь
«« Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
«« Къ его *) молодой женѣ
«« Катеринѣ прекрасныя **).»»

*

2.

(Село Павлово, Нижегородской губ.)

У князя было у Володиміра,
У Кѣевсково было у Сыславича,
Было пированьицо почёсное,
Чесно́ и хвально́, больно ра́дышно,
На многи на князи на бо́яря
И на всю поляницу, на удалыхъ молодцо̀въ.
Становилась ѣства пята-на́-двадцать ***)—
Бѣлая лебёдушка подъ уксусомъ.
Рушила княиня лебедь бѣлую,
Заглядѣлась она на Чуриву на Цыплёнковича ****),
Порѣзала княиня руку лѣвую;
Со стыду со сраму̀ подъ столъ руку свѣсила,
Сама взго́воритъ таково̀ слово:
« Не́ годенъ Чуривушка въ постельнички,
« Во наши во постели княженецкія;
« Сказана Чуривѣ служба явленая:
« Ёму ѣздить по городу по Кѣеву,
« Ёму звать гостей съ гости́нами жоны̀ *****),
« Ёму звать князей со княинюшками,
« Ёму звать бояръ со боярынями.»

*) По стиху должно быть «ко его».— *О.*
**) Должно быть:
Къ той Катеринѣ прекрасныя.— *О.*
***) Шло кушанье двадцать пятое.— *О.*
****) Испорчено изъ «Чурилу Пленковича.»— *О.*
*****) Съ женами гостиными, купеческими.— *О.*

Встаётъ Чурива ранёхынько,
Умывается Цыплёнковичь бѣлёхынько,
Надѣватъ сапожки—зелёнъ сафьянъ,
Пятки гла́дки, носки́ плоски́,
Кругъ пяты̀ хоть ицо́мъ прокати,
Подъ пяту воробей проскочи.
Поѣхалъ Чуривушка по городу по Кѣеву,
Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ,—заборы трешщатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ, — лишь око́ненки *) звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ, — манатьи **) на сеѣ бёрутъ ***).

(Записано свящ. Е. Фаворскимъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. I).

3.

(Сузунскій заводъ).

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавную
Про молода Чурила сына Плёнковича.

Онъ добро по городу погуливалъ:
Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.
Что съ вечера пороша порошила,
Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.
По той-то порошѣ два слѣдочка лежатъ,
Малы́мъ-то малы, коротешеньки.

*) Оконницы.—*О.*

**) То же, что позднѣйшее «мантіи.»—*О.*

***) Ошибка вмѣсто «дёрутъ,» дерутъ.—О.

Стары старики собиралися,
Они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
«« Чьи это слѣдки малешеньки,
«« Малы́мъ-то малы́, коротешеньки?
«« Это молода Чурила, сына Плёнковича.»»

*) Выходили часовы, выносили фонари;
Выходила госпожа Пермитьиха,
Беретъ она Чурилу за бѣлыя руки,
За бѣлыя руки, за златы перстни,
Ведетъ его въ новую горницу,
Садитъ его за дубовый столъ,
Поитъ его сладкимъ медомъ, зеленымъ виномъ.
Тутъ-то сѣнной ея дѣвушкѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Пошла она—боярину пожаловалась:
— Ты гой еси, нашь превысокой господинъ!
— У насъ въ дому чудо чудится,
— Чудо чудится, диво дѣется:
— Чурило Плёнковичь гоститъ у тебя.—
Скочилъ Пермитьевъ **) на рѣзвы ноги,
Говоритъ онъ таковы слова:
« Налей ты мнѣ чару зелена вина,
« Зелена вина въ полтора ведра!»
Беретъ Пермитьевъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Беретъ онъ со спички ***) востру сабельку,
Пошелъ Пермитьевъ въ нову горницу.
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На спички, подъ спички посматриватъ;

*) Начало разсказа пропущено, Чурила постучался у Бермяты; за тѣмъ выходятъ сторожа (часовые), потомъ сама хозяйка.—О связи отрывочныхъ разсказовъ про Чурилу см. ниже въ «Замѣткѣ».—О.

**) Бермята, Пермята.—О.

***) Вѣшалки.—О.

Увидѣлъ на спичкѣ золотъ калпакъ:
« Это что̀, мнѣ ненадобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у батюшки была,
— Мнѣ батюшка пожаловалъ, родимый подарилъ:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго. —
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На грядки, подъ грядки *) поглядыватъ,
Увидѣлъ на грядкѣ перчатки шелковы:
« Это что̀, мнѣ ненадобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у матушки была,
— Мнѣ матушка дала, родна жаловала:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго. —
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На полки, подъ полки поглядыватъ,
Увидѣлъ на полкѣ зеленъ кафтанъ:
« Это что̀, мнѣ ненадобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!

*) *Грядка* — шестъ, подвѣшенный или придѣланный въ избѣ лежмя, для вѣшанья одежи; обыкновенно дѣлается надъ кутникомъ, въ бабьемъ углу. — По областямъ — двѣ жерди, или полка, или то же, что *воронецъ*, т. е. толстая доска отъ печи или палатей къ противуположной стѣнѣ. — *О.*

— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— У братца была, мнѣ братецъ пожаловалъ,
— Братецъ пожаловалъ, родной подарилъ:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго.—
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На лавки, подъ лавки поглядыватъ;
Увидѣлъ подъ лавкой сафьяны сапожки:
« Это чтȯ, мнѣ ненадобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у сестрицы была,
— Мнѣ сестрица подарила, родна жаловала:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго.—
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На печку, за печку поглядыватъ;
Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горятъ:
То ясны очи глядятъ, то Чуриловы.
« Выходи-ко ты, Чурило, середи полȧ:
« До тебя-то мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
« Мы съ тобой, Чурило, побратуемся.—
« Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
« Выходи-ко ты, княгиня, на краснȯ крыльцо,
« На краснȯ крыльцо, на перильчато:
« Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
« На другомъ женихѣ—вострой сабелькѣ.»

(Записано Д. П. Соловьевымъ (Соколовымъ?); ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III).

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИНЪ.

(Кирша Даниловъ).

Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волынца города изъ Галичья,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ.
Какъ конь подъ нимъ—какъ бы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ—какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Куякъ [*]) и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А куяку и панцырю цѣна стоитъ на сто тысячей;
А кольчуга на немъ красна золота,
Кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей;
Шеломъ на буйной головѣ замычется [**]),
Шелому цѣна три тысячи;
Копье въ рукахъ мурзамецкое, какъ свѣча горитъ;
Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабла острая,
Въ долину сабля сажень печатная [***]),
Въ ширину сабля осми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были булатныя,
А жилы—слоны сохатныя [****]),

[*]) См. вып. 3, стр. 77.—*О.*

[**]) Замыкается, застегивается, обомкнувши голову.—*О.*

[***]) Т. е. цѣлая, не меньше.—*О.*

[****]) *Сохатый* (въ пѣсняхъ «звѣрь сохатый»)—лось, Сибирское (вѣроятно отъ *соха*, по виду роговъ); *сохатный* будетъ дальнѣйшее прилагательное, произведенное отъ *сохатаго.* Если здѣсь *слоны* не испорчено изъ *словны*, *словно*, то *слоною* (женскаго рода, ед. ч., родит. пад.), а еще вѣроятнѣе—*слономъ* (въ муж. родѣ, именит. пад., множ. ч.) названъ здѣсь *лось*

И рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Бѣлаго шелку Шамаханскаго;
И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А во колчанѣ было полтораста стрѣлъ;
Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
А конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Цѣны коню смѣты нѣтъ;
Почему коню цѣны смѣты нѣтъ?
Потому ему цѣны смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Онъ скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.
А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися
И Владиміру князю поклонитися,
Послужить вѣрою и правдою,
По заочью князю не измѣною *).

Какъ и будетъ онъ во городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Скочилъ Казарянинъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ дубову столбу, къ кольцу булатному,
Походилъ въ гридню во свѣтлую,
Ко великому князю ко Владиміру;
Молился Спасу со Пречистою,

(ср. въ Шенкурскѣ *сланью—лоскомъ*), съ прозвищемъ *сохатнаго*. *Слонъ* въ народномъ словопроизводствѣ сопоставляется съ глаголомъ *слониться*, *слоняться*, т. е. шататься, бродить: «не два *слона* въ чистымъ полѣ *слонятся*, не два сыры дуба *шатаются*,—*слонятся-шатаются* два богатыря (ср. вып. 3, стр. 36).» Здѣсь конечно разумѣется не то опредѣленное животное—слонъ, которому трудно было попасть въ наши древнія пѣсни, а вообще животное дикое, существо на волѣ бродящее, шатающееся, слово, которымъ послѣ названъ и настоящій слонъ, при знакомствѣ съ нимъ. Едва ли и самое *солн-це* (по нарѣчіямъ *слън-це*, *слон-це*, *слун-це*) не того же корня: ср. формы *солонъ*, *солунь* и Шенкурское *солоновать*, ходить кругомъ, кругообращаться.—*О.*

*) Въ очью—вѣрой и правдой, заочно также, не измѣною, не измѣняя и не измѣняясь.—*О.*

Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны;
Говорилъ ему ласковой Владимiръ князь:
« Гой еси, удача доброй молодецъ!
« Отколь прiѣхалъ, отколь тебя Богъ принесъ?
« Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
« А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
« По изотчеству можно пожаловати.»
И сказалъ удалой доброй молодецъ:
— А зовутъ меня Михайлою Казарянинъ.
— А Казарянинъ душа Петровичь младъ.—
А втапоры стольной Владимiръ князь
Не имѣлъ у себя стольниковъ и чашниковъ;
Наливалъ самъ чару зелена вина,
Не велика мѣра—въ полтора ведра,
И провѣдываетъ *) могучаго богатыря,
Чтобы выпилъ чару зелена вина
И турiй рогъ меду сладкаго,
[Меду сладкаго] въ полтретья ведра.
Принималъ Казарянинъ единой рукой,
А и выпилъ единымъ духомъ,
И турiй рогъ меду сладкаго.
Говорилъ ему ласковой Владимiръ князь:
« Гой еси ты, молодой Михайло Казарянинъ!
« Сослужи ты мнѣ службу заочную:
« Съѣзди ко морю синему,
« Настрѣляй гусей, бѣлыхъ лебедей,
« Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ
« Къ моему столу княженецкому;
« До люби я молодца пожалую.»
Молодой Михайло Казарянинъ
Великаго князя не ослушался,
Помолился Богу, самъ и вонъ пошелъ,
И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ къ морю синему,
Что на теплы-тихи заводи.

*) Испытываетъ, выпьетъ ли столько.—О.

Какъ и будетъ у моря синяго,
На его щаски великія
Привалила птица къ берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ,
Ко его *) столу княженецкому,
Обвязалъ онъ своего добра коня
По могучимъ плечамъ до сырой земли,
И поѣхалъ отъ моря отъ синяго
Ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Наѣхалъ въ полѣ сыръ-кряковистой дубъ:
На дубу сидитъ тутъ черной воронъ **),
Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ правильно перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ—что огонь горятъ.
А и тутъ Казарянину за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Онъ Казарянинъ дивуется,
Говорилъ таково слово:
— Сколько по полю я ѣзживалъ,
— По его государевой отчинѣ,
— Такого чуда не наѣзживалъ,
— И наѣхалъ ***) нынѣ черна ворона! —
Втапоры Казарянинъ
Вынималъ изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона;
А и тугой лукъ свой потягиваетъ,
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей;
И завыли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя,

*) Владимірову.— *О.*

**) По складу стиха нужно «вранъ.»— *О.*

***) Что наѣхалъ, какъ наѣхалъ.— *О.*

Чуть было спустилъ калену стрѣлу,—
Провѣщится ему черной воронъ:
« Гой еси ты, удача доброй молодецъ!
« Не стрѣляй меня ты, черна ворона:
« Моей крови тебѣ не пить будетъ,
« Моего мяса не ѣсть будетъ,
« Надо мною сердце не изнести *);
« Скажу тебѣ добычу богатырскую:
« Поѣзжай на гору высокую,
« Посмотри въ раздолья широкія,
« И увидишь въ полѣ три бѣла шатра,
« И стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ **),
« На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
« Какбы три собаки наѣздники,
« Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
« Руская дѣвица полоняночка,
« Молода Марѳа Петровична.»

***) И за то слово Казарянинъ спохватается:
Не стрѣлялъ на дубу черна ворона,
Поѣхалъ на гору высокую;
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,
Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
Молода Марѳа Петровична;
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ ****) жалобно причитаючи:

*) Не сорвать сердца, не утишить, не потѣшить.—*О.*

**) Моржовая кость, извѣстная у насъ изстари и доселѣ употребительная въ Арханг. губ. для рѣзьбы разныхъ вещей; *бесѣда*—скамья, рѣзная, съ нарѣзками изъ кости, съ разными украшеніями.—*О.*

***) Отселѣ начинается разсказъ, встрѣчаемый въ простыхъ пѣсняхъ, такъ называемыхъ Татарскихъ, изъ Татарскаго времени, отчасти Колыбельныхъ.—О.

****) Сильно, весьма.—*О.*

BAYERISCHE STAATS BIBLIOTHEK MUENCHEN

« О злочастная моя буйна голова!
« Горе-горькая моя руса коса!
« А вечоръ тебя матушка разчесывала,
« Разчесала матушка, заплетала;
« Я сама, дѣвица, знаю-вѣдаю,
« Расплетать будетъ моя руса коса
« Тремъ Татарамъ наѣздникамъ!»
Они тѣ-то рѣчи Татара договариваютъ,
А первой Татаринъ проговоритъ:
«« Не плачь, дѣвица-душа красная,
«« Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго:
«« Аселу *) Татарину достанешься,
«« Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
«« Отдамъ за сына за любимаго,
«« За мирнаго **) сына въ Золотой Ордѣ.»
Съ тыя горы со высокія,
Какъ ясенъ соколъ напущается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичь младъ;
Приправилъ онъ своего добра коня,
Принастегивалъ богатырскаго,
И въ рукѣ копье мурзамецкое:
Перваго Татарина копьемъ сколол,
Другаго собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю.
Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Руску дѣвицу полоняночку,
Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ.
Какъ чуть съ дѣвицею ему грѣхъ творить,
А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить,
Расплачется красная дѣвица:
« А не честь твоя молодецкая, богатырская,

*) *А съ дѣлу*, съ раздѣлу, на долю? — *О*.
**) Т. е. за мирнаго Татарина, изъ мирной орды. — *О*.

« Не спросилъ ни дядины *), ни отчины,
« Княженецкая дочь и боярская,
« Была я дочь гостиная **),
« Изъ Волынца города изъ Галичья,
« Молода Марѳа Петровична.»
И за то слово Казарянинъ спохватается:
— Гой еси, душа, красная дѣвица,
— Молода Марѳа Петровична!
— А ты по роду мнѣ родна сестра!
— И ты какъ Татарамъ досталася,
— Ты какъ тремъ собакамъ наѣздникамъ?—
Говоритъ ему родная сестра:
« Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду
« Со своей сударынею матушкою:
« Какъ изъ далеча, изъ чиста поля,
« Какъ черны вороны налетывали,
« Набѣгали тутъ три Татарина наѣздники,
« Полонили меня красну дѣвицу,
« Повезли меня во чисто поле;
« А я такъ Татарамъ досталася,
« Тремъ собакамъ наѣздникамъ.»
Молодой Михайло Казарянинъ
Собираетъ въ шатрахъ злата-серебра,
Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,
Переметныя-сыромятныя,
И беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
На Рускаго богатырскаго,
Самъ садился на Татарскаго,
Какъ бы двухъ коней ***) въ поводу повелъ,
И поѣхалъ къ городу Кіеву.

*) *Дѣдины*, роду отъ дѣда, какъ *отчина-отчество* отъ отца.— *О.*

**) Пропущено нѣсколько стиховъ: «Не честь твоя молодецкая-богатырская, что напущаешься на меня не спросивъ ни дѣдины, ни отчины» За этимъ долженъ слѣдовать вопросъ Михайлы, чья она дочь, княженецкая иль боярская, и отвѣтъ ея, что «не княженецкая она дочь и не боярская,» дочь гостиная—гостя, торговца.— *О.*

***) А между тѣмъ двухъ остальныхъ коней (отъ 2-го и 3-го Татарина).— *О.*

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Въѣзжаетъ въ стольной Кіевъ градъ.
А и стольники-приворотники
Доложили князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Михайло Казарянинъ.
Поколь Михайло снялъ съ добра коня
Свою сестрицу родимую
И привязалъ четырехъ коней
[Четырехъ коней] къ дубову столбу,
Идутъ послы отъ князя Владиміра,
Велятъ иттить Михайлѣ во свѣтлу гридню.
Приходилъ Казарянинъ во свѣтлу гридню
Со своею сестрицею родимою;
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владиміру
И княгинѣ Апраксѣевнѣ:
— Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владиміръ князь
— Со душею княгинею Апраксѣевною!
— Куда ты меня послалъ, то сослужилъ:
— Настрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей
— И перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
— А и самъ въ добычѣ богатырскія:
— Убилъ въ полѣ трехъ Татариновъ,
— Трехъ собакъ наѣздниковъ,
— И сестру родную у нихъ выручилъ,
— Молоду Мароу Петровичну.—
Владиміръ князь стольной Кіевской
Сталъ о томъ свѣтелъ-радошенъ;
Наливалъ чару зелена вина
[Зелена вина] въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго
[Меду сладкаго] въ полтретья ведра,
Подносилъ Михайлѣ Казарянину;
Принимаетъ онъ, Михайло, единой рукой,
И выпилъ единымъ духомъ.
Втапоры пошли они на широкой дворъ,
Пошелъ князь и со княгинею,
Смотрѣлъ его добрыхъ коней,
Добрыхъ коней Татарскіихъ;

Велѣлъ тутъ князь
Со добра коня птицъ обрать,
И велѣлъ снимать сумы сыромятныя,
Относить во свѣтлы гридни,
Беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
А и коней поставить велѣлъ
[Поставить велѣлъ] по стойломъ *) своимъ.
Говорилъ тутъ ласковой Владимiръ князь:
« Гой еси ты, удача доброй молодецъ,
« Молодой Михайло Казарянинъ,
« А Казарянинъ душа Петровичь младъ!
« У меня есть триста жеребцовъ,
« И три любимы жеребца:
« А нѣтъ такого единаго жеребца!
« Исполать тебѣ добру молодцу,
« Что служишь князю вѣрою и правдою!»

* *
*

СОЛОВЕЙ БУДИМIРОВИЧЬ.

(Оттуда же).

Высота ли—высота поднебесная;
Глубота—глубота Океанъ-море;
Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскіе.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья **) зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того, де, царя вѣдь заморскаго,
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, единъ корабль

*) По стойламъ? — О.

**) Лукоморья, луки или облучины моря, извилистаго морскаго побережья. — О.

Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимiровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю—по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,
И Якутскому вѣдь, Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкiя,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимнiе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя *);
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколѣ кораблѣ
Два мѣдвѣдя бѣлые заморскiе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кiеву,
Къ ласкову князю Владимiру.

На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ **) чердакъ;
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбiй зубъ ***),
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ ****) молодецъ,

*) Бурыя.—*О.*

**) Муравою, травами, разводами, расписной, пестрый.—*О.*

***) См. объясненiе выше.—*О.*

****) Употребительно и *упавъ*, женское же имя—*купава, упава*, ниже увидимъ *Запава*, и т. п.,—красавецъ, красавица; юго-слав. *хубавъ*, санскрит. *шуб'а*.—*О.*

Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
Говорилъ Соловей таково слово:
« Гой еси вы, гости-корабельщики
« И всѣ цѣловальники любимые!
« Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
« У ласкова князя Владиміра,
« Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
« Чѣмъ свѣта жаловати? »
Отвѣчаютъ гости-корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
«« Ты славной, богатой гость,
«« Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
«« Есть, сударь, у васъ золота казна *):
«« Сорокъ сороковъ черныхъ соболей;
«« Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
«« Есть, сударь, дорога камка,
«« Что не дорога камочка,—узоръ хитеръ:
«« Хитрости были Царяграда,
«« А и мудрости Іерусалима,
«« Замыслы Соловья Будиміровича **);
«« На златѣ на серебрѣ—не погнѣваться ***).»»

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили,
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну,—
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Второе сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру.

*) То же, что дорогая, дорого стоившая, хотя бы и не было въ ней золота для подарковъ.—*О.*

**) Общій смыслъ тотъ, что искусство сдѣланныхъ узоровъ было заграничное, а придуманы они Соловьемъ.—*О.*

***) А злата-серебра князю можно и не дарить, князь на томъ и не погнѣвается: у гостей-купцовъ не деньги, а товаръ.—*О.*

Идетъ во гридню во свѣтлую,—
Какъ бы на пяту *) двери отворялися,—
Идетъ во гридню купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичь,
Спасову образу молится,
Владимiру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка,—узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимiровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владимiръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
— Соловей, сынъ Будимiровичь!
— Заимуй **) дворы княженецкie,
— Заимуй ты боярскie,
— Заимуй дворы и дворянскie.—
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимiровичь:
« Не надо мнѣ дворы княженецкie,
« И не надо дворы боярскie,
« И не надо дворы дворянскie:
« Только ты дай мнѣ загонъ земли
« Не паханыя и неораныя,
« У своей, осударь, княженецкой племянницы,
« У молоды Запавы Путятишной,
« Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
« Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
« Построить мнѣ, Соловью, снаряденъ дворъ.»

*) См. объясненія выше, на прим. вып. 1, стран. 82.—О.

**) Занимай подъ постой.—О.

« Говорилъ сударь ласковой Владиміръ князь:
— На то *) тебѣ съ княгинею подумаю;—
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Не паханыя и не ораныя.

Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
« Гой еси вы, мои люди работные!
« Берите вы топорики булатные,
« Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
« Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
« Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.»
Съ вечера, позднимъ-поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хорабрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна-то Запава пробужалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь, хорошій, во зеленой садъ:
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,—
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава путятишна:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
— Красныя сѣнныя дѣвушки!

*) О томъ.—*О.*

— Подте-тко, посмотрите-тко,
— Что мнѣ за чудо показалося
— Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?—
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
«« Матушка, Запава Путятишна!
«« Изволь-ко сама посмотрѣть:
«« Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.»»
Скоро, де, Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,—
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ-молчитъ *),—
Лежитъ Соловьева золота казна;
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ по тихоньку говорятъ,
По маленьку говорятъ, все молитву творятъ,—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными;
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная:
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

*) Молчаніе, только лишь щелкаетъ, пересыпается золота казна; такъ—въ избѣ молчитъ, а сверчокъ сверчитъ.—*О.*

Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,—
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ ли перины пуховыя:
« Чего, де, ты, Запава, испужалася?
« Мы, де, оба на возрастѣ.»
— А и я, де, дѣвица на выданьѣ,
— Пришла, де, сама за тебя свататься.—
Тутъ они и помолвили:
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.

Провѣдала его, Соловьева, матушка,
Честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Свадьбу кончити посрочила *):
«« Съѣзди, де, за моря синія,
«« И когда, де, тамъ разторгуешься,
«« Тогда и на Запавѣ женишься.»»
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.

Втапоры поѣхалъ и голой шапъ **) Давидъ Поповъ.
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ:
Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое ***)
Да крашенину печатную ****).
Втапоры князь сталъ спрашивати:
— Гой еси ты, голой шапъ Давидъ Поповъ!
— Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ
— Про гостя богатаго, про молода
— Соловья, сына Будиміровича?—

*) Отсрочила.—*О.*

**) *Шапъ—щапъ*, древнее *щапство*, по областямъ нынѣ—*щапливый*, *щепеткой*, *щепетильный*, *щепетиниться*,—все это означаетъ щегольство, охорашиванье, модную вычурность; прозвище—голый, т. е. на фу-фу, безъ состоянія, откуда сложное по областямъ—*голощапъ*, франтъ; самое *щеголь* вѣроятно отъ того же корня *ще* (*тще?*) и *голь*.—*О.*

***) Собственно—черное, темное, потомъ—грубое.—*О.*

****) Набойчатую.—*О.*

Отвѣчалъ ему голой шапъ:
«Я, де, объ немъ слышалъ,
«Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
«У того царя заморскаго:
«Соловей у царя въ протаможье попалъ *),
«И за то посаженъ въ тюрьму,
«А корабли его отобраны
«На его жь царское величество.»
Тутъ ласковой Владиміръ князь закручинился;
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго шапа Давида Попова;
Тысяцкой **)—ласковой Владиміръ князь,
Свашела ***)—княгиня Апраксѣевна,
Въ поѣзду—князи и бояра;
Поѣзжали ко церкви Божіи.

Втапоры жь въ Кіевъ [флотъ] пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будиміровича,
Ко городу ко Кіеву;
Якори метали во быстрой Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ-красенъ бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ Сокола корабля съ каликами,
Во бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою ****);
Походили они ко честной вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будиміровича,
Что прибылъ [флотъ] въ девяностѣ корабляхъ
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ;
А оттуда пошли ко ласкову князю Владиміру
На княженецкой дворъ,
И стали во единой кругъ *****).

*) Не заплатилъ за тамгу, мѣту товаровъ, контрабанда.— *О.*

**) Свадебный предводитель (у другихъ Славянъ *воевода*).— *О.*

***) Свашенька, сваха.— *О.*

****) Выходили каликами, одѣвшись въ каличье бѣлое платье, притворившись каликами.— *О.*

*****) Какъ всегда калики.— *О.*

Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ князь въ домъ свой;
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя;
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою;
Тогда ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали *),
Приводили его ко княженецкому столу;
Сперва говорила Запава Путятишна:
« Гой еси, мой сударь-дядюшка,
« Ласковой сударь Владиміръ князь!
« Тотъ-то мой прежній обрученной женихъ,
« Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь:
« Прямо, сударь, скачу,—обезчещу столы **)!»
Говорилъ ей ласковой Владиміръ князь:
— А ты гой еси, Запава Путятишна!
— А ты прямо не скачи, не безчести столы.—
Выпускали ее изъ за дубовыхъ столовъ,
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
Говорила Запава таково слово
Голому шапу Давиду Попову:
« Здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать ***)!»
Втапоры ласковой Владиміръ князь веселъ сталъ,
А княгиня наипаче того;
Подымали пирушку великую.

* *
*

*) Узнавали.— *О.*

**) Если не выпустите изъ за столовъ, къ жениху, то я скачу черезъ столы.— *О.*

***) Сравни выше пѣсни о Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, вып. 2-й, а также « Замѣтку » при 3-мъ вып., стран. XXV, XXVI.— *О.*

СЪ КАКИХЪ ПОРЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

(Сибирь).

Выѣзжали на Сафатъ-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удáлыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ нáзванныхъ:
Выѣзжалъ Годенко *) Блудовичь,
Да Василій Казимировичь,
Да Василій Буслаевичь **),
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичь младъ,
Выѣзжалъ Добрыня мóлодецъ,
Выѣзжалъ и матерóй казакъ,
Матерóй казакъ Илья Муромецъ.

Передъ ними раскинулось поле чистое ***),
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковистый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужь какъ первая дорога ко Новý-городу;
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву;
А что третія дорога ко синю морю,
[Ко синю морю] далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,

*) Изъ *Годенъ*, *Годинъ*; тотъ же богатырь *Хотенъ*, *Хотинъ*; *Горденъ*, *Гордей*.—*О*.

**) Позднѣйшая прибавка: имя удальца Новгородскаго примѣшано къ богатырямъ Кіевскимъ.—*О*.

***) Стихъ позднѣйшей работы.—*О*.

Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ-полотнянъ шатеръ:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ Татарченокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня *),
Клалъ на него онъ потнички **),
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце Черкасское,
Бралъ копейце урзамецкое ***),
Бралъ чингалище ****) булатное,
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ *****) по мѣрной верстѣ,

*) Коня борзаго.—О.
**) См. вып. 2-й, стр. 23.—О.
***) Мурзавецкое, мурзинское.—О.
****) Кинжалище, кинжалъ.—О.
*****) То же, что « хоботы мечетъ »; ср. вып. 2, стр. 5 и 121.—О.

Выскоки *) мечетъ по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
« Выходи-ка, Татарченокъ,
« Злой Татаринъ, бусурманченокъ!
« Станемъ мы съ тобой честный бой держать.»
Втáпоры выходитъ Татаринъ изъ бѣлà шатра
И садится на добрà коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися-сходилися два удалые витязя.
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные:
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускóльзнула,
Правая ручка Добрыни удрóгнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы̀ груди,
Поролъ ему бѣлы̀ груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичь раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студенóй водой,
Утирался тонкимъ пóлотномъ,
Помолился чýдну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только нéвеселъ,
Потупи́лъ очи во сыру землю,
Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ **).

*) То же, что «ископоть;» ср. вып. 1, стр. 46 и вып. 3, стр. 66.—*О.*

**) Эти послѣдніе два стиха позднѣйшей работы: такъ выражаться можетъ не Былевая, а Бытовая, Женская (лирическая) пѣсня.—*О.*

Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка *) богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ **) голосомъ:
« Вылѣзай-ка ты, Татаринъ злой,
« На честной бой, на побраночку ***)!»
Отвѣчаетъ ему Татарченокъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
— Ваши роды ****) не уклончивы,
— Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
— Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
Возговоритъ на то Алеша Поповичь младъ:
« Не хвались на пиръ идучи,
« А хвались съ пиру идучи!»
Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра̀ коня.

*) Шатеръ, о которомъ говорится ниже; сравненіями очерчено предварительно мѣсто подвига и набросаны краски самого подвига.— О.

**) По обычному употребленію и предыдущему примѣру должно быть « зычнымъ; » впрочемъ « зыкъ » = « звукъ » филологически, только старше.— О.

***) Брань, не продолжительную, а сшибку.— О.

****) Т. е. богатыри вашего разбора, вы, богатыри Кіевскіе; а можетъ статься, это намекъ и на поповскій родъ Алеши,— дерзкаго, напористаго, но въ то же время нестойкаго: о Добрынѣ на оборотъ можно было сказать, что онъ уклончивъ (по его пріемамъ, мягкимъ, уступчивымъ, вѣжливымъ), а между тѣмъ стоекъ.— О.

Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два уда́лые витязи;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой;
Одолѣлъ Алеша Татарина:
Валилъ его́ на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы̀ груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы̀ груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся черный воронъ *),
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
«« Охъ ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
«« Ты послушай меня, чернаго ворона:
«« Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей;
«« А слетаю я на синѐ море,
«« Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
«« Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,—
«« Сростется его тѣло бѣлое;
«« Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
«« Тутъ и очнется добрый мо́лодецъ.»»
Втапоры Алеша ворона послушался.
И леталъ воронъ на синѐ море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,—
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися **) раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой,—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они Татарина.

*

*) Врапъ?—О.

**) Слишкомъ длинно для народнаго творческаго языка: «затяга́лися» или «затянулися.»—О.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ пóлотномъ,
Помолился чýдну образу;
Видитъ онъ,—черезъ Сафатъ рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облéтѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
« Ой ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
« Удалые братья названные!»
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.

И стали витязи похвалятися:
«« Не намахалися наши могýтныя плечи,
«« Не уходилися наши добрые кони,
«« Не притупились мечи наши булатные!»»
И говоритъ Алеша Поповичь младъ:
« Подавай намъ силу нездѣшнюю:
« Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей *),
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать?
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—

*) Подобное слово могло быть допущено въ Былинѣ развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ Стиху, которому не чужды бываютъ слова книжныя. — *О.*

Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичь на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
[Бились] три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ *);
Какъ подбѣжитъ другой,

*) Замѣчательно, что въ концѣ своемъ Былина явно разрушена въ стихѣ и складѣ, обращаясь въ сказочный говоръ: потому ея заключеніе и выводы (по которымъ составлено и заглавіе, какъ говоритъ г. Мей, недостававшее въ пѣсни) могутъ не принадлежать древности и первобытному виду Былины.— *О.*

Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи
на святой Руси.

(Записано г. Л. Меемъ въ 1840-мъ году отъ стараго Сибирскаго козака Ивана Андреева; ср. Сынъ Отеч., 1856 г., № XXVII, стр. 96, 97.)

* *
*

АНИКА ВОИНЪ.

1 *).

(Оренбургск. губ., Уфимскаго уѣзда, сельцо Новосѣлки).

Жилъ-былъ Аника Воинъ,
Два ста лѣтъ и двадцат лѣтъ.
Отживалъ онъ остатное время.
Онъ при пирѣ при бесѣдѣ похваляется,
И при попахъ, и при дьяконахъ:
« Я поѣду, Аника Воинъ,
« Въ Іерусалимъ градъ,
« Весь Іерусалимъ градъ порублю,
« Весь въ полонъ возьму [1])! »

*) Къ этой «Бабьей старинѣ,» для полноты, приведемъ мы разнорѣчія изъ Побывальщины, доставленной во II-е отд. Ак. Наукъ; ср. «Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ,» г. Варенцова, стр. 118—120; къ сожалѣнію не означено, гдѣ она записана; судя по языку, вѣроятно въ Онегѣ или близко. — О.

1) Былъ-жилъ Оника Воинъ богатые.
Проживалъ Оника триста девяносто лѣтъ,
А все пассе да берегсе Цюда цюднаго,
Смерти цюдные, Смерти страшные,
А само-тъ все пустыни да монастыри разорялъ.
Положилъ свое злобно намѣренье
Святая Святыхъ (т. е. въ Іерусалимѣ) да роззорити
И по цисту полю бревна розвозити.

Ѣдетъ онъ путемъ-дорогою,
Валяется середи пути-дороженьки
Чудо престрашное.
Онъ Чудѣ воздивился,
Воздивился, устрашился:
« Что это за Чудо
« Середи пути-дороженьки валяется?
« Царь ли ты, царевичь,
« Или король, королевичь,
« Иль изъ иной земли скорый посолъ?»
— Я не царь, не царевичь,
— Не король, королевичь,
— Не изъ земли я скорый посолъ:
— Я твоя-то Смерть,
— Хочу тебя воскусити *),
— Не хочу тебя
— До Іерусалима града допустити.—
« Я Смерти этой не вздивляюся:
« Я палицу вcподымаю,
« Хочу ударить тебя по главѣ.»
— Аника Воинъ, не бодрися:
— Были не въ твою высоту,
— И то Смерти, меня, не миновали.
— Былъ сотворшій Богъ,
— Сотворилъ небо и землю,
— И луны, и звѣзды:
— И то меня, Смерти, не миновалъ **) [2]).—

*) По другимъ разнорѣчіямъ «искосити,» скосить.— *О.*

**) Во избѣжаніе соблазна разныхъ миѳологическихъ толкованій, нужно замѣтить, что все это мѣсто спутано: прочія разнорѣчія показываютъ, что здѣсь приводятся примѣры сильныхъ богатырей, не избѣгшихъ смерти: Богъ же, говорится, сотворилъ вмѣстѣ съ прочими тварями Смерть и попустилъ ее на землю.— *О.*

2) На стрѣчу-ту Оники
Цюдо цюдное, Диво дивное:
Ноги-ты у Цюда-та звѣриныи,
Голова-та у Цюда целовѣцеська,
А тулово у Цюда лошадиное.

Невзвидимо къ нему
Смерть подкралася,
Косой ноги ему подкосила,
Пилой она ему руки подпилила:
Онъ съ добра коня свалился,
Онъ и Смерти возмолился:
« Охъ, матушка ты моя, Смерть!
« Дай ты мнѣ пожити хоть на годочекъ.»
— Не дамъ я тебѣ пожити на часочекъ.—
« Охъ, матушка ты моя, Смерть!
« Дай ты мнѣ пожити хоть на мѣсяцъ:
« Я въ свое житье-бытье *) съѣзжу,

Говорилъ Оника таковы слова:
« Штò ты тако, Цюдо цюдное,
« Штò ты тако, Диво дивное?
« Али ты еси царь, али царича ты,
« Али князь еси ты, али кнеиня ты,
« Али ты еси паленича да удалая,
« Али ты хресьенина жона хресьеньская?»
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Я не царь, да и не царича, вить,
— Я не князь, да и не кнеиня же,
— Я не паленича да удалая,
— Да не хресьенина жона я хресьеньская:
— А я, вить, есь Смерть, да Смерть престрашная.—
Становилсе тутъ Оника противу Цюда цюднаго,
Говоритъ Оника Воинъ таковы слова:
« Я, вить, тобя, Цюдо, копемъ стопцю,
« Да я, вить, тобя, Цюдо, копьемъ сколю.»
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Были богатыри-то славнѣ тобя,
— Былъ Самсонъ богатырь, тотъ славнѣ тобя,
— Былъ Полканъ богатырь, тотъ славнѣ тобя:
— И тѣ сдалисе, вить, склонилисе,
— Подъ мою, вить, руку приклонилисе;
— Да и тобѣ, Оника, быть подъ моей рукой!—

*) Жилище.—О.

« Съ отцемъ съ матерью разпрощуся.
« Съ родомъ съ племенемъ поклонюся.
« У меня казны много множество:
« Я свою казну расточу
« По нищимъ по братьямъ,
« По церквамъ по соборамъ.»
— Аника Воинъ!
— Твоя казна кровавая:
— Въ твоей казнѣ
— Душѣ пользы не будетъ [3]. —

*

3) А втогда Оника подъ конемъ лежитъ,
А Цюдо на Оникѣ на верху сидитъ.
Какъ просилъ Оника у Цюда цюднаго
Времени только на три годы,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ развозить.
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Да не дамъ я тѣ строку (сроку) на три годы:
— У тобя, вить, имѣнье неправедно,
— Да твоей души польза не буде. —
Какъ просилъ Оника у Цюда цюднаго
Времени только на три мѣсецяя,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ развозить,
И спасти ему душа грѣшная.
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Да не дамъ я тѣ строку на три мѣсецяя:
— У тобя, вить, имѣнье неправедно,
— Да твоей души польза не буде. —
Какъ просилъ Оника у Цюда цюднаго
Только строку на три цяса,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ развозить,
Да спасти ему душа, душа грѣшная.
Тутъ Цюдо опять отговаривало:

2 *).

Жилъ да былъ на землѣ
Храбрые человѣкъ **) Аника.
Много онъ полонилъ,
Много онъ покорилъ
Царей и царевичей,
Королей, королевичей,
И сильныехъ-могучихъ богатырей.
Собирается Аника
Въ Ерусалимъ градъ:
Хочетъ Аника
Святую святыню ***) погубити,
Господень гробъ раззорити [1]).

— Да не дамъ я тѣ строку и на три цяса:
— Вить твое-то имѣнье неправедно,
— Да твоей души польза не буде.—

Тутова Оника и преставилсе,
Тутова Оники и славы поютъ
(Т. е. умеръ онъ и ему поютъ славу, какъ обыкновенно умершимъ, а въ Стихахъ святымъ),
Славы поютъ, да и Дунай поютъ,
Поютъ Дунай,
Да и впередъ не знай
(*Слава* обыкновеннѣе въ Стихахъ; въ Былинахъ же, въ концѣ, любимый на Сѣверѣ Руси припѣвъ—«*Дунай, Дунай, впередъ болѣ не знай,*» съ разными прибаутками, и т. п.).—*О.*

*) Мы приведемъ сюда для полноты разнорѣчія, записанныя въ Полинскѣ, Вятск. губ.; ср Сборникъ г. Варенцова, стр. 110—116.—*О.*

**) Храборъ, богатырь.—*О.*

***) Святая святыхъ, въ Іерусалимѣ.—*О.*

1) Во славномъ градѣ во Евлесѣ (Евдесѣ, Едессѣ)
Жилъ былъ рабъ (храбръ) человѣкъ Аника Воинъ.
Жилъ на землѣ двѣсти двадцать два года, воевалъ (воинъ? много войны повоевалъ?),
Много Латынскія силы облатынилъ,
Много Русскія силы побѣдилъ.

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ ѣдетъ Чудо:
Голова у Чуда человѣческа,
Власы у Чуда до пояса,
Туловo у Чуда звѣриное,
А ноги у Чуда лошадиныя.
Аника на конѣ становился
И этому Чуду дивился:
« Скажи ты мнѣ, Чудо, провѣдай *),
« Царь ли ты, ли царевичь,
« Король ли ты, королевичь,
« Или ты сильные-могучій богатырь?»
Чудо ему отвѣщаетъ:
— Я не царь, не царевичь,
— Не король, королевичь,
— И не сильный-могучій богатырь:
— А я Смерть, страшна и грозна,
— Вельми непомѣрна,

Добивается Аника до начальнаго (главнаго) царства,
Хочетъ Ерусалимъ градъ разбивати,
Соборныя церкви нарушати,
Гдѣ Пресвятая Богородица
Стоитъ на престолѣ,
Гдѣ Христова гробница
Пребываетъ на воздуси,
Гдѣ съ дамьяномъ (ѳиміамомъ) съ ладаномъ выходятъ,—
То онъ хочетъ разбивати,
То онъ хочетъ нарушати,
Русскую кровь проливати.
Походитъ Аника во чистое поле,
Имаетъ себѣ добраго ко́ня,
Садился Аника на добраго коня,
Беретъ онъ палицу боевую,
Поѣхалъ Ерусалимъ градъ разбивати,
Соборныя церкви нарушати,
Русскую кровь проливати.

*) Повѣдай. — *О.*

— Сердцемъ своимъ непосульна.
— Кто сотворилъ небо и землю,
— Кто сотворилъ облаки, звѣзды,
— Тотъ меня сотворилъ,
— По всей землѣ попустилъ.
— Гдѣ кого застану, искошаю [*]:
— Въ пути въ дорогѣ застану, искошаю;
— Въ избѣ, на подворьѣ застану, искошаю;
— Хочу и тебя, Аника, искосити.—
Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
« Я палицу подыму, палицей пришибу,
« Либо коня попущу, конемъ потопчу
« По главѣ по твоей.»
Она [**] ему отвѣщаетъ:
— Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
— Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь:
— И я ихъ искосила;
— Хочу и тебя, Аника, искосити [2].—

*) Скошу.—Въ другихъ разнорѣчіяхъ сдѣлано «искушаю,» «скушаю.»— *О.*

**) *Уже не Чудо, а Смерть.*—О.

2) До полу̂пути Аника не доѣхалъ,
На полу̂пути Аника остановился,—
Попало Аникѣ во стричу
Чудо чудное, Диво дивное:
У Чуда тулово звѣриное,
Ноги лошадиныя,
Голова человѣчья и руки человѣчьи,
Власы у Чуда до пояса.
Аника Чуда устрашился:
« Что это за Чудо чудное и за Диво дивное!
« Скажи мнѣ, Чудо, проповѣдуй (повѣдай):
« Али ты изъ царей какой царевичь,
« Али изъ королей королевичь,
« Али изъ богатырей какой богатырь,
« Или не Русская ли сильна-удалая полони́да?»
(*Паленица*; но любопытно, что *планида* и *полонида*, доселѣ весьма употребительное на Руси слово, есть греческое *планета*, того же корня и смысла, что *поляница*, *поленица*, т. е. блуждающая.)

Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
« О Смерть, страшна и грозна!
« Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода:
« Сострою я тебѣ церковь,
« Спишу твой ликъ на иконѣ,
« Поставлю твой ликъ на престолѣ;
« И будутъ къ намъ съѣзжаться
« Князья и бояре,

Аникѣ Чудо отверзаетъ (отвѣчаетъ):
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Я не царь какой, не царевичъ,
— Не изъ королей королевичъ,
— Не изъ богатырей какой богатырь,
— И не Русская сильна-удалая поленица;
— А я есть гордая Смерть сотворенна,
— Отъ Христа по тебя Смерть послана я:
— Хочу я тебя, Анику, умертвити,
— Во сырую землю положити;
— Полно тебѣ, Аника, воевати,
— Соборныя церкви разбивати,
— Русскую кровь проливати.—
Аника на Чудо не здиваетъ (диву не дается),
Беретъ онъ палицу боевую,
Хочетъ Аника Смерть ушибити,
Во сырую землю положити.
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Ты рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Не хочешь ты мнѣ покориться
— И не хочешь ты мнѣ поклониться?
— Былъ на землѣ богатырь Малафей (Олофернъ),
— Былъ на землѣ богатырь Соловей (разбойникъ?),
— Былъ на землѣ богатырь Егоръ-Святогоръ (по замѣчанію пѣвца, сынъ Самсона),
— Былъ богатырь—надъ семидесятью землями богатырь (по замѣч. пѣвца—Самсонъ, у котораго были три ангельски волоса):
— И то они мнѣ покорились,
— И то они мнѣ поклонились.—

«И сильные-могучіе богатыри,
«И станутъ намъ свозить
«Казну золотую.»
Она ему отвѣщаетъ:
— Кабы, де, брать мнѣ казну золотую,
— Были бы у меня горы золотыя
— Отъ Востока и до Запада.—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по рукамъ и по ребрамъ.
Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ:
«Есть у меня казна золотая,
«Раздамъ я ее по тюрьмамъ,
«[По тюрьмамъ] и по богадѣльнямъ.»
Она ему отвѣщаетъ:
— Казна твоя кровавая
— Душѣ твоей не помога.—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ и по жиламъ.
Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку, хоть на полгода:
«Есть у меня отецъ и мать,
«Дай ты мнѣ съ отцомъ съ матерью проститься.»
Она ему отвѣщаетъ:
— Какъ же ты, ѣхалъ *) на ратное дѣло **),
— За чѣмъ съ отцемъ съ матерью не простился?—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ, по жиламъ,
Аника на конѣ шатается,
И смертныя уста запекаются;
Аника съ коня повалился.

*) Т. е. ѣхавши, ѣдучи.—О.
**) Въ поле, на подвиги, могущіе встрѣтиться.—О.

90. Тутъ по Аникѣ и слава *) [3]).

Двадцать лѣтъ тому назадъ это напечатано было въ Современникѣ, 1840 г., т. XVII, стр. 140—142; потомъ какъ новость, за исключеніемъ вступленія (12-ти первыхъ стиховъ), помѣщено и вызвало многія разсужденія въ «Русскомъ Словѣ,» 1859 г., № 1-й, стр. 90—94, и въ «Лѣтоп. Русск. Литер.,» 1859 г., кн. 2. Въ доказательство, что это одно и то же, только съ ошибками отъ неправильной переписки или неправильнаго чтенія, мы въ слѣдъ за симъ печатаемъ:

*) Ср. выше.—*О.*

[3]) Вынимаетъ Смерть пилы невидимы,
Подпиляетъ у Аники становыя жилы
И тѣ подъ колѣны рѣзвыя ноги.
Аника, будто пьяный, на конѣ зашатался,
Рѣзвыя ноги подвихнулись,
Бѣлыя руки опустились,
Ясныя очи помутились,
Буйная глава съ плечь повалилась,
И Аника съ коня повалился,
О сырую землю поразился.
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая Смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня, Смерть, посланная!
«Дай ты мнѣ строку и вѣку,
«На тридцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:
«Я поѣду во свой домъ, побываю,
«Есть у меня, у Аники, казны много,
«Я съ тобой казной подѣлюся.»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
—Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
—Есть на землѣ много изъ царей, царевичевъ,
—Изъ королей, королевичевъ,
—Изъ богатыхъ богатые:
—Они бы со мной казной подѣлились,
—У меня бы казны было много,
—Была бы казна золотая
—Отъ Востоку солнца до Заката.
—Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,

3.

(Вологда).

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ ѣдетъ Чудо:
Голова у Чуда человѣческа,
Волосы у Чуда до пояса,
Тулово у Чуда звѣриное,
А ноги у Чуда лошадиныя.
Аника на конѣ остановился

— На двадцать лѣтъ тебѣ вѣку.—
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая Смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня, Смерть, посланная!
«Дай ты мнѣ строку и вѣку,
«На двадцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:
«Я поѣду въ свой домъ, побываю,
«У меня въ дому казны много,
«Я свою казну расточаю
«По тѣмъ церквамъ по соборнымъ,
«По тѣмъ тюрьмамъ-богадѣльнямъ
«И по тѣмъ по бѣднымъ по людямъ,
«По всей по нищей по братьи,
«Не будетъ ли моей душѣ помощь.»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— У тебя казна не трудовая,
— У тебя казна праховая,
— У тебя казна слезовая,
— У тебя ли съ кроволитья нажитая:
— Да не будетъ твоей душѣ помощь.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На десять лѣтъ тебѣ вѣку.—
Аника плачетъ и рыдаетъ,

И этому Чуду дивился:
« Скажи ты мнѣ, Чудо, повѣдай:
« Царь ли ты, ли царевичь,
« Король ли ты, королевичь,
« Или ты сильный-могучій богатырь?»
Чудо ему отвѣчаетъ:

Смерть матерью родимой называетъ:
« Гордая Смерть сотворенна,
« Отъ Христа по меня посланная!
« Дай ты строку и вѣку
« На десять лѣтъ ты мнѣ вѣку:
« Я поѣду въ свой домъ, побываю,
« Я сниму твой ликъ на икону,
« Поставлю во церковь во соборну,
« Будемъ мы тебѣ покланяться
« И будемъ тебѣ всѣ покаряться,
« Будемъ тебѣ молебны исправляти
« И будемъ въ канонѣ тебѣ читати
(Читать тебѣ канонъ, праздновать тебѣ *канонъ* или *канунъ*, какъ празднику, варить на праздиество канунъ, пива ячныя, собирать пиръ).»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Нельзя мнѣ во церкви стояти,
— Нельзя мнѣ молебны исправляти,
— Нельзя мнѣ въ канонъ читати.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На пять лѣтъ тебѣ вѣку.—
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
« Гордая Смерть сотворенна,
« Отъ Христа по меня, Смерть, посланная!
« Дай ты мнѣ строку и вѣку,
« На пять лѣтъ ты мнѣ вѣку:
« Я поѣду въ свой домъ, побываю,
« Есть у меня казны много,
« Есть у меня отецъ-мати,
« Есть у меня родъ и племя,

— Я не царь, не царевичь,
— Не король, не королевичь
— И не сильный-могучій богатырь,
— А я Смерть, страшна и грозна,
— Вельми непомѣрна,
— Сердцемъ своимъ непосульна.

«Есть у меня друзи-братья.
«Я поѣду—съ нимя распрощуся.»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Нѣтъ у меня, у Смерти, ни отца, ни матери,
— Ни роду, ни племени,
— Ни друзи, ни братіи.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На три часа тебѣ вѣку.
— Гдѣ я раба застигаю,
— Тутъ раба я искушаю (ср. выше),
— Хотя я при церкви при соборной,
— Хотя при торгу при базарѣ,
— Хотя я при пиру при бесѣдѣ,
— Хотя я при пути при дорогѣ,
— Хотя я во чистомъ во полѣ,
— Хотя во темномъ во лѣсѣ,
— Хотя на синемъ на морѣ,
— Тутъ я раба застигаю,
— Тутъ я раба искушаю.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На три минуты тебѣ вѣку.—

Солетали съ небесъ ангелы Господни,
Вынимали Аникину душу
(Заключеніе какъ въ Стихахъ).
Аникѣ слава и держава во вѣки вѣковъ
(«Емуже — Богу, Христу — слава и держава во в. в.», — обыкновенное заключеніе древнихъ рукописей, переносимое часто и въ Стихи, а здѣсь пріуроченное Аникѣ).

— Кто сотворилъ небо и землю,
— Кто сотворилъ облака и звѣзды,
— Тотъ меня сотворилъ,
— По всей землѣ попустилъ.
— Гдѣ кого застану,—искоша́ю,
— Въ пути въ дорогѣ застану,—искошаю,
— Въ избѣ, на подворьѣ застану,—искошаю:
— Хочу и тебя, Аника, искосити.—
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
« Я палицу подыму, палицей пришибу,
« Либо коня попущу, конемъ потопчу,
« По главѣ по твоей.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
— Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь,—
— Я ихъ искосила:
— Хочу и тебя, Аника, искосити.—

Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
« О Смерть, страшна и грозна!
« Дай ты мнѣ сроку на два года:
« Сострою я тебѣ церковь,
« Спишу твой ликъ на иконѣ,
« Поставлю твой ликъ на престолѣ,
« И станутъ къ намъ съѣзжаться
« Князья и бояре,
« И сильные-могучіе богатыри,
« И станутъ намъ свозить
« Казну золотую.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Кабы, де, брать мнѣ казну золотую,
— Были бы у меня горы золотыя
— Отъ Восхода до Заката.—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею *) по рукамъ, по ребрамъ.
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:

*) Ошибкою переписано или прочтено вмѣсто « его: » ср. предыдущій №.— *О.*

« О, Смерть, страшна и грозна!
« Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ:
« Есть у меня казна золотая,—
« Раздамъ я ее
« По тюрьмамъ, по богадѣльнямъ.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Казна твоя кровавая,
— Душѣ твоей не помогла *).—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
« О Смерть, страшна и грозна!
« Дай ты мнѣ сроку на полгода:
« Есть у меня отецъ и мать,—
« Дай ты мнѣ
« Съ отцомъ съ матерью проститься.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Какъ же ты, ѣхалъ на ратное дѣло,
— За чѣмъ съ отцомъ съ матерью не простился?—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ:
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запекаются;
Аника съ коня повалился:
Тутъ по Аникѣ и слава.

(Напечатано вторично г. Н. Бунаковымъ, какъ записанное нѣкогда въ Вологдѣ одннмъ изъ его знакомыхъ).

*

4.

Жилъ на землѣ храбрые человѣкъ Аника Воинъ.
Много Аника по землѣ походилъ,
И много Аника войны повоевалъ,
И много Аника городовъ раззорялъ,

*) Ошибка вмѣсто «не помога,» «не подмога.» — О.

Много Аника церквей растворивши,
И много Аника ликъ Божіихъ поругавши,
И много Аника святыя иконы переколовши,
Много Аника христіанскія вѣры облатынилъ.
Добирается Аника до начальнова граду Ерусалиму,
И хочетъ Аника начальной градъ Ерусалимъ раззорити,
И соборную церкву растворити,
И хочетъ ликъ Божій поругати,
И святыя иконы хочетъ переколоти,—
И гдѣ на воздусѣ гробница пребывала,
Гдѣ демьянъ-ладанъ изъ кадила вонъ не выходитъ,
И гдѣ горятъ свѣчи неугасимы.
И поѣхалъ Аника домо́ю,
Садился Аника на до́брова ко́ня,
И поѣхалъ Аника въ чистое поле погуляти,
Начальной градъ Ерусалимъ раззоряти.

До половины пути начальнова граду Ерусалима не доѣхалъ,
При пути при дороги
Аники же Чудо объявилось:
У Чуда ноги лошадины,
У Чуда ту́лово звѣрино,
У Чуда буйна̀ глава человѣчья,
На буйно̀й главѣ власы до споясу.
На то же Аника удивилса
И тому же Аника разсмѣхну́лса:
«Скажи ты мнѣ, Чудо, проповѣдай:
«Царь ли ты, царевичь, король ли ты, королевичь,
«Али ты русская могучая-удала̀я полени́ца?»
Аникѣ же Смерть проглаголила:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Я ни царь, ни царевичь, ни король, королевичь,
— Я и не русская мугучая-удалая полени́ца:
— Я гордая Смерть сотворе́нна,
— Отъ Господа Бога попуще́нна
— По твою, по Аникину, душу.

— Хочу тебя, Аника, искусити *),
— На мать на сырую землю поразити.—
Аника на то же удивилса,
Аника тому же разсмѣхнулса:
« Я прежде про Смерть слыхо̀мъ не слыха̀лъ
« И видо̀мъ не вида̀лъ,
« А теперя я предъ собою ее вижу.
« Сказали мнѣ про Смерть,—
« Страшна, грозна и непомѣрна:
« Я этою Смерти не боюса,
« На главу палицу боёвую воздыму
« И тебя, Смерть, я ушибу,
« И на мать на сырую землю поражу.»
И Аникѣ же Смерть проглаго̀лела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Жилъ на землѣ сильной-могучой Святигоръ богатырь,
— Жилъ на землѣ сильной-могучій Молоферъ **) богатырь,
— Жилъ на землѣ сильной-могучой и Самсонъ богатырь:
— И тѣ мнѣ, Смерти, покорилися,
— И тѣ мнѣ, Смерти, поклонилися;
— А ты же, храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
— И не хошь ты мнѣ, Смерти, покоритися,
— И не хошь ты мнѣ, Смерти, поклонитися?—
Аника на то же не взираетъ,
И палицу боёвую на главу воздымаетъ,
И хочетъ Смерть ушибити,
На мать на сырую землю поразити.
И Смерть вынимала пилы неувидѝмы,
И подпилила у Аники въ руца̀хъ и въ нозя̀хъ становныя жилы.
У Аники въ стременахъ рѣзвыя нозѣ подогнулись,
У Аники бѣлыя руцы опустились,

*) Ср. выше.—*О*.
**) Олоферпъ.—*О*.

У Аники бѣло̀ лицо помрачилось,
У Аники очи ясныя помутились,
Аники буйна глава долой съ плечь покатилась.
И, яко пьяныя, Аника на конѣ зашаталса,
Упалъ же храбрые человѣкъ Аника Воинъ
На мать на сырую землю.

Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называитъ:
« Ты гордая мать сотворённа,
« Отъ Господа Бога попущённа!
« Дай ты мнѣ вѣку на двадцать лѣтъ,
« И домо̀ю дай уѣхать:
« Я поѣду въ домо-тъ свой, побываю,
« И много въ дому̀ у меня житья̀-бытья,
« Много злата и сéребра,
« Я расточу свою казну
« По церквамъ, по монастырямъ,
« И по нищеѣ братіѣ,
« Хочу своей душѣ пользы получити
« На второмъ суду̀ на пришествіи.»
Аникѣ же Смерть проглаго́лела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Твоя казна не трудовая,
— Твоя казна пороховая,
— И святъ духъ *) дохнётъ.
— Твоя казна прахомъ пройдетъ, прова́литса,
— Не будетъ твоей душѣ пользы
— И на второмъ суду на пришествіи.—
Плачетъ - рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называетъ:
« Ты гордая мать сотворённа,
« Отъ Господа Бога попущённа!
« Дай ты мнѣ вѣку на десять лѣтъ,

*) Здѣсь просто—вѣтеръ. — О.

« Домою дай уѣхать,
« Я поѣду въ домо-тъ свой, побываю,
« У меня въ дому много житья-бытья,
« Много злата и сéребра,
« Я съ тобою бы казной подѣлился,
« Что теѣ надобно, то съ меня возми.»
Аникѣ же Смерть проглаголела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Мрутъ на землѣ цари и царевичи,
— Мрутъ на землѣ короли и королевичи,
— Мрутъ на землѣ сильны и богаты,
— И всѣ православные христіани;
— И тѣ бы мнѣ казной подѣлялись:
— Кобы мнѣ со всякова человѣка казны брати,
— Была бы у меня гора золотая накладена
— Отъ востоку сонцу и до западу.—
Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называетъ:
« Ты гордая мать сотворéнна,
« Отъ Господа Бога попущéнна!
« Дай ты мнѣ вѣку на три года,
« Домою дай уѣхать,
« Я поѣду въ своё-тъ домъ, побываю,
« У меня въ дому житья-бытья много,
« Много злата и сéребра,
« Я состроилъ бы тебѣ соборную церкву,
« Я спишу твой ликъ на икону,
« И поставлю твой ликъ въ Божію церкву на престолѣ,
« И станутъ къ тебѣ съѣжатса цари и царевичи,
« Короли и королевичи,
« Сильные и богатые,
« И всѣ православные христіани,
« Станутъ на теѧ̀ Богу молитса,
« И станутъ и теѣ мѣсны молебны *) служити,

*) *Мѣстныя* иконы, подымаемыя при молебнахъ, а самые молебны обыкновенно *честные*. —*О*.

« Частóй канунъ говорити *),
« И станутъ тея украшати
« Каменьями драгоцѣнными.»
Аникѣ Смерть же проглагóлела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Не можно мнѣ строить соборную церковь,
— Не можно мой ликъ писать на иконахъ,
— Не можно мнѣ стоять во Божьей церкви на престолѣ
— И не можно на меня Богу молитца,
— Не можно мнѣ мѣсны молебны служити,
— Частóй канунъ говорити,
— И не можно меня украшати
— Каменьями драгоцѣнными.—
Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называетъ:
« Ты гордая мать сотворéнна,
« Отъ Господа Бога попущéнна!
« Дай ты мнѣ вѣку на единый часъ, на единую минуту,
« Я поѣду въ домо-тъ свой, побываю,
« У меня въ дому есь отецъ и мать,
« Есь и малыя дѣти,
« Есь молодая жена,
« Есь и сродники, и пріятели,
« Я съ отцомъ бы со матерью простилса,
« И попросилъ бы великое благословленье,
« И благословилъ бы я своихъ малыхъ дѣтокъ,
« И простился бы съ своей молодой женой,
« И съ сродниками, и съ пріятелями.»
Аникѣ Смерть же проглагóлела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Нѣтъ у меня, у Смерти, не отца и не матери,
— Нѣтъ и малыихъ дѣтокъ,
— Нѣту и молодой жены,
— Нѣтъ ни сродниковъ, ни пріятелёвъ.

*) Ср. выше, *частóй—честнóй.*—О.

— Меня Господь возлюбилъ
— И по землѣ попустилъ:
— Я всякова раба вознима́ю,
— Я всякова раба воскуша́ю:
— Я гдѣ раба застигаю,
— Я тутъ раба воскуша́ю:
— Хоть во чистыимъ полѣ,
— Хоть на синіимъ морѣ,
— Хоть въ тёмныимъ лѣсѣ,
— Хоть при пути при дороги:
— Я тутъ раба и воскуша́ю;
— Гдѣ тужутъ-плачутъ,
— Тутъ мнѣ, Смерти, и празникъ.—
Сослалъ Господь по Аникину душу
Двухъ ангеловъ, двухъ архангеловъ,
И вынули Аникину душу
Сквозь рёберъ-костей,
И не че́сно не хва́льно, и не ра́душно,
Посадили Аникину душу на копіё,
И вознесли Аникину душу вельмы̀ высоко̀,
И возры́нули *) Аникину душу во тьму глыбоко̀,
Въ муку вѣчную, во пляща́й **) огонь ***).

Славенъ Господи Богъ ****), прославился,
И велика его милость Господня *****).

(Изъ доставленнаго во II-е отд. Ак. Н.; ср. Сборникъ г. Варенцова, стр. 120—127; къ сожалѣнію не означено, гдѣ записано).

*

*) Сринули, низринули.— *О.*
**) Палящій.— *О.*
***) Заключеніе изъ Стиха объ Лазарѣ (богатомъ).— *О.*
****) Господь и Богъ?— *О.*
*****) Такое заключеніе обыкновенно бываетъ въ Стихахъ.— *О.*

5 *).

Сильный и славный,
Храбрый Аника Воинъ,
Ѣздя по чисту полю,
И пріиде къ нему Смерть,
И рече ему: « О человѣче!
« Азъ къ тебѣ пришла,
« Погубити тебя.»
И рече Аника Воинъ:
— Что̀ ты за баба,
— Что̀ за піяница?
— Азъ я **) тебя не боюсь,
— И кривыя твоея косы
— И оружія твоего
— Не страшусь:
— Азъ есть Воинъ,
— Ѣзжу по чисту полю,
— Много побилъ ***) царей и королей,
— И сильныхъ богатырей.—
« Да азъ къ тебѣ пришла,
« Погубити тебя.»

Потомъ Аника Воинъ
Въ силѣ своей изнеможе,
И рече ей:
— О Смерте, мати моя!
— Дай мнѣ сроку на годъ.—
И рече Смерть:
« Нѣтъ тебѣ не на полгода.»
И рече Аника:
— Дай мнѣ на три мѣсеца.—

*) Съ лубочной картинки, изъ собранія Д. А. Ровинскаго.—Это собственно Бабья Старина, со свойственнымъ ей складомъ и распѣвомъ.—Исправляемъ правописаніе, но языкъ оставляемъ безъ всякой перемѣны.—*О.*

**) То есть прежде было « азъ, » а потомъ для поясненія поставлено « я, » на картинку же попало то и другое.—*О.*

***) Разнорѣчіе съ другой картинки: « побивалъ. »—*О.*

И рече Смерть:
« Нѣтъ тебѣ не на три недѣли.»
И рече Аника:
— Мати моя, Смерть!
— Дай мнѣ на три недѣли.—
И рече Смерть:
« Не даю тебѣ
« Ни на три дни.»
И рече Аника:
— Дай мнѣ на три дни.—
« Не даю тебѣ
« Ни на три часа.»
И рече Аника:
— Мати Смерть!
— Много у меня есть
— Злата и сребра,
— И каменія драгаго:
— Дай мнѣ раздати имѣніе.—
И рече Смерть:
« Жилъ ты на вольномъ свѣти,—
« Для чего ты
« Не раздавалъ имѣніе?
« Нѣтъ тебѣ сроку ни на часъ *).»
И рече Аника:
— Дай мнѣ на три часа,
— Попоститися Богу **).—

*) Складъ конечно таковъ:

Жилъ ты, Аника,
На вольномъ свѣту̀,—
Для чего ты, Аника,
Не раздавалъ имѣніе?
Нѣтъ тебѣ, Аника,
Сроку ни на часъ.

Чтобы умѣстить конецъ на картинкѣ, нужно было сократить.— *О.*

**) Разнорѣчіе: « покаятися. »— Вѣроятно:

Попоститися,
Богу помолитися.— *О.*

«Нѣтъ тебѣ ни на полчаса.»
И подкоси его Смерть
Кривою косою,
И падъ Аника съ коня,
И умре.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 4-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ЗАМѢТКА.

Дополнительный выпускъ, возвращая насъ къ богатырямъ, которые частію были уже выведены въ прежнихъ выпускахъ, частію не могли помѣститься тамъ по разнымъ обстоятельствамъ и теперь являются вновь, тѣмъ самымъ даетъ намъ поводъ сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ и другихъ, чтобы заключить Владимірово время.

Еще разъ передъ нами Илья Муромецъ, и во первыхъ — въ битвѣ съ Соловьемъ. Соловей является какъ «Алатырецъ некрещеный;» ступимъ далѣе, и въ 3-мъ № находимъ Илью, по извѣстному разсказу о Сокольникѣ или Борискѣ Зоутѣ, въ связи съ «Бабой Латыгоркой, отъ моря Студенаго:» здѣсь мѣсто и время уяснить подобныя названія и скрытые подъ ними намеки.

Средоточіемъ всѣхъ этихъ именъ, и связанныхъ съ ними представленій, является камень *Алатырь*, *Латырь*, *Бѣлый Латырь*, *Бѣлатырь*. Послѣ остроумнѣйшей догадки покойнаго Н. И. Надеждина, высказанной въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. IV, ч. 2, Смѣсь, стр. 36—38, не остается никакого сомнѣнія, что это знаменитый *Электръ* (*электронъ* или *илектронъ*), драгоцѣнный товаръ первыхъ морскихъ торговцевъ Финикіянъ, переданный и преемникамъ ихъ, Грекамъ и Римлянамъ. Его главною родиной, съ отдаленнѣйшей древности, было Балтійское море, доселѣ изобилующее янтаремъ по всему южному берегу отъ Копенгагена до Курляндіи: изъ Пруссіи, гдѣ онъ составляетъ государственный источникъ доходовъ, присяжные искатели отправляются туда и длинными шестами изъ лодокъ ломаютъ янтарь по берегу въ глыбахъ рыхлой земли.

II

Побережье Балтійскаго моря заселено было Славянами при самомъ ихъ появленіи на поприще исторіи. Края Руси, размѣщенные въ водоемѣ этого моря, водившіе издревле по немъ торговлю или просто ближайшіе по сосѣдству, сберегли для насъ древнѣйшіе, опредѣленнѣйшіе и самые яркіе образы и выраженія о камнѣ Алатырѣ, объ его добываніи, объ морѣ—его родинѣ, о развозѣ его и употребленіи.

Такъ Литовское племя, всегда здѣсь сосѣдившее съ Славянскимъ, выработало для камня названіе «gintaras,» усвоенное впослѣдствіи и Русскими, «янтарь;» безспорно это передѣлка изъ того же «алатыря.»

Бѣлая Русь разсказываетъ въ Стихѣ, Голубиной Книгѣ:

Ахъ *Латырь-моря* всимъ морямъ отецъ,
А *Латырь-каминь* камнямъ отецъ.
Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
Потому Латырь-каминь всимъ каманямъ отецъ:
Ляжить ёнъ сириди моря,
Сириди моря, сириди синява,
Идуть по морю много корабельщиковъ,
Гли (возлѣ) тово камня останавливаются,
Яны бяруть много съ яво снадобья,
Посылають по всяму свѣту бѣлому.

(Ср. «Калѣки Перехожіе,» вып. 2, стр. 362—368.)

Для этого края Руси, а вмѣстѣ и для древнѣйшихъ Славянскихъ поселеній, море Балтійское является главнымъ, старшимъ; какъ мѣсто добычи янтаря, оно прозвано само Латырь-моремъ; камень является отцомъ прочихъ, какъ камень по преимуществу, какъ главный товаръ древнѣйшей торговли; описанъ и самый торгъ, развозившій янтарь какъ снадобье по всему свѣту. Извѣстно, что янтарь цѣнился у древнихъ не по одной красотѣ, а именно какъ снадобье и лѣкарство, носившееся въ амулетахъ: такъ и у насъ янтарь былъ издревле не только любимымъ ожерельемъ, но вмѣстѣ *обeрегомъ* шеи и груди, и всего тѣла; самое названіе *ладонки* едва ли не происходитъ отсюда же, отъ *латыря (ла́тырка, ла́тонка)*, и только развитіе христіанства ввело сюда *ладонъ*, близкій и по имени. Многочисленные русскіе заговоры подтверждаютъ то же самое: здѣсь Алатырь и Латырь, какъ «бѣлъ-горючь камень,» по

народнымъ представленіямъ, одаренъ высшею цѣлебною силой противъ всякихъ болѣзней, такъ что одно имя его служитъ уже заговоромъ недуга и спасеніемъ; по описанію, онъ лежитъ обыкновенно «на морѣ Окіянѣ, Кіянѣ,» или просто «на синемъ морѣ,» большею частію на «островѣ Буянѣ;» по мѣрѣ распространенія сказаній внутрь Руси, море и островъ представляются отдаленнѣйшими: таковы же были они по отдаленной древности Славянскихъ поселеній и торговыхъ промысловъ на Балтійскомъ морѣ. Любопытно замѣтить при этомъ постоянное русское прозвище всякого камня — «*бѣлъ* и *горючь.*» Перенесенное на янтарь, названіе «бѣлый» означаетъ конечно блескъ и свѣтъ, какъ «бѣлый день», «бѣлый свѣтъ.» Но названіе «горючаго» бросается въ глаза странностью: на Югѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ Славянъ при началѣ уже положительной ихъ исторіи, камень, мѣсто отдохновенія въ тѣни, подушка ночью, окраина ключа и водоема, долженъ былъ соединяться въ представленіи съ прохладой; и дѣйствительно, Славяне Южные, Сербы и Болгаре, доселѣ удержали въ народномъ языкѣ постоянное прозвище для камня—«хладенъ» и «студенъ.» Въ краю противуположномъ, въ странѣ холода, выразилось и противуположное впечатлѣніе: здѣсь отецъ камней, камень по преимуществу, алатырь или янтарь былъ «горючимъ;» и, какъ названіе «бѣлаго» перенесено на янтарь отъ всякого камня, отдѣляющагося отъ земли и бѣлѣющагося, такъ на оборотъ имя «горючаго» Русь перенесла отъ янтаря на всѣ камни.

Псковичи, торговавшіе съ древнимъ славянскимъ прибалтійскимъ союзомъ, съ Ганзою, поютъ въ томъ же Стихѣ, Голубиной Книгѣ:

Бѣлый Ла́тырь-камень всѣмъ камня́мъ отецъ:
Съ-подъ камешка съ-подъ бѣлаго Ла́тыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
По всей землѣ, по всей вселенную,
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе.

(**Кал. Перех., вып. 2, стр. 313.**)

Извѣстно, что по народному представленію море и море-Океанъ есть источникъ для всѣхъ рѣкъ; а на этомъ морѣ лежитъ Латырь, и Латырь цѣлебный: отсюда, изъ подъ того камня, всѣ рѣки, отсюда цѣленія.

Новгородцы, стоявшіе въ однихъ обстоятельствахъ торговли, какъ и Псковичи, изображая самаго отважнаго своего удальца Василья Буслаева, передаютъ намъ, что конецъ его подвигамъ положилъ «бѣлъ-горючь камень,» что черезъ него-то удалецъ перепрыгивалъ, на немъ же запнулся и нашелъ смерть. Въ сказкѣ, которую приведемъ мы въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, мѣсто камня Латыря и въ томъ же значеніи занимаетъ «морская Пучина:» «Лежитъ тутъ морская Пучина, вокругомъ глаза; онъ — Василій Буслаевъ — вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говоритъ: «Не пинай меня, и самъ тутъ будешь.» Вотъ послѣ этого рабочіе его разшутились межь собой и стали скакать чрезъ морскую Пучину; всѣ перескакали; онъ скокнулъ напослѣдѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.» Ясно, что Пучина, въ видѣ Медусы, могла явиться вмѣсто «бѣлъ-горючаго камня» потому лишь, что самый камень, Алатырь, лежалъ среди моря, на морѣ. Любопытно, что славянское «Пучина,» въ древней формѣ «Пѫчина,» есть исконное названіе для моря, то же, что греческое «*Ποντος*,» латинское «pontus;» а по законамъ языкознанія несомнѣнно, что это греческое и латинское слово въ славянской формѣ будетъ «Пѫтъ,» «Пѫть (съ носовымъ, *понтъ*, *понть*),» т. е. *путь*. Никто не удивится такому сближенію, вспомнивши, что горы разъединяютъ народъ, а море сближаетъ, что море именно есть путь, путь по преимуществу торговый, какимъ и было оно для Финикіянъ и Грековъ; сравните, при формѣ «pontus,» латинское «pon-s,» «pont-is,» какъ мостъ, тотъ же «пѫть» черезъ рѣки; наше выраженіе «путь-дорога,» изъ котораго вторую половину, т. е. «дорогу» нельзя употребить въ смыслѣ плаванія или путешествія по рѣкамъ и морямъ, намекаетъ также, что «путь» есть именно, по древнему значенію слова, для воды. Такъ точно, рядомъ съ «пучиною,» мы Русскіе имѣемъ доселѣ древнѣйшую форму—«путина,» «путинка,» ходъ по рѣкѣ, какъ выражаются наши бурлаки. Итакъ, представленіе Новгородцевъ въ помянутыхъ пѣсняхъ и сказкахъ соединяетъ съ моремъ и алатыремъ, съ пучиной и бѣлъ-горючимъ камнемъ, древнѣйшіе торговые пути по морю.

Еще шагъ по тѣмъ же краямъ Руси, отъ Литвы, Руси Бѣлой, Пскова, Новгорода,—и Олонецкая область, высказавшаяся такъ ясно въ пѣсняхъ, собраннымъ П. Н. Рыбниковымъ, выводитъ намъ страшную *Бабу-Латымірку* (ч. I, стр. 79, 80), отъ того же «Ла-

тырь-міра» или просто «Латыря.» А область Архангельская, однимъ еще шагомъ на Сѣверъ, въ помѣщенной у насъ пѣсни № 3, соотвѣтственно «Латымірке» даетъ *Бабу-Латыгорку*, отъ «Латырь-горы,» гдѣ *гора* принята въ древнѣйшемъ славянскомъ значеніи—«берега.»

По мѣрѣ этого удаленія отъ Литвы, Бѣлой Руси, и вообще краевъ ближайшихъ къ Балтійскому морю, по мѣрѣ расширенія Руси отъ древнѣйшихъ поселеній по Балтикѣ съ одной стороны къ Сѣверу, съ другой къ Югу, Дунаю и Черному морю, измѣняются и представленія объ Алатырѣ. Въ нашей пѣсни изъ Архангельска, № 3-й, представительница Алатыря, Баба-Латыгорка съ сыномъ выводится уже «отъ Студенаго моря,» т. е. Бѣлаго, и всего Сѣвернаго океана (см. стр. 17): слѣдовательно Алатырь представляется уже тамъ, гдѣ развилась и главная торговля Архангелогородцевъ; самое прозвище «бѣлый» должно было способствовать представленію.—Съ другой стороны, въ тѣхъ Стихахъ о Голубиной Книгѣ, которые вытекали изъ Стиховъ, Списковъ или Свитковъ Іерусалимскихъ, т. е. шли съ Юга, сѣдалищемъ Алатыря является уже море Черное, называвшееся иначе «Теплымъ;» представленію способствовало и названіе камня Алатыря «горючимъ:» совершенно та же мѣна прозвищъ для моря, «Студенаго» и «Теплаго,» мѣна между областями Юга и Сѣвера, какъ видѣли мы выше въ мѣнѣ прозвищъ «горючаго» и «хладнаго» или «студенаго» для камня. Такъ читаемъ въ одномъ изъ списковъ Голубиной Книги, ближайшихъ къ Свиткамъ Іерусалимскимъ:

Камнямъ камень-мать
Кармаусъ камень *Илйторъ* (илектронъ):
И лежитъ онъ у моря *Тёплаго*,
На восточномъ устьѣ Волгскомъ (примѣшано еще море Каспійское);
А коя рыба съ моря пойдетъ
И о камень потрётся,
И на Русѣ той рыбы ловцамъ не добыть,
И птицамъ её не убить,
И того году смерти ей не будетъ.

(**Кал. Перех., вып. 2, стр. 338**)

Здѣсь, хотя поприще дѣйствія перенесено уже къ Черному морю, а съ развитіемъ торговли даже къ Хвалынскому или Каспій-

скому, но въ основѣ тѣ же представленія объ Алатырѣ, его чудодѣйственной и цѣлебной силѣ, даже о треніи, этомъ поразительномъ для древнихъ свойствѣ янтаря, давшемъ въ позднѣйшей наукѣ имя электричеству.

Такимъ путемъ мало по малу разошлись по всей Руси представленія и имена «Алатыря,» до того, что перешли въ имена селъ и городовъ: сюда причисляемъ мы, кромѣ *Алатыря*, и названіе *Ахтыр-ки*; въ народномъ же говорѣ передѣлано еще *Алабырь* и *Алаборъ*, съ производными, въ значеніи какъ янтаря (*алáбырь*), такъ и хозяйства, домашняго устройства, распорядка (*алáборъ*, *алáборить*), вытекавшаго изъ древняго представленія о янтарной и вмѣстѣ всей морской торговлѣ, предпріимчивости, промышленности (противуположность—*безалаберщина*, безпорядокъ). Самый камень, по мѣрѣ отдаленности разныхъ краевъ Руси отъ моря, явился уже не морскимъ, а сухопутнымъ: такъ въ пѣсняхъ П. Н. Рыбникова (на прим. ч. I, стр. 149) «камень Латырь» вмѣстѣ со столь же таинственнымъ «сырымъ дубомъ Невиномъ,» лежитъ въ чистомъ полѣ, на крестовыхъ дорожкахъ, т. е. на перекресткѣ, и получаетъ одинаковое значеніе съ Чуромъ, который извѣстенъ по нашимъ зоговорамъ и которымъ *чурались*, заклинались и заговаривались (греч. *гермъ*, латин. «терминъ;» ср. ниже). Потому «бѣлъ-горючь камень,» извѣстный по нашимъ пѣснямъ, который обыкновенно лежитъ поперегъ дороги на перекресткѣ, рѣшая судьбу, куда пускаться богатырю, суля ему то женидьбу, то богатство, то смерть, ведетъ свое происхожденіе отъ того же древняго Алатыря, рѣшавшаго судьбу древнихъ странниковъ и торговцевъ; онъ только упрощенъ и введенъ въ обиходную жизнь.

Но, при этой обиходности понятій и именъ, древнѣйшія представленія не уничтожились и время отъ времени, тамъ и сямъ, возникаютъ и отзываются въ народномъ творчествѣ. По мѣрѣ прекращенія древней морской, Балтійской торговли, по мѣрѣ ухода съ того побережья Славянъ Русскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ среди положительной исторіи, въ теченіе XIII—XV вѣковъ, мало по малу Литва связалась съ Польшею, Бѣлая Русь подлегла имъ обѣимъ, Корела, Корсь, и вообще Чудь подчинилась Нѣмцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Литва явилась «поганою,» Корела «проклятою,» Бѣлая Русь иноязычною, и т. п., предметъ древнѣйшихъ представленій отодвигался все далѣе и далѣе, покрывался туманомъ, оставлялъ въ памяти народной одни лишь

загадочные образы, безобразныя тѣни. Въ представленіи народномъ обрисовался какой-то отдаленный край, гдѣ живутъ *Алюторы* (тѣ же *Алатырцы*; прежніе издатели пѣсень видѣли здѣсь *Лютеранъ*): Владиміръ посылаетъ Добрыню покорять ихъ, вмѣстѣ съ Чукшами и Чудью бѣлоглазою; тамъ цѣлый «Алатырскій міръ,» ибо оттуда «баба *Латымірка* (ср. выше),» тамъ «Алатырская гора,» ибо оттуда «баба Горынинка,» «баба *Латыгорка* (ср. выше),» тамъ «царство *Алыберское* (ср. выше *алабырь, алаборъ, безалаберщина*), воюющее съ Латинами и Литвою (ср. вып. 3, стр. 113—124); выходцы оттуда—то же, что Нѣмцы, люди нѣмые, безтолковые языкомъ, иностранцы, иноземцы (ср. народное «нѣмой алаборъ» или «алабырь,» безтолковый, косноязычный, нѣмой; Словарь В. И. Даля, вып. 1, стр. 8); *Алатырь* и *Алатырецъ*—пройдоха, грубіянъ; наконецъ оттуда выходцы страшные, безобразные—Соловей-разбойникъ, «Алатырецъ некрещенный,» «баба Латымірка» и «Латыгорка.» Съ сими послѣдними возвращаемся мы къ Ильѣ Муромцу.

Почему Соловей-разбойникъ названъ «Алатырцемъ,» догадки могутъ быть разныя: вѣроятнѣе всего, что по имени своему онъ сближенъ съ Соловьемъ Будиміровичемъ, который пріѣзжалъ изъ за Волынскаго моря (можетъ статься съ Волина), съ Кодольскаго острова, изъ города Леденца, и въ которомъ мы видѣли образецъ морскихъ, вѣроятно прибалтійскихъ, наѣздниковъ, тѣмъ болѣе, что на своемъ Соколѣ кораблѣ онъ чуть было не погубилъ Илью Муромца и дѣйствительно былъ другою, только болѣе удалою и блестящею стороною Соловья-разбойника, тотъ же Соловей-разбойникъ, только не сухопутный, а морской (ср. Пѣсни П. Н. Рыбн., ч. I, стр. 318—332, и въ «Замѣткѣ» стр. III). Но почему «баба Горынчанка,» «Горынинка,» въ сказкахъ «Яга-баба,» обрисована Алатыркой, это еще виднѣе. Она, какъ извѣстно по пѣснямъ, владѣла несмѣтною золотою казной, спрятанной у нея: то же представленіе, что объ Алатырѣ, о древней торговлѣ, а вмѣстѣ о древнемъ богатствѣ. Далѣе — она мать извѣстнаго Збута, Борнски, Сокольника, Поляницы: Илья прижилъ его въ дальней сторонѣ, одолѣвъ «бабу» съ бою (ср. Пѣсни П. Н. Рыбник.). Переходъ древнѣйшаго начала къ новому, древней жизни въ новую, выражается въ миѳологіи, какъ извѣстно, тѣмъ, что это начало дѣлается сперва доступнымъ, податливымъ, женственнымъ, и потомъ блудитъ съ началомъ новымъ. Такъ начало древнѣйшей Славяно-русской

жизни, начало, о коемъ мы говорили,—назовемъ его «Алатырскимъ,» при переходѣ къ жизни послѣдующей, приняло въ творчествѣ образъ женщины, «бабы,» хотя еще мужественной, страшной; представитель начала новаго, сложившагося міра-народа, Илья Муромецъ, по старшинству ближайшій къ пройденному періоду, вопреки послѣдующему своему образу, въ которомъ является всегда степеннымъ и холостымъ, не падкимъ на женщинъ, однако соблудилъ когда-то съ «бабой,» и именно когда она жила съ стихійнымъ богатыремъ Святогоромъ (ср. Пѣсни П. Н. Рыбникова). Плодомъ была опять реакція древняго начала: сынъ Збутъ явился образцемъ враговъ сложившагося русскаго міра-народа, жестокимъ, бродячимъ удальцемъ, похожимъ на старыхъ стихійныхъ богатырей; онъ даже задумалъ убить отца своего, и только по счастію новое начало побѣдило въ лицѣ проснувшагося Ильи Муромца.

Алатырскій періодъ жизни, какъ видите, соотвѣтствуетъ періоду стихійному, бродячему, кочевому, и, какъ этотъ же послѣдній, отодвинувшись представленіями въ далекую глубь, высылалъ изъ себя страшныхъ чудовищь, враговъ новаго порядка вещей.

Таковы были судьбы древнѣйшихъ представленій, связанныхъ съ именемъ Алатыря. Въ дальнѣйшемъ ходѣ, при развитіи и водвореніи христіанства, представленія эти измѣнились коренньмъ образомъ. Когда послѣ древнихъ торговыхъ путешествій явились странствованія по святымъ мѣстамъ, и особенно въ Іерусалимъ; когда мѣсто Старшихъ и Владиміровыхъ богатырей заняли Калѣки Перехожіе, и притомъ уже мирные, нищіе, пѣвцы Стиховъ; когда вмѣсто Былинъ, съ возобладавшими интересами религіозными стали являться чаще Стихи, а самая Голубиная Книга отъ древнѣйшихъ языческихъ, космогоническихъ и ѳеогоническихъ, представленій, стала вырабатываться воззрѣніями болѣе христіанскими (ср. Кал. Перех., вып. 2, замѣчанія при Сводномъ Стихѣ Голуб. Кн.), тогда и Латырь-камень получилъ совсѣмъ иное значеніе. Это сдѣлался уже тотъ камень, надъ коимъ, по преданію, былъ распятъ Христосъ, и сквозь который текла съ распятія Его кровь на главу Адамову; этотъ-то камень, по разсказамъ и Стихамъ возвращавшихся изъ Іерусалима странниковъ, былъ источникомъ всякихъ исцѣленій, духовнаго богатства, новой жизни; отсюда, съ этихъ сказаній, запѣвалось начало Голубиной Книги,—«отъ нашея отъ Аладыри и отъ той главы отъ Адамовой;» отсюда, съ камня, училъ Христосъ, разсылалъ Апо-

столовъ, распускалъ книги по всей земли; отсюда родилась Книга Голубиная, въ смыслѣ уже Священнаго писанія (Ср. Кал. Перех., вып. 2). Древній Алатырь-камень бѣлъ-горючій, цѣль давнихъ путешествій, приманка Балтійскихъ моряковъ, награда отважныхъ торговцевъ, съ его моремъ и островомъ, съ его народомъ, съ его порожденіями, вторгавшимися въ позднѣйшую историческую жизнь Руси, —все это потонуло въ морѣ совершенно иныхъ и новыхъ христіанскихъ воззрѣній, возстановляемое изъ глуби только средствами науки и научнымъ взглядомъ.

—

Переходимъ опять къ Ильѣ Муромцу.

По дорогѣ изъ Мурома къ Кіеву, по лучшимъ пѣснямъ, Илья спасаетъ обыкновенно Черниговъ, съ его Сиверскимъ или Сѣверскимъ княземъ: но въ пѣсни, помѣщенной у насъ въ 4-мъ выпускѣ подъ № 1-мъ, является вмѣсто того *Кряковъ*, т. е. Краковъ, и притомъ безъ князя, съ одними горожанами, какъ вольный городъ. Это уже второй случай, доставляющій данныя для уразумѣнія древнѣйшихъ сношеній между Краковомъ и Кіевомъ: въ первый разъ это было по пѣснямъ П. Н. Рыбникова (см. ч. I, стр. 413—422, и « Замѣтку » стр. IV). Ниже мы еще вернемся къ этому предмету.

—

Въ Былинахъ подъ №№ 4-мъ и 5-мъ, а также въ Побывальщинѣ, прибавленной къ 5-му № въ разнорѣчіяхъ, Илья борется съ поганымъ *Идолищемъ* или *Идоломъ Скоропитомъ*. При изданіи 1-го выпуска (ср. въ « Замѣткѣ » стр. XXVIII, XXIX) мы не имѣли въ виду еще ни одной Пѣсни о борьбѣ этого рода и напечатали однѣ только Сказки. Но съ тѣхъ поръ у П. Н. Рыбникова нашлось три такихъ Былины и Побывальщины (см. ч. I, стр. 85 — 94), да столько же теперь у насъ, и потому дана возможность нѣсколько выяснить дѣло. Идолище, въ русской передѣлкѣ *Одолище* (вѣроятно съ производствомъ отъ глагола *одолѣть, одолѣвать*), является и въ другихъ пѣсняхъ, и при другихъ богатыряхъ: такъ онъ представляется врагомъ Ивана Годиновича (ср. вып. 3, стр. 9—19), т. е. вообще, какъ знаемъ уже мы, Русскаго Ивана-богатыря, а съ нимъ и всего слагавшагося міра-народа русскаго, при его выходѣ къ по-

ложительной исторіи; при этомъ онъ отождествляется по одну сторону съ Кощеемъ (ср. Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 197—201), представителемъ быта кочеваго, а по другую съ царемъ Афромеемъ, Ордою и Татарами, уже историческими врагами Руси (ср. вып. 3, стр. 20 — 27, Пѣсни Рыбник. ч. I, стр. 89 — 94). Здѣсь онъ врагъ болѣе внѣшній. Но, въ столкновеніи съ Ильею, представителемъ уже не одной внѣшней дѣйствительности, а вмѣстѣ и проникнувшихъ къ народу христіанскихъ началъ и воззрѣній, Идолище является врагомъ христіанства, образцемъ язычества, въ сферѣ миѳологической. Поразительное доказательство не однажды повтореннаго нами мнѣнія объ отсутствіи въ Ильѣ Муромцѣ началъ языческихъ и миѳическихъ, объ его христіанскомъ характерѣ: кто же изъ страстныхъ искателей русской миѳологіи и русскаго язычества можетъ допустить, чтобы представитель язычества боролся съ язычествомъ, представитель миѳологіи съ миѳологіей—въ лицѣ врага Идолища? Итакъ Идолище — начало языческое: у него есть своя «земля Идольская,» свое «царство Идольское (П. Рыбник., ч. I, стр. 88).» Какъ врагъ христіанства, онъ помѣщается въ коренной странѣ христіанства, въ Ерусалимѣ (вып. 4, № 5); далѣе въ странѣ, откуда пришло къ намъ Христіанство, въ Царьградѣ (здѣсь же, см. Побывальщину въ разнорѣчіяхъ и П. Рыбник. № 17); наконецъ въ землѣ Русской, въ Кіевѣ, кудо проникло Христіанство при началѣ исторіи (вып. 4, № 4, Сказки при 1-мъ выпускѣ, П. Рыбник. ч. I, № 15). Здѣсь-то борется съ Идолищемъ Христіанство въ лицѣ Ильи Муромца и побѣждаетъ. Обстоятельства по всѣмъ пѣснямъ и сказкамъ изложены весьма сходно и ясно. Идолище обнасильничалъ всю русскую землю, а главнымъ образомъ Кіевъ; господство его, при появившейся склонности народа къ христіанству, представляется ужаснымъ насиліемъ; онъ громадный, безобразный, страшный; онъ ѣстъ и пьетъ чудовищными пріемами, пожираетъ жертвы, требуетъ жертвъ, и мало уже остается скота въ городѣ; онъ не допускаетъ четья-пѣтья церковнаго, звону колокольнаго, прошенія милостыни Христовымъ именемъ; князь по неволѣ ему подчиняется, у княгини онъ держитъ руки въ пазухѣ, народъ перепуганъ, въ ужасѣ. Илья узнаетъ о томъ отъ Калѣкъ Перехожихъ: ихъ исконная обязанность и народное значеніе — разносить вѣсти. Но, представители кочеваго быта, пережившіе его, слишкомъ устарѣли и ослабѣли, чтобы вступить въ борьбу противъ началъ, исхо-

дившихъ изъ того же кочевья и требовавшихъ на себя силъ новыхъ; на упрекъ Ильи, зачѣмъ Калѣка оставилъ на бѣломъ свѣтѣ Идолища, Калѣка отвѣчаетъ: «Голова моя стала теперь при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается.» Однако Илья признаетъ, что въ Калѣкахъ силы есть еще вдвое его, занимаетъ у нихъ платье, клюку: недостаетъ у нихъ лишь смѣлости, и ее беретъ на себя представитель начала новаго. Въ разговорѣ съ Идолищемъ, высказывая, сколько Илья пьетъ и ѣстъ, выражаетъ Муромецъ все различіе лицъ новаго порядка вещей отъ старины: они вышли изъ прежней стихійной громадности и безобразности къ размѣрамъ человѣческимъ, къ порядку, стройности и опредѣленности. Наконецъ, когда Идолища нахлобучилъ и придавилъ Илья, князь не знаетъ чѣмъ благодарить и «всѣ градскіе люди смерти Идольской обрадовались.»

—

Любопытно, что при этомъ случаѣ, въ одной изъ Былинъ, именно подъ № 5-мъ въ 4-мъ вып., Калѣкою Перехожимъ является *Данило Игнатьевичь*. Мы знаемъ это лицо уже изъ 3-го выпуска (стр. 39—51). Но тамъ онъ является еще страшнымъ и грознымъ богатыремъ, только лишь просится у Владиміра пожить при монастырѣ и только лишь вступаетъ въ разрядъ Калѣкъ. Потому въ «Замѣткѣ (стр. III, IV)» мы высказали ожиданіе новыхъ объ немъ пѣсень и выразили мнѣніе, что «въ настоящемъ видѣ своемъ онъ принадлежитъ другому слою жизни, тожественъ съ Калѣками Перехожими.» Пѣсня новая, передъ нашими глазами, подтвердила такое воззрѣніе. Илья Муромецъ признаетъ въ Данилѣ брата и достаточную силу на борьбу со врагомъ, но Данило самъ уже откланяетъ ее и приведенными выше словами рисуетъ свою старость и слабость, новый періодъ, наступившій для Калѣкъ съ развитіемъ христіанскихъ понятій и завлекшій эти лица въ странствованія по святымъ мѣстамъ, въ храненіе и передачу народныхъ слуховъ и преданій, въ созданіе и пѣніе Стиховъ.

—

Побывальщина, прибавленная нами въ разнорѣчіяхъ къ Былинѣ № 5-й, выводитъ двухъ доселѣ неизвѣстныхъ еще богатырей, и, судя по сотовариществу съ Суханомъ, Ильею, Добрынею и т. п.,

вѣроятно или старшихъ, или по крайности ровестниковъ симъ послѣднимъ. Къ сожалѣнію, отъ нихъ приходится почти отказаться на самой первой порѣ знакомства. Одинъ богатырь *Глапитъ*, таково кажется чтеніе: охотники до миѳологіи могутъ сопоставить его съ греческимъ гигантомъ *Япетомъ*, или, еще ближе, съ *Лапитою*, *Лапитомъ*, извѣстнымъ борцемъ противъ Кентавровъ, нашихъ Полкановъ; но, что̀ очень можетъ быть, вѣрнѣе читать (а побывальщина занята изъ поздней рукописи) *Глапитъ*, *Гранитъ*, и тогда это уже позднѣе сочиненное лице. Другой — «Дворянинъ *Бѣлая Палица*:» это ошибка вмѣсто *Поляница*, ибо въ сказкахъ извѣстенъ *Бѣлый-Полянинъ*, Старшій и страшный богатырь, врагъ и сотоварищь Ивана богатыря; см. объ немъ ниже; вспомните также (вып. 3, «Замѣтка,» стр. XVI) *Ивана* или *Ивашку Бѣлую Эпанчу*, который дворитъ или служитъ у царя Далмата по сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Во всякомъ случаѣ оба эти лица пока еще довольно сомнительны и остается ждать объ нихъ какихъ нибудь новыхъ указаній.

—

Былина подъ № 6-мъ прекрасна по складу и творчеству, но весьма обыкновенна по содержанію: осада Кіева Татарами и спасеніе черезъ Илью Муромца. Здѣсь важны только двѣ подробности. Это, во первыхъ, о ссорѣ Ильи съ Владиміромъ: мы узнаемъ, что вслѣдствіе того Ильѣ съ нѣкоторыми другими богатырями «отказано было отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ;» что Владиміръ по истеченіи этого срока встрѣтилъ Илью лишь нечаянно, и то не узналъ подъ одеждою Калѣки Перехожаго; что при наступившей бѣдѣ онъ униженно упросилъ Илью «постараться за вѣру христіянскую не ради его, князя, не для-ради княгини Апраксіи, не для церквей и монастырей, а для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей.» Вотъ свойство Ильиной службы, вотъ чему служилъ онъ богатыремъ, какъ выборный Дружины Земской и совсѣмъ не членъ Дружины Княжеской.—Другая любопытная подробность касается отношенія Илья къ богатырямъ Старшимъ. Мы знаемъ изъ прежнихъ выпусковъ (на прим. 1, стр. 45), что когда Илья прибылъ первый разъ въ Кіевъ, онъ нашелъ еще Старшихъ богатырей вокругъ Владиміра: Самсона Колывановича, Сухана Домантьевича, Святогора, Полкана и т. д. Но, когда Илья

вступилъ уже въ службу Владиміру, когда въ лицѣ ихъ обоихъ начался уже новый порядокъ вещей, о которомъ говорили мы не разъ, порядокъ сложившагося міра-народа, дѣйствующаго *отъ себя*, тогда, по былинамъ, замѣчательнымъ образомъ. Старшіе богатыри уже выступили изъ Кіева, помѣстились въ сторонѣ отъ него, то—изрѣдка—на богатырской заставѣ (на прим. Колыванъ, Самсонъ, вып. 1, стр. 7), а иначе—и чаще—въ какомъ-то укромномъ мѣстѣ, гдѣ-то въ полѣ, только въ сторонѣ отъ Кіева (см. вып. 1, стр. 58—63, Самсонъ, Святогоръ, Колывановичь; вып. 4, въ былинѣ, о которой идетъ дѣло, стр. 44, Самсонъ съ прочими). Разсматривая внимательно всѣ означенныя сей-часъ мѣста изъ пѣсень, видимъ, что по нимъ Илья, какъ представитель начала новаго, еще въ дружбѣ со Старшими богатырями, но не всегда стоитъ съ ними за одно на ихней стоянкѣ, а напротивъ, въ противуположность имъ, часто держится въ самомъ Кіевѣ, какъ средоточіи новой жизни. Отсюда, при наступленіи бѣды, требующей подмоги общей, отправляется онъ приглашать на боевое дѣло богатырей Старшихъ, *подъѣзжаетъ* къ нимъ, уговариваетъ тронуться; они двигаются не скоро, какбы неохотно и только по просьбѣ Ильи, связующаго старый порядокъ вещей съ новымъ. По совершеніи подвига Муромецъ ѣдетъ къ нимъ, на ихъ стоянку, *въ гости*, какъ къ посторонимъ (вып. 1, стр. 63, 64), и пѣсня прибавляетъ, что этимъ богатырямъ «въ Кіевѣ нельзя жить: разгуляются—распотѣшатся, распотѣшатся — станутъ всѣхъ толкать, а такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть.» Ермакъ же, который въ этихъ случаяхъ сближается съ Ильею, но какъ несравненно младшій, почему и называется «племянникомъ Ильи,» «дитею» двѣнадцати лѣтъ (ср. пѣсни Рыбник., №№ 19—21), Ермакъ даже не входитъ къ Старшимъ богатырямъ въ шатеръ, и они оставляютъ его равнодушно на краю гибели, еслибы, какъ « дурней, » не убѣдилъ ихъ Илья Муромецъ на выручку: будучи самъ образцемъ началъ новыхъ, Илья привѣтливъ и благосклоненъ, отечески расположенъ къ началамъ еще младшимъ и юнѣйшимъ.

—

Но въ жизни русской, а отсюда и въ былевомъ творчествѣ, наступила со временемъ пора, когда въ извѣстномъ отношеніи устарѣлъ и Илья, когда при измѣнившихся, или, лучше, вторгшихся новыхъ

началахъ жизни, онъ самъ уже долженъ былъ стать къ нимъ въ противодѣйствіе, онъ былъ представителемъ началъ истинныхъ, а потому вѣчныхъ, ибо оставался всегда представителемъ народа: но эти начала, при развитіи началъ новыхъ, получали условную постановку, вытѣсняемы были иными, а потому образъ Ильи суровѣлъ и старѣлъ, принималъ на себя необычную гнѣвность и раздражительность, даже жестокость: въ творчествѣ былевомъ это выражается *ссорою его съ Владиміромъ*, и такова пѣсня 4-го выпуска подъ № 7-мъ. Мы встрѣчали уже не разъ, какъ за смѣлое слово правды Владиміръ сажалъ Илью въ тюрьму, т. е. сводилъ этого представителя съ поприща дѣйствія (на прим. вып. 1, стр. 67; вып. 3, стр. 34); отмѣчали и цѣлыя пѣсни, посвященныя описанію этой ссоры (вып. 1, стр. 77—86), а выше замѣтили, что въ слѣдствіе того Илья не былъ двѣнадцать лѣтъ въ Кіевѣ. Такова же былина, по поводу которой мы говоримъ теперь. Прежде мы объясняли эту ссору такъ (вып. 2, «Замѣтка,» стр. XXI): «Степеннѣйшій изъ богатырей, Илья Муромецъ, поссорившись изъ за невниманія съ княземъ Владиміромъ, бродитъ по Кіеву и стрѣляетъ— уже не по повалушамъ, не по Маринкѣ и не по Тугарину (какъ Добрыня), а даже по церквамъ и церковнымъ маковкамъ. Подобные подвиги, на языкѣ пѣсенъ, значатъ обыкновенно, что въ народныхъ представленіяхъ богатырь отступаетъ отъ цѣлаго порядка вещей, свойственнаго извѣстному времени, на примѣръ Владимірову: что онъ старше этого времени или моложе.» Добрыня, по поводу котораго мы это говорили, былъ дѣйствительно моложе, юнѣе безобразія, воплощеннаго въ Маринѣ, въ ея миломъ другѣ Змѣѣ и во всей этой обстановкѣ, отъ того и боролся; Илья же, въ ссорѣ съ Владиміромъ, очевидно старше наступившей новой жизни. Потому въ 1-мъ вып. («Замѣтка,» стр. XXVII) мы выяснили обстоятельство, что въ пѣсняхъ этого рода «Владиміръ называется уже Царемъ; его и Илью водятъ подъ руки,—обрядность, какою пѣсни не окружаютъ дворъ Владиміра; онъ встрѣчаетъ Илью названіемъ «сельщины и деревеньщины;» даже убѣдившись въ силѣ его богатырства, сажаетъ его только «по край стола, по край скамьи.» Выразивши свое недовольство, побивши всѣхъ кромѣ спрятавшагося князя, Илья изчезаетъ. «Чувствуется живо,» говорили мы, «какъ сходитъ онъ съ поприща внѣшнихъ дѣйствій и уходитъ внутрь народнаго сознанія, гдѣ теряется съ своимъ именемъ, но продолжаетъ творить какъ сила внутренняя. И конечно

въ самомъ Ильѣ, по преимуществу образѣ народа, народъ начерталъ свою собственную исторію, въ ту пору, когда уходилъ съ поля внѣшней дѣятельности во внутреннюю область глубокаго сознанія.» Теперь, когда при изданіи пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ и при 3-мъ выпускѣ пѣсень П. В. К. (см. въ обоихъ «Замѣтку») мы высказали воззрѣнія свои на отношенія Земли и Земской Дружины къ Дружинѣ Княжеской и всѣмъ послѣдующимъ явленіямъ Государственности, теперь можемъ мы высказаться опредѣленнѣе: Илья—представитель Дружины Земской, а за нею и всей Земли, міра-народа; разсказанная въ пѣсняхъ ссора и борьба его съ Владиміромъ и дворомъ княжескимь есть конечно ссора и борьба съ Дружиною Княжеской, со всѣми началами новаго Княжескаго порядка вещей, смѣнившагося потомъ Царскимъ и вообще Государственнымъ; при этомъ теченіи событій, мало по малу Земля, или ея житель—міръ-народъ, въ лицѣ Ильи по пѣснямъ исчезаетъ, «нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти.,» исчезаетъ изъ міра внѣшихъ событій, отданныхъ предпочтеннымъ сословіямъ и двигателямъ; *сходитъ въ подземелье*, т. е. внутрь земли, въ пещеры; строитъ тамъ церкви, т. е. отдается одной внутренней жизни, вѣрѣ, или является здѣсь *мощами*, какъ извѣстно изъ приведеннаго нами преданія (вып. 1, Прилож., стр. XXII); или, наконецъ, *каменѣетъ*, какъ мы знаемъ уже изъ пѣсней прежнихъ и изъ новаго сказанія, выраженнаго двустишіемъ и приведеннаго въ 4-мъ выпускѣ. Но, что скрывается съ наружи, часто еще сильнѣе бываетъ внутри; духъ можетъ быть вызванъ, можетъ выйти самъ и изъ подземелья; мощи, по видимому немощныя смертію, могутъ быть мощны цѣлебною силою на другихъ, и, сами цѣлыя, могутъ цѣлить и давать цѣлость притекающимъ, чрезъ одно даже прикосновеніе и цѣлованіе; въ самомъ камнѣ скрывается искра, изъ камня огонь, и въ области нравственной камень одного значенія съ неизмѣнной твердостью, не поддающейся крѣпостью, упорною связію частей, сокрушающей грозою для того, кто враждебно приразится. И въ позднѣйшія времена Русской исторіи бывала пора, когда Земля подымалась и оживала для внѣшней дѣятельности, являлась спасителемъ въ міръ видимый; и послѣ крайняго ея подавленія, послѣ полторасталѣтняго пребыванія въ подземельѣ, въ силу новыхъ, современныхъ событій, оттуда же ждется обновленіе и спасеніе.— Возвращаемся къ помянутой ссорѣ и борьбѣ. По новымъ пѣснямъ, только что отпечатаннымъ у насъ подъ №№ 7-мъ и 8-мъ, Вла-

диміръ, не узнавши Илью послѣ долгой разлуки, забывши черты его и смѣшавши съ другими, садилъ было появившагося гостя не *съ боярами*, съ которыми самъ сидѣлъ, а съ *дѣтьми боярскими*; на языкѣ Ильи, которому—разумѣется—сочувствуетъ пѣсня, а за нею и весь народъ, это вышли *вороны* съ *воронятами*; тридцать *бояринчиковъ* оказались *воробьями; что̀ имъ пособить*, что̀ подѣлать съ Ильею? Высылали богатырей на гостя, они его *поталкивали*, они его *попёхивали*: гость *не шатнется*, *на буйной главѣ колпакъ не тряхнется*, а они побиты, разсѣяны; коли *охота позабавиться*, *охота потѣшиться*, гляди только на эту кару, *снимешь охоту тѣшиться*; поздно и спохватиться, сажать въ лучшее мѣсто: *на пріѣздѣ* коли *не почёветвовали*, *на отъѣздѣ гостя не учёвствуешь*. Такъ понималъ и понялъ народъ ссору прошедшихъ временъ, а черты будущаго примиренія разбросалъ въ томъ образѣ своего любимаго богатыря, когда онъ является спасителемъ и «старается за вѣру христіанскую не для князя, не для княгини, не для церквей и монастырей, а для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей.» Для нѣкоторыхъ можетъ показаться странно, отчего въ этихъ очеркахъ, столь вѣрно выдержанныхъ, Илья побиваетъ и прочихъ богатырей вокругъ Владиміра, представителей, какъ мы знаемъ, также Земской Дружины? Но они были такими представителями для извѣстнаго времени, а тутъ, по приказу князя, бросались на Илью. И мы припоминаемъ сказанное прежде, при изданіи Пѣсень П. Н. Рыбникова («Замѣтка,» стр. XVI), какъ Дружина Земская измѣнила со временемъ Землѣ и превратилась мало по малу въ Дружину Княжескую, а потомъ перешла вообще въ службу Государству, въ слуги Государевы. Въ этомъ послѣднемъ значеніи и терпитъ она кару отъ Ильи. Для бо̀льшей ясности, повторимъ исторію Данилы Денисьича (вып. 3, стр. 32—37). Онъ навлекъ на себя постыдную зависть Владиміра, а отсюда гнѣвъ и опалу; напрасно, въ этихъ мечтахъ государя и государства о далекой бѣлой лебеди, въ этомъ умыслѣ на яснаго сокола, предупреждалъ Илья—«изведёшь яснаго со́кола, не поймать бѣлой лебеди:» голосъ правды задушенъ погребомъ. Настаетъ время борьбы; жена готовитъ Данилѣ лишнія стрѣлы: «лишняя стрѣлочка пригóдится, пойдетъ она ни по князѣ, не по барынѣ, а по своемъ братѣ богáтырѣ.» Предчувствіе женщины вѣрно: послушные слуги князя, въ полѣ выѣзжаютъ на Данилу свои братья, богатыри; заплакалъ Данила горючьми слезми: «Знать, го-

раздо я князю сталъ ненадобенъ, знать, Володиміру не слуга я былъ!» Порубилъ онъ напавшихъ: выѣзжаютъ врагами самые близкіе, самые родимые; тогда говоритъ Данила: «Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвался, Володиміръ князь на удалаго осéрдился; еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,—братъ на брата со боёмъ идетъ?» Данила не перенесъ такого горя. Но мы знаемъ (вып. 3, «Замѣтка,» стр. III), что творчество народное спасло Данилу, какъ представителя Земли: онъ воскресаетъ въ лицѣ Ставра, о которомъ скоро мы скажемъ еще подробнѣе, и Ставръ, посаженный княземъ въ погребъ по той же зависти, спасенъ женою, Василисой Микулишной, знаменитой старшей дочерью знаменитѣйшаго представителя Земли, Микулы Селяниновича. Тамъ, гдѣ въ разгарѣ вражды и борьбы между силами мужескими дѣло могло кончиться только гибелью той или другой стороны, тамъ выступаетъ для спасенія сила женственная, сила задушевная, теплая, примирительная, смягчающая. Она всегда готова воспрянуть въ народѣ, въ рѣшительную минуту взять силу, какъ взяла на себя Василиса мужескій образъ, и броситься на подвигъ самопожертвованія, чтобы затушить вражду, простить и помиловать. Здѣсь надежда на мирный выходъ изъ борьбы для исторіи, здѣсь успокоеніе для былеваго творчества и выходъ его изъ трагическихъ началъ на привычный покойный путь былины.

—

Благодаря описанію ссоры Ильи со Владиміромъ, выдвинулось въ въ пѣсняхъ лицо богатыря *Залѣшанина*. *Мужики Залѣшане* извѣстны были давно (ср. вып. 1, стр. 45, въ ряду Старшихъ богатырей; Рыбник. ч. I, стр. 75, на Кіевской богатырской заставѣ); они заходили даже и въ Новгородъ, приставая къ шайкѣ тамошнихъ удальцевъ (ср. Киршу, о Васильѣ Буслаевѣ, стр. 75); въ напечатанномъ теперь у насъ № 7-мъ и 8-мъ является еще *Богатырь Залѣшанинъ* или *Заолѣшанинъ*, даже со опредѣленнымъ именемъ—*Никита, Ивановичь*, въ числѣ также «заѣзжихъ молодцовъ,» явившихся служить Владиміру (см. стр. 50), а въ побывальщинѣ, присоединенной какъ разнорѣчіе къ № 5-му, онъ называется *Дворяниномъ; Дворянина* же *Заолѣшанина*, служившаго Владиміру, зналъ и Чулковъ, вставивши его въ свои передѣлки народныхъ ска-

зокъ (ср. изд. 3-е, 1820 г., ч. 5). Всѣ эти данныя очень важны, и, какъ выпускъ 2-й вывелъ намъ живыми лицами братьевъ Збродовичей, извѣстныхъ дотолѣ вскользь и лишь по имени, такъ выпускъ настоящій, 4-й, даетъ для науки, изслѣдующей народное былевое творчество, новый предметъ, новое лицо замѣчательнаго богатыря. *Мужики, богатыри, дворяне*, особаго имени,—все это заставляетъ предполагать цѣлый особый край, откуда они заѣзжали и поступали на службу Руси, въ число ея удальцевъ, богатырей, слугъ княжескихъ. Дѣйствительно, до изданія пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, по имѣвшимся пѣсеннымъ даннымъ знали подробнѣе одну лишь сторону, обмыкавшую собою древнюю Русь, сторону, окрашенную восточными, всего болѣе Татарскими, красками и именами: теперь довольно ярко очертился и край Западный. Съ одной стороны Подолія, Галичь, Волынь, даже отдаленный Краковъ (который спасается Ильею и въ пѣсняхъ Рыбникова высылаетъ богатырей ко Владиміру), съ другой Литва—получили важное мѣсто въ пѣсенной этнографіи. Во времена Владиміра конечно въ этихъ мѣстностяхъ большею частію жило племя и нарѣчіе Русское, хотя въ переходѣ къ Западно-Славянскому; но для пѣсней взята точка зрѣнія нѣсколько болѣе поздняя: правда, туда заглядываютъ часто Русскіе удальцы, богатыри и калѣки перехожіе, а равно оттуда заходитъ много искателей приключеній и готовыхъ слугъ на собственную Русь и въ Кіевъ, такъ что весь этотъ Западный край является союзнымъ и Владиміръ беретъ даже оттуда знаменитую свою Апраксію; тѣмъ не менѣе все-таки и вездѣ этотъ край представляется отдѣльнымъ, порою даже враждебнымъ, съ особымъ именемъ грозныхъ *королей, королевичей, королевенъ*, въ противуположность *царямъ, царевичамъ и царевнамъ*, характеризующимъ постоянно сторону Восточную. На томъ же Западѣ относительно древней Руси, было много дикихъ пущей, *Лѣсы, Лясы*, съ производными *Залѣсье, Олѣско, Олѣшице, Заолѣсье, Полѣсье, Подлѣсье*, и проч., откуда въ польскій языкъ, а вмѣстѣ въ западно-русское нарѣчіе перешло такое множество своеобразныхъ фамилій. Ясно, что оттуда же въ пѣсняхъ всѣ *Залѣшане* или *Заолѣшане*: во первыхъ мужики, какъ низшій слой народа, далѣе дворяне,—имя, которымъ изстари любили наши обозначать преимущественно западныхъ соплеменниковъ, шляхту, однодворцевъ и т. д.,—становившіеся при дворѣ князя новыми дворянами, въ службѣ Землѣ богатырями, и т. п. Таковъ же *Никита Ивановичь*. Онъ, какъ сказано, въ числѣ

«заѣзжихъ молодцевъ,» пришедшихъ служить Владиміру (вып. 4, стр. 50); не боится ни Татаръ, ни Кіевскихъ богатырей (тамъ же); «незнамъ человѣкъ» на приходѣ (стр. 49), не извѣстенъ сначала богатырямъ вокругъ Владиміра, такъ что Илья, не желая быть узнаннымъ, выдаетъ себя за Никиту (стр. 46—49); на службѣ Владиміру, онъ является какъ «богатырь» и даже въ ряду Старшихъ богатырей (стр. 24—38, 44); участвуетъ въ походѣ прочихъ богатырей изъ Кіева на Царьградъ (стр. 24—38), на рѣчи выставляется впереди другихъ, выбирается посломъ (стр. 31, 32, 35, 36), и т. д. Самый ужасъ, который собственно наводитъ Илья на Кіевъ по пѣснямъ №№ 7-й и 8-й, выдавая себя Никитою, составляетъ конечно отличительный признакъ и сего послѣдняго, грознаго и страшнаго, какимъ въ народныхъ представленіяхъ былъ и есть всегда пришелецъ.

—

Никита выдѣлился передъ нами изъ цѣлой кучи Залѣшанъ: по поводу его мы скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ о подобныхъ *скученныхъ* богатыряхъ. Желая однимъ размахомъ кисти намѣтить иногда цѣлую эпоху, или цѣлый край, высылавшій богатырей на общее дѣло, или сложность какихъ либо богатырскихъ свойствъ, былевая пѣсня размѣщаетъ нѣкоторыя лица *кучами*. Чѣмъ ближе знакомимся мы съ творчествомъ и вскрываемъ въ народѣ остатки его, тѣмъ успѣшнѣе различаемъ въ этихъ кучахъ лица отдѣльныя, представителей кучи: такъ изъ кучи прежнихъ *Старшихъ богатырей*, благодаря новѣйшимъ открытіямъ, выдѣлилось нѣсколько особыхъ и яркихъ лицъ; такъ изъ *Суздальцевъ* получили мы въ 3-мъ выпускѣ и укажемъ еще ниже одного особаго *Суровца - Суздальца*; изъ *Зальшанъ* выдвинулся *Никита*. Таковы же *братья Збродовичи*, по самому имени — *збродъ*, сборные удальцы; подобно Залѣшанамъ, они проникаютъ и въ Новгородъ (ср. Киршу, стр. 76, о Васильѣ Буслаевѣ), въ числѣ семи; въ томъ же числѣ появляются въ Кіевѣ, притомъ между Старшими богатырями, вокругъ Владиміра или на Кіевской богатырской заставѣ (вып. 1, стр. 45; Рыбник. ч. I, стр. 75, подъ именемъ *Грядовичей*); нашъ выпускъ 2-й выдѣлилъ отсюда уже двоихъ, далъ имъ опредѣленное значеніе, былевое поприще дѣйствій, и, сообразно тому, даже имя — *Петрови-*

чей; въ пѣсняхъ у Рыбник. тѣ же лица опредѣлены еще далѣе, *королевичами изъ Крякова, Лукою и Петромъ Петровичами* (см. ч. I, стр. 413 и дал.). Для другихъ мы должны выжидать еще новыхъ открытій: безъ того они доселѣ остаются кучами, напр. *Притченки* и *Хапилонки* или *Хапиловки*. Правда, одна пѣсня нашего 1-го выпуска (стр. 45) успѣла и отсюда выдѣлить «двухъ братьевъ Хапиловыхъ,» помѣстивши ихъ между Старшими богатырями вокругъ Владиміра: при всемъ томъ они остаются доселѣ собирательнымъ именемъ нѣкоторыхъ богатырскихъ свойствъ; это, какъ объяснили мы въ примѣчаніи къ стр. 63-й настоящаго выпуска, не больше какъ *прыткіе* и *хваты*. На оборотъ, иногда собственныя имена обращены въ глаголъ, въ дѣйствіе: на примѣръ, въ кучѣ удальцевъ мы встрѣчаемъ часто *Сёму* и *Спирю*, и они характеризуютъ цѣлую кучу, *посёмываютъ*, *поспириваютъ*.

Теперь, сказавши о пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ нашемъ 4-мъ выпускѣ въ первые, о пѣсняхъ новыхъ, мы прибавимъ дополненія къ пѣснямъ отпечатаннымъ прежде.

Здѣсь, прежде всего, представляется намъ возможность нѣсколько дополнить свѣдѣнія объ *Алешѣ Поповичѣ*.

Какбы въ подтвержденіе счастливой и остроумной мысли, давно уже зародившейся въ головѣ ученыхъ, но выдвинутой въ послѣднее время на поприще строгой науки М. П. Погодинымъ и П. А. Лавровскимъ, о томъ, что населеніе, занявшее края нынѣшней Малой Руси, пришло сюда гораздо позднѣе; что оно-то и образовало нынѣшнюю Малую Русь, обособивши ее своимъ бытомъ и нарѣчіемъ отъ Великой, или просто отъ Руси; что, напротивъ, прежнее срединное населеніе этой области, при которомъ началась положительная наша исторія, было именно населеніе Великорусское, или просто Русское, но совершенно одинаковое съ тѣмъ, что обозначено впослѣдствіи и доселѣ извѣстно подъ именемъ Руси Великой; наконецъ, что эта Русь покинула средоточіе своего перваго мѣстопребыванія послѣ такъ называемаго Кіевскаго періода, за погромомъ Татаръ и отчасти въ теченіе возраставшаго Литовскаго владычества: подтвержденіемъ, говоримъ, всему этому служатъ Былевыя пѣсни. Всѣ онѣ, съ содержаніемъ Кіевскаго періода или, что то же, вре-

мени Владимірова (ибо этимъ именемъ окрашенъ, какъ извѣстно, цѣлый періодъ), принадлежатъ исключительно Великой Руси, и по мѣсту своего сохраненія доселѣ, и по внутреннему характеру изображенной жизни, и по пріемамъ творчества, и по языку. Замѣчательно здѣсь одно обстоятельство: переселенцы изъ древней области, — назовемъ ее Кіевскою, — не могли перейти въ ближайшія мѣстности: онѣ были заняты болѣе густымъ населеніемъ Руси; потому движеніе должно было устремиться на окраины тогдашней Великой Руси. Сообразно сему, болѣе обильныя и лучшія былевыя пѣсни находимъ именно въ областяхъ Симбирской, Нижегородской, Саратовской, Оренбургской, Пермской, Сибирской, Архангельской и Олонецкой. Особенно прославились въ этомъ отношеніи три послѣднія области, а изъ нихъ Олонецкая (по пѣснямъ, собраннымъ П. Н. Рыбниковымъ): здѣсь встрѣчаемъ такія подробности въ изображеніи времени Владимірова, какія могли быть извѣстны только туземцамъ, свидѣтелямъ описуемаго, а удержаться такъ живо въ памяти могли только у нихъ, унесшихъ съ собою впечатлѣнія и преданія изъ старой области въ области новыя; и языкъ этихъ областей — въ высшей степени замѣчательно — носитъ доселѣ нѣкоторые признаки Западной или Юго-западной рѣчи. Сходное явленіе видимъ у Сербовъ: когда Старая Сербія, средоточіе лучшаго періода Сербскаго древняго государства, была покинута старожилами, то, переселяясь, они разнесли съ собой оттуда всѣ лучшія Былевыя пѣсни, всѣ живѣйшія преданія старины, храня ихъ и на новыхъ мѣстахъ жительства. Даже и помимо содержанія, Былевое творчество вообще отличается особенною древностію и силою лишь у Великой Руси, на ея языкѣ: здѣсь-то сохранились лучшіе Старшіе Былевые Стихи (духовнаго содержанія), тогда какъ напротивъ, сколько намъ извѣстно, у нынѣшней Малой Руси они существуютъ большею частію въ видѣ Младшихъ, въ видѣ Псальмъ, или произведеній позднѣйшихъ Юго-западныхъ школъ. — Съ другой стороны, у Малой Руси, въ ея нынѣшнемъ мѣстномъ средоточіи, мы не встрѣчаемъ, ни прежде, ни нынче, Былевыхъ пѣсень изъ времени Владимірова: исключеніе развѣ за нѣсколькими обрывками, или обличающими заимствованіе, или книжное происхожденіе, или слабость и мелкость творчества, отсутствіе подробностей изъ древней жизни. Все лучшее Былевое творчество Малой Руси, всѣ ея Думы, столь знаменитыя и дѣйствительно превосходныя,

по содержанію начинаются періодомъ Козачества (въ обширномъ смыслѣ) и сюда лишь примыкаютъ своими интересами. Тѣ изъ нихъ, которыя по видимому старше содержаніемъ и происхожденіемъ, приписываются времени болѣе древнему потому лишь, что въ нихъ не встрѣчается именъ позднѣйшихъ гетмановъ и вообще извѣстныхъ героевъ козачества, что дѣйствующія лица ихъ безцвѣтнѣе и туманнѣе, подробности неопредѣленнѣе, намеки загадочнѣе. Но это явно уже слой пѣсенъ такъ называемыхъ *Безымянныхъ*, неизмѣримо младшихъ сравнительно съ выразительными Былевыми пѣснями древнѣйшаго періода, уцѣлѣвшими у Великой Руси. Да и герои ихъ, хотя были бы дѣйствительно старше Козачества, хотя бы вышли изъ глубочайшей древности, все-таки въ настоящемъ видѣ своемъ, потерявъ определенное имя, мѣсто и время, окрашены всѣ болѣе или менѣе красками козачества, связаны съ нимъ своими образами, обстоятельствами, пріемами, однимъ словомъ передѣланы въ козаковъ. Такъ точно Болгаре, въ многочисленныхъ переселеніяхъ затерявши образы и преданія своего древняго царства, до-турецкаго, въ Былевомъ своемъ творчествѣ знаютъ однихъ лишь героевъ—хайдуковъ, порожденіе эпохи Турецкой, и, если уберегли нѣкоторые образы изъ старины предшествовавшей, то совершенно оцвѣтили ихъ цвѣтомъ хайдучества, подѣлали изъ нихъ хайдуковъ, тѣмъ лишь отличныхъ отъ эпохи позднѣйшей, что именъ ихъ нельзя уже подыскать въ позднѣйшей исторіи, что образы ихъ туманнѣе и неопредѣленнѣе. Всякой, глядя на пѣсни ихъ, убѣдится несомнѣнно, что области древняго царства Болгарскаго населены были совсѣмъ иными старожилами, унесшими съ собой пѣсни и преданія, но не успѣвшими ихъ уберечь и загибшими въ погромахъ; нынѣшніе же населенцы пришли позднѣе въ эти края, передвинулись сюда отинуда и потому ведутъ начало своего Былеваго творчества съ эпохи позднѣйшей. Различіе отъ Руси здѣсь въ томъ лишь, и различіе очень важное, что старожилы Кіевской страны не загибли и сберегли старину на новыхъ мѣстахъ поселенія: но это была и есть Русь Великая; Русь Малая, подошедшая къ ней и обособившаяся, не могла въ Былевомъ творчествѣ удержать старины Владиміровой потому, что не имѣла ея, потому что она унесена была старожилами въ мѣстности иныя, оставивши по себѣ преемникамъ лишь слѣды, намеки, догадки. — Такова именно Дума, о которой хотимъ сказать мы. Она извѣстна и по прежнимъ печатнымъ изданіямъ, мы же приведемъ образецъ

изъ собранія П. В. Кирѣевскаго, записанный покойнымъ М. А. Стаховичемъ *):

(Въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, въ селѣ Богданахъ).

Гей на Чорномъ мори
Та на бѣломъ камню,
Тамъ сидыть ясинъ сокилъ,
Склонивъ головоньку ныженько,
Жалобненько килыть-прокиляе [1]),
На святое небо та на Чорное море
Спилна поглядае.
Що на святомъ небѣ
Та на Чорномъ морѣ
Не гораздо се починило?
Чи звѣзды помречили,
Половина мисяца
У тьму ступила?
Тожъ на святомъ небѣ
Та на Чорномъ мори
Не ривъ рове [2]),
Хвыля [3]) насупротивъ хвыли вставала,
Судна козацке на три части розбивала:
Пирвую часть Гирло Дунайске пожерло,
Другу часть въ Грапьску [4]) землю заносило,
Третья часть по Чорному морю гуляе,
Ни виткиль соби порахунку [5]) не мае;
А при той части потопае
Семьсотъ душъ хрестьянскихъ,
Безъ старшины козацькой.
Тилько въ нихъ старшины козацькой,—

*) Неточность правописанія бросается въ глаза и однако мы не рѣшаемся на поправки.

1) Квилитъ-проквиляетъ, цвилитъ, издаетъ жалобный крикъ.

2) Не ревъ ревѣтъ.

3) Волна.

4) Въ напечатанныхъ прежде образцахъ—«Агарську.»

5) Помощи.

Грыцько Полуусенко Гетьманъ Запорозьской [1]),
Другій *Олексій Поповичь Пырятинскій* [2]).

То отъ винъ между врядвы [3]) хождае,
Словами промовляе:
« Козаки, добри молодьци!
« Добрѣ учиныте,
« Мины на тетивоньку вздыймите,
« Назадъ мины руки звяжыте,
« Червонымъ оксомитомъ [4]) очи запустыте,
« Ясинъ мичь возьмите,
« Съ пличь головоньку здыймите,
« У Чорне море метыте:
« Не хай я не буду больше
« Чорнымъ моремъ гуляты,
« Козакивъ съ-между війска теряты [5])!»
То козаки промовляють:
«« Олексію Поповичу,
«« Писарь войсковый, козаче лестровый [6])!
«« Ты письмо святое читаешь,
«« И насъ близь себе научаешь.»»
« Та щожъ, козаки, пани-молодьци!
« Хоть я и письмо святое читаю,
« И васъ, простыхъ людей, близь себе научаю,
« А я больше зо всихъ васъ гриховъ маю.
« Отъ якъ я зъ города Пырятина выѣзжавъ,

1) Въ другихъ образцахъ является здѣсь гетманъ « Грицко Коломыйченко. » или « Зборовській, » т. е., какъ думаютъ ученые Малоруссы, *Самуилъ Зборовскій*, избранный въ гетманы между 1579 — 83 г. и ходившій съ Запорожцами на Черное море.

2) Въ другихъ образцахъ, гетманъ, видя страшную бурю и приписывая причину ея особеннымъ грѣхамъ кого либо изъ козаковъ, убѣждаетъ виновнаго сказаться и покаяться, чтобы не губить прочихъ; тогда уже начинается исповѣдь Поповича: а у насъ прямо съ нея.

3) Уряду.

4) Бархатомъ.

5) Губить.

6) Реестровый, изъ постоянныхъ и опредѣленныхъ Украинскихъ полковъ, — черта болѣе поздняя, вѣроятно вставочная.

«Отца-матерь не вважавъ,
«Отца-мати слезы проливавъ,
«Старшого брата ни за що въ себе мавъ,
«Середульшу сестру безобразьно поругавъ,
«Й близкого сосѣда ни за що въ себе мавъ,
«Добрымъ конемъ гулявъ—
«Дитокъ малыхъ розбивавъ,
«Кровь святу на святу землю проливавъ,
«Противъ церькви проѣзжавъ—
«Сличка [1]) зъ главы не знявъ,
«На лицо свое хрестьянске
«Христа [2]) не покладавъ,
«Противъ мужь громадскихъ [3]) проѣзжавъ—
«Шапки не знявъ,
«« Помогай Бигъ» не сказавъ,
«Отъ велика соби гордость мавъ:
«А теперь осповидаюся
«Господу Богу и Чорному морю!
«А когда жъ мины хвыля не потопила,
«Когда мины отъ сего молитва ослобонила,»—
То тогда Олексій Поповичь между врядвы хождас,
Словами промовляе:—
«Козаки, пани-братья-молодци!
«Добрѣ жъ учиныте,
«Ясинъ мичь возьмите,
«Хочь на ливій руци
«Пальця мизиного усѣките,
«Крови хрестьянской у Чорне море пустыте,
«А чай чи [4]) не буде въ Чорнемъ мори
«Крови хрестьяньскей учувати [5]),
«А чай чи не буде насъ
«Господь милосердый ратовати [6])!»

1) Въ другихъ образцахъ «шапки.»
2) Креста.
3) Міру.
4) Авось либо.
5) Не будетъ слышно, будетъ сбережена она.
6) Защищать, спасать.

То такъ утыхало [1]),
Мовъ [2]) николи не грало,
Мовъ козацке судна руками
Къ гори подыймало.

Тогди ко Тендрѣ острову [3]) прибувалы,
Девять день стоялы,
Отъ велика соби радость мъялы [4]),
Що нигдѣ ни одного
Козака не втерялы.

[5]) Правда отъ сего, козаки, пани-молодыци:
Который человикъ отцевъ молитву
И материну молитву поважае [6]),
Ему Господь помогае,
До царства небесного провождае,
И въ полѣ, и въ дому, и въ Чорномъ мори
Отъ грѣховъ смертельныхъ помогае.

Пусть въ этой Думѣ вставлено имя *Алексѣя Поповича* случайно: ученые не нашли здѣсь имени историческаго и мы въ правѣ взойти къ богатырямъ Владиміра; пусть по имени гетмана, по нѣкоторымъ словамъ и намекамъ пріурочиваютъ Думу къ извѣстному опредѣленному времени: все же эти имена не вполнѣ опредѣлены исторически и могли быть вставлены позднѣе, вмѣстѣ съ прочими словами и выраженіями, когда сложилась Дума подъ вліяніемъ козачества; конечно, и краски взяты всѣ изъ козачества: но онѣ подтверждаютъ только, что въ Малой Руси древнія дѣйствующія лица переведены всѣ въ козаковъ, и ученые, не смотря на то, относятъ Думу ко временамъ до Уніи, ко временамъ старшимъ, сравнительно съ большею частію прочихъ Думъ. Однимъ словомъ, конечно эта

1) Море.

2) Словно.

3) Недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

4) Мѣли, имѣли.

5) Въ другихъ образцахъ это слѣдуютъ слова Поповича, спасеннаго исповѣдью отъ гибели и спасшаго тѣмъ прочихъ.

6) Уважаетъ, цѣнитъ.

Дума сложена Малой Русью, со всѣми тѣми пріемами и способами творчества, которыя ей были доступны, со всѣми отпечатками Малорусской жизни, а слѣдовательно въ образахъ козачества; но въ основѣ ея мы можемъ усматривать дѣйствительное воспоминаніе о богатырѣ Алешѣ Поповичѣ, занесенное или уцѣлѣвшее отъ старины живымъ слѣдомъ. Такъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, кромѣ Былевыхъ, говорили мы (вып. 2, «Замѣтка,» стр. XXIV), уцѣлѣло до позднѣйшаго времени имя Алеши, даже съ характеристикой. И здѣсь, въ Думѣ, видимъ изъ старины также не одно имя: спасеніе корабля среди бури черезъ жертву одного виновнаго, брошеннаго въ море,—мотивъ древнѣйшій, былевой, эпическій; онъ развитъ сполна въ извѣстной Былинѣ о плаваніи гостя Новгородскаго Садка (ср. Киршу и Рыбникова); покаяніе или лучше разочарованіе богатыря и удальца, наскучившаго прежними проказами,—опять мотивъ древнѣйшій, былевой, извѣстный намъ по Добрынѣ (ср. вып. 2, стр. 31, и Рыбник.) и Василью Буслаеву (ср. Киршу и Рыбник.); въ Думѣ высказанъ даже и весь, столь извѣстный, характеръ Алёши: дерзкій, неуважительный, грубый. Все это старина, только вмѣсто богатырства пущенная послѣдующей жизнію на путь козачества, вмѣсто былеваго, безотносительнаго теченія въ творчествѣ, такъ сказать запруженная въ предѣлы извѣстныхъ нравственныхъ правилъ и выводовъ. Изъ древней *Русской* Былины, уцѣлѣвшей въ образцахъ *Великорусскихъ*, выработана самостоятельно *Малорусская* Дума.

—

Далѣе, данныя о *Суровцѣ-Суздальцѣ*, помѣщенныя нами въ 3-мъ выпускѣ (стр. 107—112, и «Замѣтка,» стр. VIII—X), можемъ мы дополнить слѣдующимъ отрывкомъ Былины, который изъ матеріаловъ Этнографическаго Отдѣленія (Географич. Общ.) доставленъ намъ В. И. Ламанскимъ:

(Енисейск. губ., Минусинскій округъ, Теспнская волость).

Суровецъ богатырь сынъ Ивановичь,
Онъ ѣздилъ въ полѣ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и по три́ годы,

Никакой вещи въ полѣ не наѣзживалъ,
Ни звѣря въ полѣ порыскучева,
Ни птицы въ полѣ летучія.
Онъ наѣхалъ въ полѣ на едину вещь,
Вещь не малую и не великую:
Онъ завидѣлъ въ полѣ сырой [1] дубъ,
Единъ сыръ дубище и кривистый [2]),
Онъ кривистый дубъ, жароватый [3]),
У дуба кореньице булатное,
А сучья-вѣтви позлаченые;
На дубу-то сидитъ птица вѣщая,
Птица вѣщая, перелетная,
Птица младъ черенъ воронъ,
Перо его какъ смола кипитъ,
А очи его какъ свѣчи горятъ воску ярово,
А ноги его какъ лучи свѣтятъ,
Какъ лучи свѣтятъ, лучи солнечные,
Лучи солнечные и подвосточные.
Богатырское сердце возъярилося
И горячая кровь воскипѣлася,
Могучія плечи расходилися,
Его бѣлыя руки размахалися,
Вынималъ онъ изъ налучна свой тугой [4]) лукъ,
Изъ-на колчана калену стрѣлу,
И онъ свой тугой лучишко сталъ потягивать,
А калену стрѣлу сталъ направливать,
И самъ ко стрѣлочкѣ сталъ приговаривать:
« Полетай ты, моя калена стрѣла,
« Выше лѣсу, къ небу по-надъ-небесью,
« Ты убей на дубу черна ворона,
« Черна ворона, птицу вѣщую,
« Птицу вѣщую, перелетную.»
Младъ черенъ воронъ пріужахнулся,

1) Читай: « сырый. »
2) Кряковистый.
3) Ср. прежде. на прим. вып. 4, стр. 6.
4) Читай: « тугій. »

Выговаривалъ онъ Русскимъ языкомъ,
Русскимъ языкомъ, человѣческимъ:
— Охъ ты гой еси, Суровецъ богатырь,
— Суровецъ богатырь, сынъ Ивановичь!
— Ты не бей, не стрѣляй меня, черна ворона:
— Моего-то мяса тебѣ не наѣстися,
— Крови моей не напитися,
— И только осквернишь себя.
— Поѣзжай ты въ дальне-чисто поле
— Ко тому же князю ко Кургану,
— Гдѣ Курганъ князь перевозится,
— Перевозится онъ и переносится
— Черезъ матушку черезъ Неву рѣку [1]);
— Его злые Татары все богатыри:
— Прiищи себѣ поединщиковъ.—

Богатырское сердце сокротилося,
Горячая кровь утолилася,
Могучiя плечи опустилися.
Онъ садился скоро на добра коня,
Онъ стегалъ коня по крутымъ бедрамъ,
Простегалъ кожу ровно до мяса,
А мясо рвалъ до бѣлыхъ костей:
Его добрый конь растервяется [2]),
Отъ сырой земли отдѣляется,
Онъ чистое поле на ускокъ скакалъ
И крутыя горы промежъ ногъ пущалъ,
А темны лѣса устилалъ хвостомъ.
И прибѣжалъ онъ ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлой шатеръ.
Они пили-ѣли, веселилися,
И попробавъ силы, разлучилися.

*

1) Позднѣйшая вставка; вѣроятно вмѣсто *Нѣпру*.

2) Остервеняется, разъяряется.

За тѣмъ переходимъ снова къ пѣснямъ, помѣщеннымъ въ настоящемъ 4-мъ выпускѣ со страницы 52-й до 108-й и не вошедшимъ въ прежніе выпуски потому, что имъ въ собраніи П. В. Кирѣевскаго не соотвѣтствуетъ ни одного образца. Если бы всѣ эти дополненія, занявшія 4-й выпускъ, размѣстить въ надлежащемъ порядкѣ и непрерывной связи съ пѣснями выпусковъ первыхъ, то по старшинству богатырей, по изображенію времени Владимірова и по внутреннимъ условіямъ творчества нужно бы наблюсти такую послѣдовательность, отчасти выдержанную нами при изданіи I-й части Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ:

Илья Муромецъ, въ томъ порядкѣ пѣсень, какъ напечатанъ 1-й выпускъ.

Въ III-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска, послѣ № 1-го нужно бы помѣстить ту былину, что у насъ въ выпускѣ 4-мъ подъ № 1-мъ.

Въ IV-мъ отдѣлѣ послѣ № 1-го ту, что въ 4-мъ выпускѣ подъ № 2-мъ.

Здѣсь же, послѣ № 2-го помѣстить ту, что въ выпускѣ 4-мъ подъ № 3-мъ (Борисъ Збутъ смѣшанъ съ Жидовиномъ).

Въ 1-й же выпускъ вставить особый отдѣлъ, какого тамъ нѣтъ, между IV-мъ и V-мъ, или между V-мъ и VI-мъ, о борьбѣ Ильи съ Идолищемъ: въ 4-мъ выпускѣ этому соотвѣтствуютъ пѣсни подъ № 4-мъ и 5-мъ, съ приведенною въ разнорѣчіяхъ Побывальщиной.

Въ V-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска подъ № 1-мъ нужно бы поставить ту былину, что въ выпускѣ 4-мъ подъ № 6-мъ.

Тамъ же въ VI-мъ отдѣлѣ должны бы подъ 1-мъ и 2-мъ, или, все равно, послѣ 1-го и 2-го подъ 3-мъ № расположиться пѣсни, вошедшія въ 4-й выпускъ подъ № 7-мъ и 8-мъ, о ссорѣ Ильи съ Владиміромъ, съ прибавкою извѣстія объ его смерти.

За вставкою, такимъ образомъ, новаго отдѣла, вмѣщающаго борьбу съ Идолищемъ, пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ представили бы уже не VII, какъ сдѣлано въ 1-мъ выпускѣ, а VIII отдѣловъ.

За Ильею слѣдуетъ *Добрыня* безъ перемѣны въ томъ порядкѣ, какой сохраненъ при 2-мъ выпускѣ.

За тѣмъ *Алеша Поповичъ*, съ прибавкою приведенной нами сейчасъ Малорусской Думы, и *Василій Казиміровичъ* или *Игнатьевичъ*.

Послѣ нихъ, по уваженію къ старшинству, *Иванъ Гостиный сынъ* и *Иванъ Годиновичъ*, какъ одинъ Русской *Иванъ-богатырь;*

Данило, какъ зять Микулы и одинъ изъ самыхъ старшихъ Калѣкъ Перехожихъ; *Дунай*, по происхожденію богатырь Старшій, лишь пріуроченный времени Владимірову: всѣ они въ порядкѣ 3-го выпуска.

Далѣе, помѣщенный въ 4-мъ выпускѣ, *Потокъ* или *Потыкъ Михайло Ивановичъ*, какъ ближайшій сотоварищъ Ильи, Добрыни, Алёши, Василья, въ своемъ родѣ богатырь образцовый и предводитель *Каликъ* времени Владимірова, съ которыми и долженъ быть рядомъ (Былины объ нихъ—въ выпускѣ 3-мъ).

Возлѣ Потыка *Ставръ*-бояринъ, мужь Василисы, и богатыри, характеризующіе бытовую жизнь древняго города, боярскую и посадскую, *Хотинъ*, *Чурило*: см. выпускъ 4-й.

За ними заѣзжіе богатыри—*Дюкъ Степановичъ* (выпускъ 3-й), *Михайло Казарянинъ*, *Соловей Будиміровичъ* (выпускъ 4-й).

Рядомъ—богатыри сторонніе, но одновременные эпохѣ Владиміровой, по самому даже творчеству былинъ объ нихъ,— *Суровецъ-Суздалецъ*, съ дополненіемъ, что прибавлено въ «Замѣткѣ» 1-го и 4-го выпуска, равно какъ *Саулъ* или *Сауръ съ сыномъ* (выпускъ 3-й и 4-й).

Наконецъ, заключающія Владимірово и вообще Богатырское время, Былины *О гибели русскихъ витязей* и объ *Аникѣ-Воинѣ*, то, чѣмъ заключается 4-й выпускъ.

По этому порядку, сказавши въ разныхъ «Замѣткахъ» о прочихъ богатыряхъ, мы должны теперь остановиться на *Потокѣ* или *Потыкѣ*, что обѣщали еще въ 3-мъ выпускѣ («Замѣтка», стр. V).

—

Потокъ или *Потыкъ* есть прозвище богатыря (собственное имя его «Михайло Ивановичъ»), выражающее собою цѣлую особую силу изъ жизни народной, отпечатлѣвшуюся и въ особомъ слоѣ, въ особой струѣ народнаго былеваго творчества. Корень *тък-* или *тѣк-*, въ оглашенномъ видѣ *тек-* или *ток-*, со множествомъ производныхъ, означаетъ вообще теченіе, бѣгъ, силу стремящуюся, перехожую, бродячую. Въ простѣйшей формѣ находимъ слова этого корня, съ опредѣленнымъ значеніемъ, въ языкѣ Чешскомъ, особенно древнемъ, гдѣ *tkáti* sě (ткати се) значило—шататься, бродить («kde sě tak dlúho *tkáš*», гдѣ такъ долго шатаешься?), откуда *tkáč* (ткачь)—

бродяга, перехожій, странникъ; его такъ описывали въ старину Чехи (ср. «Выборъ изъ литер. Чешской», Шафарика, 1845 г., стр. 120, 121): «нѣтъ нигдѣ у него своего дому, ни имѣнія, а только шатается, бродитъ онъ (tká sě), не будучи осѣдлымъ.» Съ другой стороны, тотъ же корень *тък-*, въ значеніи дѣйствительномъ и въ глаголахъ дѣйствительныхъ, обращается въ *тык-* (*тык-ать*) и *тук-* (тук-ать). Отсюда въ Сербскомъ *туħи се* (тучься), *тучем се*, *туцати се*, значитъ—биться (наше *тукатися*), колотиться, толкаться, бродить, шататься по свѣту, и являются имена— *потукач*, *потуцмя*, *туцак*, бродяга, перехожій, нищій, попрошайка: то же, что Чешское *ткачь*, наше *потыкъ*, *потокъ*, въ смыслѣ странника, бродяги, калѣки перехожаго. Между тѣмъ извѣстно, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, а вмѣстѣ и въ языкѣ Русскомъ, весьма часто звуку *у* соотвѣтствуетъ *ъл* или *ол*: *вълкъ*, *волкъ—вук*, *туча—толща*, *пузо—ползать*, *недуг—недолугъ*, и т. п. Потому сербскому *тук-* будетъ отвѣчать наше *толк-*: *толкать*, *толчекъ*, какъ первое начало движенія, переходовъ изъ стороны въ сторону, странничества, и приведенныя выше сербскія слова мы можемъ перевести нашими звуками — *толочься*, *толкаться*, *потолкачь*, *потолчня*, *толчакъ*. И дѣйствительно, по областямъ нашимъ находимъ: *ткать* (Калужск., Курск.) значитъ *толкать*; на оборотъ, *толкаться* (между людьми, по свѣту) есть то же, что Чешское *tkáti sě* (ткати се), шататься, бродить; *толкуша* (Курск.)—который толчется безъ надобности, *толкушка* (Иркутск.) — непосѣдъ, т. е. совершенно то же, что сербск. *потукач*, *туцак*, и проч. Отъ того слѣпецъ и вообще калѣка перехожій описывается такъ въ нашихъ старинныхъ памятникахъ (на прим. въ Пчелѣ, по рукоп. XIV в., Синод. Библ. № 579—457): «иже *толчеться* по стѣнамъ и въ ямы вваляеться.» Но чаще въ нашемъ языкѣ корень, о которомъ мы говоримъ, является съ разными предлогами, при чемъ однако выдерживается постоянно одно основное значеніе. На примѣръ. Съ предлогомъ *изъ*: *ис-точный*— дикій, странный (=со стороны, странникъ), *ис-точникъ*—плутъ, проходимецъ (=прохожій, перехожій), потомъ особый слой народа— *истошникъ* въ смыслѣ калѣки перехожаго, нищаго, странника. *За*: *за-точникъ* въ смыслѣ заточеннаго, сосланнаго въ заточеніе, а въ былевомъ творчествѣ это богатырь, особенно сильный, котораго прибéрегаютъ и выпускаютъ только въ крайнемъ случаѣ на врага (ср.

пѣсни Сербскія, а у насъ вып. 3, стр. 114, и сказки). *При:* *при-тка* (при-тък-а), *при-тча*, въ значеніи сперва нечаянной встрѣчи, на что наткнешься на дорогѣ, съ чѣмъ столкнешься на пути, потомъ въ смыслѣ бѣды, *нашедшей* или *напущенной*, а также нечистой силы; отсюда—увѣчье и калѣчье, напр. въ Домостроѣ — «многи *притчи* отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и ногу вывихнутъ, и перстъ, и главоболіе.» такъ что каждый изъ калѣкъ, изъ людей странныхъ, перехожихъ, является олицетворенною *приткой* или *притчей*, откуда и разсказъ обо всѣхъ этихъ, странныхъ народу явленіяхъ, получаетъ имя *притчи*. Производное отсюда—*приточный*, говорится о пути, наприм. «путь далекъ и *приточенъ* (Памятн. Дипломат. Снош., 1492 г., столб. 71).» т. е. опасный, въ простѣйшемъ представленіи отъ *толчковъ* (ср. выше единство корней *тък-* и *толк-*), а потомъ отъ нечаянныхъ лихихъ встрѣчь, ибо въ далекомъ пути Богъ знаетъ на кого натолкнешься и съ кѣмъ столкнешься. Въ народномъ же словопроизводствѣ съ одной стороны удлиненая форма, отъ *притка* или *притча*, *притчина* смѣшивается еще со словомъ *при-чина* (корень *чин-*, Causa, Ur-sache), напр. «излишняя игрушка доводитъ до *притчины*,» «сдѣлалъ *причину* и всѣмъ навелъ кручину.» «экая *притчина*,» «*причина* его взяла,» «*причина* тебя побей,» и т. п., а съ другой стороны прививается корень *пр-* или *прыт-*, откуда *прыть*, *прыткій*, *прытокъ*, по сходству не только звуковъ, но и смысла, т. е. быстроты, бѣга, стремленія. Мы видѣли выше, что путемъ такого словообразованія въ народномъ творчествѣ явились въ числѣ удальцевъ и богатырей особые *Притченки*. Наконецъ предлогъ *по:* отсюда лѣтописный глаголъ *по-тче*, *по-ткоша*, въ значеніи толчка, набѣга; *по-тка*, тоже, что *притка*, въ значеніи встрѣчи, знаменія, напр. въ Словѣ «о злыхъ дусѣхъ (Москвитян. 1844 г., № 1):» «егда ли что ны на пути зло створиться, то учнемъ дружинѣ своей глаголати: почто не вратихомся! А не безлѣпа (вѣдь не напрасно) ны *потка* не дадяше (не давала) поити, а мы ся не послушахомъ.» Наконецъ слово, съ котораго мы и начали, *по-токъ* или *по-тыкъ*, какъ прозвище богатыря. Во всѣхъ этихъ развѣтвленіяхъ одного и того же корня сбереглось одно и то же представленіе, о силѣ движенія или стремленія, силѣ неугомонной, бродячей, перехожей, съ которой вездѣ того и гляди столкнешься, о силѣ лихой и бѣдовой; сообразно съ такимъ пред-

ставленіемъ, въ былевомъ творчествѣ созданы особые образы, своеобразныя лица—*Истошники*, *Заточники*, *Притченки*, *Потоки* или *Потыки*.

Итакъ прозвище — *Потокъ* или *Потыкъ* выражаетъ цѣлую и особую силу, своеобразную черту древней народной жизни; придаваясь одному богатырю, Михайлѣ Ивановичу, прозвище показываетъ, что онъ былъ главнымъ представителемъ этой силы. *Потоковъ* или *Потыковъ* было много : Михайло былъ ихъ главою, сдѣланъ главнымъ ихъ выразителемъ, творческимъ ихъ образомъ.

Какая же это сила, гдѣ было ея мѣсто, въ чемъ она воплощалась? Поприщемъ ея всесторонняго дѣйствія, собственнымъ мѣстомъ и временемъ для силы движенія, переходовъ, броженія, было *Кочевье*, эпоха кочеваго быта, періодъ слагавшагося народа русскаго: оттуда шли всѣ представленія, всѣ слова и названія, нами указанныя. Но, когда эта эпоха миновала, народъ сложился и вступилъ на новую степень бытія осѣдлаго, въ новой странѣ міра и мѣры, образовался въ міръ-народъ, въ Землю и Земщину, тогда отъ старины остались только слѣды и воспоминанія. Для народнаго творчества эти слѣды и воспоминанія выражались, во первыхъ, въ образѣ *Старшихъ богатырей*, какъ остатковъ былаго, ярко еще носившихъ на себѣ отпечатокъ стихійнаго броженія и кочевья, но уже вымиравшихъ среди условій новой жизни. Далѣе, таковы же были и вообще богатыри, какъ *Дружина Земская*, ибо сама Земля выражала собою стойкость и опредѣленность, Дружина же была Землею въ движеніи, со стороны переходовъ, подвиговъ, стремленій. Сила безпокойная, волновавшаяся жаждою новыхъ предпріятій, кипѣвшая избыткомъ жизни, молодежь и вольница тяжела была внутри Земли, міра, города, посада, села и деревни; ее выталкивали, сживали съ рукъ, спроваживали на разные урочные подвиги: «вѣдь въ Кіевѣ, говоритъ пѣсня, нельзя имъ жить : разгуляются—распотѣшатся, распотѣшатся—станутъ всѣхъ *толкать*, а такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть (вып. 1, стр. 63).» Съ этой стороны Земская Дружина имѣла отчасти черты періода предшествовавшаго, кочеваго; но была и глубокая разница: тамъ были переходы, стремленія и вообще броженія *до* Земли, до сложившагося міра-народа, а здѣсь Дружина дѣйствовала *отъ* Земли и *за* Землю. Потому и характеръ ея, при всей подвижности, имѣлъ уже въ чертахъ своихъ опредѣленность, физіономію самой Земли: стойкость,

стройность, опредѣленность цѣлей; богатыри *стояли* за Землю, на *заставахъ*, ей принадлежащихъ, нося названіе «*стоятелей* и *оберегателей*» земли Русской (ср. вып. 1, стр. 68). Таковъ въ особенности Илья Муромецъ съ своей степенностью, потомъ Добрыня съ мягкостію пріемовъ, Алеша съ безграничной смѣлостью, Василій Долгополый съ неповоротливостью, Дунай съ тихостію, и т. п. Это была сила Земской жизни, подвижная, бродячая, но вмѣстѣ и сила постоянная, т. е. стремившаяся впередъ и въ то же время возвращавшаяся къ Землѣ; въ этомъ постоянномъ круговращеніи — Земли къ Дружинѣ, Дружины къ Землѣ, состояла циркуляція жизненныхъ силъ древняго организма, тайна его кровообращенія. За всѣмъ этимъ были такіе слои въ древней Земской жизни, которые не были въ ней постоянною силой, а только лишь, сказали мы прежде (вып. 3, «Замѣтка,» стр. V), «со стороны, мимоходомъ, врывались въ нее и въ Кіевъ съ другой, болѣе важной для нихъ дороги,» были только терпимы подъ разными условіями, или допускались временно, какъ минута развитія или даже уклоненіе. Это уже были силы бродячія беззавѣтно, безцѣльно, безвозвратно, блуждающія, въ которыхъ все было движеніемъ, и *только* движеніемъ. Таковы были *Поляницы* удалыя: это удальцы заѣзжіе и притомъ, судя по ихъ описанію, большею частію съ Востока, изъ народовъ, у которыхъ кочевье навсегда кристаллизовалось, безъ выхода къ чему либо новому; попадали на этотъ путь и Русскіе богатыри, но лишь на время, увлеченные минутною жаждою погарцовать въ полѣ беззавѣтно; попадали и Русскія женщины, но лишь въ опредѣленную пору, на примѣръ въ житьѣ дѣвичьемъ, какъ Настасья Микулишна, или въ чрезвычайномъ случаѣ, на примѣръ для спасенія мужа, какъ Василиса Микулишна. Потому и Потыкъ, какъ Русскій богатырь, могъ принимать эту роль, но не является нигдѣ ея присяжнымъ представителемъ. Далѣе, таковы были *Калѣки Перехожіе*. Послѣ Старшихъ богатырей это были полнѣйшіе выразители былаго кочевья, его дѣти, его порожденіе, его образы; потому, какъ и Старшимъ богатырямъ, имъ грозилъ судъ смерти среди новой сложившейся жизни, они обрекались на судьбу вымиранія: такъ бы съ ними и случилось, если бы Земля не указала имъ цѣли блужданія—Святыя мѣста, если бы не догадалась, что ихъ страшный и уничиженный образъ, разобщенный съ остальнымъ міромъ, способенъ къ воспріятію творческаго наитія, къ храненію созданій народнаго творчества,

къ разноскѣ и передачѣ Былинъ, въ особенности Стиховъ. Подъ этими условіями, наложенными Землею, спаслись они, и мы видѣли ихъ настоящихъ представителей, Данилу Игнатьева, Сильнаго Иванища, Старчища Пилигримища, и т. д. Лишь порою, съ своей главной дороги отъ Святыни къ Святынѣ, отъ монастыря къ монастырю, отъ страны къ странѣ (откуда и имя ихъ, странниковъ), врывались они въ древній городъ и вообще въ древнюю общину, а большею частію встрѣчались на пути, на мосту, и, хотя кое-гдѣ уживались на долго, но подъ покровомъ не столько мірскаго общества, сколько Церкви. Общество даже радо было бы усадить ихъ на мѣстѣ и допускало имъ общее устройство, по сотнямъ, а позднѣе на Западѣ Руси и по цѣхамъ: они сами не могли ужиться на одномъ мѣстѣ, повинуясь своему исконному призванію и не смотря на богадѣльни, убогіе и богорадные домы, которые впослѣдствіи придумало имъ Московское государство. Въ нѣдра этого слоя спускались и устарѣвшіе богатыри, и на оборотъ, забравъ силу, Калѣки поднимались до громадныхъ образовъ богатырскихъ; сами присяжные богатыри временемъ входили въ ихъ роль, надѣвали ихъ платье, прикидывались ими. Такимъ образомъ, хотя чрезъ всю исторію и охало отъ нихъ Русское общество, но допускало ихъ какъ явленіе временное, урывчатое, мимоходное, въ самомъ блужданіи направлявшееся къ опредѣленнымъ цѣлямъ, въ самомъ безобразіи принимавшее впечатлѣнія окружавшаго общества и служившее его духовнымъ нуждамъ. Потыкъ, какъ истый Русскій богатырь, полный свѣжихъ силъ богатырства, не могъ также быть полнымъ представителемъ этихъ лицъ, подобно Данилѣ или Иванищу. Итакъ, въ самомъ богатырствѣ нужно поискать стороны, гдѣ бы на своемъ мѣстѣ могъ развернуться Михайло Ивановичъ, сохранивъ вѣрность оригинальному своему прозвищу Потыка. И точно, тогда какъ другіе богатыри выражали каждый какое либо особое свойство Земской Дружины, то степенность, то вѣжливость и мягкость пріемовъ, то смѣлость, и т. п., Потыкъ, сообразно своему прозвищу, является повсюду преимущественнымъ представителемъ стороны *движенія, броженія, стремленія*, того свойства, которое Дружину всего болѣе отличало отъ Земли и всего болѣе Землю дѣлало Дружиною. Это, можно сказать, perpetuum mobile древнѣйшей Земской Дружины, крайняя точка, обратно противуположная Ильѣ Муромцу, всего болѣе стойкому и степенному, всего болѣе походившему на саму Землю. Изъ этого значенія вытекаютъ

всѣ прочіе образы и черты Потыка, созданные Былевымъ творчествомъ. Именно:

а.) Въ противуположность другимъ богатырямъ, у которыхъ знаемъ мы родъ и племя, отцовъ-матерей, рожденіе и родину, какъ извѣстную мѣстность, даже воспитаніе и повѣсть первыхъ лѣтъ,— у Потыка не видимъ по пѣснямъ ничего подобнаго (см. 4-й нашь вып. и Рыбник.): онъ какой-то безродный молодецъ, заразъ появляющійся въ своемъ настоящемъ видѣ, оторванный отъ прошедшаго, съ намеками о концѣ счастливомъ, но безъ вѣсти о всѣхъ послѣднихъ дняхъ дѣятельности.

б.) Посмотрите, сидитъ ли онъ на одномъ мѣстѣ: какъ будто ни минуты, какъ будто только присядетъ, чтобъ подняться, и въ путь. Пѣсни объ немъ обыкновенно начинаются тѣмъ, что Владиміръ отряжаетъ его на какой ни будь подвигъ въ далекую сторону; только лишь онъ воротится, какъ ступай дальше; отъ Лиходѣя Лиходѣева мчится онъ къ Налету Налетову; только сѣлъ съ Налетомъ за шахматы, какъ пришла вѣсть, и доску тавлейную объ полъ, и въ три часа въ Кіевъ; тамъ лишь зажилъ съ женой, какъ обмерла она, Лиходѣевна, и Потыкъ лѣзетъ съ ней въ подземелье, въ могилу; но и тамъ не пропалъ, кричитъ во всю голову, дергаетъ веревкою за языкъ колокольный, выскочилъ, и ужь на горахъ Сорочинскихъ противу сорока царей-царевичей; воротился, а жена убѣжала, и черезъ минуту Потыкъ въ землѣ Волынской, у похитителя Вахрамея Вахрамеева; его въ погребъ, онъ изъ погреба, его въ камень, онъ живой изъ подъ камня, и опять бьется, и опять въ Кіевѣ. Онъ и въ Подольѣ, и въ Волыни, и въ темной Ордѣ, и въ Турціи, и у Бухаря заморскаго (у Бухаровъ?), и въ землѣ Политовской, и во главѣ Каликъ на пути къ Ерусалиму, и съ ними же въ хороброй Литвѣ, и только что присѣли они въ Кіевѣ, «вынималъ изъ сумы книжку свою, посмотрѣлъ и число показалъ, что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся, и пора намъ, молодцы, въ путь итти (вып. 3, стр. 99).»

в.) Не будучи самъ настоящимъ Калѣкою и оставаясь богатыремъ, но богатыремъ по преимуществу бродячимъ, Потыкъ по той же самой причинѣ естественно является иногда во главѣ Калѣкъ Перехожихъ, какъ мы знаемъ изъ былины о «Сорока каликахъ со каликою.»

г.) Все въ немъ бродячее, даже самое имя: онъ, во главѣ Калѣкъ, называется иногда и *Ѳомою*, и *Касьяномъ*.

д.) Только что женился, а уже успѣлъ поддѣть себѣ красную дѣвушку, уже ѣздитъ по Кіеву за скверными женщинами (Рыбник., ч. I, стр. 208, 209); хлопочетъ воротить похищенную жену и въ то же время влюбляетъ въ себя королевну.

е.) Не разъ мы замѣчали, что чѣмъ опредѣленнѣе богатырь времени Владимірова, чѣмъ выразительнѣе сказалась въ немъ эпоха сложившейся Земли и новой жизни, чѣмъ болѣе въ немъ чертъ самой Земли, тѣмъ менѣе баснословнаго. И здѣсь Потыкъ представляетъ крайнюю противуположность Ильѣ Муромцу: образъ его, расплывчивый среди бродячей жизни, съ чертами перехожими, едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ богатырей перепутанъ съ явленіями баснословными. По своему уподобленію съ прожитою эпохою языческихъ вѣрованій и стихійности вѣросознанія, притягиваетъ онъ къ себѣ оттуда множество образовъ совершенно баснословныхъ, Лебедь-Валькирію, вообще оборотней, подземныхъ змѣевъ, райскихъ птичекъ, Лиходѣевъ, Лиховидовъ, и т. д.

ж.) По тому же самому образъ его изъ опредѣленнаго богатыря готовъ безпрестанно расплыться въ образъ безъименнаго молодца, превращая и былину богатырскую въ пѣсню безъименную: съ именемъ Потыка овладѣвши Настасьею, королевной Политовскою (Рыбник., ч. I, стр. 234 — 236), онъ потомъ является при ней въ пѣсняхъ безъименныхъ какъ безчастный молодецъ (тамъ же, стр. 452—461) и проносится сквозь всю исторію былеваго творчества, переходя даже въ извѣстнаго Ваньку-ключничка.

з.) Также точно сказки о богатыряхъ, въ коихъ мы нашли бо́льшую опредѣленность, на примѣръ объ Ильѣ и Добрынѣ, только твердятъ быль, только повторяютъ былину: на оборотъ, образъ Потыка, какъ увидимъ ниже, расплылся въ сказкахъ до послѣдней неопредѣленности, теряя черты свои въ чисто-сказочныхъ подробностяхъ.

Всѣ это убѣждаетъ насъ, послѣ богатыря-Крестьянина, Боярина, Поповича, Дьяка, Гостинаго Сына, Ловчанина, и т. п., видѣть въ Потыкѣ Богатыря-*Бродягу*, хотя въ смыслѣ болѣе чистомъ и высокомъ, чѣмъ употребляется нынѣ, и таково именно значеніе древнѣйшаго прозвища—*Потокъ* или *Потыкъ*.

Разсмотримъ же, хоть бѣгло, этотъ образъ сперва среди *бога-*

тырей, съ соотвѣтствующими чертами изъ сказокъ, потомъ во главѣ *Калѣкъ перехожихъ* (см. вып. 3, 4, и Рыбник. ч. I.).

Среди богатырей являясь обыкновенно съ Ильею и Добрынею, Потыкъ, какъ сказано, отличается отъ нихъ особенною подвижностью и подвиги совершаетъ въ одиночку, особнякомъ. Мы выше перечислили страны, куда заносила его служба Владиміру: судя по именамъ и описанію, это исключительно почти края Западные, Подолье, Волынь, Литва, Ляхи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, отъ иноземнаго государя получилъ онъ въ подарокъ корабли и добываетъ себѣ дѣвицу-Лебедь, дѣвицу оборотня; добывши, хочетъ цѣловать ее, но встрѣчаетъ препятствіе: она некрещеная, поганая. Потому Потыкъ сперва привозитъ ее въ Кіевъ, приводитъ въ вѣру крещеную и женится. Замѣтивши, по словамъ нѣкоторыхъ былинъ, шаткій нравъ своего мужа, Лебедь Бѣлая хочетъ взять его покрѣпче въ руки, ищетъ надъ нимъ мудрости, творитъ чары и договаривается, кто раньше умретъ, другому лечь живому съ тѣломъ мертвымъ. Спустя время, она обмираетъ, т. е.—замѣтно—прикидывается, чтобъ погубить мужа, а самой встать, ибо, какъ оборотень, она имѣла къ тому силы. По уговору, спустили въ могилу обоихъ: но Потыкъ запасся желѣзными клѣщами и прутьями, побилъ ими приползшихъ змѣй и всякихъ гадовъ, между тѣмъ пробуждена и жена еретница, дали изъ подъ земли знать, вытащены, пожили вмѣстѣ, и когда умеръ Потыкъ, жену по уговору и въ наказаніе за чары зарыли съ нимъ въ могилу. Таковъ одинъ, законченный отдѣлъ сказаній.

Другой, совершенно независимый отдѣлъ сказаній изображаетъ Лебедь Бѣлую какъ распутную: она бѣгаетъ съ разными врагами въ чужія страны, все-таки впрочемъ Западныя, и Потыкъ принужденъ гоняться и отыскивать ее, передѣваясь Калѣкою. Но и отысканная, она успѣваетъ его нѣсколько разъ обмануть, предательски пользуясь его пьянчивостью и засаживая его то въ погребъ, то оборачивая въ камень. Здѣсь бы и сгибнуть ему, еслибы не помогли братья названые, Илья и Добрыня, а имъ самимъ не помогли бы—съ одной стороны иноземная королевна, Настасья или Анна, да Святитель Микола въ образѣ Калѣки перехожаго. Королевну Потыкъ въ благодарность беретъ за себя, а Миколѣ обязанъ на вѣки молебнами.

Здѣсь, во первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе лицо Потыковой жены, Лебеди. Извѣстно изъ древней миѳологіи, что каково миѳологическое существо мужеское, такова и его половина женская: она

выражаетъ обыкновенно возможность, или, какъ говорятъ нѣмецкіе ученые, потенцію, пассивную сторону тѣхъ же самыхъ свойствъ, которыя окрѣпли и энергически выражаются въ существѣ мужескомъ. Замѣчательно, что то же самое видимъ въ нашихъ богатыряхъ: Богатыри Старшіе, представители былаго стихійнаго броженія, на примѣръ Святогоръ, имѣютъ и женъ крайне податливыхъ къ новымъ началамъ, не стойкихъ въ вѣрности, готовыхъ за угломъ и во время мужняго сна предаться юному влекущему началу (ср. Рыбник.). Вѣрные служители Земли, Добрыня и Данило или Ставръ имѣютъ и особенно вѣрныхъ женъ, первый, совершенно по себѣ, нѣжную и *вѣжливую* Настасью, два послѣднихъ энергическую Василису, обѣ дочери стойкаго представителя Земщины, Микулы. Илья до того проникнутъ началами Земщины, до того стоекъ, степененъ, строгъ и замкнутъ, что не допускаетъ при себѣ даже никакой женской половины и остается до смерти холостымъ, соединяясь съ женщинами только грѣхомъ, случаемъ, паденіемъ, безъ постоянной связи. Какъ крайняя противуположность Ильи, богатырь подвижности и броженія, Потыкъ, подобно богатырямъ Старшимъ, имѣетъ, какъ мы видѣли, жену-оборотня, не стойкую въ вѣрности, измѣнчивую, податливую.

Во вторыхъ, черты жены Потыковой, какъ оборотня, ея обмиранье, желаніе погубить вмѣстѣ съ собою и мужа, общій гробъ и одна могила, все это напоминаетъ многіе сказочные разсказы и между прочимъ извѣстную повѣсть Н. В. Гоголя о Віѣ, основанную, какъ увидимъ сейчасъ ближе, на народныхъ преданіяхъ.

Со всѣмъ упустивши это изъ виду, одинъ разъ, въ разговорѣ объ мертвецахъ, мы передали содержаніе Гоголевой повѣсти слѣпому калѣкѣ изъ Смоленской губерніи, Терентію Ивановичу, и не мало удивились, когда въ концѣ разсказа онъ перебилъ насъ, возразивши, что онъ самъ очень хорошо знаетъ это дѣло, только немного иначе, что это быль, случай заподлинный. Вотъ краткій очеркъ его повѣсти, сколько успѣли записать мы. Одинъ купецкій сынъ выпросилъ у отца денегъ и пошелъ закупать товару; въ лавчонкѣ увидалъ онъ Жида, который за неудачи свои сѣкъ какой-то образъ: молодецъ, послѣ долгаго спора, успѣлъ убѣдить, чтобъ Жидъ уступилъ ему образъ за всѣ деньги, что съ нимъ были. Отецъ, разумѣется, сердился на сыновнее пріобрѣтеніе, но образъ поставили съ честью, а сынъ набралъ товару въ долгъ и готовъ былъ ѣхать за море, какъ

привязался къ нему какой-то *старецъ* (то же, что Калѣка перехожій): «возми меня съ собою, пригожуся.» Поѣхали вмѣстѣ. За моремъ пристали къ одному городу: стоитъ въ пристани кораблей видимо-невидимо. Царь позвалъ къ себѣ пріѣзжаго молодца и назначилъ къ царевнѣ отгадывать ея загадки: «коли отгадаешь, отдамъ за тебя за мужь, не то убью тебя, а товаръ возьму.» А корабли стоятъ все убитыхъ за ту же вину прежнихъ гостей; а царевна хитрая ворожея, оборотень. Съ помощію старца, молодецъ отгадалъ загадки и долженъ былъ взять невѣсту. Но она, еретница, обмерла: пріѣзжаго приставилъ отецъ читать надъ нею Псалтирь въ церкви. По совѣту старца, молодецъ взялъ въ церкву три воза осиновыхъ дровъ (извѣстное орудіе противъ оборотней). Слѣдуютъ тѣ же черты, что въ Віѣ: царевна также вставала ночью и съ прочими чудами хотѣла схватить и задушить молодца; двѣ ночи отбивался онъ отъ чудъ полѣньями; на третью чуть не пропалъ, но улучилъ минуту, пробило двѣнадцать часовъ, царевна осталась одна, и онъ хотѣлъ убить ее. Взмолилась она и обѣщала выйти за него за мужь. Молодецъ повезъ ее назадъ въ Кіевъ, а царь подарилъ ему всѣ стоявшіе подъ городомъ корабли. Хотѣли вѣнчаться: да какъ съ поганою еретницей? Старецъ повелъ ее въ баню и въ глазахъ молодца распласталъ на части; ужаснулся молодецъ, а старикъ говоритъ: «смотри, что̀ будетъ.» Изъ разсѣченнаго тѣла поползли змѣи и всякіе гады, ихъ едва перебили метлами и заступами: вся эта погань была внутри и нужно было очистить. Послѣ старецъ оживилъ тѣло, сказалъ—«прощай, молись тому образу, что спасъ ты отъ Жида, это мой образъ, я Микола.» И съ тѣмъ пропалъ, а молодецъ сталъ жить-поживать съ женою. Этотъ разказъ, соединяя подробности повѣсти Вія съ чертами Потыка и его жены, свидѣтельствуетъ, какъ живущь въ народѣ образъ сего послѣдняго и въ какихъ именно чертахъ сказочныхъ проходитъ онъ сквозь всю исторію русскаго народнаго творчества. Раскроемъ Сказки (по собранію г. Аѳанасьева и лубочнымъ изданіямъ, у насъ имѣющимся), и мы почти все это встрѣтимъ, только въ разбросанномъ видѣ и конечно безъ имени Потыка.

Въ сказкѣ «о Правдѣ и Кривдѣ» бѣднякъ, жившій Правдою, наученъ былъ за то отъ Бога, гдѣ подслушать разговоры нечистыхъ. Одинъ изъ нечистыхъ и говоритъ: «Я былъ у такой-то царевны, вотъ, десять годовъ ее мучаю. Всяко меня выгоняютъ изъ нее:

никто, слышь, меня не сможетъ выгнать, а выгонитъ тотъ, хто вотъ у такого-то богатаго купца достанетъ образъ Смоленской Божей Матери, что у него на воро́тахъ въ куотѣ (кіотѣ) удѣланъ (здѣсь этотъ образъ занимаетъ мѣсто Миколы).» Услышавши это, бѣднякъ пошелъ къ купцу и цѣною тяжкой платы добылъ образъ. Пошелъ онъ къ скорбящей царевнѣ, образомъ выгналъ нечистую силу и женился на исцѣленной (Аѳан. вып. 1, стр. 45—51).—Замѣтимъ, что весьма сходная сказка есть и у Болгаръ.

Жилъ былъ одинъ бѣдный священникъ. «Вотъ онъ всё молился ды молился, день и ночь молился, и Николу милостиваго просилъ всё, кабы справиться... Вотъ онъ пошолъ йзъ дому, куды глаза глядятъ; шолъ-шолъ, всё шолъ, и увидалъ: возля дороги сидятъ двоя съ сумками, какъ и онъ пѣшіе... Одина-тъ молодинькой съ бородкой, а другоя-тъ сѣдинькой старичокъ.» Второй изъ нихъ и былъ Микола: ср. въ пѣсняхъ о Потыкѣ (у Рыбник.), какъ на дорогѣ къ Ильѣ и Добрынѣ, идущимъ калѣками, присталъ старецъ, пилигримъ, калѣка Микола. Пошли они вмѣстѣ и узнали, что въ одномъ городѣ у барина была больная дочь, которую никто не могъ вылѣчить. «Пришли они къ тому барину, стали стучаться у него подъ окномъ: «пусти-ка насъ, мы, слышь, вылѣчимъ твою дочь.» Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить свою дочь: они взяли ее и повели въ баню.» Младшій изъ сотоварищей «всеё её разрѣзалъ на части: она и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части её, взялъ и перемылъ всеё на́ всеё въ трёхъ водахъ. Перемылъ въ трёхъ водахъ и сложилъ её вмѣстѣ по прежняму, какъ была. Сложилъ вмѣстѣ, и спрыснулъ разъ—она срослась; спрыснулъ въ другой—она пошевелилась; спрыснулъ въ третій—она встала:» ср. какъ Потыкъ въ подземельѣ оживилъ спрыскиваньемъ жену. «Привели её къ отцу; она, знашь, и говоритъ: «я во всёмъ здорова по прежняму.» Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоволь сыто на́ сыто всѣхъ накормилъ и напоилъ... Вотъ посля́ барина-тъ открылъ имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышь, берите, сколько душѣ вашей угодно.» Сравните награду, которую получилъ Потыкъ отъ отца Лебеди. Перебрели трое съ деньгами черезъ рѣчку. «И сѣли всѣ троя на бережокъ... «Давай деньги-то дѣлить.» Младшій «сталъ дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попа-тъ говоритъ: «насъ, де, троя: кому кладешь ты ещо четвёртую долю?.» и проч. Сравните о Потыкѣ у Рыбникова:

Онъ звалъ каликъ (Илью, Добрыню, Миколу въ образѣ старца)
въ палаты бѣлокаменны,
Кормилъ ихъ ѣствушкой сахорною,
Поилъ-то питьицемъ медвяныимъ,
Навалилъ денегъ по подсумку. . .
Привелъ ихъ старичище (Микола) ко камени,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Мнѣ отъ васъ это ростань прочь итти,
« Начнемъ на камню деньги па́евать.»
Дѣлилъ старикъ на четыре доли,
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣлишь, старикъ, деньги на четыре доли:
— Кому дѣлишь четверту часть?» и проч. (ч. I, стр. 224).

Или:
Пришли къ бѣлому ко камени.
Говорилъ старичище пилигримище:
« Станемте-ка, братцы, животовъ дѣлить.»
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣли-ко ты, старичище пилигримище.—
Дѣлитъ старичище пилигримище,
На четыре дѣлитъ онъ на четверти.
Говорятъ калики перехожіи:
— Кому дѣлишь четверту часть?—и проч. (стр. 233).

Другой бѣднякъ « служилъ Николѣ нѣсколько лѣтъ , до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола, ни двора, ни хлѣба, ни пріюта. » Увидѣлъ онъ икону Николы, съ горя ударилъ ее и пошелъ куда глаза глядятъ (ср. выше икону Миколы у Жида). « Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пался ему на стрѣту незнамой человѣкъ : « здравствуй , доброй человѣкъ , куда идешь и откуда ? Возми меня къ себѣ въ товарищи.» Вотъ и пошли они вмѣстя́хъ. . . . Идутъ , идутъ, вдругъ дорога разсѣкается на двѣ ро́зстани. Вотъ они пошли оба въ одну сторону , дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья, полбытья , полцарства , а не вылѣчитъ — голова съ плечь , на тычинку повѣсятъ. » Сказались они лѣкарями. « Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попро-

сили у царя особой избы, обрѣза воды, вострой сабли, большого стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали ее вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ дунетъ, такъ штука съ штукой и склеиваются. Склалъ онъ всѣ штуки какъ надоть, въ послѣдніи разъ дунулъ — царевна встрепенулась, и встала жива и здрава... Царь говоритъ: «что хотите вы отъ добра? Злата ли, серебра ли? Берите...» Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдёмъ же деньги дѣлить,» сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. «Какъ же, насъ двое, кому же третья-то часть?» и проч. «Ну на тебѣ деньги, сказалъ старичекъ, да возьми и мои... Не жадничай, да не бей ключами Николу...» Сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ (ср. «Нар. Р. Лег.,» г. Афан., 1859 г., стр. 15—23).» Опять у Рыбникова:

И стали подходить къ рубежу Волынскому,
И вышелъ къ дорожкѣ старичекъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
«Возьмите меня во товарищи.»
Взяли старика во товарищи.

Затѣмъ дѣйствія ихъ вмѣстѣ, дѣленіе казны съ одною лишнею частью, и наконецъ:

Говорилъ старичище таковы слова:
«Прощайте, русскіе могучіе богатыри!
«Молитесь Миколы Можайскому:
«И будетъ васъ Микола миловать,
«Изъ синя моря выздыновать.»
А и видѣли старика походючись,
И не видѣли, куда старый сшелъ,
Оставалась казна на камени (стр. 223—225).

Развернемъ еще лубочную сказку (изъ нашего собранія) *О Силѣ царевичѣ и объ Ивашкѣ Бѣлой рубашкѣ*. Сила царевичъ, меньшой изъ трехъ братьевъ, какъ водится, отправился искать приключеній. «Шелъ куда глаза глядятъ, и такъ онъ шелъ долгое время, и никого впереди себя не видывалъ, и сзади никто не обгانивалъ.

Наконецъ услышалъ за собою бѣгущаго человѣка, которой былъ въ бѣлой одеждѣ. Сила царевичь оглянулся, вдругъ видитъ, что уже онъ его нагоняетъ; тотчасъ и вынулъ свой мечь, и остановился, думаетъ, не злодѣй ли какой догоняетъ. Какъ скоро тотъ человѣкъ нагналъ его, то бросился къ нему въ ноги.» Оказалось, что это былъ нѣкогда еретикъ, т. е. волшебникъ, знахарь, заключенный за то въ гробницу и случайно освобожденный царевичемъ. Онъ сталъ слугою царевича: эта Бѣлая Рубашка то же лицо, что *Ивашка Бѣлая Эпанча*, представитель Руси, въ слугахъ у царя Далмата, извѣстный по сказкѣ объ Еруcланѣ, и, вѣроятно, *Дворянинъ Бѣлая Палица*, о которомъ говорили мы выше. Въ настоящемъ случаѣ онъ вступаетъ въ ту же роль, что приведенный нами прежде встрѣчный старичекъ. Онъ сосваталъ царевичу королевну *Труду*: но она была еретница, совершенно такая, какова, видѣли мы выше, была жена Потыка. Ивашка помогъ царевичу убить летавшаго къ ней змѣя, запретилъ по ночамъ прикасаться къ ней и сталъ наконецъ лѣчить ее: «царевичь простился съ своимъ тестемъ и взявъ съ собою свою супругу, поѣхалъ въ свое отечество. На половинѣ дороги Ивашка сказалъ Силѣ царевичу, чтобъ велѣлъ остановиться лагеремъ съ полками. Царевичь его въ томъ послушался и приказалъ разбить полатки. На другой день послѣ того Ивашка предъ полаткою царевича сложилъ костеръ дровъ (ср. выше дрова противъ оборотней) и зажегъ ихъ, а послѣ того вывелъ королевну Труду изъ полатки, раздѣвъ ее, и выхватилъ изъ подъ полы мечь свой и разрубилъ Труду на двое. Сила царевичь испужался весьма и заплакалъ: «не плачь, что она опять жива будетъ.» Какъ скоро тѣло царевны Труды развалилось на двое, то изъ чрева ея поползли всякія гады, которыхъ Ивашка всѣхъ побросалъ въ огонь, а потомъ сказалъ царевичу: «видишь ли, Сила царевичь, какая чистота была во чревѣ у твоея супруги? Это вить всё злыя ду́хи въ ней зародились!» Потомъ когда всѣ гады изъ чрева ея выползли, а Ивашка ихъ всѣхъ пережегъ, потомъ Трудино тѣло опять сложилъ вмѣстѣ и спрыснулъ живою водою, и королевна Труда въ ту жь минуту сдѣлалась здоровою, и стала столь смирна, сколько прежде была зла. Тогда Ивашка сказалъ Силѣ царевичу: «Ну, Сила царевичь, теперь даю тебѣ волю творить съ своею супругою и что хочешь, потому что уже ты не можешь ничего опасаться.» Послѣ сего онъ ему еще сказалъ: «Теперь прощай, Сила царевичь, ты меня больше ни-

когда не увидишь.» Сказалъ сіи слова, сталъ невидимъ (такая же сказка въ 5-мъ выпускѣ у г. Аѳан., стр. 164 — 175, объ *Иванѣ-царевичѣ* и *Катомѣ-дядькѣ, Дубовой шапкѣ*: катома то же, что сумка переметная, знамя Калѣкъ; и шапка тяжелая ихъ же признакъ).»

Подобнымъ же образомъ, по сказкамъ, очищаютъ и всѣхъ вообще оборотней или, что то же, отъ нихъ спасаютъ народъ; на прим. въ сказкѣ у г. Аѳан., вып. 5, стр. 146, 147: «Собрали крестьянъ и приготовили сто возовъ осиновыхъ дровъ; вотъ привезли дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна (оборотня) изъ могилы, положили на костёръ и зажгли: а кругомъ народъ обступилъ, всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костёръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ, ни одному червяку не дали ускользнуть.»

Чтобы сопоставить это распластанье тѣла, изгнаніе и убіеніе гадовъ, потомъ оживленіе тѣла, съ исторіею, переданною былинами о Потыковой женѣ, нужно вспомнить, что всѣ эти змѣи и гады, вся нечистая сила, являются, на примѣръ въ Віѣ, потому лишь вокругъ женщины, какъ ея помощники, что въ ней самой, въ ея утробѣ нечистая сила. Какъ можно, разрѣзавъ утробу, выгнать изъ нея и перебить гадовъ, такъ, на оборотъ, можно перебить гадовъ, можно побороть нечистую силу во внѣ, и тѣмъ очистить внутренность, утробу, душу еретницы. Одинъ путь избираютъ сказки, другой былины. Въ былинахъ нечистая сила, порожденіе внутренней нечистоты Потыковой жены, представляется во внѣ и Потыкъ борется съ нею во внѣшнемъ мірѣ: это — обмиранье, порожденное чарами Бѣлой Лебеди, могила, куда свела она мужа, приползшіе змѣи и гады, которыхъ бьетъ онъ прутьями и клѣщами; при чемъ не трудно замѣтить, что вся эта умерщвляющая сила чаръ, глубокое подземелье, ползущіе змѣи и гады—суть творческое олицетвореніе, образы внутренняго міра еретницы, отдавшейся нечистой силѣ. Поборовши эту силу, Потыкъ оживляетъ жену вспрыскиваньемъ воды, какъ очищенную выводитъ на свѣтъ Божій и тогда только дѣлается на всегда ея мужемъ. Это то же очищеніе, которое, мы видѣли, совершилъ Потыкъ крещеніемъ жены, безъ чего онъ не могъ ни цѣловать, ни миловать ее, какъ поганую. Та же самая нечистота внутренняя вы-

ражена и въ другомъ отдѣлѣ былинъ, выше указанномъ, гдѣ жена Потыка изображается распутною: распутство та же нечистая сила, тѣ же змѣи и гады; гоняясь за женой по далекимъ царствамъ, чтобы спасти ее, Потыкъ стремится въ борьбу противъ тѣхъ же змѣй и гадовъ, ищетъ того же очищенія. Здѣсь-то въ былинахъ помогаетъ ему Микола, подобно какъ въ легендахъ и сказкахъ помогаетъ очищать утробу невѣсты отъ нечистотъ. Ясно, что оба отдѣла былинъ совершенно одно и то же, только съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ образахъ, или, иначе, съ разными пріемами изображенія; одинаковы совершенно и сказки, съ тою лишь разницею, что въ нихъ образы разбиты и перемѣшаны, а въ былинахъ цѣльнѣе, полнѣе и сосредоточеннѣе.

Остается замѣтить о послѣдствіяхъ, которыхъ добился Потыкъ рядомъ своихъ подвиговъ. Въ легендахъ и сказкахъ онъ спасаетъ невѣсту свою разсѣченіемъ тѣла ея, очищеніемъ отъ внутреннихъ нечистотъ и потомъ окропленіемъ живой воды, послѣ чего женится и кончаетъ жизнь въ счастьи; въ одномъ отдѣлѣ былинъ достигаетъ того же самаго, очищая жену сперва крещеніемъ, потомъ спускаясь съ нею въ подземелье, воюя съ чудовищами, воскрешая тою же живой водой и выводя на свѣтъ Божій; конецъ жизни здѣсь также свѣтелъ, но на самомъ предѣлѣ ея жена все-таки получаетъ возмездіе за прежніе грѣхи и живая погребается съ мужемъ; наконецъ въ другомъ отдѣлѣ былинъ жена, или лучше, женская половина Потыка дѣлится въ творческихъ образахъ на двое, на два лица: одна, прежняя, неизмѣнная, падаетъ жертвою своихъ козней и распутства, другая, уже не Марья, не Авдотья, а Настасья или Анна Королевична, впрочемъ такая же Лебедь Бѣлая, только уже чистая, любящая, вѣрная; съ нею счастливо кончаетъ Потыкъ дни свои, добившись спасенія жены, хотя уже не въ прежнемъ, нечистомъ, а въ новомъ, очищенномъ ея образѣ. Это двойство, которое мы видимъ здѣсь въ двухъ раздвоившихся изъ одного лицахъ, видно въ женѣ Потыка и повсюду: она, какъ невѣста, поганая, не можетъ цѣловать Потыка, и, послѣ крещенія, чистая, могущая быть супругой; передъ крещеніемъ, какъ говоритъ пѣсня у Рыбникова (стр. 215), у ней

Было имя прежнее—
Марья Подоленка дочь Лиходѣевна,
А тутъ дали имя новое—
Настасья Лебедь Бѣлая дочь Лиходѣевна.

Тѣло ея разсѣкается, и по очищеніи, оно же составляется въ новый составъ, къ новой жизни, смертью и потомъ воскресеніемъ; ее спасаетъ сперва мертвая, потомъ живая вода; она сходитъ съ мужемъ въ подземелье какъ мертвая, и выводится оттуда живою, къ новой жизни, по избіеніи гадовъ. И такъ, вся ея исторія есть исторія ея очищенія и спасенія, воскресенія изъ мертвыхъ, оживленія, одухотворенія; образы или орудія, которыми это совершается, совершенно однозначущи,—смерть и воскресеніе, спуски въ подземелье, во внутреннюю глубину, и выходъ оттуда на свѣтъ Божій, перемѣна лица и имени, вода, крещеніе, а въ нѣкоторыхъ сказкахъ и легендахъ—дуновеніе духа.

Теперь вспомнимъ, что̀ мы говорили выше о значеніи женской половины при мужской: это то же самое существо, какое и въ мужѣ, только по образу бытія женственное, пассивное, со стороны преимущественно матеріи, въ которой отпечатлѣваются дѣйствія духа, въ которой и изъ которой творится все новое; исторія женщины есть исторія мужчины, со стороны его сознанія, подпавшаго процессу, переработкѣ, сдѣлавшагося предметомъ дѣйствія, ставшаго матеріей, веществомъ для воплощенія силъ духа. Жена Потыка есть его сознаніе, его совѣсть, подпавшія процессу; Потыкъ относится къ этому сознанію, къ своей совѣсти, принявшей образъ жены, какъ къ предмету дѣйствія: рядомъ своихъ подвиговъ, своею мужескою энергіей, силою живущаго въ немъ духа, онъ очищаетъ эту пассивную сторону своего существа, очищаетъ и спасаетъ сознаніе, совѣсть. Вспомнимъ, что онъ самъ—сила по преимуществу бродячая, стихійная, истекшая изъ давняго періода, изъ-по ту сторону сложившагося міра-народа, сила языческая; онъ блуждаетъ безъ стойкости и мѣры существа, онъ блудливъ, пьянчивъ, онъ попадаетъ въ подземелья, онъ возится съ гадами, онъ доходитъ до состоянія камня. Но онъ не стоитъ въ этомъ злѣ, онъ безпрерывно движется, и въ энергіи его движенія лежитъ и задатокъ спасенія: одна нога его въ бездѣ, другая—шагъ къ избавленію: онъ борется, на виду вся исторія борьбы, и въ концѣ желанное ея послѣдствіе, выходъ; борьбою вышелъ онъ отъ смерти къ жизни, отъ нечистой силы къ чистотѣ, изъ подземелья на свѣтъ Божій, отъ блудливой жены къ чистой супругѣ, съ которой и покончилъ дни свои. Его спасеніе въ живой водѣ, въ крещеніи, въ перемѣнѣ существа и имени, въ церковномъ звонѣ, извлекающемъ его изъ могилы. И тамъ, гдѣ уже

самъ онъ не можетъ справиться собственною силой, является на помощь сила высшая: когда дошелъ онъ до состоянія камня, его воздвигаетъ къ жизни Микола, по народной пословицѣ—«Русскій Богъ.»

Поелику же Потыкъ есть не только личность, но представитель цѣлаго направленія, особой стороны въ Земской Дружинѣ, то его исторія есть вмѣстѣ на значительную долю исторія и всей Земской Дружины, а вмѣстѣ исторія и всей Земли Руской со стороны Дружинной жизни въ древнѣйшемъ періодѣ. Мы видимъ въ немъ и остатки прежняго, стихійнаго, кочеваго періода, и борьбу этихъ слѣдовъ съ новыми условіями жизни, и новые образы, принятые жизнію среди новыхъ условій, и борьбу языческихъ началъ съ Христіанствомъ, и торжество Христіанства, торжество духа, началъ нравственныхъ, и вмѣстѣ умиреніе, успокоеніе жизни, какъ плодъ пройденной борьбы. Вездѣ видна исторія духа, исторія Русскаго сознанія, не въ отвлеченности, а въ народныхъ творческихъ образахъ, не въ миѳологическомъ туманѣ, а съ красками положительной, внѣшней жизни. Будучи выразителемъ силъ внутреннихъ и невещественныхъ, Потыкъ въ то же время есть живой образъ, съ сердцемъ, лицомъ, бытомъ окружавшей его дѣйствительности.

Замѣчательно, что на пути ко спасенію, Потыкъ, будучи самъ Богатыремъ, передѣвается Калѣкою, является странникомъ; ему помогаютъ въ томъ главные богатыри Владиміровы, Илья и Добрыня, но также въ образѣ Калѣкъ; самъ Микола приходитъ къ нему въ рѣшительную минуту Калѣкою, старчищемъ-пилигримищемъ. И такъ, въ немъ спасается Богатырь и силою Богатырскою, но послѣдствія, виды и образы силы, средства, — все это принадлежитъ Калѣкамъ. Потыкъ очищенный и спасенный есть уже не прежній Богатырь, а Калѣка. Такимъ и является онъ во главѣ *Сорока каликъ со каликою*, о чемъ еще обѣщали мы сказать особо.

Мы знаемъ уже, что многіе богатыри и удальцы, наскучивши прежнею жизнію, не рѣдко искали спасенія душѣ въ новомъ состояніи Калѣкъ перехожихъ, и въ этой новой формѣ бытія являлись совсѣмъ иными. По самому свойству своей богатырской природы, отданной по преимуществу броженію, будучи способенъ стать во главѣ Калѣкъ, Потыкъ начинаетъ передъ нами новую повѣсть дѣятельности, въ формѣ преображенной. Здѣсь не похожъ онъ на прежняго Потыка, безалабернаго, нестройнаго, блудливаго, пьянаго: онъ уже не борется и не добываетъ борьбою, а проситъ, ради Христа;

у него зарокъ—не грабить, не лгать, не зариться на бабицу; онъ ни зачто не рѣшается посягнуть на грѣхъ съ чужой женою; по клеветѣ терпя казнь, онъ выходитъ изъ подъ земли какъ ясенъ соколъ, «на его лице молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы;» «никакого духу онъ не вѣруетъ;» духомъ своимъ прогоняетъ онъ «духъ пропасти,» «прощаетъ плоть женскую,» «крестомъ ограждаетъ и благословляетъ (см. вып. 3, стр. 81 — 99 и Рыбник. ч. 1, стр. 236—240).» Образъ спокойный, величавый, просвѣтленный. Можно полагать, что въ его дѣлѣ съ Апраксіей былины хотѣли повторить еще разъ исторію его бѣдъ, борьбы и спасенія: подобно прежнему, изъ за женскихъ чаръ и прелестей, попадаетъ онъ въ землю, зарывается, теряетъ языкъ и очи; только ангелы спасаютъ его, научаютъ спасенію птички райскія, и по обличеніи клеветы онъ торжествуетъ. Дѣйствительно, это и есть повтореніе прежней, богатырской исторіи Потыка; но повтореніе совсѣмъ уже въ иныхъ образахъ, на иной почвѣ. Образы не Богатыря, а Калѣки; почва не внѣшней жизни, а нравственныхъ правилъ, ибо вся завязка въ клеветѣ, вся развязка въ торжествѣ истины, стало быть въ сферѣ чисто-нравственной. Здѣсь-то является Потыкъ неожиданно второобразомъ Прекраснаго Іосифа, ибо вся исторія Сорока калѣкъ со каликою, съ Потыкомъ во главѣ ихъ, есть перелицовка исторіи Іосифа, изъ Еврейской мѣстности пересаженной на Русскую, изъ исторіи священной въ дѣйствительную и бытовую. Дѣло въ томъ, что Калѣки всегда имѣли передъ собою идеалы: идеалами ихъ были Лазарь, Алексѣй, Іосифъ, Іосафъ царевичь; *Убогій*, *Человѣкъ Божій*, *Странникъ*, *Пустынникъ*, — все это имена, равнозначущія по смыслу съ именованіемъ *Калѣкъ перехожихъ*, примѣры, съ которыхъ всегда такъ или иначе снимали снимокъ въ дѣйствительности. Конечно, жизнь дѣйствительная не давала идеаламъ воплотиться сполна и часто отвлекала отъ нихъ неизмѣримо далеко: но все же идеалъ оставался идеаломъ и ему посвящены лучшіе и важнѣйшіе изъ Стиховъ, воспѣваемыхъ доселѣ Калѣками. Потыкъ въ новомъ видѣ преображеннаго и просвѣтленнаго бытія своего ушелъ такъ далеко, что удостоился въ народномъ творчествѣ сдѣлаться наглядным выразителемъ одного изъ идеаловъ Калѣкъ перехожихъ, Іосифа Прекраснаго, со всѣмъ цѣломудріемъ, чистотою и всепрощеніемъ сего послѣдняго.

—

О значеніи *Ставра* мы отчасти говорили уже прежде. Въ лѣтописяхъ имя его встрѣчается позднѣе, именно въ Новгородской первой подъ 1118 годомъ: «.... Приведе Володимiръ (Мономахъ) съ Мьстиславомъ вся бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному хресту, и пусти я домовь: а иныя у себе остави, и разгнѣвася на ны, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьского на *Ставра*, и затоци я вся.» То есть Владимiръ Мономахъ призвалъ всѣхъ бояръ Новгородскихъ въ Кiевъ, привелъ къ присягѣ ему—князю, и часть отпустилъ домой, но нѣкоторыхъ, по гнѣву за ихъ проступки, въ томъ числѣ Ставра, послалъ въ заточеніе. Этотъ же гнѣвъ Владимiра на Ставра, выраженный тюрьмою его и назначеніемъ имѣнія въ казну княжескую, изображенъ и въ былинахъ: только по одинаковости имени и по нѣкоторому сходству эпохъ, дѣйствіе перенесено отъ Владимiра Всеволодовича къ Владимiру Святославичу. Ставръ былъ въ числѣ взятыхъ въ Кiевъ *бояръ* Новгородскихъ, почему и называется въ былинахъ *бояриномъ*; но изъ лѣтописи видимъ, что онъ имѣлъ должность *сотскаго*, а потому былъ представителемъ Земли: такую роль играетъ онъ въ былинахъ, страдая отъ произвола Княжескаго какъ лицо Земское, съ явнымъ сочувствіемъ былинъ къ его страданіямъ, съ женою — дочерью представителя Земли, Микулы. Лицо его самого незначительное, подставное: оно только оттѣняетъ собою величавую фигуру жены—*Василисы Микулишны*. Отношенія Земской Дружины къ Князю и Дружинѣ Княжеской съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе натянутыми, враждебными, и разразились трагическою катастрофой, изображенною въ былинахъ, гдѣ Данило, Земской дружинникъ, палъ жертвою. Онъ является тамъ со всѣмъ напряженіемъ силы мужеской, побиваетъ Дружину Княжескую и измѣнившихъ собственныхъ товарищей, потомъ, не перенеся борьбы, оскорблявшей святую правду, убиваетъ себя; при такой напряженности образа мужчины, Василиса естественно является при немъ лишь образцемъ женственности, послушливою, услужливою, готовою на такую же страдальческую жертву; она готовитъ мужу стрѣлы на враговъ, она убиваетъ себя на его трупѣ. Но, говорили мы, былевое наше творчество, надорванное такимъ трагисмомъ отношеній, поспѣшило смягчить ихъ и примирить, а само—выйти на спокойную, болѣе свойственную себѣ дорогу, и для этихъ цѣлей избрало образъ Василисы, способный къ выполненію задачи, какъ образъ женскій. Прежнія роли пе-

реставлены: Ставръ, смѣнившій Данилу, такой же страдалецъ, но уже безъ силы, потерянный, въ тюрьмѣ; Василиса же принимаетъ на себя энергію мужескую, на языкѣ творчества—передѣвается мужчиной, и такимъ образомъ, съ одной стороны мужествомъ, съ другой—скрытою подъ мужескимъ образомъ догадливостью и ловкостью женщины, спасаетъ мужа, успокоиваетъ отношенія его къ князю, даже дурачитъ князя. Творчество до того успокоилось, что на этой почвѣ, въ концѣ былинъ, допускаетъ уже шутки и прибаутки: совершенно обратное явленіе, сравнительно съ повѣстью о Данилѣ. Ставръ, какъ и слѣдовало ожидать по этой безцвѣтной и подставной его роли, затерялся въ памяти остальныхъ народныхъ произведеній: но имя и образъ Василисы, особенно при этомъ выдавшейся, какъ спасительницы мужа, перешли въ преданія, особенно въ сказки. Собственно говоря, образъ женщины или, по большей части, дѣвицы-героини извѣстенъ всему Славянскому творчеству, а ближе всего къ нашему—у Славянъ Южныхъ, у Сербовъ и особенно Болгаръ, гдѣ *Боянка* и *Тодорка*, въ образѣ мужчины, совершенно также проводятъ воеводу, какъ Василиса Владиміра (ср. наше изданіе, «Болгарскія пѣсни,» 1855 года). Разница у насъ та, что этотъ образъ пріуроченъ именно Василисѣ и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ Владиміровой эпохи. Нѣкоторыя изъ нашихъ сказокъ, на прим. о *Василисѣ Золотой косѣ*, *Василисѣ Прекрасной* и *Василисѣ Премудрой* (ср. собраніе г. Аѳанасьева, вып. 1, 2-е изд. 1858 г., въ примѣч. стр. 104—107, и самыя сказки — вып. 4, стр. 127 — 135, вып. 5-й, стр. 96 — 105), слѣдуютъ совершенно пути сказочному и Василиса представляется здѣсь или спутницей извѣстныхъ намъ подвиговъ Ивана-богатыря, его женскою половиной, или же сама проходитъ одинакую съ нимъ исторію, какъ неправильно обидимая старшими, странница по разнымъ видамъ бытія, по подземнымъ или дикимъ царствамъ, исполнительница труднѣйшихъ задачь, жертва Яги-бабы, Водянаго царя, и т. п., спасаясь отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, являясь къ забывшему ее жениху (подобно какъ Иванъ къ невѣстѣ, готовой итти за другаго) и достигая наконецъ торжества своей правдѣ. Другія же сказки, именно объ *Василисѣ Поповой*, или Поповнѣ, повторяютъ почти цѣликомъ образъ Василисы Микулишны, извѣстный по былинамъ о Ставрѣ, и близки къ содержанію былинъ. Одну изъ такихъ сказокъ, доставленную намъ В. И. Ламанскимъ изъ матеріаловъ Этнографическаго

Отдѣленія (при Географич. Обществѣ) и записанную Ирбитскаго уѣзднаго училища штатнымъ смотрителемъ Н. Тихановымъ, мы приведемъ здѣсь. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ Василій попъ; у него была дочь Василиса Васильевна; одѣвалась она въ мужское платьё, ѣздила верхомъ на лошади, стрѣляла изъ ружья и все дѣлала совсѣмъ не по дѣвичьи, такъ что очень немногіе знали, что она дѣвушка, а думали, что она мущина и звали ее Василіемъ Васильевичемъ, а больше потому, что Василиса Васильевна была охо́ча до водки, а это, знашь, дѣвушкамъ совсѣмъ не къ лицу. Вотъ единова царь Бархатъ (такъ звали царя той стороны) поѣхалъ поохотиться за дичинкой и ему на встрѣчу попалась Василиса Васильевна; ѣхала она верхомъ въ мужской одёжѣ тоже за охотой. Царь Бархатъ, увидавъ ее, спрашиваетъ у своихъ слугъ: «кто это такой молодой человѣкъ?» Одинъ слуга ему и отвѣчаетъ: — это, вѣдь, царь, не мущина, а дѣвушка; мнѣ до вѣдома извѣстно, что это дочь попа Василія и что зовутъ ее Василисой Васильевной. — Лишь только царь Бархатъ воротился до двора, тотчасъ написалъ къ попу Василію грамотку, чтобы онъ своего сына Василія Васильевича отпустилъ къ нему въ гости отвѣдать царскаго стола; а между тѣмъ самъ пошелъ къ бабушкѣ Задворинкѣ-Ягинишнѣ и давай ее выпытывать, какъ бы узнать, что Василій Васильевичь точно дѣвушка. Бабушка Задворинка-Ягинишна и говоритъ ему «ты по праву-то руку въ палатѣ своей повѣсь пяла, а по лѣву-то руку ружья. Если она точно Василиса Васильевна, то когда взойдетъ въ палату, прежде всего хватится за пяла, а если Василій Васильевичь, то за оружія.» Царь Бархатъ послушался бабушку Задворинку-Ягинишну и велѣлъ своимъ слугамъ поставить въ палату пяла и развисить ружья. Какъ только грамотка царская дошла до отца Василія и онъ показалъ ее своей дочери, тотчасъ Василиса Васильевна пошла на конюшій дворъ; осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухъ къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она по учтивому Богу молится, по писа́нному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ; съ царемъ Бархатомъ ласково здоровается и входитъ съ нимъ въ царскія палаты; сяли вмѣстѣ за столъ и давай пить питья пьяныя и ѣсть яствы саха́рныя. Послѣ обѣда Василиса Васильевна стала съ царемъ Бархатомъ по палатамъ разгуливаться, и какъ только увидала пяла, то и у́чала царя

Бархата осужать: «что это, говоритъ, такое у тебя, царь Бархатъ, за дрянь? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепе́тья и видо́мъ не видать и слыхо́мъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичьё шелепе́тьё въ палатахъ ви́сится!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому разпростилась и поѣхала домой. Царь не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка. Эдакъ дня черезъ два, не больше, царь Бархатъ посылаетъ опять къ попу Василію грамотку и проситъ его отпустить къ нему своего сына Василія Васильевича. Тотчасъ какъ только Василиса Васильевна услыхала объ этомъ, пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и пахнула прямо къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она съ нимъ ласково здоровается, по учтивому Богу молится, по писа́нному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ. Царь Бархатъ, по наказу бабушки Задворинки-Ягинишни, велѣлъ къ ужину сварить кашу и начинить ее жемчугомъ, вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчугъ будетъ въ горсточку класть, а если Василій Васильевичь, то подъ столъ кидать. — Вотъ подошло время и ужинать. Царь сялъ за столъ, а Василису Васильевну посадилъ по праву руку, и стали они пить питья пьяныя и ѣсть яствы саха́рныя; послѣ всего подали кашу, и какъ только Василиса Васильевна ее хлёбнула и попалась ей жемчужина, она и швыркъ ее подъ столъ, вмѣстѣ съ кашей, и учала царя Бархата осужать: «что это, говоритъ, за дрянь такая въ кашѣ накладена? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать; а у царя Бархата дѣвичье шелепетьё въ кушанье кладутъ!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь опять не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка, а, вить, это больно ему хотѣлось. Дня черезъ два царь Бархатъ, по наказу бабушки Задворинки-Ягинишни, велѣлъ истопить баню: вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то въ баню вмѣстѣ съ царемъ не пойдетъ. Истопили баню; опять царь Бархатъ пишетъ къ попу Василію грамотку, чтобы онъ своего сына Василія Васильевича въ гости къ нему отпустилъ. Какъ только Василиса Васильевна узнала объ этомъ, тотчасъ пошла на конюшій дворъ, осѣдлала своего коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухнула къ царю Бархату на дворъ. Царь её встрѣчаетъ на парадномъ крыльчикѣ; она съ нимъ ласково

здоровается и входитъ по бархатному коврику въ палаты; взошедъ въ оныя, по учтивому Богу помолилась, по писанному перекрестилась, на всѣ четыре сторонушки низехонько поклонилась; сяла съ царемъ Бархатомъ за столъ и стала съ нимъ пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда царь и говоритъ:—Не въ угоду ли, Василій Васильевичъ, со мной въ баньку сходить?—«Извольте, ваше царское величество, отвѣчаетъ Василиса Васильевна, я давнымъ давно въ банѣ не бывалъ и больно охочь париться.» Вотъ они и пошли вмѣстѣ въ баню; покolѣсь царь Бархатъ разоблакался въ передбанкѣ, въ ту пору успѣла искупаться, да и была такова. Царь не могъ и въ банѣ её захватить. Василиса Васильевна, вышедъ изъ бани, написала межъ тѣмъ къ царю писульку и велѣла слугамъ отдать ему, когда онъ самъ выдетъ изъ бани. А въ этой писулькѣ было написано: «Ахъ ты ворона-ворона, царь Бархатъ! не умѣла ты, ворона, сокола въ саду съимать: а я, вѣдь, не Василій Васильевичь, а Василиса Васильевна!» Вотъ нашь царь Бархатъ и остался на бобахъ, на голубыхъ щекахъ. — Вишь, какая Василиса-то Васильевна была *мудрая* да и *лѣпообразая* (эта же самая сказка напечатана у г. Аѳанасьева, вып. 1, 2-е изд. 1858 г., стр. 34—37)!»

Исторія *Хотена Блудовича* и *Чурилы Пленковича*, говорили мы при 3-мъ выпускѣ («Зам.,» стр. V), есть внутренняя исторія древняго города, накипь разбогатѣвшей и досужей столичной жизни, въ ея обыденности, съ ея общественными и семейными отношеніями, съ ея своеобразнымъ щегольствомъ и соблазномъ, ежедневными радостями и бѣдами, среди князей и княжичей, бояръ и дѣтей боярскихъ, дворянъ, гостей и всѣхъ посадскихъ людей. Лицо Хотена довольно безцвѣтно: онъ поднялся богатыремъ и выведенъ на поприще богатырской дѣятельности благодаря только спору матерей, посчитавшихся родами, заслугами отцовъ, воспитаніемъ дѣтей, средствами ихъ жизни; это начало и зародышь послѣдующаго Мѣстничества, борьбы сословій, пытавшихся подняться надъ остальнымъ народомъ, съ своими узкими интересами. Такова же наглядная исторія и Чурилы, вращающаяся въ семейныхъ, внутреннихъ отношеніяхъ, куда Чурило вноситъ раздоръ, какъ записной красавецъ, досужій посадскій щеголь древней Руси, краса игръ, хоровода, бесѣдъ и посидѣ-

локъ, зазноба молодицъ и дѣвушекъ, гроза старыхъ мужей, прислужникъ и потаковникъ княжескій, завистникъ и ругатель заѣзжихъ молодцевъ. Но онъ имѣетъ еще сторону особую: объ ней мы скажемъ ниже. А теперь, по поводу этихъ двухъ лицъ, скажемъ нѣсколько о томъ семейномъ или ближайшемъ кругѣ, который обнимаетъ Владиміра внутри его стольнаго города, о ближайшихъ его сотоварищахъ, о Дружинѣ Княжеской, этихъ лицахъ, глубоко отличныхъ отъ Земли и Дружины Земской. Лица эти, постоянно при Владимірѣ и вокругъ его, извѣстны въ былинахъ подъ однимъ главнымъ именемъ: *князья-бояре;* при нихъ жены—*княгини-боярыни*, дѣти—*дѣти боярскіе, бояринички, боярченки*. Служа главному князю, *дворя* или *придворивая* ему, во *дворѣ* его, получаютъ они названіе *Дворянъ*, слой, куда поступали нѣкоторые и изъ заѣзжихъ молодцевъ; на службѣ своей носятъ они имена *стольниковъ*, *чашниковъ*, *кравчихъ*, *постельниковъ*, и т. д. Иногда истые богатыри поступаютъ въ это число, какъ заѣзжій *Дворянинъ Залѣшанинъ*, *Дворянинъ Бѣлая Палица*, Добрыня какъ Бояринъ, долго служившій князю въ разныхъ службахъ, Чурило, приглашенный ко двору самимъ Владиміромъ, и т. п. На оборотъ, и эти прислужники часто возвышаются до богатырства, какъ Хотенъ, Гришка Боярскій сынъ, и т. д. Изъ подобныхъ же лицъ, хотя конечно назначенныхъ особенно къ бою и отличенныхъ мужествомъ, составлялась Дружина Княжеская, глубоко впрочемъ отличная отъ Земской; такъ Владиміръ говоритъ Ивану Годиновичу (вып. 3, стр. 22): «возьми ты *у меня князя* сто человѣкъ, *у княгини* ты бери другое сто, *у себя*, Иванъ, третье сто,» гдѣ Княжескіе ратники отличаются отъ Богатырскихъ, Земскихъ. Но поелику былины времени Владимірова посвящены преимущественно богатырямъ, Дружинѣ Земской, и она на главномъ виду, потому Дружина Княжеская почти невидна, ей не отводится еще мѣста для дѣйствія, ей не приписывается подвиговъ, и остаются на виду только помянутые придворные прислужники. Всѣ они на одинъ покрой: хоть и есть у нихъ свои дворы—княжескіе, боярскіе, дворянскіе, но они обыкновенно толкутся при главномъ дворѣ, великокняжескомъ, иные и по родству съ самимъ Владиміромъ. Здѣсь они всегда почти на пиру, съ женами и дѣтьми, на вечеринкахъ, посидѣлкахъ, пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются; льстятъ Владиміру, подущаютъ его на богатырей, встрѣчаютъ сихъ послѣднихъ гордостью или грубостью и насмѣшкою; при наступленіи врага или бѣды хлопочутъ лишь

защитить городъ, пугаются, убѣждаютъ послать за богатырями, прячуются, ползаютъ окорачь по полу. Выдѣлимъ изъ нихъ немногія выдающіяся лица:

Во первыхъ *Блудъ*, которому Владиміръ былъ столько обязанъ одолѣніемъ брата Ярополка и взятіемъ Кіева: естественно онъ не могъ забыть его, а потому лицо это выдвинулось и попало въ былины. Лѣтопись подъ 980-мъ годомъ говоритъ, что за услугу Владиміръ обѣщалъ ему—«имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене,» послѣ чего ниже лѣтописецъ прибавляетъ: «Блудъ преда князя своего, и прiимъ отъ него чьти многи (великія почести).» Сообразно тому и пѣсня передаетъ о сынѣ Блуда, Хотенѣ: «многія пожитки осталися ему отъ своего родимаго батюшки;» и сама вдова его называется «*честно*-Блудова жена.» Но, со смертію временщика, пала и слава его: его стали называть «мужище-Блудище,» и знатный родъ не помѣшалъ въ сынѣ его видѣть «уродища,» искавшаго только, гдѣ бы хорошенько пообѣдать; въ этомъ завязка исторіи Хотена.

Во вторыхъ *Чесъ* или *Чпсъ*, иначе *Часъ* (имя чисто славянское), современникъ Блуда, достигшій, по видимому, знати выскочкою и по нѣкоторымъ пѣснямъ изъ гостей, купцовъ (Рыбник., ч. I, стр. 251 и дал.). Вдова его, занимая мѣсто около Владиміра, гордится передъ женой Блудовой не знатностью рода, а богатствомъ, силою сыновей, красотою дочери, какъ обыкновенно бываетъ у *людей новыхъ;* по пѣснямъ Рыбникова, она спасаетъ себя и дочь, назвавшись *роднею* Владиміру, пристроившись къ знатному роду.

Въ третьихъ *Путята*. По лѣтописямъ онъ неизвѣстенъ во время Владимірово, но является знаменитымъ воеводою Кіевскимъ при Святополкѣ Михаилѣ, перешедшимъ вѣроятно и въ эпоху Владиміра Мономаха. Во всякомъ случаѣ, именно близость къ эпохѣ сего послѣдняго побудила былину перенести Путяту отъ времени *Владиміра* младшаго ко времени *Владиміра* старшаго; такъ точно и Олегъ Святославичь занесенъ въ былины объ Ольгѣ Вѣщемъ (см. Рыбник.). Впрочемъ, въ пѣсняхъ онъ представляется уже умершимъ; за то семейство его играетъ важную роль и ставится въ ближайшее родство съ Владиміромъ. Такъ *Запава Путятишна* называется родной племянницей великаго князя, и ему не мало было съ нею хлопотъ въ дѣлѣ о похищеніи ея Змѣемъ, о сватовствѣ ея съ Соловьемъ Будиміровичемъ, и т. п. Татищевъ (Истор. Росс.,

1768, ч. I, кн. 1) приводитъ одно мѣсто пѣсни, которую пѣвали еще въ его время:

Противъ двора Путятина,
Противъ терема Зыбатина (ошибка вмѣсто «Зыбавина,» «Забавина»),
Стараго Путяти темный лѣсъ.

Теремъ Запавы (Забавы) весьма славился (см. Соловья Будиміровича), а именемъ Путяты, какъ видимъ, назывался и лѣсъ близь Кіева. Сынъ его, *Путятинъ*, *Путятовичь*, *Мишатычка Путятинъ сынъ* играетъ въ исторіи богатыря Данилы подлую роль: подущаетъ Владиміра отнять у живаго мужа жену, богатыря самого погубить, а послѣ отправляется къ Василисѣ тащить ее на ложе князя; онъ « переметливый, » лживый, готовый обернуться въ какую угодно сторону ; онъ « много ѣзжалъ по инымъ землямъ, много видалъ и изъ ума пыталъ королевишенъ, » вѣроятно стараясь угодить извѣстной склонности своего князя.

Въ четвертыхъ *Пермята* или *Бермята*, судя по имени происхожденіемъ изъ *Перми* или *Біарміи* (подобно какъ *Жидята*—изъ Жидовъ). Онъ изображается обыкновенно старикомъ, и печальнымъ жребіемъ попалъ въ былины какъ образецъ рогатаго мужа.

и т. п.

Какъ вообще плохи нравственно всѣ эти лица и какъ мало сочувствуютъ имъ былины, видно изъ того уже, что мѣсто ихъ занимаетъ въ пѣсняхъ иногда *Малюта*, конечно по сходству характера и дѣйствій, чему помогало и самое имя, сходное по образованію съ *Путятой*, *Пермятой*, и т. п.

Приглашенный въ водоворотъ этой жизни самимъ Владиміромъ и поставленный въ ея средоточіе какъ княжескій стольникъ, постельникъ, позовщикъ, Чурила отчасти по природѣ, а еще болѣе по неволѣ разыгрывалъ *перваго любовника*, у самой княгини Апраксіи, а всего славнѣе у жены Пермяты: но исконное значеніе этого лица, происхожденіе его , существенныя черты — несравненно важнѣе и древнѣе, о чемъ и обѣщались сказать мы и скажемъ сейчасъ,

только какъ можно раздѣльнѣе, ибо наши выводы для многихъ будутъ совершенно новы и неожиданны (изъ Пѣсней см. выпускъ 4-й и Рыбник.).

Чур-ило, *Чур-ила* есть, чрезъ причастіе, производная, дальнѣйшая форма отъ корня *Чур-*, отъ слова *Чуръ* (*чуд-ило*, *ваб-ило*, *глад-ило*, и т. п.).

Чурило, именованный этимъ производнымъ словомъ, является *богатыремъ*, *героемъ*: словомъ старшимъ, коренным, должно быть обозначено существо *высшее*, *демоническое*, *полубожеское* или даже *божеское*.

Дѣйствительно у насъ, и изъ Славянскихъ нарѣчій преимущественно въ русскомъ языкѣ, есть *Чуръ* слово, есть *Чуръ* существо.

Чуръ, какъ слово, произвело отъ себя много производныхъ: *чурка*, *чур-акъ*, *чур-б-акъ*, *чур-б-анъ*, *чур-ить*, *чур-ать*, *чур-ать-ся*, зачураться, отчураться, и т. д. Слѣдовательно представленіе, лежащее въ основѣ этого слова, довольно развито, чтобы породить столько словъ производныхъ.

Чуръ съ ближайшими производными преимущественно является въ заговорахъ: «чуръ меня, тебя, его;» «чуръ мое мѣсто,» и т. п. Если *Чуромъ* чураются, т. е. оберегаютъ себя, отдаютъ себя во власть или подъ защиту какой-то силы, и эта сила, хотя таинственна, но дѣйствительна, то конечно *чуръ* существо, таинственное и вмѣстѣ сильное, дѣйствительное. Оно перешло изъ заговора и въ жизнь обыденную, доселѣ текущую: «чуръ вмѣстѣ,» и дѣлежъ находки обезпеченъ; «чуръ-конъ,» и конъ въ игрѣ надежно сбереженъ отъ захвата, и выжидай хода игры, кто выиграетъ, а пока конъ подъ защитой высшей силы.

Чуръ имѣлъ всегда и имѣетъ въ жизни свои образы: *чурка*, *чуракъ*, *чурбакъ*, *чурбанъ*, пень, колода или камень, обтесанные въ извѣстной формѣ. Есть образъ,—есть и существо, выраженное въ образѣ.

Образы Чура имѣли, а въ иныхъ мѣстностяхъ доселѣ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, *на межахъ* и *перекресткахъ*, какъ защита ихъ и охрана, пользующаяся извѣстнымъ почтеніемъ, ибо охрана сильна и дѣйствительна. Слѣдовательно, въ образахъ опять дѣйствуетъ здѣсь существо.

Изъ всѣхъ приведенныхъ признаковъ существа Чура, или Чура какъ существа, видно ясно, что существо это сильнѣе и выше человѣка,

безпрестанно въ связи съ человѣкомъ, даетъ ему помощь: и однакожь, хотя люди склонны кланяться кумирамъ, хотя *чурка* тотъ же кумиръ или *болванъ*, а *болванъ* есть образъ или идолъ, по которому у Славянъ язычество именуется *болванствомъ*, язычникъ *болванцемъ*: но *чуркѣ*, а въ ней *Чуру*, на глазахъ исторіи, никогда не покланялись какъ божеству и не сохранилось никакихъ слѣдовъ такого поклоненія въ нынѣшнихъ народныхъ обычаяхъ, въ другомъ случаѣ весьма еще вѣрныхъ старинѣ. Слѣдовательно, въ эпоху историческую, это существо чисто-*демоническое*, высшее человѣка, но не божественное.

По преданіямъ Славянъ Русскихъ и Западныхъ, записаннымъ впрочемъ у писателей позднѣйшихъ, *Чуры* или образы ихъ, *чурки*, въ старину грубо обтесывались и размѣщались по межамъ и перекресткамъ, — это не встрѣчаетъ сомнѣнія, какъ объяснили мы и выше; но, если тѣ же писатели говорятъ, что это было божество, имѣвшее поклоненіе, что это для Славянъ было то же, что Deus Terminus для Латинянъ, то это лишь выводы, весьма дѣльные, если отнести ихъ къ *происхожденію*, къ отдаленной эпохѣ Чура, но невѣрные относительно *жизни исторической*.

Въ сей послѣдней *Чуръ* никогда не былъ божествомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова; лѣтописи и источники первичные совершенно молчатъ объ этомъ; а заговоры, поговорки, словоупотребленіе общежитія, нѣсколько уцѣлѣвшихъ обычаевъ, знающихъ Чура, даютъ тотъ лишь выводъ, что въ теченіе положительной исторіи Славянъ, преимущественно Русскихъ, *Чуръ* имѣлъ исключительно значеніе *демоническое*, т. е. сверхчеловѣческое, но ниже божественнаго.

Былъ ли Чуръ всегда такимъ, или былъ нѣкогда и богомъ, но потомъ утратилъ божественность? Съ перваго самаго взгляду гораздо вѣроятнѣе послѣднее. Если Чуръ, какъ демонъ (даймонъ), породилъ изъ себя Чурилу богатыря, героя, или, на оборотъ, Чурила богатырь имѣетъ выше себя, ступенью выше надъ собою, Чура какъ демона, то, продолжая постепенность, мы непремѣнно дойдемъ до того, что надъ демоническимъ существомъ Чура стоялъ нѣкогда Чуръ какъ богъ. Хотя такъ называемые демоны (даймоны, духи, существа сверхъестественные въ извѣстныхъ образахъ, низшихъ божества, но ближайшихъ къ человѣку) могутъ появляться у народовъ, какъ мы знаемъ, безъ всякого даже отношенія къ божеству, просто

какъ олицетворенія представленій, какъ образы отвлеченныхъ понятій, какъ созданія народной поэтической фантазіи, и даже иногда какъ словопроизводство, грамматическое олицетвореніе (съ легкой руки Рима такъ большею частію и есть у всѣхъ новѣйшихъ Европейскихъ народовъ): но Чуръ, какъ мы видѣли, слишкомъ силенъ для того. Сила его постоянно, сквозь всю исторію, ощущается силою высшею и таинственною, проникаетъ заговоры, переходитъ въ погозорки и ходячія выраженія общежитія, имѣетъ постоянно внѣшніе образы, и при томъ нисколько не поэтическіе, не фантастическіе, не красивые, ибо *чурка* есть явная противуположность всему этому, синонимъ грубости и неотесанности. Потому непремѣнно предполагаемъ, что Чуръ былъ *богомъ*, можетъ статься не первостатейнымъ, не однимъ изъ главныхъ, ибо тогда онъ сохранилъ бы божественность и въ положительной исторіи, но по крайности все же съ значеніемъ подлиннаго божества. Не находя его такимъ въ исторіи положительной, мы должны искать признаковъ и характера его божества въ эпохѣ до-исторической.

Эпоха до-историческая была у насъ языческою; язычество наше слагалось изъ особаго вѣросознанія, воплощалось въ бытѣ кочевомъ; проникнуть туда можно только однимъ вѣрнымъ путемъ — языкознанія.

Всякой филологъ знаетъ, что въ Индо-европейскихъ языкахъ звуки *с*, *ш*, *ч* (*щ* какъ *ш* и *ч*) и *к* ближайше между собою сродны, такъ, что если въ трехъ-четырехъ корняхъ другіе гласные или согласные звуки одинаковы, и различіе въ томъ лишь, что при этомъ въ одномъ звукѣ *с*, въ другомъ *ш*, въ третьемъ *ч (щ)*, *к*, и т. д., то это различіе только внѣшне-звуковое, въ самомъ же дѣлѣ корни эти совершенно должны быть одинаковы. Потому, если при *Чуръ* (*чур*-ъ) нашли бы мы корни или цѣлыя слова *кур*-, *щур*-, *шур*- или *сур*-, то это было бы совершенно одно и то же, раздѣленное какимъ либо мѣстнымъ выговоромъ, словоупотребленіемъ, и т. п.

Такъ мы и находимъ.

Санскритское *сур*- значитъ « блистать, » « господствовать, » и потому имѣетъ при себѣ существительное *сур-а*, « богъ, » т. е. блистающій, господствующій (подобно какъ отъ *див*- « блистать » происходитъ *дêв-а*, богъ, латинск. deu-s; окончаніе существительныхъ муж. рода на *а* въ Санскритскомъ постоянно соотвѣтствуетъ нашему *ъ*).

Чтобы опредѣлить, какого свойства и характера этотъ богъ *сур-а*, по нашему *сур-ъ*, мы беремъ первичную форму, образовавшуюся изъ корня *сур-:* эта первичная форма въ санскритск. есть *свар* (т. е. *су-а-р*, образовавшаяся изъ *сур-* чрезъ поднятіе звука *р* въ *ар*, при чемъ *у* произнеслось какъ *в*), съ значеніемъ «небо,» т. е. блестящее, звѣздное, предметъ поклоненія первой человѣческой религіи въ язычествѣ, звѣздной, астральной, Сабизма. Вотъ къ какому роду божествъ принадлежитъ *сур-а*.

То же самое слово *свар*, съ приставкою *га*, «идущій,» «ходящій,» образуетъ форму *свар-га*, т. е. ходящее, кружащееся небо, самый первый моментъ астральной религіи, отозвавшійся въ самой первой формѣ человѣческаго быта, въ бытѣ пастушескомъ, началѣ послѣдующаго кочевья. У Индійцевъ *свар-га* означало «небо Индры,» у Славянъ это древнѣйшій богъ ихъ—*Сварогъ*, извѣстный по первичнымъ русскимъ источникамъ, но только по одному имени.

Далѣе отъ *сур-*, черезъ *свар*, образуется въ Санскритѣ дальнѣйшій корень *сӯр-* и дальнѣйшая форма существительнаго *сӯр-а* (т. е. съ долгимъ *у*)—«солнце,» лат. sol (сол-ь, наше *сол-онь*, *сол-унь*, *сол-н-це*), греч. ἥλιος (геліосъ), солнце, σέλας (селасъ), блескъ, лучь, σελήνη (селênê), луна, и т. д. Рядомъ еще и форма *сур-ья*, также «солнце.» Такому поступанію въ развитіи формъ слова отвѣчало и поступаніе древней языческой религіи, отъ чистаго Сабизма, кружащагося неба, къ опредѣлившимся въ небѣ свѣтиламъ и звѣздамъ. Въ этихъ свѣтилахъ, особенно въ главномъ, солнцѣ, какъ въ образѣ и символѣ, покланялись божеству втораго періода, наступившему въ вѣросознаніи послѣ кружащагося неба, богу страшному, жгучему, требовавшему сожиганій и кровавыхъ жертвъ. Почти всѣ древніе, по крайности историческіе народы прошли чрезъ это божество въ вѣросознаніи, чрезъ этотъ періодъ поклоненія, и въ немъ же, смотря по разнымъ оттѣнкамъ божества, выработали свой отличительный характеръ, породившій впослѣдствіи различныя народности. У Грековъ это былъ *Кроносъ*, *Кронъ*, наступившій послѣ *Урана* (οὐρανός, ураносъ, небо). У Славянъ это *Даж-богъ* (корень видѣнъ въ санскр. *даг-*, «горѣть» и «жечь,» у насъ же уцѣлѣлъ собственно въ одномъ лишь словѣ—*дег-оть*, производство котораго было однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ промысловъ Славянъ). Божество это извѣстно у Славянъ, и именно у Русскихъ, не по одному уже только имени, а съ нѣкото-

рымя характеристическими подробностями. Оно отождествляется, по первичнымъ нашимъ источникамъ, съ солнцемъ, какъ символомъ, а солнце именуется *Сварожичемъ*, *Сыномъ Свароговымъ;* Русскіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ именуютъ себя «*Дажбожи внуци*,» т. е. обязанные всѣмъ своимъ народнымъ происхожденіемъ Дажбогу, хотя и не прямо, не непосредственно, а чрезъ отца. И дѣйствительно, филологическія разысканія, въ которыя здѣсь далеко было бы пускаться, убѣждаютъ несомнѣнно, что Славянская, а вмѣстѣ, подчиненно, и Русская народность, или все, сколько ни есть здѣсь народныхъ началъ, все это зачалось на первыхъ порахъ въ періодъ Дажбога и оттуда вытекло къ дальнѣйшему развитію. До этого божества, до этого періода въ вѣросознаніи, Славяне поглощены были общею массою языческаго человѣчества, и только съ этого періода отдѣлились, отсюда понесли сѣмена и начала къ своему послѣдующему, обособленному бытію. Въ томъ же періодѣ, Кроническомъ или Дажбожескомъ, проникла въ вѣросознаніе и стихійность, выразившаяся у народовъ божествами болѣе мелкими и между прочимъ женскими, съ характеромъ и образомъ стихій, каковы на примѣръ у насъ *Велесъ* или *Волосъ*, *Купала* (Кивела, Кибела или Кувела, Кубела), и т. п.; здѣсь же, соотвѣтственно вѣросознанію, начался, послѣ пастушескаго, и *кочевой бытъ*, которому приписываемъ мы такъ много при объясненіи русско-славянской народности, съ котораго собственно и начинаемъ всюду ея изслѣдованіе.

Во всемъ, что относится къ этому періоду, Славяне роднятся близко съ прочими историческими народами, ибо, какъ замѣтили мы, всѣ они прошли одну и ту же ступень, болѣе или менѣе, такъ или иначе, а ближайше роднятся съ Индійцами, съ которыми вѣроятно тѣснѣе сосѣдили въ колыбели всѣхъ народовъ, Азіи. Но въ концѣ этого періода послѣдовало совершенное раздѣленіе народовъ, и съ тѣхъ поръ, у сложившихся мало по малу и обособившихся отдѣльныхъ народовъ мы встрѣчаемъ выразившіяся въ языкѣ представленія совершенно особыя, тому или другому народу исключительно принадлежащія. Если же нѣкоторыя представленія этого рода и сходны, если слова, ихъ означающія, и близки по корнямъ, то это именно уже *по корню*, по отношенію народовъ къ кореннымъ началамъ, къ періоду, который назвали мы Дажбожескимъ. Въ объясненіе приведемъ здѣсь нѣсколько словъ и выразившихся въ нихъ представленій изъ языка сложившихся Индійцевъ—Санскритскаго, и Славян-

скаго или Русскаго, по позднѣйшимъ памятникамъ сего послѣдняго, извѣстнымъ и употребительнымъ уже въ эпоху чисто-историческую, среди окончательно-сложившагося міра-народа:

Тотъ же корень *сур-*, который мы видѣли, въ Санскритѣ имѣетъ при себѣ другой, ближайше сродный, также съ развѣтвленіями, но съ шепелеватымъ *с*, которое ученые пошутъ *ç* и произносятъ то какъ среднее между *с* и *ш*, то просто какъ *ш*. Такъ при формѣ, которую мы видѣли, *сӯр-а*, «солнце,» въ Санскритѣ есть корень *сӯр-* и онъ одинаковъ съ корнемъ *çӯр-*, въ значеніи — «быть твердымъ,» «неподвижнымъ»: очевидно это же значеніе сбереглось въ нашемъ *чур-ъ*, *чур-ка*, и проч., колода и камень, священные своею неподвижностью, охраненіемъ межей и перекрестковъ. Сдвиньте ихъ, и вы нарушите святыню, и межа безъ защиты высшей силы. — Во вторыхъ, *сӯр-* и *çӯр-* значитъ «бить, поражать, уязвлять»: не можемъ не припомнить нашего выраженія, употребительнаго въ народномъ творчествѣ, особенно въ сказкахъ, про героевъ: «копьемъ *шуръ* метать,» «*шур-мовать* (позднѣе изъ этого передѣлали, по иностранному образцу, *штурмовать*).»

Потомъ, въ Санскритскомъ же, *çӯр-* значитъ «быть храбрымъ» и рядомъ имя существительное *çӯр-а*, «герой.» Здѣсь, какъ всегда бываетъ позднѣе, значеніе божества опустилось уже до значенія героя, высшею силою выдвинувшагося изъ ряда людей.

Если вообще, сказали мы, *с*, *ш*, *ч* (*щ*) и *к* ближайше сродны, то еще болѣе многочисленные примѣры извѣстны филологамъ, что Санскритскому шепелеватому *ç* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ постоянно соотвѣтствуютъ помянутые звуки. Отсюда слову *çӯр-а* прямо будетъ у насъ соотвѣтствовать:

а) *Сур-ъ*, съ значеніемъ «героя,» въ выраженіи «Волгской *Суръ*,» герой повольницы, пускавшейся по Волгѣ, прозвище, придаваемое въ былинахъ извѣстному удальцу Новгородскому, «Садкѣ, богатому гостю,» родоначальнику послѣдующихъ Поволжскихъ, Уральскихъ, Донскихъ и т. п., козаковъ. Здѣсь опять уже значеніе божества, лежащее въ корнѣ слова, низошло къ представленію героя. Но въ этомъ героѣ замѣтны еще слѣды существа демоническаго, высшаго, чѣмъ человѣкъ, и даже отчасти божественнаго: постоянное прозвище Садки есть «гость *богатый*,» а *бог-атство* ближайше сродно съ словомъ *бог-ъ* (у другихъ Славянъ *збоже*; *у-бог-ъ*, *не-бог-ъ*, отчужденный отъ бога, а вмѣстѣ и богатства); ему воды

давали вмѣсто рыбы «деньги дробныя» и «червонцы,» при чемъ нужно вспомнить, что *сар-ы*, одного корня съ *сур-* и *ср-*, значатъ у насъ по областямъ «деньги (ср. тождесловное выраженіе, вошедшее въ общежитіе: «*сорить* деньгами»); » онъ былъ пріятель съ Волгой, говаривалъ съ нею и Ильменемъ, исполнялъ ея порученія, бывалъ въ подводномъ царствѣ, имѣлъ дѣла съ Морскимъ Царемъ. Ясно значеніе демоническое, близкое къ божеству, и притомъ къ божеству періода стихійнаго, кочеваго, ибо, кромѣ своего имени— *сур-ъ*, Садко собственнымъ лицомъ былъ представитель того движенія силъ, которое исходило въ сложившемся народѣ изъ эпохи болѣе древней; относительно позднѣйшей рѣчной повольницы онъ былъ такой же родоначальникъ, какъ стихійные Старшіе богатыри были родоначальниками богатырей Владиміровыхъ; онъ по одной Волгѣ гулялъ двѣнадцать лѣтъ, зналъ ее «со вершины до устья, до нижняго царства Астраханскаго,» кормилъ рѣки, плавалъ по Синему морю, Каспійскому (любопытно замѣтить, что санскр. корень *ср-*, вѣроятно отецъ самого *сур-*, *свар-*, *çур-* и *çўр-*, съ согласными *срдж-*, *срп-*, и т. п., значитъ «итти,» «течь,» «бѣжать,» такъ что *сур-а*, «богъ,» значитъ не только «блистающій» и «господствующій,» но вмѣстѣ и «бѣгущій,» подобно какъ греческое *θεος* стоитъ рядомъ съ *θειν*, «бѣжать,» — представленіе стихійности, блужданія и кочевья; и какъ мы видѣли остатокъ корня *даг-*, породившаго имя Даж-бога, въ древнѣйшемъ нашемъ словѣ *дег-оть*, такъ точно по нашимъ областямъ уцѣлѣло слово *сыр-ецъ*, одного корня съ *сур-* и *ср-*, въ значеніи «дегтя;» представленіе «*сыр-аго*» и «*сур-ова*,» «*сур-оваго*,» влажнаго и вмѣстѣ жестокаго, идетъ одинаково и къ стихійности, и къ стихійному божеству, и къ кочевому быту, и къ герою моря, рѣкъ, подводнаго царства).

б) Таково же, рядомъ съ санскрит. *çўр-а*, славяно-русское *Шур-*, являющееся въ собирательномъ *шур-ья*, съ окончаніемъ единичности *шур-инъ* (по формѣ *шур-ья* совершенно одинаково съ приведеннымъ выше санскрит. *сур-ья*, солнце, а областное *шур-и-га* со *свар-га*). Когда значеніе божества утратилось, а вмѣстѣ выдвинулось значеніе родовъ, развитіе коихъ кончало кочевой бытъ и дѣлало переходъ къ окончательному сложенію міра-народа, тогда слово, означавшее нѣкогда божество, перешло съ значеніемъ демоническимъ на новыхъ двигателей жизни, на представителей рода. Относительно мужа и жены, пары, сосредоточивающей родъ къ

одному очагу, дѣйствительно самые близкіе представители всей остальной массы рода суть *шур-инъ* и *деверь*: за ихъ головами стоитъ остальной родъ. Потому и *дев-ерь*, стоящій рядомъ съ дѣвою, невѣстою, несомнѣнно имѣетъ корнемъ *див-*, *дев-*, и сродно съ санскр. *дѣв-а*, «богъ,» латинск. deu-s, div-us (sub divo—подъ небомъ), и т. п.

в) Еще больше это значеніе выступаетъ въ словѣ *Щур-ъ*. Если *пра-щуръ*—прадѣдъ, то *Щуръ*—*Дѣдъ*; если шуринъ и деверь суть ближайшіе представители рода въ его ширь, то Щуръ или Дѣдъ—въ голову. Демоническое значеніе этого представленія и отношеніе его къ періоду прошлому, доисторическому, до сложенія міра-народа, видно изъ того, что *Дѣдъ*, *Старецъ* у всѣхъ народовъ было прозвищемъ божества, называвшагося Даж-богомъ, Кроносомъ, Валомъ, и т. п.; что этимъ же именемъ называется домовой, хранитель дома, существо демоническое; что также точно прозваны всѣ Калѣки Перехожіе (*Дѣды*, *Dziady*, *Старцы*, и т. п.), самые присные потомки періода стихійнаго и кочеваго, представители его среди новой жизни; отъ того же, видѣли мы, Русскіе назвали себя «Дажбожими *внуками*.»

г) Корень *Кур-*, при *сур-*, *ςур-*, *шур-* и *щур-*, еще обильнѣе и яснѣе значеніями. Множество словъ, отъ него происшедшихъ, не только повторяютъ значенія, выше нами указанныя, но очерчиваютъ рѣшительно всю Дажбожескую эпоху, весь стихійный и кочевой періодъ, такъ что заниматься ихъ разборомъ было бы намъ слишкомъ долго и мы ограничимся только нѣкоторыми. Относительно вѣросознанія: греч. *κυρ-* (у насъ произносилось *кур-ъ*), *κῦρ-ος*, *κύρ-ιος*, «высшая сила,» «Господь;» относительно богопоклоненія, служенія божеству: *кур-ить*, куреніе, первоначально вездѣ посвящавшееся божеству; ср. присяжныхъ служителей—*куретовъ*; относительно стихійности: *кур-а*, *кур-ева*, мятель, вьюга, движеніе стихій; относительно рода: греч. *κούρ-η*, *κόρ-η*, *κῶρ-α*, откуда переняли слово и наши Аѳени, «дѣва,» съ такимъ же значеніемъ божественности — въ Персефонѣ, потомъ демонической силы — въ Нимфахъ и т. п., даже въ самомъ родѣ, подобно какъ наше *дѣв-а*, «божественная,» отъ помянутаго корня *див-*; въ дѣлѣ обычаевъ, заговоровъ, игръ, съ значеніемъ также демоническимъ: наше *кур-ила* (одинаковая форма съ *Чур-ила*), *кур-илка*, живъ-живъ, вѣчно горящій какъ *Даж*-богъ; наконецъ относительно быта, съ представле-

ніемъ кочеваго характера: у козачества, повторившаго собою, ради вызвавшихъ обстоятельствъ, кочевье среди сложившагося народа, главный таборъ назывался *кош-ь*, одного корня съ *коч-евьемъ*, а начальникъ *кош-евымъ*, при чемъ то же самое слово *Кош-ь*, какъ говорили мы прежде (вып. 3, «Зам.»), значитъ у насъ и *Кощ-ея*, полнаго представителя кочевья по народнымъ преданіямъ и творчеству; но *коши* дѣлились еще на *кур-и* и *кур-ени*, съ своими *кур-енными* атаманами и съ значеніемъ иногда отдѣльнаго шалаша, полатки, *холивы*, колыбы, кущи, вежи, т. е. прямо формы кочеваго быта.

Итакъ, послѣ этого ряда разобранныхъ словъ и соотвѣтствующихъ имъ весьма выразительныхъ представленій, нельзя сомнѣваться, что *Чуръ*, совершенно одинаковый съ ними по словопроизводству, имѣлъ и въ представленіяхъ народныхъ ту же самую исторію, то есть: восходилъ къ отдаленной памяти перваго и главнаго языческаго божества, Сварога; яснѣе характеризовался въ чертахъ божества вторичнаго, Дажбога, понесъ на себѣ многія, всеславянскія черты Дажбожескаго періода, стихійности, кочевья; потомъ у сложившагося міра–народа, частію Западно-Славянскаго, а всего болѣе у Русскаго, представлялся существомъ демоническимъ, съ остаткомъ силы хотя уже не божественной, по крайности высшей человѣка, и, наконецъ, здѣсь же доходилъ до образа простаго героя, размѣстился на межахъ и перекресткахъ въ быту земледѣльческомъ, отозвался въ заговорахъ, играхъ, въ нѣсколькихъ производныхъ словахъ и обиходныхъ выраженіяхъ. Частное значеніе формы *Чур-ъ*, отличное отъ *сур-ъ*, *шур-ъ*, *щур-ъ* и *кур-*, лежитъ именно только въ примѣненіи къ межамъ и перекресткамъ, къ заговорамъ, къ условнымъ выраженіямъ общежительной рѣчи, слѣдовательно значеніе самое уже позднее, самое внѣшнее, самое слабое; подробнѣе мы разсмотримъ его ниже.

Теперь же, если сравнимъ это позднѣйшее значеніе *Чура*, возможное и дѣйствительно являющееся только въ совершенно сложившемся мірѣ-народѣ русскомъ, среди его положительной исторіи, длящейся доселѣ, сравнимъ съ значеніемъ божества старшаго, верховнаго, главнаго у Славянъ, дѣда русскихъ внуковъ, даже всякого божества болѣе мелкаго, расплывчиваго и стихійнаго: то мы увидимъ огромное разстояніе, почти ничѣмъ для насъ не наполненное, разстояніе отъ Неба и Солнца до Земли, цѣлую разсѣлину, пропасть.

Если же сюда прибавимъ еще *Чур-илу*, по имени происшедшаго отъ *Чура* и являющагося хотя героемъ, но со всѣми человѣческими и народными формами богатырей эпохи Владиміра, то разстояніе и пропасть еще болѣе возрастетъ и увеличится, еще неизмѣримѣе намъ покажется.

Чѣмъ наполнить промежутокъ?

Онъ отчасти рисуется для насъ чертами, отысканными въ позднѣйшихъ демоническихъ существахъ и герояхъ; мы видимъ здѣсь размельчавшія стихійныя божества, появленіе представленій о демоническихъ силахъ, существа съ надѣломъ значенія демоническаго, слѣды кочевья, шаги рода отъ кочевья къ міру-народу, и т. д.: но все это лишь черты, и притомъ самыя расплывчивыя, какъ сама стихія, блуждающіе огни кочеваго табора, курилки куреней, духи, едва ощутимые своимъ дыханіемъ, едва слышные для слуха, безконечныя и неясныя усобицы рода, или одни внѣшніе знаки быта, то есть одни слѣды жизни, а не сама жизнь, и наполнить ту неизмѣмѣримую пропасть они не могли, и мы допустить этого не можемъ, ибо тогда значило бы отказаться отъ науки, не знающей пустоты въ природѣ.

Русскіе—внуки Дажбога, это былъ Дѣдъ ихъ: а гдѣ же *Отецъ*, и какъ онъ именовался? Отецъ конечно у Русскихъ одинъ и одинаковъ со всѣми прочими Славянами, отчество Руси Славянское; отчизна, изъ которой пришли они на поприще позднѣйшей исторіи, конечно отчизна всѣхъ Славянъ; домъ отческій, бытъ, семья, опять не иныя; цѣлый промежуточный періодъ жизни—Общеславянскій.

Пойдемъ же искать къ Славянамъ: у нихъ то же, и несравненно еще менѣе, чѣмъ у Русскихъ, менѣе источниковъ для свѣдѣній, менѣе древнѣйшихъ преданій, менѣе творческихъ изъ старины образовъ. Вездѣ и у всѣхъ доходите ощупью до Сварога, встрѣчаете объ немъ память, какъ о чемъ-то безмѣрно-далекомъ; потомъ болѣе яркіе слѣды Дажбога, въ родствѣ съ прочими древними народами, особенно Индійцами, цѣлая его исторія, вскрываемая изъ подъ позднѣйшихъ образовъ, обычаевъ, выраженій, а всего больше изъ подъ формъ языка, въ глубинѣ корня; рядомъ яркіе слѣды стихійности вѣросознанія языческаго, кочеваго быта, родовыхъ усобицъ, и — только. Затѣмъ разломъ, пропасть, и вдругъ передъ глазами готовый уже народъ, на опредѣленныхъ, историческихъ мѣстахъ жительства, сложившійся изъ родовъ въ бытъ міра, земли, общины, верви, съ

началомъ положительной исторіи, съ лѣтописями и прочими памятниками, гдѣ—на первый взглядъ—никакой почти повѣсти *доисторической*, гдѣ отъ старыхъ божествъ кое-какія лишь имена, и то съ признаками старости и ветхости, десятокъ размельчавшихъ божествъ безъ энергической силы, куча существъ демоническихъ и потомъ длинный рядъ героевъ, богатырей, юнаковъ, въ образахъ творческихъ, поэтическихъ, но уже принадлежащихъ исторіи положительной. Слышите первыя народныя сказанія и пѣсни: о чемъ? Они называютъ родоначальника, большею частію лишь по имени, потомъ говорятъ, что пришелъ онъ съ родомъ туда-то, здѣсь пришельцами совершено то-то, совершено кое-что баснословное, но на поприщѣ историческомъ, на томъ самомъ, которое и осталось за народомъ, а тутъ—два-три шага, и вы уже глазъ на глазъ съ исторіею положительной, и эпоха до-историческая, наступившая послѣ Дажбога и ближайше предшествовавшая исторіи,—этой эпохи какъ не бывало (исключеніе, какъ увидимъ послѣ, за нѣкоторыми лишь сказками). Ищете миѳологіи: она обрывается на именахъ Сварога и Дажбога, оставляя вамъ лишь нѣсколько божескихъ именъ, но именъ божествъ стихійныхъ, расплывчивыхъ, неопредѣленныхъ, почти безъ образа, въ одной лишь звуковой формѣ, такъ что вскрывать значеніе этихъ *Мокошей*, *Погвиздовъ*, *Симарьглавъ*, и т. п., вы обязаны тяжкимъ трудомъ филологическимъ, путемъ догадокъ, и то большей частью безъ успѣха. Вы надѣетесь всего болѣе на *языкъ*: языкъ и доведетъ васъ, но доведетъ до Кіева, до первой точки положительной русской исторіи, отъ которой вы принуждены итти не лицомъ къ исторіи, какъ бы слѣдовало, а пятиться задомъ впередъ, въ чертахъ исторіи положительной подбирая слѣды эпохи предшествовавшей. При стихійныхъ божествахъ, сказали мы, куча существъ демоническихъ, признанныхъ среди положительной исторіи: но это уже не миѳологія въ ея собственномъ смыслѣ, это не исторія періодовъ вѣросознанія, и произносить здѣсь имя Миѳологіи могли только наши школьники и невѣжды. Тѣмъ менѣе идутъ сюда ряды героевъ и богатырей, цѣпь обычаевъ, народныхъ творческихъ образовъ: это слѣды, иногда просто туманныя пятна отъ былой жизни миѳологической, но не сама жизнь; напоминанія, знаки, но не данныя. У божествъ нѣтъ культа, внѣшнихъ формъ, учрежденій, памятниковъ богопоклоненія, исключая опять кое-какихъ размельчавшихъ обычаевъ, перешедшихъ въ исторію положительную, ужившихся съ Христіанствомъ. За исключеніемъ край-

нихъ отпрысковъ Западнаго Славянства, болѣе опредѣлившихся вѣроятно отъ столкновеній съ Западными народами и поглощенныхъ ими, замолкшихъ для исторіи, нѣтъ почти никакихъ у Славянъ идоловъ, языческихъ храмовъ, жрецовъ; нѣтъ даже борьбы съ Христіанствомъ, и Славяне переходятъ къ нему совсѣмъ готовые, будто къ ступени самой ближайшей, и вносятъ съ собою въ жизнь Христіанскую такіе мирные слѣды язычества, которые уживаются съ Христіанствомъ просто какъ народность, какъ образъ и сосудъ для воплощенія новыхъ явленій бытія духовнаго, какъ слово для выраженія христіанскихъ идей; борьба, которую проницательно усматриваютъ здѣсь наши новѣйшіе русскіе ученые, есть въ сущности ничто иное, какъ борьба нѣмецкой книги, послужившей источникомъ, съ дѣйствительною русскою жизнію и здравымъ разсудкомъ. За этой интересной борьбою они не видали доселѣ той огромной пропасти, которая помянута нами выше, которая дѣйствительно существуетъ какъ пробѣлъ для науки, между первыми началами доисторической жизни Славяно-Руссовъ и позднѣйшимъ проявленіемъ жизни исторической, появляющейся какъ Паллада прямо изъ головы, безъ всякихъ замѣтныхъ переходовъ и ступеней.

Пробѣлъ для науки: не было ли его и въ самой жизни, въ самой доисторической дѣйствительности? Трудно повѣрить, на самый первый взглядъ. Между столпотвореніемъ, отъ котораго раздѣлились и пошли народы, а вмѣстѣ пошелъ и народъ Славянскій съ своимъ Дажбогомъ, до первыхъ вѣковъ по Р. Х., когда Славяне упоминаются, и до IX вѣка, когда начинаютъ говорить объ себѣ сами на поприщѣ положительной исторіи, лежало времени не мало и не могли Славяне наполнить его одной праздностью и бездѣйствіемъ. Отъ средней Азіи и вершинъ Гималая, гдѣ сосѣдили Славяне съ другими народами и всего больше съ Индійцами, чему понесли столько слѣдовъ въ языкѣ, до береговъ Дуная, до Чернаго моря, и отъ Чернаго до Балтійскаго, на всей этой полъ-Европѣ, очерченной однимъ именемъ Скиѳіи и Сарматіи, дорога не ближняя, путь не краткій и не легкій, конечно не совершенный безъ притки, безъ помѣхи, борьбы и событій. Кочевье на такомъ огромномъ пространствѣ и въ теченіе такого долгаго времени не могло быть само безъ періодовъ, начиная отъ безцѣльнаго и безсознательнаго блужданія, вынужденнаго силою вѣросознанія, до скопищъ дружинныхъ, до путей, предпринятыхъ съ цѣлію, до сознаннаго влеченія къ той, а не

другой странѣ, до первыхъ пріемовъ и опытовъ осѣдлости, пока Славяне укрѣпились уже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія. Недовольно наполнить этого пространства однимъ, хотя и обширнымъ, представленіемъ о блужданіи и странничествѣ, открываемымъ въ языкѣ, да сотнями выработанныхъ словъ, отпечатлѣвшихъ на себѣ внѣшнія и немногосложныя черты кочеваго быта: здѣсь конечно развивались и свои учрежденія, зачатки всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя при началѣ положительной исторіи являются, на примѣръ, у насъ, въ такомъ уже разнообразіи, въ такой ясности, связи и жизненной крѣпости, что міръ-народъ, земщина, община, вервь, и т. п., далеко провосходятъ современныя имъ учрежденія другихъ народовъ. Не довольно и лѣтописнаго выраженія объ усобицѣ родовъ, какъ всталъ родъ на родъ, чтобы охватить всю обширность родовыхъ явленій и объяснить, какъ, до положительной еще исторіи, роды разложили самихъ себя, выдѣлили свободу началъ семейныхъ, личныхъ, мірскихъ-общинныхъ. Отъ кружащагося Неба, Сварога, отъ палящаго, жгучаго, исключительнаго, всепожирающаго, стараго, скованнаго и всеоцѣляющаго, однимъ словомъ Кроническаго Сварожича, Дажбога и Солнца, до Земли и Земщины, съ кучкою ея демоническихъ существъ, пущенныхъ въ мирный обиходъ ежедневной жизни, въ повѣрья, заговоры, преданія, простые и грубые символы и образы, съ Земской Дружиною, съ богатырями Владиміровыми, даже если причесть сюда и родоначальниковъ ихъ— богатырей Старшихъ, — въ этомъ промежуткѣ лежалъ цѣлый міръ стихій, что ни будь творившихъ же въ сознаніи, и у стихійныхъ божествъ, до насъ уцѣлѣвшихъ лишь по имени, было конечно не одно имя, а подъ именемъ цѣлая исторія, полная событій, выражавшаяся и въ богопоклоненіи, во внѣшнихъ обрядахъ; а послѣ стихій еще выработанныя представленія объ организмѣ, организмъ животный и человѣческій, зооморфизмъ и анѳропоморфизмъ... Гдѣ все это, не въ томъ жалкомъ безобразіи, какъ открываютъ наши ученые, а въ значеніи вѣросознанія, творившаго духъ славяно-русскаго человѣка? Посмотрите на сказки, хоть бы приведенные нами при 3-мъ выпускѣ, объ Иванѣ-богатырѣ, этомъ представителѣ русскаго человѣка въ эпоху общеславянскую, до положительной исторіи: сколько мучительной борьбы, сколько длинныхъ переходовъ изъ одного царства природы въ другое, изъ одного вида бытія къ другому, сколько враговъ, сколько ума, ловкости и хитрости, передъ тѣмъ какъ

выйти на свѣтъ Божій, стать въ ряду съ братьями, занять почетное мѣсто въ исторіи между другими старшими народами! Если въ сказкахъ только намѣчены эти пути, набросанъ перечень подвиговъ въ родѣ послужнаго списка, то подъ этой сѣткою какъ же разнообразна и полна была жизнь, какъ сильно билась и трепетала притоками и круговращеніемъ силъ, сколько поднималось, низлагалось, и снова создавалось образовъ, сколько формировалось и развѣтвлялось словъ, именъ, выраженій? А языкъ? Отъ единства общеславянскаго языка, унесеннаго Славянами изъ смѣшенія Вавилонскаго, до этого поражающаго разнообразія Славянскихъ нарѣчій при самомъ первомъ появленіи ихъ на поприщѣ исторіи, сколько должно было пройти разнообразія въ явленіяхъ духа, сколько подхвачено было разноцвѣтныхъ впечатлѣній и представленій, сколько положено силъ на творчество слова? А творческіе образы народныхъ пѣснопѣній, сказаній, съ IX-го же вѣка хлынувшихъ потокомъ и готовыхъ, кажется, залить весь міръ своимъ обиліемъ? Могли ли они появиться безъ подготовки, безъ предварительныхъ опытовъ, съ разу послѣ Кроническаго оцѣпѣненія и стихійной расплывчивости, не поддававшейся ясному образу, ибо человѣкъ тогда не доходилъ еще до глубины своего духа и долженъ былъ въ вѣросознаніи пройти прежде того образы другихъ царствъ природы? А самый духъ? Послѣ того какъ онъ былъ задавленъ космическою силой, царившей въ вѣросознаніи, послѣ того какъ подчинялся не только внѣшности, но и самъ себѣ былъ внѣшнимъ, не зная себѣ средоточія, не имѣя силъ войти внутрь себя и ощутить себя въ свойственномъ себѣ образѣ, съ этихъ началъ языческой религіи, до той минуты, когда славяно-русскій народъ явился какбы вдругъ совершенно готовымъ къ Христіанству и какбы съ разу удостоился сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ Христіанскихъ вѣросознаній, Православія, въ этомъ опять промежуткѣ какая длинная и долгая должна была совершаться исторія! Съ разу такъ шагнуть не могъ ни одинъ народъ: одинъ, на примѣръ Еврейскій, всю жизнь готовился къ этому шагу и все-таки не смогъ его сдѣлать, и отверженъ; другой подготовлялся мистеріями; третій въ помощь успѣлъ уже выработать себѣ классическую науку и философію.

Итакъ, означенный пробѣлъ существуетъ только для нашей науки: въ жизни и дѣйствительности его не могло быть.

Итакъ, наука должна искать этого искомаго. Нужно сознаться лишь, что это не такъ легко. Дѣйствительно, путь нами очерчен-

ный, во всѣхъ своихъ переходахъ, былъ непремѣнно пройденъ Славяно-русскою жизнію, но съ наступленіемъ положительной исторіи не уберегъ и не передалъ намъ своей повѣсти прямо, ясно, цѣликомъ, въ готовомъ видѣ. Живой объ живомъ лишь думаетъ, и всякой народъ, тѣмъ болѣе такой безпечный, какъ Славяне, не могъ намѣренно заготовлять для потомковъ свою біографію, а безнамѣренно и безсознательно не желалъ тратиться на внѣшнее выраженіе тамъ, гдѣ едва хватало силъ на разнообразную сущность дѣла. Другіе народы меньше, можетъ быть, прожили: но больше о себѣ оставили и насказали; нашъ народъ спѣшилъ въ исторію, и въ исторіи все еще доселѣ живетъ надеждою на будущее, предвидя тамъ себѣ высшую задачу, а потому оставилъ насъ въ скудости данныхъ для уразумѣнія длинной эпохи доисторической. Лишь языкъ даетъ здѣсь такое богатство средствъ, какое не у всѣхъ народовъ; съ него и должны всегда начинать мы. Гдѣ же добытое нами не совсѣмъ полно и ясно, тамъ мы должны обращаться къ народамъ, у которыхъ всѣ пройденныя поприща развитія болѣе ясны, и хотя не всегда одинаково глубоки, но по крайности выражены нагляднѣе въ творчествѣ.

Лучшая помощь въ этомъ дѣлѣ Греки, благодаря во первыхъ тому, что успѣли лучше всѣхъ выражать себя не однимъ творчествомъ поэзіи, но и другими искусствами, и особенно пластикой. Во вторыхъ, у нихъ съ особенной раздѣльностію выяснены выпукло всѣ періоды развивавшагося вѣросознанія, и тамъ, гдѣ у насъ относительно Славянъ ощутительный пробѣлъ, тамъ у нихъ особенная яркость изображенія: Грекъ прошелъ всѣ пути языческаго вѣросознанія, отъ верхняго края до нижняго, отъ предѣла до предѣла; ни одинъ языческій народъ не сравняется съ нимъ въ этой полнотѣ; на каждомъ моментѣ онъ достаточно остановился, чтобы отвердить свое сознаніе; потому ясность и раздѣльность моментовъ вѣросознанія выразилась необычайно послѣдовательной и яркой повѣстью, то есть Миѳологіей; повѣсть эта была въ образахъ, миѳахъ; миѳы нашли для своего воплощенія огромныя средства народнаго искусства. Обратно, въ его пластикѣ, поэзіи и прочихъ искусствахъ главное содержаніе — миѳы; изъ миѳовъ послѣдовательность, миѳологія; въ миѳологіи выражена ѳеогонія и космогонія. Когда прочіе народы, выступавшіе на Европейское поприще, только что переваливали одинъ за другимъ необходимые моменты въ вѣросознаніи, медленно подвигаясь впередъ, ихъ застигло приближеніе Христіанства, смѣшало и

спутало намѣченные впередъ пути ихъ, а повѣявшій духъ, подоспѣвшее Откровеніе упразднили въ экономіи человѣческаго развитія, сдѣлали ненужнымъ прежніе долгіе, окольные пути язычества. Это началось уже отчасти съ Рима, а всего болѣе оказалось у новыхъ Европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и Славянъ: какбы инстиктивно, предчувствіемъ, все громоздившееся зданіе миѳологіи быстро рушится, спѣша выдвинуть людей къ принятію Христіанства. Между тѣмъ въ Греціи успѣлъ уже до Христіанства совершиться весь процессъ миѳологическій сполна, безъ посторонняго ускоренія, совершиться отъ Урана до послѣдняго края мистерій; изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ этотъ одинъ былъ предъизбранъ, чтобы за себя и за другихъ совершить подобный подвигъ. Потому въ эпохѣ языческой или доисторической, въ эпохѣ слагавшагося языка или, что то же, народа, въ эпохѣ, когда творился народъ въ духѣ, своимъ вѣросознаніемъ, когда выражалъ себя миѳологіей, въ этой эпохѣ Греки всегда будутъ стоять образцемъ, по которому и изъ котораго должно пополнять пробѣлы у другихъ народовъ, уяснять неясное, распутывать смѣшанное. И нужно только дивиться бездарности нашихъ миѳологовъ, когда, благодаря подручности нѣмецкихъ учебниковъ, они тянутъ къ намъ для объясненія нѣмецкую миѳологію, забывая, что сама она непремѣнно нуждается для объясненія въ греческой, а ко всему греческому мы близки не менѣе Нѣмцевъ.

Въ настоящемъ случаѣ, для пополненія нашего пробѣла, греческая миѳологія важна тѣмъ, что послѣ Кроническаго и стихійнаго періода, гдѣ у насъ ощутительный обрывъ, у Грековъ вступаютъ по порядку зооморфическія представленія, переходятъ въ анѳропоморфическія, углубившійся въ себя духъ человѣческій выноситъ на сцену и свой образъ, настаетъ лучшее время сочетанію идеи и образа, всѣ прежнія божества въ вѣросознаніи перерождаются, открывается Олимпъ съ божествами преображенными, съ царемъ Зевсомъ, и весь періодъ Зевса является новымъ, полнѣйшимъ и обильнѣйшимъ періодомъ миѳологіи, творчества, искусства. Этотъ-то періодъ и долженъ для Славянъ уяснить многое, пополняя черты ихнихъ образовъ, подсказывая недосказанное, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ имѣть вліяніе на Славянъ и по сосѣдству: разумѣемъ Ѳрако-Пелазгическія племена и Даковъ, въ числѣ коихъ по всѣмъ признакамъ были Славяне, а еще болѣе—исконное пребываніе Славянъ, хотя съ

перерывами, по берегамъ Дуная и на Черномъ морѣ, рядомъ съ греческими поселеніями.

Повторяемъ: возстановить образность и опредѣленность неясныхъ обликовъ и одинокихъ именъ славянскихъ божествъ изъ этого періода, можно только посредствомъ сближеній съ миѳологіей греческой. Мы думаемъ, на примѣръ, что отчасти уже достигли этого, сравнивши *Велеса* или *Волоса* съ греческимъ *Геліосомъ* (по смыслу съ Ѳебомъ), *Купалу* съ *Кувелою*, *Соботки* съ *Сабаціями*, и т. п. Еще больше должны ждать мы отъ періода Зевесова или Олимпійскаго. Подойдемъ сюда и съ своимъ *Чуромъ*.

Изъ всего Олимпійскаго круга божествъ, по словопроизводству имени, мы можемъ остановиться только на *Гермесѣ* или Меркуріѣ. Ἑρμῆς, въ позднѣйшемъ личномъ имени Ἑρμᾶς, по нашему будетъ *Ерма* (склоняемое какъ *слуга*). Мы не рѣшились бы разъяснять филологически это слово, если бы словопроизводства нѣмецкихъ ученыхъ не были бы здѣсь крайне сбивчивы и не извиняли бы насъ самихъ въ случаѣ неудачи. Въ Ἑρμῆς или Ἑρμᾶς—ης и ας есть приставка, суффиксъ; звукъ μ образовательный, образовательное окончаніе, которымъ создана форма слова, вѣроятно отъ страдательнаго причастія (ср. латинск. *ger-men*) и, въ смыслѣ собирательномъ, одинаковое съ нашимъ *в*. Корень остается Ἑρ, *гер*-; *г* есть придыханіе, какъ дигамма одинаковое съ *с*, такъ что корень филологически останется тотъ же, если произнесемъ его *сер*-: а это будетъ то же, что знакомое намъ *ср*-, *сур*-, *сыр*-, такъ что къ формѣ *Ерма* ближайшая будетъ на примѣръ *сур-ма*, такой же металлъ, какъ и металлъ Меркурія. Если же допустимъ здѣсь *сур*-, то должны допустить и *чур*-, *кур*-, и т. п.: дѣйствительно, и необходимо допустить. При имени Гермеса стоитъ въ греческомъ древнее слово ἕρ-μα, *гер-ма*, подпора, подставка подъ корабли, когда вытаскивали ихъ на сушу: ясно, что это не больше, какъ употребляемый и у насъ подъ лодки обрубокъ, пень, колода, *чур-ка*, *чур-банъ* (*б* здѣсь $=$ *в*, $=$ μ, выше приведенному); второе значеніе того же слова, ἀφετήριον ἕρμα, есть камень, обозначавшій точку разбѣга на пути, гдѣ состязались бѣгуны: очевидно это то же, что *чуръ* въ значеніи колоды или обрубка на мѣтѣ, на межѣ, перекресткѣ, или *чуръ-конъ* въ нашихъ играхъ; третье значеніе слова есть «холмъ,» т. е. наше слово *кур-ганъ*.—Далѣе, древнѣйшія изображенія Гермеса, называвшіяся *Гермами*, Ἑρμῆς,

вытесывались, какъ извѣстно, въ видѣ каменнаго четырехугольника, съ бородатою головою и фаллосомъ, а еще древнѣе, до развитія искусства, были просто обрубкомъ: ясно, что это наши *чур-ка*, *чур-банъ*, *чур-бакъ*, образы *Чура*. Гермы ставились по путямъ и дорогамъ, на перекресткахъ, на поляхъ, по межамъ и въ садахъ, при входѣ въ улицы, въ домъ, такъ что Гермесъ былъ здѣсь хранителемъ, защитителемъ, силой священною по своей неподвижности: ясно, что это совершенно одно и то же съ нашимъ *Чуромъ* или *Чурами*. У Римлянъ это былъ *Ter-men*, *Ter-minus*, хранитель межей, предѣловъ, пороговъ, *Deus Terminus*, существо отчасти еще съ божескою, но больше съ демоническою силою, а отсюда и всякая межа, предѣлъ, конъ, конецъ, цѣль.—Съ латинскимъ же *Ter-men* стоитъ рядомъ еще греческое слово, *τέρ-μα*, *тер-ма*: межа, цѣль, конецъ; точка, при которой колесницы на ристаніи должны были поворачивать; мѣта, къ которой бѣжали въ запуски, къ которой бросали дискъ (*чуръ-конъ* славянской игры каменьями, когда мечутъ, по сербски, «камен с рамена,» камень съ плеча); всякой конецъ, такъ что *τέρμα* въ нарѣчіи значило «наконецъ.» Теперь намъ понятно не только наше употребленіе *Чура* и *чурокъ* на межахъ, предѣлахъ и перекресткахъ, но и то, почему *Чуромъ чураются*, въ заговорахъ и заклинаніяхъ обводя около себя кругъ, въ общежитіи ища защитить свою постановку, предѣлъ занятый человѣкомъ, и т. п. Самое *т* (*t*) въ *ter-men* и *τέρ-μα*, происшедшее не иначе, какъ изъ *с* или *к*, доказываетъ справедливость нашего объясненія, предложеннаго выше, о томъ, что придыханіе *г* одинаково съ *с*, а отсюда съ *к* и *ч*, и что корень *ἑρ-* дѣйствительно тождественъ съ *сур-*, *кур-*, *чур-* (такъ изъ *κῦρ-ος*, *κύρ-ιος*, извѣстнаго намъ корня *кур-*, у Грековъ явилось, при *κοίρ-ανος*, и *τύρ-αννος*; такъ древній квасъ, *κοῦρ-μα* или *κόρ-μα* является въ славянскомъ съ одной стороны какъ *кор-м-ъ*, *чор-ба*, съ другой какъ *сыр-ецъ*, квасъ и деготь). Наконецъ, чтобы рѣшительно доказать тождество нашего *Чура* съ *Гермесомъ*, стоитъ только вспомнить выраженіе—«*чуръ вмѣстѣ*,» когда встрѣтится на пути находка; Греки восклицали въ этомъ случаѣ: «*Ἑρμῆς κοινός*,» Гермесъ общій, Гермесъ вмѣстѣ; и самая такая находка именовалась словомъ того же корня: *κύρ-μα*, кур-ма.

Убѣдившись въ такомъ значеніи нашего *Чура*, мы можемъ черты его, какъ существа божественнаго, у насъ весьма слабыя и болѣе

демоническія, восполнить всѣмъ тѣмъ, что извѣстно изъ Олимпійскаго періода о греческомъ Гермесѣ. Не значитъ ли отсюда, что у насъ или по крайности у Славянъ былъ свой Олимпъ, свой Зевесовскій періодъ миѳологіи? Никакъ, ибо еслибы у насъ было все это, то Владиміру не было бы нужды, при началѣ нашей исторіи, искуственно созидать новый Олимпъ подъ предсѣдательствомъ Перуна, и этотъ Олимпъ, если бы исходилъ изъ древности, коренился прочно на началахъ язычества, то не рухнулъ бы такъ скоро, не уступилъ бы такъ легко Христіанству. Значитъ только, что въ промежуткѣ между періодомъ Дажбожескимъ и стихійнымъ съ одной стороны, и съ другой— между сложившимся міромъ-народомъ при выходѣ въ положительную исторію, были въ нашемъ вѣросознаніи, а отсюда и въ миѳологіи, нѣкоторыя черты, соотвѣтственныя греческому анѳропоморфизму, такъ что эти черты, какъ бы слабы онѣ ни были при переходѣ къ намъ, можно весьма уяснить и пополнить съ помощію яркихъ греческихъ образовъ. Такъ и Чура пополняемъ мы Гермесомъ.

Нѣкоторыя черты въ поклоненіи и миѳахъ Гермеса доказываютъ, что первоначально и по происхожденію онъ имѣлъ прежде гораздо большее значеніе, чѣмъ въ послѣдствіи, что онъ былъ богъ первостепенный, и съ этой стороны на Олимпѣ, при всей своей служебности, выше прочихъ Олимпійцевъ и равенъ самому Зевесу: такъ и въ Чурѣ, путемъ филологіи, открыли мы древнѣйшее происхожденіе и близость къ божествамъ первымъ, Сварогу и Сварожичу. Далѣе Гермесъ въ древнѣйшихъ чертахъ своихъ представляется богомъ трехъ царствъ міра, верхнимъ, земнымъ и нижнимъ. Онъ связуетъ эти три царства, и, какъ связь ихъ, какъ предѣлъ, представляется хранителемъ ихъ, откуда и перешелъ въ хранители на землѣ всякого предѣла и перекрестка; но онъ вмѣстѣ и сообщаетъ эти царства, богъ перехода, движенія, вѣстникъ изъ одного царства въ другое, спутникъ, сопровождающій при переходѣ отъ одного къ другому; онъ примиритель отдѣльныхъ сферъ міра, богъ, равно пріятный высшимъ и низшимъ: тѣ же значенія имѣлъ конечно у Славянъ и Чуръ, ибо, мы знаемъ по отрывкамъ былинъ и сказкамъ, какъ для русскаго человѣка, Ивана, въ эпоху общеславянскую, было много-много переходовъ по тремъ царствамъ; хранитель Ивана, спутникъ въ этихъ переходахъ, нежданно являющійся помощникъ, руководитель къ исходу, былъ конечно никто иной, какъ Чуръ, и потому лишь ему вручилъ нашъ народъ впослѣдствіи охрану путей на перекресткахъ, межей на пашнѣ, са-

мыхъ дорогихъ для сложившейся и осѣдлой Земли; потому же хранитъ онъ у насъ Міръ, Землю отъ гибельной силы другихъ сферъ, отъ стихій, отъ вторженія духовъ изъ сферы таинственной, когда въ заговорѣ очерчивается кругъ, когда одно спасеніе здѣсь въ произнесеніи имени Чура, одно средство—зачураться. Наконецъ, Гермесъ покровитель игръ, палестры, гимнасій, какъ хранитель мѣты на ристаніи и въ запускахъ, хранитель предѣловъ личности въ борьбѣ, защититель личной безопасности: таковъ же у насъ Чуръ *на кону* игръ, нашъ *Чуръ-конъ*. Прочія свойства увидимъ и сравнимъ еще ниже.

Дальнѣйшею и позднѣйшею ступенью въ существѣ Чура является *Чур-ило*, преемникъ и по самому словопроизводству имени. Чуръ въ эпоху доисторическую несомнѣнно былъ божествомъ; при началѣ положительной исторіи онъ оказался существомъ демоническимъ, хотя и со слѣдами былой божественности: Чурило же, ступенью еще далѣе, является уже героемъ, богатыремъ, хоть и со слѣдами силы демонической; къ сему послѣднему и перейдемъ мы. Сдѣлаемъ такъ: черты Чура, родоначальника Чурилова, извѣстныя намъ исторически, потомъ черты, открываемыя изъ эпохи доисторической и миѳологической, помощію языкознанія и сравненія съ греческими образами Гермеса, наконецъ образы, переданные намъ въ былинахъ о Чурилѣ, все это сведемъ мы къ лицу Чурилы и соединимъ вмѣстѣ въ одинъ полнѣйшій образъ.

Былина открывается тѣмъ, что Чурилы не знаютъ въ Кіевѣ, въ средоточіи тогдашней русской жизни, не знаютъ, стало быть, Русскіе: давнее его значеніе, Чура какъ бога, миновало въ сознаніи, о немъ забыли, его не вѣдаютъ; значеніе демоническое перешло въ обычаи, но не имѣло художественнаго образа, опредѣленной формы; а значеніе новое, собственно принадлежащее Чурилѣ, значеніе богатыря совершенно было еще неизвѣстно; богатырь только что народился, онъ очень молодъ, онъ начинаетъ первые шаги свои.

Доходятъ объ немъ слухи; толпа за толпою прибѣгаетъ, чтобы разсказать объ его подвигахъ новую и новую повѣсть. По разсказамъ выходитъ, что онъ началъ подвиги свои совершенно какъ Олегъ Вѣщій, Вольга, какъ этотъ первый представитель явившейся Русскому міру новой силы: онъ «куныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ, онъ куную рыбу повыдавилъ;» онъ и товарищи его «соболи, куницы повыловили, печерски лисицы повыгнали, туры-олени выстрѣлили,

всю бѣлую рыбицу повыловили, щуки-караси повыловили жь и мелкую рыбицу повыдавили, всѣхъ ясныхъ соколовъ повыхватали и бѣлыхъ кречетовъ повыловили.» Такимъ образомъ появляется Чурило издали, какъ что-то таинственное, незнакомое и вмѣстѣ грозное, опустошающее: именно какъ древній богъ, съ которымъ Чурило связывался происхожденіемъ, богъ Кроническій, Дажбогъ. Люди избиты, изранены; все въ смятеніи и ужасѣ. Вспомнимъ при этомъ, что по Гомерическому гимну Гермесъ именно царствуетъ надъ звѣрями, надъ быстроглазыми львами и бѣлозубыми вепрями, надъ собаками, и проч., т. е. надъ человѣческой охотою; потому онъ захватилъ себѣ всю эту добычу какъ собственность, и, какъ богъ трехъ царствъ, верхній, земной, преисподній, захватилъ всѣхъ птицъ въ воздухѣ, всѣхъ звѣрей по землѣ, всѣхъ рыбъ въ глубинѣ. Таково исконное значеніе Чурилы, какъ Чура, Гермеса.

Но, по представленіямъ Земли, уже сложившейся, духа, вышедшаго изъ миѳологическаго періода къ историческому, сосредоточившагося на человѣкѣ, всѣ эти звѣри и животныя принадлежатъ уже не Чурилѣ, а Кіеву—средоточію Руси, князю — главѣ Руси: потому дѣйствія Чурилы, по исконному значенію совершенно правыя, при новомъ порядкѣ вещей представляются захватомъ, грабежемъ; на Чурилу жалуются князю какъ на грабителя. Здѣсь опять выступаетъ значеніе Чура какъ Гермеса: по представленіямъ греческимъ, также впрочемъ не самымъ древнимъ, именно уже въ народномъ творчествѣ, Гермесъ знаменитъ умѣньемъ угонять чужихъ животныхъ, онъ называется въ этомъ смыслѣ даже *воромъ* и *грабителемъ*, а въ особенности *погонщикомъ быковъ*, которыхъ отгонялъ онъ, *ἐλατήρ βοῶν*. Любопытно, что въ польскомъ употребительное старое слово *ciura*, цюр-а (чур-а), значитъ «погонщикъ при обозѣ, » малый, сѣдлавшій, державшій или гонявшій коней, то, что у насъ въ лѣтописяхъ называлось *кощей*, слово, какъ знаемъ, истекшее изъ глубокой древности кочевья.

Разсказамъ сначала Владиміръ не вѣритъ, жалобъ, «челобитья не слушаетъ.» Ему не хочется признавать того, что давно миновало въ славяно-русской жизни, а теперь появлялось вновь; онъ не вѣритъ, чтобы это было возможно. Но когда уже стоитъ стонъ отовсюду, когда въ вопляхъ произнеслось имя Чурилы, Владиміръ, говоритъ былина, «за то слово спохватится: «« кто это Чурила есть таковъ? »» Отвѣта нѣтъ: о Чурѣ забыли, образъ его покрылся туманомъ, Русь Кіевская

слишкомъ молода, чтобы помнить отдаленное имя стараго божества, чтобы понять его появленіе въ новомъ человѣческомъ видѣ бытія.

Выступаетъ изъ толпы человѣкъ, котораго былины постоянно называютъ «старымъ» и объ которомъ мы поговоримъ подробнѣе еще ниже. Онъ, какъ старикъ, одинъ знаетъ происхожденіе и значеніе Чурилы: «я де, осударь, про Чурилу *давно вѣдаю*;» онъ знаетъ о Чурилѣ изстари, ему памятны преданія и разсказы о Чурѣ, и не только памятны, ему вѣдомо значеніе древняго божества, понятно нарожденіе новаго богатыря-героя.

Старикъ разсказываетъ объ этомъ «давно вѣдомомъ.» По разсказамъ оказывается, что Чурила живетъ на сторонѣ: тамъ онъ воспитался прежде своего вступленія въ Кіевъ, прежде появленія на поприщѣ богатырскомъ, историческомъ; онъ живетъ въ городкѣ, предшествующемъ Кіеву, въ Маломъ Кіевцѣ; онъ владѣетъ несмѣтными богатствами.

Князь, княгиня, главные богатыри, богатыри прочіе, князья-бояре, простые люди, все это поднимается изъ Кіева, чтобъ отправиться и посмотрѣть на новое, только что явившееся начало, старикомъ впрочемъ «давно вѣдомое,» узнать его отчизну, отчину, мѣстопребываніе, отеческій домъ, въ которомъ лицо это воспиталось, изъ котораго выступило на подвиги, узнать его происхожденіе, его отца.

Проводникомъ берутъ того же старика.

Пріѣхали. Чурилы нѣтъ дома. Творчество съ необычайной тонкостію не выводитъ Чурилу съ разу на показъ: онъ, какъ явленіе новое и юное, появится послѣ. Прежде выведено и очерчено его мѣстопребываніе, указано, откуда произошелъ онъ, гдѣ его корень, кто отецъ. Потому мы здѣсь ожидаемъ встрѣтить старину, предшествовавшую Чурилѣ, изъ эпохи Чура, Гермеса.

И дѣйствительно. Сперва выходитъ на встрѣчу отецъ: *Пленъ*, *Пленко*, *Пленка*. Собственно это имя есть *Плѣнъ*, полонъ: мы пишемъ *е* потому лишь, что въ нѣкоторыхъ былинахъ произносится *Плёнка*, *Плёнковичь;* дѣло въ томъ, что *плѣнъ* значитъ въ корнѣ между прочимъ «узы,» «связь,» откуда *плѣнйца*, *плѣнйцы*, а эта послѣдняя форма переходитъ въ форму *плёнка*, сѣть, клѣтка, клѣтчатка. Самое имя *Плѣна*, полона, показываетъ ясно, что за лицо было отцемъ Чурилы, что за происхожденіе Чурилы. Въ эпоху Кроническую, эпоху Дажбога, сознаніе человѣческое было въ плѣну у внѣшней, космической силы, было ею связано и въ узахъ, было

само себѣ внѣшнимъ и не могло еще высвободиться къ средоточію человѣческаго духа. Потому самъ богъ этого періода представлялся въ плѣну, въ узахъ, въ цѣпяхъ, связаннымъ; все цѣпенѣло отъ его прикосновенія; и когда, хоть обманомъ, удавалось отродиться явленіямъ новой жизни, новымъ божествамъ, то онъ ревниво спѣшилъ или пожирать ихъ, или налагать на нихъ цѣпи, связывать (ср. исторію Зевса и прочихъ сравнительно новыхъ божествъ); и Гермесъ, въ ряду съ другими, когда породился къ новому бытію, и прежде чѣмъ взошелъ на Олимпъ, подвергся той же участи, подпадалъ тому же плѣну (отсюда-то значеніе *ἕρμα* какъ цѣпи, отсюда значеніе нашей *плѣницы*). Въ кочевомъ бытѣ, сопровождавшемъ этотъ періодъ вѣросознанія, *плѣнъ* игралъ не менѣе важную роль: человѣкъ, повинуясь вѣросознанію, зналъ только одно отношеніе къ другому человѣку — захватъ, добычу: *плѣнъ* означалъ первую изъ добычь, захваченнаго человѣка, *плѣнника*, *полоненика*; на него налагали узы, *плѣнйцы*; узы становились средствами, выраженіемъ, символомъ рабства, плѣнникъ былъ рабъ, рабъ былъ въ узахъ. Это была первая и важнѣйшая добыча, главный плѣнъ; и всякая добыча доставалась дѣйствіемъ того же захвата и полона: отсюда *плѣнъ*, *полонъ*, *ополониться полономъ*, — все это получало значеніе добычи вообще, имущества, богатства. Богатство было плѣномъ, плѣнъ былъ богатствомъ. Первымъ предметомъ сношеній и торговли были также *плѣнники*, рабы: ими торговали; а какъ всякая добыча была *полономъ*, то *полонъ* же былъ и предметомъ торговли. Торговля въ этомъ кочевомъ быту была мѣновая, переносившаяся изъ мѣста въ мѣсто и переносившая съ собою полонъ; торговцы, даже выдѣлившись изъ общаго кочевья какъ особый слой, даже въ первыхъ порахъ исторіи, были людьми *перехожими*, *странниками*: отъ того ихъ названіе *гость*, отъ того ихъ постоянное прозвище — *богатый*, съ полономъ въ рукахъ. Итакъ, вся *полнота* этой жизни выражалась *полономъ*, *плѣномъ*. Представленіе о *плѣнѣ* и *полонѣ*, какъ существенномъ явленіи кочевья, до того было ярко въ нашихъ предкахъ, что даже среди положительной исторіи они ставили *полоненика* въ ряду лицъ, олицетворявшихъ былой кочевой періодъ, въ ряду *калѣкъ перехожихъ* и *странниковъ*, подъ защитой церкви, въ богорадныхъ домахъ. Таковъ же былъ и *Плѣнъ*, отецъ Чурилы: онъ *гость*, гость *богатый*, его домъ *полонъ полономъ*, прежде всего рабами, потомъ всякой добычей и богатствомъ; онъ также

«старый» Плѣнъ, изъ жизни старой, и его-то домъ представлялъ старину, воспитавшую Чурилу, по немъ-то, по происхожденію и по дому отческому «давно вѣдалъ» Чурилу старикъ около Владиміра. Но Плѣнъ былъ богатымъ гостемъ еще съ особымъ оттѣнкомъ. Когда натянутыя отношенія къ божеству Кроническому, въ эпохѣ Дажбога, разрывались, когда расторгались цѣпи и являлась, рядомъ съ суровостью, уступчивость, хотя неопредѣленная, возвращавшаяся опять къ суровости, когда являлась блуждающая стихійность,—тогда все это выражалось въ миѳологіи женскою половиной Кроническаго бога, богиней, порождавшей новыя божества; божества новыя не шли далеко, ихъ опять плѣнили и связывали, или пожирали, но шагъ все-таки становился шагомъ. Таковъ весь характеръ стихійности, рвущейся къ цѣли и возвращающейся къ точкѣ исхода, но все-таки болѣе уступчивой и мягкой сравнительно съ исключительнымъ Дажбогомъ; таковъ же характеръ и кочевья, быта, по пути безцѣльнаго блужданія, постоянно возвращавшагося къ себѣ самому, но, хотя круговратно, все-таки шедшему безсознательно къ быту новому. Вся эта стихійность и сама богиня ея въ миѳологическихъ образахъ всего болѣе характеризуются *водою*, влагою, порождающею и питающею существа, и опять ихъ въ себѣ растворяющею, но способною ко всему новому именно по своей неисключительности, уступчивою болѣе чѣмъ огонь, символъ всепожирающаго Дажбога. Сообразно тому въ языкѣ, отъ одного и того же корня *пл-*, рядомъ съ формою *пл-ѣнъ*, *пл-ѣница*, *пол-онъ*, являются древнѣйшіе корни *пал-*, *пол-*, *пла-*, *пло-*, *плоу-*, съ согласными *в*, *т*, *д*, *к*, и т. д., откуда формы *плыть*, *плавать*, *плавить*, *плескъ*, *плескать*, *полоскъ*, *полоскать*, *плакать* (точить влагу), ц. слав. *плакнжти* (омывать), *плесъ*, *плесо*, *плескъ* у рыбы, *полая* вода, *плотъ*, *плутиво*, рыба *плотва*, и т. д. *Плѣнъ*, какъ отецъ Чурилы, сохранилъ въ себѣ оттѣнокъ и этихъ развѣтвленій корня: по былинамъ, онъ живетъ на рѣкѣ, онъ былъ гость по морю, мореходный. Здѣсь припомнимъ, что, подобно двумъ половинамъ Кроническаго божества, мужеской и женской, исключительной и уступчивой, жестокой и стихійной, самое имя *сур-овъ* (отъ извѣстнаго намъ корня *сур-*) имѣетъ значеніе двоякое,—съ одной стороны жесткаго и жестокаго, съ другой *сыраго*, влажнаго, мягкаго; что корень *ср-*, *сур-*, обозначая съ одной стороны Сварога и Сварожича, Дажбога, обозначаетъ, мы видѣли, и стихійность божествъ, и кочевой бытъ, такъ

что изъ второй половины его значенія породились именованія — *суръ*, представитель торговли по рѣкамъ и морямъ, гость богатый (Садко), а при немъ *сары*, деньги, богатство. Такой же *суръ* былъ и отецъ Чурилы, Плѣнъ: его пріурочиваютъ морю и называютъ отъ того *Сурожанинъ*, его помѣщаютъ и на рѣкѣ *Сорогѣ* или *Сарогѣ*, и онъ *Сароженинъ*. Рѣка *Сарога* или *Сорога* носитъ имя совершенно въ той же формѣ, какъ *сварга* и *сварогъ*, а съ другой стороны тождественно съ словомъ *сарога*—рыба *плотва*, слѣдовательно съ корнемъ *пл*–, и называется въ пѣсняхъ иначе *Чер–ега*, родственно съ корнемъ *чур–; Сурож-ь*, славянское имя для Азовскаго моря, совершенно того же происхожденія, и по формѣ, и по значенію, равняясь формѣ *Свaрож-* (Сварожичь, сынъ Сварога). Помимо же миѳологіи и примѣнительно къ быту историческому, Плѣнъ этими чертами сближается съ *Садкомъ*, съ *Суровцами – Суздальцами*, *Сурожанами*, о которыхъ мы говорили прежде: торговлею же сходился онъ съ Черноморскими греческими поселеніями и роднилъ миѳологическіе образы Греческіе съ Русскими.

Когда прибылъ Владиміръ со всею Русью къ двору Плѣна, старикъ встрѣтилъ ихъ и отворилъ пріѣзжимъ трои ворота, *вальящатые*, *хрустальные*, *оловяные*, а ворота вели къ покоямъ: это тѣ же три царства, въ которыхъ царилъ Гермесъ, храня ихъ предѣлы, являясь у воротъ каждаго какъ хозяинъ и водя боговъ и смертныхъ по своимъ покоямъ; это тѣ же три царства, и хрустальныя, и оловянныя, и мѣдныя, и т. д., по которымъ, мы знаемъ, блуждалъ Иванъ-богатырь, представитель русскаго человѣка, въ эпоху обще-славянскую, съ сопутникомъ Чуромъ. Проведши чрезъ трои сѣни (см. Рыбник.), Плѣнъ началъ угощать гостей, въ теремѣ, напоминавшемъ, по словамъ пѣсень, звѣздное небо, съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами. Въ такомъ-то нѣдрѣ старины зародился и воспитался Чурила; онъ былъ ея порожденіемъ и вмѣстѣ наслѣдникомъ, преемникомъ. Потому въ быту является онъ *Гостинымъ сыномъ* (въ родѣ Ивана Гостинаго), и самъ *гостемъ богатымъ*, съ несмѣтнымъ *богатствомъ*. Здѣсь мѣсто однажды и навсегда сказать о *богатствѣ* Чурилы: трудно пересчитать его, въ рабахъ, провожатыхъ, домѣ, золотѣ, мѣхахъ, камкахъ, платьяхъ (ср. споръ съ Дюкомъ Степановичемъ), и т. п. Всѣмъ этимъ онъ *щедро одарилъ* Владиміра и во всемъ этомъ опять прямо и ближайше сходится съ чертами Чура и Гермеса. Гермесъ—«прибыль-

ной,» «помогающій,» ἐριούνιος; «податель благъ,» δώτωρ ἐάων; «податель богатства,» πλουτοδότης; «покровитель торговыхъ гостей, торговли,» ἐμπολαῖος; «богъ торга,» какъ рынка, ἀγοραῖος; «богъ прибыли,» κερδῷος, и, какъ богъ всѣхъ сношеній и сообщеній,—богъ торговыхъ сдѣлокъ. Кстати: по происхожденію изъ эпохи криводумнаго Кроноса, и потомъ по отношеніямъ своимъ къ торговымъ оборотамъ, Гермесъ самъ носитъ имена «вкрадчиваго,» αἱμυλομήτης, и вообще порядочнаго обманщика, покровителя хитрецовъ, «оборотливаго на всѣ руки,» πολύτροπος, пользующагося минутой и научающаго пользоваться: въ Чурилѣ вообще этихъ свойствъ незамѣтно и выступаютъ они лишь въ любовныхъ дѣлахъ его, о которыхъ скажемъ ниже.

Наконецъ, ознакомивши насъ съ отцемъ и отчизной, происхожденіемъ, воспитаніемъ, средствами, наслѣдованными отъ старины, былина выводитъ самого Чурилу. Онъ подъѣзжаетъ ко двору прямо съ охоты, на которой оказался такъ грозенъ и страшенъ. Завидѣвъ и заслышавъ приближающихся, Владиміръ переполошился: «по грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося: князя, меня, въ домѣ не случилося (я не дома, а между тѣмъ —), ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды, или какой грозенъ посолъ.» Владиміръ, представитель тогдашней Руси, опять не знаетъ и не узнаётъ приближающагося; поѣхавъ нарочно въ домъ Чурилы, чтобъ увидать его, князь все-таки пугается приближенія новаго начала, олицетвореннаго въ Чурилѣ, ожидая встрѣтить что-то грозное и страшное, какимъ было всякое древнее божество, какимъ былъ нѣкогда и Чуръ, какимъ показалъ себя передъ тѣмъ и Чурило.

Но князь ошибся: прошли невозвратно времена Чура какъ Сварожича; смягчилось страшное значеніе и демонической его силы; безобразные обрубки, его символы, не вызывали уже поклоненія, а мирно размѣстились по полямъ. Переродившееся начало, прошедшее сквозь домъ богатаго гостя, Сура или Суровца, Плѣна, готовое вступить въ ряды богатырей Владиміровой эпохи, подходило тихо, являлось красавцемъ-юношей, улыбалось привѣтливо.

Какъ богъ тѣлесной ловкости, игръ и юношескихъ упражненій, какъ Гермесъ, на самой дорогѣ своей Чурило играетъ съ молодежью-товарищами: «съ коня на конь перескакиваетъ, у молодцевъ шапочки подхватываетъ, на головушки шапочки покладываетъ;» «на копье обопрется, на шестую лошадь на ходу перескакиваетъ.»

Какъ богъ палестры, окруженный пестрымъ и шумнымъ хоромъ играющей греческой молодежи, Чурило окруженъ молодыми товарищами: «кони были темно-караковые, а сѣдла были Латынскія, сапожки на молодцахъ сафьянные, шапочки на нихъ—золоты верхи;» «жеребцы подъ ними Латинскіе, кафтанцы на нихъ камчатные, однорядочки-то — голубъ скурлатъ, а и колпачки — золоты плаши;» «кони подъ нима одношерстные, узды на нихъ одномѣдныя, кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна, источенкамы подпоясанные, сапожки на ножкахъ—зеленъ сафьянъ, носы по носъ шиломъ, пяты востры, око но́совъ-носо̀въ яицо покати, подъ пяту-пяту воробышко летитъ, воробышко летитъ, перепуркиваетъ.»

Самъ же Чурило «впереди всѣхъ скачетъ молодецъ краше всѣхъ,» «одинъ молодецъ получше всѣхъ.»

«Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла его лица:» совершенно какъ восточный полубогъ. Но замѣчательно еще, онъ бережется, чтобъ солнце не запекло лица его, какъ будто онъ приходитъ изъ далека, дѣлаетъ долгій путь, странствуетъ много. Для той же цѣли странники носили всегда особыя шляпы или шапки, отличавшіяся отъ прочихъ: такъ и Чурило носитъ «золотъ калпакъ» и по этому калпаку, отличному, узнаютъ его даже тогда, когда самъ онъ прячется (ср. вып. 4, стр. 89; Рыбник. ч. I, стр. 270). Такъ и Гермесъ носилъ особую шляпу, всюду его между богами отличающую, *πέτασος*, съ широкими полями для защиты отъ солнца, ибо онъ такъ часто въ дорогѣ, богъ движенія, переходовъ (*πέτασος*, *летучая*, *крылатая*, отъ широкихъ полей или *крыльевъ*, размахай; отъ того же вѣроятно создался образъ творческій, помѣщавшій на шляпѣ этой *крылья*). Эту шляпу мы встрѣчали не разъ и въ былинахъ, ее знали у насъ и носили иногда богатыри, а чаще калѣки перехожіе, странники; называлась она «шляпою земли *греческой*.»

Наружность Чурилы такова: «двѣ свѣчки горятъ, то ясны очи глядятъ, то Чуриловы;» «волосинки — золота дуга, серебряная (нимбъ), шея у Чурилы бытто бѣлый снѣгъ, а личико бытто маковъ цвѣтъ, очи бытто у ясна сокола, брови бытто у черна соболя.» Это изображеніе почти божеское. Такъ и Гермесъ, послѣ древнѣйшихъ изображеній его въ грубыхъ обрубкахъ, какимъ былъ и Чуръ въ нашихъ чуркахъ, послѣ изображеній въ зрѣломъ возрастѣ мужа, какъ бога торговли, съ позднѣйшей точки зрѣнія, какъ богъ па-

лестры, гимнасій и юношества, явился красавцемъ-юношей, такъ что его статуи смѣшивали съ Антиноемъ.

Изъ одежды Чурилы, восторженное описаніе которой можно видѣть въ былинахъ о спорѣ его съ Дюкомъ, особенно останавливаются пѣсни на обуви: въ одной (печатающейся) былинѣ изъ сборника П. Н. Рыбникова, разсказывается, что по слѣдамъ Чурилы находили «серебряные гвоздики» изъ подошвы,—вѣроятно сама обувь была золотая; въ другомъ мѣстѣ—«сапожки—зелёнъ сафьянъ, пятки гладки, носки плоски, кругъ пяты хоть ицо́мъ прокати, подъ пяту воробей проскочи,» или (у Чурилы съ товарищами)—«подъ пяту-пяту воробышко летитъ, воробышко летитъ, перепуркиваетъ.» Тѣмъ же самымъ отличается и Гермесъ: золотыя сандаліи, обувь, дававшая полетъ.

И у Чурилы, и у Гермеса съ обувью соединенъ образъ крыльевъ и полета; подобно какъ мы видѣли выше образъ окрыленной шляпы, возникшій вслѣдствіе особенныхъ ея крыльевъ-полей, такъ и здѣсь, при обуви, возникъ образъ крыльевъ и полета не отъ самой обуви, не отъ ея легкости, а отъ легкости летучей походки. У Чурилы, вышедшаго изъ эпохи движенія, родившагося отъ бродячаго, перехожаго гостя-сура, у Чурилы, какъ мы видѣли, представлявшагося странникомъ, изъ далекой дороги, и у Гермеса, бога движенія и переходовъ, вѣстника, посредника, все главное дѣло въ ногахъ. У обоихъ должна была выработаться особенно-изящная и легкая походка. Этимъ и отличался Гермесъ, такимъ и изображался онъ, не столько шелъ, сколько летѣлъ. Поразительнымъ образомъ наблюдено то же отличіе въ Чурилѣ: «походка щепливая,» щегольская, изящная, составляетъ такое же неотъемлемое его свойство, какъ сила у Святогора, таланъ-участь (счастье, удача) у Ильи Муромца, смѣлость у Алеши, вѣжливость у Добрыни, красота у Іосифа Прекраснаго, и притомъ свойство *прирожденное*, съ которымъ нужно было родиться, идущее изъ рода, изъ старины (ср. вып. 2, стр. 31, слова Добрыниной матери, между прочимъ: «я бы рада тебя, дитетко, спородити, я походкою бы тебя щепливою во того Чурилу во Пленковича»); далѣе: «нѣтъ молодцевъ походкой-пощипкой противъ Чурилища Опленковича (Рыбник., ч. I, стр. 195).» Наконецъ (вып. 4): «подъ нимъ травка-муравка не топчется, лазоревый цвѣточикъ не ломится,»—это совершенный Гермесъ въ полетѣ.

Когда Владиміръ убѣдился, что въ Чурилѣ нѣтъ уже ничего грознаго и страшнаго, когда распозналъ его отческое жилище, а въ немъ самомъ увидалъ лицо новаго порядка вещей, тогда онъ произнесъ:

«Гой еси ты, Чурила Пленковичь!
«Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
«Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
«Въ Кіевѣ жить, князю служить!»

Это актъ, которымъ, въ лицѣ своего представителя, сложившаяся Русь извлекла Чурилу изъ отдаленной древности, заручила своему новому міру, сдѣлала богатыремъ Кіевскимъ, времени Владимірова. Чурило, говоритъ пѣсня, «не ослушался.» Съ тѣхъ поръ онъ богатырь въ ряду другихъ богатырей.

Но и здѣсь, среди жизни Кіевской и на службѣ Владиміру, будучи богатыремъ, Чурило носитъ еще въ себѣ проблески давняго божескаго происхожденія, слѣды силы демонической, сходство съ Чуромъ и Гермесомъ.

Чурило служитъ Владиміру, онъ вездѣ въ должности служебной, какъ Гермесъ служитель боговъ Олимпа и особенно Зевса. Можно сказать, что Кіевъ во времена Владиміра, съ своими богатырями, былъ для положительной Русской исторіи совершенно тѣмъ же, что Олимпъ съ богами для миѳологіи. Не въ миѳологіи, гдѣ, сказали мы, у Славянъ не было Олимпа, а только среди исторіи, съ помощію народнаго творчества, создался Русскій Олимпъ, повторявшій въ образахъ богатырей, вокругъ Владиміра, въ Кіевѣ, среди дѣйствительной жизни, то, что нѣкогда творилось въ богахъ, вокругъ Зевса. Это было средоточіе, собравшее къ себѣ всѣ древнѣйшія, общеславянскія черты, всѣ преданія, всѣ образы изъ старины, съ тѣмъ, чтобы всему этому дать характеръ уже иной и новый, характеръ русскій, земскій, мірской, общинный, земско-дружинный, и короче— историческій. Творчество народное схватило эту минуту, чтобы озарить ее для насъ созданіями дивныхъ былинъ. Въ немъ слышно такое ликованіе молодости, такое торжество пройденнаго пути и зачатой жизни новой, что это торжество, это ликованіе можно сравнить развѣ лишь съ тѣмъ, которое охватило нѣкогда древній міръ при выходѣ его къ періоду Зевса и Олимпа, которое сказалось въ Иліадѣ, Одиссеѣ и Гомеридахъ. Сквозь этой новой жизни, Русской,

Кіевской, Владиміровой, только сквозитъ, только проглядываетъ миѳологія, язычество, кочевье.

Продолжаемъ собирать эти проблески и слѣды.

На службѣ Владиміру Чурило исправляетъ три главныя должности. а.) Говоритъ ему Владиміръ: «Довлѣетъ (подобаетъ) жить ти во Кіевѣ, у князя у Владиміра въ *курятникахъ*.» Образъ, по видимому, не только странный, а даже какой-то пошлый: но онъ мгновенно получаетъ смыслъ, когда мы вспомнимъ, что у бога состязаній, Гермеса, аттрибутомъ былъ *пѣтухъ*, символъ состязаній.—б.) Владиміръ водитъ Чурилу отъ службы къ службѣ, какъ Гермесъ водимъ былъ Зевесомъ: «не довлѣетъ ти жить въ курятникахъ, а довлѣетъ жить ти въ *постельникахъ*, стлать-то перина пуховая, кладывать зголовьице высокое и сидѣть у зголовьица высокаго.» «И живетъ-то Чурила въ постельникахъ, стелетъ перину пуховую, кладываетъ зголовьице высокое и сидитъ у зголовьица высокаго.» Онъ сидитъ въ головахъ постели, какъ сидитъ обыкновенно по народнымъ представленіямъ сонъ; онъ присутствіемъ своимъ напоминаетъ постель, наводитъ сонъ, тянетъ ко сну; въ одной пѣсни (печатающейся) изъ собранія П. Н. Рыбникова, молодая женщина не въ силахъ усидѣть съ нимъ съ глазу на глазъ и валится на постель; не въ состояніи будучи противодѣйствовать той же силѣ, княгиня Апраксія говоритъ: «не́ годенъ Чуривушка въ постельнички, во наши во постели княженецкія.» Такъ точно Гермесъ наводитъ на людей сонъ, своею силой и по распоряженію боговъ; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ своимъ магическимъ *жезломъ*, *ῥάβδος*: Чурила дѣйству́етъ, какъ представитель игръ и состязаній, *игрою въ шахматы* (по пѣсни изъ собр. П. Н. Рыбник.) и *игрою въ гусли.* Онъ выставляется искуснымъ игрокомъ на гусляхъ: опять Гермесъ, изобрѣтатель семиструнной лиры. — в.) Наконецъ Владиміръ опять говоритъ: «Не довлѣетъ ти, Чурила, жить въ постельничкахъ, а довлѣетъ ти жить въ *позовщичкахъ*, ходить-то по городу Кіеву, звать князей-бояръ:» «сказана Чурилѣ служба я́вленая: ёму ѣздить по городу по Кѣеву, ёму звать гостей съ гостинами жоны̀, ёму звать князей со княинюшками, ёму звать бояръ со боярынями;» «посылаетъ Владиміръ, стольной Кіевской, молода Чурила Пленковича, князей и бояръ звать въ гости къ себѣ;» и ходитъ Чурило, и созываетъ, и передаетъ приказанія отъ князя. Таковъ точно Гермесъ, не только самъ постоянный герольдъ, позовщикъ, вѣстникъ и глашатай Зевса и боговъ

Олимпа, но и богъ всѣхъ людей этого званія, съ постояннымъ прозвищемъ *θεῶν κῆρυξ* (корень есть *κηρ-*, то же, что *кур-* и *чур-*), « вѣстникъ, позовщикъ боговъ, » *Διὸς ἄγγελος*, « глашатай Зевса, » *κῆρυξ μέγιστος τῶν ἄνω τε καὶ κάτω* « величайшій вѣстникъ верху и долу (ср., Чурило зоветъ и князей, и бояръ, и гостей, купцовъ).»

Съ этой же стороны, подобно какъ Гермесъ, богъ-посредникъ, богъ сношеній и сообщеній, равно пріятный высшимъ и нижнимъ, богъ особенно симпатичный греческому народу, Чурило особенно любимъ всѣми представителями тогдашней Руси, и княземъ, и Кіевлянами, и женщинами. Когда Дюкъ хотѣлъ его убить, Владиміръ проситъ: « Не руби-тко ты Чурилы буйной головы, а оставь намъ Чурилу хоть для памяти; » « взмолились за Чурилу бабы Кіевскія: «« оставь Чурилу хоть на сѣмяна; такого, де, стольника (въ общемъ смыслѣ служителя) уже не будетъ. »» И Дюкъ отпускаетъ со словами: « Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный, пусть ты Кіевскими бабами уплаканный! »

Сюда же примыкаетъ и *любовное* значеніе Чурилы. Былины соединяютъ его съ значеніемъ постельника: такъ, сидя у изголовья, Чурило склоняетъ къ себѣ и жену Владиміра, знаменитую Апраксію, эту любительницу всѣхъ заѣзжихъ лицъ, вновь наступившихъ началъ, которымъ предается она, начиная отъ Тугарина до Чурилы, совершенно также, какъ въ миѳологіи при старѣющемъ божествѣ женская половина его становится доступною новизнѣ и отдается блуду. Также точно предалась Чурилѣ и жена того старика, о которомъ поминали мы выше и который « давно вѣдалъ » про Чурилу. Всѣ женщины Кіева также точно относились къ Чурилѣ: онѣ, мы видѣли, плакали, какъ скоро ему угрожала опасность; « идетъ-то Чурилище по Кіеву,— дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются; » « на его дѣвки глядятъ — золоты пелы (нагрудники) ломатъ, стары бабы глядятъ — прялицы ломятъ; » « жить-то Чурилы Господь повелѣлъ (такая вышла ему линія, дорога)—какъ стары старухи костыли грызутъ, а молоды молодицы мошны дерутъ, а красныя дѣвки въ голенища с..., все глядючись на млада Чурилу Пленковича; » « гдѣ дѣвушки глядятъ,— заборы трещшатъ, гдѣ молодушки глядятъ,—лишь оконенки звенятъ, гдѣ стары глядятъ, — манатьи на себѣ дерутъ. » На подобныя дѣла молодецъ былъ и Алеша: но у Чурилы совсѣмъ дѣло иное. Нѣтъ никакой возможности объяснить это крайнее изступленіе, овладѣвавшее женщинами, если не вспомнимъ, что Чурило имѣлъ давнее божеское

происхожденіе, что онъ представлялся приходящимъ издали, былъ представителемъ новаго начала, къ себѣ влекущаго демоническою силою. Таковы именно были всѣ юныя божества, являющіяся въ миѳологіи фаллическими: къ нимъ неудержимо влеклись богини, а въ людяхъ женщины простирали поклоненіе имъ до такого изступленія, что, на примѣръ, Вавилонянки, въ частномъ быту цѣломудренныя, подъ наитіемъ влекущихъ новыхъ началъ вѣросознанія, беззавѣтно отдавали себя всѣмъ приходящимъ издали, чужестранцамъ безъ разбору, лишь бы соблудить старому богу и заявить уступчивость новому. Вся Малая Азія, переходъ къ Европѣ, въ извѣстную эпоху наполнена была такими новыми божествами, со множествомъ именъ ихъ, миѳовъ, обрядовъ поклоненія, въ которыхъ часто женщины, представляя любимца потеряннымъ, съ рыданіями бѣгали по полямъ; и Малоазійскіе Греки зачали изъ того же источника цѣлый особый слой творчества, Элегію, гдѣ юное начало, любимое и гибнущее, вызывало такія же слезы, какія лили Кіевлянки при опасности Чурилы. Такъ точно и Гермесъ, божество уже Олимпическое, древнѣйшимъ своимъ символомъ имѣлъ фаллосъ, и фаллосъ же изображался на его древнѣйшихъ гермахъ, нашихъ чуркахъ, при чемъ сравнить можно Чешское *čur-ák*, чур-акъ, фаллосъ; польск. *czurylo*, блудникъ, волокита.

Кромѣ этого существеннаго значенія, Чурило извѣстенъ двумя главными подвигами: въ столкновеніи съ *Дюкомъ* (которое знаемъ мы по 3-му выпуску и пѣснямъ Рыбник.) и *Старикомъ*, о которомъ говорили мы выше (см. Рыбник. и 4-й вып.). Но, чтобъ понять, какъ должно, это столкновеніе, нужно предварительное объясненіе. Чурило, перешедши окончательно въ рядъ богатырей и въ новый порядокъ вещей, былъ его представителемъ: но сквозь этого богатыря сквозило иное значеніе, древнѣйшее, котораго не могли забыть и которымъ творчество придало образу Чурилы особенную оригинальность; этого не могли забыть. И демоническая сила, перешедши въ образъ Чурилы-богатыря, независимо отъ него продолжала дѣйствовать въ представленіяхъ Чура, извѣстна была на межахъ и перекресткахъ, въ заговорахъ, въ словоупотребленіи общежитія. Потому образъ Чурилы необходимо двоился для творчества: съ одной стороны представлялся Чурило какъ есть, съ другой, въ особыхъ образахъ, въ отдѣльныхъ лицахъ, представлялась другая половина его, какъ далекая, старая, приходящая изстари и издалека, проиг-

водящая Чурилу, состоящая съ нимъ въ связи, или же сталкивающаяся съ нимъ и враждебная.

Таковъ, мы видѣли, былъ самъ *Плѣнъ:* черты его тѣ же самыя, что перешли въ Чурилу, но черты эти представляются древними, старыми, обособленными, и вышелъ образъ *отца*.

Такимъ же является *Дюкъ:* онъ одинаковъ съ Чурилою и красотою, и богатствомъ, и наслѣдствомъ отъ старины; но онъ представляется заѣзжимъ издалека, приходящимъ вновь, съ чертами, близкими къ Чурилѣ, но завлекательными новостью: издалека и изстари, какбы съ родины Чурилы, пахнуло новой свѣжестью знакомыхъ началъ, и эти начала скорѣе обольстили. Чурило, уже болѣе оторванный отъ роднаго корня, прижившійся въ Кіевѣ, ревнуетъ къ заѣзжему и новому образу, тѣмъ болѣе, что черты ихъ одинаки; онъ начинаетъ криводушничать, наушничаетъ, подстрекаетъ князя противъ Дюка, принимаетъ на себя злую, темную сторону Гермеса, какъ *ψιθυριστής*, хочетъ провести Дюка краснымъ словомъ, пышными рѣчами, какъ *Ἑρμῆς λόγιος*, богъ краснорѣчія, получая за то отъ Дюка имя *хвастуна* (пѣсня, печатающаяся изъ собран. П. Н. Рыбник.). Сталкиваясь значеніемъ, они оба борятся между собой, перевѣсъ то на этой, то на другой сторонѣ: сначала Чурило поднимаетъ на Дюка князя и Кіевлянъ, потомъ пересиливаетъ Дюкъ ловкостью и богатствомъ; хочетъ убить Чурилу, но за Чурилу ухватываются, молятъ и спасаютъ его «изъ сѣмяна;» Дюкъ оставляетъ Кіевъ, а задѣтые его разсказами князь и Кіевляне ѣдутъ на его сторону (какъ ѣздили нѣкогда къ Чурилѣ) и загрязаютъ тамъ въ массѣ непочатыхъ еще силъ, въ грудахъ богатства, въ родникѣ началъ: разбѣжались глаза, развисли уши. Такъ, отдѣлившись отъ окрѣпшаго образа Чурилы, Русь расплывалась во множествѣ еще силъ и началъ, связанныхъ съ его происхожденіемъ, коренящихся въ старинѣ, навѣвающихъ издалека.—Родство, или, лучше, тождество Чурилы съ Дюкомъ въ основныхъ представленіяхъ доказывается еще тѣмъ, что оба они борятся съ *Шаркомъ-великаномъ;* но Дюкъ, еще не истощившійся въ образахъ, такъ сказать запасной, вызываемый съ корня издалека и всегда оттуда готовый прибыть, убиваетъ Шарка, а Чурило, совершенно опредѣлившійся, совершившійся какъ зрѣлый плодъ, законченный, гибнетъ отъ этого звѣрскаго чудовища, подобно помянутымъ юношамъ Малой Азіи, полубогамъ и

героямъ элегическаго строя, большею частію растерзаннымъ отъ вепрей, быковъ или собакъ.

Есть третье существо, весьма схожее съ Плѣномъ и Дюкомъ. Дюкъ старше Чурилы своимъ корнемъ, отческимъ домомъ, отъ котораго, не какъ Чурило, еще не оторвался онъ, который ему милѣе Кіева (тамъ лучше и калачи, и вино, и покои, и люди), къ которому онъ возвращается отъ Владиміра; съ другой стороны и моложе, и свѣжей Чурилы, ибо можетъ всегда явиться изъ дому въ Кіевъ, всегда въ запасѣ для народа, всегда надеженъ въ будущемъ, не такъ закончился и созрѣлъ какъ Чурило. Существо же, о коемъ мы хотимъ говорить, положительно старше Чурилы, одного возраста съ Плѣномъ, и даже, можетъ быть, еще древнѣе, почему и носитъ въ былинахъ постоянное прозвище «стараго.» Потому Чурило, какъ младшій и болѣе сильный, долженъ непремѣнно посрамить его въ борьбѣ. Но побѣда не рѣшена еще: старикъ озлобился и сдѣлался страшенъ въ своемъ мщеніи за срамъ. Отъ того замѣтно колебаніе въ пѣсняхъ: то старикъ въ связяхъ съ Чурилой и дружбѣ, то во враждѣ; то посрамляетъ его Чурило, то онъ мститъ Чурилѣ и убиваетъ его; то, наконецъ, оставляетъ его въ покоѣ и обрушиваетъ мщеніе на томъ существѣ, которое дало поводъ къ посрамленію. Однимъ словомъ это въ лицахъ и подъ Кіевскими, Русскими, Владимірова времени именами старая миѳологическая повѣсть о борьбѣ божества стараго или устарѣвшаго съ юнымъ, о посрамленіи старшаго молодою богинею и началомъ новымъ, о раздражительности и мщеніи старика, объ его окончательномъ низложеніи или же удачѣ, при которой новое начало гибнетъ, или, наконецъ, о терпимости, по которой старикъ вынужденъ отказаться отъ преслѣдованія и уступить началу новому. Таковъ извѣстный миѳъ о *Гермесѣ* и *Аргосѣ* или *Аргусѣ*. Аргосъ древній, еще Сабистическій, съ сотнею глазъ, напоминающихъ древнее кружащееся звѣздное небо, а потому, по происхожденію, сродный съ Гермесомъ, ибо Гермесъ вышелъ изъ той же Сабистической эпохи (ср. у Плѣна въ теремахъ то же звѣздное небо); но, во времена Олимпическія, Аргосъ озлобился на побѣдившія новыя начала и ревниво стережетъ юную богиню Іо, склонную къ уступчивости; Гермесъ, по повелѣнію Зевса, овладѣваетъ ею, убивая Аргоса. Точь въ точь, іота въ іоту, исторія Чурилы съ помянутымъ старикомъ: съ тѣмъ лишь различіемъ, что побѣда то на той, то на другой сторонѣ, и роли обоихъ нѣсколько разъ мѣняются,

ибо старикъ здѣсь есть другая половина Чурилы, только болѣе древняя.

Мы съ намѣреніемъ уклонялись доселѣ и не произносили имени старика: до того оно побѣдоносно въ пользу нашихъ выводовъ. Въ пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ (ч. I, стр. 269, 270), онъ сохранилъ, удивительнымъ образомъ, свое древнее имя: это *Ерма*, то есть то же, что *Ермій*, *Гермесъ*, что слово *ἕρμα*, разобранное нами выше (чурка), что *Чуръ*; здѣсь еще поразительное доказательство, что Чуръ есть Гермесъ, что корень имени Гермеса—ἑρ—одинаковъ съ *чур-*, что *Чур-ило*, младшій сравнительно съ старикомъ Ермою, дѣйствительно есть дальнѣйшій и юный Чуръ, и т. д., и т. д. Позднѣе, утративши смыслъ этого имени, народъ изъ *Ермы* сдѣлалъ *Пермила*, *Пермяту*, *Бермяту*, производя слово отъ *Перми* или древней *Біарміи*, т. е. выводя это лицо изстари и издалека.

Ерма, по самому имени, вмѣщаетъ въ себѣ свойства Чура и Гермеса, т. е. божеское происхожденіе и демоническое значеніе. Потому, явившись въ Кіевѣ, онъ изображается *старымъ*. Онъ долженъ быть и въ связи съ Чурилой, какъ его вторая, старшая половина: дѣйствительно, онъ Чурилу «давно вѣдаетъ,» знаетъ, гдѣ родъ, домъ, корень, происхожденіе Чурилы; онъ одинъ въ Кіевѣ и знаетъ про Чурилу, одинъ и разсказываетъ; онъ же ѣдетъ и провожатымъ, сводя, знакомя Русь съ преобразившемся Чуромъ, съ Чурилою. Но Чурило отдѣлился отъ старины, вступилъ въ жизнь новую, и потому долженъ столкнуться съ Ермою, и потому въ вызовѣ Ермы на ознакомленіе и сближеніе Чурилы съ Русью есть роковое предвѣстіе о предстоящей страшной борьбѣ между тѣмъ и другимъ. Эта борьба разыгралась, какъ скоро, по приглашенію Владиміра, Чурило въѣхалъ въ Кіевъ и поселился здѣсь.

Старый Ерма имѣлъ молодую жену, и, какъ знаменитый образецъ ревности, стоглазый Аргосъ—Іо, такъ хранилъ за часовыми жертву своей ревности (ср. вып. 4, стр. 88). Это то же, что въ миѳологіи юная богиня, склонная къ новому началу и потому возбуждающая ревность въ старомъ, въ своемъ мужѣ.

Поводъ къ сношеніямъ лежалъ для Чурилы въ той же должности, какою отличался и Гермесъ, въ должности вѣстника, позовщика; какъ Гермесъ былъ посланъ къ Аргосу Зевсомъ, такъ Чурило былъ посланъ Владиміромъ какъ позовщикъ въ домъ Ермы. Зашелъ Чурило

въ домъ ко старому, къ его молодой женѣ, «и тутъ онъ позамѣшкался; ожидаетъ его Владиміръ князь, что долго замѣшкался; и мало время поизойдучи, пришелъ Чурило Пленковичь: втапоры Владиміръ князь *ни во что положилъ.*» Значитъ онъ соизволялъ дѣлу Чурилы.

По инымъ пѣснямъ въ этотъ разъ, но по нѣкоторымъ, и вѣрнѣе, въ другой, дѣло происходило такъ. Чурило отправился въ домъ къ Ермѣ ночью, какъ воръ, подглядчикъ, какъ Гермесъ, называвшійся «ночнымъ соглядатаемъ,» *νυκτὸς ὀπωπητήρ*. Выходили было часовые, но увидала жена Ермы и подхватила гостя въ горницу.

Оказывается, что она уже давно ждала посѣтителя, какъ своего свободителя отъ ревности старика, какъ ждали богини посѣщенія новаго начала: «у меня ставленые столпки не обраные, а ставленыя питьица не выпитыя, а сряженыя ѣства несъѣденыя, — все ждала Чурилушку Пленковича.» Чурило, говорятъ иныя былины, завелъ игру въ шахматы: но хозяйка наиграла не долго, ее разморило на постель.

Размаривало и Апраксію: за столомъ «рушила княиня лебедь бѣлую, заглядѣлась она на Чурилу на Цыплёнковича, порѣзала княиня руку лѣвую, со стыду со сраму подъ столъ руку свѣсила.» Чурило «игралъ въ гуселышки яровчаты, спотѣшалъ князя Владиміра, а княгину Опраксію больше того;» «потѣшалъ князя игрою на гуселкахъ, а княгиня Чурилу у души держала.» Князю это «не слюбилося:» но то былъ Владиміръ, съ Олимпическимъ спокойствіемъ и ясностію; онъ говорилъ женѣ: «Пришла ты, княгиня, мнѣ въ любовь, и я тебя въ этой вины прощу: а то бы тебѣ головка сѣчи!» Онъ добился такимъ способомъ, что княгиня сама рѣшила: «Негоденъ Чурилушка въ постельнички, во наши во постели княженецкія,» и сама же сбыла его въ позовщики; а въ позовщикахъ Чурило какъ разъ натолкнулся на Ерму, отъ котораго молодая давно ждала избавленія. Ревнивый старикъ скоро узналъ, явился въ домъ, гостя скрыли, но онъ узналъ его присутствіе, между прочимъ по колпаку: борьба разразилась. По однимъ пѣснямъ, онъ убилъ Чурилу; по другимъ, и вѣроятнѣе, сорвалъ гнѣвъ на женѣ, а Чурилу отпустилъ и даже побратался съ нимъ: «До тебя-то мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка, мы съ тобой, Чурило, побратуемся.» Мы говоримъ—вѣроятнѣе, ибо наше былевое творчество, нашъ эпосъ по преимуществу избѣгаетъ трагическихъ катастрофъ, и, въ одной пѣсни допуская ихъ, въ другой старается уже сгладить ихъ и пустить

дѣло въ теченіе спокойное, гдѣ бы столкнувшіяся стороны нашли хоть худой миръ, да лучше доброй ссоры, гдѣ бы враждующія начала не разорвали окончательно связи и послѣдовательности своихъ отношеній, гдѣ бы, наконецъ, возможно было мѣсто и для шутки (мы это знаемъ изъ исторіи Данилы и Ставра). Такъ и здѣсь, при всей необходимости кровавой борьбы между старымъ и новымъ началомъ, творчество пользуется тѣмъ, что есть между ними сроднаго внутри и миритъ ихъ.

Не смотря, однако, на этотъ миръ, дѣло сдѣлано, подвигъ Чурилы совершенъ: Ерма посрамленъ и обезчещенъ, на завтра же, а отсюда на все будущее. Съ вечера роковаго дня пороша порошила, съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ: къ дому, отъ дому Ермы оказались слѣды,—начинается дѣло о слѣдахъ, извѣстное и въ миѳахъ классическихъ по поводу кражъ Гермеса. Люди шли, видѣли. Иные, конечно молодежь неопытная, дивуются: «либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай,» — такъ легка была походка Чурилы, таковы были слѣды отъ легкихъ и изящныхъ, герметическихъ ногъ его,—«по той-то порошѣ два слѣдочка лежатъ, малешеньки, малымъ-то малы, коротешеньки.» Но «стары старики,» которые, мы видѣли, преимущественно разумѣли Чурилу, сказали не то: «Чьи это слѣдки малешеньки, малымъ-то малы, коротешеньки? Это молода Чурила, сына Плёнковича;» «а иные тутъ усмѣхаются, усмѣхаются—сами говорятъ: «« знать, это не зайка скакалъ, не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай: это шелъ Чурила Пленковичь къ старому Бермятѣ Васильевичу.»» Старикъ погибъ навсегда: ему не показаться между товарищами, ни передъ Владиміромъ, ни въ Кіевѣ.

Таковъ былъ главный подвигъ Чурилы, главное событіе изъ его Кіевской жизни: *Посрамитель Ермы*, вотъ его прозвище съ тѣхъ поръ, и дѣйствительно, былины на этомъ больше и останавливаются. Такъ, въ подобномъ же дѣлѣ, Гермесъ получилъ себѣ вѣчное прозвище—*Ἀργειφόντης*, «Убійца Аргоса.» Другіе богатыри Кіевскіе низлагали древнія начала, язычество, кочевье, борьбою кровавой и съ помощію началъ христіанскихъ: Чурило упразднилъ старое начало жизни въ немъ самомъ, его же средствами.

Итакъ, не былъ ли и не есть ли Чурило *миѳъ*? Сохрани Богъ: самое живое существо, богатырь самый образный, весь плоть, безъ рефлексіи, лишь въ очертаніяхъ народнаго творчества. Сквозь образа сквозитъ миѳъ: но самый образъ не есть миѳъ, а образъ твор-

ческій, поэтическій, съ жизнью тогдашней поры, въ обстановкѣ всего тогдашняго порядка вещей. Миѳъ есть образъ и оболочка вѣросознанія, вѣросознаніе же есть сознаніе непосредственно обращенное къ божеству: а въ образѣ Чурилы одно непосредственное отношеніе—къ жизни дѣйствительной, одна непосредственная жизнь—жизнь народнаго искусства. Жизнь вытекала изъ пройденныхъ языческихъ началъ вѣросознанія, но только лишь вытекала, а видъ ея бытія былъ новый, а сама она стала уже жизнью историческою. И тѣмъ болѣе Чурило, и всѣ соприкасающіяся ему лица, суть лица живыя, что у другихъ богатырей дѣло идетъ о подвигахъ внѣшнихъ, полевыхъ, ратныхъ, гдѣ возможнѣе вторженіе и господство миѳа, а въ повѣсти Чурилы вся жизнь внутренняя, городская, посадская. Повторите съ этой стороны высказанную нами характеристику Чурилы какъ *богатыря-Посадскаго*, *Горожанина*.

Прибавимъ два слова объ имени *Чурило*, *Чурила*. Какъ въ греческомъ, какъ въ *Ермѣ*, звукъ *м*, сказали мы, есть принадлежность причастной формы, такъ и *—ило* есть причастное; *л* и *м*, сказали мы также, роднится съ указательнымъ, повторительнымъ, или, какъ чаще называютъ, собирательнымъ *в*: отсюда *кур-ева* и соотвѣтствующее, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, *Чур-ива*. Имя это извѣстно и внѣ народнаго творчества, въ положительной исторіи, въ быту: чешск. *čuřidlo*, *čeřidlo* (чуридло, черидло), харя, страшилище, вѣроятно по отношенію къ грубымъ образамъ Чура; чешск. *čurydlo*. польск. *czuryło*, названіе растенія; въ округѣ Перемышля, въ Галицкой землѣ или Червонной Руси, откуда явился Дюкъ (см. «Замѣтку» въ 3-мъ вып.), *Чурыло*,—знаменитая фамилія, извѣстная съ XV вѣка: одинъ изъ нея, Мартынъ, былъ знаменитый ратоборецъ въ XVI вѣкѣ противъ Татаръ и Волоховъ; тамъ же есть отрывки какихъ-то древнихъ пѣсень и сопровождающая ихъ пляска *Джурылло* или *Цюрылло* (Жегота Паули, ч. II, стр. 149, 150).

Распространившись на этотъ разъ объ миѳологіи, вскрывши ея слѣды подъ образами народнаго творчества и указавъ ея законное отношеніе къ сему послѣднему и къ исторіи положительной, вообще мы очень рады, что намъ удалось высказать нѣсколько свои воззрѣнія на это дѣло по поводу Чурилы, Чура и Гермеса, черты которыхъ наиболѣе ясны и данныя наиболѣе близки къ наукѣ положительной. При разборѣ Замѣтокъ, прибавленныхъ нами къ изданію

пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниковымъ, ревнуя о славѣ современной науки, насъ заподозрили въ какомъ-то невниманіи къ ней по части миѳологіи. Въ самомъ же дѣлѣ мы не находимъ миѳологіи лишь тамъ, гдѣ ея нѣтъ: на нѣтъ и суда нѣтъ. А гдѣ есть ея слѣды, тамъ мы предпочитаемъ итти съ осторожностію и намѣренно стараемся, чтобы наши выводы не походили на разсужденія современныхъ русскихъ миѳологовъ. Для нихъ безъ различія все равно въ язычествѣ, что̀ вѣросознаніе и что̀ народный бытъ, народное творчество, что̀ ѳеогонія и что̀ отвлеченное воззрѣніе или исторически сложившееся понятіе, что̀ миѳологія и что̀ демонологія, что̀ космогонія и что̀ явленія внѣшней природы. Для нихъ свѣтъ, огонь, тепло, холодъ, лѣто, зима, весна, зоря, ночь, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вѣтеръ, молнія, дымъ, конь, быкъ, и тому подобныя рѣдкія явленія природы, съ прибавкою изъ третьей руки долетѣвшихъ фразъ объ язычествѣ, о первобытномъ воззрѣніи, о непосредственности бытія, о близости человѣка къ природѣ, и т. п., все это дало для плодовитыхъ излѣдователей неизсякающую и незыблемую почву для построенія самой богатой Русской Миѳологіи, угрожающей скоро затмить всѣ миѳологіи дохристіанскаго міра. На памяти нашей въ *га-уранѣ* (гавранѣ, во̀ронѣ) нашли префиксъ *га* и *Урана*; *синюю молнію* смѣшали съ *синимъ кафтаномъ* и удачно разъяснили тѣмъ Перуна; *калиновые* мосты, производя отъ *калить*, перекинули въ миѳическихъ воззрѣніяхъ народа черезъ огненныя рѣки и тѣмъ дали намъ возможность догадаться, что пѣсня — «ужь какъ по мосту-мосту, по калиновому» вытекаетъ изъ орфической ѳеософіи. Сто̀итъ только чихнуть отъ насморка или промолвиться любой старушкѣ, чтобы этимъ изслѣдователямъ создать уже новое Русское божество отдаленной миѳической эпохи, со всѣми аттрибутами грознаго явленія, ввести его въ антагонизмъ съ Христіанствомъ и съ любопытствомъ слѣдить за перипетіями отчаянной борьбы: игра, составляющая для ученыхъ такое же привлекательное занятіе, какъ ералашь для остальнаго нашего общества. Нѣкоторые трудолюбцы, возлюбивъ этотъ скользкій путь, спасаютъ еще себя, придерживаясь, можетъ быть безсознательно, данныхъ языка, который, какъ всякая природа, не даетъ изслѣдователю оступиться слишкомъ глубоко и назвать, на примѣръ, ногу носомъ, желудокъ головою, растеніе камнемъ, металлъ воздухомъ. Но ревностные ихъ глашатаи и усердные подражатели, оторвавшись отъ природы, т. е.

въ этомъ случаѣ отъ языка, на пути къ наукѣ повисли въ воздухѣ. Отъ этого Магометова гроба и Турецкаго прогресса если не спасетъ кого природный здравый смыслъ и способность къ самостоятельному научному труду, то недостаточна ему будетъ попавшаяся подъ руку популярная Нѣмецкая книжка, и желательно, по крайности, во избѣжаніе соблазна, чтобы онъ для Миѳологіи, какъ науки, ознакомился хотя съ такими крупными явленіями Запада, какъ изданныя нынѣ творенія Шеллинга. Тогда онъ пойметъ, что рыться въ мнимомъ язычествѣ, безъ разумѣнія языка и безъ примѣненія началъ разума, не значитъ еще стать въ ровень съ требованіями современной науки; держаться воззрѣній самого народнаго творчества безъ рефлексіи, всматриваться въ явленія народнаго духа безъ пугливости передъ высшею, христіанскою ступенью его развитія, наконецъ пользоваться положительными историческими данными безъ тупости, — не значитъ еще не признавать истиннаго смысла въ миѳологіи, отвергать язычество или не любопытствовать эпохою доисторической.

—

Михайло Казарянинъ возвращаетъ насъ отъ соприкосновенія съ миѳологіею опять въ міръ болѣе внѣшній. Онъ богатырь заѣзжій, со стороны прибывшій въ Кіевъ. Знаемъ мы изъ *Козаръ* также *Жидовина*, богатыря, иногда въ пѣсняхъ смѣшаннаго со Збутомъ (см. 1-й и 4-й вып.): но то представитель Востока, врагъ Кіева и всего Владимірова порядка вещей. Не таковъ по всему Михайло Козарянинъ или Казарянинъ, прибывшій служить и служившій Владиміру: стало быть мы должны искать его родину въ другомъ мѣстѣ, на другой, не восточной почвѣ. И дѣйствительно, онъ пріѣзжаетъ, сказано въ былинѣ, изъ *Волынца* изъ *Галичья* , съ Волыни , съ Червонной Руси. Повѣсть о немъ совершенно одинакова съ повѣстью *королевичей изъ Крякова, Луки* и *Петра Петровичей:* та же поѣздка къ Кіеву, тотъ же вѣщій воронъ на дорогѣ, та же отсылка къ Татарамъ, та же находка у Татаръ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Михайло нашелъ здѣсь родную сестру, а Петръ Петровичь родного брата (ср. Рыбник., ч. I, стр. 413—422) ; даже по отчеству Михайло также названъ *Петровичемъ.* Между тѣмъ Королевичи изъ Крякова , говорили мы выше , сходны съ двумя братьями *Збродовичами*, по отчеству также *Петровичами.* Намъ извѣстно

(вып. 2-й), что сестра ихъ погрѣшила съ Алешею и за него послѣ выдана: а Михайло Казарянинъ находитъ сестру у Татаръ и привозитъ ее въ Кіевъ, и точно также спасаетъ дѣвушку отъ Татаръ Алеша, совершенно съ тѣми же обстоятельствами разсказа; наконецъ также точно привозитъ въ Кіевъ *Збродовичну* Дунай, и привозитъ съ Запада (вып. 3). Стало быть, несомнѣнно почти, что по народнымъ представленіямъ два брата *Збродовичи*, *два королевича изъ Крякова*, и *Михайло Казарянинъ*, какъ одинъ изъ нихъ, совершенно одно и то же; а вполнѣ несомнѣнно, что всѣ эти лица съ *Запада* и *Юго-запада* сравнительно съ Кіевомъ, т. е. изъ Волыни, Галича, Червонной Руси и даже изъ Кракова, съ границъ Славянъ Западныхъ, изъ-подъ Ляховъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что стало быть эти лица одной родины съ *Залѣшанами*, о которыхъ говорили мы выше, и съ *Дюкомъ*, пріѣзжавшимъ въ Кіевъ также изъ *Волынца Галичья* (вып. 3). Однимъ словомъ, цѣлая масса лицъ изъ этого краю, Западнаго или Юго-западнаго, особенно съ Волыни, Галицкой и Червонной Руси, отъ Татръ или Карпатъ; всѣ они схожи чертами, всѣ въ Кіевѣ и въ тогдашней Руси Владиміровой заѣзжіе, ѣдутъ и не доѣзжаютъ до Кіева, пріѣзжаютъ и скоро вонъ, или же остаются, но особенными подвигами не выдаются предъ настоящими Владиміровыми богатырями, или же наконецъ не различаются рѣзкими чертами какъ лица, а представляются творчеству кучами, какъ Залѣшане, Збродовичи. Вспомнимъ же, что̀ говорили мы о населеніи древней Кіевской области, или, лучше, области древняго Владимірова, старшаго русскаго государства, при коемъ началась положительная русская исторія и которое вошло цѣликомъ въ былевое творчество; вспомнимъ, что это была Русь, позднѣе отсюда ушедшая, позднѣе обособившаяся Великою; по пятамъ ея подвигалась на оставляемыя жилища другая Русь, обособившаяся въ Малую, оставившая за собою ближайше родственную Русь Червонную, а въ крайнемъ предѣлѣ своемъ исходившая отъ Татръ, Европейской колыбели послѣдняго разселенія Славянъ. Все это, разумѣется, дѣлалось постепенно, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ, по самой постепенности племенныхъ особенностей, начиная отъ Карпатской Руси на ея корню, черезъ Червонную, до Малой, и отсюда до Великой. Сначала, въ эпоху Владиміра, въ этихъ родственныхъ краяхъ, Подоліи, Волыни, Галичѣ, и т. д. до Кракова и до Татръ, родственное племя, смотря по степенямъ

родства, мѣнялось съ Кіевомъ сношеніями, богатырями, перехожими людьми, и т. д.; то же повторялось конечно при ближайшихъ, послѣдующихъ за Владиміромъ князьяхъ, при чемъ однако племенныя и историческія различія съ теченіемъ времени должны были рѣзче опредѣляться и разграничиваться; когда же, послѣ Татарскаго погрома, Русь, прежде бывшая въ Кіевской области (беремъ это названіе широко, какъ замѣтили выше), двинулась отсюда, унося съ собою живѣйшія преданія и старшее былевое творчество, когда разселилась въ другихъ краяхъ, тогда, оборачиваясь назадъ къ своимъ преемникамъ, пришедшимъ позднѣе по слѣдамъ, эта Русь, уже обособившаяся Великою, представляла ихъ въ своихъ творческихъ образахъ, воспоминавшихъ Кіевъ и Владиміра, въ слѣдующемъ видѣ: или какъ богатырей кучею, Збродовичей, Залѣшанъ; или и порознь, лицами, но все-же какъ отличныхъ отъ нея и особенныхъ; они, хоть бы и служили Кіеву, но представлялись пришлецами, заѣзжими; иные ѣхали до Кіева, но не доѣхали, т. е. не застали уже тамъ прежней Руси (какъ Королевичи изъ Крякова); иные пріѣзжали, совершенно равнялись богатырямъ Кіевскимъ, какъ Дюкъ Чурилѣ, но уѣзжали назадъ на родину и двоили лицо одного и того же богатыря; третьи, какъ на примѣръ Михайло Казарянинъ, вступали въ службу Владиміра, но не успѣвали совершить ему важныхъ подвиговъ, ибо Русь, представителемъ коей былъ Владиміръ, ушла оттуда, и проч., и проч. Таковы были представленія народнаго творчества, унесенныя изъ Кіевской области въ области Олонецкую, Архангельскую, Сибирскую и т. д. Между тѣмъ, въ самой жизни и дѣйствительности, Русь, вступившая на оставленныя пепелища прежней, успѣвшая на пути еще болѣе обособиться, съ разу почти является на новыхъ мѣстахъ жительства отличною, съ задатками козачества и потомъ съ самимъ козачествомъ, съ былевымъ творчествомъ козаческимъ, съ Думами, о которыхъ говорили мы выше: это уже Русь Малая. Преданія о томъ, что̀ нѣкогда совершалось на почвѣ, занятой ею, въ творчествѣ Руси-преемницы остались лишь обрывками, образами не полными, не живыми, или передѣланными въ новую форму козачества, большею частію какъ слѣды, собранные по пятамъ ушедшихъ, или затвердѣвшіе и кристаллизовавшіеся въ нынѣшней Малой Руси, Подоліи, Волыни, Руси Червонной, Татранской, вслѣдствіе прежнихъ связей и сношеній съ старымъ Кіевомъ, съ старою Русью, отхлынувшею въ родное лоно Великой. Пополнить или исправить недостатки

нашего объясненія со стороны исторической и филологической предоставляемъ такимъ историкамъ и филологамъ, какъ М. П. Погодинъ и П. А. Лавровскій. Мы же съ своей стороны утверждаемъ лишь, что таковы именно представленія народнаго великорусскаго былеваго творчества, образы, имъ созданные, говорящіе положительно за себя какъ достаточныя данныя и не допускающіе другаго болѣе удачнаго объясненія. — Остается сказать намъ, отчего же Михайло, высланный передовымъ изъ Юго-западнаго края въ Кіевъ, передовой движенія, шедшаго оттуда на мѣста покидаемыя и первый *козакъ*, названъ *Казариномъ*,—Козаряниъ, Казаряниъ? Имя *Козаръ*, что бы ни говорили, есть чисто-Славянское, хотя и усвоенное народу инаго племени, восточнаго. Корень *коз-* есть тотъ же, что *код-*, *кот-*, *кошт-*, *кощ-*, *кош-*, *коч-*, корни, являющіеся въ словахъ *кочевье*, *Кошь* и *Кощей* (по сербски *козош*), *кошь* козацкій, и т. п., съ значеніемъ движенія, блужданія, бродячести, кочеваго быта, и т. д. Окончаніе *аръ*, *арь* опять чисто-Славянское; прибавка дальнѣйшая, для выраженія единичности, *янъ*, *инъ*, *янинъ* опять чисто-Славянская. Когда кочевье миновало для сложившейся Руси, тогда его имя перенесено преимущественно на тѣ народы, кои еще продолжали кочевать или кристаллизовались и замерли въ такомъ бытѣ, не вышедши изъ него ни къ чему новому,—т. е. на народцы и народы вообще восточные, безпрерывно надвигавшіе на Русь или съ ней сталкивавшіеся (Козары, Печенѣги, Половцы, Татары; отъ того же корня ведетъ начало сильно распрастраненное у Славянъ и Венгровъ имя *Гус-аръ*, *Хус-аръ*, которое покойный Шафарикъ ошибочно производилъ отъ *cursor*, *корсаръ*, и которое значило кочевую, бродяжную жизнь, хайдучечество по землѣ и по водѣ, потомъ конницу, конницу при правильныхъ и пѣшихъ строяхъ). Когда при стычкахъ съ ними и по внутренней необходимости движенія, у Земли Русской образовалась Земская Дружина, отчасти сходная съ пройденнымъ кочевьемъ (о сходствѣ и различіи смотри выше), отчасти уподоблявшаяся врагамъ-кочевникамъ (съ волками жить — по волчьи выть), то въ именахъ ея дѣятелей, богатырей, въ изображеніи ихъ дѣятельности, на языкѣ народнаго творчества весьма часто повторялись корни словъ, означающихъ кочевье (примѣры см. выше). Когда же наконецъ, въ послѣдующей Малой Руси явленія эти повторились въ громадныхъ размѣрахъ, когда все стало дружиною, все движеніемъ, все врагомъ

кочевниковъ, когда такимъ образомъ среди положительной исторіи повторились явленія кочеваго быта съ страшною и поразительною силой, тогда эти явленія обозначены всѣ и прямо словами древняго корня *коз-*: *коз-акъ*, *козачество*, *козацкій*, и проч. Самое здѣсь окончаніе *акъ* (санскр. *êка*, одинъ, являющееся не только въ *акъ*, но и *ѣкъ*, *ецъ*, и т. п.) есть совершенно то же по значенію, что *янъ*, *инъ* (одинъ) въ словѣ *Коз-ар-инъ*, *Коз-ар-ян-инъ* (впослѣдствіи *козаки*, то же, что *гусары*, получили значеніе конницы, легкой и летучей, при строевыхъ и пѣшихъ полкахъ). Итакъ несомнѣнно, что слово *Козаринъ*, *Козарянинъ* совершенно то же, что *козакъ*, и Михайло Козарянинъ сдѣлался для Великой Руси передовымъ образомъ Козачества Руси Малой.

—

О *Соловьѣ Будимíровичѣ* мы не можемъ прибавить ничего особеннаго къ тому, что̀ уже сказано нами при изданіи Пѣсень П. Н. Рыбникова («Замѣтка,» стр. III). Образъ удалаго морскаго наѣздника, съ какого-то отдаленнаго «острова» подъѣзжавшаго на кораблѣ подъ самый Кіевъ, то есть подъ самыя поселенія древней Руси (подобно какъ Варягъ Олегъ подъѣзжалъ кораблями на колесахъ подъ самый Царьградъ), стоявшаго здѣсь на якоряхъ, такъ что ходили къ Кіеву «посмотрѣть чернаго ка́рабля, яснаго Со́кола (вып. 1, стр. 77),» и этимъ Соколомъ настигавшаго русскихъ богатырей въ плаваніи, удивлявшаго Русскихъ богатою добычей и плѣнявшаго невѣстъ заморскими диковинками, а между Русскихъ ни съ кѣмъ не сроднаго, — весь этотъ образъ есть прямой образъ удальца при-балтійскаго, былъ ли то отважный Норманнъ, или, скорѣе, одинъ изъ Поморянъ, изъ Славянъ Западныхъ, во всякомъ случаѣ изъ той доисторической эпохи, которую мы выше назвали Алатырскою, когда Русскіе жили близко къ Балтійскому морю и вели по немъ торговыя сношенія. Хотя образъ сей былевымъ творчествомъ и введенъ въ жизнь Кіевскаго, Владимірова времени, но онъ рѣзко отсюда выдѣляется, и возвышенное начало былины, посвященной Соловью, показалось для позднѣйшей Руси натянутымъ, породивши перелицовку (Кирша, Предисловіе, стр. XXXIII):

Высока ли высота—потолочная;
Глубока ли глубота—подпольная;

А и широко раздолье—подъ печью шестокъ;
Чистое поле—по подлавечью;
А и синее море—въ лохани вода.

—

Былины *О гибели русскихъ витязей* и *Аникѣ Воинѣ* заключаютъ время Владимірово и даже весь рядъ богатырскихъ образовъ, съ нимъ связанныхъ: здѣсь Земская Дружина, въ своемъ древнемъ образѣ богатырства, умираетъ, гибнетъ или исчезаетъ. Мы видѣли уже, какъ представители эпохи доисторической, богатыри Старшіе, гибли при встрѣчѣ съ Землею, въ соприкосновеніи съ лицами новаго порядка вещей; слышали не разъ въ подвигахъ Кіевскихъ богатырей глухой гулъ или отзывъ глухой борьбы ихъ съ силами стихійными, съ остатками быта кочеваго. Когда борьба эта кончилась, когда совершена была задача, наступилъ мало по малу конецъ и богатырямъ Кіевскимъ, и Владиміровой эпохѣ творчества. Передъ нашимъ взоромъ не одинъ уже дѣятель этого періода, перваго для исторіи, втораго или даже третьяго относительно глубины доисторической, подвергся роковой участи: одинъ исчезаетъ безъ вѣсти, другой каменѣетъ, третій сходитъ въ подземелье, въ пещеры, въ мощи, или начинаетъ строить церкви, обращается въ калѣку перехожаго, поядается страшнымъ чудовищемъ, и т. д. Конечно, бóльшая часть этихъ образовъ сведена къ Ильѣ Муромцу, главному представителю Земли и ея Дружины: но не рѣдко участь одинаковая дѣлится и другими лицами, Чурилою, Добрынею (который въ одной печатаемой пѣсни изъ собранія П. Н. Рыбник. гибнетъ подобно Аникѣ), и т. п.; во всякомъ случаѣ и судьба Муромца, какъ представителя главнаго, падаетъ и дѣлится на прочихъ его сотоварищей; а изъ двухъ былинъ, къ которымъ теперь перешли мы, въ первой гибнутъ эти лица въ борьбѣ съ «силою не здѣшнею» или «каменѣютъ,» въ Аникѣ же подкашиваются Смертію. Когда С. П. Шевыревъ, въ своихъ Чтеніяхъ о Русской Словесности, передалъ содержаніе первой изъ сихъ пѣсень со словъ г. Никотина, невольно у многихъ любителей и знатоковъ древности явилось сомнѣніе въ народномъ происхожденіи разсказа: напечатанное послѣ г. Л. Мемъ сполна (см. вып. 4) и оправданное отрывкомъ въ собраніи П. Н. Рыбникова (ч I, стр. 118, 119), дѣло раскрылось яснѣе, внѣ всякихъ недоумѣній;

повѣсть же объ Аникѣ издревле ходила и доселѣ ходитъ въ народѣ, — слѣдовательно сомнѣнія въ этихъ памятникахъ народнаго творчества никакого быть не можетъ, хотя и записаны или переданы они не вездѣ точно и хотя дѣйствительно имѣютъ характеръ, отличный отъ прочихъ былинъ. Мы должны уяснить эту особенность, откуда ея происхожденіе, что за гибель и смерть, послужившая здѣсь содержаніемъ. Первый, Кіевскій періодъ положительной русской исторіи, взятый творчествомъ какъ единый, цѣльный моментъ, кончился во внѣшней дѣйствительности нашествіемъ Татаръ: это крайній предѣлъ, до коего доходитъ и міросозерцаніе былинъ Владиміровыхъ; хотя отдѣльные богатыри и бьются съ Татарами, и вторгаются въ эпоху Владиміра событія и имена Татарскія, но эта явная вставка не измѣняетъ сущности дѣла. Сила Татарская, и послѣ частныхъ побѣдъ богатырскихъ, не исчезаетъ, остается все-таки страшною, все-таки, говорятъ былины, является «нездѣшнею,» «все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ,» и нѣтъ конца-краю, и пересѣлись витязи, и бѣгутъ въ пещеры, и каменѣютъ. Самыя лѣтописи, какъ мы видѣли (вып. 2, Прилож., стр. XVII—XIX), приводятъ богатырей погибать на Калкахъ, Добрыню, Алешу, Торопа,—слугу ихъ, и семьдесятъ прочихъ. Самая область Кіевская (въ помянутомъ, широкомъ смыслѣ), дѣлаясь становищемъ Татаръ, совершенно пустѣетъ; прежніе ея обитатели переселяются на окраины Руси, отселѣ обособившейся Великою, гдѣ ожидали ихъ совсѣмъ иныя мѣстности, отношенія, задачи, гдѣ былевое творчество ихъ могло быть только воспроизведеніемъ прежняго или воспоминаніемъ, а не продолженіемъ, не новымъ послѣдовательнымъ и дальнѣйшимъ развитіемъ. Какъ здѣсь, въ новомъ быту переселившейся Руси, такъ и повсюду у Великой Руси, вслѣдствіе условій новой жизни, мало по малу измѣняются начала старой. Земская Дружина уступаетъ Княжеской свое мѣсто и значеніе: Земля безъ нея не имѣетъ прежнихъ героевъ для былеваго дальнѣйшаго творчества, и, замолкши объ нихъ, замолкаетъ объ самой себѣ, тѣмъ болѣе, что мало по малу уступаетъ Государству. Подошедшая и явившаяся Малою, Русь поставлена особнякомъ: ея дружины, ея Козачество, напоминаютъ старую Дружину Земскую, но въ сущности совсѣмъ уже иное, ибо здѣсь все Дружина, все Козачество, Дружина на мѣстѣ Земли, а не какъ передовая ея высылка, не какъ доля и отпрыскъ. Тамъ свои Думы о герояхъ козацкихъ, но Думы совсѣмъ иныя,

чѣмъ Кіевскія, Владиміровы Былины; и какъ ни славны эти герои дома, замѣчательно полное и рѣшительное безучастіе къ нимъ въ Руси Великой: ни одному не посвящена новая Былина, ни одинъ даже не помянутъ по имени; разъединившись нарѣчіемъ, народъ Великорусскій—такъ называемый простой—не знаетъ, не слушаетъ, даже не читаетъ напечатанныхъ этихъ Думъ. У него съ теченіемъ времени появляются свои *Украйны*, какъ на примѣръ Сибирская, Волжская, Донская, съ своимъ *козачествомъ*, и ему посвящаются особыя, новыя Былины: но эти Дружины, по мѣстности, по врагу, съ коимъ боролись, по внутреннимъ условіямъ быта, по отношеніямъ къ Государству, изъ коего исходили, коему служили и къ коему возвращались, глубоко опять отличны отъ давней Дружины Кіевской, Земской. Даже въ своей особенности отъ Государства, по которой Козакъ часто представлялся его врагомъ, эти Дружины не сходны были съ прежнею. Былины, имъ посвященныя, новыя, неизмѣримо слабѣе и мельче древнихъ по творчеству, далеко не всеобщи и держатся преимущественно въ мѣстностяхъ лишь самихъ Украйнъ. Вся средняя полоса Великой Руси, Земля Государева, продолжаетъ былевое творчество въ новомъ совершенно видѣ, *Княжеское* и преимущественно *Московское*, впослѣдствіи *Царское*, общее прочимъ краямъ лишь по стольку, по скольку Москва своимъ Государствомъ имѣла на нихъ вліяніе, общее болѣе внѣшнею своею постановкой, внѣшними пріемами, чѣмъ внутреннимъ характеромъ, и во всякомъ случаѣ низшее, слабѣйшее, глубоко отличное отъ древнѣйшаго Кіевскаго, Владимірова. Въ собственномъ смыслѣ общимъ достояніемъ Великой Руси остались тѣ лишь Былины, которыя исходили изъ періода Кіевскаго и всего лучше, полнѣе сбереглись на окраинахъ, Олонецкой, Архангельской, Пермской, Сибирской, и т. д. Вотъ почему Былины Владиміровы, распространяясь отъ окраинъ, несравненно легче и скорѣе принимаются всемъ сердцемъ Великой Руси, въ средней полосѣ ея и прочихъ мѣстностяхъ, чѣмъ на оборотъ: въ нихъ съ разу народъ чувствуетъ совершенно все свое родное, и такое древнее, которое своими общими началами роднитъ послѣдующія развѣтвленія. Но эта общая и наиболѣе всѣмъ родная старина держится только стариною: былины Кіевскія разбиваются на отрывки, мельчаютъ или начинаютъ забываться; вновь такихъ былинъ твориться не можетъ; былины позднѣйшія, Княжескія и Московскія, во всемъ, что въ нихъ есть лучшаго творческаго, живутъ силою творчества стараго, его привычными

или повторяющимися пріемами; новизна входитъ уже несравненно слабѣйшая внутреннею силою. Такимъ образомъ само былевое творчество слабѣетъ, истощается силою, а на рубежѣ Старой и Новой Руси, или, лучше Руси и не-Руси, совсѣмъ умираетъ, оставляя отъ себя лишь корчи умирающаго трупа или безжизненныя черты въ пѣсняхъ Петровскихъ, Елисаветинскихъ, Екатерининскихъ, Александровскихъ, солдатскихъ. По временамъ, отъ тока струи народной, коснувшагося издалека, трупъ этотъ вздрагиваетъ, какъ будто хочетъ ожить, но смерть не обманешь, а ея первыя захваты начались еще при завершеніи Кіевскаго-Владимірова творчества; тамъ, при заключеніи цикла, первый шагъ приближавшейся смерти. Безъ обновленія и постояннаго новорожденія началъ жизни, нѣкогда дѣйствовавшихъ, перестали вновь твориться и былины, остановившись лишь на прежнемъ содержаніи, лишь перебирая его въ своихъ отрывкахъ, а порожденія новой жизни и силы, былины позднѣйшія, не замѣнили для народа старыхъ и только разнесли въ себѣ тѣ же сѣмена смерти. Но въ природѣ всякой, а тѣмъ болѣе народной и духовной, не можетъ быть полнаго уничтоженія безъ замѣны, гибели безъ претворенія во что либо новое, пустоты безъ осѣмененія новыхъ плодовъ бытія. Творчество Былинъ претворилось въ творчество Стиховъ. Былины богатырскія, княжескія, московскія, козацкія, сопутственно своему послѣдовательному развитію, или, лучше, вымиранію, выдѣляли отъ себя силы въ творчество Стиховъ Былевыхъ, Міровыхъ, Евангельскихъ, Заповѣдныхъ; духъ былъ прежде въ сопроникновеніи съ плотью, идея съ формою, жизнь съ образомъ: теперь, нарушивши единство, царившее въ Былевомъ богатырскомъ творчествѣ, въ Былинахъ, теперь начала выдѣляться особая духовная область, съ перевѣсомъ духа, откуда содержаніе такъ называемое *духовное*, произведенія *духовныя;* это особыя повѣсти, легенды, сказанія, притчи, и т. п., а во главѣ ихъ все-таки Стихи, болѣе близкіе по творчеству къ основнымъ его началамъ и къ Былинамъ. И весь этотъ родъ творческихъ созданій, такъ называемыхъ духовныхъ, прошелъ также свой путь, подобный пути Былинъ, путь послѣдовательнаго творчества, отъ Стиховъ Міровыхъ и Былевыхъ, Евангельскихъ, до Умиленныхъ, Душеполезныхъ, Задушевныхъ; когда же онъ и на этой почвѣ духовной жизни не удержался, когда отдался внѣшности, связался съ писменностью, ученостью, обрядностью, тогда оставленъ народомъ на поверхности, осужденъ былъ также повторять лишь

старое и замирать, а въ болѣе сокровенныхъ областяхъ народнаго вѣрующаго духа возможно стало еще болѣе глубокое овнутреніе. Въ нѣдрахъ самого Православнаго духа начался религіозный процессъ, подобный, хотя обратный, тому, который совершался нѣкогда въ человѣчествѣ до Христіанства, началось исканіе истины Православнаго вѣросознанія на самой почвѣ вѣросознанія, подпавшей переработкѣ, раздору и борьбѣ. Явился расколъ, начавшій болѣе внѣшностью и обрядностью, но скоро переведшій борьбу въ самую сокровенную, въ самую внутреннюю область Православнаго духа: всю его исторію, на каждой ступени, сопровождали свои Стихи, Стихи особаго рода, также отъ Былевыхъ Старообрядческихъ до самыхъ духовнѣйшихъ Духоборческихъ. Такова въ короткихъ чертахъ, исторія народнаго творчества, которую можно характеризовать приведеннымъ довольно варварскимъ, но ближайше-выразительнымъ словомъ — овнутреніе, одухотвореніе, на пути, отъ нарушенія равновѣсія между образомъ и жизнью, формою и идеей, къ чистой области духа. Хорошъ ли этотъ путь или нѣтъ, надежна ли цѣль или нѣтъ, хорошо или нѣтъ все это дѣло,—отвѣчать можетъ не теорія и не догматика, а единственно жизнь и исторія. Только одно вѣрно, что такому духу творчества отвѣчала своимъ ходомъ и жизнь Великой Руси, и она-то выражалась въ исторической послѣдовательности образовъ творчества; творчество народное передало намъ въ своихъ образахъ и исторію подлежащей ему жизни, и исторію себя самого. Такъ, мы видимъ, что въ жизни, подобно какъ въ выражавшемъ ее творчествѣ, нѣкогда нарушено было равновѣсіе, вслѣдствіе чего Земля скрылась съ поприща внѣшней, государственной исторіи, и съ этой стороны названа *исчезающею, каменьющею, умирающею, гибнущею*. Но, съ другой стороны прошла и пора ея внѣшности, ей предлежало пройти исторію болѣе внутреннюю, на этомъ пути очистить, что̀ наросло на ней внѣшняго и грубаго, отъ старины язычества, отъ былаго кочевья, отъ торжества побѣды надъ прошлымъ, не знавшаго предѣла удали и обращавшагося въ грубую внѣшнюю силу, выражавшагося богатырствомъ Кіевскимъ; а богатырство грозило сдѣлаться деспотизмомъ физическимъ, безмѣрнымъ наливомъ грубыхъ силъ въ тягость всему народу. Потому, отбросивъ эту форму бытія, даже отчасти по собственному побужденію, народъ уходилъ отъ внѣшности внутрь себя, къ своимъ началамъ и основамъ, къ своему народному духу, ища тамъ спасенія: онъ, мы видѣли, шелъ въ *подземелья*, скры-

вался въ *пещеры*, *умиралъ* для внѣшности, чтобы ожить внутренно, умиралъ не трупомъ, а *мощами*, соблюдающими жизнь среди самого умиранія. Прежняя грубая и внѣшняя сила народа отдѣлялась какбы особое, отдѣльное существо, назначенное судьбою казнить народъ, вгонять его внутрь себя. Такъ въ Былинѣ «о гибели витязей» Татары, сила грубая, внѣшняя, избрана карою для народа; богатыри справились бы съ нею, но расхвастались собственною внѣшнею силою, и она выросла надъ ними силою карающею; изъ Татаръ, «силы нездѣшней» по смыслу простому, т. е. чужеродцевъ, иноплеменниковъ, изъ этой силы побитой во внѣ, встаетъ «сила нездѣшняя» въ качествѣ уже высшей, карающей, небесной: то, что̀ въ этой силѣ поразило, смяло витязей, то была ихъ собственная грубая сила, обрушившаяся на главу ихъ карою; то же, что̀ толкало эту силу, погнало на витязей, заставило карать ихъ, то была сила внутренняя. И повинуясь неодолимому наступанію и безпрерывному росту этой силы внутренней, народъ бѣжитъ въ пещеры, Земля подъ землю, т. е. внутрь себя, къ духу своему, гдѣ она живетъ и творитъ, доколѣ есть духъ. Тамъ жилъ всегда этотъ духъ, былъ намъ основой, соблюлъ намъ до настоящаго дня надежду спасенія, и въ послѣднее время, въ своемъ средоточіи внутреннѣйшемъ, проходитъ послѣднее, кажется, поприще развитія передъ выходомъ къ побѣдѣ.

Таковъ смыслъ этого *умиранія для жизни*, выраженный въ образахъ народнаго творчества.

Былина объ *Аникѣ Воинѣ* повторяетъ собою то же значеніе, и мы ограничимся однимъ внѣшнимъ разборомъ ея происхожденія и склада. Въ ней есть черты, указывающія на стороннее заимствованіе: имя *Аника* греческое и значитъ «непобѣдимый;» онъ «много христіанскія вѣры *облатынилъ*,» какъ истый врагъ Грековъ; онъ «много *ликъ Божіихъ поругавши*, много святыя *иконы переколовши*,»—онъ иконоборецъ, черта изъ внутренней жизненной борьбы Византіи; разоривши много церквей и монастырей, онъ «добирается до начальнаго града *Ерусалима*,» главной святыни Христіанъ; наконецъ въ одной рукописи, о которой скажемъ еще ниже, Смерть говоритъ Аникѣ: «Отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никтоже противо мене стояти не могъ... *Царь Александръ Македонскіи* храбръ и мудръ и самъ былъ сильный, и онъ говорилъ тако: «« аще было (бы) колцо въ землю вдѣлано..., азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ;»» да и тутъ не смѣлъ со мною дратися; да

еще каковъ былъ *Акиръ премудрыи*, и тотъ спиратися не смѣлъ,» то есть приведены здѣсь такіе примѣры и изъ тѣхъ сказаній, которые по рукописямъ шли къ намъ черезъ Грецію; а въ самой Былинѣ, Смерть приводитъ въ подобный примѣръ *Олоферна*, героя ветхозавѣтной священной исторіи. Однимъ словомъ, вѣроятно это сказаніе сложилось первоначально гдѣ либо въ Греціи, съ примѣненіемъ къ буйству иконоборцевъ и ожидающей ихъ казни, равно къ самонадѣянности Латинянъ, совращавшихъ народъ въ глазахъ Византіи и пробиравшихся черезъ Грецію на завоеваніе Ерусалима. Сказаніе это имѣло у насъ, какъ слѣдуетъ, свою исторію по рукописямъ: на примѣръ, въ сборникѣ Царскаго XVII в., № 410, л. 272—278, подъ заглавіемъ—«Прѣніе смерти съ животомъ;» начало: «Бѣ нѣкій человѣкъ, воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому и по раздолью широкому, избивалъ полки многія;» въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, сборникъ XVII—XVIII в., № 1773, л. 80—84, подъ заглавіемъ — «Повѣсть о бодрости человѣческой;» начало: «Человѣкъ нѣкіи ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ;» и нѣкот. друг. Идея въ основаніе сказанія положена чисто-христіанская, о внезапной карѣ на гордаго нечестивца, при чемъ олицетворяющая кару Смерть являлась образомъ чисто-христіанскимъ, даже отвлеченнымъ. Потому сказаніе, по разнымъ рукописямъ, весьма скоро пропиталось характеромъ всѣхъ остальныхъ духовныхъ произведеній, такъ что мало по малу выскользнуло даже самое лице Аники и остались въ олицетворенномъ спорѣ одни отвлеченныя понятія Смерти и Жизни, откуда прямо выродились уже Стихи нравственнаго содержанія, Душеполезные и Умиленные. Но, совершенно независимо отъ сего, представленіе, лежащее въ сихъ образахъ, получило вполнѣ самобытное развитіе въ народномъ русскомъ творчествѣ. Появилась *Былина*, не сказаніе, не Стихъ; она связалась своимъ содержаніемъ и пріемами творчества съ былинами прочими, съ разными народными преданіями и сказками. Такъ, на примѣръ, вся эта былина объ Аникѣ Воинѣ есть почти слово въ слово извѣстная, только перелицованная, былина о смерти *Святогора*, которую мы знаемъ по собранію П. Н. Рыбникова (ч. I, стр. 32, 33), съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто Смерти встрѣчается Старшему богатырю, полному избытка силъ, маленькая Сумка, на которую онъ бросается, какъ на Чудо и Диво, но которая губитъ его; и въ этомъ мы видѣли образъ

Земли Русской, упразднившей и сгубившей стихійную силу представителей предшествовавшаго періода, язычества, кочевья. Такимъ образомъ это та же исторія умиранія старины, которую мы видѣли выше и объяснили въ разныхъ былинахъ. Ту же судьбу, постигшую Старшихъ богатырей, разсказываетъ Аникѣ и сама Смерть, — о Святогорѣ, о Самсонѣ (Колывановичѣ), Полканѣ-богатырѣ и прямомъ врагѣ сложившейся Новой Руси — Соловьѣ (разбойникѣ). Въ этихъ чертахъ былина — произведеніе уже чисто-народное, русское, притомъ съ памятью о дальнемъ прошедшемъ и въ связи съ самыми старшими былинами. Но, въ числѣ жертвъ своихъ, Смерть не именуетъ богатырей Владиміровыхъ, а только Старшихъ: вотъ минута времени, когда эта былина въ основѣ своей зародилась у Русскихъ. Послѣ того, мы знаемъ, подобная же участь умиранія постигла и богатырей Кіевскихъ: здѣсь-то, на этой ступени былина, словами Смерти, ставитъ Анику тотчасъ послѣ Старшихъ богатырей, равняя его совершенно богатырямъ Кіевскимъ. Дѣйствительно, онъ совершенно и ровенъ имъ, только съ точки зрѣнія и на ступени постигшей ихъ судьбы смерти и гибели. Соберемъ вмѣстѣ эти черты Аники, уже подробно набросанныя нами выше при разъясненіи смысла въ умираніи богатырей Кіевскихъ. Во первыхъ, Аника представляется образцомъ до крайности грубой, невѣжественной, самонадѣянной и наглой силы, до какой только могло дойти древнее богатырство и отъ которой даже Святогору, гораздо старшему, было «грузно какъ отъ тяжелаго беремени,» а тѣмъ паче грузно было сложившейся Землѣ; припомнимъ о разказѣ, вставленномъ въ повѣсть объ Аникѣ и приведенномъ выше изъ рукописи, о кольцѣ, который еслибы ввернуть въ землю, то поворотить бы весь свѣтъ: это та же титаническая сила и тѣми же словами обозначенная, какъ мы знаемъ изъ исторіи Ильи Муромца; съ этою силою, въ этой грубости и самонадѣянности, прожилъ Аника нѣсколько сотъ лѣтъ, попирая святыню, собирая награбленное имѣніе; полевать въ поле выѣхалъ онъ съ «злобнымъ намѣреньемъ,» добираясь до самой высшей святыни; а встрѣтивши Смерть, онъ не призналъ ея силы (привыкши не бояться ея) и еще болѣе испортилъ свое дѣло хвастовствомъ и наглостью передъ нею. Тогда сила духовная, нравственная, таинственная и высшая, явилась мстить за себя, какъ кара, уничтожающая зло, какъ Смерть. Кое гдѣ образъ ея еще носитъ живые слѣды древности, — это Чудо, Диво, съ оттѣнкомъ живаго образа, отчасти

миѳологическаго; но этотъ образъ все больше и больше становится отвлеченнымъ, какъ отвлеченно понятіе смерти, и былина превращается въ Стихъ. Если былина о гибели витязей отъ «силы нездѣшней» близка уже къ Стиху, то еще болѣе былина объ Аникѣ: многія мѣста здѣсь прямо вставлены изъ Стиховъ, наприм. описаніе Ерусалима, какъ въ Книгѣ Голубиной, или образъ ангеловъ, вынимающихъ душу Аники, какъ въ Лазарѣ богатомъ, а сдѣланное изъ «Аники Воина» «Прѣніе Смерти съ Животомъ» есть уже чистый Стихъ. Еще болѣе видны свойства Стиха въ мысли разсказа, въ точкѣ зрѣнія на предметъ, въ нравственномъ его значеніи. Тогда какъ удальство прежде служило богатырскою славой, здѣсь оно навлекаетъ казнь; прежде не проститься богатырю съ отцемъ-матерью и уѣхать такъ, чтобы никто не видалъ, было почти обязанностію богатыря, а теперь это ставится въ вину Аникѣ; прежде у богатырей просили помилованія и жизни, теперь сами они униженно просятъ и не получаютъ пощады, и т. д., и т. д. Сообразно тому, Аника Воинъ, какъ творческое произведеніе, называется у народа то Былиною, то Побывальщиной и Стариной—смотря по складу, то Стихомъ. Но въ въ какомъ бы то ни было видѣ, оно пустило глубокіе корни въ народѣ и стало извѣстно почти всюду. Лицу Аники соотвѣтствуетъ въ сказкахъ *Никаноръ* («побѣдитель мужей,» греческое), отождествляемый съ Чудищемъ, Вихремъ Вихрёвичемъ, сѣдымъ Кощеемъ, Дѣдомъ (ср. сказки Г. Аѳанасьева, вып. 5, стр. 178—191). На старшихъ лубочныхъ картинкахъ (безъ году), откуда мы въ 4-мъ выпускѣ напечатали текстъ, имѣющій складъ Бабьей Старины, Аника изображается, — которыя картинки постарше — въ восточной красной шапочкѣ съ опушкой, съ мечемъ, а которыя помоложе, — въ шлемѣ и съ саблею, въ обоихъ случаяхъ съ уланскимъ копьемъ и значкомъ, на конѣ; Смерть — голый оставъ, за плечами крошня съ разными пилами, на картинкахъ помоложе — сверхъ того въ рукахъ чаша. При такомъ обще-народномъ характерѣ Аники, если бы и встрѣтилось гдѣ его имя въ дѣйствительной жизни, въ извѣстной мѣстности, то никакъ нельзя думать, чтобы образъ возникъ отсюда, а на оборотъ, къ дѣйствительной жизни перенесено изъ старины имя удальца Аники. М. П. Погодинъ изъ своего путешествія по внутреннимъ областямъ Россіи передаетъ слѣдующій разсказъ (Москвит., 1843 года, № 11, стр. 245, 246): «За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ верстахъ въ десяти отъ Вологды

начинается *Аникинъ лѣсъ*. *Аника* былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу, нѣкогда дремучемъ и непроходимомъ, кромѣ одной дороги въ Бѣлозерскъ, называемомъ и теперь *Оникіевскимъ*. Въ лѣсу есть пустыня *Заоникіевская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ (какъ у Бабы-Яги или Кощея), гдѣ жилъ Аника, и откуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проѣзжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и нажилъ себѣ всякого богатства, серебра и золота, и каменья самоцвѣтнаго. Однажды вышелъ онъ по обыкновенію на дорогу,—на встрѣчу ему старикъ съ котомкою за плечами. «Здорово, дѣдушка, откуда ты и куда идешь?»—Изъ Кіева, ходилъ поклониться Святымъ Угодникамъ Печерскимъ, а теперь иду къ Соловецкимъ.— «Не тяжело ли тебѣ, старинушка, носить свою суму? У тебя, чаю, есть много лишняго, дай-ка я посмотрю, чего ты набралъ.» Разбойникъ снялъ котомку, и увидѣлъ въ ней узелки *съ землею* (замѣтьте), пескомъ, частицами антидора и Святыхъ мощей. Съ досады началъ онъ разбрасывать узелки и разсыпать *землю* (замѣтьте опять), сколько старикъ ни просилъ его со слезами о сохраненіи его сокровищь.—Такъ берегись же ты, Аника, Богъ накажетъ тебя за обиду нищему старцу. Скоро наступитъ часъ твой.—Аника выхватилъ ножь, и хотѣлъ было зарѣзать старика, но тотъ сталъ невидимымъ. Аника испугался и бросился въ лѣсъ къ себѣ домой, но избы его уже не было, одна лошадь паслася на полянѣ. Аника сѣлъ на нее и поѣхалъ изъ лѣса, какъ вдругъ встрѣтилось съ нимъ,»—слѣдуетъ разсказъ, повторяющій то же самое въ формѣ извѣстной намъ Былины или Стиха. Какъ ни много вставлено здѣсь чертъ позднѣйшихъ, съ христіанской точки зрѣнія, но нельзя не узнать древней былины и совершенно того же содержанія, даже выраженій, какъ въ былинѣ о гибели Святогора при встрѣчѣ съ Сумочкой, Землею (Рыбник., ч. I, стр. 32, 33). «Показываютъ—прибавляетъ М. П. Погодинъ— гдѣ-то и могилу Аникину, высокій курганъ, на который всякій прохожій обязанъ бросить прутъ (символъ казни, особенно для оборотней и оживающихъ мертвецовъ): «Аничка, Аничка, вотъ тебѣ вичка.» Это исполняется до сихъ поръ.»—Прибавимъ изъ народныхъ пословицъ объ Аникѣ слѣдующую наиболѣе выразительную: «Оникой глядитъ—щелчкомъ свалитъ.»—Г. Б у н а к о в ъ въ примѣчаніяхъ къ повѣсти объ Аникѣ (см. у насъ 4-й выпускъ и «Русск. Слово») подтверждаетъ слова М. П. Погодина, что старожилы Вологды раз-

сказываютъ «про нѣкоего Анику Воина, разбойника, жившаго нѣкогда въ Аникіевомъ лѣсу, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ Вологды, по Кириловской дорогѣ;» лѣсъ этотъ «представляетъ теперь площадь, обросшую мелкимъ кустарникомъ.» Отъ имени разбойника онъ названъ Аникіевымъ, а отъ лѣсу «Заоникіевская обитель,» основанная, по свидѣтельству г. Бунакова, въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Іосифомъ: значитъ, по заключенію Г. Бунакова, Аника дѣйствительный жилъ еще ранѣе. Если же, скажемъ мы, по народнымъ сказаніямъ прилагать въ этомъ случаѣ къ Аникѣ лѣтосчисленіе, то по словамъ былинъ онъ жилъ нѣсколько сотъ лѣтъ и, стало быть, какъ разъ былъ современенъ до-татарскому періоду и богатырямъ, сгибшимъ подъ конецъ этого времени. А если брать въ разсчетъ его преемство за Старшими богатырями, обозначенное въ Былинахъ (см. выше), то образъ Аники уходить будетъ все глубже и глубже въ даль и старину: напрасный путь и трудъ, ибо этотъ образъ искони-народный, и если какой либо Аника былъ лицемъ дѣйствительнымъ и извѣстнымъ разбойникомъ, что весьма вѣроятно, то не отъ него конечно возникъ общій народу русскому образъ, а на оборотъ имя знаменитое и повѣсть общеизвѣстная перенесены изъ народнаго творчества на лицо дѣйствительное.

* *
*

Здѣсь кончаемъ мы замѣтки о тѣхъ лицахъ, богатыряхъ, которымъ посвящены особыя былины, отдѣльныя произведенія народнаго русскаго творчества. Многія предположенія, высказанныя нами въ началѣ изданія, съ теченіемъ его совершенно подтвердились и доказаны неопровержимо новыми выводами, съ помощію новыхъ данныхъ, новыхъ открытій, чему въ особенности помогло собраніе П. Н. Рыбникова; множество разбросанныхъ тамъ и сямъ догадокъ къ концу дѣла сгруппировалось почти въ цѣлое особое ученіе, подкрѣпленное вездѣ почти несомнѣнными данными изъ области народнаго творчества, отчасти изъ области положительной исторіи, и все это преимущественно при свѣтѣ языкознанія, иногда миѳологіи и другихъ вѣтвей науки. И хотя мы чувствуемъ съ большимъ сожалѣніемъ многіе недостатки нашихъ изслѣдованій, хотя, еще къ большему прискорбію, не встрѣчаемъ со стороны критики необходимыхъ намъ фактическихъ

пополненій, но, при всемъ томъ, считаемъ себя весьма счастливыми, что многія наши положенія, на примѣръ о существованіи и значеніи Старшихъ богатырей, о роли, которую играетъ въ былинахъ Русская Земля и Земщина, и т. п., положенія, до которыхъ дошли мы собственнымъ трудомъ изысканія и которыя высказали для науки въ первый разъ, приняты почти всѣми критиками съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ нѣчто давно извѣстное и непреложно истинное. Такой, признаться—неожиданный, успѣхъ налагаетъ на насъ нравственный долгъ, для пользы другихъ, высказать о періодѣ Кіевскомъ и Владиміровомъ еще нѣсколько общихъ и частныхъ замѣчаній, тѣмъ больше, что при изданіи пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, мы прощаемся съ этимъ періодомъ окончательно и больше къ нему уже не вернемся.

Мѣстность, взятая, какъ поприще событій, былевымъ творчествомъ этого періода, самая обширная, самая широкая своими размѣрами и предѣлами, отъ Ерусалима и Царьграда, отъ горъ Сіонскихъ и Сорочинскихъ, до моря Алатырскаго-Балтійскаго, до острова Волина; отъ моря Чернаго или Теплаго, Сурожскаго и Хвалынскаго, отъ Дуная, до моря Бѣлаго, Студенаго; отъ Кракова до Сибирскихъ Украйнъ, до Калмыковъ и Черкесъ Пятигорскихъ, до Бухаріи и даже Индѣи «богатой.» На этомъ пространствѣ, послѣ Латынской земли, земли—Ляховинская, Литовская, Поморская, Заодонская, Загорская, Черкасская, Греческая, Сорочинская, Жидовская, и т. д.; Орды—Золотая, Заодонская, Большая, Немирная, и т. п.; Литва, Подолія, Волынь, Галичь, Чудь, Чукши, Корела, Могозея, Алюторы, Козары, Черкесы, Калмыки, Сорочина, Татары, Турки, Агаряне, и т. п.; предметы, именованные Латынскими, Нѣмецкими, Аглицкими, Татарскими, Сибирскими, Черкесскими или Черкасскими, Греческими, Сорочинскими, Аліентарскими, Аравитскими, Ерусалимскими, Индѣйскими, и т. п. Все это, однако, лишь по отношенію къ землѣ Русской, къ Свято-Русь-землѣ, по связи съ нею, по притяженію къ ней, какъ къ главному и единственному поприщу дѣйствія. Въ самой же Руси все сосредоточено въ землѣ Кіевской, въ смыслѣ главной мѣстности для первой положительной русской исторіи, для эпохи Владиміра и богатырства. Ближайше сродна съ этой областью, но, согласно съ дѣйствительною исторіей, представляется съ ней въ безпрерывномъ спорѣ и постоянномъ соревнованіи земля Черниговская. Нѣсколько еще подальше земля Суздальская, въ которой полюютъ свои богатыри-поляницы и—позволимъ себѣ выра-

зиться—суруютъ (по рѣкамъ и морямъ) Суры и Суровцы, не зависимо отъ Кіева, въ которомъ чувствуютъ ихъ отсутствіе и жалѣютъ о томъ. Къ остальнымъ областямъ Руси, даже къ Новгородской, былевое творчество Кіевское совершенно почти безучастно. Другія же страны лежатъ лишь около, какъ слишкомъ далекія или чужія; туда только ѣдутъ, или оттуда пріѣзжаютъ; тамъ лишь сосѣди-пріятели, а чаще враги. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, всѣ ближе облежащія страны съ ихъ народами дѣлятся, какъ замѣтили мы выше, на двѣ исключительныя, рѣзкія и различныя половины, Западную и Восточную. О первой говорили мы довольно, начиная отъ края ея, Литвы и Ляховъ, съ «грозными» тамошними *королями*, до ближайшихъ соплеменныхъ сосѣдей Юго-Западной Руси, пріѣзжавшихъ отдѣльными лицами, принимавшихъ къ себѣ Русь Кіевскую, а между тѣмъ подвигавшихся все ближе и ближе, чтобы со временемъ сдѣлаться преемниками. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о половинѣ Восточной, съ ея *царями*. Дальнія окраины ея, какъ на примѣръ Козары, Черкесы, Сорочина, Турки, извѣстны почти лишь только по имени, въ самыхъ незначительныхъ столкновеніяхъ, какъ что-то крайне далекое и скорѣе будущее, чѣмъ настоящее; собственно же она вся наполнена и окрашена Татарщиной, такъ что, представляется, Татары входятъ въ глубь самой Сибири и Ерусалима, а краски такъ живы, что не позволяютъ сомнѣваться въ портретѣ, особенно при именахъ Ордъ и такихъ лицъ, какъ Салтыкъ, Сартакъ, Ставрулъ, Салтанъ, Азвякъ, Бекетъ, Батый-Батыга, Мамай, и т. п. Но, когда все это сосредоточено главнымъ образомъ и съ большею опредѣленностію на Татарахъ, нельзя иногда не замѣтить подъ ихъ образами старшихъ ихъ предшественниковъ, восходившихъ въ дѣйствительности до временъ Владиміра, однимъ словомъ тѣхъ, какъ говорили мы въ 1-мъ выпускѣ («Замѣтка,» стр. XXVI), «выходцевъ съ Востока, которые въ то время то и дѣло грозили государству, слагавшемуся на югѣ Руси.» Въ особенности же, поименно, выдаются здѣсь Половцы: такъ страшный *Шаркъ – великанъ* (см. Рыбник.) по всей вѣроятности есть грозный и старый *Шаруканъ*, ханъ Половецкій (*Шаръ-* или *Шаркъ-канъ*, *-ханъ*); а еще болѣе знаменитый по пѣснямъ, *Тугаринъ*, почти несомнѣнно есть извѣстный *Тугорканъ* или *Тугарканъ* лѣтописей, у коего Святополкъ-Михаилъ взялъ дочь въ замужство и на внучкѣ котораго Мономахъ женилъ сына Андрея. Эти исторически-родственныя съ нимъ связи выражены въ былинахъ тѣмъ, что Тугаринъ весьма

часто въ Кіевѣ какъ свой, союзится съ Кіевскими женщинами, кладетъ руки въ пазуху женѣ Владиміра. Но, какъ ханъ Половецкій, онъ же былъ и постояннымъ врагомъ, онъ и убитъ въ битвѣ съ Русью и—замѣчательно—похороненъ подъ Кіевомъ, напоминая о себѣ пѣснямъ своею могилою, подобно какъ, мы знаемъ, могила Олега Святославича подъ Овручемъ ввела его въ пѣсни объ Олегѣ Вѣщемъ (Рыбник., «Замѣтка,» стр. XX, XXI). Лѣтопись говоритъ объ этомъ событіи подъ 1096 годомъ: Святополкъ и Владиміръ побили Половцевъ «и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его, и ини князи... Назаутрье же налѣзоша Тугоркана мертвого, и взя й Святополкъ акы тьстя своего и врага, привезше й къ Кыеву погребоша й на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другымъ въ монастырь идуще (Лавр.).» Извѣстно, что имя Тугарина перешло и въ сказки, и въ фамильное именованіе *Тугариновыхъ*, а имя главнаго народнаго героя изъ Тугариновскаго періода, *Владиміра Мономаха*, конечно облегчило народному творчеству способъ перенести имена Половецкихъ Хановъ въ эпоху *Владиміра Святославича*, подобно какъ мы это видѣли въ исторіи Ставра. Наконецъ, что касается до самой формы слова *Тугаринъ*, то она легко могла быть прямо передѣлана изъ *Тугарканъ*, а еще вѣроятнѣе образовалась такимъ путемъ: *канъ* въ именахъ сего рода всегда есть *ханъ*, достоинство, званіе, собственное же имя будетъ *Тугар-*; сюда и прибавлено привычное русское *-инъ.*—Возвращаемся снова къ областямъ Руси, означеннымъ въ былинахъ. Необходимо отличить здѣсь названія мѣстностей, вошедшихъ въ творчество съ другаго пути, не изъ былеваго, а изъ Стиховъ, соединенныхъ отчасти со странничествомъ, съ Калѣками перехожими, а отчасти съ усилившимся мало по малу перевѣсомъ духовности, нравственной точки зрѣнія, такъ сказать священности, о чемъ говорили мы выше. Такимъ путемъ проникли въ былины имена, составлявшія камень преткновенія для прежнихъ изслѣдователей, на примѣръ *Ерусалимъ*, горы *Сіонскія*, рѣка *Сафатъ* (извѣстная еще изъ Ветхаго Завѣта долина), *Израй*, и т. п. Все это или занесено Калѣками Перехожими, или вставлено въ былины какъ принадлежность странничества, напримѣръ въ Потыкѣ исторія *Іосифа*, или воспиталось и поддержалось начетливостью въ Священныхъ книгахъ и возобладавшимъ нравственнымъ направленіемъ народа. Если исключить эту вставку, то остальныя предѣлы и даже мѣстности самой Руси, какъ сказали мы, составляютъ только обстановку, выводятся

лишь по отношенію къ мѣстности Кіевской, къ событіямъ и героямъ сей послѣдней. Очень естественно, что за отсутствіемъ *горъ* въ собственной Руси, роль ихъ блѣдна и слаба, имена неопредѣленны: это или слишкомъ далекія горы, на прим. *Сорочинскія*, *Латырь*, или явно вымышленныя, на прим. *Скатъ*, или совершенно темныя, на прим. *Палачь*, и т. п. Относительно горъ, говоримъ, это вполнѣ естественно; но до какой удивительной степени творчество Кіевскаго періода совершенно безучастно къ остальнымъ областямъ Руси, видно уже изъ того, на примѣръ, что онѣ обозначены не отличіями народа, героевъ, личностей, обычаевъ, быта, преданій, а только чертами топографическими, какъ почва, какъ внѣшняя природа: гдѣ самыя *долія плеса* (Чевылецкія), самыя *широкія степи* (Саратовскія), самые *великіе перевозы* (Нижегородскіе), самыя *черныя грязи* (Смоленскія), самые *темные лѣса* (Брынскіе, Муромскіе), самыя *быстрыя рѣки* (Понизовскія), и т. п. *Рѣки* такія даже, какъ *Волга*, *Ока*, *Кама*, извѣстны большею частію лишь по имени, и то чаще въ приставляемыхъ запѣвахъ и припѣвахъ; *Дунай* допущенъ лишь по исконной связи съ Славянами, и то переходитъ въ *Донъ* и высылаетъ свое олицетвореніе, богатыря Дуная, на службу Владиміру; сосредоточивается все около *Днѣпра*, *Почая*, *Ручая*, *Сороги* или *Череги*, и т. п. Изъ *городовъ* не только не извѣстна еще Москва, не только забытъ Новгородъ, а восточные города отданы еще восточнымъ выходцамъ, но даже и такіе старые города, какъ *Ростовъ*, *Муромъ*, *Рязань*, выводятся лишь какъ мѣсторожденіе богатырей, отправляющихся на службу Кіевскую, и опять все сосредоточивается около *Кіева*, и самый Черниговъ получаетъ мѣсто только по пути къ Кіеву или по борьбѣ съ симъ послѣднимъ. Впрочемъ мѣстность Суздальская по крайности упоминается, и представляется, какъ замѣчали мы, совершенно отдѣльною, обособленною и крайне широкою; ее начинаетъ *Владиміръ*, или всякой городъ *Владимірскій*, какъ предѣлъ области Кіевской (ср. вып. 3, стр. 2, 3); она лежитъ за Ростовомъ съ одного края, за Рязанью съ другаго; ее провожаетъ глазъ до *Нижняго Новагорода*, а представленіе населяетъ ее помянутыми удальцами Суздальцами (между Смоленскими грязями и областью Сѣверской съ одной стороны, а съ другой—Рязанью, городами Владимірскими и Ростовомъ, лежала область Радимичей и Вятичей: то были, въ эпоху, о которой говоримъ мы, лѣсныя пущи и вообще дичь; проникали туда съ трудомъ, лишь

за данью; лѣтопись, сравнившая тамошнихъ жителей со звѣрьми, а съ нею и вся Кіевская Русь не сочувствовала имъ; исторія того края начинается не ранѣе XIII вѣка: очень понятно, что творчество Кіевское и Владимірово ни однимъ словомъ, ни образомъ не касается этой области, выпуская этотъ промежутокъ вплоть до Суздальщины). Въ Суздальщинѣ жизнь совершенно особая, тамъ другая исторія, смѣнившая старую Кіевскую въ послѣдовательномъ теченіи времени: и хотя эта жизнь еще неизвѣстна, исторія не названа какимъ либо извѣстнымъ именемъ героя, но слухи оттуда, замѣтно, уже доносятся и переходятъ въ нѣкоторые творческіе образы: упомянуто нѣсколько городовъ, названо *Боголюбово*; разсказана смутно исторія *Суровца-Суздальца;* выводится нерѣдко *Смородина*, рѣка Суздальщины, о которой скажемъ подробнѣе въ слѣдующихъ выпускахъ; наконецъ рисуется городъ *Кидишъ* или *Кидашъ*, «славный городъ *Покидошъ*,» къ которому переходимъ. Илья, въ одну поѣздку изъ Мурома, спасаетъ *Кидишъ* или *Кидашъ* отъ осѣвшихъ враговъ (вып. 1, стр. 79, 82, пѣсня изъ Арханг. губ.; въ другихъ пѣсняхъ здѣсь вставленъ Краковъ, или смѣшана *Кинешма*, на прим. вып. 1, Прилож., стр. XXXIII, или, какъ слѣдуетъ, по праву помѣщается Черниговъ); въ другомъ случаѣ (пѣсня изъ Сибири) Суровецъ-Суздалецъ ѣдетъ къ «славному городу *Покидошу*,» является къ тамошнему князю, *Михайлѣ Ефимонтьевичу* и занимаетъ у него такое же мѣсто, какъ богатыри Кіевскіе у Владиміра; однимъ словомъ, здѣсь Покидошъ играетъ для Суздальщины роль какого-то главнаго средоточія, подобно Кіеву на другой половинѣ Руси. Стало быть, городъ этотъ во всякомъ случаѣ былъ очень важенъ и потому мы обязаны уяснить его значеніе. М. П. Погодинъ нѣкогда получилъ отъ г. Меледина изъ города Семенова и помѣстилъ въ Москвитянинѣ (1843 г., № 12, стр. 507 — 511) слѣдующія любопытныя о семъ дѣлѣ преданія: «Въ Нижегородской губерніи, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ города Семенова, есть село Владимірское, Люнда тожь. Близъ села, за полемъ красуется озеро Свѣтлоярое, изъ котораго вытекаетъ небольшой источникъ; на юго-западной сторонѣ отъ берегу озера идетъ.... бугоръ, протягивающійся на нѣсколько сажень. Бугоръ этотъ, разсѣкаясь съ самой вершины небольшимъ углубленіемъ, которое къ низу дѣлается болѣе и болѣе, у самаго озера раздѣляется на два мыса.... Молва, не смотря на свои видоизмѣненія, твердитъ единогласно, что подъ этой горкой скрыто сокровище, ка-

кое едва ли гдѣ было и будетъ когда ни будь.... Чтожь это за сокровище? Окружные жители это мѣсто считаютъ святынею, и ихъ благоговѣніе, издавна укоренившееся, не ослабѣваетъ, но усиливается: они утверждаютъ, что въ нѣдрахъ земли подъ этимъ бугромъ есть городъ и что въ немъ до нынѣ живутъ святые люди. Знатоки изъ окрестныхъ жителей указываютъ приходящимъ даже части города. Подъ этими холмами, говорятъ они, городскія стѣны; въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается углубленіе, большія ворота въ крѣпость; подъ бугромъ на правой сторонѣ Соборъ Воздвиженія Честнаго Креста, подлѣ него Благовѣщенія Пресвятой Богородицы; подъ бугромъ на лѣвой сторонѣ Успенія Божіей Матери. Всѣ эти храмы точно такіе же, какъ Соборы этого имени въ Москвѣ, Ростовѣ, Владимірѣ, Муромѣ и Маломъ Китижѣ, что на берегу рѣки Волги (Городцѣ), потому, говорятъ они, что всѣ эти города и соборы построены однимъ великимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ (?). Городъ Великій Китижъ, по ихъ словамъ, построенъ въ 6676 (1168) году; онъ гораздо болѣе Малаго Китижа, занималъ 150 сажень въ длину и 100 сажень въ ширину. Въ 6743 (1235) году, продолжаютъ они, когда на святой Руси съ безчисленными полчищами явился неистовый Татарскій царь Батый, и разоривъ много городовъ, избивъ много православныхъ, огнемъ и мечемъ опустошивъ окрестныя селенія, подступилъ къ Малому Китижу, между великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ и свирѣпымъ Бусурманскимъ царемъ было кровопролитнѣйшее сраженіе; много пролито Христіанской крови, много погибло храбраго воинства Русскаго. В. князь Георгій былъ разбитъ и скрылся оттуда въ Великій Китижъ на Свѣтлоярое озеро. Жестокій Батый, овладѣвъ Малымъ Китижемъ, искалъ в. князя, но понапрасну обыскавъ весь городъ, въ ярости сталъ предавать разнымъ мукамъ и истязаніямъ Городецкихъ жителей, желая выпытать отъ нихъ: куда скрылся Георгій. Многіе были тяжко изувѣчены, многіе замучены, не открывъ тайны: но одинъ изъ нихъ, какой-то Гришка Городня (по другимъ Гришка Кутерма), не вытерпѣвъ пытки, открылъ Батыю, что князь убѣжалъ оттуда въ Великій Китижъ, и тамъ скрывается. Батый, обрадованный этимъ извѣстіемъ, наградивъ за доносъ измѣнника в. князю, со всѣми полчищами неистовыхъ Татаръ выступилъ изъ Малаго Катижа, приказавъ Гришкѣ указывать путь. В. К. Георгій, разбитый подъ Малымъ Китижемъ и потерявъ тамъ большую часть войска, успѣлъ набрать его, а

17*

потому вступилъ въ другой разъ въ сраженіе съ многочисленными врагами; однакожь послѣ храбраго сопротивленія не устоялъ противъ нихъ, былъ побѣжденъ и убитъ 4-го Февраля. Но сила Божія, говорятъ они, посмѣялась надъ злѣйшимъ врагомъ православныхъ и не допустила его завладѣть этимъ городомъ: онъ покрылся землею, для всѣхъ сдѣлался невидимымъ, и въ такомъ положеніи останется до пришествія Христова. — Люди благочестивые по временамъ... слышатъ тамъ радостный благовѣстъ и звонъ Богослуженія, иногда видятъ огонь отъ горящихъ свѣчь; при удареніи же солнечныхъ лучей озеро отражаетъ тѣни церковныхъ крестовъ, а вода въ немъ всегда колеблется безъ всякого вѣтра. Разсказываютъ, когда-то одинъ пастухъ, заблудившись у этой горки, нечаянно попалъ въ это подземное жилище, и тамъ видѣлъ величественныхъ старцевъ. Проведши у нихъ ночь, вмѣстѣ съ ними вкусилъ ихъ хлѣба, который, по тому ли, что былъ чрезвычайно вкусенъ, а можетъ быть потому, что пастухъ былъ слишкомъ голоденъ, такъ ему понравился, что онъ утаилъ себѣ кусокъ его. Пришлецу изъ верхняго міра не хотѣлось оставлять жилища этихъ подземныхъ старцевъ, но святые не позволили ему оставаться у себя, потому что онъ попался къ нимъ нечаянно, а не по желанію. Возвратясь въ свое поле, онъ посмотрѣлъ украденный хлѣбецъ; — но хлѣбецъ сдѣлался гнилушкою. За эту кражу можетъ быть онъ не могъ найти входа, когда послѣ хотѣлъ попасть туда. Наконецъ увѣряютъ, что и нынѣ многіе проходятъ туда невидимымъ, сокрытымъ отъ насъ входомъ, и что войдетъ туда всякій, кто только, непремѣнно пожелавши быть тамъ, уйдетъ не сказавшись никому, забывъ все земное и не взявъ съ собою ничего — даже хлѣба (потому что ангелъ пропитаетъ тамъ всѣхъ), и кто не отходя отъ этого мѣста во все время будетъ проситься взойти въ эту святую обитель, хоть бы пришлось и умереть тутъ (что и случается).—Увлеченные разсказами стариковъ, окрестные жители и многіе изъ сосѣднихъ провинцій каждый годъ, начиная съ весны до самой осени, идутъ цѣлыми вереницами къ этому озеру, что у нихъ называется: *ходить на Китижъ Богу молиться*. Сборища эти особенно многолюдны на праздникъ Вознесенія, на Троицынъ день, на день Владимірскія иконы Божіей Матери, на день Петра и Павла; но сбирается много и въ другіе, праздничные, воскресные и даже простые дни. Прежде приходили туда одни старообрядцы; но нынѣ много сбирается и православныхъ....— Богомольцы обыкновенно приходятъ туда на ночь; каждый садится

на берегу озера и, подкрѣпивъ свои силы чѣмъ нибудь съѣстнымъ изъ своей походной котомочки и запивъ Свѣтлоярой водицей, отправляется немедленно на молитву. Всѣ расходятся по разнымъ мѣстамъ: одни идутъ на гору, другіе остаются близъ горы и не подходятъ ближе къ озеру, иные устанавливаются вкругъ часовенки, тамъ выстроенной. Грамотные люди носятъ съ собою свои образъ и книгу, нарочно для того приготовленные; здѣсь вынимаютъ ихъ и начинаютъ читать, кто что захочетъ: кто псалтырь, кто каноны, кто что-то въ родѣ всенощной. Къ грамотнымъ людямъ мало по малу пристаютъ неграмотные, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и около каждаго грамотѣя является толпа; — онъ читаетъ — толпа молится. Я не могъ узнать на вѣрное причины, для чего они раздѣляются на особенныя артели.... Мольбы продолжаются; наконецъ всѣ расходятся спать. Поутру обыкновенно съ благоговѣніемъ умываются святой водицей изъ Свѣтлояраго озера и пьютъ ее, какъ для исцѣленія отъ болѣзней, такъ и для предохраненія отъ тяжкихъ недуговъ души, соблазновъ міра и козней лукаваго; послѣ непродолжительной молитвы расходятся посмотрѣть, гдѣ находится подземная обитель царствующихъ тамъ угодниковъ. Въ простые дни многіе приходятъ къ этому озеру, чтобъ послушать.... разсказовъ у пустынниковъ, которые пришедъ туда по усердію, выкапываютъ въ землѣ землянки, и по долгу живутъ тамъ, пропитываясь подаяніемъ отъ приходящихъ на молитву, изъ коихъ каждый ставитъ себѣ въ обязанность принесть съ собою нѣсколько хлѣба, свѣчь и денегъ. Тогда-то эти пустынники.... складываютъ цѣлыя повѣсти чудеснаго, какъ самовидцы, приходящихъ укладываютъ на ночь ближе къ озеру и заставляютъ ихъ вслушиваться, приложивъ уши къ землѣ. Увѣряютъ между тѣмъ, что тотъ больше услышитъ чудеснаго, кто больше имѣетъ усердія къ этой святынѣ,.... и что усердныхъ берегъ этого озера ночью убаюкиваетъ, качая ихъ, какъ дѣтей въ люлькѣ, что, говорятъ они, всѣ усердные люди чувствуютъ сами. Походя по горамъ и около озера, посидѣвъ у проповѣдниковъ Китижа, наслушавшись разсказовъ какъ объ этомъ Китижѣ, такъ и о другихъ чудесахъ окрестныхъ мѣстъ, набравши въ стклянки воды изъ Свѣтлояраго озера на домашнее употребленіе, оканчиваютъ тѣмъ свои подвиги и той же дорогой возвращаются домой *).» Здѣсь находимъ мы преданія большею

*) Напечатано съ выпускомъ тѣхъ мѣстъ, кои не относятся къ преданію народному, а выражаютъ только мнѣнія г. Меледина.

частію о *Китижѣ Большомъ*, а *Малый* упомянутъ лишь вскользь. Замѣтимъ, что народъ, внѣ былинъ и разсказа г. Меледина, произноситъ нынѣ обыкновеннѣе не Кидшъ, Кидошъ или Китижъ, а «*Китежъ*.» Въ послѣднее время занимался этимъ преданіемъ Н. С. Киселевъ. Вотъ что, между прочимъ, сообщилъ онъ намъ изъ своей недавней поѣздки къ тѣмъ мѣстамъ: «На пути изъ Нижняго въ деревню, случилось мнѣ напасть на преданіе о Китежахъ и убѣдиться хотя въ томъ, что оно въ вѣрованіи мѣстныхъ жителей (большею частью старообрядцевъ) живетъ и передается изъ рода въ родъ, и устно, и письменно. Когда содержатель постоялаго двора въ деревни Гумнищахъ, гдѣ я мѣнялъ лошадей, на вопросы мои перечисляя помѣстья, въ которыхъ уже побывали владѣльцы, назвалъ *Городецъ*, я только далъ ему время выговорить имя помѣщика (графа Панина) и перебилъ его рѣчь вопросами другаго рода. Городецъ дѣйствительно оказался мѣстомъ *Малаго Китежа*; и, какъ только у меня невольно вырвалось слово *Китежъ*, въ отвѣтъ на слово—Городецъ, Иванъ Степановичъ (имя дворника) забылъ, какъ и я, о помѣщикахъ, объ уставныхъ грамотахъ, совершенно перемѣнилъ складъ рѣчи и началъ замѣтно—привычнымъ, мѣрнымъ складомъ, словами преданія, разсказывать о построеніи Китежей; о чудесномъ спасеніи Большаго Китежа отъ разгрома его Татарскимъ царемъ Батыемъ, по убіеніи святаго благовѣрнаго князя Георгія; о подземной непрекращающейся жизни, подъ берегомъ озера Свѣтлояраго; о звонѣ, раздающемся съ невидимыхъ колоколенъ; о горящихъ свѣчахъ, огни которыхъ видятся людьми набожными въ вѣчно колыхающихся водахъ чудеснаго озера; о стройномъ пѣніи невидимаго клира благочестивыхъ старцевъ, населяющихъ подземную обитель и всегда готовыхъ принять въ свое братство новыхъ пришельцевъ. И все это передавалъ онъ съ полною вѣрою и убѣжденіемъ, не допускавшемъ въ немъ и тѣни сомнѣнія. Когда же, окончивъ историческую часть разсказа, онъ вспомнилъ, что говорилъ жителю столичному, хотя и внимательному слушателю, но—предполагается—слабому въ вѣрѣ, то онъ какъ бы почувствовалъ необходимость подтвердить разсказъ свой *источниками* и сказалъ, что это знаетъ не онъ одинъ, что, кромѣ молвы, ему читалъ это его дядя въ *книгѣ*; а въ книгахъ дядя его знатокъ и пустяковъ читать бы не сталъ. Потомъ, въ видѣ поученія, онъ прибавилъ: «Чтобы сподобиться видѣть и слышать эти чудеса, крѣпкая вѣра нужна! Безъ истинной

вѣры только по пустому проходить. Вотъ хоть, для примѣра, отъ насъ то же, подъ Городецъ, къ *крестовой соснѣ* (на валу бывшаго Малаго Китежа) ходятъ; тамъ, гдѣ старый городъ былъ, остался валъ; мѣсто зовется *Кресты*; у самаго этого мѣста, — сосна съ явленнымъ образомъ Божіей Матери; такъ богомольцы ходятъ туда и, изъ усердія, подъ сосну свѣчи кладутъ: чья свѣча съ вѣрой принесена, та затеплится и за ночь сгоритъ передъ иконой, а другія, — хоть домой неси: годъ пролежатъ, а цѣлы останутся. А отчего такъ? — вѣры мало.» — *Городецъ* не болѣе семи верстъ отъ Гумнищъ и видѣнъ изъ нихъ на противуположномъ берегу Волги, какъ на ладони.» — *Книга*, на которую ссылался Иванъ Степановичь, вѣроятно была такая же точно рукопись, какую удалось отыскать и пріобрѣсть Н. С. Киселеву; пользуясь его дозволеніемъ, мы спѣшимъ перепечатать отсюда любопытное преданіе, дополняющее народные разсказы:

«**Книга глаголемая Лѣтописецъ, въ лѣто 6676** [1]) **мѣсяца Сентября въ 5 день, Георгія Всеволодовича.**

Бѣ сей святый благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычь сынъ святому благовѣрному князю Всеволоду, а во святомъ крещеніи нареченъ бысть Гавріилъ Псковскій Чудотворецъ. Сей святый благовѣрный и великій князь Всеволодъ сынъ бѣ великому князю Мстиславу, вънукъ же святому и равноапостольному великому князю Владимеру Кіевскому самодержцу Рускія земли, святый же благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычь правнукъ святому благовѣрному и великому князю Владимеру. Святый же благовѣрный и великій князь Всеволодъ первѣе княжи въ Великомъ Новѣградѣ; егда же бысть во время, возропташа Новогородцы нань и рѣша сами съ собою промежъ себя, «яко князь нашъ не крещенъ сый владѣетъ же нами крещенными.» Совѣтъ же сотвориша и пріидоша къ нему и изгнаша его вонъ. Онъ же пріиде въ Кіевъ, къ дяди своему Ярополку и сказа ему все по ряду, за что изгнанъ бысть Новогородцы; онъ же слыша отъ него и вда ему Вишъ-градъ; и ту молимъ бысть Псковичи княжити у нихъ, и пріиде къ нимъ во градъ и по времени восирія благодать святаго крещенія, и нареченъ бысть во

1) 1168; въ рукописи счетъ, разумѣется, славянскими буквами; разставляемъ знаки препинанія и соблюдаемъ нынѣшнее гражданское правописаніе.

святомъ крещеніи Гавріилъ и пребысть въ великомъ пощеніи и воздержаніи, и пребысть лѣто едино, въ вѣчный покой преставися, его же возлюби, въ лѣто 6646 (1138), мѣсеца Февраля въ 11 день, и погребенъ бысть съ сыномъ его благовѣрнымъ и великимъ княземъ Георгіемъ, и быша чюдеса многа отъ святыхъ мощей его. Сей святый благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычь, по преставленіи отца своего, пребысть на мѣстѣ его по умоленіи Псковичи. Бысть же сіе въ лѣто 6671 (1163), изволи святый благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычь ѣхать къ благовѣрному и великому князю Михаилу Черниговскому. Егда же пріиде къ благовѣрному князю Михаилу, тогда благовѣрный Георгій поклонися благовѣрному князю Михаилу и рече ему: «Здравъ буди, благовѣрный и великій князь Михаиле, на многа лѣта, сіяй благочестіемъ и вѣрою Христовою, во всемъ уподобися прадѣдомъ нашимъ и прабабѣ нашей, благовѣрной и великой княгинѣ Христолюбивой Ольгѣ, иже обрѣте себѣ сама избраннаго и честнаго бисера Христа и вѣру Его Святыхъ Отецъ, и благовѣрному Христолюбивому прадѣду нашему царю Констянтину.» И рече ему благовѣрный и великій княже Георгіе Всеволодычь [2]): «Что пріиде ко мнѣ—съ благимъ совѣтомъ и не съ завистнымъ окомъ? что бо пріобрѣте отъ зависти дѣдъ нашъ Святополкъ , иже восхотѣ владѣти градами, и уби братій своихъ благовѣрныхъ и великихъ князей Бориса и Глѣба, изъ нихъ князя Бориса повелѣ копіемъ прободсти, Глѣба же ножемъ заклати, въ лѣта княженія ихъ? оболсти бо ихъ лестію и совѣтомъ сатанинымъ, яко мати при смерти есть наша, они же, яко незлобивыя агнцы, уподобишася Благому Пастырю своему Христу, не сопротивъ сташа врагу своему брату. Господь же прослави святыя своя угодники, благовѣрныхъ князей и великихъ чюдотворецъ Бориса и Глѣба.» И даша цѣлованіе промежъ себе сами, и праздноваша духовно, и, веселившеся, и рече благовѣрный и великій князь Георгій къ благовѣрному князю Михаилу: «Даждь ми грамоту въ Русіи нашей по градомъ церкви Божіи строити, тако же и грады.» И рече ему благовѣрный и великій князь Михаилъ: «Яко же хощеши, тако и сотвориши, еже создати церкви Божія въ славу и хвалу Пресвятому имени Его Божію; и за сіе доброе твое изволеніе мзду пріимеши въ день пришествія Христова.» И пировавше многи дни, и егда изволи благовѣрный князь Георгій ѣхати во свое мѣсто, тогда благовѣрный

2) Ошибка вмѣсто «Михаилъ.»

князь Михаилъ повелѣ грамоту написати и свою руку приложити къ грамотѣ. И егда благовѣрный князь Георгій поѣха въ свое отечество и градъ, тогда благовѣрный князь Михаилъ съ великою честію отпущаше его и провождаше, и егда бысть оба князи на пути, и поклонистася другъ другу, и цѣловавше другъ друга на пути, и вдаэ ему благовѣрный князь Михаилъ грамоту. Благовѣрный же князь Георгій взя грамоту у князя Михаила и поклонися ему, тогда и той противу ему. И ѣха въ путь свой по градомъ. И егда пріѣха въ Новъ-градъ, повелѣ строити церковь во имя Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, въ лѣто 6672 (1164). Изъ Нова-града поѣха во Псковъ градъ свой, идѣже преставися отецъ его, благовѣрный и великій князь Всеволодъ, а во святомъ крещеніи Гавріилъ, Новогородскій и Псковскій Чюдотворецъ. И поѣха изъ Пскова града къ Москвѣ, и по семъ въ Москвѣ повелѣ строити церковь, во имя Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, въ лѣто 6672. Поѣха съ Москвы въ Переславль Залѣской, а изъ Переславля града въ Ростовъ градъ: въ то же время бысть въ Ростовѣ градѣ великій князь Андрей Боголюбскій, и повелѣ князь Георгій во градѣ томъ Ростовѣ церковь строити во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, въ лѣто 6672, мѣсяца Маія въ 23 день, во дни великаго князя Андрея Боголюбскаго; и повелѣніемъ же и совѣтомъ благовѣрнаго князя Георгія начаша рвы копати на основаніе церкви, обрѣтоша мощи лежаща святителя Христова Леонтія Епископа Ростовскаго Чюдотворца, иже обрати въ Ростовѣ градѣ люди въ вѣру Христову и крести ихъ отъ мала и (до) велика. И возрадовася радостію великою благовѣрный князь Георгій, прослави Бога, давшаго ему таковое многоцѣнное сокровище, и отпѣ молебенъ святителю Христову Леонтію, и повелѣ ѣхать Андрею князю Боголюбскому во градъ Муромъ, и строить во градѣ Муромѣ церковь во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, славнаго Ея Успенія. Самъ же благовѣрный князь Георгій поѣха изъ града Ростова и пріѣха во градъ Ярославль, что на брегу Волги рѣки стоитъ, и сѣде въ стругъ, и поѣха на низъ по Волгѣ, и пріѣха и приста къ брегу въ Малый Китежъ [3]), что на брегу Волги стоитъ, и построи

3) Городецъ (верстъ 20 отъ Балахны, вверхъ по Волгѣ, на противуположномъ берегу).

его; и начаша его молити вси людіе града того, благовѣрнаго князя, чтобы образъ чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы Θеодоровскія внесъ бы во градъ къ нимъ; онъ же по прошенію ихъ исполни, началъ пѣти молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ, и егда сконча, восхотѣ образъ той нести во градъ, образъ же той не пойде съ мѣста того, ни мало не поступи; видѣвъ же благовѣрный князь Георгій изволенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ сама изволи мѣсто себѣ, и на томъ мѣстѣ повелѣ построить монастырь во имя Пресвятыя Богородицы Θеодоровскія. Самъ же благовѣрный князь Георгій поѣха съ мѣста того сухимъ путемъ, а не по водѣ, и преѣха рѣку именемъ Узолу [4]), и вторую именемъ Санду [5]), и третію рѣку преѣха именемъ Санахту [6]), и четвертую рѣку преѣха именемъ Керженецъ [7]), и пріѣха къ езеру именемъ Свѣтлояру; видѣ мѣсто то вельми прекрасно и многочюдно, и по умоленію ихъ повелѣ благовѣрный князь Георгій Всеволодичь строити на брегу езера того Свѣтлояра градъ именемъ Болшій Китежъ [8]); бѣ бо мѣсто то вельми прекрасно, на другомъ же брезѣ езера того роща дубовая. — Совѣтомъ же и повелѣніемъ и благословеніемъ благовѣрнаго и великаго князя Георгія Всеволодича начаша рвы копати, и утвердиша мѣсто, начаша класти церковь во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, вторую же церковь во имя Пресвятыя Богородицы Успенія, третію же церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи; въ тѣхъ же тріехъ церквахъ повелѣ предѣлы дѣлати инымъ праздникомъ Господьскимъ и Богородичнымъ, такоже и образы всѣмъ святымъ написати повелѣ, и градъ той Болшій Китежъ на сто саженъ въ длину и въ ширину, и бысть первая мѣра мало мѣста, повелѣ же благовѣрный князь Георгій еще на другое сто саженъ прибавити въ длину, и бысть граду тому въ длину двѣсти саженъ, а въ ширину сто и пятьдесятъ саженъ. Начаша градъ той каменны строити въ лѣто 6673 (1165) мѣсеца Маія въ 1 день, на память святаго пророка Еремія (и) иже съ нимъ, строиша градъ той три лѣта и построиша его въ лѣто

4) Притокъ Волги.

5) Притокъ Линги, впадающей въ Волгу.

6) Притокъ Керженца.

7) Притокъ Волги.

8) Близъ села Владимірскаго, на рѣкѣ Люндѣ, текущей въ Ветлугу; по имени рѣки и село также называется Люндой, около 100 верстъ отъ Городца.

6676 (1168) мѣсяца Сентября въ 30 день, на память святаго священномученика Григорія великія Армены и иже съ нимъ, и поѣха въ Малый Китежъ, что на брегу Волги рѣки стоитъ, благовѣрный князь Георгій Всеволодичь. И по построеніи градовъ тѣхъ Малаго Китижа и Болшаго, повелѣ перемѣрять поприща, коль много межъ собою разстояніемъ имѣютъ поприщь, и намѣряша сто верстъ; благовѣрный же князь Георгій Всеволодичь, слышавъ сія отъ нихъ, воздаде славу Богови и Пресвятѣй Богородицѣ; повелѣніемъ же благовѣрнаго князя написаша книгу Лѣтописецъ; самъ же благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодичь повелѣ всю службу отслужить и молебенъ пропѣть Пресвятѣй Богородицѣ Θеодоровской и по совершеніи службы тоя поѣха, всѣде въ стругъ свой, (въ) прежереченый свой градъ Псковъ, людіе же проводиша его съ великою честію и цѣловавша его отпустиша. Благовѣрный же князь Георгій Всеволодичь, егда пріѣха во градъ свой прежереченый Псковъ, многи дни пребысть въ молитвѣ, въ пощеніи и бдѣніи, и многи милостыни [9]) нищимъ и вдовицамъ сирымъ; по построеніи же градовъ тѣхъ поживе лѣтъ 75. Бысть же въ лѣта 6751 (1243) попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради нашихъ, пріиде на Русь воевать нечестивый и безбожный царь Батый, и раззоряше грады и огнемъ пожигаше, людіе же мечю предаваше, а младенцевъ ножемъ закалаше, младыхъ же дѣвъ блудомъ скверняше, и бысть плачь велій. Благовѣрный же князь Георгій Всеволодичь, сія слышавъ, плакаше горкимъ плачемъ и помолися ко Господу и Пречистѣй Богоматере, собра вои своя, поидѐ противу нечестиваго царя Батыя съ вои своими, и егда сразишася вои обои вкупѣ, и бысть сѣча велія и кровопролитія; тогда у благовѣрнаго князя Георгія бысть мало вой и побѣже благовѣрный князь Георгій отъ нечестиваго царя Батыя въ низъ по Волгѣ, въ Малый свой Китежъ, и много брався благовѣрный князь Георгій съ нечестивымъ царемъ Батыемъ, не пущаяй его во градъ свой; егда же бысть нощь, тогда благовѣрный князь Георгій изыде тайно изъ града того въ Большій свой градъ Китежъ. На утріи же воста той нечестивый царь на градъ той съ вои своими, приступи приступомъ и взя его, и всѣхъ поруби людей во градѣ томъ. И не обрѣте благовѣрнаго князя Георгія во градѣ томъ, и нача мучити человѣка во градѣ (томъ) и той человѣкъ, не могій мукъ терпѣти, и повѣда ему путь, и той иже нечестивы гнаше

9) Даде, раздаде.

вслѣдъ, и егда пріиде къ граду тому, нападе на градъ той со множествомъ вой своихъ. И взя той градъ Большій Китежъ, что на брегу езера Свѣтлояра, и уби благовѣрнаго князя Георгія мѣсяца Февраля въ 4 день. И поѣха изъ града того нечестивый царь Батый, и послѣ его нечестиваго царя Батыя взяша мощи благовѣрнаго князя Георгія Всеволодича. И послѣ раззоренія того запустѣша грады тѣ, Малый и Большій Китежъ, Малый Китежъ — что на брегу Волги стоитъ, Большій же Китежъ — что на брегу езера Свѣтлояраскаго. И не видимъ будетъ Болшій Китежъ даже до пришествія Христова, яко же и въ прежнія времена бысть сіе, яко же свидѣтельствуютъ житія святыхъ отецъ: Мановасійскій [10]) и патерикъ Скицкій и патерикъ Азбучный и патерикъ Іерусалимскій и патерикъ Святыя Горы, яко же сія святыя книги согласны и въ нихъ писаны житія святыхъ Отецъ. И сокровенныя обители не едина, но многи монастыри, и въ тѣхъ монастырѣхъ много множество бысть святыхъ Отецъ, яко звѣздъ небесныхъ просіявшихъ житіемъ своимъ, и яко песка морскаго, невозможно предати и вся писанію списати. О нихъ же провидя Духомъ Святымъ блаженный пророкъ царь Давидъ удивляяся вопіетъ, въ богодухновенной псалтыри глаголетъ: праведникъ яко финикъ процвѣтетъ и яко кедръ иже въ Ливанѣ умножится, насаждени въ дому Господни во дворѣхъ Бога нашего процвѣтутъ; и еще той же пророкъ царь Давидъ вопіетъ: мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже, зѣло утвердишася владычествія ихъ, изочту ихъ, паче песка умножатся. О сихъ же провидя Духомъ Святымъ блаженный Апостолъ Павелъ въ посланіи книги своея глаголетъ: проидохомъ во овчинахъ, въ козліяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблені, имже не бѣ достоинъ весь міръ. Сего же слово святый Іоанъ Златоустъ въ поученіи своемъ глаголетъ въ недѣлю седьмую поста; то же слово приводя къ нимъ святый Анастасій горы Синайскія глаголетъ, и преподобный отецъ нашъ Иларіонъ Великій отъ святыхъ пишетъ: такожде убо въ послѣдніе дни и времена будетъ сіе, что грады и монастыри сокровеныя будутъ; яко же антихристъ царствовати начнетъ въ мірѣ, тогда побѣгнутъ въ горы и въ пропасти земныя, человѣколюбивый же Богъ не оставитъ хотящаго спастися отъ усердія и умиленія и слезъ, все человѣку Богъ строитъ; самого Спасителя усты глаголаше въ пресвятомъ Евангеліи, рече,

10) Монемвасійскій.

яко же вся ищющему и хотящему спастися дастъся. И по убіенію святаго и благовѣрнаго и великаго князя Георгія Всеволодича и по погребеніи честныхъ мощей его, въ лѣто 6752 (1244), пріиде той царь Батый въ Русское царство, и поиде же противу царя Батыя благовѣрный князь Михаилъ Черниговскій съ боляриномъ своимъ Өеодоромъ, и егда сразишася вои обои вкупѣ, и бысть кровопролитіе веліе, и уби той нечестивый царь Батый благовѣрнаго и великаго князя Михаила Черниговскаго, и съ боляриномъ его Өеодоромъ, въ лѣто 6753 (1245) мѣсяца Сентября въ 20 день; и послѣ убіенія благовѣрнаго князя Михаила во 2-е лѣто и уби благовѣрнаго князя Меркурія Смоленскаго той нечестивый царь Батый въ лѣто 6755 (1247) мѣсяца Ноября въ 24 день; и бысть запустѣнія Московскаго царства, и прочихъ градовъ, монастырей и того Болшаго Китежа въ лѣта 6756 (1248). Аще ли же который человѣкъ обѣщается итти въ него, а не ложно отъ усердія своего поститися начнетъ, и пойдетъ въ него и обѣщается тако, аще и гладомъ умретъ, а не изыти изъ него, аще ины многи смерти претерпѣти, аще и смертію умрети, виждь, яко спасаетъ Богъ таковаго человѣка: яко и стопы его вся изочтены и записаны будутъ Ангеломъ, на путь спасенія поиде. Яко же свидѣтельствуетъ о семъ книги патерикъ Скицкій: бысть нѣкоторый отецъ, обрати нѣкую блудницу отъ братіи, блудница же поиде съ нимъ въ монастырь и пріиде предъ враты монастыря того и умре и бысть спасена; и вторая такожде изыде въ пустыню со отцемъ и умре и пріяша Ангели душу ея и возведоша на небо. Тако и той человѣкъ, аще случится и умрети по Божественному писанію, разсудися бѣжи бо той подобно сему духовному писанію бѣжа [11]) отъ блудницы Вавилонскія темныя и скверныя, міра сего; яко же святый Іоанъ Богословъ во Откровеніи книги своея написа о послѣднемъ времени, глаголетъ, яко жена сѣдя на звѣрѣ седмиглавномъ нага и бестудна, въ рукахъ своихъ держитъ чашу, полну всякія скверны и смрада наполненну, и подаетъ въ мірѣ живущимъ, любящимъ всѣмъ ея, первѣе патріархомъ, царемъ и княземъ и воеводамъ и всякимъ властемъ, и богатымъ и всякимъ людемъ, въ мірѣ семъ суетномъ любящимъ сласти ея; а ежели хотящимъ и желающимъ спастися, подобаетъ бѣжати міра и сластей его, вся убо Господь пріемлетъ къ Нему приходящія съ радостію и при-

11) «Разсудится подобно сему духовному писанію, бѣжа бо той,» и проч.

зываетъ. Но яко убо силы на небесѣхъ не видятъ лице Божіе, и егда грѣшникъ на земли покается, тогда ясно зрятъ лице Христово вся силы небесныя и открыетца слава Божія Его, и видятъ лице Его, единыя убо (ради) души грѣшныя кающіяся радость бываетъ на небесѣхъ всѣмъ силамъ небеснымъ и всѣмъ святымъ Его, а силы убо Ангели и Архангели, Херувимы и Серафимы, Начала, Власти и Господьствія, и Святыя сія суть Пророки и Апостоли и Святыя Святители и Преподобныя и Праведныя и Мученики и Мученицы и вси Святіи, единаго (ради) грѣшнаго бываетъ радость всѣмъ силамъ небеснымъ и всѣмъ Святымъ его, а не хотящаго, ни тщащагося, не ищющаго, ни желающаго получити спасенія, того не нудитъ Господь нужею и неволею, но по усердію и по произволенію сердца все строитъ Господь человѣку, егда кто нераздвоеннымъ умомъ и вѣрою несумнѣнною обѣщается и помышляти начнетъ ничто же суетно въ себѣ, ниже возвратитися вспять, ни повѣдати ни отцу, ни матери, ни сестрамъ, ни братіямъ; и таковому Господь открыетъ и управитъ Господь въ таковое благоутишное пристанище, молитвами Преподобныхъ Отецъ нашихъ онѣхъ, иже трудятся день и нощь непрестанно, отъ устъ молитва яко кадило благоуханно, молятся о хотящихъ спастися истиннымъ сердцемъ, а не ложнымъ обѣщаніемъ, о которыхъ хотящихъ спастися молятся, дабы которой человѣкъ обратился къ нимъ, и аще кто откуду обратится, таковаго пріемлютъ съ радостію, яко Богомъ наставляема и хотящаго итти въ таковое мѣсто свято, чтобы никакова помысла не имѣть лукава и развращенна и мутящаго умъ и отводящаго отъ мѣста оного человѣка того, хотящаго итьти. Но убо велми блюдися опасно мыслей злыхъ, хотящихъ разлучити отъ мѣста того, и не помышляти сѣмо и овамо, и таковаго управитъ Господь человѣка на путь спасенія, или извѣщеніе пріидетъ ему изъ града того или изъ монастыря того, иже сокровенны бяху оба, градъ же и монастырь. Есть бо Лѣтописецъ книга о монастыри томъ. На первое слово возвратимся. Аще ли пойдетъ и мыслити начнетъ сѣмо и овамо, и поидетъ—начнетъ славити вездѣ, и таковому закрываетъ Господь, но покажетъ ему лѣсомъ и пустымъ мѣстомъ, не живущимъ, и ничто же таковый получитъ себѣ, но токмо трудъ его всуе будетъ и соблазнъ и поносъ и укоръ ему будетъ, и за сіе отъ Бога казнь пріиметъ здѣ и въ будущимъ вѣкѣ осужденіе и тму кромѣшную, иже таковому святому мѣсту поругася, иже на конецъ вѣка сего чудо яви: невидимъ градъ бысть, яко же и въ прежніи времена бысть

много монастырей невидимыхъ, иже писана въ житіи Святыхъ Отецъ, и тамо пространнѣе узриши. Тако и сей градъ Большій Китежъ невидимъ бысть и покровенъ бысть рукою Божію, иже на конецъ вѣка сего многомятежнаго и слезамъ достойнаго покры Господь той градъ дланію Своею, и невидимъ бысть по ихъ моленію, прошенію, иже достойнѣ и праведнѣ тому припадающихъ, иже не узритъ скорби и печали отъ звѣря антихриста, токмо о насъ печалуютъ, день и нощь о отступленіи нашемъ къ Богу. Запустѣніе же града того повѣдаютъ отцы, слышавше отъ прежде бывшихъ отецъ, по раззореніи градовомъ, по стѣ лѣтѣхъ послѣ нечестиваго и безбожнаго царя Батыя, раззоря бо всю ту страну Заузольскую, и села и деревни огнемъ пожже, и лѣсомъ порасте вся та страна Заузольская, и съ того времени невидимъ бысть градъ той и монастырь. Сію убо мы книгу Лѣтописецъ написали въ лѣто 6659 (1151), уложили соборомъ и предали Святѣй Божіей церкви, на увѣреніе всѣмъ православнымъ христіяномъ, хотящимъ прочитати или послушати, а не поругатися сему Божественному писанію; аще ли же который человѣкъ поругаетца или посмѣется нами преданному сему писанію, да вѣсть таковый, то не намъ поругается, но Богу и Пресвятѣй Его Богоматери Владычицѣ нашей Богородицѣ и Присно-Дѣвѣ Маріи, въ немъ же славится и величается и именуется имя Ея, Матерь Божія; тѣмъ же и Она соблюдаетъ и хранитъ и покрываетъ дланію Своею и молится за нихъ къ Сыну Своему глаголющи: «Не презри, Сыне Мой любезный, моленія Моего, иже кровь Свою излія за весь міръ, тѣмъ же и сихъ помилуй и сохрани и соблюди призывающихъ имя Твое съ вѣрою несумнѣнною и чистымъ сердцемъ;» тѣмъ же и Господь покры ихъ Своею рукою. Иже мы написали и уложили и предали, къ сему нашему уложенію ни прибавити, ниже всяко премѣнити ни едину точку или запятую; аще кто прибавитъ или убавитъ или всяко премѣнитъ, да будетъ по Святыхъ Отецъ преданію подъ запрещеніемъ, иже предавшихъ и утвердившихъ; аще кому не вѣрно мнится, то прочти преже бывшихъ житія Святыхъ Отецъ, и увѣсть, яко много въ прежняя времена было сего. Слава иже въ Троицѣ славимому Богу и Пресвятѣй Его Богоматере, соблюдающихъ и хранящихъ мѣсто оно всѣмъ Святымъ, аминь.» Рукопись эта, позднѣйшаго полуустава, заключаетъ въ себѣ очевидно, уже помимо содержанія, а по одному даже лѣтосчисленію, не исторію, а народныя преданія; ея позднее происхожденіе обличается между прочимъ старообрядческими на концѣ встав-

ками объ антихристѣ. Она конечно моложе всякого возможнаго Лѣтописца и возникла независимо, въ сторонѣ отъ него; но она иногда называетъ себя Лѣтописцемъ, иногда же ссылается на мѣстный Лѣтописецъ: и дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть лѣтосчисленіе, хотя и спутанное, тамъ замѣтны выписки изъ Лѣтописца. Приводя изъ него отрывки какъ основу, это позднѣйшее сочиненіе, повинуясь народнымъ преданіямъ, проводитъ по ней своеобразные узоры и созидаетъ цѣлую поэму, которая, съ помощію приведенныхъ выше народныхъ разсказовъ, является намъ въ образахъ довольно оконченныхъ и полныхъ. Былины времени Владимірова кончаютъ свое время указывая на Китежъ и выводя на сцену Суздальщину, какъ страну исторіи, послѣдовавшей для Руси Великой за первымъ Кіевскимъ періодомъ. Съ другой стороны приведенныя сейчасъ преданія, роднясь съ преданіями многихъ народовъ о пропавшемъ подъ землею городѣ, о шумѣ и колокольномъ звонѣ подъ водою, восходятъ такимъ образомъ во времена доисторическія. Первый же шагъ сложившейся исторіи начинается здѣсь тою связію, которою Георгій связанъ съ Владиміромъ Святославичемъ, какъ его правнукъ. Послѣ такого начала, какбы зажегши преемственный огонь свѣтильника отъ Кіева, выступаетъ на сцену Суздальщина, въ обширномъ смыслѣ, въ княженіяхъ Владимірскомъ и Московскомъ: ей-то и отданъ весь главный разсказъ. Но разсказъ, сложенный творчествомъ въ родѣ былины, переходитъ ко времени Татарскому и заключаетъ княжескій періодъ Суздальщины точно также и на той же ступени, какъ заключился періодъ Кіевскій,—съ одной стороны построеніемъ церквей и спускомъ подъ землю, а съ другой—замираніемъ среди Татарщины; при этомъ очевиденъ переходъ былеваго творчества къ Стихамъ, во вставленномъ разсказѣ о Борисѣ и Глѣбѣ, въ самой роли Георгія, который разъѣзжаетъ по Суздальщинѣ, строя церкви, совершенно также, какъ знаменитый Егорій Храбрый. Потому относительно Суздальщины это рѣшительно то же самое, что для Кіевскаго періода былины—о гибели витязей, объ Аникѣ Воинѣ, и т. п. Когда мы перейдемъ къ пѣснямъ Княжескимъ, намъ нужно будетъ еще разъ возвратиться къ подобнымъ преданіямъ.

Что касается до *времени*, къ которому относятся *событія*, воспѣваемыя въ былинахъ Кіевскихъ, до содержанія, развитаго на очерченной ими мѣстности, то здѣсь видно нѣсколько слоевъ. Это а) событія изъ времени доисторическаго, языческаго, стихійнаго, ко–

чеваго; они, какъ мы знаемъ, большею частію перенесены отрывками и бѣглыми чертами къ образамъ богатырей Владиміровыхъ, иногда совсѣмъ почти стерлись здѣсь или поблѣднѣли, оставивши только слѣдъ, иногда же, передъ взоромъ науки и средствами ея, вскрываются изъ подъ оболочки позднѣйшей довольно успѣшно и рисуютъ намъ эпохи *крайне отдаленныя*, *общеславянскія*, *общенародныя*, *даже самыя первоначальныя для человѣчества*; послѣднее случается обыкновенно тамъ, гдѣ образы Кіевскихъ богатырей не совсѣмъ опредѣленны и выразительны, не вполнѣ представительны для новаго порядка вещей, а потому даютъ мѣсто стихіямъ прошлаго, вставкамъ изъ эпохи иной. — б) Всего больше сгущаются и такъ сказать плотнѣютъ черты доисторическія и стихійныя въ богатыряхъ Старшихъ, которые съ одной стороны прямо обломокъ минувшей древности, а съ другой приближаются уже къ эпохѣ исторической, къ началу положительной Русской исторіи, составляя переходъ съ одного берега на другой, отчаянно борясь на этомъ перекинутомъ мосту и большею частію погибая передъ лицемъ началъ новыхъ. Въ нихъ — время по преимуществу *переходное*, не столько отдаленное, сколько уже приближающееся къ исторіи. — в) За симъ наступаетъ время *историческое*, сперва въ начаткахъ, вѣроятно еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до исторіи положительной и письменной, до Владиміра, до Христіанства, до первыхъ лѣтописей. Старшая изъ уцѣлѣвшихъ лѣтописей, Несторова, восходитъ еще къ этимъ начаткамъ и на первыхъ страницахъ своихъ вставляетъ обрывки народныхъ преданій и былеваго творчества, сперва безъ годовъ, а потомъ вводя ихъ мало по малу въ нить историческаго повѣствованія, въ наброшенную сѣть лѣтосчисленія. Кромѣ явной вставочности этого рода разсказовъ, рѣзко отдѣляющихся отъ историческаго повѣствованія и въ началѣ поставленныхъ даже безъ годовъ, самый языкъ ихъ дышетъ творчествомъ былевымъ. Таковы преданія и разсказы: о Волхахъ (Кельтахъ), нашедшихъ на Дунайскихъ Славянъ и вытѣснившихъ ихъ съ Дуная; о прозваніяхъ Славянъ по мѣсту, гдѣ они сѣли, при чемъ древнѣйшее словопроизводство именъ всегда связано съ былевымъ творчествомъ; о приходѣ Андрея и о томъ, чтó видѣлъ онъ въ Новгородскихъ баняхъ; преданіе, родственное съ прочими Славянскими, о трехъ братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, откуда будто бы городъ Кіевъ, горы Щековица и Хоревица, рѣка Лыбедь;

особенно о Кіевѣ, о которомъ уже во времена Нестора ходило нѣсколько сказаній, связанныхъ съ словопроизводствомъ («на перевозъ на Кіевъ»), такъ что Несторъ выбираетъ болѣе вѣроятное и обсуживаетъ; о томъ, какъ Обры (Авары) насиловали Славянъ, возвратившихся къ Дунаю, особенно Дулѣбовъ, впрягая ихъ, даже женъ, по нѣскольку въ телѣги и заставляя возить Обрина (разсказъ, повторенный отчасти въ исторіи Романа касательно Литвы): при этомъ сохраненъ и образъ Аваровъ, и притча объ нихъ: «быша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я̀, помроша вси (дѣйствительно, почти всѣ истреблены Славянами), и не остася ни единъ Обърипъ. Есть притъча въ Руси и до сего дне: «« погибоша аки Обрѣ.»» Далѣе о томъ, какъ братья Вятко и Радимъ, эпическіе герои, къ которымъ всякое, и между прочимъ Славянское, творчество любитъ возводить происхожденіе племенныхъ вѣтвей, вышли изъ Ляховъ, сѣли на Окѣ, а отъ нихъ пошли Вятичи и Радимичи (въ родѣ того, что мы знаемъ изъ былинъ о братьяхъ королевичахъ изъ Кракова или братьяхъ Збродовичахъ, передовыхъ лицахъ подвигавшагося съ юго-запада переселенія); какъ Козаре прислали собирать дань съ Полянъ, а Поляне вручили имъ «отъ дыма (каждой избы, которая имѣетъ семейный очагъ и топится) мечь;» и говорятъ старцы, начальники вѣча Козарскаго, своему князю: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ (добыли нашу добычу) оружьемъ одиною стороною, рекше (то есть) саблями (отличавшими восточныхъ выходцевъ и кочевниковъ), а сихъ оружіе обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати (они имѣютъ, будутъ брать) дань на насъ и на инѣхъ странахъ.» «Се же, — прибавляетъ Несторъ, — сбыстъся все: не отъ своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья (такова сила слова въ эпоху былеваго творчества, слова, вдохновляемаго божествомъ, пророческаго, и Козары, мы знаемъ, зашли въ былины подъ страшнымъ образомъ Жидовина). Всѣ эти сказанія стоятъ у Нестора еще внѣ сѣти годовъ, а потому по времени относятся отъ лѣтосчисленія къ пяти, шести вѣкамъ назадъ, или же совсѣмъ неопредѣленны по времени, какъ отрывки древнѣйшихъ былинъ. Слѣдующія за тѣмъ черты уже примкнуты къ лѣтописной сѣти, и все-таки вырываются изъ подъ нея своимъ былевымъ складомъ. Событія, разсказанныя въ нѣсколькихъ словахъ о Варягахъ подъ тремя годами, 859 — 862, обнимаютъ собою эпоху — можетъ быть — двухъ, трехъ сотъ лѣтъ, раздѣленныхъ огромными промежутками:

существованіе и управленіе Славянъ Русскихъ самихъ по себѣ; первоначальныя столкновенія съ Варягами, нашествія ихъ и появленіе заноснаго отъ нихъ порядка; заносное, и притомъ съ характеромъ насилія, надоѣло,—изгнаніе Варяговъ; желаніе и попытки своими силами удержать порядокъ, однажды извѣданный, и приспособить его къ собственнымъ обычаямъ; несчастныя отъ того послѣдствія и усобицы, ибо начала внѣшняго порядка могли быть даны и приняты только извнѣ, когда же хотѣли развить ихъ собственными силами, то произошла борьба съ началами внутренними, исконными, клонившимися къ общинѣ; сознаніе проистекшихъ безпорядковъ, къ которому могли прійти также не въ день, не въ мѣсяцъ; выработка понятія о началѣ третейскомъ, при которомъ призванное третье лицо не нарушило бы условій общины и развитіе болѣе широкаго понятія о самой общинѣ; рѣшимость добровольно вручить третейскую власть постороннимъ, хотя бы и близкимъ, и сроднымъ племенамъ; выборъ такого племени; соединененіе Чуди (жившихъ между нею Славянъ), Славянъ (Новгородскихъ) и Кривичей для одного дѣла; посольство; сборы Варяговъ; приходъ, условія съ народомъ, постепенное введеніе новаго устройства, и т. д. Появленіе для Земли и ея Дружины начала новаго, небывалаго дотолѣ, прибывшаго, всеобщій переломъ, отсюда проистекшій, главныя черты новой Дружины, все это, мы знаемъ, выражено въ творческомъ образѣ Олега, прямо передшемъ въ былины (ср. I ч. Рыбник.). Да и въ самой лѣтописи, Олегъ, со множествомъ судовъ приплывающій къ Кіеву (ср. Соловья Будиміровича), выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на лодки Кіевскихъ князей Аскольда и Дира—смотрѣть его товары и приказывающій убить ихъ, напоминаетъ сказанія первыхъ главъ Геродота и входитъ въ былину, которую печатаемъ мы изъ собранія П. Н. Рыбникова. Походъ Олега подъ Царьградъ съ 2.000 судовъ и 20 племенами; суда его на колесахъ, идущія по суху при попутномъ вѣтрѣ (ср. опять Соловья Будиміровича); ядъ, подосланный царемъ и отгаданный княземъ; щитъ, какъ знакъ побѣды прибитый на вратахъ Царсградскихъ; парчевые паруса на судахъ Олеговыхъ дружинниковъ и полотняные на судахъ прочихъ Славянъ Русскихъ; смерть Олега отъ любимаго коня, и т. п., все это, само по себѣ поэтическое, нашло мѣсто не только въ лѣтописи, но отчасти и въ былинахъ намъ извѣстныхъ (см. соотвѣтствіе творческихъ образовъ былинъ съ историческими въ «Замѣткѣ» къ пѣснямъ П. Н. Рыб-

пик., стр. XVII — XX). За симъ походы Игоря подъ Царьградъ, при которыхъ можно вспомнить и Украинскую Думу о подобныхъ княжескихъ походахъ, надѣлавшую нѣкогда много шуму при появленіи въ печати. Первый походъ Игоря, въ коемъ онъ опустошалъ Малую Азію и окрестности Царьграда, но былъ страшно пораженъ, особенно помощію греческаго огня; и есть свидѣтельство, что объ этомъ ходили на Руси народные разсказы; у Нестора: «тѣмже пришедшимъ (когда пришли) въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмъ (съ лодокъ) огни: — якоже молонья, рече (де, молъ, говорятъ, говорили), иже на небесѣхъ, Грьци имуть у собе, и сію пущающа жежаху (жгли) насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ. — » Второй походъ Игоря на Царьградъ, кончившійся миромъ, по присылкѣ отъ царя даровъ и по явно-поэтическому приговору Игоревой дружины: «Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати (совѣтъ держать), повѣда имъ рѣчь цареву (пересказавъ имъ предложенія отъ царя). Рѣша же дружина Игорева: « а аще сице глаголеть царь, то чтó хочемъ болѣ того (чего же намъ лучше?),— не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда (развѣ) кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли (или) съ моремъ кто свѣтенъ (совѣщался, знаетъ мысли моря)? Се бо не по земли ходимъ (на Царьградъ), но по глубинѣ морьстѣй: обьча (обща) смерть всѣмъ.» Наконецъ сборъ дани Игоремъ въ Деревлянахъ, вызванный опять эпическимъ предложеніемъ дружины: «рекоша дружина Игореви: «« отроци Свѣнелъжи (младшіе дружинники, воеводы Игорева Свѣнельда) изодѣлися суть оружьемъ и порты (одежей, благодаря поборамъ), а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы.»» И когда Игорь слишкомъ далъ волю своей алчности, совѣтъ Деревлянъ съ князёмъ своимъ Маломъ, выраженный въ формѣ *пословицы*, которая въ древности, сближаясь *съ притчею*, связана тѣснѣйше съ эпосомъ: « аще ся въвадить (повадится) волкъ въ овцѣ, то выносить (перетаскаетъ) все стадо, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьемъ его (Игоря), то вся ны погубить.»—Месть Ольги надъ Древлянами; какъ она подъучила пословъ Древлянскихъ поважничать, какъ ихъ несли Кіевляне къ терему въ лодкѣ, а на дорогѣ бросили въ яму и засыпали; какъ другіе сожжены въ банѣ; какъ покоренъ Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пущенныхъ ночью въ городъ

съ зажженными фитилями на хвостахъ (дѣло извѣстное у Грековъ, Римлянъ, Скандинавовъ, въ разныхъ подобныхъ разсказахъ). Первое появленіе Святослава во главѣ дружины, въ походѣ на Древлянъ; онъ еще дитя, плохо владѣетъ копьемъ, но онъ начинаетъ битву, бросая копье съ коня, и, когда такъ началъ, говорятъ воеводы: «князь уже началъ: потягнѣте (потянитесь, ударьте на враговъ), дружина, по князѣ (за княземъ).» Самое лице Святослава, суроваго героя, который «легко ходилъ аки пардусъ» и ни на кого не нападалъ иначе, какъ приславши сказать: «хочю на вы ити.» Въ его отсутствіе (разсказъ подъ 968 годомъ) Печенѣги окружили Кіевъ, въ коемъ засѣла Ольга со внучатами, и нельзя дать вѣсти изъ города къ окрестнымъ въ области воеводамъ: выходитъ тогда отрокъ изъ города, закинулъ узду и бѣжитъ сквозь Печенѣговъ, спрашивая, не видалъ ли кто коня его? «Онъ же изиде изъ града съ уздою, и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: «не видѣли коня пиктоже?» Бѣ бо умѣя Печенѣжьски и мняхуть и̂ своего.» Потомъ бросается въ Днѣпръ, переплываетъ подъ стрѣлами враговъ, даетъ вѣсть объ опасности города, и воевода Святославовъ Прѣтичь подплываетъ къ городу на одной лодкѣ: онъ громко трубитъ, въ городѣ отвѣчаютъ воинственными кликами; Печенѣги въ ужасѣ разбѣгаются, думая, что это Святославъ; а Ольга со внучатами выходитъ къ лодкѣ и на ней спасается на другую сторону; князь Печенѣжскій приходитъ одинъ переговорить къ Прѣтичу, воевода увѣдомляетъ, что за нимъ идетъ Святославъ, и Печенѣгъ даетъ залоги мира. Первую половину этого разсказа не сомнѣваемся видѣть въ слѣдующемъ отрывкѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ (вып. 1, стр. 91, 92):

Не тропкою, не дорожкою,
Бѣжитъ-выбѣгаетъ тутъ добрый конь,
Черкаско сѣдельце на боку несетъ,
Булатное стремя по копытамъ бьетъ.
За конемъ бѣжитъ добрый молодецъ,
Шляпою машетъ, голосомъ кричитъ:
«Охъ ты стой, ты постой, ты мой добрый конь!
«Ужь ты меня унесъ отъ двухъ смертей,
«Унеси ты меня, конь, и отъ третіей!»
Изъ за лѣсу, де, лѣсу темнаго,
Изъ за тѣхъ ли горъ высокіихъ,

Выѣзжаетъ тутъ собака Турецкій ханъ;
Объѣхали кругомъ, стали спрашивать:
— Котораго ты рода, коего племени?
— Барскаго ли ты рода, или княженицкаго? —
« Я не барскаго рода, не княженицкаго,
« Я того, де, рода крестьянскаго,
« По имени я Илья Муромецъ,
« Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
« А того, де, я селенія Корочарова;
« И прошу я вашей милости:
« Поймайте мнѣ добра коня! »
Поймали ему и добра коня.

Здѣсь, справедливо мы замѣтили при 1-мъ выпускѣ, только вставлено имя Ильи, а Татары и Турки—преемники старшихъ выходцевъ Востока, Печенѣговъ. А этотъ разгулъ Святослава по Болгаріи, его житье въ Переяславлѣ Болгарскомъ (развалины извѣстны доселѣ), о которомъ говоритъ онъ: « то есть середа (центръ) въ земли моей, яко ту (ибо сюда) вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве (плоды) разноличныя; изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони (кони); изъ Руси же скора (мѣха, кожи) и воскъ, медъ и челядь (восполняющая убывавшую дружину). » При осадѣ занятаго въ его отсутствіе Переяславля, рѣчь къ дружинѣ: « Уже намъ сдѣ пасти: потягнемъ мужьски (какъ слѣдуетъ мужамъ), братья и дружино (ср. позднѣйшую рѣчь Святослава Черниговскаго въ битвѣ съ Половцами, описаніе которой явно-пѣсенное)!» А эта знаменитая рѣчь въ битвѣ съ превосходными силами греческими: « Уже намъ нѣкамо (нѣкуда) ся дѣти, волею и неволею стати (приходится стать) противу: да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ (не будемъ имѣть позора); аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати (а все-таки не убѣжимъ); но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою (тогда уже сами промышляйте о себѣ)!» Потомъ испытаніе отъ Грековъ, любитъ ли Святославъ золото и дары, или оружіе, а потому, каковы свойства его; принесли дары: « и рече Святославъ, кромѣ зря (смотря совсѣмъ въ другую сторону, не на дары), отрокомъ своимъ: « схороните (приберите, спрячьте). » Принесли ему оружіе: « онъ же, пріимъ (взявъ въ

руки), нача хвалити и любити (ласкать, пѣстать оружіе), и цѣлова царя (и поручилъ за то привѣтствовать императора).» И говорятъ тогда Греки: «лютъ се мужь хоче быти (о, это будетъ человѣкъ бѣдовый!), яко (ибо) имѣнья не брежеть (пренебрегаетъ), а оружье емлеть: имися по дань (договорись-ка, царь, дань ему давать; сравни, какъ признакъ мужества въ Боянкѣ, Тодоркѣ, Василисѣ Микулишнѣ, когда она не хватается за приманки, а берется за оружіе).» Наконецъ, эта несчастная битва въ порогахъ Днѣпровскихъ съ Печенѣгами, гдѣ Святославъ сложилъ свою голову, а князь Печенѣжскій Куря сдѣлалъ изъ нея чашу, «оковавше лобъ его, и пьяху по немъ (пили, да поминали его).» Здѣсь вездѣ былевое творчество сопровождаетъ въ лѣтописи *исторію*, отдѣльными вставками и самыми выраженіями; а былины этого періода сохранились до насъ большею частію въ отрывкахъ. — Но вотъ, г) наступаетъ подлинное *время Владимірово*, гдѣ исторія принимаетъ болѣе положительный характеръ и былевое творчество выдѣляется изъ нея самостоятельнѣе, образуя цѣлый рядъ былинъ, цѣлый эпосъ. Впрочемъ въ лѣтописи еще видны вставки, видна связь съ былинами. Такъ, періодъ Владиміровъ, мы говорили уже, открывается цѣлою драмой, выдвигающею Владиміра. Олегъ Святославичь Древлянскій, убивающій сына Ярополкова воеводы Свѣнельда, за то, что тотъ, охотясь, заѣхалъ въ поля его и заповѣдные лѣса; месть отцовская и Ярополкъ губитъ брата своего. Сюда, мы знаемъ, примыкаютъ былины объ Олегѣ Святославичѣ, смѣшавшія его съ Олегомъ Вѣщимъ (ср. «Замѣтку» при издан. Рыбник.). Между тѣмъ Владиміръ съ самого рожденія окруженъ поэзіей, какъ любимый герой народныхъ пѣсень, Владиміръ *ласковый*, *свѣтъ*, *красное солнышко*. Онъ сынъ Малуши, дочери Малка изъ Любеча и сестры знаменитаго Добрыни, перешедшаго во множество извѣстныхъ намъ пѣсень и подвизавшагося то — по лѣтописямъ — во главѣ Новгорода, то — по лѣтописямъ и былинамъ — въ дружинѣ Владиміра, который самъ былъ княземъ Новгородскимъ. Не хотѣла выйти за Владиміра Рогнѣда, дочь князя Полоцкаго Рогволода, говоря: «не хочю розути робичича (разуть сына рабыни: разуванье мужа, символъ покорности и обыкновенное первое дѣло послѣ свадьбы, когда невѣста переходитъ въ домъ жениха).» Месть Владиміра, убійство Рогволода, поэтическія преданія о томъ, какъ жена Владиміра, Рогнѣда, хотѣла убить его соннаго, какъ проснулся мужь, а Изяславъ, съ мечемъ

въ рукѣ, просилъ лучше убить его, сына. Избіеніе двухъ Варяговъ-христіанъ, на коихъ палъ жребій итти въ жертву богамъ. Поэтическое завоеваніе вѣры; взятіе Корсуня, благодаря пущенной изъ города стрѣлѣ съ письмомъ, какъ можно перекопать водопроводы (ср. въ Былевыхъ Стихахъ, какъ прилетаетъ обыкновенно стрѣла съ письмомъ и завязываетъ драму). Поэтическое преслѣдованіе идоловъ и изгнаніе Перуна, какъ плылъ онъ по Днѣпру, сопровождаемый рыданіями язычниковъ, какъ его отпихивали отъ берега до пороговъ, а тамъ его выбросило на «Перуняну рѣнь;» какъ въ Новгородѣ плылъ онъ по Волхову, а подплывя къ мосту, бросилъ на него свою палицу, и съ тѣхъ поръ па мосту въ его память совершалась по временамъ борьба, религіознаго характера по происхожденію. Совершенно-эпическое построеніе Переяславля. Сошлись войска Владиміровы на Трубежѣ съ Печенѣжскими, ни та, ни другая не смѣетъ начать.

«И пріѣха князь Печенѣжьскый къ рѣкѣ,
Возва Володимера и рече ему:
«Выпусти ты свой мужь,
«А я свой, да ся борета;
«Да аще твой мужь ударить моимъ,
«Да не воюемъ за (въ теченіе) три лѣта;
«Аще ли нашь мужь ударить,
«Да воюемъ за три лѣта.»
И разидостася разно.»

То есть, по выраженію былинъ, вызываетъ поединщика, супротивничка; ср. изображеніе нападеній Татарскихъ, вып. 1 и 4. Посылаетъ Владиміръ вѣстника по своему стану: нѣтъ ли такова человѣка, кто бы схватился съ Печенѣжиномъ? Нѣтъ нигдѣ (по словамъ былинъ— «старшій хоронится за малаго, а отъ малаго отвѣту нѣтъ»), а Печенѣги своего молодца (нахвальщика) выставили. Горюетъ Владиміръ. Но вотъ приходитъ старикъ; меньшой сынъ его (ср. роль меньшаго сына въ сказкахъ) остался дома (какъ сидень), а съ дѣтства никто еще не поборолъ его; мялъ онъ, разъ, кожу, и, разсердившись на отца, разорвалъ мокрыя ременья. Призвали его къ обрадованному князю. «Постойте, говоритъ отрокъ, дайте попытать силу, нѣтъ ли быка?» Нашли большаго и

сильнаго, раздразнили его горячимъ желѣзомъ, пустили, побѣжалъ онъ, а отрокъ на бѣгу вырвалъ у него кусокъ мяса съ кожею. Выпустили борцевъ, а Печенѣжинъ смѣется надъ среднимъ ростомъ отрока. Размѣряли межи, схватились борцы, сдавилъ отрокъ Печенѣжина въ рукахъ своихъ до смерти и ударилъ имъ о землю. Кликнули и бѣжали Печенѣги, а Русь въ догоню сѣчь ихъ. Владимiръ на бродѣ томъ заложилъ городъ, и назвалъ *Переяславлемъ*, «зане (ибо) *перея славу* (перехватилъ славу у Печенѣговъ) отроко-тъ (таково древнее словопроизводство, всегда связанное съ эпосомъ и пословицами).» Всѣ черты, всѣ почти выраженія этого сказанія повторяются такъ или иначе въ сказкахъ и извѣстныхъ намъ былинахъ, особенно гдѣ вставлены Татары, подтверждая такимъ образомъ нашу мысль, что подъ образомъ сихъ послѣднихъ слѣдуетъ видѣть иногда разныхъ прежнихъ выходцевъ Востока, особенно Половцевъ и Печенѣговъ. Это, въ настоящемъ случаѣ, знаменитый герой — *Усмошвецъ* (швецъ кожи). Онъ занесенъ въ позднѣйшія Украинскія Думы, какъ *Семенъ-швецъ:*

...«Мовъ Швець-Семенъ шкуру загубивъ.»

Откуда поговорка, на прим. онъ его смялъ, «мовъ (словно) Швець-Семенъ шкуру.» Въ русскихъ сказкахъ является *Никита Кожемяка*, въ которомъ нельзя не узнать того же героя лѣтописи, обставленнаго сказочнымъ складомъ: «Около Кіева проявился змѣй, бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возметъ дѣвку да и съѣстъ ее. Пришелъ черёдъ итти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетитъ змѣя на свои промыслы, а царевну завалитъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась съ нею изъ дому. Напишетъ бывало царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею, а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: «узнай, кто сильнѣе змѣя?» Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: «сыщите въ

городѣ Кіевѣ Никиту Кожемяку, да пошлите его меня изъ неволи выручать.» Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ, держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ ; какъ увидалъ онъ , что къ нему пришелъ самъ царь , задрожалъ со страху , руки у него затряслись — и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько ни упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячь дѣтей малолѣтныхъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку: авось на ихъ слезы сжалобится. Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супротивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою, и весь таки обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ зміиной , а змѣй заперся и не выходитъ къ нему. « Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу, » сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго-ли, коротко-ли бился съ змѣемъ Никита Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту : « не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю , весь свѣтъ по ровну : ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой.»—Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо межу проложить.—Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрёгъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. « Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили! » — Землю раздѣлили , проговорилъ Никита, давай море дѣлить; а то ты скажешь, что твою воду берутъ. —Въѣхалъ змѣй на середину моря, Никита Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна: вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отчего эта борозда , — называетъ ее *валомъ*. Никита Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, не взялъ за работу ничего, пошелъ опять кожи мять (записана въ Козловѣ , Тамбовской губерніи, П. И. Якушкинымъ; ср. Сказки г. Аѳанасьева, вып. 5, стр. 85, 86).» Извѣстно далѣе, какъ Владиміръ, по разсказу лѣтописи, угождалъ дружинѣ,—необходимое свойство лучшаго древняго героя, и роль, которую играетъ онъ во всѣхъ былинахъ; какъ разъ

роптала она: «зло есть нашимъ головамъ! да (потому что приходится) намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными,» и какъ Владиміръ велѣлъ сковать ложки серебряныя съ знаменитымъ изреченіемъ; кормленіе народа, свойство «хозяина ласковаго,» и проч. Наконецъ, въ отсутствіе Владиміра, Печенѣги обступаютъ Кіевъ; томимый голодомъ, народъ на вѣчѣ рѣшаетъ сдаться; но одинъ старикъ не былъ на вѣчѣ, а услыхавъ, въ чемъ дѣло, подаетъ благой совѣтъ: собрали кое-какъ съ народа по горсти овца, пшеницы, отрубей; женщины подготовили *цѣжь* (цѣд-ить), изъ которой варится кисель; кое-какъ отыскали лукошко меду, забытое на погребѣ княжескомъ, и сдѣлали сыту (медовую жижу, которую ѣдятъ съ киселемъ). Одну кадку поставили въ колодезь, другую въ другой. Зазвали выборныхъ Печенѣговъ въ городъ, водятъ и показываютъ: накачаютъ въ одномъ колодезѣ цѣжи, да кисель варятъ; накачаютъ въ другомъ сыты, да ѣдятъ, сперва сами, потомъ Печенѣги. Дивятся враги обилію запасовъ; но князья наши, говорятъ, не повѣрятъ намъ, если сами не отвѣдаютъ. Вотъ налили корчагу цѣжи, да корчагу сыты, и отпустили къ Печенѣгамъ: князья Печенѣжскіе варятъ, кушаютъ, дивятся, теряютъ надежду заморить Кіевлянъ голодомъ, «въсташа отъ града, въ свояси идоша (ср. ниже, какъ представители кочевья погибаютъ въ нашихъ сказкахъ отъ киселя и сыты).» Это событіе, вполнѣ эпическое, разсказано подъ 997 годомъ, а черезъ строкъ 12-ть лѣтописецъ говоритъ уже о смерти Владиміра (1015 г.), и съ тѣмъ вмѣстѣ конецъ вставочнымъ притчамъ. Прибавимъ сюда нѣсколько еще лѣтописныхъ подробностей, свидѣтельствующихъ о народномъ творческомъ настроеніи, проникавшемъ всю исторію Владимірова времени. 896 года. Воевода Владиміра *Волчій хвостъ* побѣдилъ Радимичей на рѣкѣ *Пищанѣ*. Несторъ прибавляетъ: «Тѣмъ (потому) и Русь (собирательное) корятся (говорятъ въ укоръ) Радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають.» 897 г. Владиміръ съ Добрынею побѣдилъ Волжскихъ Болгаръ и хотѣлъ наложить на нихъ дань, сдѣлать подданными. Но Добрыня, будто бы, сталъ внимательнѣе разсматривать плѣнниковъ и выразилъ такъ выводъ своего наблюденія племяннику князю: «съглядахъ колодникъ (разсмотрѣлъ я плѣнниковъ), оже (и вижу, что) суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти (не бывать имъ нашими подданными): поидемъ искатъ лапотниковъ (вотъ такіе будутъ наши!).» На основаніи этого, Владиміръ заключилъ съ Бол-

гарами равноправный союзъ и договоръ, и договоръ въ формѣ первобытной, т. е. эпической, встрѣчаемой и въ былинахъ, ибо вотъ что говорили Болгаре: «Толї (тогда только) не будеть межю нами мира (нарушимъ мы миръ), оли (если) камень начнеть плавати, а хмѣль почнеть тонути.» Таковы эпическія формы всѣхъ древнѣйшихъ договоровъ и онѣ приводились въ дѣло рядомъ съ письменными, независимо отъ сихъ послѣднихъ. Подобнымъ образомъ въ договорѣ Игоревомъ выставляется слѣдующая статья со стороны Русскихъ язычниковъ: если не сдержатъ условій, «да не имуть помощи отъ бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь (въ сей) вѣкъ, въ будущій;» — въ договорѣ Святослава: «да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ колоти (разнорѣчіе—золоти) яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ.» Наконецъ, нѣкоторыя такого рода мѣста какъ будто даже отзываются стихосложеніемъ: Владиміръ осадилъ Ярополка въ городѣ Ро́дьни и томилъ голодомъ, Несторъ прибавляетъ:

«Есть *притча* и до сего́ дне—
«Бѣда аки въ Ро́днѣ.»

Или о Добрынѣ:

«И пришедъ Добрына Ноугоро́ду,
Постави кумира надъ рѣкою Во́лховомъ,
И жряху ему людье Ноугоро́дстіи....»

и т. п., въ томъ же складѣ, на прим. о женахъ Владиміра.—Конечно Несторъ не пересказалъ намъ и сотой доли тѣхъ былинъ, которыя ходили въ народѣ о времени Владиміра; эпическій характеръ князя заслоненъ былъ предъ взоромъ монаха величавымъ образомъ Просвѣтителя земли Русской, героя Христіанства, которому посвятилъ Несторъ лучшія страницы свои, полныя одушевленія. Но недосказанное Несторомъ съ избыткомъ вознаграждается множествомъ былинъ, хорошо уже намъ извѣстныхъ. — д.) За Владиміромъ начинаются *времена Ярослава и прочихъ Русскихъ князей*, весьма отличныя въ лѣтописи отъ періода предшествовавшаго: здѣсь начинается строгая, положительная исторія, переданная Несторомъ въ

качествѣ самовидца или со словъ самовидцевъ. Правда, вставлявши прежде въ свою лѣтопись былины или черты изъ былинъ, такъ часто ими пользовавшись, лѣтописецъ и здѣсь не могъ совершенно покинуть своихъ пріемовъ; и дѣйствительно, событія изъ жизни нѣкоторыхъ князей переданы имъ подъ явнымъ вліяніемъ эпоса: но такія вставки не могли уже здѣсь такъ рѣзко выдаваться, не могли быть вставками столь замѣтными, какъ прежде. Другое дѣло, когда Несторъ повѣствовалъ о событіяхъ внѣ сѣти лѣтосчисленія, или вообще отдаленныхъ, то есть такихъ, въ которыхъ самъ не въ силахъ былъ отдѣлить повсюду вымыселъ и образъ народнаго творчества отъ дѣйствительной исторической правды. Гдѣ же время было уже близко, именно послѣ Владиміра, гдѣ событія помнилъ самъ Несторъ или слышалъ отъ очевидцевъ, участниковъ, современниковъ минувшаго, тамъ, руководимый своимъ удивительнымъ историческимъ тактомъ и величайшей добросовѣстностью, онъ не имѣлъ нужды и считалъ неправымъ прибѣгать къ былинѣ, заслоняя творчествомъ истинную картину дѣйствительности. И какъ выше образъ Просвѣтителя земли Русской нѣсколько заслонялъ у Нестора эпическій характеръ Владиміра: такъ здѣсь, еще болѣе, строгій своею правотою типъ лѣтописца не дозволилъ выступить въ лѣтописи цѣльнымъ или яркимъ образамъ народнаго творчества. Тѣмъ не менѣе былевое творчество продолжалось и жило въ народѣ, это несомнѣнно: если Несторъ на первыхъ страницахъ своей лѣтописи, какъ мы видѣли, пользовался народными былинами, то конечно онъ занималъ ихъ не изъ рукописи, а слышалъ вокругъ, въ народѣ; и XI-й вѣкъ, по свидѣтельству Слова о Полку Игоревѣ, былъ вѣкомъ знаменитаго пѣвца Бояна, судя по всему — старшаго современника Несторова, воспѣвавшаго первыя времена княжеской усобицы, творившаго пѣснь Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, Роману Красному, Бояна, пѣвца Святъславля (Святослава Ярославича Черниговскаго), особенно Олегова, говорившаго припѣвку Всеславу Брячиславичу Полоцкому, и т. д. Вскрыть подобные слѣды изчезнувшихъ былинъ мы предоставляемъ себѣ впослѣдствіи, по поводу пѣсней Княжескихъ. Но и пѣсни Владиміровы, Кіевскія, насъ теперь занимающія, развивались конечно не въ иное, какъ въ это же, Княжеское время, послѣ Владиміра: тамъ, гдѣ содержаніемъ ихъ было время исключительно и исторически-Владимірово, онѣ запѣвались тотчасъ же, при самомъ событіи; а развиваться, пополняться, опредѣляться въ

народной памяти, переходить въ привычку, могли онѣ не иначе, какъ послѣ Владиміра, то есть нѣсколько отступя отъ минувшихъ событій; здѣсь только въ народномъ представленіи могъ создаться цѣлый особый кругъ Владиміровъ, въ который мало по малу стали входить образы не только уже древніе и Владиміровы, но и новые, современные. И мы знаемъ, дѣйствительно, что пѣсни Владиміровы, богатырскія, о которыхъ идетъ рѣчь, занимали свое содержаніе не только сверху, отъ эпохи доисторической, не только изъ времени богатырей Старшихъ, не только около себя, вокругъ, изъ Владимірова круга, но и снизу, изъ эпохи Княжеской и позднѣйшей, даже до Татаръ: такъ, мы видѣли, въ пѣсни Владиміровы вошли черты Суздальщины, вошли удальцы Суздальцы, и рѣка Смородина, и города Китежи; такъ съ именемъ Ставра, Путяты и Тугарина связаны образы уже изъ эпохи Владиміра Мономаха, благодаря тожеству имени Владиміра старшаго и младшаго; такъ, наконецъ, вставлены черты борьбы не только съ Печенѣгами и Половцами, а даже и съ Татарами. Однимъ словомъ, здѣсь содержаніе занято уже не только изъ вѣка XI-го, вѣка Несторова и Боянова, но уже изъ вѣка XII-го и даже XIII-го. Лѣтописи, обнимающія событія сихъ вѣковъ, подтверждаютъ намъ то же самое: въ нихъ, мы видѣли (вып. 2, Прилож.), Добрыня съ Алешею и Торопкомъ являются въ службѣ позднѣйшихъ князей, а послѣ, съ прочими семидесятью богатырями, умираютъ на Калкахъ въ борьбѣ съ Татарами. Слово о Полку Игоревѣ, принадлежащее по составу къ послѣдней четверти XII-го вѣка, оглашаетъ для насъ весь этотъ вѣкъ разнообразными поэтическими подробностями, свидѣтельствуя о непрерывной нити народнаго былеваго творчества. Тамъ же, гдѣ кончается Временникъ Нестора, изъ первой четверти XII-го вѣка и во все его теченіе Лѣтопись Волынская сохраняетъ намъ многочисленные отпечатки поэтической народной настроенности, вторитъ Слову о Полку Игоревѣ при описаніи знаменитаго похода, и, гдѣ оставило насъ Слово, съ конца XII-го вѣка, выноситъ въ своемъ повѣствованіи множество образовъ изъ народныхъ былинъ, рисуетъ ими время Романа, соединяясь здѣсь съ уцѣлѣвшими до насъ пѣснями (см. Рыбник.), время Даніила, доходитъ до Татаръ, и въ томъ же тонѣ и направленіи ведетъ дѣло даже за первыя времена Татарскаго нашествія. И такъ мы убѣждаемся несомнѣнно, что народное былевое творчество продолжалось непрерывно и въ эпоху Княжескую, послѣ Владиміра до

Татаръ, заимствуя изъ текущей жизни множество матеріала, множество поэтическихъ элементовъ и образовъ. Только въ послѣднее время оно раздвоилось: съ одной стороны творились былины Княжескія, отчасти до насъ дошедшія, вообще же былевые поэтическіе образы, сопровождавшіе текущую жизнь въ ея послѣдовательности и вскрываемые нами изъ подъ разсказа Лѣтописей, изъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ памятниковъ, особенно же изъ Слова о Полку Игоревѣ,— все то, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи при былинахъ Княжескихъ; съ другой стороны въ народѣ сказалось представленіе о главномъ кругѣ—Владиміровомъ, и, при былинахъ Княжескихъ, отдѣлились и особенно развились другія, переносившія все въ эпоху Владиміра, все, даже позднѣйшее. Тѣмъ только и отличаются эти Владиміровы, Богатырскія былины отъ Княжескихъ: въ Княжескихъ— содержаніе текущее, съ сохраненіемъ послѣдовательности, съ бо́льшею вѣрностію дѣйствительности: во Владиміровыхъ содержаніе старшее и новѣйшее—все сведено къ одной эпохѣ Владиміра, все окрашено ея общимъ цвѣтомъ; въ Княжескихъ герои—Князья, подъ ихъ собственнымъ именемъ, съ чертами разныхъ мѣстностей или по крайности въ образѣ Княжескомъ: во Владиміровомъ всѣ главные герои—Богатыри, всѣ Кіевскіе, всѣ по отношенію къ Кіеву, всѣ лица одной эпохи; въ Княжескихъ, сообразно позднѣйшему содержанію, творчество слабѣе и ближе къ дѣйствительности: въ Богатырскихъ занимаются силы издалека, творчество шире и полнѣе, образы вмѣстительнѣе, отъ самыхъ первыхъ доисторическихъ воззрѣній до самыхъ положительныхъ и наглядныхъ. Почему творчество избрало такой путь въ сихъ послѣднихъ, почему въ этомъ старшемъ, первоначальномъ и главномъ видѣ своемъ сосредоточило все около Владиміра, сдѣлавъ особый кругъ пѣсень,—это тайна самого творчества. Мы можемъ лишь догадываться, что тому были двѣ причины: одна, что время Владимірово было дѣйствительно самой лучшей эпохой нашей первоначальной исторіи, самымъ прочнымъ началомъ жизни новой, единственно-возможнымъ Русскимъ Олимпомъ, какъ выразились мы выше; другая причина, что по коренномъ измѣненіи жизненныхъ началъ, по запустѣніи Кіевской области, по водвореніи тамъ Татаръ, ушедшіе переселенцы и вообще потомки, преемники перваго періода Русской исторіи естественно обращали свои взоры назадъ и окрашивали минувшее всѣми радужными цвѣтами, соединяя всѣ черты пройденной эпохи, всѣ образы, въ ней возникшіе, къ одному кругу, къ одному

любимѣйшему имени Владиміра, къ одной мѣстности, къ одному характеру.—е) *Время Татарское*, или, вѣрнѣе, время *появленія* Татаръ и *первыхъ успѣховъ* ихъ, есть время заключительное для перваго періода нашей исторіи, не столько въ смыслѣ грубаго варварскаго нашествія, сколько въ значеніи перелома внутренняго, измѣненія отношеній въ самихъ коренныхъ народныхъ началахъ, того единственнаго условія, по которому возможно стало и внѣшнее господство Татарское. Здѣсь кончается и самый первый, старшій и лучшій періодъ нашего былеваго творчества, кончаются Былины Богатырскія, Владиміровы. Но на этомъ рубежѣ онѣ еще разъ, и уже послѣдній, сходятся съ лѣтописями въ изображеніи гибели богатырей, въ самомъ описаніи осады Кіева. Такъ Лѣтопись Волынская описываетъ слѣдующимъ образомъ нашествіе Батыя (подъ 1240-мъ г.): «Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила Татарьская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его,» и проч. Въ былинахъ, намъ извѣстныхъ, это событіе изображено многими яркими чертами и весьма близко къ лѣтописи; на примѣръ (вып. 4):

Подымался Батый царь, сынъ Батыевичь,
Собралъ собака силы трехъ годовъ,
Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
Сорокъ королей, королевичей;
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ...
Похваляется: «Дашь—не дашь, за боёмъ возьму,
«Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
«Князя со княгинею въ полонъ возьму,
«Божьи церкви на дымъ спущу,
«Чудны иконы по пла́вь рѣки,
«Добрыхъ мо́лодцевъ полоню станицами,
«Красныхъ дѣвушекъ плѣни́цами,
«Добрыхъ коней табу́нами.»

Или (вып. 1, со вставкою имени Калина вмѣсто Батыя):

Силы-то было видимо не видимо,
Ни смѣтить силы, ни списать нельзя...
... Накатилась сила невѣрная,
Что того было Калины царя,
Обстала престольный Кіевъ градъ,
Вокругъ на шестьдесятъ верстъ...
Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь, Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою со поганою:
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ-тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго
А и мѣсяцъ-солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещёнымъ намъ живымъ быть.

Сопутственно и одновременно такому изображенію, мы видѣли, возникъ цѣлый рядъ былинъ, образовъ и очертаній, заключающихъ былевое творчество Владимірово или Кіевское, въ которыхъ передается *умираніе* богатырства и цѣлаго порядка вещей, съ нимъ связанныхъ. Дальше этого рубежа былины Владиміровы не переходятъ. Все, что было позднѣе, не вносится въ кругъ Владиміровъ; заносятся лишь два-три имени, на примѣръ *Мамай*, поле *Куликово*, *Ермакъ*, но заносятся такъ, что ихъ легко отдѣлить, какъ посторонною вставку: Мамай не описанъ въ очеркахъ историческихъ, нѣтъ событій, исключительно принадлежавшихъ его времени, онъ осаждаетъ Кіевъ, и во времена Владиміра; поле Куликово также лежитъ подъ Кіевомъ, на немъ подвизаются Кіевскіе богатыри, безъ

налѣйшей подмѣси изъ эпохи Дмитрія Донскаго; Ермакъ не покоряетъ Сибирь, не служитъ Москвѣ, а служитъ Кіеву и Владиміру, при томъ такъ, что творчество само помогаетъ намъ отдѣлить эту личность отъ эпохѣ богатырской, изображая Ермака племянникомъ Ильѣ, дитею двѣнадцати лѣтъ, крайне младшимъ, зашедшимъ изъ эпохи другой, назначеннымъ для эпохи позднѣйшей. Внѣ подобныхъ, слишкомъ явныхъ вставокъ, творчество до того строго, что въ кругъ Владиміровъ не заноситъ ни именъ послѣдовавшихъ князей, ни событій Новгородскихъ, а тѣмъ менѣе какихъ либо именъ и событій Московскихъ. Для сихъ послѣднихъ существуютъ былины совсѣмъ иныя, строго различаемыя творчествомъ отъ былинъ Владиміровыхъ и Кіевскихъ, — былины Новгородскія, Княжескія, Татарскія, Московскія. Къ нимъ-то и перейдемъ мы въ слѣдующихъ выпускахъ.

Между тѣмъ, какъ ни долго останавливались мы на лицахъ, образахъ и чертахъ *Владиміровa времени*, стараясь ихъ возстановить, пополнить или уяснить по даннымъ народнаго творчества, большею частію по самимъ былинамъ, отчасти же съ помощію другихъ источниковъ,—а все еще далеко до конца. Множество мелкихъ подробностей оставлены почти нетронутыми; даже такія лица, какъ Владиміръ и Апраксія, не нашли у насъ отдѣльнаго объясненія, на томъ впрочемъ законномъ основаніи, что въ творчествѣ образы ихъ дѣйствительно блѣднѣе образовъ богатырскихъ и составляютъ только зеркало, оттѣнокъ или отпечатокъ сихъ послѣднихъ, смотря потому, что подойдетъ и приблизится. Дѣла еще много впереди, не намъ однимъ, а и всѣмъ любителямъ, всѣмъ изслѣдователямъ народнаго былеваго творчества. Въ этомъ весьма много поможетъ имъ *Указатель*, одинъ—составленный нами къ I-й части Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, другой—назначенный къ концу II-й части изданія П. Н. Рыбникова. Въ обоихъ нихъ мы совершенно исчерпываемъ содержаніе, пріемы творчества и даже самый языкъ Пѣсенъ *Времени Владимірова*.

° °
°

Теперь же, въ заключеніе этого Времени, разставаясь съ его пѣснями навсегда при концѣ I-й части собранія П. В. Кирѣевскаго, мы дополнимъ нѣкоторыя данныя изъ *Сказокъ*.

Народныя Русскія Сказки дѣлятся на нѣсколько отдѣловъ, болѣе или менѣе интересныхъ для насъ по отношенію къ Былинамъ.

Однѣ въ собственномъ смыслѣ *Былевыя*, *Богатырскія*, разсказываютъ про тѣхъ же богатырей и почти то же, что и въ Былинахъ. Чѣмъ опредѣленнѣе лицо богатыря, тѣмъ ближе онъ заученъ Былинѣ, составляя неотъемлемое ея достояніе. Сказка на этой ступени повторяетъ лишь Былину, и есть въ основѣ своей ничто иное, какъ Былина, только разложившаяся и перешедшая въ Сказку черезъ посредство Побывальщины или Бабьей Старины, при чемъ исчезаетъ стихъ, слагается особый сказочный складъ или распѣвъ, получаютъ мѣсто нѣкоторые особые сказочные пріемы, краски, подробности. Таковы, на примѣръ, Сказки объ *Ильѣ Муромцѣ*, о *Добрынѣ Никитичѣ*, изъ Новгородскихъ о *Васькѣ Буслаевѣ*, изъ Княжескихъ объ *Акундинѣ*, и т. п. Онѣ живутъ еще отчасти устнымъ употребленіемъ, но уже чаще попадаются нынѣ въ рукописяхъ и переходятъ порою цѣликомъ въ изданія лубочныя. Въ нашемъ изданіи мы приводили ихъ между прочимъ изъ Собранія г. Сахарова, хотя нельзя не замѣтить, что здѣсь онѣ значительно подправлены и поддѣланы.

Другія, въ собственномъ смыслѣ *Сказки*, также *Былевыя*, но не Богатырскія: объ нихъ говорили мы подробно въ «Замѣткѣ» къ 3-му выпуску. Возникаютъ онѣ независимо отъ Былинъ, хотя не рѣдко и обмѣниваются съ ними нѣкоторыми чертами и даже героями. Во первыхъ, сюда переходятъ иные богатыри изъ Былинъ, благодаря расплывчивости своихъ чертъ, какъ это, на примѣръ, видѣли мы касательно *Потыка;* но, перешедши сюда, они большею частію уже теряютъ свое имя, уберегаютъ лишь кое-какія черты, и то разбросанныя по сказкамъ разнымъ, среди обстановки совершенно уже сказочной. Во вторыхъ, главный сказочный герой такого рода есть *Иванъ-богатырь:* девять десятыхъ сказокъ приходится на него; впрочемъ, названіе «богатыря» онъ можетъ носить только по родству съ Иваномъ Гостинымъ сыномъ и Годиновичемъ, притомъ съ отвлеченной лишь точки зрѣнія и въ самомъ общемъ смыслѣ, ибо въ разныхъ видахъ своихъ, какъ мы знаемъ, сближается чертами съ Микулою, съ Ильею, съ Добрынею, и т. п.; въ собственномъ же, сказочномъ видѣ своемъ дробится онъ на тысячу лицъ подъ именами «Крестьянскаго сына,» «Купеческаго,» «Царевича,» «Дурачка,» и т. д. Въ третьихъ, такъ какъ это лицо, отъ самаго

глубокаго доисторическаго времени, чрезъ всю исторію, сопровождаетъ развитіе Русскаго человѣка, являясь представителемъ его съ разныхъ сторонъ, подлежащихъ вѣдомству Сказки, то при немъ не рѣдко встрѣчаются лица и имена чисто-богатырскія, только въ сказочной обстановкѣ. — Со всѣхъ трехъ, разобранныхъ сейчасъ сторонъ, сказки этого рода крайне важны для изученія нашего былевого творчества, составляя, такъ сказать, его изнанку или перелицовку, во многомъ пополняя его образы, давая возможность при типахъ Русскаго *народа*, обособленныхъ Былинами, усматривать черты Русскаго *человѣка*, черты мимолетныя, легкія, расплывчивыя, иногда съ трудомъ уловимыя, обиходныя, житейскія, но, тѣмъ не менѣе, порою весьма глубокія, внутреннія и даже самыя древнія. Сказки эти преимущественно устныя и обыкновенно чисто-народныя; въ лубочныхъ изданіяхъ не рѣдки; въ рукописяхъ же встрѣчаются мало, ибо записываться стали не такъ давно.

Мы пока остановимся на нихъ, чтобы воспользоваться кое-какими чертами для своего дѣла, сверхъ того, что уже было сказано при 3-мъ и выше при 4-мъ выпускѣ, и воспользуемся преимущественно лучшимъ собраніемъ въ этомъ родѣ, г. Аѳанасьева (пять выпусковъ).

Въ сказкѣ изъ собранія П. В. Кирѣевскаго (напечатанной у г. Аѳан., вып. 3, стр. 39—45), *Илья Муромецъ*, между извѣстными своими подвигами, совершаетъ и такіе, которые свойственны Ивану, избавляетъ королевну отъ змѣя и встрѣчается въ лѣсу съ *Бабой-Ягой*, справляясь съ нею подобно какъ съ Бабой-Горынинкой или Алатыркой.

Въ сказкѣ *Иванъ-дуракъ*, гдѣ онъ отождествляется съ Микулою (Аѳан., вып. 2, стр. 8 — 12), при Иванѣ помѣщается *Илья Муромецъ*, въ служебномъ положеніи; съ Ильею рядомъ, и въ томъ же положеніи, какой-то сильный богатырь *Ѳедоръ Лыжниковъ*; *Добрыня* посланъ па всѣхъ трехъ отъ царя, но обманомъ Ивана потерялъ свою голову.—Въ другой подобной же сказкѣ («Русск. нар. ск.» г. Броницына, стр. 27—43), гдѣ Иванъ является подъ именемъ «Голя Воянскаго» и также сходенъ съ Микулою, роль, одинаковую съ Ильею и Ѳедоромъ Лыжниковымъ играютъ *Чурила Пленковичь*, «молодой богатырь,» *Еруславъ Лазаревичь* и *Бова, Королевичъ сынъ*.—Наконецъ въ третьей сказкѣ того же рода (Аѳан., вып. 5, стр. 48 — 52), Иванъ, тожде-

ственный съ Микулою, подъ именемъ *Өомы Беренникова* обращаетъ въ службу себѣ *Илью* и *Алешу Поповича*.

Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ Иванъ является сначала въ видѣ униженномъ, въ бѣдности, въ горѣ, какъ горемыка-пахарь (подъ именемъ «Өомы Беренникова» онъ кривой сынъ старухи, какъ поѣхалъ пахать—«лошаденка худенькая, взяло его горе»): и, не смотря на то, какъ выпрягъ онъ кобылку изъ сохи и поѣхалъ на подвиги съ богатырями, онъ перепугалъ всѣхъ, богатыри почтительно ему служатъ. Съ этой стороны (вып. 3, «Замѣтка,» стр. XXII, XXIII) мы не усомнились указать въ немъ тожество съ знаменитымъ Микулою, прибавивши только замѣчаніе: «тогда какъ черты Микулы въ высшей степени строги, Иваномъ овладѣваетъ въ сказкѣ шутка...; его исторія есть совершенно исторія Микулы Селяниновича, только на выворотъ и въ шутку.» На томъ же основаніи, по униженному виду, по по торжеству въ послѣдствіяхъ, сблизили мы, съ этимъ образомъ Ивана и Микулы, сказочнаго «Мужичка съ ноготокъ, бородка съ локотокъ,» который помялъ бока самому Ильѣ Муромцу. Догадка наша по крайнему счастью оправдана теперь вышедшимъ недавно 5-мъ выпускомъ Сказокъ г. Аөанасьева, гдѣ крохотное, но торжествующее лицо носитъ прямо имя *Микулки*; такъ (стр. 86—90) читаемъ: «Въ одной деревнѣ жили-были мужикъ да баба, дѣтей у нихъ не было. Стали они Богу молиться да просить себѣ дѣтища. Услышалъ Богъ молитву. Говоритъ однажды мужикъ бабѣ: «Старуха, нѣтъ ли у насъ какого полѣна, я нащиплю лучины?» Баба въ отвѣтъ:—Возьми, старикъ, въ печкѣ.—Мужикъ взялъ топоръ, досталъ полѣно и давай лучину щепать; щепалъ-щепалъ, и отрубилъ себѣ пальчикъ: изъ того пальчика сдѣлался мальчикъ, да такой рѣзвой, разумной, — только народился, а ужь съ отцемъ съ матерью разговариваетъ. Возрадовались мужикъ съ бабою, возблагодарили Господа и назвали своего мальчика «*Микулка* Четвертной (имя это предполагаетъ существованіе Микулы Большаго).» Это сказочный «Мальчикъ съ пальчикъ,» совершающій такіе же изумительные подвиги, какъ Голь Воянскій, Иванъ-дуракъ, Өома Беренниковъ. Онъ и пашетъ, какъ Микула: «Пришелъ на отцовскую полосу: «Ѣшь, батюшка, блины, а я пахать стану.»—Гдѣ тебѣ пахать? ты еще за соху не ухватишься.—«Ничего, я малъ, да удалъ.» Усѣлся поверхъ сошника, взялъ возжи, и ну пахать землю.» Въ другой замѣчательнѣйшей сказкѣ (Аөан., вып. 5, стр. 127 — 131), Иванъ-царе-

вичь, выражая собою развитіе Русскаго человѣка въ эпоху доисторическую, проходитъ разные виды бытія, въ томъ смыслѣ, какъ разъяснено нами при 3-мъ выпускѣ («Замѣтка,» стр. XX, XXI); отъ страшнаго звѣря ищетъ онъ спасенія поочередно у коня, гусей, потомъ быка. Быкъ говоритъ: «Зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте: изъ нихъ выйдетъ *Мужичокъ-кулачокъ*, *самъ съ ноготокъ*, *борода съ локотокъ*. Онъ для васъ все сдѣлаетъ.» Такъ и случилось, Мужичокъ—мы знаемъ его тождество съ Микулою—сопровождалъ съ тѣхъ поръ Ивана повсюду среди подвиговъ и спасалъ. Образъ быка, заключающаго въ себѣ міръ, всѣ виды разнообразнаго бытія, извѣстенъ въ миѳологіи, особенно Восточной и Славянской; когда онъ убитъ и разрѣзанъ, высвобождается міръ, человѣкъ выходитъ на свѣтъ Божій; это тотъ же образъ, что міръ изъ раздавленнаго яйца (см. «Зам.» 3-го вып., стр. XXI). Такъ и здѣсь: для Русскаго *человѣка*, послѣ долгихъ переходовъ развитія, высвободился міръ, въ смыслѣ уяснившагося вѣросознанія и сложившагося міра-народа; изъ этого новаго порядка вещей возстаетъ лицо Микулы, представителя Земли и Земщины, представителя *народа*, и съ тѣхъ поръ идетъ объ руку съ Русскимъ человѣкомъ, помогая ему на всѣхъ послѣдующихъ путяхъ историческихъ.

Вообще касательно *Ивана* и судебъ его, выражающихъ собою судьбы Русскаго человѣка въ эпоху доисторическаго развитія, 5-й выпускъ Сказокъ г. Аѳанасьева представляетъ столько поразительныхъ данныхъ, столько пополненій и уясненій къ нашей «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ, что мы не рѣшаемся даже выписывать, — нужно бы выписать все; прося читателей обратиться туда прямо, при руководствѣ нашей «Замѣтки,» укажемъ здѣсь только нѣкоторые пути. Сюда относятся въ особенности Сказки: № 18, стр. 74—82, «Сивка-бурка, вѣщая каурка;» № 23, стр. 96—105, «Морской царь и Василиса Премудрая;» № 27 и 28, стр. 127—137, «Иванъ-царевичь и Елена прекрасная,» «Царь-медвѣдь;» № 35, стр. 164—175, «Иванъ-царевичь и Катома-дядька;» № 37, стр. 178—185, «Царевичь и его слуга;» № 41 и 42, стр. 197—205, «Иванъ-царевичь» и «Царь-дѣвица;» № 53 b.) и 54, стр. 237—250, «Кручина и утка съ золотыми яичками.» «Царевичь-Иванъ, Поваренко-Иванъ и Сученко Иванъ.» Во всѣхъ этихъ сказкахъ лицо, которому мы усвоили отвлеченно имя *Ивана-бо-*

гатыря, большею частію носитъ имя *Ивана*, *Иванушки*; онъ или *крестьянскій сынъ*, или *купеческій*, или *царевичь*; иногда заразъ въ трехъ видахъ, какъ разтроившееся лицо, *Иванъ-Царевичь*, *Иванъ Поваренко*, *Иванъ Сученко*; обыкновенно или *третій*, *меньшой сынъ*, или *поздно* родившійся у отца съ матерью, или даже *сирота* съ малолѣтства; порою даже *дуракъ*, въ смыслѣ послѣдняго уничиженія, въ заключеніе являющійся впрочемъ и умнѣе, и лучше другихъ; наконецъ при немъ иногда сестра, *Елена Прекрасная* или *Марья-царевна*, неизмѣнная спутница его, перешедшая во многія Славянскія преданія и въ знаменитый цвѣтокъ—*Иванъ да Марья*.— Онъ служитъ рабски разнымъ существамъ, исполняетъ ихъ уроки, совершаетъ за нихъ и ради нихъ подвиги, а они пользуются, завидуютъ ему, гоняютъ, препятствуютъ: это или *старшіе братья*; или *Водяной Царь*, закабалившій его слѣдующимъ образомъ: онъ выручилъ отца его изъ бѣды, съ уговоромъ—«отдай мнѣ чего дома не знаешь:» вернулся царь,—а дома у него родился сынъ, и этотъ сынъ сталъ крѣпостнымъ у Водянаго царя, долженъ былъ совершать на него подвиги: или это появившійся въ царствѣ отца его *Медвѣдь Желѣзная Шерсть*, который поѣдалъ всѣхъ людей, добрался и до Ивана-царевича, нужно было спастись отъ него,—то есть это то же, что приведенный нами въ «Замѣткѣ» 3-го выпуска Норка-звѣрь; или подобный же *Царь-Медвѣдь*, заполонившій себѣ Ивана какъ и Водяной Царь: отецъ на охотѣ нагнулся въ колодецъ испить воды, Царь-Медвѣдь ухватилъ его за бороду и отпустилъ съ однимъ условіемъ—«дай то, чего въ домѣ не знаешь;» заручённый такимъ образомъ въ рабство, Иванъ долженъ былъ прятаться отъ Царя-Медвѣдя въ подземелье и совершать переходы, чтобы убѣжать врага; или это осердившійся *отецъ*, которымъ обреченъ сынъ на блужданіе за то, что спасъ врага (ср. «Замѣтку» при 3-мъ вып., стр. XXIV); или *вѣроломный слуга* на дорогѣ, пользующійся подвигами и самымъ именемъ Ивана-царевича; или суровый и жестокій *хозяинъ*, задающій работнику тяжкіе уроки; или злая *мачиха*; наконецъ, сама, искомая Иваномъ невѣста, *Анна Прекрасная Королевна*, которая забираетъ въ руки жениха и заставляетъ его совершать труднѣйшіе подвиги. Лицо это обрисовано въ сказкѣ совершенно какъ *Волшанъ Волшановичь* въ былинѣ у П. Н. Рыбникова (см. «Зам.» при 3-мъ выпускѣ, стр. XVI—XIX); у ней даже знаменитая *Волшанская книга*, по которой отгадываетъ она загадки. Мѣсто это

стоитъ изъ сказки выписать. Иванъ-царевичь и Катома-дядька « собрались въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную Королевну. Ѣдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говоритъ Иванъ-царевичь: « Ѣдемъ мы, дядя, столько времени, приближаемся къ землямъ Анны Прекрасной Королевны, а не знаемъ, какую загадку загадывать. » — Еще успѣемъ выдумать! — Ѣдутъ дальше. Катома-дядька, Дубовая Шапка, глянулъ на дорогу,— на дорогѣ лежитъ кошелекъ съ деньгами; сейчасъ его поднялъ, высыпалъ оттуда всѣ деньги въ свой кошелекъ, и говоритъ: — Вотъ тебѣ и загадка, Иванъ-царевичь! Когда пріѣдешь къ королевнѣ, загадай ей такими словами: ѣхали, де, мы путемъ-дорогою, увидали— на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли, да въ свое добро положили. Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаетъ, только *взглянетъ въ свою волшебную книгу*; а какъ узнаетъ, то и велитъ отрубить тебѣ голову.— Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ-царевичь съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала Прекрасная Королевна; въ ту пору-времячко была она на балконѣ, увидала пріѣзжихъ, и послала узнать, откуда они и за чѣмъ прибыли? Отвѣчаетъ Иванъ-царевичь: « Пріѣхалъ я изъ такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную Королевну. » Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичь во дворецъ шелъ, да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ:—У меня, молвила, такой завѣтъ положенъ: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ итти за мужъ, а чью отгадаю, того злой смерти предать.—« Слушай, Прекрасная Королевна, мою загадку, » говоритъ Иванъ-царевичь: « ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали—на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли, да въ добро положили. » Анна Прекрасная Королевна *беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать, да отгадки розыскивать, всю книгу перебрала, а толку не добилась.* Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ выходить за мужъ за Ивана-царевича (ср. выше исторію *Потыка*, какъ искала надъ нимъ жена премудрости, какъ онъ—по сказкѣ—отгадывалъ ей загадки, и, по совершеніи подвиговъ, получилъ въ даръ чистую уже женскую половину, Анну Прекрасную Королевну). »—За тѣмъ начинаются подвиги Ивана, на пути выражаемаго ими развитія, и состоятъ въ слѣдующемъ: спускается въ подземелье и бродитъ по нему, по тремъ царствамъ отъ одного къ другому; строитъ хрустальный мостъ, садитъ

дивный садъ, отличаетъ невѣсту изъ двѣнадцати одноликихъ, истребляетъ множество яствъ, прохолаживаетъ раскаленную чудовищемъ для него и невѣсты чугунную баню, прячется или спасается бѣгствомъ отъ разныхъ враговъ; для измѣнившей сестры достаетъ живой и мертвой воды, молока отъ разныхъ звѣрей, яицъ Жаръ-птицы, убиваетъ разныхъ змѣевъ и войско ихъ; по повелѣнію невѣсты перетаскиваетъ большой чугунный столбъ, объѣзжаетъ дикаго коня, терпитъ отъ нея такое пожатіе руки, что «кровь въ лицо кинулась, глаза подъ лобъ ушли;» для измѣнника слуги дѣлаетъ конямъ золотой хвостъ, золотую гриву, по бокамъ часты звѣзды, коровамъ — золотые рога и проч., готовитъ кушанье на поварнѣ; для жестокаго хозяина ищетъ въ подземномъ царствѣ волшебнаго ящика, и т. д. — На этомъ пути подвиговъ встрѣчаетъ Иванъ, по обыкновенію, два главныхъ демоническихъ существа, представителей кочевья, иногда дружественныхъ, иногда враждебныхъ, *Ягу-Бабу* и *Кощея*, иначе *Дѣда*, *Вихря*.—Значеніе всѣхъ этихъ образовъ, доселѣ нами перечисленныхъ, болѣе или менѣе объяснено въ «Замѣткѣ» къ 3-му выпуску. Здѣсь же разберемъ мы самыя средства, которыми успѣваетъ Иванъ совершить свои подвиги, способы, которыми онъ спасается, товарищей и помощниковъ ему среди странствованій, однимъ словомъ все то, чѣмъ достигъ Иванъ избавленія, побѣды и торжества. Во первыхъ, это предметы и существа разныхъ царствъ природы, еще до человѣка: въ вѣросознаніи, прежде чѣмъ дойти до внутренняго человѣческаго духа, гдѣ было спасеніе, предстояло Русскому человѣку, въ эпоху доисторическую и общеславянскую, пройти такіе виды бытія, въ которыхъ властвовалъ надъ нимъ духъ внѣшній, силы космическія, отъ стихійности до организмовъ животныхъ, а потомъ чрезъ всѣ эти образы, чрезъ зооморфизмъ. Только совершивши подобный путь, можно было выйти къ цѣли, а потому самые образы природы, въ сказкѣ представленные уже совершенно внѣшними и наглядными, получаютъ здѣсь значеніе руководителей къ цѣли, помощниковъ, сотоварищей, спасителей. Вотъ они. — *Морозъ-Трескунъ*: Водяной Царь, божество стихійное, ожесточившись на успѣхи Ивана, приказалъ истопить для него и невѣсты чугунную баню; до красна раскалили печь и стѣны, такъ что за пять верстъ нельзя подойти. Такую печь дѣлывали нѣкогда въ язычествѣ по волѣ Кроническаго божества, Ваала, Дажбога; ее знаемъ мы по многимъ описаніямъ, даже по Библіи; то былъ символъ самого божества, жгучаго,

палящаго, все-пожирающаго, огненнаго; сюда сажали людей и жгли въ угоду бога. Такъ хотѣлъ сдѣлать и Водяной царь, младшій современникъ Славянскаго Дажбога, въ ожесточеніи своемъ взявшій средство сего послѣдняго; но Морозъ-Трескунъ, начало также стихійное, только другаго уже полюса, прихваченный Ваномъ на пути переходовъ какъ товарищъ, «пришелъ въ баню, въ одинъ уголъ дунулъ, въ другой дунулъ,—ужь сосульки висятъ.» Одно начало превозмогло другое, однимъ божествомъ обезсилено божество противное. Этимъ способомъ, въ вѣросознаніи, высвободился Русскій человѣкъ отъ Дажбога, стихіи жгучей, наиболѣе упорной и исключительной. Въ бытѣ вѣроятно соотвѣтствовалъ сему тотъ періодъ, когда, въ переходахъ кочевья, выдѣляясь мало по малу изъ прочихъ Славянъ, праотцы Русскаго народа перешли изъ странъ южныхъ, изъ климата знойнаго, сперва къ умѣренному и прохладному, потомъ даже въ страну морозовъ.— Въ другихъ сказкахъ помогаетъ Ивану *Вихорь Вихрёвичь*, *Громъ*, *Градъ*, и тому подобныя стихійныя начала, за оказанную имъ услугу или спасеніе ихъ отъ плѣна: дѣйствительно, высвободившись въ человѣческомъ вѣросознаніи отъ древняго исключительнаго Кроническаго божества, стихійныя начала повели человѣка далѣе къ зооморфизму и анѳропоморфизму, въ бытѣ же, чрезъ кочевье, способствовали ему выйти къ эпохѣ устройства народнаго. На этой же ступени появляются въ сказкахъ какія-то существа неопредѣленныя, почти безъ образа, въ родѣ отвлеченныхъ понятій, на примѣръ *Объѣдало* и *Опивало*: въ нихъ страшная сила, безмѣрная, нестройная, но все-таки и они на пользу человѣку. Водяной Царь, о которомъ говорили мы выше, разсердившись на Ивана и желая его притѣснить, выставляетъ безмѣрное множество яствъ и питья, задавая урокъ— поѣсть все и выпить; кликнулъ Иванъ Объѣдалу и Опивалу: все съѣдено, еще мало стало, все выпито, просятъ еще опохмѣлиться. Нѣтъ сомнѣнія, что этими средствами Иванъ потребляетъ языческія требы, упраздняетъ жертвы, уничтожаетъ тризны, игравшія такую обширную роль въ доисторическую, общеславянскую эпоху, среди кочеваго быта.—Вотъ, послѣ стихій, появляются и *организмы*, притомъ по строго-выдержаннымъ ступенямъ, отъ низшихъ до высшихъ, отъ растеній до человѣка: обыкновенно сперва *деревья*, потомъ *ракъ* или *щука*, далѣе *воронъ*, *соколъ* или *утка*, *волкъ* или *медвѣдь*, и т. п. Ихъ также предварительно спасаетъ Иванъ отъ какого либо страшнаго существа, то есть отъ древняго

божества, не допускавшаго жизни ничему органическому, и за то они послѣ выручаютъ его. Заключительною степенью, передъ появленіемъ *человѣка*, большею частію бываетъ *яйцо*, *быкъ*, *конь* или огромная *птица*. Въ «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ мы привели одинъ разсказъ объ *яйцѣ: щука* перевозитъ Ивана черезъ море; изъ найденнаго подъ *дубомъ* ящика выскочилъ и побѣжалъ *заяцъ*,— онъ пойманъ *волкомъ*; когда изъ разрѣзаннаго зайца выпорхнула *утка*, *ворона* нагнала *утку*, въ которой было *яйцо*. Накопецъ яйцо въ рукахъ у Ивана: прошедши всѣ возможные виды бытія, онъ дошелъ до средоточія, до скорлупы, въ которой сосредоточена смерть и жизнь, смерть для Кощея, для бытія прежняго, стихійнаго, для быта кочеваго, начало жизни для бытія новаго. Только пожать яйцо въ рукѣ, и Кощей чувствуетъ уже страшную боль; онъ молится: «не бей меня, Иванъ-царевичь! станемъ жить дружно, намъ весь міръ будетъ покоренъ,»— сознаніе, что въ яйцѣ сокрыта міровая сила, и, пока яйцо не тронуто, міръ не развивается, остается въ бытіи сокрытомъ, въ одной возможности. Но Иванъ-царевичь раздавилъ яйцо,—Кощей умеръ, начался новый порядокъ вещей. На этомъ же основана цѣлая сказка—объ *Уткѣ съ золотыми яичками*, гдѣ, за свое спасеніе, утка несетъ Ивану золотыя яица, и, даже послѣ того какъ она убита, въ яйцѣ источникъ богатства для Ивана и средство сдѣлаться царемъ. Тотъ же образъ въ другой сказкѣ: «Иванъ зоветъ царевну съ собою; «Какъ же я свое богатство брошу?» Взяла все свое *богатство*, въ золотое *яйцо* своротила и отдала Ивану; онъ положилъ то яйцо въ карманъ, и вмѣстѣ съ нею пошелъ назадъ,» изъ подземелья на свѣтъ Божій. Еще: *Кручина*, то же, что *Горе*, поселился въ крестьянскомъ домѣ, выскакиваетъ изъ запечки, все поядаетъ, виною голоду и всему злу. Но это же Горе, этотъ путь страданій, вывели Ивана въ люди: Кручина даритъ его отцу утку, утка несетъ *золотыя яйца*, и черезъ нихъ Иванъ богатѣетъ, достигаетъ царства. Есть еще одинъ образъ, необычайно поэтическій: Иванъ добивается любви Царь-Дѣвицы; но *любовь* Царь-Дѣвицы скрыта въ *яйцѣ*; Иванъ по указанію находитъ дубъ, «на той сторонѣ Океана-моря,» снимаетъ съ дуба сундукъ, вынимаетъ изъ него зайца, изъ зайца утку, изъ утки яйцо; Царь-Дѣвица «съѣла его, и въ ту жь минуту крѣпко-крѣпко полюбила Ивана.» Въ яйцѣ скрыто начало творческое, согрѣвающее, высшая человѣческая сила, дающая Ивану счастіе и блаженство.—

Бык, по самому корню слова тождественный съ *бытіемъ*, заключаетъ въ себѣ, какъ говорили мы выше, тѣ же начала разнообразнаго бытія и, по убіеніи, открываетъ входъ въ міръ человѣческій. Мы видѣли уже, какъ *Царь-Медвѣдь* закабалилъ себѣ Ивана: въ этомъ видѣ, какъ знаемъ мы изъ многихъ миѳологій, представлялся древній богъ, послѣ того какъ его бросали и онъ ожесточался на новый порядокъ вещей, на существа юныя. Иванъ-царевичь съ сестрою прячутся отъ него въ подземелье: но Медвѣдь отрылъ ихъ и помчалъ. Прилетѣлъ *Соколъ*, хотѣлъ спасти ихъ, поднялъ на крыльяхъ, но Медвѣдь «обжогъ ему пламенемъ крылья.» Хотѣлъ помочь *Орелъ*, но та же участь. Тогда «откуда не взялся *Бычокъ*, замоталъ головой и спрашиваетъ: «Иванъ-царевичь, Марья царевна! Вы какими судьбами здѣсь очутились?» Они разсказали. «Хотите, я васъ унесу?»— Куда тебѣ! насъ уносила птица-соколъ да птица-орелъ, и то не смогли; ты и подавну не сможешь! — «Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мнѣ на спину.» И точно, бычокъ спасъ, *залѣпляя глаза* Медвѣдю, и принесъ на полянку. «Вотъ вамъ домъ,» сказалъ бычокъ; «живите не тужите! А на дворѣ приготовьте сейчасъ костёръ, зарѣжьте меня, да на томъ кострѣ и сожгите.»— Ахъ, говорятъ царскія дѣти, за чѣмъ тебя рѣзать? Лучше живи съ нами; мы за тобой будемъ ухаживать, станемъ тебя кормить свѣжею травою, поить ключевой водою.—«Нѣтъ, сожгите меня, а пепелъ посѣйте на трехъ грядкахъ: на одной грядкѣ выскочитъ *конь*, на другой *собачка*, а на третьей выростетъ *яблонька*.» Конь вымчалъ Ивана, изъ кочевья къ сложившемуся народу; собака загрызла змѣя, этотъ символъ лукавства и двусмыслія, а вмѣстѣ и древняго божества; яблонь спасла какъ привѣтъ осѣдлости, какъ знаменитое въ миѳологіяхъ дерево *Гомъ*. Быка увидимъ еще ниже.—*Конь*—знамя перваго раздѣленія народовъ, первый выходъ человѣка на путь развитія, первое существо, начинающее періодъ народнаго обособленія, воспѣтое съ такимъ увлеченіемъ въ древней восточной поэзіи, главный другъ и товарищь кочезника, вынесшій его наконецъ изъ безконечнаго блужданія къ осѣдлости. Съ тѣмъ же характеромъ изображается онъ въ сказкахъ: черезъ него спасеніе. Иванъ блуждаетъ въ подземельѣ, наталкивается на Дѣда—Кощея. Дѣдъ его пытаетъ: «Чего ты пришелъ?»— Биться. — Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дѣдъ ошибся, далъ Ивану сильной воды напиться, а самъ простой выпилъ. Сталъ Иванъ осиливать; Дѣдъ

ему и говоритъ: «Не добивай меня! возьми себѣ въ погребѣ камень кресало (кремень съ огнивомъ) да трехъ сортовъ шерсть, — въ бѣдѣ пригодится!» Припаливши шерсть двухъ сортовъ, Иванъ получилъ сѣраго и вороного коня, но они не годились. «Припалилъ рыжую шерсть,—бѣжитъ рыжій конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пара пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?»—Плюнуть не успѣешь!—Сѣлъ на того коня, и *очутился въ своей землѣ.*» На томъ же представленіи основана цѣлая сказка «*Сивка-бурка, вѣщая каурка.*» Въ награду за уваженіе, отецъ по смерти даритъ сыну Ивану-дураку *три конскихъ волоса*. «Дуракъ вышелъ въ заповѣдные луга, прижогъ-припалилъ три волоса и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ *въ лѣвое ушко влѣзъ — напился-наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ,—не выдумать, не взгадать, ни перомъ написать.*»Тѣмъ же способомъ, *проходя черезъ коня*, Иванъ добылъ себѣ царевну, богатство и царство.—О *Птицѣ*, спасающей представителя русскаго человѣка, Ивана, мы говорили уже при 3-мъ выпускѣ («Зам.» стр, XVIII—XX): *Могуль-птица*, *Ногъ*, *Нога*, *Страфиль*, *Стратимъ*, и т. д. Въ сказкахъ, о которыхъ идетъ дѣло, изъ 5-го выпуска г. Аѳанасьева, является часто съ тѣмъ же значеніемъ *Орелъ* и *Соколъ*. Но *Жаръ-птица* по прежнимъ сказкамъ извѣстна была намъ только лишь какъ цѣль, къ которой стремится достигнуть Иванъ для своего спасенія, по задачѣ отъ притѣснителей; теперь же, вып. 5, стр. 204, она еще яснѣе, она выноситъ Ивана отъ Яги-Бабы на свѣтъ Божій: «Налетѣли со всѣхъ сторонъ всякія птицы; прилетѣла и *Жаръ птица*. «Садись скорѣй на меня, сказала Жаръ-птица, и полетимъ куда тебѣ надобно, а то Баба-Яга съѣстъ тебя!» Такъ она и спасла его.—Наконецъ, за животными, появляется *Человѣкъ:* дошедши до сознанія внутренняго своего духа, до самосознанія, до предѣловъ собственно-человѣческаго бытія, открывши себѣ истинное средоточіе, человѣкъ Русскій развернулъ отсюда и высшія представленія вѣросознанія, близкія къ Христіанству, и выработалъ окончательно языкъ для выраженія жизни духовной, отдѣлилъ отъ себя міръ пройденный

какъ внѣшній, какъ природу, положилъ основы разумному человѣческому быту, а этотъ бытъ есть бытъ сложившагося народа, есть міръ-народъ какъ форма человѣчества, съ осѣдлостью, съ учрежденіями, съ исторіей, съ Христіанствомъ. Потому въ концѣ переходовъ своего развитія Иванъ спасается, по свидѣтельству сказокъ, *Человѣкомъ*. Но и тутъ въ образахъ творчества есть ступени. Сначала, на примѣръ, Иванъ въ подземельѣ находитъ *чудесный ящикъ*: изъ него, по приказу, выскакиваютъ *люди* и спасаютъ Ивана. Потомъ являются существа, не совсѣмъ еще человѣческія и народныя; *Никаноръ-богатырь* и *Бѣлый Полянинъ*. Они помогаютъ Ивану въ эпохѣ еще блужданія и кочевья: добываютъ стада, золотогривыхъ коней, золоторогихъ коровъ, побиваютъ змѣевъ и толпы непріятелей, сопровождаютъ на охотѣ; здѣсь самъ Иванъ еще кочевникъ, пастухъ стадъ; когда выноситъ его конь изъ этого періода, Иванъ даже побиваетъ прежнихъ помощниковъ, какъ убилъ, на примѣръ, Бѣлаго Полянина (это конечно то же, что Поляница, представитель кочевья). Далѣе спасаетъ Ивана *Катома-дядька Дубовая шапка: Катома* то же что *сума*, знамя перехожей жизни и всѣхъ Калѣкъ; *Дубовая шапка* то же, что *шляпа земли греческой* или *колоколъ* на головѣ Калѣкъ перехожихъ. Мало того: потерявъ ноги, Катома становится *безногимъ богатыремъ* и соединяется для спасенія Ивана съ *богатыремъ слѣпымъ*,—все это Калѣки, главныя лица и представители кочевья. Сообразно тому и помощь ихъ Ивану ограничивается тѣмъ же завѣтнымъ кругомъ кочеваго быта: они объѣзжаютъ Ивану ретиваго коня; они садятся на передкѣ его повозки возницею: они, по словамъ сказки, тащатъ его «по кочкамъ и рытвинамъ,» по извѣстному намъ *приточному* пути; они задаютъ неразгадаемыя притчи и загадки,—лучшее выраженіе того не разрѣшеннаго бытія; они живутъ охотою и по духу слышатъ звѣрей, какъ истый кочевникъ; наконецъ учатъ Ивана пасти коровъ, и т. д. Здѣсь еще *путь* къ народу, но не самый *выходъ*. Настоящими спасителями Ивана, доведшими его до Земли, до Міра-народа, до Христіанства и всего того, чѣмъ заключился путь блужданія и зачался совершенно новый порядокъ вещей, являются въ сказкахъ *Микула* и *Василиса Премудрая*. Какъ послѣднее завершеніе долгаго пути развитія, какъ цѣль конечная, Микула зародился въ представленіи Русскаго человѣка еще по ту сторону сложившагося міра-народа, еще въ эпоху доисторическую, общую всѣмъ Славянамъ, даже

въ самомъ началѣ ея, какъ начало къ себѣ влекущее, изъ за котораго и предпринятъ былъ путь развитія, поднятъ тяжкій трудъ безчисленныхъ подвиговъ. Но, присутствуя въ сердцѣ Русскаго человѣка, носимый имъ какъ завѣтное сокровище, этотъ типъ вначалѣ былъ еще сокрытымъ, какъ сокрыта была сама внутренняя область духа; онъ даже не былъ еще типомъ, не былъ образомъ, а только таящимся сѣменемъ. Царившее божество въ вѣросознаніи, царившее какъ духъ внѣшній, развитой въ дѣйствительности бытъ кочевья, шумъ битвъ на пути, скрипъ телѣгъ въ переходахъ, гамъ табора, весь этотъ міръ нестройности и внѣшности заслонялъ собою образъ Микулы, заглушалъ его влекущій изъ внутри голосъ, низводилъ его существо въ бытіе сокрытое, инстиктивно лишь ощущаемое, но сознанію невѣдомое, творчеству недоступное. И когда такое бытіе было разорвано, убито, тогда на рубежѣ стараго порядка вещей Микула явился еще, какъ мы видѣли, въ уничиженномъ видѣ, Мужичкомъ съ локотокъ, Мальчикомъ съ пальчикъ. Такимъ лишь знаютъ Микулу сказки, такимъ лишь вводятъ его въ сотоварищи Ивану, заставляя блуждать съ нимъ передъ вожделѣннымъ концемъ освобожденія; и только начиная догадываться, что этотъ Мужичокъ съ ноготокъ, этотъ Мальчикъ съ пальчикъ способенъ совершать чудеса, съ недоумѣніемъ останавливается сказка передъ этимъ образомъ: она выходитъ изъ недоумѣнія, обращая Микулу въ образъ шуточный, въ насмѣшливую перелицовку, какъ будто такая дѣйствительность была невозможна на самомъ дѣлѣ. Но, чего не смогла Сказка, изображающая намъ русскаго *человѣка*, на *пути* развитія, гдѣ запнулась она въ недоумѣніи и оставила слово недосказанное, тамъ подоспѣла Былина. Лишь съ утвержденіемъ новаго порядка вещей дозрѣлъ образъ Микулы: лишь Владимірово, Кіевское творчество вывело его предъ наши взоры во всемъ торжествѣ побѣды. Такова же была Василиса. Дочь Водянаго Царя, она зародилась еще изъ волны, какъ Афродита, она также давно зачалась какъ Афродита, одна изъ самыхъ старшихъ богинь Востока. При всякой уступчивости одного божества, смѣнявшагося другимъ въ вѣросознаніи, она была женскою его половиной, выражавшею уступчивость и стихійность, и, изъ матери всякого новаго начала, переходила въ подругу его, энергическую спутницу судебъ его. Она сопровождала Русскаго человѣка, въ лицѣ Ивана, по всему пути доисторическаго развитія: она именно та *царевна*, которой добивался Иванъ, по словамъ всѣхъ нашихъ сказокъ, изъ

за которой совершалъ тяжкіе подвиги, то полная любви — какъ Афродита, бѣгущая съ Иваномъ отъ преслѣдованій отца, безвозвратно ему преданная, нерѣдко даже имъ забытая, то измѣнчивая и капризная, въ капризѣ своемъ требовательная и энергическая, какъ та же Афродита, какъ извѣстная у насъ Царь-Дѣвица, притѣснительница жениха, орудіе горькихъ испытаній его (иногда она въ томъ же двоякомъ значеніи является сестрою Ивана). Ее отучалъ отъ строптивости и укрощалъ Катома-дядька въ эпоху кочевья; ея любви искалъ Иванъ въ яйцѣ за далекимъ Океанъ-моремъ. Только передъ концемъ пройденнаго поприща она становится уже образомъ опредѣленнымъ; только послѣ долгихъ страданій Ивана, когда на помощь ему появились уже *люди* и близокъ былъ выходъ ко спасенію, является она съ нимъ объ руку, достойна руки его, даетъ ему счастіе, сама уже развитая и окрѣпшая въ своемъ типѣ, не только *Василиса Прекрасная, Лѣпообразая*, но и Василиса *Мудрая*, и *Премудрая*. Такъ и Былины знаютъ еще дочь Микулову *Поляницею*, героинею поля и кочевья, переходовъ и дѣвическихъ подвиговъ, до замужства. Сказки кончаютъ свадьбою: Былины продолжаютъ далѣе. Здѣсь она дочь Микулы, представителя новаго порядка вещей, и дѣлится на двѣ половины: обѣ прекрасныя, но одна сестра, Настасья, вся любящая и нѣжная, какъ одна сторона Афродиты; другая Василиса, величавая и строгая, грозная и мужественная. Только позднѣйшее творчество способно было раздѣлить этотъ образъ на черты болѣе опредѣленныя, сдѣлать изъ одного—два существа близкія и родственныя, но не сливаемыя. По Былинамъ, воспитавшись въ лучшемъ и старшемъ домѣ Земщины, Василиса выходитъ за Богатыря, за Дружинника, и сопутствуетъ ему въ тѣхъ Дружинныхъ подвигахъ, которые зачинались отъ Земли: по Сказкамъ она воспиталась среди началъ стихійныхъ и кочевыхъ, идетъ за того, кто стремился выйти изъ Кочевья къ Землѣ, и помогаетъ ему на этомъ пути, и способствуетъ его водворенію, его счастію. Роли противуположныя, сходившіяся только въ смежныхъ концахъ своихъ. Дѣло такъ важно, что мы подробно разберемъ данныя и объ Микулѣ сказочномъ, и объ сказочной Василисѣ Премудрой. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь на царствѣ, король на королевствѣ, и были у него дѣти: сынъ Иванъ-царевичь и дочь Елена Прекрасная.» Судя по прочимъ даннымъ, это безмятежное время было еще по ту сторону рѣшительнаго раздѣленія на-

родовъ, когда царилъ древнѣйшій богъ въ вѣросознаніи, когда начало Русское (съ сопутствующей женской половиной) только лишь зарождалось въ общеславянскомъ лонѣ: такъ называемое *золотое время*, отозвавшееся въ другихъ сказкахъ тѣмъ, что Иванъ переходитъ три царства —залотое, серебряное, мѣдное, получаетъ три такихъ же кольца, и т. п. «Появился въ его царствѣ Медвѣдь Желѣзная Шерсть и началъ его подданныхъ ѣсть. Ѣстъ Медвѣдь людей, а царь сидитъ да думаетъ, какъ бы ему спасти дѣтей своихъ. Велѣлъ онъ построить высокой столбъ, посадилъ на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную, и пищи *) имъ поклалъ туда на пять лѣтъ.» Изъ другихъ миѳологій и выше изъ Русской мы знаемъ, кто такой этотъ Медвѣдь: подъ его образомъ древній богъ. Это былъ для Славянъ Сварогъ: но, когда началось движеніе въ прежнемъ невозмутимомъ началѣ, когда народилось начало новое, древнее божество ожесточилось, сдѣлалось исключительнымъ, мстительнымъ, всепожирающимъ. Сварогъ преобразился въ Сварожича, въ Дажбога, и явился въ образѣ лютаго звѣря. Этой минутѣ для всѣхъ народовъ соотвѣтствовало построеніе знаменитаго столба, которымъ думали спасти колебавшееся единство вѣросознанія, удержать распаденіе, остановить раздѣленіе народовъ, или по крайности создать средоточіе для сближенія, спастись въ этомъ внѣшнемъ единствѣ. «Переѣлъ Медвѣдь всѣхъ людей,» разными средствами, которыя здѣсь долго бы было объяснять, узналъ о столбѣ, гдѣ спасались братъ съ сестрою, «прибѣжалъ Медвѣдь ко столбу и началъ его раскачивать. Испугался Иванъ-царевичъ и бросилъ ему пищи, а Медвѣдь наѣлся да лёгъ спать. Спитъ Медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки.» Средство спасенія не удалось: послѣ постройки столба наступило рѣшительное раздѣленіе народовъ. Древній богъ, въ ожесточенномъ видѣ своемъ, тѣмъ болѣе налегъ, чѣмъ болѣе подозрѣвалъ народившееся новое начало, зналъ, что оно скрывается, что его нужно искать и преслѣдовать. Въ такую страшную минуту отдѣлилось Славянство отъ прочихъ народовъ, отъ своей первобытной родины, и вступило въ періодъ, когда подъ вліяніемъ Дажбога началось обособленіе, періодъ развитія самостоятельнаго. Здѣсь Русское начало, юное и неопытное, въ общемъ Славянскомъ единствѣ, искало лишь одного—спасенія отъ грознаго божества. Божество то преслѣдуетъ,

*) Замѣняемъ позднѣе вставленное въ сказку слово «провизія.»

то нѣсколько уступаетъ — спитъ или отстаетъ, потомъ снова его реакція — новыя жестокости, и опять шагъ впередъ, тихонько отъ него. Тогда-то, въ минуту уступчивости божества, выражаемой обыкновенно стихіями, особенно водою, началось кочевье: «бѣгутъ безъ оглядки.» Но кочевье, порывавшееся впередъ къ цѣли, на каждый шагъ впередъ возвращалось опять назадъ, въ то же кочевье, въ исходную точку; спасенія еще не было; божество нагоняло и грозило безпрестанно. Такъ длился безконечный путь блужданія, пока древнее божество утомилось, умерло или исчезло; пока стихійность дошла до организма, хотя бы сперва и нисшаго, животнаго; пока въ самомъ кочевьѣ, внѣшнемъ бытѣ, опредѣлились условія и виды жизни, пока съ ними освоились, нашли возможность выработать изъ нихъ что либо лучшее; пока, на примѣръ, опредѣлилась торговля, обозначились обычаи, проглянули вдали приманки осѣдлости; пока въ стадахъ нашли фондъ для имущества постояннаго, предметъ торговли; свыклись съ конемъ, который мчалъ въ кочевьѣ, но послѣ и вымчалъ отсюда; съумѣли ясно различить разнообразные виды бытія, выраженные въ миѳологіи разрѣзаннымъ быкомъ; по образу той же миѳологіи, нашли у птицъ яйцо, заключавшее тайну міра; плѣнились садомъ, какъ знакомъ осѣдлости, съ Жаръ-птицей, которая могла вынести на свѣтъ Божій изъ самого подземелья, и проч. Всѣ эти образы, какъ средства спасенія, иногда удавшіяся Ивану, иногда нѣтъ, мы уже видѣли. Въ сказкѣ, о которой идетъ рѣчь, этотъ путь изображенъ такъ: «На дорогѣ стоитъ Конь. «Конь, конь, спаси насъ!» говорятъ они. Только что сѣли на коня, Медвѣдь ихъ и догналъ. Коня онъ разорвалъ на части, а ихъ взялъ въ пасть и принесъ къ столбу (т. е. воротилъ назадъ). — Дали они ему пищи, онъ наѣлся и опять заснулъ. Спитъ Медвѣдь, а Иванъ-царевичь и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки. По дорогѣ идутъ Гуси. «Гуси, гуси, спасите насъ!» Сѣли они на гусей и полетѣли; а Медвѣдь проснулся, опалилъ гусей полымьемъ (именно какъ жгучій Дажбогъ), и принесъ ихъ къ столбу.— Дали они ему снова пищи: онъ наѣлся и опять заснулъ. Спитъ Медвѣдь, а Иванъ-царевичь и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки. На дорогѣ стоитъ Бычокъ-третьячокъ. «Бычокъ, бычокъ, спаси насъ! За нами гонится Медвѣдь Желѣзная-Шерсть.» — Садитесь на меня, а ты, Иванъ-царевичь, сядь задомъ напередъ, и какъ увидишь Медвѣдя, скажи мнѣ.—Только что догонитъ ихъ Медвѣдь, Бычокъ-третьячокъ

и залѣпитъ ему глаза *). Три раза Медвѣдь догонялъ, три раза Бычокъ залѣплялъ ему глаза. Стали они переправляться черезъ рѣку, Медвѣдь за ними,—да и утонулъ.» Грозное божество погибло въ той стихіи, которая явилась въ его же періодъ, но, означая въ миѳологіи уступчивость и мягкость, низвела его съ поприща, лишила жестокости, отвела въ бытіе скрытое. Здѣсь тотъ рубежъ, который въ миѳологіи обозначается обыкновенно господствомъ воды, потопляющей древняго бога, омывающей палимое лицо земли, или, что то же, богини, обманывающей мужа, матери, порождающей организмы, новыя начала, которыя шагъ за шагомъ идутъ уже къ побѣдѣ. Иванъ на другомъ уже берегѣ: передъ взоромъ начинаетъ раскрываться новая жизнь, со всѣмъ ея разнообразіемъ, силы рвутся къ дѣятельности, нужна новая пища для совершенія подвиговъ. «Захотѣли они ѣсть. Вотъ Бычокъ имъ и говоритъ: — Зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте; изъ нихъ выйдетъ Мужичокъ-Кулачокъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ все сдѣлаетъ.—Время идетъ да идетъ, съѣли они Бычка и захотѣли опять ѣсть; вдарили легонько по косточкамъ, и вышелъ Мужичокъ-Кулачокъ.» Смыслъ разрѣзаннаго быка намъ уже извѣстенъ; прошло съ тѣхъ поръ довольно времени и появляется наконецъ въ вѣросознаніи анѳропоморфизмъ, боги изъ стихійныхъ и животнообразныхъ становятся человѣкообразными, вся жизнь получаетъ мало по малу характеръ человѣческій въ истинномъ смыслѣ, человѣкъ доходитъ до сознанія своего духа, отдѣляетъ себя отъ остальной природы, какъ уже внѣшней, и, пріобрѣтая истинную человѣчность, человѣчество, дотолѣ блуждавшее въ неопредѣленности племенной, по дорогѣ къ народности, наконецъ получаетъ эту народность, слагаетъ ее въ болѣе или менѣе опредѣленный образъ. У Славянъ, мы говорили выше, соотвѣтствуетъ этому періоду время единенія съ Греками, сосѣдства и взаимодѣйствія, когда, на первыхъ порахъ осѣдлости, и божества получили человѣкообразность, на примѣръ Чуръ приравнялся къ Гермесу, Волосъ къ Геліосу и Ѳебу, обряды сроднились—по внутреннему единству—съ греческими, на примѣръ Купала, Соботки, Коляда, и т. д., началось даже творчество въ первыхъ попыткахъ, въ зародышѣ своихъ образовъ. Это было время, когда и въ племенномъ единствѣ Славянскомъ показалась рознь: на-

*) Какъ залѣпитъ—это уже наивность сказки.

чали вырабатываться отдѣльныя Славянскія народности. Между ними зародившаяся народность Русская избрала своимъ идеальнымъ образомъ Микулу, впослѣдствіи столь блистательно развившуюся Русскую Землю и Земщину, міръ-народъ, общину, вервь, вѣче, и т. д. Но сначала Микула малъ, слабъ, въ видѣ уничиженномъ: онъ съ ноготокъ, съ кулачокъ, хотя по древности происхожденія, какъ искомая цѣль пути, онъ въ то же время бородатъ, и борода его съ локотокъ; онъ Мальчикъ съ пальчикъ, Микулка Четвертной (въ четверть), столь же нечаянно, вдругъ появившіеся, но давно искомые (старики давно молились объ этомъ дѣтищѣ). Отселѣ, какъ цѣль уже опредѣляющаяся и получившая образъ, руководитъ Микула Русскимъ человѣкомъ на дальнѣйшимъ пути, помогая выдѣляться изъ Славянскаго племени. Тогда начинаютъ препятствовать дальнѣйшему пути не только чужіе и сосѣдніе народы, но даже и сродные, и близкіе, соплеменные, самое Славянское племя, въ которомъ начало обособляться нѣсколько отдѣльныхъ, угловатыхъ народностей. Это выражается въ сказкахъ притѣсненіемъ Ивану со стороны старшихъ братьевъ, дядекъ, вообще родственниковъ, даже ближайшей подруги, какъ сестры или невѣсты. Значеніе сей послѣдней нами выяснено уже выше: это та же древняя Вода, та же древняя Богиня. Сначала, при ожесточенномъ богѣ, она выражаетъ уступчивость его и смягченіе: въ ту пору она большею частію супруга старика, мать (матерь—матерія) новаго начала, дѣтей и внучатъ. Мало по малу она сама юнѣетъ, и подругою сопутствуетъ началу новому. Но она все-же стихія, а стихійность, когда пришло время ей упраздниться человѣкообразностью, народностью, въ свою очередь дѣлалась гнѣвною и занимала энергію жестокости отъ древняго бога. Такъ мы видѣли Царь-дѣвицу, начавшую на Ивана преслѣдованія, и много было у него такихъ жестокихъ или измѣнчивыхъ невѣстъ: въ этомъ случаѣ онѣ обыкновенно представляются въ сказкахъ дочерьми Чудища, Водянаго Царя, Змѣя, или просто Старика, т. е. древняго бога. Не скоро опять удалось Ивану смягчить и эту сторону, отыскавши ея любовь въ яйцѣ, укротивши капризный нравъ посредствомъ дядекъ, пристроивъ невѣсту въ семью свою, сдѣлавши «любимою семеюшкою,» началомъ вѣрнымъ и любящимъ среди семейства. Истинное семейство сложилось только при окончательно-сложившемся народѣ, послѣ борьбы съ родомъ и племенемъ. Отсюда-то у всѣхъ почти Славянъ, при началѣ ихъ исторіи положительной,

множество образовъ грозныхъ дѣвъ, владѣющихъ мужами и притѣсняющихъ ихъ, пока одолѣлъ мужъ.—на примѣръ у Чеховъ Любуша и Дѣвки, потомъ Премыслъ. У насъ же одолѣлъ Микула: онъ помогъ Ивану сдѣлаться изъ человѣка мужемъ, а по языку сказокъ—сдѣлаться мужемъ укрощенной невѣсты, обвѣнчаться. Иванъ, Русской человѣкъ, перешелъ со временемъ въ Микулу, въ Русскаго мужа и мужика, въ Русскій народъ. Но, пока это сдѣлалось, Микула же помогалъ Ивану среди родовыхъ и племенныхъ началъ обще-славянскихъ, хотя сначала въ видѣ еще слабомъ и уничиженномъ. Такъ точно и Елена Прекрасная, сначала любящая сестра Ивана, дѣлившая съ нимъ путь, измѣняетъ при достиженіи *дома*, осѣдлости, цѣли. Продолжаемъ сказку. «Вотъ пошли они въ лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоялъ *домъ:*» только бы жить да поживать въ семьѣ Славянскихъ народовъ, Ивану съ сестрицею. Но эта семья еще далека была отъ семьи внутренней, имѣвшей сложиться лишь въ лонѣ народа: въ ней оказался раздоръ. «А домъ тотъ былъ разбойничій; Кулачокъ убилъ и разбойниковъ, и атамана, и заперъ ихъ въ одной комнатѣ, а Еленѣ не велѣлъ туда ходить. Только она не вытерпѣла, посмотрѣла и влюбилась въ голову—атамана.» Тогда съ атаманомъ задумала она извести Ивана, и задавала ему разные уроки, на которыхъ онъ долженъ былъ погибнуть: выручалъ только Микула. «Потомъ атаманъ и Елена Прекрасная видятъ, что и этимъ нельзя известь Ивана-царевича; послали его достать яицъ Жаръ-птицы. Отправился Иванъ-царевичъ съ Мужичкомъ-Кулачкомъ доставать яйцы. Нашли они Жаръ-птицу, хотѣли было взять яйцы, она разсердилась и проглотила Мужичка-Кулачка, а Иванъ-царевичъ пошелъ безъ яицъ домой. Приходитъ къ Еленѣ Прекрасной, разсказалъ ей, что не могъ достать яицъ и что Жаръ-птица проглотила Мужичка-кулачка. Елена Прекрасная съ атаманомъ обрадовались и говорятъ, что теперь Иванъ-царевичъ безъ Кулачка ничего не сдѣлаетъ: велѣли его убить.» Знаменитая птица, нѣкогда вынесшая Ивана на свѣтъ Божій, теперь, по миноваціи зооморфизма, сама является врагомъ, и, донесши Ивана до первой осѣдлости, въ племенномъ родствѣ Славянскомъ, мѣшаетъ дальнѣйшему опредѣленію народности Русской, поглощаетъ Микулу. Время, однако, ушло уже далеко: нельзя было Микулу поглотить навсегда. Когда Иванъ горевалъ о приближающейся смерти, приносится вѣсть, «что Мужичокъ-Кулачокъ спасся отъ Жаръ-птицы и сей-часъ пріидетъ къ нему.» Такъ

и было. Начинается мщеніе: атаманъ разорванъ, Елена посрамлена. «Откуда ни возмись Мужичокъ-Кулачокъ,—велѣлъ волчонку, медвѣжонку и львёнку разорвать атамана на мелкіе кусочки, а Елену взялъ—привязалъ голую къ дереву, чтобъ ея тѣло съѣли комары и мухи, а самъ отправился съ Иваномъ-царевичемъ путемъ-дорогою.» Отъ племенныхъ и родовыхъ связей отдѣлились; нужно было продолжать развитіе, становиться мужемъ, народомъ,—связь, выражаемая въ творчествѣ бракомъ. Одна половина спутницы, одна сторона женской половины, грозная, предательская, въ лицѣ Елены укрощена, посрамлена: нужно было искать любящую, вѣрную; сестра устранена (слово *се-стр-и*, удвоенный корень *стр-*, извѣстный и въ санскритскомъ,—*стр-*, «стереть,» «простирать,» имѣетъ при себѣ форму *стр-ана*, сторонній, сосѣдній, соплеменный народъ, *страны*—облегающіе народы, иногда—язычники, язычество, связанное общими узами): нужно добывать невѣсту. Но и ее нужно было добывать съ бою, и въ невѣстѣ Ивана сначала преобладаетъ тотъ же характеръ, жестокій, предательскій, какой мы видѣли въ Царь-Дѣвицѣ, въ Королевнѣ Аннѣ Прекрасной, пока перешелъ онъ, укротившись, въ характеръ Василисы, и она-то сдѣлалась настоящею женою. «Завидѣли большія палаты. Говоритъ Мужичокъ-кулачокъ: «Не хочешь ли, Иванъ-царевичь, жениться? Вотъ въ этомъ домѣ живетъ Богатырь-Дѣвка; она ищетъ такого молодца, чтобъ ее одолѣлъ.» Вотъ и пошли къ тому дому. Не дошедчи немного, сѣлъ Иванъ-царевичь на лошадь, а Мужичокъ-кулачокъ сзади его (какъ опора мужества), и начали вызывать Богатырь-Дѣвку драться. Дрались-дрались, Богатырь-Дѣвка ударила Ивана-царевича въ грудь, Иванъ-царевичь чуть-чуть не упалъ, да его Кулачокъ удержалъ (опять спаситель его). Потомъ Иванъ-царевичь ударилъ Богатырь-Дѣвку копьемъ, и она тотчасъ свалилась съ коня. Какъ сшибъ Иванъ-царевичь Богатырь-Дѣвку, она и говоритъ ему: «Ну, Иванъ-царевичь, ты теперь можешь меня взять за мужь.» Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается (въ настоящемъ случаѣ — глубокое сознаніе о томъ, какъ долго длился такой періодъ). Иванъ-царевичь женился на Богатырь-Дѣвкѣ. «Ну, Иванъ-царевичь, говоритъ Мужичокъ-кулачокъ, если *на первую ночь* сдѣлается тебѣ дурно, то выходи ко мнѣ, я въ бѣдѣ помогу.» Вотъ лёгъ Иванъ-царевичь спать съ Богатырь-Дѣвкою. Вдругъ Богатырь-Дѣвка положила ему на грудь руку (ср. выше, какъ Анна Прекрасная сдавила

Ивана), Ивану-царевичу сдѣлалось дурно, началъ онъ проситься выйти. Вышедчи, кликнулъ Мужичка-кулачка, разсказалъ ему, что Богатырь-Дѣвка его душитъ. Мужичокъ-кулачокъ пошелъ къ Богатырь-Дѣвкѣ, началъ ее бить да приговаривать: «Почитай мужа, почитай мужа!» Съ этого времени стали они жить да поживать, да добра наживать.» Теперь, кажется, дошли до конца. Но народъ еще послѣдовательнѣе: сложившись, онъ хочетъ помириться съ родомъ, родовымъ бытомъ, изъ котораго вышелъ, но съ которымъ можетъ помириться какъ великодушный побѣдитель; такъ обыкновенно, когда мужъ, послѣ борьбы съ родными, столь частой во всякомъ быту, сводитъ свой кругъ семейной внутренней жизни, жена является часто обратнымъ дѣятелемъ, возвращающимъ къ роду, примирительнымъ началомъ. «Послѣ начала Богатырь-Дѣвка просить Ивана-царевича, чтобъ отвязалъ Елену Прекрасную и взялъ бы ее къ себѣ жить. Онъ сейчасъ послалъ отвязать и привесть ее къ себѣ. Долго жила у него Елена Прекрасная. Одинъ разъ говоритъ она Ивану-царевичу: «Братецъ, дай я тебѣ поищу?» Начала искать и пустила въ голову мертвый (змѣиный) зубъ,» —остатокъ старой злости. Едва высвободившись, «Иванъ-царевичь велѣлъ Елену Прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю (Аѳан., 5 вып., № 27, стр. 127—131).» Этимъ выражено конечно, какъ Русскій народъ окончательно развязался съ родовымъ бытомъ, хотя уже не при самомъ началѣ положительной исторіи, а въ дальнѣйшей борьбѣ; старое начало само обличило свою несостоятельность, само погубило себя; въ другихъ же сказкахъ Иванъ прощаетъ прежнимъ своимъ недругамъ, старшимъ братьямъ, роднымъ, хотя также окончательно посрамивши ихъ и низложивши. Дальнѣйшую исторію Ивана и Микулы мы знаемъ уже по былинамъ. На рубежѣ міра Сказки и Былины, эпохи доисторической и исторической, Русскаго Человѣка и Русскаго Народа, Иванъ переходитъ въ Микулу: таковъ, мы знаемъ, Иванъ-дуракъ или Голь Воянскій, покоряющій богатырей; одною стороною Сказочный, другою Былинный; слабый, худой, бѣдный, и торжествующій, побѣдоносный; съ одной стороны «простой» человѣкъ, съ другой—въ опредѣленіяхъ уже народныхъ, обставленный историческими именами; съ одной стороны способный сдѣлаться всякимъ богатыремъ (мы видѣли родство его не только съ Иваномъ Гостинымъ и Годиновичемъ, но и со многими прочими), съ другой уже отличный отъ нихъ. Здѣсь Сказка и Былина колеб-

лются еще между собою въ предѣлахъ. Шагъ одинъ отъ этого переходнаго рубежа, и намъ является окрѣпшее народное творчество, въ его лучшую эпоху — Владимірову, среди окончательно-сложившагося народа, среди положительной исторіи; окрѣпли образы, развился стихъ, явились Былины. Здѣсь значеніе Русскаго человѣка и Русскаго народа слито въ единый творческій образъ, въ одно единство, совокупившее идею и форму, доисторическое происхожденіе и историческое лицо, свойства Ивана и цѣльность свойствъ въ Микулѣ. Вмѣсто двухъ лицъ, для Былинъ является одно: Микула, старшее лицо Былины, ибо старшее лицо Земли. Съ минуты этого единства, пути Былины и Сказки раздѣлились снова: Сказка пошла своимъ, дробя Былину, разлагая ее на части, или разнося образы, нѣкогда добытые, летучими чертами по всѣмъ мелочамъ и частностямъ, по всѣмъ изгибамъ Русской обиходной жизни; Былина, затеплившаяся отъ Сказки, пошла своимъ путемъ, сосредоточивая летучія черты доисторическія въ стройный образъ, и образъ за образомъ, рядъ ихъ за рядомъ, закрѣпляя связями были, обособляя именами и обстоятельствами исторіи. Начало Былины въ Микулѣ: отъ Микулы идутъ развѣтвляясь прочіе богатыри, какъ Дружина Земская идетъ отъ Земли. Дружина — явленіе, мы знаемъ, соотвѣтствующее доисторическому броженію, но обратно, отъ сложившейся Земли; Богатыри, каждый отдѣльно, соотвѣтствуютъ разнымъ чертамъ Ивана, но опять обратно, ведя эти черты черезъ Микулу и возвращаясь къ нему какъ средоточію. Въ творчествѣ, въ Былинѣ, звѣномъ, соединяющимъ ихъ съ Микулою, являются естественно женщины: женственная сторона Микулы роднитъ его съ прочими богатырями. Наиболѣе исключающій всякую женственность, Илья болѣе всего повторяетъ самого Микулу, Землю; прочіе и главнѣйшіе богатыри женятся на дочеряхъ Микулы (такъ и Микулова кобылка даетъ витязямъ лучшихъ коней). Въ эту минуту русской исторіи можно было найти истинную семью лишь въ лонѣ міра-народа (*сеймъ*, какъ міръ-сходка, равенъ *семьѣ*, слова одного корня и образованія); здѣсь только возможна стала истинная семья, какъ семейство и какъ жена (*семеюшка* въ былинахъ значитъ то и другое). Потому по былинамъ лучшія жены воспитались въ лонѣ Микулы, въ его домѣ. Соединились вмѣстѣ и обѣ стороны древней, доисторической женщины: грозная, мужественная, энергическая, и любящая, нѣжная, смягчающая. Но, прошедши черезъ Микулу, соединились не по старому. Настасья Микулишна въ

жизни дѣвичьей та же недоступная, прежняя богиня и героиня, богатырь-Дѣвка, грозная поляница, «женщина великая;» ее долженъ Добрыня взять съ бою, какъ нѣкогда Иванъ свою невѣсту: но, женою богатыря, дочь Микулы является крайнею степенью любви, нѣжности и преданности. Василиса начинаетъ любовью и нѣжностью, когда она при энергическомъ мужѣ Данилѣ, когда Данило, подобно Ивану, борется изъ за нея со всѣмъ роднымъ и близкимъ; когда же онъ палъ въ борьбѣ, когда его смѣнило слабое лицо Ставра, тогда при Ставрѣ становится Василиса мужественною, чтобы своею энергіею помирить мужа съ родомъ-племенемъ, богатырями родственными, съ обществомъ, съ княземъ, какъ мирила Ивана съ сестрою Еленою богатырь-невѣста его. Очевидно, въ обѣихъ сестрахъ присутствуетъ та и другая сторона Русской женщины: обѣ сестры образъ цѣльный, художественный, обѣ Прекрасныя. У одной лишь преимущество одного свойства, у другой другаго: Настасья, какъ жена, есть по преимуществу *Любящая* и *Нѣжная*. Василиса *Премудрая* и *Грозная*. Обѣ онѣ порожденіе *одного Микулы*.—Перейдемъ къ другой сказкѣ, о Василисѣ Премудрой, гдѣ передъ нами повторится та же исторія, хотя въ иныхъ и, можетъ быть, еще болѣе яркихъ образахъ. Сказка начинается нѣсколько позднѣе предыдущей: здѣсь нѣтъ уже ни столба, ни древнѣйшаго бога въ ожесточенномъ образѣ Медвѣдя. Дѣйствуетъ *Водяной Царь*, самъ стихія, уступчивая. Почему же разсвирѣпѣлъ онъ, почему изъ древней богини—воды переродился въ образъ мужескій и энергическій, а отъ древняго бога занялъ жестокость и мстительность? На это дается объясненіе въ началѣ сказки: отецъ Ивана-царевича пытался уже выйти изъ стихійности и броженія; его уже выносилъ *орелъ* надъ моремъ, но потомъ снова бросалъ въ море; подъ конецъ орелъ подарилъ ему сундучокъ, заключавшій счастье, а отпирать велѣлъ погодить, время еще не созрѣло; царь не вытерпѣлъ, раскрылъ: «а оттудова столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь: едва на островѣ помѣстились.» Сравните выше высвобожденіе разнообразныхъ организмовъ: только это было еще преждевременно, царь не могъ съ ними справиться. «Какъ увидалъ это царь, взгоревался, зачалъ плакать и приговаривать:—Что̀ же мнѣ теперь дѣлать? Какъ опять соберу все стадо въ такой маленькой сундучокъ?—И видитъ онъ—вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «Чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?» — Какъ же мнѣ

не плакать, отвѣчаетъ царь: какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькой сундучокъ?—« Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ все стадо, только съ уговоромъ: отдай мнѣ, чего дóма не знаешь.» Царь согласился. «Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь сѣлъ на корабль и поплылъ во свояси.»Мы знаемъ уже, что этотъ неожиданный помощникъ былъ Водяной Царь, а обѣщанный ему въ кабалу — родившійся у царя Царевичь. Такимъ образомъ, пытаясь выйти изъ стихійности, царь не имѣлъ силы справиться съ преждевременнымъ появленіемъ силъ органическихъ: онъ опѣшилъ, загоревалъ, воротился назадъ, подобно какъ прежде орелъ, вынося его изъ моря, снова бросалъ туда обратно; призвана на спасеніе прежняя стихія; она скрыла, сдавила организмы, пріобрѣла характеръ исключительности, поднялась грознымъ Водянымъ Царемъ и за услугу потребовала себѣ жертвы, обрекла на службу себѣ ненавистное новое начало, только что народившееся. Начинаются для юноши подвиги страданій подъ страхомъ и преслѣдованіемъ прогнѣваннаго стихійнаго божества. Иванъ, брошенный отцемъ и матерью на собственную роковую участь, идетъ какъ жертва на взморье. На пути, какъ водится всегда, избушка Яги-Бабы: спасибо, она указала путь къ Водяному Царю и научила средствамъ спасенія,—какъ отыскать помощь Василисы, какъ взять съ собою Опивалу и Объѣдалу, да Мороза-Трескуна. Иванъ къ берегу моря, за кусты. «Тутъ прилетѣли двѣнадцать колпицъ, ударились о сыру землю, обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичь скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустомъ— не ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ. Одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой. Оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца: « Отдай, говоритъ, мою сорочку; придешь къ батюшкѣ, Водяному Царю, въ то времячко я тебѣ сама пригожусь.» Царевичь отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась колпицею и улетѣла въ слѣдъ за подружками.» На синей равнинѣ моря поднялось изъ глубины существо прекрасное, дочерью Водянаго Царя, вспорхнуло Колпицею, какъ въ другихъ сказкахъ Лебедью. Русская Афродита, она также прекрасна, и также молода еще какъ самъ царевичь. Въ человѣческій образъ она одѣвается еще только оборотнемъ, она принадлежитъ вся еще породившей ее стихіи. Въ ней будущая Василиса, не только Прекрасная, но и Премудрая, не только

Афродита, но и Деметра, любящая Ивана, блуждающая съ нимъ также точно по тремъ царствамъ, отыскивая сѣмена человѣческаго духа, какъ блуждала нѣкогда греческая богиня въ тоскѣ по дочери, ища ее всюду, похищенную, потомъ спасенную и сдѣлавшуюся высшимъ, крайнимъ божествомъ человѣческаго духа, какое могло только породиться въ язычествѣ и открыться въ мистеріяхъ. Но это будущее еще далеко: Василиса должна еще вернуться въ колпицу, прожить дочерью стихійнаго бога; она, какъ говорятъ въ подобномъ случаѣ другія сказки и былины, «еще некрещеная и поганая,» не можетъ цѣловать человѣка Русскаго, не можетъ еще сдѣлаться его женою. Она должна помочь Ивану въ самомъ еще лонѣ стихіи. Иванъ не торопитъ, даетъ пройти законному времени. Начинаются его подвиги на крѣпостной службѣ господину. Водяной царь велитъ построить черезъ море большой хрустальный мостъ: переходъ изъ стихійнаго бытія въ иное, черезъ море на сушу, отъ Стихіи къ Землѣ. Онъ велитъ насадить «зеленой садъ, большой да вѣтвистой, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли:» приманчивый образъ осѣдлости, рубежь кочевья. Онъ приказываетъ отличить невѣсту изъ двѣнадцати одноликихъ: опытъ зоркости взгляда, способенъ ли онъ различать виды бытія. Каждый разъ при назначеніи новаго подвига, царевичь заливается слезами, въ немъ силъ еще мало; каждый разъ помогаетъ ему Василиса, силою высшею, занятой отъ отца; каждый разъ царившій богъ возвращаетъ новое начало снова и снова въ свою службу, погружая его въ состояніе безвыходное. Но онъ же убѣждается съ каждымъ разомъ, что новое начало окрѣпло, что оно въ силахъ совершить подвиги неслыханные, вступить въ періодъ жизни новой. И вотъ онъ пуще разгнѣванъ, предчувствуя смерть; онъ ожесточается всею мстительностью, онъ заемлетъ энергію у жгучаго бога — Дажбога. Онъ разставляетъ требы, заставляетъ совершать тризны; онъ топитъ чугунную баню, хочетъ истлить въ ней и жениха, и даже опостылѣвшую собственную дочь свою. Мы помнимъ, какъ помогли здѣсь трое сотоварищей царевича: требы потреблены, уничтожены, раскаленная печь подернулась инеемъ. Для русскаго человѣка миновали и жертвы языческія, и кровавыя тризны, и пепелища костровъ, усѣявшихъ весь доисторическій путь его. Божество старое дошло до крайней степени ярости, обезчещенное передъ собственнымъ взоромъ своимъ; Василиса созрѣла подвигами, очистила

нии существо свое, готова навсегда принять образъ вполнѣ-человѣческій, стать спутницей и подругою. Иванъ чуетъ вблизи искомый рубежь, онъ отдѣлался и отъ моря, и отъ палящаго юга, онъ ознакомился съ силою морозовъ сѣверныхъ. Остается бѣжать къ рубежу. «Уйдемъ отъ батюшки Водянаго Царя, говоритъ царевичу Василиса Премудрая; онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!»—Уйдемъ,—говоритъ царевичь. Сей часъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле.» Мчатся, конь вымчитъ ихъ изъ кочевья. Но должна быть погоня: начало покинутое должно еще отозваться. Иванъ припадаетъ ухомъ къ Землѣ: неопытный слухъ его ничего не слышитъ, ему чуется одна только Земля, до которой успѣлъ онъ добраться. Не то съ Василисой: начало всегда чуткое и воспріимчивое, женщина слышитъ и въ Землѣ, въ новомъ порядкѣ вещей, отзывъ стараго, мстительную погоню. Здѣсь-то должно выступить съ торжествомъ свойство ея Мудрости: она, мы видѣли въ сказкахъ, мирила супруга съ покинутымъ родомъ-племенемъ, пока само родовое и племенное начало не доказало своей несостоятельности (сестра Ивана, Елена Прекрасная); она въ былинахъ мирила мужа съ богатырями и княземъ, подмѣтивъ ихъ собственную склонность податься обману, ослабить самихъ себя и даться въ сѣти (исторія Ставра). Черта вполнѣ уже историческая: только тогда лишь, когда новыя начала сложились и окрѣпли окончательно, тогда, среди торжества побѣды, примирительно обращаются они къ старинѣ, признавая ея силу, допуская ея дѣйствіе, предоставляя ей умереть своею смертію или самой погубить себя. Наѣзжаетъ погоня. Василиса «оборотила коней—колодяземъ, себя—ковшикомъ, а царевича—старымъ старичкомъ (по другимъ—«коней дремучимъ лѣсомъ, себя колодяземъ, а царевича старцемъ»). Погоня думала найти *новое* начало, чтобъ потребить его; вмѣсто того, передъ взоромъ ея, раскинулось то же *старое*, тоже *былое*: чистое поле, безграничная степь, одинокій колодязь для жаждущихъ путниковъ и обозовъ, да *старикъ*, типическій житель этого кочевья, образъ самого кочеваго быта, Перехожій Калѣка. Эта видимость, долго еще не покинутая Русью при самомъ даже началѣ исторіи, а и подавно передъ выходомъ къ осѣдлости, принадлежала еще старинѣ и скрывала собою, защищала и спасала начáла новыя; она даже мирила со стариною, притупляла ревнивые взыски ея. «Погоня воротилась къ Водяному Царю: «нѣтъ, говоритъ, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что

старика возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ.» —Что жь вы ихъ не брали?—закричалъ Водяной Царь, и тутъ же предалъ гонцовъ лютой смерти.» Такъ онъ заподозрилъ даже то, что принадлежало ему самому и кочевью, и тутъ почуялъ измѣну. Погоня новая. «Василиса оборотила царевича—старымъ попомъ, а сама сдѣлалась ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня: « Эй, старичекъ, не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?»—Видѣлъ, родимые, только давнымъ давно: они еще въ тѣ поры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ.—И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю.» Когда прибылъ Иванъ съ подругою къ Землѣ и Міру-народу, застроилась церковь Божія; когда миновалъ онъ, обратившись въ Микулу, а подруга въ дочь Микулову, когда настигла поздняя погоня старыхъ началъ, искавшихъ возврата,—возврата уже не было. Христіанство окрѣпло, Церкви покрыли мѣста прежнихъ требищъ; Христіанство даже само покрылось давностью, съ языческой стариною спорило стариною собственною, укрывши въ себя начала духа, прибывшія изъ далекаго язычества. По сторонамъ, среди закипѣвшей новой жизни, раскинулись всѣ приманки ея, сильныя, чтобы потопить въ себѣ всю древнюю стихійность, язычество, кочевье. Василиса разстилаетъ медовую рѣку съ берегами кисельными: « Водяной царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ, до того, что лопнулъ. Тутъ и духъ испустилъ.» Сравните выше, какъ остатки кочевниковъ, Печенѣги обольщены въ Кіевѣ киселемъ и сытою, какъ потерялись они передъ этимъ невиданнымъ богатствомъ окрѣпшей Руси (по другимъ сказкамъ, Василиса еще оборотила царевича соколомъ, себя ракитовымъ кустомъ; «Водяной Царь бросился къ ракитову кусту, хотѣлъ всѣ сучья обломать: отколь не возмись соколъ, налетѣлъ на него и выклюнулъ ему оба глаза; поплелся Водяной Царь въ свое царство ощупью.»). Духъ, высвобожденный умиравшимъ старымъ порядкомъ вещей, принятъ новымъ какъ священнѣйшее наслѣдіе, для развитія историческаго и христіанскаго.—Вотъ подошли наконецъ къ дому, къ семьѣ. Здѣсь, замѣчали мы и выше, оставалось одно искушеніе, со стороны началъ, съ которыми всего позднѣе боролся человѣкъ Русскій при выходѣ къ народу, на самомъ послѣднемъ рубежѣ спасенія,—началъ родовыхъ, быта родоваго. Мы видѣли уже и выше воплощеніе ихъ въ лицѣ сестры Ивановой, Елены Прекрасной. Такъ и здѣсь, « Василиса Премудрая говоритъ:

«Ступай, царевичь, впередъ: доложись отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду. Только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй *сестрицы*, не то меня позабудешь.» Пріѣхалъ царевичь домой, сталъ со всѣми здоровaться, поцѣловалъ и сестру, —и только поцѣловалъ,—какъ въ ту жь минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не было.» Вкусивши счастья, Иванъ забылъ то, чему всего болѣе обязанъ былъ своимъ спасеніемъ, что влекло его впередъ, сопровождало на пути, манило будущностію и готово было къ полному осуществленію. Василиса ему напомнила. Забытая, она испекла царевичу пирогъ и послала со старухою. «Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его по поламъ, какъ вылетѣли оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ. «Голубушка, дай и мнѣ творожку.»—Не дамъ, отвѣчаетъ голубка, а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичь свою Василису Премудрую.— Тутъ вспомнилъ царевичь про свою жену, выскочилъ изъ за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ (Аѳан. вып. 5, стр. 96—105; ср. въ сказкахъ Ивана, забытаго невѣстой, въ «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ, и забытаго Добрыню).» Отсюда опять начинаются уже Былины, почва Историческая.

Вотъ путь, которымъ пополняется *пробѣлъ* въ народномъ творчествѣ и всегда можно пополнить *пробѣлъ* науки, отмѣченный нами выше: между первыми зародышами доисторической жизни Славяно-Руссовъ и между сложившимися формами ихъ исторіи, время Стихійности и Кочевья, Зооморфизма и Анѳропоморфизма, Племеннаго и Родоваго быта. Если при началѣ нашей положительной исторіи и подъ вліяніемъ ея, данныя для того крайне скудны, какъ бы ни перебирали мы Лѣтописи, Сказанія, Преданія и Былины, то за то этотъ ощутительный недостатокъ значительно вознаграждается *Сказками*: а если, какъ замѣчено, прибавить сюда черты, отвлеченныя изъ Былинъ, Преданій, Сказаній и Лѣтописей, да утвердившись на народной точкѣ зрѣнія, взять въ пособіе яркіе образы творчества Греческаго, то путь для науки въ этомъ случаѣ рѣшительно упроченъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поразительно и ни ярко всѣ эти образы передаютъ намъ повѣсть давнихъ временъ доисторическихъ, когда слагался Русскій народъ черезъ всѣ переходы язычества и кочевья, какъ ни закопченно и ни художественно само это творчество, при всей неуло-

вимости содержанія, служившаго ему предметомъ: но все-таки, когда вспомнимъ, что нашъ очеркъ только самый лишь бѣглый, приведенныя сказки—только тысячная доля извѣстныхъ, а эта извѣстная доля—милліонная часть несобраннаго, продолжающаго жить въ народѣ,—когда сообразимъ все это, то безъ пристрастія скажемъ положительно, что Русскій народъ, въ связи съ прочими Славянами, даже въ остаткахъ своего творчества, современныхъ намъ, передалъ повѣсть своего бытія доисторическаго глубже, выразительнѣе и обильнѣе многихъ современныхъ народовъ Европы. Здѣсь всего ближе мы можемъ сравнить его съ Греціею. Вотъ достойное поле для тысячи будущихъ русскихъ миѳологовъ, и улика для настоящихъ, промѣнявшихъ эти величавые образы доисторической жизни, съ которыми трудно разстаться всякому любителю древностей, на гончую охоту, со свѣтильникомъ Нѣмецкой миѳологіи, за крохами, случайно оброненными изъ язычества въ жизнь историческую и христіанскую.

«Не ужели однако, — возразятъ намъ, — эти сказки, достояніе современности, мѣновой и мелкій товаръ въ обиходѣ жизни, жертва произвола перескащиковъ и почва прибауткамъ краснобаевъ, постоянно все твердятъ лишь повѣсть доисторическую, держатъ народъ на эпохахъ, за тысячи лѣтъ минувшихъ, несутъ оттуда громадныя событія, столь различныя отъ измельчавшей ежедневности? Не ужели этого всего и только этого нужно намъ искать и можно находить въ сказкахъ?» Нѣтъ, не все такъ, не все въ одномъ этомъ смыслѣ и видѣ.

И во первыхъ, мы говорили не разъ, Сказку продолжаетъ Былина, собирая черты, дополняя образы, закрѣпляя ихъ обстановкой исторической. Тогда какъ въ Сказкѣ исторія по преимуществу внутренняя, повѣсть *слагавшагося* народа: Былина, начиная съ этого *сложившагося* существа, ведетъ дѣло обратно, въ своихъ художественныхъ образахъ, облеченныхъ плотію историческою, выводя міръ бытія внѣшняго. Тамъ путь человѣка къ народу, отъ человѣка Русскаго къ Русскому народу, извнутри ко внѣшности образа: здѣсь отъ народа къ человѣку, отъ внѣшности къ чертамъ внутреннимъ. Говоря языкомъ иностранныхъ ученыхъ, впрочемъ очень давно занятымъ отъ Греціи, въ Сказкѣ сторона *эсотерическая*, въ Былинѣ *эксотерическая*. Мы видѣли это, сопоставивъ многихъ богатырей съ героями сказочными. *Потыкъ* въ самомъ богатырствѣ, среди новаго порядка вещей, въ образахъ Былины, сохранившій бо-

лѣе другихъ свойства и черты эпохи пройденной, какъ богатырь-бродяга, потомъ богатырь-калѣка, тѣмъ самымъ всего ближе и ярче повторяетъ собою сказочнаго Ивана. Только съ тѣмъ же различіемъ, выводя внутренній міръ во внѣшность. Такъ, мы видѣли уже по Сказкамъ, при немъ сопоставленнымъ, что онѣ, на примѣръ, вскрываютъ нечистую силу въ самой утробѣ женскаго существа, здѣсь бьютъ гадовъ, отсюда выгоняютъ, а Потыкъ въ Былинѣ борется съ тѣмъ же самымъ во внѣшности, въ мірѣ окружающихъ явленій. Таково же всюду отношеніе его къ главному герою сказочному, и сближеніе здѣсь поразительное: одинакова исторія безпрерывной борьбы сквозь всю жизнь и одинаковъ выходъ ко спасенію, законченный счастливой женидьбой, только у Потыка все во времени Владиміра, все доисторическое въ подробностяхъ историческихъ. То же блужданіе за женщиной, она та же Лебедь, тотъ же оборотень, и мужа также оборачиваетъ; также двойственна, или съ двойствомъ существа въ одномъ лицѣ, или дѣля одно существо на два лица; такая же «Анна Прекрасная Королевна,» какъ и въ сказкахъ; тотъ же путь ко спасенію калѣкою перехожимъ или сотоварищами-помощниками; тотъ же спускъ въ подземелье и веревка въ языку колокола (въ сказкѣ о чудесномъ ящикѣ, хозяинъ спускаетъ Ивана искать его въ подземельѣ, съ приказаніемъ: «если достанетъ ящикъ, трести заранѣе за ремень; какъ колокольчики зазвонятъ, хозяинъ услышитъ.»). Подобная же исторія *Добрыни*: чтобы убить *Змѣя*, владѣвшаго существомъ *Марьи Дивовны* и *Марины* (это одно и то же лицо), Добрыня спускается въ его нору, обороченъ оборотнемъ, проходитъ виды грубаго животнаго бытія, грубѣетъ самъ; послѣ побѣды, высвобождаетъ одну половину женскаго существа, Марью Дивовну, другую—недостойную—убиваетъ; пользуется помощію родоваго начала—сестры, и, уже послѣ того, вступаетъ въ семью, женится на Настасьѣ Микулишнѣ; но и здѣсь, сперва беретъ ее съ бою, какъ богатырь-дѣвку и поляницу, наконецъ находитъ въ ней любящую и нѣжную семеюшку.—Такимъ образомъ, все это содержаніе движется во времена Владиміровы, и вотъ сторона, въ которой доисторическій міръ сказки повторился въ мірѣ историческомъ, внутренняя жизнь получила живые и наглядные образы Были. Былинами мы можемъ всегда повѣрять Сказку и убѣждаться, что ея образы не суть отвлеченныя мысли или толкованія, что они всегда способны повторяться во всякой дѣйствительности, только на разный ладъ, что

они не только рисуютъ прошлое далекое, но также точно близки и ко всему послѣдующему и къ современному. Наши толкованія всегда болѣе или менѣе отвлеченны: но самая мысль въ народномъ творчествѣ не отвлеченна, это — образъ жизни, а потому онъ всегда движется въ жизни, и тамъ всегда можно искать, и находить его.

Еще болѣе это видно въ самой Сказкѣ: помимо отношеній къ Былинамъ, она, сопровождавшая нѣкогда весь доисторическій путь Русскаго человѣка неумолчною повѣстію, какъ снимокъ и отпечатокъ, получила и послѣ того, съ началомъ народа, свою особую исторію, свои судьбы развитія. Силы, слагавшія русскій народъ, не изсякли и тогда, когда онъ сложился: онѣ только получили обратное направленіе, отъ народа къ человѣку, или какъ взаимнодѣйствіе стороны народной и человѣческой. Силы эти продолжаютъ дѣйствовать и въ сложившемся народѣ, ибо не всѣ еще, сколько вышло ихъ изъ древности, поступили онѣ въ опредѣленный складъ вѣросознанія, не всѣ еще и не до послѣдней глуби проникнулись Христіанствомъ, не всѣ закрѣпились въ опредѣленную форму быта, не вылились всѣ въ сосудъ народный, не всѣ выразились и Былевымъ словомъ. Въ народѣ сторона человѣческая продолжаетъ бить во всѣ эпохи неостывающимъ ключемъ; силы ея продолжаютъ вѣчно бродить какъ стихія—или не нашедшая еще образа, или его ищущая, вѣчно носить въ себѣ сѣмена—или еще неоплодотворившіяся, или даже совершенно новыя; скорѣе народъ откажется отъ своего народнаго опредѣленія, чѣмъ поступится этими летучими силами, способными всегда поднять его даже изъ уничиженія. Отсюда и безконечный лепетъ Сказки. Творчество ея вывело основу всякому творчеству; и если послѣ того ткань уже соткана, даже на иномъ поприщѣ, на примѣръ въ Стихѣ и Былинѣ, то и послѣ того Сказкѣ всегда останется возможность узоровъ, можно будетъ прошить ткань шелками, или просто набить грубою набойкой. То, что имѣетъ въ сказкѣ смыслъ относительно далекаго прошлаго и доисторическаго, то не теряетъ смыслъ и для послѣдующаго, и для современнаго, только смыслъ этотъ будетъ разниться, и разниться не въ существѣ сказки, но въ головѣ того, кто смыслитъ. Хотя народъ при главнѣйшихъ сказкахъ всегда увѣренъ и увѣряетъ самъ другихъ, что это было крайне давно, но отсюда не значитъ, чтобы онъ видѣлъ въ сказочной нити непремѣнно что-либо доисторическое, тѣмъ менѣе опредѣленную извѣстную минуту доисторической жизни: онъ видитъ только свое родное, а по-

тому для него оно могло быть и встарь, могло быть и недавно, можетъ быть и теперь. Наоборотъ, если сказка рисуетъ вамъ совершенно картину настоящей минуты, то не значитъ еще отсюда, чтобы она подальше и поглубже своей оболочки не заключала бы въ себѣ событія далекаго и даже доисторическаго. Все это отъ точекъ зрѣнія: станете ли на современную или прошлую, непосредственную или ученую и философскую, народную въ строгомъ смыслѣ или человѣческую въ болѣе широкомъ. Сущность при этомъ безъ перемѣны, ибо, повторяемъ, однѣ и тѣ же силы снуютъ въ ней. Такъ одно и то же разсказанное событіе можетъ, на примѣръ, значить судьбу всего Русскаго народа, слагавшагося изъ стихій человѣческихъ, и судьбу частнаго русскаго человѣка, порожденнаго среди народа; можетъ указывать отношеніе Руси къ соплеменнымъ Славянамъ, къ родовому быту, какъ явленію громадному, прошедшему, и современное отношеніе къ родственникамъ: передавать исторію образованія міра, общины, вѣча, сходки, и вмѣстѣ исторію семьи; первое начало супружескихъ отношеній, и свадьбу Петра, Василья, Трифона; явленіе космической силы, владѣвшей человѣкомъ, еще не отдѣлявшейся въ значеніи внѣшней природы, и явленіе животныхъ, птицъ, рыбъ, какъ существъ предметныхъ, вошедшихъ даже въ обиходъ ежеденной жизни, подчиненныхъ, домашнихъ; кочевье, какъ тысячелѣтній бытъ, и странствованіе доселѣ любимое, доселѣ имѣющее мѣсто; медвѣдь можетъ быть образомъ древняго ожесточеннаго божества, и тотъ же образъ знакомъ намъ какъ Мишка, съ которымъ не легко сталкиваться; помнится погоня божества за цѣлымъ народомъ, и знаютъ характеръ погони врага въ настоящую минуту, и т. д., и т. д. Отъ того-то Сказка,—не какъ Былина,—не любитъ собственнаго имени, опредѣленнаго историческаго мѣста, лѣтосчисленія, названія эпохъ и періодовъ: у ней вмѣсто того лицо общее, царство нѣкоторое или не наше, даль и ширь безконечная, теченіе разсказа безъ верстъ и хронометра. Отъ того она, близкая ко всему доисторическому, столь же близка всему современному. Здѣсь ученому не обойтись безъ *мышленія*, съ его необходимымъ признакомъ—*раздѣльностію* моментовъ. И вотъ почему, между прочимъ, пригласивъ будущихъ русскихъ миѳологовъ къ изслѣдованію по сказкамъ, съ другой стороны мы имѣемъ право и опасаться: не вздумали бы иные, обратно, все позднѣйшее и новое перетолковывать непремѣнно на старое. Въ этомъ весь грѣхъ и современныхъ изслѣдователей: въ чемъ видна

21

одна лишь народность, въ томъ они думаютъ видѣть уже язычество; въ чемъ превозмогаетъ окончательная побѣда Христіанства, въ томъ они видятъ лишь подкладку язычества; гдѣ одни пріемы внѣшняго быта, обрядъ, употребленіе, они ищутъ непремѣнно значенія религіознаго и таинственнаго; гдѣ просто животное, тамъ у нихъ зооморфизмъ; гдѣ историческій *человѣкъ*, тамъ кажется имъ *доисторическое* существо (ибо отдѣльный человѣкъ конечно отличенъ отъ народа); гдѣ баба, тамъ уже Баба-Яга; гдѣ домовой, тамъ уже непремѣнно древній богъ, и т. п. Здѣсь нуженъ извѣстный методъ изслѣдованія, а онъ невозможенъ безъ науки вообще и съ наукою одною лишь нѣмецкою. Надѣемся, что нѣкоторыя наши указанія и пріемы не останутся въ этомъ случаѣ безъ пользы для послѣдователей.

Остается сказать о третьемъ родѣ сказокъ, *Лубочныхъ*. На страницы ихъ попали сказки изъ двухъ предыдущихъ отдѣловъ, и Богатырскія, и Былевыя, и богатыри Кіевскіе, и собственно-сказочный герой Иванъ. Но кромѣ того здѣсь выработался особый родъ. Повѣсти и разсказы изъ рукописей, распространившіеся преимущественно съ XVII-го вѣка, гдѣ содержаніе взято изъ сказокъ заносныхъ и пришлыхъ, Восточныхъ и Западныхъ, а передано языкомъ письменнымъ, сплетались съ народными русскими преданіями и съ оборотами языка чисто-народнаго; этимъ путемъ все пришлое передѣлывалось болѣе или менѣе на Русскій ладъ, а съ другой стороны портилась чистота собственныхъ нашихъ сказокъ. Многое изъ такого рода сказокъ перешло на лубки и здѣсь, по мѣрѣ употребленія въ народѣ, еще болѣе обрусѣло, такъ что образовало особый родъ лубочныхъ сказокъ, несходный съ другими, опередившій рукописи, недовольно проникшій и въ употребленіе устное. Рѣдко можно ихъ нынче слышать или записать въ народѣ. Тѣмъ не менѣе, утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши изслѣдователи, что здѣсь нѣтъ «ни малѣйшихъ слѣдовъ народности,» значитъ только не читать этихъ сказокъ или не прилагать къ нимъ критики. Возмемъ изъ нихъ двѣ главныя, одну — по происхожденію — Восточную, другую Западную, объ *Еруслапѣ Лазаревичѣ* и о *Бовѣ Королевичѣ*. Первую мы разсмотрѣли отчасти въ «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ, и, воспользовавшись изъ нея многими данными для Ивана Русскаго богатыря, доказали, какъ важна она для Русскаго ученаго. Теперь остановимся на второй. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе покойнаго А. С. Хомя-

кова (высказанное въ «Молвѣ»), что первоначальная родина этой сказки въ Англіи, Бова—Англосаксонскій Бевисъ и даже Беовульфъ, городъ Антонъ—Гамптонъ, царство Дадонское—Данское, Датское, и т. д.: но все это только по отдаленному происхожденію, а теперь, скажемъ съ А. С. Хомяковымъ, «едва ли Россія не лучше помнитъ Англо-Сакскаго богатыря Бову, чѣмъ родина,» хотя опять въ обстановкѣ Русской. Лубочныхъ изданій мы знаемъ два разряда: 1-й нѣсколько старше по тексту, но сокращеннѣе, на 8-ми картинахъ и страницахъ; 2-й на 32-хъ; тѣхъ и другихъ извѣстно намъ пять, всѣ еще безъ году и цензуры, съ постепенными по мѣрѣ старшинства передѣлками. Прочтемъ саму сказку, безъ подробностей ея содержанія, но такъ, что увидимъ ясно Русскія вставки и передѣлки.— Милитриса губитъ мужа, сказавъ, что ей по беременности хочется мяса дикаго вепря и выпроводивъ его на охоту: то же самое встрѣчаемъ въ невѣстѣ Ивана Годиновича, захотѣвшей «мяса лебединаго» или «голубятины (у насъ вып. 3-й и Рыбник.).»—Отъ притѣсненій матери спасаетъ Бову «Дѣвка Чернавка,» не заперши дверей его темницы: то же самое извѣстно изъ исторіи Василья Буслаева (Кирша и Рыбник.). — Когда Бова бѣжалъ отъ матери, его увидали и взяли на корабль *ярыжные* (матросы), на самомъ же кораблѣ хозяевами были *гости корабельные* (мореходные купцы): лица и имена, являющіяся въ нашихъ былинахъ (ср. у насъ, у Кирши и Рыбник. былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и Новгородскомъ Садкѣ).— Представъ хозяевамъ корабля, Бова говоритъ, какъ находимъ часто въ русскихъ сказаніяхъ: «Я роду Христіанскаго, пономаревъ сынъ, а мать моя убогая жена, на добрыхъ женъ платье моетъ и тѣмъ свою голову кормитъ.» То же повторяетъ онъ, явясь къ Зензевею: «Я роду не Татарскаго, а Христіанскаго, простаго пономаря сынъ, а мать моя...,» и проч., или: «Я есть роду не царскаго и не королевскаго, я есть роду пономаревъ сынъ, а мати моя была убогая жена, на добрыхъ людей платья мыла, тѣмъ свою и голову кормила (ср. въ «Памятник. старин. русск. литер.,» вып. 2, сказку объ «Иванѣ Пономаревичѣ»).»—Гости, взявши Бову, плѣнились его красотою; изъ за него перессорились и чуть не передрались, потомъ рѣшили— счесть его общимъ; пріѣхавши въ царство Зензевея, не хотѣли было продавать ему Бову, а тотъ восхитился красотою королевича, и сторговались за огромную цѣну, при чемъ гости получили право торговать у Зензевея безданно и безпошлинно: совершенно исторія Прекраснаго

Іосифа, разсказанная въ нашихъ Стихахъ (см. «Калѣки Перехожіе,» вып. 1). — Зензевей владѣлъ царствомъ *Армянскимъ*; дочь его, полюбившая Бову, *Дружневна*.—Когда жилъ Бова у Зензевея, въ слугахъ у Дружневны, на одинъ пиръ «какъ собрались всѣ гости, то сѣли за столъ и кушали, а ему приказали принесть лебедя (кушанье) и держать въ рукахъ, а сама она (Дружневна) начала рушать, для того чтобъ на его красоту лица насмотрѣться; и будто нечаянно уронивъ ножикъ, приказала Бовѣ поднять, и онъ поднявши сталъ его подавать, то она его поцѣловала въ голову:» совершенно также и при той же лебеди за столомъ ведетъ себя Апраксія относительно Тугарина и Чурилы по нашимъ былинамъ (ср. наши выпуски). — Между тѣмъ подъ Армянское царство подступаетъ *царь Салтанъ Салтановичь*, хорошо извѣстный намъ по былинамъ врагъ Руси съ Востока; его царство *Рахлинское* или *Арахлинское*, т. е. извѣстное по нашимъ Стихамъ *Рахлейское* (ср. «Калѣки перехож.,» вып. 2 и 3), а въ нѣкоторыхъ изданіяхъ разбираемой нами сказки даже *Задонское*.—Сынъ его, выступающій особенно противъ Зензевея,—богатырь *Лукаперъ* или *Луконеръ* (*луко-пёръ*), имя, если не по происхожденію, то по этой формѣ совершенно Русское, «напирающій лукъ:» сравните обстоятельство, что при *Тугарканѣ* или *Тугаринѣ* стоитъ прозвище *Туголуковъ*, а былины, пользуясь словопроизводствомъ, описываютъ у Тугарина, какъ и всѣхъ восточныхъ враговъ, особенно «тугой лукъ,» который носила куча людей и съ трудомъ натягивала. Кромѣ того, *Лукоперъ* богатырь является въ другихъ чисто-русскихъ сказкахъ и былинахъ; читаемъ, на примѣръ, въ сказкѣ *объ Иванѣ-богатырѣ Крестьянскомъ сынѣ* (по лубочному изданію 1793 года, у насъ имѣющемуся): «работники рымши землю и увидѣли желѣзную дверь съ мѣднымъ колцомъ, и ту дверь Иванъ Крестьянской сынъ одною рукою отломилъ, и оттуда выбросилъ, и увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго со всею збруею и доспѣхами богатырскими; и конь увидѣлъ по себѣ сѣдока, палъ предъ нимъ на колѣни и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «Охъ ты гой еси, доброй молодецъ, Иванъ Кр. сынъ! Засаженъ я здѣсь силнымъ и храбрымъ богатыремъ *Лукоперомъ*, и сижу здѣсь лѣты несмѣтныя, и ждалъ сюды тебя ровно 30 лѣтъ и 3 года, и на силу дождался; садись на меня и поѣзжай куда тебѣ надобно; я служить тебѣ буду вѣрой и правдою, какъ служилъ *Лукаперу* силному богатырю.» По былинамъ *Лукопёръ* также сильный богатырь, зять Батыя и

соотвѣтствующихъ ему лицъ—Калина, Мамая, и проч., т. е. восточныхъ враговъ-царей, подступившій съ тестемъ подъ—Кіевъ (у насъ вып. 2). А вотъ самъ Луконеръ въ сказкѣ и битва съ нимъ Бовы, описанные чрезвычайно близко къ нашимъ былинамъ: «Въ то время пріѣхалъ подъ Армянское царство царь Лукаперъ и у того Лукапера голова какъ пивной котелъ и промежъ глазъ пядень мужеска (ср. въ нашихъ былинахъ описаніе Татаръ); таковаго сильнаго и славнаго богатыря нигдѣ не бывало, а съ нимъ пришло войска 500.000. Отецъ того Лукапера царь Салтанъ Салтановичь сталъ на краю моря, а Лукоперъ въ лугахъ со любимыми своими. Лукаперъ король пишетъ къ королю Зензевею: «Выдай ты за меня дочь прекрасную Дружневну, а ежели не выдашь любовію, то возьму и нечестію, а градъ до основанія разорю и огнемъ сожгу.» Когда сталъ Бова собираться противъ Лукопера, «Дружневна сказала:—На то есть, государь Бова, у батюшки моего конь и доспѣхи богатырскія, а стоитъ тотъ конь въ землѣ по колѣно.—Бова какъ о томъ услышалъ, радъ былъ и пошелъ къ конюшнѣ богатырской; и услышалъ конь, что Бова къ нему идетъ, разломалъ мочныя двери, и вышелъ на дворъ, конь охватилъ Бову ногами какъ человѣкъ, и началъ его Бова охорашивать и тѣшилъ добраго коня (ср. выше о конѣ приведенное мѣсто изъ сказки объ Иванѣ Кр. сынѣ); а Дружневна послала въ казну, и скоро доспѣхи богатырскія и мечь кладенецъ двѣнадцать человѣкъ на носилкохъ несутъ, чему Бова бысть радостенъ, и хочетъ Бова садиться на добраго коня богатырскаго и ѣхать на дѣло ратное и на побоище смертное.»... «И скочилъ Бова въ прямъ чрезъ градскую стѣну (ср. былины); увидѣлъ Лукаперъ, что скочилъ храбрый витязъ Бова К., и стали съѣзжаться шесть сильныя могучія богатыри, и Лукаперъ на Бову заправилъ вострымъ концемъ, и ударились сильные могучіе богатыри промежъ собою какъ сильный громъ предъ тучею грянулъ, и Лукаперъ на Бовѣ доспѣхъ не могъ пробить, а Бова на Лукаперѣ пробилъ доспѣхъ на обѣ стороны и разсѣкъ Лукаперу голову до сѣдельной подушки, и Лукаперъ свалился съ коня мертвъ, а Бова началъ Лукаперово войско бить, и бился пять дней и пять нощей безъ отдыху, не столько мечемъ билъ, сколько конь копытами топталъ, и въ томъ числѣ немногіе люди ушли къ царю Салтану Салтановичу.»—Побѣдившій Бова измѣннически послѣ того схваченъ и посланъ къ Салтану. Здѣсь влюбилась въ Бову дочь Салтанова и убѣждала его

перейти въ ихнюю вѣру — по однимъ изданіямъ — *Латынскую*, по другимъ — *Латышскую*. — Способомъ весьма извѣстнымъ въ прочихъ сказкахъ, освободившись изъ темницы отъ Салтана, Бова бѣжитъ и встрѣчаетъ встрѣчу, извѣстную въ древней Русской жизни. Дѣло въ томъ, что въ одно изъ прежнихъ путешествій Бова повстрѣчался съ *Старикомъ Пилигримомъ*, который напоилъ его питьемъ забыдущимъ и укралъ у него мечь и коня: нѣкоторыя изданія изображаютъ здѣсь на картинкѣ *монаха*, на томъ основаніи, что у него упоминается *черное* платье и названъ онъ *старцемъ* (а это были *старцы-иноки*); но другія поправляютъ дѣло, рисуя просто старика, и называя его то *старикомъ*, то *пилигримомъ*, иногда съ объясненіемъ — «*пилигрима* или *старика*,» иногда же еще наивнѣе: «и пріѣхавъ Бова къ *старцу*, и почелъ говорить: «имя твое какъ?» и рече *старецъ*: «имя мнѣ *Пилигримъ*.» Мы тотчасъ узнаемъ здѣсь извѣстное лицо *Калѣки перехожаго*, обыкновенную встрѣчу на нашихъ древнихъ Русскихъ дорогахъ. Его-то и встрѣтилъ вторично Бова на пути отъ Салтана, и, въ отплату за прежнее воровство, взялъ отъ него между прочимъ зелье, которое дѣлало его *чернымъ* и *старымъ*, да въ добавокъ «одежду его *черную*, а коня и платье свое ему отдалъ въ путь.» Ясное дѣло, сказка хотѣла выразить, что Бова передѣлся *Калѣкою перехожимъ*, грязнымъ, изношеннымъ *Старцемъ*, какъ обыкновенно передѣваются наши богатыри и сказочные герои, возвращаясь ко врагу, у котораго не хотятъ быть узнанными. Бова именно возвращался изъ плѣна Салтанова ко врагу. — У Зензевея на Дружневнѣ сватался король Маркобрунъ: царство его называется *Дадонскимъ*, въ чемъ, равно какъ въ имени *Дадона*, видятъ *Дановъ* или *Датчанъ*, враговъ Англіи: но въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ Бовы, Маркобрунъ появляется «изъ града *Данска*,» т. е. Гданска, обстоятельство уже Славянское, память при-балтійская; въ другихъ же, еще далѣе, примѣнительно къ Руси позднѣйшей, Маркобруново царство именуется уже *Задонскимъ*. Какъ бы то ни было, но только Маркобрунъ, пользуясь бѣдствіями Бовы и плѣномъ его у Салтана, захватилъ Дружневну отъ Зензевея, привезъ къ себѣ и готовитъ свадьбу. Онъ-то и былъ теперь врагомъ Бовы, который по освобожденіи отъ Салтана появляется въ видѣ Калѣки перехожаго (мотивъ нашихъ былинъ и сказокъ). По описанію его прихода, не остается сомнѣнія, что онъ передѣлся Калѣкою перехожимъ: сказка говоритъ, что онъ

является къ Дружневнѣ передѣвшись *Прохожимъ старцемъ*, толкается передъ крыльцомъ между *старцами;* они бьютъ его *клюками*, называются тутъ же *нищими*, *просятъ милостыни*, одѣляются Дружневною; самъ Бова *проситъ милостыни* и въ старшихъ изданіяхъ изображается на картинкѣ съ *переметною сумою* и большой *клюкою*. Въ такомъ видѣ Калѣкъ являлся, мы знаемъ, и Добрыня, являлись и другіе герои сказокъ, когда невѣстѣ ихъ предстояло выйти за мужъ за другаго. Мало того: Бова при этомъ заходитъ и на *поварню*, и отъ выпитаго зелья становится *чернымъ:* опять не разъ нами встрѣченный образъ (см. «Замѣтку» при 3-мъ вып.), какъ женихъ въ свадьбу измѣнившей ему или приневоленной прежней подруги появляется изъ поварни, замаравшись сажею котельною. — Дружневна скоро узнала Бову, ему удалось съ нею бѣжать отъ Маркобруна: обманутый царь высылаетъ въ погоню *Полкана;* объ этомъ лицѣ намъ нужно поговорить нѣсколько подробнѣе. А чтобы имъ же заключить и разсказа не перерывать, здѣсь напередъ отдѣлимъ еще одинъ образъ, встрѣчаемый въ последующемъ теченіи сказки. Именно. Среди странствованій, Бова пользовался гостепріимствомъ какого-то царя Урила, который изъ за него отдалъ Маркобруну въ закладъ двухъ сыновей; вотъ подошли къ дверямъ Уриловой спальни и слушаютъ, что говоритъ онъ съ женою про Бову: «Царь сталъ говорить своей супругѣ, что покинулъ у короля Маркобруна въ закладѣ двухъ сыновъ своихъ, въ томъ, чтобъ выдать Бову съ Дружневною и Полканомъ; царица же сказала: «возлюбленный супругъ! не возможно ихъ выдать;» Урилъ, ударивъ царицу свою *по лицу*, и говоритъ: «у всякой женщины волосъ длиненъ, да умъ коротокъ!» Совершенно такой же споръ у царя съ царицею и даже съ такими же *личными* послѣдствіями изображенъ въ былинахъ объ Олегѣ Вѣщемъ и Садкѣ Новгородскомъ (см. Рыбник.). — Теперь и до конца, о *Полканѣ*. Когда мы упоминали объ немъ въ прежнихъ «Замѣткахъ» своихъ, то нѣкоторые выразили объ этомъ сомнѣніе, какъ о чемъ-то неизвѣстномъ для нихъ. Полканъ однако весьма извѣстенъ Русскому народу. Это для Руси то же, что Кентавръ для Грековъ, богатырь — въ верхней половинѣ своей человѣкъ, въ нижней конь, получеловѣкъ — полуконь. Покойный А. С. Хомяковъ во второй половинѣ имени его, *канъ*, видѣлъ то же слово, что *конь* (*полу-конь*), при чемъ сопоставлялъ греческое *кен-* въ словѣ *Кен-тавръ* (*коне-быкъ*, вѣрнѣе — *коне-туръ*) и *кон-* въ

древнѣйшемъ латинскомъ божествѣ *Кон-съ* (Consus, Con-s-us). Можетъ быть дѣйствительно таковъ ходъ древнѣйшихъ представленій: въ словоупотребленіи же Русскаго народа *Полканъ* значитъ «половинчатый (полъ, пола, половина, полка, и т. п.).» Внѣшнее значеніе и изображеніе его въ народномъ Русскомъ творчествѣ таковы. Въ былинахъ является онъ одинъ разъ на знаменитомъ кораблѣ Соколѣ, занесенномъ въ Кіевское творчество изъ древнѣйшаго періода при-балтійскаго, обыкновенно же поминается между Старшими богатырями и конечно даже собственнымъ видомъ своимъ прямо къ нимъ относится. Въ былинѣ объ Аникѣ Воинѣ также точно описано и Чудо, Чудище, оказавшееся послѣ Смертью: голова и руки человѣческія, туловище звѣриное, ноги лошадиныя (или туловище лошадиное, ноги звѣриныя), волосы на головѣ до пояса. Въ преданіяхъ Полканъ и его образъ живутъ доселѣ, но въ новѣйшихъ сказкахъ, устно передаваемыхъ, встрѣчаются уже довольно рѣдко. Чулковъ въ своихъ передѣлкахъ народныхъ сказокъ зналъ еще и ввелъ Полкана, даже цѣлый полкъ Полкановъ. Его же текстъ вошелъ въ лубочныя сказки о Добрынѣ: здѣсь на 7-й страницѣ и картинѣ изображается обыкновенно полчище Полкановъ, а на 23-й самъ главный Полканъ. На первой Полканы всѣ голые, головы съ длинными волосами и бородами, въ рукахъ луки и стрѣлы; на второй, по старшему изданію, Полканъ весь также голый и безъ оружія, кромѣ колчана стрѣлъ за плечами и валяющагося на землѣ лука, голова огромная, волоса шапкою, маленькая бородка; въ младшихъ изданіяхъ изображеніе грубѣе и лицо безъ бороды. Изъ народныхъ сказокъ (впрочемъ съ книжною подправкою языка) Полканъ преимущественно является въ лубочной «*о Иванѣ-богатырѣ Крестьянскомъ сынѣ* (по изданію изъ нашего собранія, 1793 г.),» на стр. 8—11. «По нѣкоемъ времени подступила подъ Китай рать-сила великая, и требуетъ Полканъ богатырь отъ царя любезную его дочь,» и проч. Какъ водится, посылаютъ изъ города войско, Иванъ разбиваетъ рать Полканову съ помощію Сивки-бурки, до трехъ разъ. Въ третій разъ Иванъ «поскакалъ въ рать Полканову; тогда конь проговорилъ человѣчьимъ голосомъ: «Охъ ты гой еси, Иванъ Крестьянской сынъ! Теперь-то пришла мнѣ и тебѣ служба великая, оборонялся отъ Полкана и стой противъ его крѣпко, а не то, такъ ты и все воинство Китайское погибнетъ.» Иванъ Кр. сынъ разъяряетъ своего добраго коня, и въѣзжаетъ въ рать-силу Полканову, и началъ то воиско

рубить. Тогда увидя Полканъ, что силы его уже много побито, отчего онъ осерждается, и нападаетъ на Ивана Кр. сына какъ лютый левъ. »И сразилися два силные богатыря битися, и все воиско имъ подивилося. И они билися долгое время, и ранилъ Полканъ Ивана Кр. сына въ лѣвую руку. Тогда Иванъ на Полкана осерждается, и направляетъ острое копье, и прободалъ ему сердце, а послѣ срубилъ ему и голову, и все воиско Полканово прогналъ отъ Китая прочь.» На картинкахъ войско Полканово изъ обыкновенныхъ людей, какъ и слѣдуетъ (Чулковъ сочинилъ цѣлый полкъ Полкановъ); самъ же Полканъ съ бородою и длинными волосами, тѣло до лошадиной нижней половины покрыто шерстью (хотѣли выразить, что «тулово звѣриное»), въ рукахъ сабля (восточный признакъ). Но классическимъ поприщемъ для дѣйствій и изображеній Полкана служила въ особенности сказка о Бовѣ королевичѣ. Въ старшемъ по происхожденію и сокращенномъ по тексту изданіи ея (на 8 страницахъ и картинахъ) текстъ таковъ: когда Бовѣ, послѣ перелѣванья Калѣкою, удалось бѣжать съ Дружневною отъ Маркобруна, « Маркобрунъ приказалъ изъ темницы выпустить силнаго богатыря Полкана (здѣсь Полканъ—извѣстное намъ лицо « заточника, » обыкновенно прибере-гавшагося въ тюрьмѣ на отчаянный случай), которой имѣетъ конскія ноги, а по понсъ человѣкъ, имѣя въ руку палицу желѣзную и лукъ (это самое древнее изображеніе Полкана); которой нагна Бову и ударишася крѣпко, и упаде изъ рукъ у Бовы мечь, и ушелъ до половины въ землю, и копіемъ Бова уязви его.» Сказки первыхъ выходовъ этого изданія изображаютъ на картинкѣ Полкана съ бородой, простоволосаго (волоса распущенные) и голаго; только съ грудей по животъ (туловище) — шерсть; въ одной рукѣ палица (большая палка), въ другой лукъ. На картинкахъ болѣе позднихъ, того же изданія, Полканъ также съ лукомъ и палицей, но въ нѣкоторыхъ кромѣ того съ браннымъ поясомъ, а въ одной — изображеніе позднѣйшее—въ круглой шапкѣ (въ родѣ круглой скуфьи съ ободочкомъ), безъ лука и палицы, съ поднятою саблею. Изъ того же сокращеннаго изданія перешелъ текстъ на старыя лубочныя картины, *Бова и Полканъ:* « Силныи и храбрыи богатырь Бова королевичь ѣхалъ путемъ-дорогою по чистому полю, и напалъ на него Полканъ богатырь, и хотѣлъ ударить Бову королевича острымъ мечемъ, но вдругъ промахнулся; но Бова королевичь, осердясь на него, и ударилъ острымъ копьемъ въ грудь его, и поразилъ о сыру землю

его, и обратилъ копье къ низу на грудь его и предалъ злую смерть.» Здѣсь Полканъ простоволосый, съ бородой, голый, въ рукахъ сабля и копье.—Въ другомъ изданіи Бовы, на 32-хъ страницахъ и картинахъ, содержаніе несравненно полнѣе и развитѣе, а Полканъ послѣ ошибки дѣлается другомъ и неизмѣннымъ спутникомъ Бовы, пока растерзанъ львомъ и оплаканъ королевичемъ; потому онъ на нѣсколькихъ страницахъ и картинахъ. Прочитаемъ одинъ изъ старшихъ образцевъ этого изданія. Когда Бова бѣжалъ съ Дружневною отъ Маркобруна, «и рече витязи: «Государь нашъ, король Маркобрунъ! Есть у тебя богатырь Полканъ и сидитъ въ темницѣ многое время (ср. выше); можетъ онъ достичь Бову, понеже скачетъ онъ всякой скокъ по семи верстъ, отъ главы до пояса человѣкъ, а отъ пояса образъ коневый.» Слыша король Маркобрунъ отъ витязей такія рѣчи, послалъ скоро за Полканомъ; и пріиде Полканъ предъ короля М., и рече король М.: «Господинъ Полканъ, побѣги въ погону, приведи ко мнѣ Бову Кор. и прекрасную королевну Дружневну, за то получишь великую милость.» Полканъ же не отречеся и погнался за Бовою и за Дружневною... Бова же взялъ съ собою мечь кладенецъ, и осѣдлалъ себѣ коня богатырскаго, и сѣлъ на него и поѣхалъ противъ Полкана. Полканъ же прибѣжалъ—закричалъ великимъ голосомъ: «О злодѣй Бова, не убѣжалъ ты отъ моихъ рукъ!» И вырвалъ Полканъ изъ корню дубъ, и ударилъ Бову по головѣ, а Бова хотѣлъ Полкана ударить мечемъ, и промахнулся, и ушелъ мечь до половины въ землю, и Бова свалился съ добраго коня на землю (здѣсь на картинкѣ Полканъ такой же, какъ въ старшихъ выходахъ 1-го изданія, только другаго рисунка: въ рукахъ вырванный дубъ, шерсти на тѣлѣ не видать, борода и распущенные волосы; отсюда до словъ Бовы Уриловой вдовѣ выписываемъ текстъ нѣсколько попозже). Полканъ схватилъ коня за узду и хотѣлъ имъ завладѣть, но конь началъ его бить задомъ и передомъ, и рвать зубами такъ сильно, что Полканъ бросился отъ него бѣжать, а конь гнался за нимъ до тѣхъ поръ, пока Полканъ, изъ силъ выбившись, у шатра Бовы Королевича упалъ замертво. Тогда подошелъ къ нему Бова, спрашивалъ: «Что, Полканъ, смерти хочешь или живота?» Тогда Полканъ сталъ говорить: «Братъ Бова! Ты помирись со мною, и назовемся мы братьями, то намъ на свѣтѣ не будетъ сопротивника.» И Бова съ Полканомъ назвались братьями: Бова большимъ, а Полканъ меньшимъ. И сѣвъ Бова на добраго коня, а Дружневна

на иноходца, поѣхали съ того мѣста, и Полканъ за ними въ слѣдъ поскакалъ (здѣсь на картинкѣ выходовъ позднѣйшихъ Полканъ въ помянутой круглой скуфейкѣ и съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ).» За тѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о гостепріимствѣ, которое нашли бѣглецы у царя Урила; когда же Полканъ подслушалъ помянутый разговоръ царя съ царицею, и узналъ намѣреніе выдать ихъ Маркобруну, то убилъ Урила. «Потомъ Полканъ, посмотрѣвъ на царевъ дворъ, увидѣлъ полонъ дворъ Маркобрунова воиска. Онъ тотчасъ взялъ Бовинъ мечь-кладенецъ и побилъ Маркобрунова воиска десять тысячь (здѣсь въ позднѣйшихъ выходахъ надѣли на Полкана шапочку, дали въ руки длинное копье и «саблю,» не разумѣя стараго славянскаго отличія «меча,» двухсторонняго); и градъ Костелъ (castellum, гдѣ жилъ Урилъ) затворилъ и заперъ крѣпко.» Потомъ разбудилъ Бову: «воставъ они противъ короля Маркобруна, и выѣхали изъ града, и заѣхалъ Бова по правую руку, а Полканъ по лѣвую, и побили все воиско Маркобруново, и взяли изъ плѣну дѣтей царя Урила, а король Маркобрунъ въ *Задонское царство* (убѣжалъ) не съ болшимъ остаткомъ воиска, и положилъ на себя клятву, ни дѣтямъ своимъ, ни внучатамъ, ни правнучатамъ за Бовою не гоняться. И возвратились Бова съ Полканомъ и съ двумя сыновьями царя Урила во градъ Костелъ, и прибыли во дворецъ, и началъ Бова говорить Уриловой супругѣ: «Вотъ тебѣ, государыня, дѣти твои.» Достальное же воиско привелъ ко кресту за Уриловыхъ дѣтей крестъ цѣловать и повелѣлъ имъ царствовати по прежнему. Поѣхалъ изъ града Костела съ прекрасною кор. Дружн., и Полканъ за ними пѣшъ поскакалъ.» Когда пришло время Дружневнѣ родить въ полѣ, Бова «рече тако:—Братъ Полканъ, отойди подалѣе, Дружневна моя недомогаетъ.—И Полканъ отошедъ подалѣе и сталъ подъ дубомъ (здѣсь на картинѣ изображенъ Полканъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ, но во всѣхъ выходахъ сказки опять простоволосымъ).» Далѣе, на пути: «И Полканъ вставъ отъ сна своего, услышалъ конской топъ и людскую молвь, и сказалъ: «Братъ Бова! идетъ рать великая, и не знаю, кто съ нею идетъ и кому изъ насъ ее встрѣтить, тебѣ или мнѣ?» Бова Полкану: «Поди, братъ, а мнѣ недосугъ...» И Полканъ поскакалъ, и много людей прихватилъ, и плетеницею связалъ, и привелъ къ Бовѣ.» Отправляясь противъ силы Дадона, Бова «началъ наказывать брату своему Полкану: «Братъ Полканъ! Не покинь Дружневну и двухъ дѣтей.» А самъ

отходя подалѣе къ лѣсу простился съ Полканомъ, съ Дружневною и съ дѣтьми своими, и поѣхалъ онъ на дѣло ратное и на побоище смертное. И Полканъ отшелъ къ лѣсу спать, а Дружневна вышедъ изъ шатра съ дѣтьми своими гулять, увидѣла идущихъ на нее двухъ львовъ; Дружневна закричала великимъ голосомъ, Полканъ же слыша гласъ ея выбѣжалъ, и видя двухъ львовъ идущихъ на нее, побѣжалъ за ними и поималъ одного, расѣче по малымъ времени, съ другимъ же началъ битися. Полканъ ударилъ льва мечемъ (здѣсь на картинѣ онъ простоволосый, съ длиннымъ копьемъ и кривой саблей, названной мечемъ), львъ же ухватилъ его въ челюсти свои и Полканъ сталъ мертвъ вмѣстѣ со львомъ.» — Здѣсь кончается въ сказкѣ о Бовѣ роль Полкана. Оплакавши его, Бова отправился далѣе, чтобы отмстить царю Дадону, мачихѣ Милитрисѣ, и проч. Изъ всѣхъ же приведенныхъ описаній Полкана, старшее и вѣрное то, гдѣ онъ съ бородой, распущенными длинными волосами, нижнею конскою половиной, съ лукомъ, стрѣлами и палицей или вырваннымъ дубомъ; другія черты — позднѣйшія. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта повѣсть о Полканѣ въ своихъ подробностяхъ и въ такихъ чертахъ образа есть созданіе Русское народное, хотя и въ близости къ греческому Кентавру. При II-й части Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ, мы будемъ имѣть случай поговорить уже не о внѣшности и не о внѣшнихъ подвигахъ Полкана, а объ его внутреннемъ значеніи для нашего творчества, по поводу образа, въ которомъ является онъ подъ другимъ уже именемъ. — Въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ есть много и другихъ, болѣе мелкихъ подробностей, обличающихъ участіе чисто-русскаго народнаго творчества; а пока, надѣемся, мы доказали достаточно, какъ изъ этого рода сказокъ можетъ наука извлечь не мало данныхъ для пополненія свѣдѣній о нашихъ богатыряхъ и богатырскомъ времени.

Четвертый родъ русскихъ сказокъ уже не относится къ нашему дѣлу. Это (не говоря о присказкахъ, прибауткахъ, шуткахъ, побаскахъ и т. д.) — сказки *Бытовыя*, рѣдко встрѣчаемыя въ старыхъ рукописяхъ, еще рѣже въ лубочныхъ изданіяхъ, а въ устномъ употребленіи развитыя весьма обширно и въ послѣднее время записанныя и изданныя въ большомъ обиліи. Замѣтимъ одно только, для очистки нашего поля: гдѣ встрѣчаются въ нихъ или дѣйствуютъ существа внѣшней природы, животныя, птицы, рыбы, и т. п., напрасно издатели видятъ тамъ *зооморфизмъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ какіе-то

слѣды миѳологіи. Зооморфизмъ, въ опредѣленномъ значеніи этого научнаго термина, имѣетъ мѣсто лишь въ вѣросознаніи, во время языческаго развитія сего послѣдняго, какъ ступень его: потому искатели язычества обязаны искать его по ту сторону сложившагося Русскаго человѣка и народа, въ эпохѣ доисторической. Тамъ они дѣйствительно и найдутъ зооморфизмъ, по пути, указанному нами выше, по Сказкамъ Былевымъ, и единственно почти въ повѣсти о знаменитыхъ переходахъ Ивана, объ его блужданіи, смѣнѣ видовъ бытія. Здѣсь же, въ сказкахъ Бытовыхъ, будьте, пожалуйста, попроще. Пусть лисицы и волки, раки и щуки, гуси и лебеди говорятъ, дѣйствуютъ по человѣчески, живутъ съ разумомъ: помните, что все это перенесено къ нимъ не только уже отъ сложившагося Русскаго человѣка, но даже и въ народной позднѣйшей формѣ; здѣсь на внѣшнюю природу дѣйствуетъ человѣкъ и народъ, а не обратно; здѣсь и сама природа—*внѣшняя*. Не такъ она говорила съ человѣкомъ и не такъ на него дѣйствовала, когда онъ былъ подчиненъ ей, когда она не была еще для него внѣшнею, а царила надъ нимъ, и царила не внѣшностью своею, а своею реальною слѣпою силой, силою космическою, наполнявшею сознаніе человѣка и не знавшею въ немъ внутренней области духа, пока духъ проснулся, окрѣпъ, привлекъ сознаніе къ себѣ самому, выразился въ образахъ человѣческихъ, отдѣлился отъ природы внѣшней, началъ на нее дѣйствовать обратно, сложилъ народъ, началъ исторію. Такому поступанію отвѣчало поступаніе и въ образахъ творчества.

Вотъ пути, по которымъ, кажется намъ, слѣдуетъ изучать Русское народное Былевое творчество, въ связи съ миѳологіей, средствами языковѣдѣнія.

П. Б.

КОНЕЦЪ 4-ГО ВЫПУСКА

И

I-Й ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ 4-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл. I.

Пѣсни Былевыя. Время Владимірово.—Богатыри:

Илья Муромецъ. 1—46.

Онъ же и Никита Заолѣшанинъ. . . 46—52.

Потокъ Михайло Ивановичъ. . . 52—59.

Ставръ Годиновичъ. 59—68.

Горденъ (Гордей) или Хотенъ (Хотинъ) Блудовичъ. 68—78.

Чурило Пленковичъ. 78—90.

Михайло Казарянинъ. 91—99.

Соловей Будиміровичъ. 99—107.

—

Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси. 108—115.

Аника Воинъ. 115—138.

—

Приложенія.—Замѣтка П. А. Безсонова о пѣсняхъ, помѣщенныхъ во всѣхъ 4-хъ выпускахъ I-й Части, съ соотвѣтствующими дополненіями, сказками, преданіями, и проч. . I—CXCIV.

—

При семъ особо: Указатель къ I-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. К., составленный П. А. Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное (съ особымъ счетомъ страницъ).

*

Погрѣшности,

Замѣченныя въ I-й части.

Выпускъ 2,

Пѣсни, стр. 22, строка 2 снизу:	Слѣдуетъ исправить:
Извинился — — — —	Поклонился
Стран. 56, строка 7 сверху:	
Ухватилъ — — — —	Ухватитъ
71, строка 16:	
Ото сна — — — —	Ото сна Алёша
—, строка 23:	
сводилъ ихъ — — — —	сводилъ онъ
— 77, стихъ 270:	
и вонъ ушелъ, — — —	взвился и вонъ ушелъ,

Вып. 3,

Пѣсни, стран. 20, стихъ 18:	
О добромъ — — — —	А о добромъ
Стр. 21, ст. 54:	
ко городу ко Кіеву; — —	ко городу Кіеву;
Приложенія, стр. VIII, строка 10 снизу:	
городы — — — — —	горы

Вып. 4,

Пѣсни, стр. 77, стихъ 162:	
Хотенъ — — — — —	Хотёнъ
Стр. 103, стихъ 140:	
путятишна — — — —	Путятишна
Прилож., стр. XXIX, стр. 5:	
не стрѣляй мени — — —	Не стрѣляй меня

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНІЮ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Изъ ряду устныхъ памятниковъ народнаго Русскаго творчества, Пѣсни Былевыя прежде всего требуютъ хорошаго изданія, какъ изданы многіе памятники древнѣйшей народной словесности Греческой, на примѣръ Гомеръ, или Западно-Европейской, а у Славянъ—Чешской. Лучшее у насъ изданіе въ этомъ родѣ сдѣлано было Калайдовичемъ, 1818 г., «Древнія Россійскія Стихотворенія:» но, чрезвычайно строгое относительно текста, оно не сообщаетъ надлежащихъ къ нему примѣчаній, слѣдуетъ порядку рукописи, съ которой печатано, не имѣетъ своего плана, а въ Предисловіи высказываетъ воззрѣнія, оставленныя далеко назади современною наукою. Въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ II-го Отд. А. Н. Былины печатались отрывочно, безъ всякого плана и воззрѣнія.

Изданіе Общества Л. Р. Сл. въ первые удовлетворяетъ требованіямъ современной науки: текстъ передается со всевозможною точностію и осмотрительностію; подъ нимъ всюду необходимыя примѣчанія для уясненія смысла; выдержанъ планъ изданія и высказаны его основанія; въ Приложеніяхъ сообщено все главнѣйшее, что только можетъ служить къ пополненію и объясненію Былевыхъ пѣсень, сказки, преданія, замѣтки языкознательныя, характеристики лицъ дѣйствующихъ и всей эпохи ихъ, опредѣленія видовъ, способовъ и пріемовъ самого творчества, и т. п. Конечно, дѣла еще много впереди: но не крайности оно поставлено такъ, что проложены прямые пути для дальнѣйшихъ успѣховъ: теперь можно уже прямо пользоваться очищеннымъ матеріаломъ, вводя его въ строгую науку, дѣлая достояніемъ умственной жизни, а съ практической стороны можно теперь обратно распространять въ большинствѣ народа занятое у него же самого, или воспитывать тѣхъ, кому слѣдуетъ ознакомиться ближе и соединиться съ народомъ, наше юношество, наше такъ называемое образованное и читающее общество.

Безпристрастіе требуетъ замѣтить, что таково же значеніе изданій: «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ,» Ч. I, народныя былины, старины и побывальщины; «Калѣки Перехожіе,» изданіе

народныхъ Духовныхъ Стиховъ, ближайшихъ къ Былевымъ пѣснямъ, три выпуска.

Но для изданія Пѣсень, собранныхъ П. В. К., недоставало Указателя: онъ теперь и прилагается.

По возможности исчерпаетъ онъ все содержаніе Пѣсень, и притомъ ихъ же словами: касательно лицъ, именъ, предметовъ, словъ, реченій, оборотовъ, творческихъ пріемовъ, и т. п.; въ дѣлѣ языка это будетъ не только индексъ, но и прикладной словарь, глоссарій. Изъ Сказокъ, Преданій и т. п., помѣщавшихся въ Приложеніяхъ, займетъ онъ только въ общихъ чертахъ главное и особенное. Изъ Замѣтокъ возметъ онъ только лишнее противу народныхъ памятниковъ, но не воззрѣнія и разсужденія, а данныя. Пріемы Указателя воспитаны конечно примѣрами другихъ подобныхъ изданій, образцами науки у другихъ образованныхъ народовъ: но они не заняты цѣликомъ и въ частномъ примѣненіи непремѣнно должны быть Русскіе, своеобразные, соотвѣтственно содержанію самого народнаго творчества и зависящимъ отсюда воззрѣніямъ. Гдѣ же, на примѣръ, кромѣ Руси, въ перечисленіи лицъ возможно дѣленіе граней на Князя съ Княгинею, на богатырей Старшихъ и Владиміровыхъ, потомъ Калѣкъ Перехожихъ, Поляницъ, и т. п.?

Такъ точно о Планѣ не находимъ нужнымъ сказать, что онъ такой-то или слѣдуетъ изданію такому-то: его легко усмотрѣть изъ самого Указателя, и нужно усмотрѣть, нужно выучиться ему, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ читатель выучится плану самого народнаго творчества, а творчество выражаетъ собою единственно-свободный и лучшій планъ,—планъ самой жизни.

Особыя сокращенія употреблены въ печати слѣдующія: «вып.:» выпускъ, чаще просто «I, II, III, IV,»—«стр.:» страница, 1, 2, 3 и т. д.—«ст.:» стихъ, 1, 4, 22 и т. д. (считая сверху).—«№:» пѣсня подъ №.—«*разн.*:» разнорѣчія къ тексту.—«*пр.*:» примѣчанія подъ текстомъ.—«*Прилож.*:» Приложенія къ выпуску.—«см. н.» или «в.:» смотри ниже, или выше.—«*тж.*:» тамъ же.—«Указ.:» Указатель; и т. п. *).

*

*) Такой же Указатель будетъ особо приложенъ ко II-й Части «Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ.»

ЧАСТЬ I,

ВЫПУСКЪ 1, 2, 3, 4.

—

Отдѣлъ I.

А) Лица, Имя Собственное.

*

КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ.

Князь.

Владиміръ: I, стр. 13, ст. 89, и дал. во всѣхъ IV-хъ выпускахъ безпрестанно; **Володиміръ:** I, стр. 34, ст. 9; стр. 37 — 39; III, стр. 28 — 31, ст. 12 и дал.; стр. 32—38, ст. 17 и дал.; стр. 39—41, ст. 7 и дал.; IV, стр. 48, ст. 73; стр. 86, ст. 1, и др.; **Володимеръ:** I, стр. 25, ст. 20; стр. 28, ст. 110; стр. 29, ст. 157—159, и др.—**Сеславичь:** III, стр. 32, ст. 2; **Сеславьевичь:** III, стр. 78, ст. 311; **Сыславичь:** IV, стр. 86, ст. 2.

Князь: безпрестанно.—Кіевскій: I, стр. 33, ст. 79, 80;

IV, стр. 86, ст. 1, 2, и др.; Кіевскій и Владимірскій: I, стр. 82, 84, ст. 189, 265; Князь земли святорусскія: IV, стр. 48, ст. 73; Великій князь: I, стр. 13, ст. 89; стр. 44, ст. 111; стр. 45, ст. 140; стр. 57, ст. 48; стр. 69, ст. 127; стр. 71, ст. 45 и дал. № 3; II, стр. 52, ст. 111; стр. 95, ст. 83; III, стр. 7, ст. 114; стр. 21, 23, ст. 57, 110; стр. 76, ст. 213; стр. 91, ст. 40, 62; стр. 103, ст. 85; IV, стр. 23, *разн.* и дал.; стр. 59, ст. 11, 18; стр. 60, ст. 49; стр. 61, ст. 77; стр. 70, 71, ст. 51 и дал.; стр. 92, 93, ст. 51, 84; Стольный, Стольный-Кіевскій, Стольно-Кіевскій:

I, стр. 44, ст. 124; стр. 71—73, ст. 47, 107, 117; II, стр. 21, ст. 104; стр. 26 и дал., ст. 95, 100, 121 и дал.; стр. 67, 68, ст. 16, 20; III, стр. 20, ст. 5; стр. 53, ст. 27, 54; стр. 71, ст. 53; стр. 77, ст. 268; стр. 82, ст. 48; стр. 85, ст. 35; стр. 103, 104, ст. 92, 98; IV, стр. 5, ст. 114; стр. 40, ст. 65 и дал.; стр. 63, ст. 119; стр. 72, ст. 130; стр. 79, 80, ст. 40 и дал.; стр. 84, ст. 193, 209; стр. 93, ст. 64, и др.—Царь (позднѣйшее): I, стр. 41, ст. 42, 46; стр. 86, ст. 319.—Государь, Осударь, Сударь: I, стр. 45, ст. 136; стр. 73, ст. 104, 118; II, стр. 18, ст. 2; стр. 53, ст. 2; стр. 75, ст. 171, 200; III, стр. 5, ст. 32; стр. 20, ст. 2; стр. 70, 71, ст. 12 и дал.; стр. 98, ст. 305; IV, стр. 24, *разн.*, и дал.; стр. 55, ст. 105, 113; стр. 59, ст. 2; стр. 68, ст. 2; стр. 78—83, ст. 2 и дал. — Батюшка: I, стр. 37—39, ст. 128 и дал.; стр. 66—70, ст. 23 и дал.; II, стр. 83, ст. 3, 16; стр. 90, ст. 3, 9, 30; стр. 94, 95, ст. 43 и дал.; III, стр. 28, 29, ст. 12 и дал.; стр. 33—38, ст. 44 и дал.; стр. 53, ст. 53; IV, стр. 41, ст. 73; стр. 47, ст. 22.—Солнышко: II, стр. 26, ст. 95, 100, 121; стр. 36—39, ст. 463 и дал.; Кiевское солнышко: III, стр. 32, ст. 2; стр. 78, ст. 311; Красное солнышко: III, стр. 82, ст. 44; IV, стр. 47, 48, ст. 17 и дал.; Солнце Кiевско: II, стр. 53, ст. 125; Ласково солнце: I, стр. 45, ст. 130; II, стр. 19, ст. 33.—Надежа: III, стр. 85, ст. 35.—Свѣтъ: I, стр. 72, ст. 53; III, стр. 85, ст. 35; IV, стр. 47, ст. 17; стр. 78—80, ст. 18 и дал.; Свѣтлый: IV, стр. 3, ст. 69; Пресвѣтлый: IV, стр. 20, ст. 52.—Славный: I, стр. 82, 84, ст. 189 и дал.; II, стр. 53, ст. 2; стр. 83, ст. 2; III, стр. 4, ст. 2; IV, стр. 50, 51, ст. 28, 74.—Ласковый: I, стр. 44—46, ст. 119 и дал.; стр. 56, 57, ст. 18, 53; стр. 58, ст. 2; стр. 66, ст. 1; II, стр. 18, ст. 2; стр. 28, 29, ст. 188, 198; стр. 70, ст. 27 и дал.; стр. 83, *разн.*; III, стр. 5, ст. 32; стр. 10, 11, ст. 30 — 72; стр. 20, 27, ст. 2, 12, 269; стр. 41, ст. 2; стр. 52, ст. 2, и др.; IV, стр. 39, ст. 24, 31; стр. 52, ст. 2; стр. 55, ст. 105, 113; стр. 59, ст. 2; стр. 68, ст. 2; стр. 72, ст. 2; стр. 78, ст. 2; стр. 92, 93, ст. 40, 55, 75.

У него черны кудри: II, стр. 18, ст. 11; III, стр. 22, ст. 80; стр. 70, ст. 11; желтые: III, стр. 42, ст. 20.—Когда сватается, объ немъ относятся: «За Владимiра можно дѣвка давать, хорошiй

женихъ, во славѣ во почести:» III, стр. 55, ст. 106, 107.—По признанію самихъ враговъ, «нѣтъ его грознѣе во всѣхъ царствахъ, а богатырей его удалѣе во всѣхъ земляхъ:» IV, стр. 37, разн. — Пьетъ очень мало: IV стр. 43, ст. 162—167.—Трусливъ вообще: I, стр. 84, 86, ст. 247, 319—321; особенно при наступленіи врага: I, стр. 68, ст. 67—87; стр. 72, 73, ст. 51—115; II, стр. 94, 95, ст. 49 и дал.; III, стр. 39, ст. 6—20 (даже плачетъ); IV, стр. 41 — 43, ст. 98 — 145.—Брезгливъ (зажимаетъ носъ отъ больной жены): III, стр. 98, ст. 302—311.—Велитъ льстецовъ казнить-вѣшать, но потомъ слушаетъ льстивые совѣты, и снова, признавши правду, наказываетъ совѣтника котломъ смолы: III, стр. 29, ст. 23—48; стр. 34, 38, ст. 61—79, 228.—Княгиня и богатыри боятся навести его на гнѣвъ, боятся удальцы ходить во дворъ его и проказить: III, стр. 95, ст. 203; IV, стр. 71, ст. 77—82.—Сзываетъ былицъ-волшебницъ: II, стр. 26, ст. 95, 96.—Любитъ охотиться и ѣздить на потѣшныхъ островахъ: III, стр. 91, 92, ст. 39—73; см. и. исторію Чурилы.—У него весьма частые и при всякомъ удобномъ случаѣ пиры: см. безпрестанно.—Принимаетъ и угощаетъ Калѣкъ Перехожихъ: III, стр. 97—99, ст. 277—365; IV, стр.

106, 107, ст. 229 — 248.—У него собирались вечеринки для княгинь и боярынь, для вдовъ: II, стр. 57, 58, ст. 146—191; III, стр. 20, ст. 1—3; IV, стр. 68—71, ст. 5 и дал.; стр. 73, ст. 7 и дал.; принималъ къ себѣ даже такія лица, какъ Марину, Маришку: см. ее.—Созывалъ на пиры чрезъ особыхъ позовщиковъ: см. Чурилу.—Причитается дядюшкой Добрынѣ: II, стр. 19, ст. 32; стр. 53, ст. 124; имѣетъ родную сестрицу (?) Марью Дивовну (вѣроятно она же — Маришка): II, стр. 52, 53, ст. 98 — 137, см. ее; племянницу Запаву Путятичну: см. ее, Соловья Будиміровича и Добрыню; жену Апраксію (не совсѣмъ вѣрную): см. ее, и безпрестанно; любимаго тестя—грознаго короля Этмануйла Этмануйловича: II, стр. 18, 22, ст. 19, 20 и дал., см. его.

Скучаетъ холостою жизнію, ищетъ себѣ подходящей невѣсты: III, стр. 28, 29, ст. 12 — 22; стр. 33, ст. 31 — 41; стр. 53, ст. 33—39 и дал.; стр. 61—64, ст. 75—162; стр. 70—72, ст. 15 — 87. — Женится на старшей дочери Ляховинскаго короля, привезенной Дунаемъ въ Кіевъ: III, стр. 55, ст. 97—115.

Хотѣлъ у жива мужа жену отнять: II, стр. 22, ст. 161, 162; стр. 39, ст. 556; сомнѣвается, потомъ рѣшается отнять и отни-

маетъ жену у живаго мужа, у Данилы Ловчанина (а его изъ за жены губитъ): III, стр. 29 — 31, ст. 32 — 115; то же у Данилы Денисьича, но потомъ раскаявается: III, стр. 33—38, ст. 59—228; см. и. исторію Ставра и Василисы Микуличны.

Вездѣ ищетъ богатырей, вездѣ спрашиваетъ: I, стр. 38, ст. 136; радуется пріѣзду ихъ, проситъ служить: II, стр. 75, 79, ст. 173—179, 328 — 330; на пріѣздѣ даритъ богатырямъ по добру коню: I, стр. 38, ст. 137, 138; даритъ по коню и за подвиги: II, стр. 45, ст. 4, 5; жалуетъ богатырей и всѣхъ приходящихъ мѣстами: I, стр. 39, ст. 192—195; стр. 44, ст. 121, 122; II, стр. 37, ст. 507—512; стр. 75, ст. 176 — 179; IV, стр. 47, 48, ст. 19 — 26; разряжаетъ по мѣстамъ: I, стр. 85, ст. 293—299; даритъ и жалуетъ всякими подарками: I, стр. 66, 67, ст. 18—32 (шубой соболиною); III, стр. 38, ст. 227 (то же); IV, стр. 36, *разн.* (то же, и золотыми великими цѣпями); когда нужны богатыри, униженно имъ молится: II, стр. 94, 95 (Василью Казиміровичу); IV, стр. 42, 43 (Ильѣ Муромцу); старается иногда удерживать ихъ при себѣ для защиты Кіева (не всегда успѣшно): III, стр. 43, ст. 37 — 49; IV, стр. 24, 25 и дал., *разн.*—Назначаетъ богатырямъ подвиги; обыкновеннѣе — настрѣлять къ столу княженецкому гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ: безпрестанно, разнымъ богатырямъ; или — пересчитывать силы невѣрныя: III, стр. 44, 45, ст. 65 и дал.; Ильѣ Муромцу — закупать коней въ землѣ Латынской: II, стр. 93, ст. 10, 11; Добрынѣ—закупать сѣдла въ землѣ Черкасской: II, стр. 93, ст. 12, 13; ему же—спасти племянницу отъ Змѣища: II, стр. 26, ст. 107 — 126, ср. Добрыню и Запаву; ему же—съѣздить въ орды немирныя, очистить дороги прямоѣзжія до Владимірова тестя короля Этмануйла Этмануйловича, вырубить Чудь, прекротить Сорочину, Черкесъ Пятигорскихъ, Калмыковъ съ Татарами, Чукши и Алюторы: II, стр. 18, 19, 22, ст. 17—25 и дал.; ему же и Василью Казиміровичу — ѣхать въ Большую Орду Заоданскую, ко царю Батыю, везти дани-пошлины: II, стр. 83, 84, № 1; стр. 90, 91, № 2; Алешѣ Поповичу—закупать пшено въ землѣ Сорочинской: II, стр. 93, ст. 14, 15; Данилѣ Ловчанину — съѣздить на Буянъ островъ и убить звѣря лютаго: III, стр. 29, ст. 42 — 48; Данилѣ Денисьичу—съѣздить въ луга Леванидовы, имать птичку бѣлогорлицу и убить льва лютаго: III, стр. 34, ст. 71 — 79; Дунаю съ Добрынею — искать и сватать ему

невѣсту: III, стр. 54, ст. 80—86; то же Дунаю съ Добрынею и Алешею: *тж.*, стр. 64, ст. 156—171; то же Дунаю съ Екимомъ Ивановичемъ: *тж.*, стр. 71, 72, ст. 58—87; Чурилѣ—созывать на пиры и быть вѣстникомъ: см. его; и т. п. — Встрѣчаетъ Илью Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ въ первый разъ у себя въ Кіевѣ, не вѣритъ подвигу Ильи, пугается свисту Соловьинаго, принимаетъ Илью: I, стр. 29, 30, ст. 157—198; стр. 33, 34, ст. 80—105; стр. 37—39, ст. 126—195; стр. 41, ст. 42—46; стр. 44—46, ст. 104—173; стр. 82—85, ст. 174—304; IV, стр. 4—6, ст. 108—157; сажаетъ Илью въ тюрьму: I, стр. 67, ст. 50—55 и дал.; за рѣзкую правду сажаетъ его въ погребъ, но потомъ, признавши истину, выпускаетъ, цѣлуетъ, жалуетъ: III, стр. 34, 38, ст. 80—86, 222—228; знаменитая ссора съ Ильею: см. Илью Муромца.—Содѣйствуетъ беззаконной свадьбѣ Алеши Поповича, за что пристыженъ отъ Добрыни: II, стр. 8, ст. 146; стр. 15, ст. 50; стр. 17, ст. 31; стр. 21, 22, ст. 104, 105, 161, 162; стр. 32, 33, 39, ст. 335—366, 552—556 (тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло).—Хлопочетъ женить Ивана Годиновича: III, стр. 10, 11, ст. 46—80; стр. 20—

22, ст. 5—88. — Улаживаетъ свадьбу Хотена и уговариваетъ Часову жену не кручиниться и не гнѣваться на зятя: IV, стр. 72, ст. 130—134. — Бьется объ закладъ съ Иваномъ Гостинымъ сыномъ и, проигравши, стѣсненъ: III, стр. 4—8, № 3. — Изъ зависти къ Ставру, велитъ посадить его въ тюрьму, дворъ его запечатать, а молодую жену его, Василису Микуличну, взять ко князю; когда же она подступила къ Кіеву подъ видомъ грознаго посла, перепугался, не повѣрилъ Апраксіи, что это Василиса, разбранилъ жену, пыталъ посла борьбою и стрѣльбой изъ лука, обыгранъ имъ въ шахматы и отдавалъ себя, за неустойку, въ кабалу съ женой, а послѣ обрадовался, когда Василиса, вмѣсто всѣхъ даней, взяла у него Ставра, унижался передъ нею, и, проводивъ ее съ мужемъ, остался ни съ чѣмъ: IV, стр. 60—68, ст. 39—263, ср. Ставра, Василису и Царя Бархата (сказочный Владиміръ). — Слышитъ въ Кіевѣ отъ разныхъ охотниковъ о первыхъ страшныхъ подвигахъ Чурилы и сначала не внимаетъ имъ; когда толпы увеличились съ жалобами, спрашиваетъ: «Кто это Чурила есть таковъ?» Узнавши объ немъ, ѣдетъ въ его дворъ съ княгинею и множествомъ провожатыхъ; тамъ пируетъ у Плепка; почуявъ приближеніе Чурилы, возвращавшагося

съ охоты, перепугался; всмотрѣвшись ближе, успокоивается, получаетъ отъ Чурилы дары, зоветъ его въ Кіевъ: «Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить, подобаетъ въ Кіевѣ жить, князю служить;» въ Кіевѣ даетъ Чурилѣ службу постельника и позовщика; снисходитъ къ его любовнымъ дѣламъ: IV, стр. 78—85, ст. 10—226; стр. 86, ст. 14—20, ср. Чурилу. — Принималъ у себя заѣзжаго Дюка Степановича и ѣздилъ къ нему въ Волынецъ Галичій, гдѣ былъ богато угощенъ, одаренъ и изумленъ богатствомъ: III, стр. 103—106, ст. 78—184.—Заѣзжій Михайло Казарянинъ привезъ ему въ подарокъ знаменитыхъ коней Татарскихъ: IV, стр. 98, 99, ст. 253—270.—Изъ за моря пріѣзжалъ къ нему въ Кіевъ Соловей Будиміровичь, впослѣдствіи женившійся на его племянницѣ, Запавѣ Путятичнѣ, съ которою Владиміру не мало было хлопотъ: ср. ее и IV, стр. 101—107.

Какъ Князь Кіевскій, является часто въ спорѣ и противодѣйствіи съ Княземъ Сиверскимъ, Владыкою или Воеводою Черниговскимъ: см. эти лица.

Въ его время завладѣлъ Кіевомъ, но убитъ Ильею Идолище: I, *Прилож.*, стр. XIV — XVI, XXI — XXII, XXXIV; IV, стр. 19—21, ст. 15—83; собирались па Кіевъ Цареградскіе богатыри, между ними Тугаринъ Змѣевичь и Идолище, но Кіевскими богатырями полонены: IV, стр. 23 — 38, *разн.*; господствовалъ въ Кіевѣ Тугаринъ Змѣевичь, насмѣхаясь надъ княземъ, владѣя княгиней: II, стр. 75—79, ст. 183—330; нападалъ на Кіевъ Тугаринъ Бѣлевичь, ворогъ Загорскій: I, стр. 56, 57, № 3; Змѣй овладѣвалъ въ Кіевѣ женщинами: ср. его, Запаву Путятичну и Марину; нападали на Кіевъ или подступали къ нему—Жидовинъ богатырь: см. его; — Калина, Калинъ съ Татарами: I, стр. 68—76, № 2 и 3: —Батый съ Татарами: IV, стр. 38 — 46, № 6; — Мамай съ Татарами: I, стр. 58—63, № 1;— Орды невѣрныя, великія: III, стр. 39 — 41, № 1; — невѣрный царь Уланище: III, стр. 41 — 51, № 2; и др.; при этомъ Владиміръ наряжался поваромъ, марался сажею, передѣвался посломъ, отправляясь къ Татарамъ, а передъ богатырями унижался, моля о защитѣ: I, стр. 74, ст. 127, 128; IV, стр. 43, ст. 155 — 167 и см. в.—Взятъ былъ въ подданство и привозимъ въ Кіевъ изъ земли Загорской царь Афромей Афромеевичь: III, стр. 26, 27, ст. 230—247, 280—285.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. CL.

Княгиня.

Епраксія: II, стр. 15, ст. 51; **Апраксія:** II, стр. 36, 39, ст. 464, 553, 555; III, стр. 82, 83, ст. 52—77; IV, стр. 40, 43, 44, ст. 66, 137, 144, 186; стр. 82, ст. 132; **Опракса, Опраксія:** III, стр. 51, ст. 247; стр. 64—68, ст. 147 и дал.; стр. 85—88, ст. 41—151; **Афросинья** (испорчено изъ «Апраксія»): III, стр. 71—79, ст. 41 и дал.; **Апраксѣвна, Апраксѣевна:** I, стр. 46, ст. 169; II, стр. 22, ст. 140, 143; стр. 75—80, ст. 188; III, стр. 79, ст. 316 и дал.; стр. 92—99, ст. 75—366; IV, стр. 64, ст. 149; стр. 98, ст. 233, 235; стр. 102, 106, ст. 79, 220; **Апраксина** (изъ «Апраксѣвна»): IV, стр. 50, ст. 26.

Королевична (по происхожденію): III, стр. 85—88, ст. 41—151; Честна роду дочь, Королевична: III, стр. 92, ст. 76; Княгиня: I, стр. 46, ст. 169; III, стр. 8, ст. 139; стр. 82—99, ст. 52 и дал.; IV, стр. 43, 44, ст. 137, 144, 186; стр. 72, ст. 131; стр. 82—84, ст. 114—194; стр. 86, ст. 9—20, и др.; Жена (Владиміра): IV, стр. 40, ст. 66, см. его; Душа: I, стр. 46, ст. 169; II, стр. 22, ст. 143; III, стр. 92, ст. 75; Молода: III, стр. 92—99, ст. 92—366; Сдогадлива: I, стр. 68, ст. 62.

Дочь грозна короля Этмануйла Этмануйловича: II, стр. 18, 19, 22, ст. 19, 20 и дал.; III, стр. 71, ст. 37 и дал.; старшая дочь Ляховинскаго короля и старшая сестра жены Дунаевой, сосватанная и привезенная въ Кіевъ Дунаемъ: III, стр. 54, 55, ст. 60—115; ея описаніе (невѣстою): «возрастомъ не мала и умомъ на статѣ, въ грамоту дѣвица поученая, лицомъ бѣла какъ зимній снѣгъ, очи какъ у сокола, брови какъ у соболя, ходитъ словно лебедушка, глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день:» III, стр. 54, ст. 70—78; меньшая дочь того же короля и меньшая сестра жены Дунаевой, привезенная въ Кіевъ также Дунаемъ, ея описаніе: «сидитъ она за тридевятью замками, чтобы и вѣтеръ не завѣлъ, да и солнце не запекло, да и добры молодцы чтобы не завидѣли, станомъ Владиміру ровна и умомъ сверстна, очи у ней какъ у ясна сокола, брови какъ у черна соболя Сибирскаго: III, стр. 64—68, ст. 147—247; такой же разсказъ, съ той особенностью, что хвастовствомъ погубила сестру свою, жену Дуная, и съ описаніемъ—«сидитъ въ высокомъ терему за тридесять замками булатными, буйные вѣтры не вихнутъ на ее, а красное солнце не печетъ лице, дѣвушка станомъ статна и умомъ

свершіна, бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ, а ягодицы какъ маковъ цвѣтъ, черныя брови какъ бы соболи, ясныя очи какъ у сокола, честна королевична: III, стр. 71—79, ст. 37 и дал.; о происхожденіи Апраксіи ср. Жену Дуная—Дарью Збродовичну, Сестру Збродовичей — Настасью или Наталью, Сестру Алеши Поповича и Михайлы Казарянина.

Всюду почти рядомъ съ Владиміромъ: см. его; князь касательно семейныхъ дѣлъ думаетъ съ нею, совѣтуется: IV, стр. 103, ст. 109, 110; ей особенно нравятся подарки: IV, стр. 102, ст. 89, 90, и др.; у ней было въ Кіевѣ своихъ сто богатырей: III, стр. 22, ст. 85.

Весьма часто невѣрна мужу; ей кладетъ руки въ пазуху, держитъ у ней руки въ пазухѣ Идолище поганое: IV, стр. 19, ст. 19; у нея милый другъ—Тугаринъ Змѣевичъ, она сидитъ съ нимъ въ Кіевѣ рядушкомъ, цѣлуется, позволяетъ класть себѣ руки въ пазуху, все бы глядѣла на него, пѣняетъ за него Алешѣ Поповичу и за то обругана отъ сего послѣдняго «сукою волочайкою:» II, стр. 75—80, ст. 184—340; обзарилась на Потока Михайлу Ивановича (во главѣ Калѣкъ), за несогласіе на любовь оклеветала его, наказана мерзкимъ недугомъ, потомъ прощена Михайлою: III, стр. 82—84, ст. 54—115; стр. 85—89, ст. 41—165; стр. 92—99, ст. 93—366, ср. Потока; была съ Владиміромъ въ гостяхъ у Чурилы, когда еще онъ не жилъ въ Кіевѣ, а когда переселился въ Кіевъ, держала его у души, и одинъ разъ, заглядѣвшись на него и порѣзавши руку, со стыду со сраму рѣшила, чтобы больше, во избѣжаніе соблазна, не служить ему при княженецкихъ постеляхъ постельникомъ, а ходитъ на сторону позовщикомъ: IV, стр. 82—84, ст. 114—194; стр. 86, ст. 9—20; ср. *Прилож.*, стр. XCIV.

Хлопочетъ передъ княземъ за Илью Муромца и спасаетъ его отъ погибели, при чемъ напрасно заслужила отъ мужа имя «неразумной:» I, стр. 67—69, ст. 22—106; одна въ Кіевѣ узнаетъ переодѣтую Василису Микуличну, при чемъ опять несправедливо выбранена «глупою и неразумною:» IV, стр. 62—64, ст. 106—152; содѣйствуетъ свадьбѣ Алеши Поповича: II, стр. 15, ст. 51; стр. 39, ст. 555, 556; примиренію зятя Хотена съ тещею Часовой вдовой: IV, стр. 72, ст. 130—134; въ свадьбѣ Давида Попова съ племянницею Владиміра Запавою служитъ свахою: IV, стр. 106, ст. 220.

Ср. IV, *Приложенія*, стр. CL.

*

КНЯЗЬЯ-БОЯРЕ КІЕВСКІЕ,

ДРУЖИНА КНЯЖЕСКАЯ.

Жены ихъ и дочери.

Блудъ: IV, стр. 69—71, ст. 9 и дал.; стр. 73—75, ст. 8 и дал.; **Блудище:** IV, стр. 73, ст. 14, 39.

Во времена Владиміра уже умеръ и оставилъ послѣ себя многіе пожитки, вдову и сына Хотена или Гордена: см. двухъ послѣднихъ.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

—

Чесъ (Чѣсъ): IV, стр. 69—72, ст. 8 и дал.; **Часъ (Цясъ):** IV, стр. 73—76, ст. 9 и дал.

Во времена Владиміра уже умершій и оставившій вдову, девять сыновей и дочь Катерину или Авдотью: см. жену его, дочь и Хотена или Гордена.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

—

Бермята: IV, стр. 81, ст. 96; стр. 82, ст. 120; стр. 85, 86, ст. 217, 245; **Пермитьевъ:** IV, стр. 88, ст. 33, 37, 40; **Васильевичъ:** IV, стр. 81, ст. 96; стр. 82, ст. 120; стр. 85, 86, ст. 217, 245.

Старый: IV, стр. 81, ст. 95; стр. 82, ст. 12; стр. 85, 86, ст. 217, 245.

Въ Кіевѣ одинъ между всѣми про Чурилу «давно вѣдаетъ» и разсказываетъ Владиміру, гдѣ онъ живетъ и какъ живетъ: IV, стр. 81, ст. 95—103; сопровождаетъ Владиміра въ поѣздкѣ къ дому Чурилову: стр. 82, ст. 120; имѣлъ молодую жену въ Кіевѣ, Катерину Прекрасную: стр. 85, 86, ст. 217—219, 245—247; стр. 88—90, ст. 20 и дал.; см. ее; обезчещенъ Чурилою и по одной пѣсни прощаетъ его, жену же хочетъ убить: IV, стр. 85, 86, ст. 216—247; стр. 87—90, ст. 9—110.

Значеніе его имени, отношенія къ Чуру, Гермесу, Чурилѣ, и т. п.: см. IV, *Прилож.*, стр. LVIII, LXXX, XCII—XCV.

—

Путята: отецъ Путятина, Путятовича, Мишатычки Путятица сына: см. его.; отецъ Запавы Путятичны: см. ее.

Старый: IV, *Прилож.*, стр. LVIII.

По имени его назывался близь Кіева, противъ двора его, темный лѣсъ: IV, *Прилож.*, стр. LVIII; по былинамъ уже умершій, родственникъ Владиміру, по лѣтописямъ изъ эпохи Владиміра Мономаха, и проч.: ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII, LVIII.

—

Путятинъ (сынъ?) **Путятовичь:** III, стр. 29, ст. 23, 33, 35; **Мишатычка Путятинъ сынъ:** III, стр. 33, 34, 35, 38, ст. 43, 64, 65, 89, 90, 99, 228.

Переметливъ былъ: III, стр. 34, ст. 65, 66.

Много ѣзжалъ по инымъ землямъ, много видалъ и изъ ума пыталъ королевишенъ: III, стр. 33, ст. 45—47.

Подаетъ Владиміру коварный совѣтъ отнять жену у живаго мужа, у Данилы Ловчанина, а его погубить: III, стр. 29, ст. 23—41; то же касательно жены Данилы Денисьича, и самъ съ холопскою грубостью дѣйствуетъ отъ лица Владиміра, но потомъ, при несчастномъ исходѣ дѣла, посаженъ Владиміромъ въ котелъ смолы: стр. 33—35, 38, ст. 42—104, 228.

Ср. IV, *Прилож.*, ст. LVII, LVIII.

—

Микула Микитичь, Воевода Кіевскій, встрѣтившій на пріѣздѣ Илью: I, *Прилож.*, стр. XII (въ сказкѣ, сомнительно); ср. ниже.

—

Акундинъ Ивановичь, Воевода Кіевскій при Владимірѣ: II, *Прилож.*, стр. XV (въ сказкѣ, сомнительно); ср. Жену его.

—

Ср. ниже Отца Добрыни и Малюту Воскурлатова сына, а также IV, *Прилож.*, стр. LVI—LVIII.

*

Блудова жена: IV, стр. 69, 70, ст. 9—64; стр. 73, 74, ст. 8—45; **Авдотья:** IV, стр. 69, ст. 34.

Честная вдова: IV, стр. 68, 69, ст. 7—9; Молодая вдова: IV, стр. 73, ст. 8 и дал.; Жена богатая, дворянская: IV, стр. 69, ст. 10, 11.

Многіе пожитки остались ей съ сыномъ отъ мужа: IV, стр. 69, ст. 22; сынъ ея Хотенъ или Горденъ: см. его; пировала у Владиміра: IV, стр. 68, 69, ст. 7 и дал.; стр. 73, ст. 7 и дал.; напивалась на пиру до пьяна: IV, стр. 70, ст. 64.

На пиру у Владиміра посватала сына за дочь Часовой жены, отъ нея побита, обругана и обезчещена, пожаловалась сыну, вызвала его мще-

ніе: IV, стр. 69, 70, ст. 13—65 и дал.; стр. 73, 74, ст. 9—45 и дал.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

—

Чесова, Чесовая (Чѣсова, Чѣсовая), **Часова** (Цясова) **жена:** IV, стр. 69—72, ст. 8 и дал.; стр. 73—76, ст. 9 и дал.; **Авдотья:** IV, стр. 69—72, ст. 14, 29, 52, 126.

Честная вдова: IV, стр. 68—72, ст. 7, 97 и дал.; Молодая вдова: IV, стр. 72, 73, ст. 126, 35 и дал.; Жена богатая, дворянская: IV, стр. 69, ст. 10, 11.

Имѣла послѣ мужа девять сыновей какъ ясныхъ соколовъ: IV, стр. 69, 71, ст. 15, 16 и дал.; стр. 75, ст. 81 и дал.; дочь Авдотью или Катерину: см. ее; пировала у Владиміра: IV, стр. 68, 69, ст. 7, 8, и дал.; стр. 71, ст. 80, 81; стр. 73, ст. 9 и дал.

На пиру у Владиміра, когда Блудова жена посватала за своего сына дочь ея, прибила, обругала и обезчестила Блудову, когда же Блудовичь Хотенъ круто началъ мстить, напустила было на него сыновей, но при неудачѣ принуждена наконецъ отдать дочь за Хотена и волею-неволею, по убѣжденію Владиміра и княгини, помириться: IV, стр. 69—72, ст. 13—135; стр. 73—76, ст. 9—120.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

—

Авдотья Чесовична: IV, стр. 69—72, ст. 18—117.

Катеринуша Часовишна: IV, стр. 73—77, ст. 10—162.

Дѣвица какъ лебедь бѣлая: IV, стр. 69, ст. 19.

Дочь Часовой жены: см. ее.

Когда обиженный ея матерью, Хотенъ или Горденъ сшибъ ея теремъ и подавилъ садъ, бросилась было жаловаться къ матери, но потомъ принуждена выйти за него за мужь: IV, стр. 70—72, ст. 65 и дал.; стр. 74—77, ст. 46 и дал.

Ср. Хотена или Гордена.

—

Катерина Прекрасная: IV, стр. 85, 86, ст. 219, 247; **Пермитьиха:** IV, стр. 88—90, ст. 20—89.

Госпожа, превысока госпожа, княгиня: IV, стр. 88—90, ст. 20—109.

Молодая жена Бермяты или Пермитьева (см. его): IV, стр. 85, 86, ст. 217, 218, 245, 246; стр. 88—90, ст. 20 и дал.

Отъ стараго мужа поддалась Чурилѣ (см. его), принимала его къ себѣ, весь народъ узналъ безчестье по слѣдамъ, а по одной пѣсни мужь готовится убить ее: IV, стр. 85, 86, ст. 216—247; стр. 87—90, ст. 9—110.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XCII—XCV.

—

Запава: IV, стр. 102—107, ст. 104—265; **Забава:** II, стр. 26—28, ст. 105—196 и *пр.*; **Зыбава, Зыбата:** IV, *Прилож.*, стр. LVIII; **дочь Путятична, Путятична, Путятишна:** II, стр. 26—28, ст. 105—196.

Князева (Владимірова) племянница: II, стр. 25—28, ст. 91—195; княженецкая племянница: IV, стр. 102, ст. 103; Дѣвица на выданьѣ: IV, стр. 105, ст. 185; молода: всюду въ означенныхъ мѣстахъ.

Ея знаменитые терема, садъ, загонъ земли непаханой и неораной: IV, стр. 102—104, ст. 101—176; *Прилож.*, стр. LVIII.

Унесена изъ Кіева Змѣищемъ Горынчищемъ и по повелѣнію Владиміра спасена Добрыней: II, стр. 25—29, ст. 88—198.

Расположенная подарками пріѣхавшаго въ Кіевъ Соловья Будиміровича, сдалась ему, помолвилась, помѣнялась перстнями; когда мать Соловья отсрочила свадьбу и онъ уѣхалъ, насильно приневолена выйти за Давида Попова; когда же Соловей воротился, хотѣла броситься къ нему черезъ свадебный столъ, взяла его за руку, посадила съ собой, насмѣялась Давиду Попову: IV, стр. 102—107, ст. 101—267.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII, LVIII.

—

Анисья Севастьяновна, жена Воеводы Кіевскаго Акундина Ивановича: II, *Прилож.*, стр. XV (въ сказкѣ, сомнительно); см. его.

—

Ср. ниже Мать Добрыни, Крестную мать его же, Сестру, Марью Дивовну, Марину.

*

БОГАТЫРИ СТАРШІЕ.

Старшіе богатыри дивуются на Илью: I, стр. 78—81, ст. 45—48, 134—137, 170—173; держатся въ сторонѣ отъ Кіева, неохотно идутъ на его выручку, соблазняютъ настоящихъ Кіевскихъ богатырей, принимаютъ ихъ въ гости, оставляютъ равнодушно на краю гибели, и т. п.: I, стр. 58—64, ст. 21—25, 71—100, 119—138,

166—170, 204—225; ср. I, *Прилож.*, стр. XXX—XXXII; IV, *Прилож.*, стр. XII, XIII, CIII—CXIII.

—

Святогоръ, Свѣтогоръ. Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 146; на полѣ внѣ Кіева и спасаетъ Кіевъ по призыву Ильи: стр. 58, 60, 61, ст. 24, 79, 124; атаманомъ на Соколѣ караблѣ, вмѣстѣ съ Ильею: стр. 22, *разн.*; всѣхъ больше по природѣ отличался силою: II, стр. 31, ст. 277; рядомъ съ Самсономъ, какъ славнѣйшій богатырь, однако скошенный смертью: IV, стр. 121, ст. 46; то же, рядомъ съ Олоферномъ, Соловьемъ и Самсономъ, какъ сынъ Самсона, Егоръ-Святогоръ: стр. 122, *разн.*; то же, рядомъ съ Олоферномъ и Самсономъ, Святигоръ: стр. 131, ст. 55; вѣроятно онъ же, по народному преданію: I, *Прилож.*, стр. XXX, XXXI; смѣшанъ въ народномъ преданіи съ Ильею: стр. XXXIV; ср. Анику Воина и IV, *Прилож.*, стр. CIII—CXIII.

—

Суханъ Домантьевичъ. Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 145; съ другими богатырями въ походѣ изъ Кіева на Царьградъ,

при чемъ взяты живьемъ Идолъ Скоропитъ и Тугаринъ: IV, *разн.*, стр. 24 и дал.

—

Полканъ. Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 146; младъ богатырь, на Соколѣ караблѣ съ Ильею: стр. 22, ст. 9; рядомъ съ Самсономъ, какъ образецъ славнѣйшихъ богатырей, скошенныхъ однакоже смертію; IV, стр. 117, *разн.*; какъ Чудище-Полканище, Полканъ Полкановичъ, сводится въ народномъ преданіи съ Идолищемъ (см. его): I, *Прилож.*, стр. XXXIV; по сказкамъ — въ борьбѣ съ Иваномъ Крестьянскимъ сыномъ: III, *Прилож.*, стр. XVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIX—CXC; съ Добрынею (сомнительно): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIX;— въ борьбѣ и дружбѣ съ Бовою королевичемъ (имя его, наружность, и проч.): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXVIII—CXCIII.—Ср. ниже Анику Воина и Смерть.

—

Колыванъ сынъ Ивановичъ. Стоитъ на богатырской заставѣ внѣ Кіева: I, стр. 7, ст. 5. Сравни:

Иванъ Колывановичъ. На полѣ внѣ Кіева и спасаетъ Кіевъ по призыву Ильи: I, стр. 58, 60, 61, ст. 25, 80, 125. Сравни:

Самсонъ Колывановичъ. Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 144; стоитъ внѣ Кіева, на Дунай-рѣкѣ, на богатырской заставѣ: IV, стр. 44, ст. 192, 194; племянникъ Ильи (?): стр. 44, ст. 192, 194, 195; грязнетъ въ Дунаѣ, спасается Ильею: стр. 44, ст. 192—195; въ битвѣ держитъ руку правую: стр. 44, ст. 202. Сравни:

Самсонъ Васильевичъ. Стоитъ на богатырской заставѣ внѣ Кіева: I, стр. 7, ст. 6. Сравни:

Самсонъ. На Соколѣ кораблѣ (ошибкою названъ Симеономъ): I, стр. 40, ст. 8; на полѣ внѣ Кіева и спасаетъ Кіевъ по призыву Ильи: стр. 58, 60, 61, ст. 23, 78, 123; рядомъ съ Полканомъ, какъ образецъ славнѣйшихъ богатырей, однакоже скошенныхъ смертью: IV, стр. 117, *разн.*; то же, рядомъ съ Святогоромъ: стр. 121, ст. 45; то же, рядомъ съ Олоферномъ, Соловьемъ и Святогоромъ, какъ богатырь надъ семидесятью землями, съ тремя ангельскими волосами: стр. 122, *разн.*

Молоферъ, Малафей (Олофернъ). Рядомъ съ Святогоромъ и Самсономъ, въ числѣ славнѣйшихъ богатырей, покорившихся однакоже смерти: IV, стр. 131, ст. 56; то же, рядомъ съ Соловьемъ, Святогоромъ и Самсономъ: стр. 122, *разн.*

—

Соловей: см. его ниже.

—

Дунай или **Донъ Ивановичъ** (по происхожденію Старшій богатырь): см. его ниже.

—

Ср. Збродовичей, Залѣшанъ, и нѣк. друг.

*

ДРУЖИНА ЗЕМСКАЯ,

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ,

НА СЛУЖБѢ ВЛАДИМІРУ.

Богатыри Туземные.

Илья Муромецъ: безпрестанно; **Илейко:** I, стр. 36, ст. 70; IV, стр. 2, ст. 35; стр. 18, ст. 4 и дал.; стр. 23, ст. 34 и дал.; стр. 41, ст. 87; стр. 47, ст. 9 и дал.; **Илеюшка:** IV, стр. 23, ст. 47; **Илюха:** I, стр. 51, ст. 200; **Илюшка:** I, стр. 25,

ст. 4, 15; стр. 29, ст. 170; **Илюшенька:** I, стр. 16, ст. 1, 3, 5; стр. 40, ст. 10.—**Сынъ** или **свѣтъ Ивановичь:** I, стр. 1, ст. 4; стр. 3, ст. 7; стр. 11, ст. 28; стр. 14, ст. 107; стр. 19, ст. 8; стр. 35, ст. 33; стр. 47, ст. 37 и дал.; стр. 82, ст. 196 и дал.; стр. 91, ст. 19; III, стр. 4, 5, ст. 20, 40; IV, стр. 7, ст. 34 и дал.; стр. 15, ст. 75; **Ивановъ сынъ:** I, стр. 29, ст. 170.

Отецъ его Иванъ Тимоѳеевичь, Мать (по преданію) Ефросинья Яковлева: см. ихъ ниже; Рода крестьянскаго: I, стр. 91, ст. 17; Дѣтина сельщина, деревенщина (въ укоръ): I, стр. 82, ст. 191, 192, 206.

Старый, Старикъ: I, стр. 51, ст. 178—184; 53, ст. 44, 45; 86, ст. 1, 2, 3 и дал. № 2; IV, стр. 11, ст. 176—183; 14, ст. 61; 46, ст. 247; Старчище: I, стр. 55, ст. 108, 109, 117; Старъ-матёръ человѣкъ: I, стр. 18, ст. 34, 38; 23, ст. 3; Базыга старая (въ укоръ): I, стр. 10, ст. 100; Матёрый: I, стр. 51, ст. 178; IV, стр. 11, ст. 177.—Старикъ невеселый: I, стр. 55, ст. 107, 116; Угрюмый: I, стр. 55, ст. 115.—Старъ-Старый козакъ: I, стр. 4, ст. 5, 6; 12, ст. 48, 49; 13, ст. 71, 91, 101, 106, 123; 15, 16, № 1; 17, № 3; 58, ст. 13 и дал., № 1; 90, ст. 6; 93,

ст. 4; III, стр. 34, 38, ст. 80, 81, 225, 226; IV, стр. 18, ст. 1 и дал.; 41, ст. 87 и дал.; Матерой козакъ: IV, стр. 108, ст. 11, 12; Старѣйшій козакъ (позднѣйшее): I, стр. 92, ст. 3; Донской козакъ (позднѣйшее): I, стр. 18, ст. 4; 20, ст. 56.—Старшой (старой?): I, стр. 88, ст. 56; Старшинушка (старинушка?): I, стр. 18, № 4.—Атаманъ: I, стр. 46—52, № 1; 52, ст. 3; 90, ст. 5 (позднѣйшее): IV, стр. 6—12, № 2.—Есаулъ (позднѣйшее): I, стр. 91, ст. 12, 13.—Богатырскій сынъ (по преемству отъ Старшихъ богатырей, см. и. отношеніе къ нимъ): I, стр. 21, ст. 9; Большой, Большій богатырь: I, стр. 47, ст. 36 и дал.; IV, стр. 7, ст. 34 и дал.; 10, ст. 131.—Сильный воинъ: I, стр. 2, ст. 33.—Славный: IV, стр. 24, *разн.*—Стоятель, Оберегатель (Кіева, князя и проч.): I, стр. 68, ст. 85, 86.—Паленица, Поленица, великая (порою): I, стр. 73, ст. 93; 83, ст. 233.

Забѣлѣлася головушка: I, стр. 19, ст. 13; побѣлѣла головушка: стр. 31, ст. 14.—Забѣлѣлася сѣдая борода: I, стр. 15, ст. 2; сѣдая, частая, мелкая бородушка: I, стр. 19, ст. 14; посѣдѣла бородушка: стр. 31, ст. 15.

На немъ Серьмяжка, сермяженька сѣрая: I, стр. 15, ст. 15; 17, ст. 18; 18, ст. 10; Смуръ кафтанъ: I, стр. 16, ст. 1; 26, ст. 45; Сѣрой кафтанъ: I, стр. 18, ст. 9, 10; Кафтанъ рудожелтъ: I, стр. 16, ст. 2; 22, ст. 11; Камзолецъ: I, стр. 20, ст. 37; Шуба, шубенка, шубеночка: I, стр. 16, ст. 13; 22, *разн.*; 32, ст. 42; 40, ст. 10; Колпакъ, колпачокъ: I, стр. 20, ст. 38; 26, ст. 46; IV, стр. 47, ст. 36 и дал.; Шапочка: I, стр. 22, *разн.*; 32, ст. 43; Кушачокъ: I, стр. 26, ст. 46; Рукавички: I, стр. 32, ст. 44.

Нѣту у него, стараго, молодой жены, нѣту малыхъ дѣточекъ: I, стр. 86, ст. 14, 15; жениться ему—не хочется: I, стр. 17, ст. 14; — не ко младости: I, стр. 19, ст. 26; 21, ст. 22; 32, ст. 26; — не къ лицу: I, стр. 26, ст. 41; куда ему, старому, съ молодой женой?: I, стр. 87, ст. 18—21.

Борется съ Борисомъ Збутомъ Козловымъ, Сокольничкомъ и проч. (см. его), сыномъ своимъ, на Сафатъ-рѣкѣ: I, стр. 2—14 (см. битву съ Жидовиномъ, съ которымъ смѣшанъ Збутъ); то же на Днѣпрѣ: I, стр. 8; ср. IV, *Прилож.*, стр. VII, VIII.

Отношенія Ильи къ матери Збута: I, стр. 2—15; къ Бабищѣ Мамаишнѣ: I, стр. 64—66, ст. 226—279; къ Прекрасной Королевичнѣ: I, стр. 88, 89, ст. 70—98 (убиваетъ ее), см. это лице и ср. IV, *Прилож.*, стр. I, V, VII, VIII.—Отношенія къ «Разъѣздной походной красной дѣвицѣ:» I, стр. 5; 92, 93; *Прилож.*, стр. XXV.

Женатъ былъ на Савишнѣ (ошибочно, смѣшано съ другими богатырями): I, стр. 57, 58, см. ее.

На Соколѣ караблѣ вмѣстѣ съ Старшими богатырями, Святогоромъ и Полканомъ (см. ихъ): I, стр. 22, 23, № 7; съ Самсономъ (см. его): стр. 40, 41, № 5, а самую борьбу ср. ниже о Станишникахъ; преданіе: *Прилож.*, стр. XXXIV; IV, *Прилож.*, стр. VII, CII. — Между Старшими богатырями: I, стр. 7, ст. 4; 60, ст. 90 и дал.; IV, стр. 44, ст. 180—204; 24—38, *разн.*—Между ними самъ напивается пьянъ и становится лѣнивъ: I, стр. 60—62, ст. 90—138. — Ему дивуются Старшіе богатыри, по ихъ сужденію — «нѣту на поѣздку Ильи Муромца, у него поѣздочка молодецкая, вся поступочка богатырская:» I, стр. 78—81, ст. 45—48, 134—137, 170—173. — Склоняетъ ихъ спасать Кіевъ, ѣздитъ къ нимъ въ гости и т.п. отношенія: I, стр. 59, 60, 62—64; IV, стр. 44; *Прилож.*, стр. XII, XIII. — Въ преданіи (касательно смерти) смѣшивается съ Святогоромъ: I, *Прилож.*, стр. XXXIV.

Ищетъ коня между враговъ (смѣшанъ съ древнѣйшимъ героемъ): I, стр. 91, 92 и IV, *Прилож.*, CXXXVII, CXXXVIII.

По сказкамъ и преданіямъ въ школѣ учился грамотѣ съ Калѣчищемъ Прохожимъ: I, *Прилож.*, стр. XXI, XXXIV (по пѣснямъ прямо изъ сидней пустился на подвиги).

По преданію сидѣлъ сиднемъ за грѣхи Дѣда, ушедшаго въ монастырь Кіевскій: I, *Прилож.*, стр. XXXII.

Воспитывается, сидитъ сиднемъ, отпаивается и поднимается на ноги Калѣками Перехожими, собирается на подвиги: I, стр. 1, 2, 3; стр. 21, ст. 5—9; стр. 77, 78; *Прилож.*, стр. I, II, IV, V; IV, стр. 1, 2, ст. 1—43; *Прилож.*, стр. CVIII—CX.

Съ Калѣками Перехожими. Узнаетъ отъ нихъ объ Идолищѣ: см. борьбу съ нимъ. — Передѣвается въ ихъ образъ, занимаетъ оружіе: IV, стр. 41, 42, ст. 101—132; 18—21, № 4; 22—38, № 5. — Братанъ Калѣки Данилы Игнатьевича (см. его): IV, стр. 22, ст. 7, 8; упрекаетъ его за то, что не стоялъ за Ерусалимъ: IV, стр. 23, ст. 31, 32.—Упрекаетъ Калѣку Иванища Сильнаго (см. его), что не стоялъ за Кіевъ: IV, стр. 21, ст. 87, 88; силою противъ него вдвое менѣе, а смѣлостью слишкомъ вдвое болѣе: *тж*,

Первые опыты силы, послѣ того какъ отпоили его Калѣки: IV, стр. 2 (поднимаетъ огромный чанъ); I, *Прилож.*, стр. I, II (вырываетъ деревья съ корнями; сказки); XXXII, XXXIII (сжимаетъ мечи въ кулакѣ, сдвигаетъ гору и заваливаетъ рѣку; преданіе); сводится здѣсь съ Александромъ Македонскимъ: IV, *Прилож.*, стр. CVIII, CX.

Выборъ коня, конь изъ шелудиваго жеребенка: I, стр. 25, ст. 6—13; *Прилож.*, стр. II (сказка), XXXII (преданіе).

Выѣздъ изъ дому къ Кіеву, выборъ дороги, встрѣча со Встрѣшниками, Станишниками, Камышниками, Ворами-разбойниками: I, стр. 2, ст. 53—58; 15—28; 31, 32, ст. 11—65; 34, 35, ст. 1—34; 86—88, ст. 1—69; *Прилож.*, стр. II, III, V—VII, XVII, XVIII (сказки), XXXIII (преданія).

Спасеніе Чернигова: I, стр. 26, ст. 54—63; 35, 36, ст. 34—77; *Прилож.*, стр. VII—IX, XVIII, XXXIII; то же—Крякова: IV, стр. 4, ст. 88 — 107; то же — Кидиша или Кидаша: I, стр. 79, 82; то же — Кинешмы (въ преданіи смѣшано съ Кидишемъ): I, *Прилож.*, стр. XXXIII.—При этомъ Илья выражаетъ нерасположеніе къ Воеводѣ Черниговскому (см. его): I, стр. 36, ст. 60 — 77.

Поѣздка противъ Соловья-разбойника (см. его), битва съ нимъ и его семьей, очищеніе дороги прямоѣзжей и прямохожей къ Кіеву: I, стр. 2; стр. 28, 29, ст. 113—143; 30, 31, № 2; 33, ст. 61—76; 36, 37, ст. 85—125; 41, ст. 38, 1—17; 42, 43, 44, ст. 18—99; 78, 79, 81, ст. 49—91, 138—163; *Прилож.*, стр. III (искажено); IX—XII; XVIII—XX; IV, стр. 2—4, ст. 41—87; *Прилож.*, стр. I, VII, VIII.

По дорогѣ Илья мостить мосты черезъ рѣки: I, стр. 38, ст. 145, 146; 81, ст. 155—158.

Первый пріѣздъ въ Кіевъ ко Владиміру съ Соловьемъ (см. его), гдѣ Илья и убиваетъ его: I, стр. 29, 30, ст. 152—198; 33, 34, ст. 77—106; 37—39, ст. 126—188; 41, ст. 42—46; 44—46, ст. 104—173; 82—84, ст. 174—259; *Прилож.*, стр. III (искажено); XII—XIV; XX, XXI; IV, стр. 4—6, ст. 108—157.

Борется съ поганымъ Идолищемъ (см. его), убиваетъ. Въ Ерусалимѣ: IV, стр. 22—38, № 5; *Прилож.*, стр. IX—XI, XXX; въ Царѣградѣ (хватаетъ Идола живьемъ, но отпускаетъ): IV, стр. 23—34, *разн.*; *Прилож.*, стр. IX—XI, XXX; въ Кіевѣ: I, *Прилож.*, стр. XV, XVI, XXI, XXII; IV, стр. 18—21, № 4; *Прилож.*, стр. IX—XI, XXX.

На службѣ Владиміру. Вмѣстѣ съ другими богатырями въ походѣ изъ Кіева на Царьградъ, гдѣ хватаютъ живьемъ Идола Скоропита и Тугарина Зміевича, но отпускаютъ ихъ, а другихъ Цареградскихъ богатырей, собиравшихся на Кіевъ, побиваютъ: IV, стр. 23—38, *разн.*—На богатырской заставѣ, борьба съ богатыремъ Жидовиномъ (см. его): I, стр. 7; 46—52, ст. 3—211; IV, стр. 6—12, ст. 2—208; то же, но Жидовинъ смѣшанъ со Збутомъ (см. его): I, стр. 52—56; IV, стр. 12—18.—Усыланъ былъ въ землю Латынскую, закупать коней богатырскихъ: II, стр. 93, ст. 10, 11.—Полонилъ въ Большой Ордѣ у Тугарина Змѣевича и привезъ Владиміру воронаго коня: III, стр. 4, 5, ст. 19—21, 39—41.—Въ послахъ къ Татарамъ: I, стр. 74, 75, ст. 127 и дал.—Въ битвѣ съ Татарами за Кіевъ; съ Мамаемъ: I, стр. 62, 63, ст. 169—191; съ Калиною: I, стр. 68, 70, ст. 67—70, 142—149; съ Калиномъ: I, стр. 70—76, № 3; съ Батыемъ: IV, стр. 43—46, ст. 146—263.—Упрашивая на подвиги, ему бьетъ Владиміръ челомъ до сырой земли, умаливаетъ: I, стр. 85, ст. 300—303; IV, стр. 42, ст. 133; 48, ст. 68—71.

Побывалъ во всѣхъ городахъ: IV, стр. 47, ст. 3.—Битва съ Туркомъ (позднѣйшее): I, стр. 93, 94, № 5.

По сказкамъ бьется за королевну съ двѣнадцатиглавымъ змѣемъ: I, *Прилож.*, стр. III, IV.— Встрѣчается съ Ягою-бабой: IV, *Прилож.*, стр. CLII. Служитъ покорно Ивану-дураку — Голю Воянскому: см. его.—Отождествляется съ Иваномъ Крестьянскимъ сыномъ, Иваномъ Попяловымъ, Ивашкою Запечнымъ: см. ихъ. — Терпитъ отъ Невелички, Мужичка съ ноготокъ, Ѳомы Беренникова; Микулы: см. послѣдняго.

Съ прочими Богатырями Кіевскими (о Старшихъ см. в.). Ставится и держится обыкновенно впереди: I, стр. 7, ст. 1—8; 46, ст. 1—8; 52, ст. 1—7; IV, стр. 6, 7, ст. 1 — 8; 24 — 37, *разн.* (стр. 34: «Илья М. съ товарищи.»).—Ему, какъ атаману на богатырской заставѣ, бьютъ челомъ: I, стр. 48, ст. 89 и дал.; IV, стр. 9, ст. 90 и дал. — Назначаетъ подвиги другимъ богатырямъ: I, стр. 63, ст. 180 — 186. — Въ битвѣ ударяетъ въ середку силы, въ матицу (другіе богатыри въ правую или въ лѣвую руку): IV, стр. 44, ст. 204.—Выѣзжаетъ на врага послѣ другихъ богатырей какъ главный и старшій, когда уже не кѣмъ больше замѣниться: I, стр. 49, ст. 131, 132; 53, ст. 45; IV, стр. 10, ст. 130—132.— Братъ названый Добрыни: I, стр. 11, ст. 4, 10; *Прилож.*, стр. XXI; II, стр. 2, ст. 28; 3, ст. 12—14; 17, ст. 9, 10; учитъ его драться: I, стр. 14, ст. 115—124; удерживаетъ его отъ убійства: I, стр. 14 и 15, ст. 130—132, 141, 142; его узнаетъ одинъ Добрыня въ Кіевѣ, когда другіе не узнали: IV, стр. 48, ст. 55, 56.— Первое знакомство съ Добрынею и Алешей Поповичемъ: I, *Прилож.*, стр. XX; первое знакомство съ Алешей Поповичемъ и ссора съ нимъ: I, стр. 39, ст. 200 — 204; братъ названый съ нимъ: см. ниже о гибели витязей; уговариваетъ его къ воздержности: I, стр. 9, ст. 77—79; полюетъ съ нимъ: II, стр. 80, ст. 3 и дал.; дружкою у него на свадьбѣ: II, стр. 8, ст. 147. — Братается съ Васильемъ Пьяницей: I, стр. 76, ст. 224, 225.—Дядя Ермаку Тимоѳеевичу: I, стр. 61, 65, ст. 102, 136, 271; заботится объ немъ, бережетъ его, учитъ его драться, и т. п.: I, стр. 63—65; III, *Прилож.*, стр. XXXV; IV, *Прилож.*, стр. XIII.—О братствѣ названомъ съ другими богатырями см. н. о гибели витязей.

Имѣетъ отъ отца особую нравственную христіанскую заповѣдь: I, стр. 34, 35, ст. 12 — 17, 42, 43; *Прилож.*, стр. V, XVII, XXXIII.—Налагаетъ на себя заповѣдь не биться по дорогѣ: I, стр. 41, ст. 11—15; *Прилож.*, стр. IV и дал.—Отказывается отъ всякой власти и платы за подвиги: см. спасеніе Чернигова, Крякова, битву

съ Соловьемъ и Идолищемъ въ Ерусалимѣ.—Богатство ему не надобно: I, стр. 17, ст. 13; 18, ст. 39—44; — не къ разуму: стр. 19, ст. 27; 32, ст. 27;—не къ радости: стр. 21, ст. 23;—непрочное: стр. 26, ст. 40;—некуды дѣвать: *Прилож.*, стр. XVIII; на злато на серебро не зарится: стр. 80, ст. 128; куда ему, старому, съ золотой казной?: стр. 86, 87, ст. 13—17.—Больше всѣхъ богатырей, передъ подвигомъ и борьбой, иногда середи борьбы, молится, проситъ отъ неба помощи и на нее обыкновенно надѣется: I, стр. 54, ст. 68—71; 73, ст. 116—120; 77, 78, ст. 27—37; *Прилож.*, стр. XVIII; IV, стр. 16, ст. 103—110; 46, ст. 252—254. — Спасается отъ ударовъ нагруднымъ крестомъ и ладонкой: I, стр. 4, ст. 31, 32; 6, ст. 52, 53; 55, ст. 130, 131; IV, стр. 18, ст. 165, 166.—Ему удумана и написана была отъ Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ судьба не быть въ чистомъ полѣ убитому: I, стр. 51, ст. 187—191; IV, стр. 11, 12, ст. 186—190.—Стоялъ онъ за вѣру Христіанскую, еще болѣ за церковь Божію, стоялъ за благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ, онѣ были богомольныя, день и ночь за него Богу молилися: IV, стр. 16, ст. 104—110. — Склоняется онъ на подвиги не ради князя и княгини, ни церквей, ни монастырей, а ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей, за

вѣру Христіянскую: IV, стр. 42, 43, ст. 135—145; въ томъ же смыслѣ склоняетъ и другихъ богатырей на подвиги: стр. 44; ср. стр. 45, 46, ст. 220, 254. — Ставитъ часовни на мѣстѣ подвига: I, стр. 35, ст. 28—33; *Прилож.*, стр. XXXIII.—Строитъ церкви: I, стр. 89, ст. 118, 120.—Негодуетъ на кровосмѣшеніе: I, стр. 37, ст. 117—125; на пьянство: стр. 39, ст. 178—182; на измѣну: I, стр. 70, ст. 139—141.—Ѣстъ только по калачику, пьетъ по стаканчику: IV, стр. 21, ст. 66, 67; хлѣба ѣстъ за разъ по три просвиры, вина духомъ пьетъ по одной чарочкѣ: стр. 28, ст. 97, 98; была его особая чара похмѣльная, въ полсема (6 $^1/_2$) ведра: II, стр. 94, ст. 63—65.—По собственному его признанію, между 32-мя богатырями Кіевскими «удалъ добрѣ необычно есть славенъ богатырь Илья Муромецъ:» IV, стр. 30, *разн.*; по признанію жены Дуная (узнавшей о томъ въ Кіевѣ), нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе Ильи: III, стр. 55, ст. 121; кто споритъ съ другими богатырями, а съ Ильею, признается, говорить нечего и спору нѣтъ: IV, стр. 24, *разн.*; всѣхъ больше по природѣ отличался т а л а н о м ъ - у ч а с т ь ю (роковымъ счастьемъ): II, стр. 31, ст. 276.—Но, не смотря на то, прежде битвы испытываетъ средства примиренія: I, стр. 74, ст. 121—158; IV, стр. 43, ст. 146—172.—На дер-

зость не отвѣчаетъ тѣмъ же: I, стр. 39, ст. 200—204.—Бьется съ врагомъ не охотно, а побивши отпускаетъ его, чтобы разносилъ славу о святой Руси: I, стр. 35, 36, ст. 42, 43, 50—59.—При встрѣчѣ съ врагами, часто не бьетъ ихъ изъ жалости, а только пугаетъ силой и ловкостью: I, стр. 16, ст. 28—30, 19; 17, ст. 20—23; 18, ст. 26—31; 20, ст. 43—48; 21, ст. 31—33; 24, ст. 25—32; 27, ст. 84—91; *Прилож.*, стр. VI, VII, XVII, XVIII.—Въ дракѣ бросаетъ врага къ верху, подхватываетъ и кладетъ на Землю: I, стр. 6, 12, 13; IV, стр. 16, ст. 113—116.—Взбрасываетъ къ верху и расшибаетъ объ Землю: I, стр. 6, 51, 76; 84, ст. 255—258; IV, стр. 12.

Ссора Ильи съ Владиміромъ. Споритъ съ нимъ и съ князьями-боярами, вразумляя ихъ: I, стр. 58, ст. 13—25.—Высказываетъ рѣзкую правду Владиміру, за то посаженъ въ тюрьму, но, когда оказалась правда на дѣлѣ, выпущенъ и пожалованъ: III, стр. 34, 38, ст. 80—86, 222—228.—Одно время, поссорившись, долго не былъ въ Кіевѣ: IV, стр. 19, ст. 13, 14; стр. 43, ст. 140—145.—Еще временныя ссоры: I, стр. 29, ст. 157—164; 39, ст. 196—204; 67—70, ст. 38—141.—Ссора главная и рѣшительная: I, стр. 84—86, ст. 265—321; IV, стр. 46—

49, № 7; *Прилож.*, стр. XII, XIII—XVI.—При этомъ Илья пьетъ въ сердцахъ и свирѣпѣетъ: I, стр. 84, 85, ст. 265—278; выдаетъ себя за Никиту Заолѣшанина: IV, стр. 46—49, № 7, ср. № 8.

На Сафатъ-рѣкѣ, вмѣстѣ съ другими шестерыми Русскими витязями, побиваетъ Татаръ, но за похвальбу и самонадѣянность гибнетъ отъ силы нездѣшней, рубитъ ее — не дорубится, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится братомъ названымъ Годенка Блудовича, Василья Казиміровича (Пьяницы), Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Алеши и Добрыни.

Кончина Ильи Муромца. Пропалъ безъ вѣсти: I, стр. 86, ст. 322—324; окаменѣлъ: 89, ст. 119, 120; IV, стр. 52; въ каменномъ гробѣ (смѣшанъ съ Святогоромъ, см. в.): I, *Прилож.*, стр. XXXIV (преданіе); ср. выше, на Сафатъ-рѣкѣ, и IV, *Прилож.*, стр. XV, CIII—CXIII.

Мощи Ильи: I, *Прилож.*, стр. XXII.

Добрыня: безпрестанно; **Добрынюша**: III, стр. 64, ст. 168, 171; **Добрынюшка**: I, стр. 11, ст. 11, 15; II, стр. 16, ст. 65; 23—40, ст. 1 и дал.; 40—43,

ст. 8 и дал.; 49—53, ст. 11 и дал.; 84—88, ст. 19 и дал.; III, стр. 88, ст. 150; 95, 96, ст. 192—227; IV, стр. 43, ст. 148; 48, 49, ст. 49, 50, 73, 74.— **Никитичь**: безпрестанно; **Сынъ** или **Свѣтъ Никитьевичь**: II, стр. 2, ст. 14; 4—8, ст. 4 и дал.; 40—43, ст. 5 и дал.; **Микитинъ сынъ**: II, стр. 48, 49, ст. 1, 28; **Никитиничь, сынъ Никитиничь**: II, стр. 28, ст. 164, 167; III, стр. 88, ст. 150.

Отецъ его Микита Романовичь, Никита Рязанецъ богатый гость: см. его; Мать разныхъ именъ: см. ее; Крестная мать Анна Ивановна, былъ у ней любимымъ крестникомъ: см. ее; Тетка родная, любимая, Марья Дивовна, которую освободилъ отъ Змѣя, сестрица Владиміра (?): см. ее; Племянникъ Владиміру: II, стр. 19, 22, ст. 32, 158; 45, ст. 1; 53, ст. 124; имѣлъ Родную сестру, большую, т. е. старше его, Катерину Никитишну: II, стр. 43, ст. 86—94; 45—48, ст. 8, 14, 15 и дал.; ср. ее; о Маринѣ и женѣ см. н.; зять Соловья-разбойника (ошибочно): I, стр. 28, ст. 126. — Родомъ изъ Рязани, сынъ гостя: II, стр. 49, ст. 1—11; то же по лѣтописи: *Прилож.*, стр. XVIII.—Его отцовскій домъ названъ княженецкимъ: II, стр. 1, ст. 19; мать княгинею: см. ее; самъ онъ княземъ: II, стр. 11—14, ст. 10 и дал.—Отца-матери хорошаго, роду-племени ученаго: II, стр. 91, ст. 46 и дал., ср. ниже.— По лѣтописямъ, родомъ изъ *Любеча*, сынъ Малка, братъ Малуши, дядя Владиміру: II, *Прилож.*, стр. XVII, XVIII.

Одинаково съ Алешей Поповичемъ, особенно передъ всѣми богатырями, имѣетъ прозвище «Молодаго.» Младъ, Никитичь младъ, Молодой — младъ (удвоенно), Молодешенекъ: I, стр. 7, ст. 7; 11, ст. 11; 14, ст. 115; 15, ст. 143; 46—52, № 1; II, стр. 2, ст. 14; 4—8, ст. 4 и дал.; 19—22, ст. 30 и дал.; 45—47, ст. 9 и дал.; 49, 50, ст. 11, 27; IV, стр. 7—12, № 2; 48, 49, ст. 50, 74 и др.

Подъ-атаманье (на богатырской заставѣ): I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 7—12, № 2.— Рязаничь, по лѣтописи: II, *Прилож.*, стр. XVIII.—Златой поясъ или Златопоясъ, тамъ же: стр. XVIII, XIX.

Желты кудри: II, стр. 29, ст. 233; имѣлъ отъ природы примѣточку, на лѣвой ногѣ родинку: II, стр. 7, ст. 119—122; то же на правой ногѣ: стр. 16, ст. 65—68; глядя на него, старые люди переговариваютъ—«знать, де, полетка соколиная, видѣть, де, поѣздка молодецкая, что быть Добрынѣ Никитичу:» II, стр. 21, ст. 108—112.

Въ мирное время, дома, носилъ Платье Латынское, въ поѣздкахъ и на подвигахъ Богатырское: II, стр. 7, ст. 110—118.

Подъ какимъ чудомъ родился: II, стр. 1, 2, 9, 10, 11.

Рожденіе и воспитаніе: II, стр. 40, ст. 1—9; 49, ст. 1—15 (учился читать и писать).

Молодъ началъ ѣздить на подвиги, за что мать его журила: II, стр. 23, 24, ст. 1—5, 41—44.

Старые люди пророчили, что быть Змѣю убитому отъ Добрыни Никитича: II, стр. 51, ст. 55—57.

Первые подвиги—ѣздилъ на гору Сорочинскую, топталъ молодыхъ Змiенышей, выручалъ полоновъ русскихъ: II, стр. 23, 24, ст. 1—5, 27—29, 41—44.

Имѣлъ съ 12-ти лѣтъ дружину храбрую, товарищей первыхъ лѣтъ: II, стр. 50, ст. 18, 38—43.

Купанье въ рѣкѣ, битва (двукратная) съ Змiищемъ Горынчищемъ (см. его), побѣда Добрыни (когда ему было еще 12 лѣтъ): II, стр. 24—28, ст. 54—87, 174—178; 40, 41, ст. 1—34; 50—53, ст. 16—137.—При этомъ высвободилъ тетушку, сестру Владимірову, Марью Дивовну: см. ее и ниже Марину; выручилъ изъ змiиной норы много царей, царевичевъ, королей, королевичевъ, простой силы и смѣты нѣтъ: стр. 28, ст. 179—183; также точно Запаву (Забаву), племянницу Владиміра, по его назначенію (ср. ниже службу Владиміру): стр. 25—29, ст. 88—198; 30, ст. 253—255; ср. ее.

Бьется съ Бабой Горынинкой, не умѣетъ еще драться, изнемогаетъ въ борьбѣ, и, когда его выучилъ Илья, убилъ Бабу изподтишка: I, стр. 11, 14, 15, ср. ее; при этомъ отождествляется съ такимъ же двѣнадцатилѣтнимъ Ермакомъ: см. его.

По сказкамъ бьется съ Полканомъ (сомнительно): см. его.

Гульба Добрыни по Кіеву (см. н. службу Владиміру), Дѣло съ Мариной, битва со Змѣемъ (ср. оба эти лица), оборочепъ въ лошадь или въ тура, спасается черезъ сестру или крестную мать (ср. ихъ), наказываетъ Марину; II, стр. 41—43, ст. 39—111; 43, 44, ст. 1—37; 45—48, ст. 6—108; 48, 49, ст. 6—29; 53—60, ст. 6—246; ср. *Прилож.*, стр. XI—XVI; IV, *Прилож.*, стр. XIV, и выше Марью Дивовну.—При этомъ хотѣлъ на Маринѣ жениться: II, стр. 45, ст. 6, 7, 22; и дѣйствительно женился въ чистомъ полѣ, кругъ ракитова куста вѣнчался: стр. 59, ст. 217, 218.—Когда же обращенъ былъ въ тура, былъ всѣмъ турамъ атаманъ, золотые рога: II, стр. 57, 58, ст. 138, 139, 164—166.

До того заклятый врагъ Змѣю, что стрѣла его, пущенная совсѣмъ къ другой цѣли, неожиданно зале-

таетъ еще въ пещеру бѣлокаменную и убиваетъ тамъ Змія троеглаваго: II, стр. 89, ст. 173—175.

Женится. Выбираетъ невѣсту будучи двѣнадцати лѣтъ: II, стр. 11, ст. 12—14; понравился Настасьѣ Микулишнѣ, когда она полевала, и она сама его выбираетъ въ мужья: стр. 29, 30, ст. 199—255; ср. *Прилож.*, стр. XVI, XVII, Настасью и тестя Микулу.

Пріѣзжаетъ изъ Великаго Новгорода ко Владиміру въ Кіевъ (сначала не узнанъ княземъ), борется съ Тугариномъ Змѣевичемъ (ср. его) и убиваетъ его: II, *Прилож.*, стр. III—X (сказка); по нѣкоторымъ пѣснямъ то же, по другимъ же дѣйствуетъ здѣсь Алеша Поповичъ (ср. его): II, стр. 79, *разн.*; ср. о походѣ противъ Тугарина на службѣ Владиміру.

На службѣ Владиміру. Три года у Владиміра стольничалъ, три года харешничалъ, три года приворотничалъ, всего девять лѣтъ: II, стр. 41, ст. 35—38; три же года хлѣбничалъ, три приторговывалъ (?): стр. 48, ст. 1—5; три года чашничалъ: стр. 53, ст. 1—5; не выжилъ себѣ отъ Владиміра ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, только выжилъ добра коня: стр. 45, ст. 2—5; на десятый годъ погулять захотѣлъ (см. выше гульбу по Кіеву и дѣло Мариной): стр. 41, ст. 39; 53, ст. 6; *Прилож.*, стр. X, XI; IV, *Прилож.*,

стр. XIV. — Стоитъ на богатырской заставѣ Подъ-атаманьемъ (см. выше), гдѣ борется, хотя неудачно, съ богатыремъ-Жидовиномъ (см. его): I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 7—12, № 2; то же, только Жидовинъ смѣшанъ со Збутомъ (ср. его): I, стр. 7; стр. 52, 53; IV, стр. 12—14.—По назначенію Владиміра спасаетъ его племянницу Запаву отъ Змѣя: см. выше. — Усыланъ былъ Владиміромъ въ Землю Черкасскую закупать сѣдла: II, стр. 93, ст. 12, 13.—Ѣдетъ за невѣстою Владиміру къ королю Ляховинскому, вмѣстѣ съ Дунаемъ (ср. его), какъ любимый его товарищъ: III, стр. 54, 55, ст. 89—111; стр. 64—66, ст. 168—208. — Ѣдетъ въ угоду Владиміру противъ Данилы Денисьича: см. н. — Въ угоду Апраксіи, поправляетъ дѣла съ Калѣками Перехожими и Потыкомъ (ср. ихъ), благодаря своей вѣжливости: III, стр. 88, 89, ст. 150—165; 95, 96, ст. 192—229.—Вмѣстѣ съ другими богатырями участвуетъ въ походѣ изъ Кіева на Царьградъ, при чемъ взяты живьемъ Идолъ Скоропитъ и Тугаринъ (ср. выше), а прочіе Цареградскіе богатыри побиты: IV, стр. 24—38, *разн.*—Вокругъ Владиміра во время нападенія Татаръ и въ посылахъ къ нимъ: IV, стр. 40—43, ст. 68, 72, 88, 121, 148.—

По Лѣтописямъ — воюетъ съ Владиміромъ противъ Болгаръ: II, *Прилож.*, стр. XVIII; IV, *Прилож.*, стр. CXLIII, CXLIV; управляетъ Великимъ Новгородомъ, поддерживаетъ язычество, потомъ распространяетъ Христіанство: II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX, *пр.*; IV, *Прилож.*, стр. CXLIV, CXL.

На службѣ же Владиміру: а) Ѣдетъ изъ дому искать брата роднаго или названаго Илью Муромца: II, стр. 2, ст. 27, 28; 3, ст. 12—14; 17, ст. 9, 10.

б) Съѣздилъ въ дальны Орды Немирныя, очистилъ дорогу прямоѣзжую до тестя Владимірова грозна короля Этмануйла Этмануйловича (см. его), вырубилъ Чудь Бѣлоглазую, прекротилъ Сорочину долгополую, Черкесъ Пятигорскихъ, Калмыковъ съ Татарами, Чукши и Алюторы: II, стр. 18—22, ст. 17—25, 38—46, 86—99, 145—153.

в) Былъ подъ Царемъ-градомъ: II, стр. 33, 35, ст. 370, 425.

г) Ѣздилъ отъ Владиміра съ Васильемъ Казиміровичемъ къ Батыю царю Злоданскому (см. эти лица) съ данями и пошлинами, но сберегъ ихъ, обыгравши царя въ тавлеи, поборовши его борцовъ, перестрѣлявши изъ лука: II, стр. 84—89, ст. 19 и дал., № 1; 90—92, № 2.

Въ одну изъ этихъ поѣздокъ затѣялось у Добрыни Дѣло съ Алешею Поповичемъ за жену:

1., Выѣздъ изъ дому на подвигъ, прощанье съ матерью и женою: II, стр. 1, 2, ст. 19—31; 2, 3, ст. 17—31; 3, ст. 5—14; 4, 5, ст. 1—52; 11, ст. 15—26; 14, 15, ст. 1—35 (сбирается нерадышенъ, предчувствіе), 42—47; 17, ст. 1—17, 26, 27; 19, 20, ст. 54—85 (уѣхалъ, когда не прошли еще дни свадебные); 31, ст. 285—295 (ср. прощаніе Гектора съ Андромахой).

2., Заповѣдь, данная женѣ при отъѣздѣ, сколько ждать Добрыню и не выходить за Алешу Поповича; искушеніе жены, свадьба; Добрыня узнаетъ, возвращается, идетъ на пиръ передѣвшись, беретъ жену назадъ, наказываетъ Алешу (Улиссъ), пристыжаетъ князя и княгиню: II, стр. 3, ст. 25—31; 5—9, ст. 39—200; 11—14, ст. 27—116; 15, 16, ст. 35—88; 17, 18, ст. 15—34; 20—23, ст. 76—175: 31—40, ст. 293—591.—Въ частности—идучи на свадьбу Алеши передѣвается Калѣкою: II, стр. 13, ст. 73, 80 и дал.; Скоморохомъ: стр. 16, ст. 69; 36—38, ст. 449—517;—какимъ образомъ и съ какими словами прощаетъ жену: II, стр. 14, ст. 111, 112; 38, 39, ст. 548—551; 40, ст.

589, 590;—пристыжаетъ князя и княгиню—«диво князю Владиміру, хочетъ у жива мужа жену отнять:» II, стр. 22, ст. 161 162; «дивую я солнышку Владиміру съ молодой княгиной со Апраксіей, — они у живаго мужа жену просватали:» стр. 39, ст. 552—556;—наказываетъ Алешу—смертнымъ боемъ: II, стр. 18, ст. 33, 34; ухвативши за кудри, ударами шелепуги: стр. 39, 40, ст. 578—583.

Похвасталъ на пиру молодой женой и за то осмѣянъ (позднѣйшее): II, стр. 60, 61, № 1.

Въ сказкахъ отождествляется съ Добрынею Иванъ-царевичь, у котораго также захватываютъ жену, который также является невзначай и жена къ нему бросается: см. его.

Между прочими богатырями и лицами. Между Калѣками перехожими — вѣжливостью достигаетъ ихъ расположенія, склоняетъ послушаться, выдать виноватаго: см. выше; передѣвается Калѣкою: см. выше.—Между богатырями Старшими: I, стр. 7, ст. 7; IV, стр. 24 и дал., разн.—Прочими богатырями—Подъ-атаманье на богатырской заставѣ (см. в.), ему бьютъ челомъ: I, стр. 48, ст. 90 и дал.; IV, стр. 9, ст. 91 и дал.—Братъ названый и даже родной (т. е. родимый, какъ родной) Ильи: I, стр. 11, ст. 4, 10; 14, ст. 109; II, стр. 2, ст.

27, 28; 3, ст. 12—14; 17, ст. 9, 10; учится у него биться: см. в.; скорѣе всѣхъ въ Кіевѣ узнаётъ — потому что лучше другихъ знаетъ—Илью: IV, стр. 48, ст. 55, 56; упрекаетъ Владиміра за Илью: ст. 52—56.—Названый братъ Алеши: II, стр. 20, 23, ст. 84, 173; 32, ст. 311, 312; 39, ст. 559; и однакоже врагъ его за жену: см. выше; противуполагается ему по своей вѣжливости: см. н.; бороться гораздѣе Алеши: III, стр. 56, ст. 10, 11. — Братъ названый Василья Казиміровича: II, стр. 85—88, ст. 60 и дал.; 91, ст. 44; любимый товарищь его и вся надежда передъ врагами: см. выше.—Названый братъ Данилы Денисьича, и, не смотря на то, идетъ противъ него въ угоду Владиміру: III, стр. 36, 37, ст. 155—166; за то послѣ плачетъ по Данилѣ и Василисѣ: стр. 37, 38, ст. 173, 174, 212. — Любимый товарищь Дуная (см. выше); признается иногда выше, иногда слабѣе его: IV, стр. 13, ст. 21—26; I, стр. 53, ст. 26 — 30. — Предпочитается Алешѣ Поповичу, Василью Казиміровичу, Гришкѣ Боярскому: I, стр. 48, ст. 67 и дал.; IV, стр. 8, ст. 69 и дал.; 13, ст. 15—26.—Названый братъ Потока: IV, стр. 52, ст. 6—12.—О братствѣ названомъ съ другими см. н. гибель на Сафатъ-рѣкѣ.—Былъ съ Владиміромъ у Чу-

рилы въ гостяхъ, когда тотъ не жилъ еще въ Кіевѣ: IV, стр. 82, ст. 119.—При немъ слуга—Торопъ или Марко Паробокъ: см. ихъ.

Гораздъ былъ плавать: II, стр. 25, ст. 63—65.—Бороться (гораздѣе Алеши, см. в.): II, стр. 86, 87, ст. 94—114.—Стрѣлять изъ лука: II, стр. 88, 89, ст. 137—175; 91, 92, ст. 68 и дал.—Оборачиваться (оборотнемъ): II, стр. 45, ст. 16 и дал.—Играть въ тавлеи: II, стр. 85, ст. 62—71.—На гусляхъ и пѣть подъ нихъ: II, стр. 7—9, ст. 136—186; 13, ст. 74—93; 16, ст. 69—77; 36, 37, ст. 447—507.—На подвиги вызывался самъ охотою: II, стр. 19, 20, ст. 34—37, 67—73; не робокъ былъ: стр. 51, ст. 74; на ножку повертокъ: стр. 25, ст. 76; однакожь порою трусилъ передъ врагомъ и давалъ тягу: I, стр. 48, 49; IV, стр. 9, 10; 14, ст. 41—50.—Какъ Илья, сжалившись, иногда не стрѣляетъ во враговъ, а въ дерево, и тѣмъ пугаетъ: II, стр. 89, ст. 169—172 и *разн.*—Иногда скучалъ своей участью, что ѣздилъ по чисту полю, убивалъ неповинныя души, проливалъ кровь напрасную, слезилъ отцовъ-матерей, вдовилъ молодыхъ женъ, пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ: II, стр. 30, 31, ст. 259—273.—Была его особая чара, заздравная, въ

полпята ($4\frac{1}{2}$) ведра: II, стр. 95, ст. 67—69.

Особенно горячая любовь къ матери; простилъ Алешу даже за жену, но не простилъ за то, что онъ опечалилъ мать ложною вѣстію: II, стр. 39, ст. 562—577 и дал., ср. все дѣло, прощанье передъ отъѣздомъ, возвращеніе къ матери.

Главное отличіе—онъ отца-матери хорошаго, роду-племени ученаго, умѣетъ слово молвить, передъ чужимъ царемъ поклониться и похвалиться: II, стр. 91, ст. 46—50; всѣхъ больше уродился статьею—вѣжествомъ, другихъ статей (въ такой мѣрѣ) Богъ не далъ и не пожаловалъ (по признанію матери): стр. 31, ст. 282—284; у него вѣжство рожденное (по природѣ) и ученое (по воспитанію): III, стр. 95, ст. 199 (противуполагается Алешѣ Поповичу; ср. выше дѣло съ Калѣками); нѣтъ его вѣжливѣе во всемъ Кіевѣ: III, стр. 68, ст. 256; человѣкъ учливый, спрашиваетъ встрѣчнаго про имя про отчину: I, стр. 53, ст. 27, 28; знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться, знаетъ, какъ богатырю честь отдать: IV, стр. 13, ст. 25, 26.

Кончина Добрыни. Тонетъ въ рѣкѣ Смородинѣ: II, стр. 61—63, № 2.—На Сафатъ-рѣкѣ съ другими шестерыми Русскими витязями воюетъ противъ Татаръ, убитъ Татариномъ; воскрешенъ Алешей посредствомъ мертвой и жи-

вой воды; побѣдивши Татаръ и похвалившись побѣдой, гибнетъ отъ силы нездѣшней, рубитъ ее — не дорубится, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ: IV, стр. 108 — 115; при этомъ выводится названымъ братомъ Годенка Блудовича, Василья Казиміровича, Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Алеши и Ильи. — По сказкамъ убитъ обманомъ отъ Ивана-дурака (см. его), тождественнаго съ Големъ Воянскимъ и Микулою, ср. IV, *Прилож.*, стр. CLII. — По лѣтописямъ былъ въ войскѣ Константина Ростовскаго и Ярославскаго: II, *Прилож.*, стр. XIX; убитъ при Калкѣ: стр. XVIII.

—

Алеша, Олеша, Поповичь: безпрестанно; **Алешенька:** II, стр. 3, ст. 27; 8, ст. 145; 21, ст. 105; 26, ст. 99; 38—40, ст. 546 и дал.; 70, ст. 4; *Прилож.*, стр. XXIV; III, стр. 93, 94, ст. 140 — 187; **Алешка, Олешка:** II, стр. 15, 16, ст. 41, 52, 55, 87; 17, ст. 22, 23, 30; 31, ст. 278; 39, ст. 578—580.— **Поповичь сынъ, Сынъ поповичь:** I, стр. 52, ст. 6; II, стр. 66, ст. 7 и дал.; **Поповъ, Поповскій сынъ:** I, стр. 46, ст. 6; II, стр. 65, *разн.*; *Прилож.*, стр. XXIV; IV, стр. 7, ст. 6. — **Ивановичь:** III, стр. 88,

ст. 124. — **Григорьевичь:** II, стр. 39, ст. 558. — **Леонтьевичь:** II, стр. 26, 28, ст. 99, 194. — **Александръ Поповичь** (по лѣтописямъ): II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX, XXIV.

Сынъ **Өедора**, стараго попа соборнаго въ Ростовѣ: II, стр. 75, 76, ст. 172, 238; 82, ст. 80, 89; имѣетъ сестру (см. ее), дочь также попа Ростовскаго: II, стр. 80 — 82, № 1, и ниже; брата родимаго Екима **Ивановича**: см. его, и ниже; зять Соловья-разбойника (ошибочно): I, стр. 28, ст. 126; о женѣ см. н.

Подобно Добрынѣ, преимущественно передъ другими, имѣетъ прозвище «молодаго.» Младъ, Молодой — младъ: II, стр. 20 — 23, ст. 85, 105, 130, 171, 174; 69, ст. 67, 77; 70—80, ст. 4 и дал.; 80 — 82, ст. 4 и дал.; III, стр. 94, ст. 174, 185; IV, стр. 24 и дал., *разн.*; 108—114, ст. 9—183.

Есаулъ (на богатырской заставѣ): I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 7—12, № 2.

Желты кудри: II, стр. 39, ст. 578.

Спасаетъ отъ Татаръ сестру свою: II, стр. 80—82, № 1, ср. ее, Михайлу Казарянина и сестру сего послѣдняго.

Поѣздка его изъ дому, изъ Ростова, первый пріѣздъ въ Кіевъ ко Владиміру, пріемъ отъ

князя и княгини, рѣшимость служить вѣрой и правдою: II, стр. 70—80, № 1; у Владиміра по своему отчеству, поповскому, получаетъ большое мѣсто, передній уголокъ: II, стр. 75, ст. 176.

Бьется два раза съ Тугариномъ Змѣевичемъ (ср. его): а) По дорогѣ изъ Ростова въ Кіевъ, близь Сафатъ-рѣки, въ полѣ: II, стр. 72, 73, ст. 68—124. б) Въ Кіевѣ и выѣхавши изъ Кіева въ поле, близь Сафатъ же рѣки: II, стр. 75—79, ст. 184—319 (въ послѣднемъ случаѣ, по нѣкоторымъ пѣснямъ, также точно бьется Добрыня, см. его выше); при этомъ руку Алеши противъ Кіевлянъ держитъ Владыка Черниговскій (ср. его): II, стр. 77, ст. 269.

Въ обоихъ случаяхъ убиваетъ Тугарина.

Послѣ этого подвига, Владиміръ упрашиваетъ его служить въ Кіевѣ, княгиня же Апраксѣвна ругаетъ его за Тугарина деревенщиной и засельщиной, а самъ онъ княгиню сукою волочайкою: II, стр. 77, 79, 80, ст. 275, 276, 325—340.

На службѣ Владиміру. Стоитъ на богатырской заставѣ, Есауломъ (см. в. пп.): I, стр. 7; стр. 46—52, № 1; стр. 52, 53; 58, 60, 61, ст. 23, 78, 123; IV, стр. 7—12, № 2; стр. 12, 13.—Борется съ Борисомъ Збутомъ, но побитъ отъ него

(ср. в. Добрыню): I, стр. 8, 9.— Участвуетъ съ другими богатырями въ походѣ изъ Кіева подъ Царьградъ, оставался тамъ заложникомъ, чуть не испортилъ всего дѣла, послѣ взяты тамъ живьемъ Идолъ Скоропитъ и Тугаринъ (ср. выше), другіе же Цареградскіе богатыри побиты: IV, стр. 24—48, *разн.*—Указываетъ Владиміру, черезъ кого искать невѣсту, ѣдетъ за нею, сопровождая Дуная: III, стр. 62—66, ст. 90—208 и *разн.*—Подслуживается Апраксіи, отыскивая ей любовниковъ, и по ея приказу мошенничаетъ, зашивая чашу князя въ сумку Потыка: III, стр. 93, 94, ст. 140—165; послѣ гонится за Калѣками, грубитъ и за то побитъ отъ нихъ (противуполагается Добрынѣ): III, стр. 88, ст. 124—146; 94, 95, ст. 172—189.—Усыланъ былъ Владиміромъ въ землю Сорочинскую закупать пшено: II, стр. 93, ст. 14, 15.—Вокругъ Владиміра во время нападенія Татаръ и въ послахъ къ нимъ: IV, стр. 40—43, ст. 68, 72, 89, 122, 148.

Съ прочими богатырями и лицами. Съ Калѣками перехожими: соблазняетъ ихъ, вредитъ имъ, вздоритъ съ ними, побитъ отъ нихъ, см. в.; для битвы съ Тугаринымъ занимаетъ у нихъ платье и оружіе: II, стр. 72—74, ст. 75 и дал. — Съ богатырями

Старшими: I, стр. 7; стр. 58, 60, 61; IV, стр. 44, ст. 180—204; стр. 24—38.—Съ прочими богатырями—ссорится съ Ильею на первомъ знакомствѣ: I, стр. 39, ст. 200—204; Илья уговариваетъ его не пить зелена вина (слишкомъ), не ѣсть сладки кущанья: I, стр. 9, ст. 77 — 79; грозитъ Алешѣ за дочь гостиную: I, стр. 5; знаетъ за нимъ порокъ—хвататься за чужую чашу: IV, стр. 14, ст. 52, 53 и *пр.*; служитъ однако ему на свадьбѣ дружкою: см. н.—Съ Добрынею Алеша названый братъ: II, стр. 20, 23, ст. 84, 173; 32, 39, ст. 311, 312, 559; и однако подговариваетъ Владиміра послать Добрыню на явную опасность: II, стр. 26, ст. 99 — 106; чуть было совсѣмъ не отнялъ у Добрыни жену и за то побитъ отъ него: см. в. и н.; Добрыня считалъ его своимъ недругомъ (чувствовалъ, что онъ всегда можетъ сдѣлаться такимъ): II, стр. 15, ст. 40; потому особенно, въ случаѣ своей смерти, запрещалъ женѣ выходить за него: см. н.; послѣ же высказалъ, что не диво Алешѣ у жива мужа жену отнять: II, стр. 22, ст. 160, 162; въ спорѣ за жену, мать пугала Добрыню—«гдѣ тебѣ съ Алёшинькой тягатися!»: II, стр. 8, ст. 145; вообще Алеша противуполагается Добрынѣ въ дѣлѣ вѣжливости: см. в. и н.—Сопровождалъ Дуная въ поѣздѣ за невѣстою Владиміра: см. в. — Названый братъ Потока: IV, стр. 52, ст. 6—12; и однако дѣйствуетъ противъ него: см. отношенія къ Калѣкамъ.—О названомъ братствѣ съ другими богатырями см. н. о гибели витязей на Сафатъ-рѣкѣ. — Имѣлъ братца родимаго (роднаго или какъ роднаго?) Екима Ивановича: см. его; по ошибкѣ чуть не убитъ имъ: II, стр. 73, 74, ст. 126 — 147.—Слугу Торопа: см. его.—Какъ Есаулу на богатырской заставѣ (см. в.), ему пріѣзжіе клали въ казну на всю братію приборную: I, стр. 48, ст. 91, 92 и дал.; IV, стр. 9, ст. 92, 93 и дал.; здѣсь же признавали его поудалѣе всѣхъ (собственно—смѣлѣе, см. н.), конь у него порыскучѣе: I, стр. 8, ст. 39, 40, 50, 51; другіе богатыри иногда его уговариваютъ — унять сердце богатырское, потерпѣть малешенько, не говорить чего нельзя: IV, етр. 31, *разн.*—Въ битвѣ онъ держитъ руку лѣвую: IV, стр. 44, ст. 203.

Гораздъ бороться: III, стр. 56, ст. 10;—ножи хватать (когда въ него бросятъ): II, стр. 68, ст. 46; вертокъ былъ (увертываться отъ брошеннаго чингалища): стр. 77, ст. 249, 250. — Догадливъ былъ: III, стр. 94, ст. 161.—Воръ (вороватый): II, стр. 3, ст. 28; *Прилож.*, стр. XXIV.—Ему говоритъ Татаринъ: «ваши роды (поповскіе?) не уклончивы (дерзки, напористы),

не устойчивы (не стойки):» IV, стр. 11, ст. 108, 109 и *пр.*— Убиваетъ врага обманомъ, изподтишка, не надѣясь прямо: II, стр. 73, 78, ст. 104—112, 305—312.—Разъ молился Богу о помощи на врага, и его молитвы были доходны ко Христу: II, стр. 78, ст. 285—288.—Любилъ поѣсть и попить: см. в.; но его особая чара, веселая, меньше чѣмъ у Ильи и Добрыни, въ полтретья (2 ½) ведра: II, стр. 95, ст. 71—73.— Онъ роду поповскаго, а потому его поповскіе глаза завидущіе, руки загребущія, увидитъ много злата-серебра, — злату позавидуетъ: I, стр. 48, ст. 60—65; IV, стр. 8, ст. 62—67; ср. выше его должность Есаула при богатыряхъ, виды на чужую чашу, прятанье чары въ сумки Калѣкъ. — Роду поповскаго, захлыщевый: I, стр. 53, ст. 24.—Гордливъ-спѣсивъ, не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться, не умѣетъ богатырю честь отдать: IV, стр. 13, ст. 18—20.—У него вѣжство нерожденное (нѣтъ по природѣ, противуполагается Добрынѣ): III, стр. 94, ст. 176.—Онъ ругатель, ругаетъ проѣзжихъ: I, стр. 9, ст. 61—64; Идолища: IV, стр. 31, *разн.*; княгиню Апраксѣвну: см. в.; Калѣкъ: III, стр. 88, ст. 129—137; 94, 95, ст. 172—189. — По свидѣтельству другихъ богатырей, горараздъ говорить языкомъ Татарскимъ, лучше всѣхъ бранится, каковъ трезвъ, таковъ и пьянъ: IV, стр. 27, *разн.*—Отъ того обыкновенно терпитъ неудачу въ переговорахъ: ср. выше съ Калѣками, съ Идолищемъ, передъ царемъ Константиномъ въ Царьградѣ: IV, стр. 31, *разн.*—Нетерпѣливъ (на слова, на битву, на отъѣздъ): IV, стр. 31—33, *разн.*—Иногда несетъ вздоръ, ни то ни се: IV, стр. 31, *разн.* — Лжетъ: II, стр. 12, ст. 40—47; 32, 35, 39, ст. 325—334 и дал.; ср. выше, что Добрыня, простившій ему за жену, не простилъ за ложь передъ матерью.— Какъ захватятъ его въ обманѣ, хочетъ извернуться невинностью и смиреніемъ: II, стр. 39, ст. 559—561 (проситъ у Добрыни прощенія, что только посидѣлъ подлѣ его жены). — Судейскій перелестничекъ (обманщикъ): II, стр. 5—7, ст. 52 и дал.; *Прилож.*, стр. XXIII. — Насмѣшливъ, насмѣшникъ, пересмѣшникъ: I, стр. 5, ст. 27; II, стр. 3, ст. 28; 17, ст. 23; особенно—женскій, см. ниже. — Не умѣлъ грамотѣ: II, стр. 70, ст. 15—20.

Два главныхъ его отличія:

а) Смѣлый: II, стр. 31, ст. 278; 32—38, ст. 312, 341, 363, 366, 379, 546; нѣтъ его смѣлѣе во всемъ Кіевѣ: III, стр. 68, ст. 255; всѣхъ больше по при-

родѣ отличался смѣлостью (какъ Илья таланомъ - участью и силою, Добрыня вѣжествомъ): II, стр. 31, ст. 278.

б) Насмѣшникъ женскій: II, стр. 12, ст. 35.—Бабій пересмѣшничекъ: стр. 5 — 7, ст. 51 и дал. — Охочь былъ смѣяться чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ: стр. 3, ст. 29—31.—Любилъ смѣяться на чужихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ: стр. 17, ст. 24, 25.

Изъ за него бѣжитъ изъ отцовскаго дому Дочь гостиная и дѣлается Разъѣздною походною красной дѣвицей (см. ее): I, стр. 5.

За него, въ случаѣ смерти своей, Добрыня, уѣзжая изъ дому, запрещаетъ женѣ выходить за мужь: II, стр. 3, ст. 25 — 31; 5, ст. 50—52; 11, 12, ст. 27—35; 15, ст. 40, 41; 17, ст. 22—25; 20, ст. 84, 85; 31, 32, ст. 311, 312.

Однако разными продѣлками Алеша склоняетъ или приневоливаетъ Настасью Микулишну (см. ее), при содѣйствіи Владиміра и княгини, вѣнчается, играетъ свадьбу: II, стр. 5, 6, ст. 62—64; 12, ст. 40 — 54; 13, 14, ст. 75 — 106; 15, 16, ст. 48 — 55; 17, ст. 30, 31; 21, ст. 100 — 107; 32, 33, 35, 39, ст. 325—341 и дал. — При этомъ Владиміръ ему сватомъ: II, стр. 15, ст. 50; 17,

ст. 31; 39, ст. 554; княгиня Апраксія свахою: стр. 15, ст. 51; 39, ст. 555; на свадьбѣ Владиміръ тысяцкимъ: стр. 8, ст. 146; дружкою Илья Муромецъ: стр. 8, ст. 147.

Добрыня возвращается, приходитъ на свадебный пиръ, ведетъ расправу: см. Добрыню.

Алеша лишается молодой жены. Будто Алеша и женатъ бывалъ, будто Алеша и съ женой живалъ: II, стр. 14, ст. 115, 116; здравствуй, женившись, да не съ кѣмъ спать: стр. 23, ст. 175; не дай Богъ женидьбы Алешиной: только-то Алешенька женатъ бывалъ, съ женой сыпалъ: стр. 40, ст. 584 — 587.

Наказывается Добрынею. За кудри и страшною потасовкой: II, стр. 39, 40, ст. 578—583; смертнымъ боемъ: стр. 18, ст. 33, 34.

Тихонько ходитъ къ дѣвицѣ Натальѣ или Настасьѣ Збродовичнѣ (см. ее), хвастаетъ тѣмъ на пиру передъ Братьями Збродовичами (см. ихъ), губитъ хвастовствомъ дѣвушку, подводя подъ месть братьевъ (« а Богъ суди Алешу — не далъ пожить на свѣтѣ »); по другимъ пѣснямъ спасаетъ ее отъ мести, взявши за себя: II, стр. 64 — 69, № 1, 2 и 3.

Приближенія его пугаются дѣвушки, объ немъ поютъ въ хороводныхъ пѣсняхъ: II, *Прилож.*, стр. XXIV.

Кончина Алеши Поповича. На Сафатъ-рѣкѣ вмѣстѣ съ шестерыми другими Русскими витязями; видя Добрыню убитаго, вызываетъ на бой Татарина, одолѣваетъ его, щадитъ и за то получаетъ отъ ворона мертвой и живой воды, которою воскрешаетъ Добрыню; потомъ, побивши прочихъ Татаръ, губитъ всѣхъ товарищей дерзостью, вызывая на бой «силу не здѣшнюю;» сколько ни рубитъ ее, не дорубится, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ; при этомъ выводится братомъ названымъ Годенка Блудовича, Василья Казимировича, Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Добрыни и Ильи: IV, стр. 108—115.— По лѣтописямъ убитъ при Калкѣ: II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX.

Въ позднѣйшей передѣлкѣ, въ Малорусской Думѣ, какъ Пырятинскій Поповичъ: IV, *Прилож.*, стр. XX—XXVII.

По сказкамъ служитъ Ивану-богатырю (Микулѣ, Ѳомѣ Беренникову): см. Микулу и IV, *Прилож.*, стр. CLII, CLIII.

—

Василій: I, стр. 72, 76, ст. 69, 75, 219, 223, 225; II, стр. 83—87, ст. 4 и дал.; 90, ст. 27; 93, 94, ст. 16, 19 и дал.; IV, стр. 108, ст. 6; **Васинька, Васюта, Васютка, Васюточка**: II: стр. 93—96, ст. 21 и дал., и *разн.*; **Васька**: I, стр. 46, 47, ст. 8, 35, 39, 42; 52, ст. 7, 20; 87, *разн.*; IV, стр. 7, ст. 8, 33, 39, 41. — **Казиміровичь, сынъ Казиміровичь**: II, стр. 83—87, ст. 4 и дал.; IV, стр. 108, ст. 6; **Казнѣровичь** (Казимѣровичь): II, стр. 90, ст. 27; 93, 94, ст. 19 и дал.—**Игнатьевъ**: I, стр. 76, ст. 219.—**Пьяница, сынъ Пьяница**: I, стр. 72, 76, ст. 69, 75, 219, 223, 224; II, стр. 93, 94, ст. 16, 21, 45.—**Долгополый**: I, стр. 46, 47, ст. 8, 35; IV, стр. 7, ст. 33; **Долгополистой**: I, стр. 52, ст. 7, 20; **Долгополище**: IV, стр. 7, ст. 8.

На Службѣ Владиміру. Посылается съ посольскимъ дѣломъ, везти дани-пошлины, къ Батыю царю Заоданскому; беретъ въ товарищи Добрыню; какъ посолъ говоритъ рѣчи Батыю, на подвиги же выставляетъ Добрыню (см. его): II, стр. 83—89, № 1; 90—92, № 2.—На богатырской заставѣ: I, стр. 46, 47, 52; IV, стр. 7, 8.—За отсутствіемъ прочихъ богатырей, остается одинъ въ Кіевѣ и богатырствуетъ по неволѣ: I, стр. 72, ст. 54, 55, 69 и дал.; II, стр. 93, ст. 9—16 и дал. — Вышибаетъ глазъ у Мамаева зятя и убиваетъ его: I, стр. 72, ст. 69—80; то же у Ба-

тыева (см. ихъ): II, стр. 95, ст. 76 — 78 и дал. — Побиваетъ Батыя, притворившись слугою ему: II, стр. 95, 96, ст. 90 и дал., и *разн.* (ср. Батыя и Калина).

Братается съ Ильею: I, стр. 76, ст. 224, 225; товарищь Ильи: стр. 76, ст. 218.—Братъ названый Добрыни и на него послѣ Бога больше всего надѣется: II, стр. 84—88, ст. 19, 60, 92, 135; 91, ст. 44—50. — О названомъ братствѣ съ другими см. н. гибель на Сафатъ-рѣкѣ. —Ему съ Добрынею прислуживаетъ Марко паробокъ: см. сего послѣдняго.

У него полы долгія, по землѣ ходитъ—заплетается, на бою на дракѣ заплетется, въ полахъ замѣшается: I, стр. 47, ст. 39—41; 52, ст. 21; IV, стр. 7, ст. 38—40. — Когда не богатырствуетъ, сидитъ на кружалѣ, въ кабакѣ: I, стр. 76, ст. 220; II, стр. 93, 94, ст. 19—49 и дал.; лежитъ тамъ на печи нагъ—ни ниточки; кто оттуда позоветъ грубо, слѣзаетъ съ печи, запираетъ кабакъ, обираетъ пришедшихъ, бревномъ бьетъ ихъ по бедрамъ, гонитъ до двора княжескаго, а на ласковый зовъ пускается въ подвиги: II, стр. 93, 94, ст. 20—62 и дал.—Оттуда Владиміръ его вымаливаетъ на подвиги: II, стр. 94, ст. 46 и дал.—Пьетъ одинъ столько, сколько пьютъ вмѣстѣ Илья, Добрыня и Алеша: II, стр. 94, 95,

ст. 62—74.—Получаетъ упрекъ, что «пропилъ свою голову:» II, стр. 96, *разн.*

Гибнетъ съ прочими шестерыми Русскими витязями на Сафатъ-рѣкѣ отъ силы нездѣшней, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится братомъ названымъ Годенка Блудовича, Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Алеши, Добрыни и Ильи.

Ср. Василья Ивановича, грознаго посла.

—

Иванъ-богатырь, связь съ другими богатырями, главное значеніе и исторія его подъ разными именами: III, *Прилож.*, стр. XI — XXXVI; IV, *Прилож.*, стр. CLI—CXCIII.

а) По былинамъ:

Иванъ: III, стр. 5—8, ст. 29 и дал.; 70, 71, ст. 30, 55; IV, стр. 108, ст. 8; **Ванюшка:** III, стр. 2, 3, ст. 17, 45, 55.—**Гостиный сынъ:** III, стр. 2, 3, ст. 17, 45, 55; стр. 5—8, ст. 29 и дал.; 70, 71, ст. 30, 55; *Прилож.*, стр. XXIX, XXX (сказки); IV, стр. 108, ст. 8.

Бывалъ въ Золотой Ордѣ, у (будущаго) тестя Владимірова короля Етмануйла Етмануйловича: III, стр. 71, ст. 37, 38 и дал.

Пируетъ у Владиміра: III, стр. 1, *пр.*, и 2, 4; занимаетъ здѣсь мѣсто богатырское: III, стр. 5, ст. 28, 30; 70, ст. 29, 31.

Указываетъ Владиміру невѣсту и подаетъ совѣтъ свататься: III, стр. 71, ст. 37—57.

У него особый конь, Бурушка-каурушка, описаніе коня и ѣзды его: III, стр. 2, 3, ст. 22—31, 60—68; — Сивогривый жеребецъ: стр. 3, 4, ст. 1—9;—Бурочко, косматочко, троелѣточко, и проч.: стр. 6—8, ст. 62—139;—Сивка-бурка, вѣщая каурка, и проч.: *Прилож.*, стр. XXIX, XXX (сказки); IV, *Прилож.*, стр. CLX, CLXI; ср. ниже другихъ Ивановъ.

Хвалится конемъ и бьется объ закладъ бѣжать на немъ въ срокъ отъ Кіева до Владиміра: III, стр. 2, 3, ст. 32—44, 3, 4;—отъ Кіева до Чернигова: стр. 4—6, № 3.—Выигрываетъ закладъ: III, стр. 3, 4, ст. 60—68, 1—9; стр. 7, 8, ст. 116—149.—За него держитъ поруки и послѣ побѣды взыскиваетъ закладъ Владыка Черниговскій (ср. его): III, стр. 5, 8, ст. 55—58, 144—149.

Гибнетъ вмѣстѣ съ другими шестерыми Русскими витязями на Сафатъ-рѣкѣ отъ силы нездѣшней, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится названымъ братомъ Годенка Блудовича, Василья Казиміровича, Василья Буслаевича (сомнительно), Алеши, Добрыни и Ильи.

*

Иванъ: III, стр. 9 — 19, ст. 15 и дал.; 20—27, ст. 4 и дал.; **Иванушко**: III, стр. 9—19, ст. 13 и дал.; 20—26, ст. 7 и дал.— **Годиновичъ**: III, стр. 9—19, ст. 13 и дал.; 20 — 27, ст. 4 и дал.

Богатырь: III, стр. 12, ст. 104 и др.; удалъ молодецъ: III, стр. 24, ст. 164.

Русы кудри: III, стр. 17, ст. 270, 274.

Имѣлъ своихъ сто богатырей: III, стр. 22, ст. 86.

Если за него итти было невѣстѣ, то слыть холопкой, избы мести, заходы скрести: III, стр. 21, 22, 25, ст. 49, 50, 77, 78, 199, 200.

Дѣло изъ за невѣсты. На пиру у Владиміра скучаетъ холостой жизнью, не слушаетъ совѣта князя, отправляется искать невѣсты Авдотьи, Лебеди Бѣлой (см. ее), у Царя или Короля Черниговскаго (см. его), у котораго прежде служилъ въ столовыхъ ключникахъ; получаетъ отказъ въ невѣстѣ, обѣщанной Одолищу поганому (см. его); беретъ Авдотью, увозитъ, спитъ съ нею въ шатрѣ; одолѣлъ было настигшаго Одолища, но по измѣнѣ выданъ Авдотьею, связанъ; по нечаянной смерти Одолища, успѣлъ освободиться,

убилъ невѣсту; безъ нея пріѣхалъ въ Кіевъ и подвергся насмѣшкамъ за неудавшуюся женидьбу: III, стр. 9 — 19, № 1 («женился, да не съ кѣмъ спать,» какъ Алеша).— Отправленъ Владиміромъ свататься въ Черниговъ за дочь Дмитрія гостя богатаго, Настасью (см. ихъ); потерпѣлъ сначала неудачу; потомъ взялъ съ собою богатырей, но распустилъ ихъ за охотой; явившись одинъ въ Черниговъ, увезъ насильно Настасью, но настигнутъ ея настоящимъ женихомъ, царемъ Афромеемъ (см. его), и по измѣнѣ Настасьи связанъ; подоспѣвшіе изъ Кіева богатыри спасли его, царь отправленъ въ Кіевъ плѣнникомъ, а Иванъ наказалъ Настасью смертью и вернулся въ Кіевъ безъ жены: III, стр. 20—27, № 2.

Какое дѣло имѣлъ съ Одолищемъ и царемъ Афромеемъ, такое же точно съ Кощеемъ Трипетовымъ (ср. его): III, *Прилож.*, стр. XXXI.

Ср. Ивана-царевича (по сказкамъ).

Ср. III, *Прилож.*, стр. II; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIV.

*

Ванька вдовкинъ сынъ. Его дѣло съ царемъ Волшаномъ (ср. его) и дочерью сего послѣдняго, спасеніе черезъ Могуль-птицу (ср. ее): III, *Прилож.*, стр. XVI—XIX.

Ср. Ивана-царевича и Анну Прекрасную Королевну.

*

б) По сказкамъ:

Иванъ-русскій-богатырь. Борется съ Еруслановъ (см. его), побѣжденъ имъ, но потомъ братается; бьется съ царемъ Ѳеодуломъ Змѣемъ (см. его) изъ за его дочери Кондуріи и добываетъ ее: III, *Прилож.*, стр. XII—XVI.

Иванъ-богатырь и Лягушка: III, *Прилож.*, стр. XXXII; ср. Ивана-царевича.

*

Иванъ или **Ивашка Бѣлая Епанча,** служитъ у царя Далмата (см. его): III, *Прилож.*, стр. XVI; IV, *Прилож.*, стр. XII.

Иванъ или **Ивашка Бѣлая Рубашка:** IV, *Прилож.*, стр. XLIV—XLVI.

Ср. Ивана-царевича, Бѣлаго Полянина, Дворянина Бѣлую Палицу.

*

Иванъ подъ именемъ Голя Воянскаго и Ѳомы Беренникова, одинаковый съ Иваномъ-дуракомъ (см. его), то же, что Микула, только сказочный, въ шутку и на выворотъ; ему служатъ Илья, Алеша Поповичь, Чурило, Ерусланъ,

Бова: см. Микулу и эти лица, а также IV, *Прилож.*, стр. CLII, CLIII.

*

Иванъ-царевичь. Подвизается по наказу царя Далмата: см. его и Ивана Бѣлую Епанчу, а также III, *Прилож.*, стр. XVI.

Битва съ Норкою-звѣремъ, спасеніе черезъ птицу, подвиги изъ за Жаръ-птицы: III, *Прилож.*, стр. XIX, XX, ср. н.

Убиваетъ Кощея: ср. его и III, *Прилож.*, стр. XX, XXI.

Ему помогаетъ Булатъ-молодецъ: см. его и III, *Прилож.*, стр. XXVI.—По указанію Булата, получаетъ такого же коня, какъ Иванъ Гостиный сынъ: см. его, Ивана Крестьянскаго сына, Ивана-дурака, Ивана Купеческаго сына, а также III, *Прилож.*, стр. XXVI—XXIX.

Отецъ его Выславъ (см. его); соперникъ царь Афронъ (см. Афромея); теряетъ невѣсту Елену (см. ее), поспавши съ нею въ шатрѣ: III, *Прилож.*, стр. XXXI, XXXII; ср. Ивана Годиновича.

Какъ Добрыня (см. его), теряетъ было жену, но является на свадебный пиръ врага и узнанъ ею: III, *Прилож.*, стр. XXV, XXVI.

Иванъ-царевичь и Марѳа-царевна (Марья?): III, *Прилож.*, стр. XXXII.

Иванъ-царевичь и Лягушка: см. *тж.* и ср. Ивана-русскаго-богатыря, Ивана-богатыря.

Подъ именемъ Силы-царевича и въ сходствѣ съ Потыкомъ: см. сего послѣдняго и IV, *Прилож.*, стр. XLIV—XLVI.

Полная его исторія, гдѣ являются Микула, Марья-царевна, Елена Прекрасная, Богатырь-дѣвица, Анна Прекрасная, Василиса Премудрая, Катома Дядька, Никаноръ-богатырь, Бѣлый Полянинъ: см. эти лица и IV, *Прилож.*, стр. XLIII—CLXXVIII.

*

Иванъ Крестьянскій сынъ. Какъ Илья Муромецъ (см. его), сидитъ сиднемъ, потомъ отпаивается Калѣками, встаетъ: III, *Прилож.*, стр. XXIII—XXV.

Достаетъ, какъ Иванъ Гостиный сынъ (см. его), такого же коня, служившаго Лукоперу богатырю (см. его), сходство здѣсь съ Бовою (см. его): III, *Прилож.*, стр. XXVII, XXVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI; ср. Ивана-царевича, Ивана-дурака, Ивана Купеческаго сына.

Битва съ Полканомъ, подобно Бовѣ: см. эти лица и III, *Прилож.*, стр. XVIII, XXV; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIX, CXC.

То же—

Ивашка Запечный, сидень: III, *Прилож.*, стр. XXV;

Иванъ Попяловъ, сидень: III, *Прилож.*, стр. XXV.

*

Иванъ Купеческій сынъ, сказка объ **Иванѣ-Кручинѣ, Купеческомъ сынѣ**: III, *Прилож.*, стр. XXIX, XXX.

Владѣетъ такимъ же конемъ, какъ Иванъ Гостиный Сынъ: см. его и Ивана-царевича, Ивана Крестьянскаго Сына, Ивана-дурака.

Добываетъ Царь-Дѣвицу: см. помянутыя лица, Анну Прекрасную и IV, *Прилож.*, стр. CLV и дал.

*

Иванъ-дуракъ, Иванушка-дурачокъ, владѣющій такимъ же конемъ, какъ Иванъ Гостиный Сынъ: см. его, Ивана-царевича, Ивана Крестьянскаго Сына и Ивана Купеческаго сына, а также III, *Прилож.*, стр. XXVIII, XXIX.—Сказки шутливыя въ томъ же родѣ: стр. XXXII.

Подчиняетъ Илью и Θедора Лыжникова, убиваетъ Добры-

ню: см. ихъ и Ивана Голя Вояискаго, Θому Беренникова, а также IV, *Прилож.*, стр. CLII.

*

Иванъ Водовичъ, сражающійся съ Чудомъ-Юдомъ: см. его и III, *Прилож.*, стр. XXXII.

Сказка объ **Ивашкѣ Медвѣжьемъ Ушкѣ**: III, *Прилож.*, стр. XXXII.

Иванъ Сученко и **Иванъ Поваренко**, братья Ивана-царевича (одно разтроившееся лицо): см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLIV, CLV.

Иванъ Пономаревичъ, въ сходствѣ съ Бовою: IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIV.

—

Данило: III, стр. 29 — 32, ст. 26 и дал.; стр. 32 — 38, ст. 16 и дал.—**Денисьевичъ, Денисьичъ**: III, стр. 32—38, ст. 16 и дал.—**Ловчанинъ**: III, стр. 29—32, ст. 26 и дал.

Охотникъ: стр. 29, 30, ст. 35—85; стр. 34, ст. 71 — 77; стр. 35, ст. 120.

Живетъ въ Черниговѣ: III, стр. 34, 37, ст. 89 — 91, 179, 180.

Мужъ грозной Василисы Микулишны: см. ее; братъ родной Никиты и названый Добрыни: см. ихъ.

Когда умеръ, по немъ плачутъ богатыри: III, стр. 37, ст. 173, 174.

На службѣ Владиміру; изъ за жены посылается Владиміромъ къ вѣрной гибели на Буянъ островъ, горюетъ, что «погубляютъ его перемёты женскіе,» ѣдетъ, на Буянѣ убиваетъ страшнаго звѣря, побиваетъ посланныхъ противъ него слугъ Владиміра, но раздумавшись, что вѣрно князю неугоденъ сталъ, самъ убиваетъ себя: III, стр. 29—32, ст. 23—110.—То же, предчувствуетъ себѣ гибель, посылается въ луга Леванидовы, въ послѣдній разъ охотится въ полѣ, отправляется по приказу князя, побиваетъ посланную на него силу Русскую, но всего болѣе оскорбленный, что противъ него и братья, убиваетъ себя: стр. 32—37, ст. 16—176.

Ср. за симъ Данилу Игнатьевича.

Ср. III, *Прилож.*, стр. II—IV; IV, *Прилож.*, стр. XVI, XVII.

—

Никита Денисьичъ: III, стр. 36, ст. 160.

Родной братъ Данилы (см. его), богатырь; въ угоду Владиміру ѣдетъ противъ роднаго брата: III, стр. 36, 37, ст. 155—166; однако плачетъ по братѣ и его женѣ: стр. 37, 38, ст. 173, 174, 212.

—

Данило, Данилушко, Данильшо, Данилишшо: III, стр. 39—41, ст. 2 и дал.; стр. 42—50, ст. 16 и дал.—**Игнатьевичъ**: III, стр. 39—41, ст. 2 и дал.; стр. 42, 43, ст. 16 и дал.

Сильный-могучій богатырь: III, стр. 39, ст. 3, 8.

Былъ для Кіева застоюшкой великой: III, стр. 39, ст. 16.

Двора широкаго у него не было, золотой казны не лучилося, сила была въ немъ ровная: III, стр. 42, ст. 27—29.

Служилъ Владиміру пятьдесятъ годовъ, убилъ ему пятьдесятъ царёвъ, а мелкой силы—смѣты нѣтъ: III, стр. 43, ст. 30—32.

Когда минуло ему девяносто лѣтъ, усильно выпросился у Владиміра въ монастырь, спасти душу грѣшную, постригся и посхимился: III, стр. 39, 43, ст. 1—5, 30—49.

Когда его останавливали, указалъ на преемника — сына, для защиты Кіеву: III, стр. 43, ст. 45—47.

Въ монастырѣ является какъ старостарчище, старой, старикъ, монахъ, съ колпакомъ и клюкой Калѣкъ Перехожихъ: III, стр. 45—50, ст. 106—230.

Не охотно пустилъ молодаго сына на трудный подвигъ, далъ ему потомъ благословенье, научилъ, какъ достать бурушка косматаго и збрую богатырскую, которыми нѣкогда владѣлъ самъ: III, стр. 46, 47, ст. 114—150; стр. 40, ст. 34—50.

Во время подвиговъ сына молился Богу и молитвами спасъ его: III, стр. 47, 50, ст. 151—158, 238, 239.

Искалъ сына по побоищу, не узнавши чуть не убилъ его, потомъ оставленъ сыномъ по прежнему въ монастырѣ молиться Богу: III, стр. 41, ст. 69—72; стр. 49—51, ст. 210—242 и *разн.*

Ср. сына его Ивана или Михайлу.

См. его же въ Калѣкахъ.

Ср. III, *Прилож.*, стр. II—IV.

Сынъ Данилы Игнатьевича.

Иванъ: III, стр. 39, 40, ст. 22 и дал.

Михайло, Михайлушко: III, стр. 44—50, ст. 80 и дал.

Даниловичь: III, стр. 39, 40, ст. 22 и дал.; стр. 44—50, ст. 80 и дал.

Двѣнадцатилѣтній: III, стр. 39, ст. 22; стр. 45, 46, ст. 89, 119. — Молодехонекъ, зеленехонекъ, до битвы съ Татарами на войнахъ не бывывалъ: III, стр. 40 ст. 31—48. — Малешенекъ, глупешенекъ: стр. 45, ст. 87, 88 и *разн.*

Спасается молитвой отца и своею собственной: III, стр. 47—49, 50, ст. 149—158, 185—190, 238, 239.

За отбытіемъ отца изъ богатырей въ монастырь, вызывается итти въ Орды, беретъ благословенье отъ отца, погибъ было въ полѣ, упавши съ коня, но, поправившись, побилъ Татаръ однимъ Татариномъ, вернулся къ отцу въ монастырь, не узнанный чуть не убитъ имъ, послѣ съ почестью принятъ Владиміромъ: III, стр. 39—41, № 1. — То же, но съ тѣми особенностями, что взялъ прежде благословеніе отъ матери, по указанію отца досталъ бурушка косматаго и збрую богатырскую, побѣдилъ невѣрную силу по молитвамъ отца, отсѣкъ голову царищу Уланищу и привезъ ее въ Кіевъ: стр. 44—51, ст. 79—251.

Ср. Отца его, Данилу Игнатьевича.

Дунай Ивановичь: I, стр. 52, ст. 4; III, стр. 53—80, ст. 50 и дал.; IV, стр. 13, ст. 21.

Донъ Ивановичь: I, стр. 58, 60, 61, ст. 24, 79, 124.

Тихій: III, стр. 53, ст. 51, 58. — У него повороты тихіе: IV, стр. 13, ст. 22 и *прим.* — Въ Кіевѣ дѣвки и жонки метались въ окна поглядѣть на него, говоря: «еще гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?»: III, стр. 63, ст. 135—137.

Между Старшими богатырями на полѣ Куликовѣ: I, стр. 58, 60, 61. — На богатырской

заставѣ: I, стр. 52, 53, ст. 4—42; IV, стр. 12, 13.—Гораздъ былъ съ дѣвицами драться: III, стр. 76, ст. 239.—Иногда труситъ врага: I, стр. 53, ст. 31—41.

Добрыня былъ его «любимымъ товарищемъ:» см. Добрыню и III, стр. 54, ст. 89, 90.—Признается между богатырями лучше и надежнѣе Васьки Долгополаго, Алеши Поповича и даже Добрыни: см. ихъ и I, стр. 52, 53, ст. 19—30; иногда ненадежнѣе Добрыни: см. его и IV, стр. 13, ст. 21—23.

При Настасьѣ Королевичнѣ смѣшивается съ Потыкомъ (см. ихъ) и Ванькою Ключникомъ: III, стр. 59 — 61, ст. 8—64.

Служилъ во семи ордахъ, семи королямъ (и не могъ выжить себѣ красной дѣвицы): III, стр. 77, ст. 255—257.

Гулялъ изъ земли въ землю, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховинскому, служилъ у него въ разныхъ службахъ 9 или 12 лѣтъ: III, стр. 54, 55, ст. 60 — 68, 98—101; стр. 58—67, ст. 1—7, 24, 25, 140 — 143, 179 — 183, 239, 240; стр. 73, ст. 110, 113.

Его любилъ король и королиха, а Настасья Королевична у души держала, когда же онъ ею расхвастался, спасла отъ погибели: III, стр. 59—61, ст. 8—64.

Оттуда перешелъ въ Кіевъ, пропился на кабакѣ и оголѣлъ, пока вызванъ Владиміромъ на дѣло: III, стр. 61—63, ст. 65—138.

Какъ знатокъ невѣстъ, посланъ Владиміромъ добывать невѣсту и добылъ ее въ товарищахъ съ Добрынею, Алешею или Екимомъ Ивановичемъ, частію добромъ, частію борьбою: ср. ихъ и III, стр. 53—55, ст. 47—111; стр. 63—66, ст. 139—199; стр. 71—76, ст. 58—213.

При этомъ сестру жены Владиміровой взялъ за себя, у отца ея просьбой, а саму ее съ бою: III, стр. 55, ст. 108, 109; стр. 66 — 67, ст. 200 — 245; стр. 76, 77, ст. 214 — 267. — Ср. жену Дуная, Дарью или Настасью.

Свадьба съ нею въ Кіевѣ: III, стр. 68, ст. 248, 249; стр. 77, 78, ст. 268—310.

Въ Кіевѣ съ женою жилъ время не малое: III, стр. 78, ст. 310.

Изъ за спору разъярившись, пьяный, погубилъ жену и въ утробѣ у ней младенца: III, стр. 55, 56, ст. 116—137; стр. 56—58, ст. 1—63; стр. 68, 69, ст. 250—284; стр. 78—80, ст. 311 — 377. — Ср. сына Дунаева.

Въ отчаяніи погубилъ себя и отъ крови его протекла Дунай рѣка: III, стр. 56, ст. 137—139; стр. 58, ст. 64 — 70; стр. 69, ст. 285—293; стр. 80, ст. 378 — 383.

Ср. III, *Прилож.*, стр. VI.

—

Потокъ или **Потыкъ Михайло Ивановичь:** IV, стр. 52—58, ст. 8—230.

а.)

Свято-русскій могучій богатырь: IV, стр. 52, ст. 7 и дал. Братъ названый Добрыни и Алеши: см. ихъ и IV, стр. 52, ст. 4—12.

Посланъ Владиміромъ на охоту, встрѣтилъ Лебедь Бѣлую, она обернулась Авдотьюшкой Лиховидьевной; полюбилъ ее, положили зарокъ—кто умретъ прежде, другому живому итти вмѣстѣ въ могилу; отправились къ Кіеву, Потокъ отсталъ; возвѣстилъ Владиміру о находкѣ, послѣ вечерни упросилъ поповъ вѣнчать, повторилъ присягу на зарокъ; въ первый разъ жилъ съ женою полтора года, и когда она обмерла, съ конемъ и збруею полѣзъ съ нею въ могилу; тамъ убилъ змѣя лютаго, головою его пробудилъ Авдотью, задергалъ изъ могилы веревку къ церковному колоколу и заревѣлъ зычнымъ голосомъ, вынутъ; поновленъ съ женою святою водой; во второй разъ жилъ съ женою до старости, и, когда умеръ, ее живую погребли съ нимъ: IV, стр. 52—59, ст. 1—233. Ср. жену его Авдотью Лиховидьевну, Лебедь Бѣлую,

Анну или Настасью Прекрасную королевичну.—

б.)

Во главѣ Калѣкъ. Подъ именемъ Михайлушки Касьянова: III, стр. 81—84, ст. 15—115;—Ѳомы Ивановича: стр. 84—89, ст. 2—189;—Касьяна Михайловича: стр. 90—99, ст. 9—359.—Зашедши въ Кіевъ, навлекъ гнѣвъ княгини Апраксіи (см. ее), оклеветанъ, калѣками наказанъ, но потомъ событіями спасенъ и оправданъ: III, стр. 81—99, № 1, 2, 3.

Во главѣ же Калѣкъ, отъ лица его молодецкаго, какъ бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе: III, стр. 93, ст. 113—115.—За его правду великую, вложили ему убитому ангелы душу: III, стр. 89, ст. 174—187.—Выскакивалъ изъ земли какъ ясенъ соколъ, на его лицо молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы, кудри на немъ до самого пояса, никакого духу не вѣруетъ, дуетъ духомъ своимъ святымъ на больную княгиню, исцѣляетъ ее, крестомъ ограждаетъ и благословляетъ: стр. 97—99, ст. 267—325.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XXXI—L: какъ богатырь и во главѣ калѣкъ; сказки объ немъ; CLVI, CLXXIX, CLXXX: отношенія къ сказочному Ивану-богатырю, ср. его.

—

Михайлушка Касьяновъ, Ѳома Ивановичъ, Касьянъ Михайловичъ, смѣшанныя имена Потока или Потыка Михайлы Ивановича: см. его.

—

Михайло Михайловичъ, братъ Потока, подъатаманье во главѣ Калѣкъ: III, стр. 90—97, ст. 32, 33, 214—222, 259, 260, 283—286.

—

Ставръ: IV, стр. 59—68, ст. 13—260. — **Годиновичъ:** IV, стр. 59, 66, ст. 13, 222.

Бояринъ: IV, стр. 59—68, ст. 19—260.

Изъ земли дальной: IV, стр. 68, ст. 264.

Имѣлъ богатый дворъ и домъ, по словамъ его — не хуже Кіева: IV, стр. 59, 60, ст. 17—26.

Игралъ на гусляхъ, умѣлъ сыгрыши Цареградскіе, плясовыя иностранныя (Ерусалимскія), величальныя, Стихи священные, какъ скоморохъ, веселый молодецъ: IV, стр. 66, 67, ст. 218—233 и *прим.*

Женатъ былъ на Василисѣ Микулишнѣ: см. ее.

Похваставши своимъ дворомъ и домомъ, возбудилъ зависть Владиміра, посаженъ въ тюрьму, дворъ его велѣно запечатать, а жену взять ко князю; когда Василиса явилась передѣтая въ Кіевъ, выпущенъ изъ тюрьмы по ея желанію, игралъ при дворѣ князя и пѣлъ; выпрошенъ женою вмѣсто даней съ Кіева, не узналъ было ея, но, когда она открылась, воротился съ нею домой, обязанный ей спасеніемъ отъ Владиміра: IV, стр. 59—68, ст. 12—264.

Ср. III, *Прилож.*, стр. III; IV, *Прилож.*, стр. XVII, LI, LII (между прочимъ по лѣтописямъ).

—

Хотёнъ: IV, стр. 74—77, ст. 50 и дал.; **Хотёнышъ:** 75—77, ст. 81 и дал.; **Хотёнышко:** 73—76, ст. 11 и дал. — **Горденъ:** 69—72, ст. 21 и дал.; **Годенко:** 108, ст. 5. — **Блудовичъ:** 69—71, ст. 27 и дал.; 108, ст. 5; **Сынъ Блудовичъ:** 69, 70, ст. 38 и дал.; **Сынъ Блудовъ:** 73—75, ст. 11 и дал.

У матери вдовы одинъ былъ сынъ, какъ ясенъ соколъ: IV, стр. 69, ст. 20, 21; см. мать, Блудову жену.

Многіе пожитки остались ему отъ батюшки: IV, стр. 69, ст. 22, 23.

Упрекали его именемъ отца, а самого, что уродуетъ (чудитъ, проказитъ): IV, стр. 73, 74, ст. 14—73.

Страшенъ былъ Кіевскимъ молодцамъ: IV, стр. 75, ст. 88.

Поднялся за обиду, болѣе за обиду матери, на Часовую жену и дочь ея, Катерину или Авдотью (см. ихъ); сшибъ у Ча-

совичны теремъ, педавилъ садъ, поколотилъ Часовичей, вынудилъ Часовую отдать дочь съ богатымъ приданымъ; убитыхъ шурьевъ оживилъ мертвою и живою водой, доставши отъ ворона (вставка); съ помощію Владиміра и Апраксіи помирился съ гордою тещей: IV, стр. 69 — 72, ст. 38 — 135; стр. 73 — 77, ст. 23—162.

Гибнетъ съ прочими шестерыми русскими витязями на Сафатъ-рѣкѣ отъ силы нездѣшней, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ: IV, стр. 108 — 115; при этомъ выводится названымъ братомъ съ Васильемъ Казиміровичемъ, Васильемъ Буслаевичемъ (сомнительно), Иваномъ Гостинымъ сыномъ, Алешею, Добрынею и Ильею.

Ср. III, *Прилож.*, стр. V; IV, *Прилож.*, стр. LV—LVII.

—

Чурило, Чурила Пленковичъ (Плѣнковичъ): I, стр. 24, ст. 47; II, стр. 31, ст. 280, 281; III, стр. 78, ст. 294; стр. 104, ст. 111, 133; IV, стр. 81—86, ст. 94—244; стр. 87—90, ст. 4—105.—**Чурива:** IV, стр. 86, 87, ст. 10 — 28. — **Чурилушка, Чуривушка:** III, стр. 87, ст. 98; IV, стр. 86, 87, ст. 14 — 27. — **Сынъ Пленковичъ:** III, стр. 87, ст. 98, 118; стр. 104, ст. 111; IV, стр. 83,

ст. 160.—**Плёнковичъ, сынъ Плёнковичъ:** IV, стр. 87, 88, ст. 4—32.—**Цыплёнковичъ:** IV, стр. 86, 87, ст. 10—22.

Отецъ его Пленъ (Плѣнъ), Пленка (Плѣнко), старой, Сароженинъ: см. его.

Молодой: III, стр. 104, ст. 111; IV, стр. 83, 84, ст. 160, 210; стр. 87, 88, ст. 4, 18.

Наружность. Двѣ свѣчки горятъ, то ясны очи глядятъ, то Чуриловы: IV, стр. 90, ст. 101, 102; когда идетъ, передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла его лица: стр. 83, ст. 173, 174; сапожки—зелёнъ сафьянъ, пятки гладки, носки плоски, кругъ пяты хоть яцомъ прокати, подъ пяту воробей проскочи: стр. 87, ст. 23—26; бѣлыя руки, златы перстни: стр. 88, ст. 21, 22; золотъ калпакъ: стр. 89, ст. 45; перчатки шелковы: ст. 59; зеленъ кафтанъ: ст. 73; сафьянны сапожки: стр. 90, ст. 87; всѣхъ больше по природѣ отличался походкою щепливою (щегольскою): II, стр. 31, ст. 280, 281; когда гулялъ, подъ нимъ травка-муравка не топчется, лазоревый цвѣточикъ не ломится, зеленъ кафтанъ на немъ не трахнется: IV, стр. 87, ст. 5—8; слѣды его малешеньки, малымъ-то малы, коротешеньки, словно зайка скакалъ либо бѣлъ горностай: стр. 85, 86, ст. 239—244; стр. 87, 88, ст. 12—18; на него

заглядѣлась княгиня Апраксія, такъ что порѣзала руку: стр. 86, ст. 10, 11; когда шелъ по Кіеву, заглядывались всѣ люди; гдѣ дѣвушки глядятъ, — заборы трещатъ, гдѣ молодушки глядятъ, лишь оконенки звенятъ, гдѣ стары глядятъ, манатьи на себѣ дерутъ: стр. 87, ст. 27—31.

Его дружина храбрая: за три ста, за пятьсотъ и за тысячу, жеребцы подъ ними Латинскіе, кафтанцы на нихъ камчатные, однорядочки — голубъ скурлатъ, колпачки—золоты плаши: IV, стр. 78—83, ст. 26—31, 56, 57, 87, 91, 159, 160, 170, 171.

Первые подвиги Чурилы съ дружиною въ царствѣ животномъ, на рѣкѣ Черегѣ: IV, стр. 78—81, ст. 14—91; Чурилы не знаютъ въ Кіевѣ: *тж.*, и стр. 81, ст. 92 — 94; одинъ только Бермята Васильевичъ (см. его) про него давно вѣдаетъ и разсказываетъ въ Кіевѣ: стр. 81, ст. 95—113; живетъ Чурила въ Маломъ Кіевцѣ, описаніе двора его, воротъ, богатствъ: ст. 100 — 113; ѣдутъ къ нему Владиміръ съ Апраксѣевной, князья-бояре, богатыри, Добрыня, Бермята, всего 500 человѣкъ: стр. 82, ст. 114 — 122; отецъ его Плѣнъ; трои ворота; угощенье въ отсутствіи Чурилы: стр. 82, ст. 123—144; Чурила подъѣзжаетъ ко двору своему, Владиміръ перепуганъ, Плѣнъ

успокоиваетъ: стр. 82, 83, ст. 145—166; Чурила въѣзжаетъ съ дружиною, передъ лицомъ его несутъ подсолнечникъ, впереди скороходъ: 83, ст. 167—182; Чурила богато даритъ князя и княгиню: стр. 83, 84, ст. 183 — 194; Владиміръ назначаетъ ему жить въ Кіевѣ и служить князю: стр. 84, ст. 195—199; Чурила не ослушался, пріѣзжаютъ всѣ въ Кіевъ: ст. 200 — 208; въ Кіевѣ онъ былъ счастливъ добръ: III, стр. 104, ст. 110; ср. выше дѣйствіе его красоты; завѣдуетъ у князя драгоцѣнными платьями, хранитъ золоту казну: III, стр. 78, ст. 293 — 299; въ спорѣ съ Дюкомъ (см. его) о богатствѣ и въ гостяхъ у него съ Владиміромъ: III, стр. 104, ст. 110—133; вѣстникомъ Апраксіи къ Каликамъ (побитъ ими): III, стр. 87, 88, ст. 98 — 120; служитъ стольникомъ: IV, стр. 85, ст. 230; постельникомъ у княженецкихъ постелей: стр. 86, ст. 14, 15; на этой службѣ заглядывается на него Апраксія (см. ее), и рѣшаетъ, что ему лучше быть позовщикомъ: ст. 14—20; у Владиміра позовщикомъ: стр. 84, 85, ст. 209—215; заходитъ къ старому Бермятѣ, замѣшкивается тамъ, ночью проникаетъ не смотря на часовыхъ, пируетъ съ Катериною Прекрасною (см. ее): стр. 85, ст. 216—222; Владиміръ это ни во что

кладетъ: ст. 223—226; по доносу сѣнной дѣвушки узнаетъ Бермята о гостѣ, допрашиваетъ жену, грозитъ ей казнію, съ Чурилой братуется: стр. 88—90, ст. 26—110; здѣсь измѣняютъ Чурилѣ извѣстная одежа его и очи: *тж.*; Бермята осрамленъ передъ всѣмъ народомъ, когда найдены по снѣгу слѣды Чурилы и старики узнали ихъ: стр. 87, 88, ст. 231—247; стр. 87, 88, ст. 9—18.

Служитъ въ сказкахъ, какъ «молодой богатырь,» Ивану Голю Воянскому: см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLII.

Ср. III, *Прилож.*, стр. V; всѣ же прочія подробности: IV, *Прилож.*, стр. LVIII—XCVI (объ его имени, значеніи, отношеніяхъ къ Чуру, Гермесу, и т. п.).

—

Гришка Боярскій, Боярскій сынъ: I, стр. 46, 47, ст. 7, 43; IV, стр. 7, 8, ст. 7, 42.

Его Описаніе. Рода боярскаго; потому хвастливъ; на боюдракѣ призахвастается: I, стр. 47, ст. 49 — 51; IV, стр. 8, ст. 49—51.

Стоитъ на богатырской заставѣ: I, стр. 46, 47; IV, стр. 7, 8.

Кравчимъ жилъ: I, стр. 46, ст. 10; IV, стр. 7, ст. 10.

—

Дворянинъ Бѣлая Палица: IV, *разн.*, стр. 24 и дал. (между Старшими богатырями); *Прилож.*, стр. XII; ср. Бѣлаго Полянина, Ивашку Бѣлую Эпанчу, Ивашку Бѣлую рубашку.

—

Глапитъ (Глапитъ?): IV, *разн.*, стр. 24 и дал. (между Старшими богатырями); *Прилож.*, стр. XII.

—

Өедоръ Лыжниковъ, сильный богатырь, вмѣстѣ съ Ильею въ службѣ у Ивана-дурака: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLII.

—

Екимъ Ивановичъ: II, стр. 70—78, ст. 5, 17, 21, 28, 42 и дал.; III, стр. 72 — 75, ст. 83, 86, 141—164, 206, 207.

Молодой: II, стр. 70 — 78, ст. 5, 42, 51; III, стр. 72, ст. 83. — Богатырь: II, стр. 70, ст. 6 и дал. — Въ грамотѣ поученый человѣкъ: II, стр. 70, ст. 18.—Пугливъ: II, стр. 73, ст. 126—129.

Братецъ, родимый братецъ (названый?) Алеши Поповича: II, стр. 70, 74, ст. 17, 29, 144.—Съ Алешей они оба изъ Ростова: II, стр. 70, ст. 1 — 5. — Ѣздили съ Алешей плечо о плечо, стремя-

но въ стремяно: II, стр. 70, ст. 6, 7; служилъ Алешѣ: III, стр. 72, ст. 83, 84.—По ошибкѣ чуть не убилъ Алешу: II, стр. 74, ст. 139—144.

Съ Алешей прибылъ изъ Ростова въ Кіевъ, принятъ Владимиромъ, спасъ Алешу отъ удара Тугарина: II, стр. 70—78.

Товарищъ и паробокъ Дуная въ поѣздкѣ его за невѣстою Владиміру; осью телѣжною побилъ силу грознаго короли Етмануйла: III, стр. 72—75, ст. 82—211.

Ср. Марка Паробка и Торопку.

Марко паробокъ: прислужникъ Василья Казиміровича и Добрыни въ поѣздѣ къ Батыю съ данями: II, стр. 84—88, ст. 20, 153.—Ср. Екима Ивановича и Торопа.

Торопъ, Торопко, слуга Добрыни: II, стр. 79, *разн.*; *Прилож.*, стр. IX, X. — Слуга Алеши (или Александра) Поповича: II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX (лѣтопись; гибнетъ при Калкѣ; участвуетъ въ войскѣ Константина Ростовскаго и Ярославскаго). — Ср. Екима Ивановича и Марка паробка («Торопка» вѣроятно передѣлано изъ «паробка» или на оборотъ).

—

Усмошвецъ, Семенъ-швецъ, Никита Кожемяка.

По лѣтописи, преданіямъ и сказкамъ, богатырь Кіевскій при Владимірѣ: IV, *Прилож.*, стр. CXL—CXLIII.

*

Богатыри скученные.

Мужики Залѣшана. Вокругъ Владиміра, въ ряду Старшихъ богатырей: I, стр. 45, ст. 148.

Никита: IV, стр. 44, ст. 203 (въ ряду старшихъ богатырей, на Дунай-рѣкѣ); стр. 47, 48, ст. 18, 28, 30, 35, 42; стр. 50, 51, ст. 48, 50, 70; **Никитушка:** IV, стр. 47, 48, ст. 33, 34, 40, 41, 47, 55; стр. 51, ст. 58.—**Ивановичъ:** IV, стр. 51, ст. 70. —**Залѣшанинъ, Заолѣшанинъ:** IV, стр. 47, 48, ст. 18, 30, 55; *разн.*, стр. 24, 27, 31, 32, 35, 36.

Дворянинъ: IV, *разн.*, стр. 24, 27, 31, 32, 35, 36.—Богатырь: IV, *разн.*, стр. 35.—Между Старшими богатырями: IV, *разн.*, стр. 24—38; стр. 44, ст. 203.— Въ битвѣ держитъ съ Алешей руку лѣвую: IV, стр. 44, ст. 203.

Неизвѣстенъ Кіевскимъ богатырямъ вокругъ Владиміра, и Илья, желая, чтобъ его не узнали, выдаетъ себя за Никиту: IV, стр. 46 — 49, № 7. —

Онъ незнамъ человѣкъ: IV, стр. 49, ст. 2.—Въ числѣ заѣзжихъ молодцовъ: IV, стр. 50, ст. 31, 32.—Пришелъ служить Владиміру: IV, стр. 50, ст. 33—36. — Не боится ни Татаръ, ни Кіевскихъ богатырей: IV, стр. 50, ст. 37—47.—Что поднесутъ, положитъ въ карманъ: IV, стр. 51, ст. 56, 57. — Наводитъ на всѣхъ ужасъ: IV, стр. 51, ст. 57 — 77.

Въ числѣ другихъ богатырей, въ походѣ изъ Кіева на Царьградъ: IV, *разн.*, стр. 21—38 (занимаетъ здѣсь второе мѣсто, послѣ Ильи Муромца), при чемъ взяты живьемъ Идолъ Скоропитъ и Тугаринъ.—Степеннѣе Алеши и старается поправить его ошибки: IV, стр. 31, *разн.* — На рѣчи выставляется впереди другихъ: IV, *разн.*, стр. 31, 32.— Выбирается посломъ отъ другихъ богатырей къ Владиміру: IV, *разн.*, стр. 35, 36.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XVII—XCVIII—CII.

Ср. Михайлу Казарянина, Королевичей изъ Крякова, Збродовичей и Дюка.

—

Братья Збродовичи, Збородовичи.

Семь ихъ: I, стр. 45, ст. 147 (между Старшими богатырями, вокругъ Владиміра).

Два брата: II, стр. 67—69, № 3. — Два **Петровича:** стр. 67 — 69, ст. 13, 49, 79. — На пиру у Владиміра: II, стр. 67, ст. 1 и дал.

Хвастаютъ сестрою, Натальею или Настасьей Збродовичной (см. ее); по вызову Алеши (ср. его), испытываютъ ее, убѣждаются въ виновности, хотятъ убить, но, по предложенію Алеши, отдаютъ ему въ замужество: II, стр. 67 — 69, № 3; то же, убиваютъ ее: II, стр. 64—67, № 1 и 2.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XIX, XX; XCVIII—CII, CXXXIV.

Ср. Михайлу Казарянина, Королевичей изъ Крякова, Залѣшанъ и Дюка.

—

Королевичи изъ Крякова, Лука и Петръ Петровичи: IV, *Прилож.*, стр. XX, XCVIII—CII; CXXXIV; ср. Михайлу Казарянина, Збродовичей, Залѣшанъ и Дюка.

—

Притченки: IV, стр. 63, ст. 129.

—

Хапилонки: IV, стр. 63, ст. 129.

Въ Кіевѣ нарочны борцы, удалы молодцы, семѣ борцовъ: IV, стр. 63, ст. 127—130 и дал.

Два брата Хапиловы: I, стр. 45, ст. 149 (между Старшими богатырями вокругъ Владиміра).

—

Сёма: I, стр. 24, ст. 37; III, стр. 26, ст. 226; стр. 91, ст. 58.

Спиря: I, стр. 24, ст. 38; III, стр. 26, ст. 225; стр. 91, ст. 57.

—

Ср. IV, *Приложж.*, стр. XIX, XX.

*

Богатыри заѣзжіе.

Дюкъ Степановичь или **сынъ Степановичь**: III, стр. 100, ст. 5; стр. 101 — 105, ст. 7 и дал.; **Степановъ**: III, стр. 103—106, ст. 94 и дал.

По прозванью Боярской сынъ: III, стр. 101, ст. 8; молодой: III, стр. 101, ст. 7.

Имѣлъ матушку вдову: см. ее.—Особенный конь Бахматъ, особенныя стрѣлы, особенный лукъ: III, стр. 100 — 103, ст. 6—27, 9—73.

Изъ Волынца Галичья, изъ (за) Карелы богатыя, пріѣхалъ ко Владиміру въ Кіевъ, принятъ и угощенъ, разсказалъ о своемъ богатствѣ, спорилъ съ Чурилою, брезгалъ угощеньемъ, принялъ у себя дома, удивилъ богатствомъ и одарилъ Владиміра съ князьями-боярами и богатырями: III, стр. 100—106, № 1 и 2.

Ср. Чурилу; Михайлу Казарянина, Королевичей изъ Крякова, Збродовичей и Залѣшанъ.

Ср. III, *Приложж.*, стр. VI, VII; IV, *Приложж.*, стр. XCI, XCII.

—

Михайло: IV, стр. 91—99, ст. 6—266.—**Петровичь**: IV, стр. 93 — 99, ст. 63 — 267. — **Казарянинъ**: IV, стр. 91—99, ст. 6—266.

Душа, младъ: IV, стр. 93—99, ст. 63—267.—Богатырь: IV, стр. 93, ст. 68 и дал.

—Родомъ изъ далеча Галичья (Галицкой Руси), изъ Волынца города изъ Галичья (съ Волыни): IV, стр. 91, 97; ст. 1, 2, 191.—Сынъ гостя: IV, стр. 97, ст. 190—196.—Имѣлъ матушку: ср. ее и IV, стр. 97, ст. 199 — 201. — Сестру Марѳу Петровичну: см. ее.

Выѣхалъ изъ дому къ Кіеву, чтобъ помолиться Чудотворцамъ въ Кіевѣ, поклониться князю Владиміру, послужить ему вѣрой и правдою, по заочью не измѣною; пріѣхалъ, принятъ ласково; получилъ урокъ—настрѣлять птицъ къ столу княжескому; на охотѣ встрѣтилъ вѣ-

щаго ворона, который указалъ ему на Русскую полонянку въ рукахъ Татаръ; напустился, Татаръ побилъ, въ полонянкѣ узналъ родную сестру Мароу (ср. ее), свободилъ ее и съ богатой добычей вернулся въ Кіевъ; угодилъ особенно Владиміру привезенными тремя Татарскими конями: IV, стр. 91—99.

Ср. Алешу Поповича, Королевичей изъ Крякова, Збродовичей, Залѣшанъ и Дюка.

Ср. IV, *Приложс.*, стр. XCVIII — CII.

Соловей Будимировичъ, сынъ Будимировичь: IV, стр. 100—107, ст. 12—261.

Славный гость, богатый: IV, стр. 100—106, ст. 11—233.—Купавъ: IV, стр. 100, ст. 41 и *прим.*—Молодой, молодецъ: всюду въ означенныхъ мѣстахъ.—Сударь: IV, стр. 101, ст. 54, 57.

Изъ за моря синяго, отъ царя заморскаго (изъ царства заморскаго), отъ славнаго города Леденца: IV, стр. 99, 106, ст. 5—8, 210, 211.—Имѣлъ матушку, честну вдову Амелоу Тимоееевну: см. ее.

Между множествомъ кораблей его особенно славенъ Соколъ (его описаніе): IV, стр. 100, 106, ст. 14—40, 230.

Въ товарахъ его особенно славны были замыслы Соловья (придуманное имъ искусство производства): IV, стр. 101, 102, ст. 61, 87.

Игралъ въ звончатыя гусли: IV, стр. 104, 105, ст. 166, 179.—Видѣнъ былъ по поступкамъ: IV, стр. 107, ст. 249.

Прибывши изъ за моря въ Кіевъ, расположилъ князя съ княгинею дорогими подарками; выпросилъ мѣсто себѣ въ саду у княжеской племянницы Запавы Путятишны (см. ее), построилъ тамъ дивные терема и удивленную Запаву скоро сосваталъ за себя, обмѣнявшись перстнями; но провѣдавшая мать его велѣла прежде съѣздить за моря и расторговаться; въ отсутствіе Соловья, Давидъ Поповъ (см. его), скорѣе вернувшійся изъ поѣздки, налгалъ, что видѣлъ, какъ Соловей попался за моремъ въ протаможье; Запаву выдали за Давида, сидятъ за свадебнымъ столомъ; какъ разъ вернулся Соловей, съ товарищами переодѣлся каликами, принятъ на пиру, скоро узнанъ, Запава бросилась къ нему, Давидъ посрамленъ, Владиміръ — прежде того огорченный вѣстью о Соловьѣ — повеселѣлъ: IV, стр. 99—107.

Ср. IV, *Приложс.*, стр. VII, CII, CXXXV.

Богатырь Младшій, Позднѣйшій.

Ермакъ Тимоѳеевичъ: I, стр. 61—66, ст. 102—283.

Молодой: I, стр. 61 — 65, ст. 103 и дал. — Племянникъ Ильи Муромца: I, стр. 61, 65, ст. 102, 136, 271.

Борется съ Мамаемъ за Кіевъ: I, стр. 62, ст. 154—162. — Борется съ Бабищей Мамаишной и по указанію Ильи одолѣваетъ ее: I, стр. 65, 66, ст. 247—283.

Не послушенъ зову Старшихъ богатырей, отдѣляется отъ нихъ: I, стр. 61, 62, ст. 135—139. — Выбивается безъ нихъ изъ силъ и спасается Ильею: I, стр. 62, 65, ст. 162, 264 — 273 и дал. — Тѣшится съ Ильею въ гостяхъ у нихъ: I, стр. 64, ст. 213—225. — Отношенія къ Старшимъ богатырямъ: ср. IV, *Прилож.*, стр. XIII, CXLIX, CL.

КАЛѢКИ ПЕРЕХОЖІЕ.

Иванище: IV, стр. 18, 21, ст. 5, 6, 7, 85, 87.

Сильный (прозвище): IV, стр. 18, 21, ст. 5, 85.

Калика перехожая, со всѣми обычными прозвищами, признаками и свойствами: IV, стр. 18 — 21, № 4.

Силы въ немъ вдвое противъ Ильи, а смѣлости нѣтъ и въ половину: IV, стр. 21, ст. 87, 88.

Идетъ изъ Кіева, попадается Ильѣ, передаетъ ему вѣсти, ссужаетъ платье, клюку, и прочее: IV, стр. 19, ст. 11—19.

—

Данило: IV, стр. 22, 23, ст. 7, 11, 13, 19, 31, 33, 39. —

Игнатьевичъ: IV, стр. 22, 23, ст. 7, 11, 13, 19, 31, 33.

Братанъ (братъ названый) Ильѣ: IV, стр. 22, ст. 14 и дал.

Калика перехожая, со всѣми обычными прозвищами, признаками и свойствами: IV, стр. 22—38, № 5.

— Прежде былъ богатырь, а теперь «голова стала при старости, нога за ногу запинается, рука за руру заплетается:» IV, стр. 23, ст. 32—37.

Идетъ изъ Ерусалима, попадается Ильѣ, передаетъ ему вѣсти, ссужаетъ платье, клюку, и прочее: IV, стр. 22, ст. 14 и дал.

Ср. его выше, въ Богатыряхъ.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XI.

—

Никита: IV, *разн.*, стр. 26.

Родомъ Карачевецъ: IV, *разн.*, стр. 26.

Атаманъ Калѣкъ перехожихъ, описанный какъ Калѣка: IV, *разн.*, стр. 26, 27.

Встрѣчается богатырямъ Кіевскимъ по дорогѣ изъ Царяграда, передаетъ вѣсти, ссужаетъ платье, и проч.: IV, стр. 26, 27, *разн.*

—

Ср. выше Потока или Потыка, подъ разными именами, и его брата.

*

ЛИЦА ПРИ БОГАТЫРЯХЪ

Родственныя или близкія, отцы-матери, сестры, невѣсты, жоны, дѣти, тестья, тетки, матери крестовыя, дядьки, помощники, или въ какой либо связи, или только встрѣчныя, сходныя, а иногда и совсѣмъ стороннія, лишь упоминаемыя, также богатыри, поляницы, князья, и прочіе внѣ Кіева, безо всякого съ нимъ дѣла, сами по себѣ, изъ времени древнѣйшаго или позднѣйшаго, но — не прямые враги.

Тесть Владиміра.

а) **Етмануйло Етмануйловичъ**, грозный король, любимый тесть Владиміра: II, стр. 18, 19, 22, ст. 19, 20 и дал.; III, стр. 71—75, ст. 37—198; IV, стр. 61, 62, ст. 75, 102.—У него кудри черныя: III, стр. 73, ст. 120.

б) Король Ляховинскій: III, стр. 54, 55, ст. 61, 69, 92, 96, 97, 105; стр. 58—65, ст. 4 и дал. — Въ землѣ Ляховинской: III, стр. 54, ст. 60;—въ Литвѣ: стр. 58 — 63, ст. 3 и дал.;—въ Золотой Ордѣ (смѣшано): стр. 71—75, ст. 37 и дал.; IV, стр. 61, 62, ст. 74, 91, 95, 101: то же.

У него двѣ дочери, одну сосваталъ и вывезъ въ Кіевъ Дунай за Владиміра, другую взялъ за себя, живши прежде у короля 9 или 12 лѣтъ: III, стр. 54, 55, ст. 60—115; стр. 58—66, ст. 3—199; стр. 71—75, ст. 37—198.— Не хотѣлъ было отдавать дочь за Владиміра и принужденъ Дунаемъ: III, стр. 65, 66, ст. 176—197; стр. 73—75, ст. 107—198.

Ср. Владиміра, Апраксію, Дуная и жену его, Добрыню.

—

Иванъ Тимоѳеевичь, отецъ Ильи Муромца: I, стр. 25, ст. 5—17; стр. 34, 35, ст. 1—18, 42, 43 (даетъ Ильѣ особую заповѣдь); старой хресьянинъ: стр. 34, ст. 12; IV, стр. 2, ст. 20—42; старикъ: I, стр. 77, ст. 3 и дал. Ср. *Прилож.*, стр. IV, XVII.

—

Ефросинья Яковлева, мать Ильи Муромца: I, *Прилож.*, стр. XXXII (преданіе).

—

Савишна, жена Ильи Муромца: I, стр. 57, ст. 34—36. —Бьется съ Тугариномъ вмѣсто мужа (смѣшана вѣроятно съ женою Данилы или Ставра): I, стр. 57, 58, ст. 34—65; ср. Илью.

—

Отецъ Добрыни.

Микита Романовичь: II, стр. 4, 5, ст. 25—28 (умеръ старикомъ, оставивъ Добрыню малолѣтнымъ; жена его Тимоѳеевна).

Никита, Рязанецъ, богатый гость, долгаго вѣку: II, стр. 49, ст. 1—11 (умеръ старикомъ, оставивши жену Амелѳу Тимоѳеевну и малолѣтнаго Добрыню).

Ср. выше князей-бояръ.

—

Мать Добрыни.

Афимья Александровна: II, стр. 2, ст. 24; стр. 14, ст. 18; стр. 19—21, ст. 58 и дал.; стр. 40, ст. 3; стр. 57, 58, ст. 149, 169.

Афимья Ивановна: II, *Прилож.*, стр. XIV, XV (сомнительно).

Тимоѳеевна: II, стр. 4—8, ст. 6, 15, 23, 33, 102, 116, 135, 142, 151 (мужь ея Микита Романовичь).

Мамелѳа Тимоѳеевна: II, стр. 34, ст. 405, 408; **Амелѳа Тимоѳеевна:** II, стр. 49, 50, ст. 8 и дал. (мужь ея Рязанецъ Никита, богатый гость).

Вдова: II, стр. 2, ст. 24, 30, 31; 3, ст. 22, 23; 4, 5, ст. 25—28; 14, ст. 18; 19, ст. 58 и дал. (матера вдова); стр. 34, ст. 405, 408 (честна, пречестна вдова); стр. 40, ст. 2 (молода вдова: во время малолѣтства Добрыни); стр. 49, 50, ст. 8, 23 (матера жена, вдова многоразумная); стр. 57, 58, ст. 149 169 (честна вдова).

Княгиня: II, стр. 5—8, ст. 6 и дал.

Особенно любима была сыномъ: см. Добрыню.—И сама особенно любила Добрыню, и частенько по немъ плакивала: ср. II, стр. 15, ст. 42—47; 31, ст. 286—292; 35, ст. 442; 39, ст. 565—577; 58, ст. 172—179.—Учила Добрыню грамотѣ и писать: II, стр. 49,

ст. 12—15.—Жила въ Кіевѣ, ходила въ гости ко Владиміру: см. его и II, стр. 52, 53, ст. 103 и дал.; 57, 58, ст. 146 и дал.—Пока Добрыня уѣзжалъ, она сдѣлалась старехонька: II, стр. 21, ст. 118.—Ср. княгинь-боярынь.

—

Жена Добрыни.

Настасья: II, стр. 3, ст. 27; 17, ст. 14, 15, 17; 20—22, ст. 64 и дал.; 30, ст. 237, 241; 31—40, ст. 295 и дал.

Микулишна, Никулична: II, стр. 11, 13, ст. 14, 69; 20—22, ст. 64 и дал.; 30, ст. 237, 241; 31—40, ст. 295 и дал.

Настасья Гурьишна (испорчено изъ Микулишна): II, стр. 17, ст. 14—16.

Акулина Микулишна: II, стр. 11—14, ст. 14 и дал., № 6 (Окулинушка).

Памельѳа Тимоѳеевна: II, стр. 5, ст. 41.

Аграфена Григорьевна: II, стр. 14—16, ст. 7 и дал.

Въ дѣвушкахъ полевала въ чистомъ полѣ: паленица, женщина великая; ежели попадался богатырь старый, рубила голову, а молодаго въ полонъ брала: II, стр. 29, 30, ст. 200—252.

Встрѣчаетъ Добрыню въ полѣ, какъ паленица, побиваетъ, сажаетъ въ карманъ, и, когда понравился, рѣшается за него выйти: II, стр. 29, 30, ст. 200—249.

Выходитъ за Добрыню: II, стр. 11, ст. 12—16 (когда онъ былъ двѣнадцати лѣтъ); стр. 30, ст. 250—252 (въ Кіевѣ).

Получаетъ заповѣдь при прощаніи съ мужемъ, когда онъ уѣзжалъ: II, стр. 3, ст. 25—31; 5, ст. 39—52; 11, 12, ст. 27—35; 15, ст. 37—41; 17, ст. 15—25; 20, ст. 76—85; 31, 32, ст. 293—312.

Упорно и долго ждетъ мужа, потомъ, обманутая, напуганная и соблазненная выдана за Алешу Поповича: II, стр. 5, 6, ст. 53—64; 12, ст. 36—54; 15, 16, ст. 48—55; 17, ст. 28—31; 21, ст. 100—107; 32, 33, ст. 313—369.

Хоть и выдана за Алешу, но онъ былъ ей немилъ: II, стр. 16, ст. 87.

Узнаетъ Добрыню на свадебномъ пиру, бросается къ нему, молитъ о прощеніи, получаетъ: II, стр. 9, ст. 187—194; 13, 14, ст. 73—112; 16, ст. 82—88; 22, ст. 163—169; 38—40, ст. 531—551, 588—590.

Смѣшана по имени со старшею сестрою Василисою Микулишной (ср. ее), женою Данилы: III, стр. 29—32, ст. 27 и дал.

Отношенія ея къ Василисѣ: IV, *Прилож.*, стр. CLXIV, CLXXII, CLXXIII.

Ср. Добрыню.

—

Катерина Никитишна: II, стр. 45—48, ст. 15 и дал.

Сестра Добрыни: ср. его и II, стр. 43, ст. 86; 45—48, ст. 8 и дал.—Старше его: II, стр. 45, 46, ст. 8, 14, 47.

Уговариваетъ брата не жениться на Маринѣ (ср. ее): II, стр. 45, ст. 8—13.—Спасаетъ брата, пугая Марину и дѣйствуя на нее чарами: II, стр. 43, ст. 86—97.

Умѣла оборачивать (въ оборотня): II, стр. 43, ст. 90, 91; 46, 48, ст. 56, 106;—и сама оборачиваться: II, стр. 46, ст. 49, 50.

—

Марья Дивовна: II, стр. 52, 53, ст. 99, 137.

Родная, любимая тетка Добрыни (ср. его), сестрица Владиміра (ср. его) или матери Добрыниной (?): II, стр. 52, 53, ст. 98, 106, 124, 125, 130, 132, 137.

Была въ плѣну у Змѣища Горынчища (ср. его) и освобождена Добрынею: II, стр. 52, 53, ст. 97—137; тождество въ семъ случаѣ съ Мариною: см. ее и IV, *Прилож.*, стр. CLXXX.

Ср. выше княгинь-боярынь вокругъ Владиміра.

—

Анна Ивановна: II, стр. 57, 58, ст. 150, 174, 180, 183. —

Настасья Ивановна: II, *Приложж.*, стр. XV, XVI (сомнительно).

Добрынина матушка крестовая, любимая кумушка его матери: II, стр. 57, 58, ст. 151, 171, 173, 176; ср. оба эти лица.

Молодая: II, стр. 57, 58, ст. 150, 174, 183.—Честна вдова: II, стр. 57, ст. 150.

Жила въ Кіевѣ, хаживала на вечеринки ко Владиміру: II, стр. 57, 58, ст. 146 и дал.; ср. его и княгинь-боярынь вокругъ.—Считаетъ себя въ Кіевѣ хитрѣе и мудрѣе Марины: II, стр. 58, ст. 190. — Но не хвастается на пиру: II, стр. 58, ст. 191.—Умѣла оборачивать (въ оборотня): II, стр. 58, 59, ст. 192—194.—Бьетъ и напугиваетъ Марину, тѣмъ спасаетъ крестника: II, стр. 58, 59, ст. 185—194; ср. Добрыню и Марину.

—

Микула Микитичь, отецъ Добрыниной жены (см. ее), тесть Добрыни (см. его): II, *Приложж.*, стр. XVI, XVII.

Микула (Селяниновичь) въ сказкахъ какъ Иванъ Голь Воянскій, въ шутку и на выворотъ: III, *Приложж.*, стр. XXII, XXIII; см. Ив. Г. В. — Въ сходствѣ съ Иваномъ-дуракомъ,

Големъ Воянскимъ (ср. ихъ), Өомою Беренниковымъ, Мужичокъ-кулачокъ, съ ноготокъ, борода съ локотокъ, Микулка Четвертной: IV, *Прилож.*, стр. CLII—CLIV.

Сотоварищъ и помощникъ Ивана-богатыря: см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXII—CLXXIII.

—

Өедоръ, отецъ Алеши Поповича (ср. его), старый попъ соборный въ Ростовѣ: II, стр. 75, 76, ст. 171, 172, 237, 238; 82, ст. 80, 83, 84; кромѣ Алеши имѣлъ еще дочь и (вѣроятно) сына Екима Ивановича: ср. эти лица.

—

Сестра Алеши (см. его), дочь попа Ростовскаго, спасенная братомъ отъ Татаръ: II, стр. 81, 82, № 1.

—

Дочь Гостиная, бѣжавшая отъ Алеши Поповича (ср. его), разъѣздная, походная красна дѣвица: I, стр. 5.—Встрѣчается, бѣжавши, съ Ильей (ср. его): *тж*.

Ср. Сестру Михайлы Казарянина, Жену Дуная, Дарью Збродовичну, сестру Збродовичей Наталью или Настасью, Апраксію, также IV, *Прилож.*, стр. XCVIII, XCIX.

—

Наталья или **Настасья Збродовична, Збородовична,** сестра братьевъ Збродовичей (см. ихъ): II, стр. 68, 69, ст. 25, 39, 59, 65, 74, 80, 85.

Бережется братьями, которые ею хвастаютъ, но обличается хвастовствомъ Алеши Поповича (см. его), испытывается братьями, готовится къ смерти, но спасается Алешею, который беретъ ее за мужъ: II, стр. 67—69, № 3; то же испытаніе, но убивается братьями: стр. 64—67, № 1 и 2.

Ср. Жену Дуная, Дарью Збродовичну, Апраксію, сестру Алеши Поповича и Михайлы Казарянина, также IV, *Прилож.*, стр. XCVIII, XCIX.

—

Василій Ивановичъ, грозенъ посолъ: IV, стр. 61, 62, ст. 63, 96, 110 и дал.—Образецъ (типъ) посла: ср. Василья Казиміровича или Игнатьевича.

—

Невѣста Ивана Годиновича.

а)

Авдотья, Лебедь Бѣлая: III, стр. 11 — 19, ст. 67 и дал.; **Авдотьюшка:** III, стр. 13 — 18, ст. 137 и дал.

Дочь царя или короля Черниговскаго: ср. его и III, стр. 11—15, ст. 66 и дал.

Просватана у отца за Одолища поганаго (ср. его) изъ невѣрной орды, но скоро сдалась, упрекнувъ отца, Ивану Годиновичу (ср. его), скоро же передалась Одолищу и за то убита Иваномъ: III, стр. 13—19, ст. 137 и дал.

Ея описаніе. Ростомъ не мала, умомъ — по однимъ крѣпка, по другимъ (и въ дѣйствительности) слаба, лицо бѣло какъ осенній снѣгъ, брови черны какъ у соболя, очи ясны какъ у сокола; на головкѣ бѣлы лебеди, на лѣвомъ плечѣ черны соболи, на правомъ ясны соколы, на прошестяхъ (въ станкѣ) сизы голуби, на подножкахъ черны вороны: III, стр. 11, 14, ст. 68—80, 161—165.

б)

Настасья Дмитревна: III, стр. 21 — 27, ст. 41, 42 и дал. Душка: III, стр. 23—27, ст. 121 и дал.

Дочь Дмитрія богатаго гостя Черниговскаго: ср. его и III, стр. 21—24, ст. 37 и дал.

Просватана у отца за царя Афромея Афромеевича (ср. его) въ землю Загорскую, но увезена Иваномъ Годиновичемъ (ср. его), однако передалась Афромею и за то убита Иваномъ: III, стр. 21—27, ст. 41—266.

Димитрій Гость: III, стр. 20—24, ст. 20, 35, 37, 65, 113, 117, 119, 122, 137, 144.

Богатый: III, стр. 20—23, ст. 20, 113, 117, 122.—Славный: III, стр. 24, ст. 144.

Живетъ въ Черниговѣ: III, стр. 20, ст. 19 и дал., № 2. — Не уважаетъ Владиміра: III, стр. 21, ст. 37 и дал.

У него дочь Настасья (ср. ее), которую просваталъ было за царя Афромея (ср. его) изъ земли Загорской, но приневоленъ отдать за Ивана Годиновича: ср. его и III, стр. 21 — 24, ст. 37—151.

Ср. Короля или Царя, Владыку, Воеводу Черниговскаго.

Королевна Труда (Гертруда?): IV, *Прилож.*, стр. XLV; въ сказкѣ, невѣста Ивана-богатыря, подъ именемъ Силы-царевича: ср. его.

Елена Прекрасная, сестра Ивана-богатыря (Ивана-царевича), сопровождающая его въ переходахъ, подъ конецъ ему враждебная (по сказкамъ; иногда невѣста Ивана): III, *Прилож.*, стр. XXV, XXVI; IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLXIV — CLXXI; CLXXVI; ср. Ивана-богатыря.

—

Марья Царевна, сестра Ивана-богатыря (Ивана царевича): III, *Прилож.*, стр. XII; IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLX; ср. Ивана-богатыря.

—

Выславъ, отецъ Ивана-царевича: ср. его и III, *Прилож.*, стр. XXXI, XXXII.

—

Булатъ молодецъ, помогающій за благодѣяніе Ивану-богатырю: см. сего послѣдняго (по сказкамъ).

—

Никаноръ-богатырь, помогающій Ивану-богатырю (ср. его; по сказкамъ): IV, *Прилож.*, стр. CXI, CLXII; ср. Анику Воина.

—

Катома-дядька, Дубовая Шапка, помогающій Ивану-богатырю (ср. его; по сказкамъ): IV, *Прилож.*, стр. XLVI, CLVI, CLXII.

—

Морозъ-Трескунъ, Объѣдало и Опивало, Вихорь Вихрѣвичъ, Громъ, Градъ, товарищи и помощники Ивана-богатыря въ его переходахъ (ср. его: сказки): IV, *Прилож.*, стр. CLVII, CLVIII.

—

Кручина (по сказкамъ, въ былинахъ—Горе), также помощникъ Ивана: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLIX.

—

Ерусланъ или Еруслонъ Лазаревичъ.—Его дѣло съ Иваномъ-Русскимъ-богатыремъ и Иваномъ Бѣлою Епанчею: ср. ихъ и III, *Прилож.*, стр. XII — XVI (сказка). — Въ службѣ у Ивана—Голя Воинскаго: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLII.

—

Бова Королевинъ сынъ, Королевичъ. — Въ службѣ у Ивана—Голя Воинскаго (ср. его; по сказкамъ): IV, *Прилож.*, стр. CLII. — Въ связи съ нѣкоторыми Русскими богатырями и особенно сказочнымъ Иваномъ: ср.

его и *тж.*, стр. CLXXXIII — CXCIII.—Тамъ же смотри Дружневну и прочія связанныя съ Бовою лица.

—

Жена Дуная.

Дарья Бродовишна (Збродовична): III, стр. 56, ст. 16.

Настасья королевична: III, стр. 59 — 69, ст. 10 и дал.; 71—80, ст. 40 и дал.

Меньшая дочь короля Ляховинскаго (ср. его), сосватанная Дунаемъ (ср. его) при случаѣ, когда сосваталъ онъ старшую за Владиміра (ср. его): III, стр. 54, 55, ст. 69 — 109; старшая дочь того же короля и старшая сестра Апраксіи, жены Владиміровой (ср. ее); полюбила Дуная, когда онъ жилъ въ службѣ у ея отца; когда онъ ею разхвастался и погибъ было, спасла его; ѣздила все во чисто поле поляковать, взята Дунаемъ съ бою: III, стр. 59—67, ст. 10—245; старшая дочь грознаго короля Етмануйла Етмануйловича (ср. его) и сестра Апраксіи, взята Дунаемъ съ бою: III, стр. 71—77, ст. 40, 214—267.

Оскорбила мужа на пиру, похвасталась своею меткою стрѣльбой, поздно спохватилась просить прощенья, убита опьянѣвшимъ мужемъ, по смерти же въ распоротомъ животѣ у нея найдено дивное дитя (по нѣкоторымъ двое дѣтей): III, стр.

55, 56, ст. 116—137; 56—58, ст. 15 — 63; 68, 69, ст. 252 — 284; погибла также точно по хвастовству сестры Апраксіи: стр. 78—80, ст. 311 и дал.

Ср. сестру Збродовичей, Наталью или Настасью, сестру Михайлы Казарянина и Алеши Поповича, Апраксію, также IV, *Прилож.*, стр. XCVIII, XCIX.

—

Сынъ Дуная (ср. его).

Удалъ молодецъ; родился преждевременно, когда отецъ распоролъ его матери утробу; а если бъ доносить еще три часа, то сынъ былъ бы въ семь семерицъ попрыжѣе и полутче самого Дуная: III, стр. 80, ст. 372—377.

—

Жена Потока или Потыка.

а)

Авдотья: IV, стр. 54 — 58, ст. 73 — 231; **Авдотьюшка:** IV, стр. 53—56, ст. 53—162.— **Лиховидьевна:** IV, стр. 53—58, ст. 53—231.

Лебедь Бѣлая: IV, стр. 53, ст. 36—55; 54, ст. 81.

Ср. Потока или Потыка и IV, *Прилож.*, стр. XXXI — L (сказки о ней, гдѣ она, между прочимъ, подъ именемъ королевны Труды, ср. сію послѣднюю).

Изъ Лебеди Бѣлой обернулась душой красной дѣвицей, полюбилась Потоку, положила съ нимъ зарокъ—кто прежде умретъ, обоимъ лечь въ могилу, полетѣла Лебедью къ Кіеву, перегнала Потока, послѣ вечерни вѣнчались тамъ и снова приняли присягу на зарокъ, жила съ Потокомъ въ первый разъ только полтора года, искала мудрости надъ мужемъ своимъ — какъ бы погубить его, обмерла, погребена вмѣстѣ съ живымъ мужемъ, тамъ спасена мужемъ отъ змѣя и головою его воскрешена, еретница, святой водой поновлена, и во второй разъ жила съ Потокомъ до смерти его, а тогда живая погребена съ мужемъ: IV, стр. 53—59, ст. 35—232.

б)

Анна Прекрасная Королевна, вторая (очищенная) жена Потыка: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. XXXIX—XLVII (иногда Настасья), CLXXX.

Она же Богатырь-Дѣвица, Царь-дѣвица, невѣста Ивана, дѣйствующая одинаково съ Волшаномъ (ср. его), по волшебной книгѣ, потомъ (по укрощеніи) жена Ивана (сказки): ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLV—CLVII, CLIX, CLXX, CLXXI.

Родство ея съ Василисой Премудрой (ср. ее; двѣ половины одного существа): IV, *Прилож.*, стр. CLXIII—CLXXX.

—

Василиса Микулишна: III, стр. 33—38, ст. 53 и дал.; IV, стр. 62, ст. 112.

а)

Жена Данилы (Ловчанина, Денисьевича; см. его): III, стр. 29—32, ст. 26 и дал.; 33—38, ст. 50 и дал.

Грозная (прозвище): III, стр. 29—31, ст. 27, 60, 69, 115, 116, 122. — Ея описаніе. Есть съ кѣмъ думу подумати, слово промолвити, есть кѣмъ при пиру при бесѣдушкѣ похвалитися, есть кому поклонитися: III, стр. 29, ст. 19—31; не нахаживали такой красавицы, не видывали такой пригожицы, лицомъ красна и умомъ сверстна, Русскую умѣла больно грамоту и четьюпѣтью горазда церковному; есть кого назвать матушкой и величать государыней: стр. 33, ст. 50—58.

Передѣвалась молодцомъ, ѣздила въ полѣ (поляницей): III, стр. 35, ст. 107—109. — Не гнѣвалась на грубыя слова мужа: III, стр. 35, ст. 129.—По ней, когда умерла, плакали богатыри: III, стр. 38, ст. 212. — Звали ее матушкой: III, стр. 38, ст. 215.

Изъ за нея Владимiръ (ср. его) губитъ мужа ея, хочетъ ее

взять за себя, но она, не измѣняя любви, убиваетъ себя надъ тѣломъ мужа: III, стр. 29—32, ст. 23 и дал.; 32—38, ст. 50 и дал.

Смѣшана съ Настасьею Микулишной, женою Добрыни: ср. ее и III, стр. 29—32, ст. 27 и дал.

Ср. III, *Прилож.*, стр. III (по сказкамъ, Василиса Попова, Василиса Прекрасная, Василиса Золотая Коса); IV, *Прилож.*, стр. XVI, XVII.

б)

Молодая Ставрова жена: IV, стр. 60—68, ст. 48, 50 — 259: ср. Ставра. —

Ея описаніе. По двору идетъ — будто уточка плыветъ, а по горенкѣ идетъ — частенько ступаетъ, а на лавицу садится — колѣнца жметъ, ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, носила перстни: IV, стр. 62, 63, ст. 114—118 и *прим.* — Волосы черные: IV, стр. 62, ст. 58 и *прим.*

Узнавши, что мужъ ея, Ставръ, посаженъ въ Кіевѣ въ тюрьму, а ее велѣно взять ко Владиміру (ср. его), остригла волосы, одѣлась грознымъ посломъ (ср. выше прозвище грозная), назвалась Васильемъ Ивановичемъ (ср. его), поѣхала въ Кіевъ, никѣмъ не узнана (кромѣ Апраксіи, которой не повѣрили; ср. ее), поборола борцовъ, перестрѣлила богатырей изъ лука, обыграла Владиміра въ шахматы, довела до того, что онъ отдавалъ себя съ женою въ кабалу, попросила веселыхъ молодцовъ-скомороховъ, и, когда привели Ставра, помирилась на немъ, взяла вмѣсто даней его одного, не узнана сначала самимъ мужемъ, отъѣхавши отъ Кіева открылась ему и спасши его воротилась съ нимъ домой: IV, стр. 60—68, ст. 45—264.

Ср. III, *Прилож.*, стр. III; IV, *Прилож.*, стр. XVII; стр. LI — LV (въ сказкахъ, Василиса Золотая коса, Василиса Прекрасная, Премудрая, Мудрая и Лѣпообразая, Попова).

—

Василиса Премудрая, подруга, невѣста, жена Ивана-богатыря (ср. его; въ сказкахъ): IV, *Прилож.*, стр. CLXII — CLXXVIII.

—

Царь Бархатъ: IV, *Прилож.*, стр. LIII—LV (въ сказкѣ, относительно Василисы занимаетъ мѣсто мягкаго и ласковаго Владиміра: ср. эти лица).

—

Пленъ (Плѣнъ): IV, стр. 82, ст. 124; **Пленка** (Плѣнко): IV, стр. 82, 83, ст. 130—152. — **Сароженинъ**: IV, стр. 82, 83, ст. 130—152 и *прим.*

Старой: IV, стр. 82, 83, ст. 124—152.

Отецъ Чурилы (см. его); принимаетъ у себя въ дому, въ Маломъ Кіевцѣ, на рѣкѣ Черегѣ или Сарогѣ, пріѣхавшаго Владиміра (ср. его) съ княгинею, князьями - боярами, Бермятою (ср. его), богатырями, Добрынею (ср. его), и т. д.: отворяетъ трои ворота; угощаетъ; успокоиваетъ, когда перепугались подъѣзжавшаго Чурилы: IV, стр. 82, 83, ст. 123—164.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LXXX—LXXXIII.

—

Дюкова матушка: III, стр. 102—106, ст. 56—184; ср. Дюка.

Жила въ Волынцѣ Галичькмъ (на Волыни и Галицкой Руси), за Корелою богатою: III, стр. 101, ст. 2, 3.

Честна вдова, многоразумная: III, стр. 105, 106, ст. 159, 174, 179.

Покупала у гостей-корабельщиковъ перья орла Камскаго и перила стрѣлы сыну: III, стр. 102, ст. 44—57. — У ней печки были муравлены, подики мѣдные, помелечко шелковое, въ сыту медвяную обмакиваютъ, колачикъ съѣшь—больше хочется: III, стр. 104, ст. 124—129. — У ней въ высокихъ теремахъ хорошо было изукрашено, на диво: III, стр. 105, ст. 156—162. — У ней былъ въ гостяхъ Владиміръ (ср. его) съ князьями-боярами и Чурилою Пленковичемъ (ср. его), одаренъ былъ отъ нея дорогими подарками: III, стр. 105, 106, ст. 155—184.

—

Сестра Михайлы Казарянина.

Марѳа Петровична: IV, стр. 95—98, ст. 137—243.

Дочь гостиная изъ Волынца города изъ Галичья: IV, стр. 97, ст. 190—198. — Русская дѣвица Полоняночка: IV, стр. 95—96, ст. 138—182. — Красна дѣвица, молода, родная сестра, сестрица родимая Михайлы: IV, стр. 95—98, ст. 137—242. — У ней русая коса: IV, стр. 96, ст. 154—158.

Со своей матушкою гуляла въ саду; наѣхали Татары, полонили, отвезли въ чисто поле; тамъ горько плакала, а Татары утѣшали, что отдадутъ за мирнаго Татарина; Михайло Казарянинъ узналъ о томъ отъ вѣщаго ворона, побилъ Татаръ, отнялъ сестру и привезъ въ Кіевъ: IV, стр. 95—98, ст. 130—243; ср. Михайлу и сестру Алеши Поповича, сестру Збродовичей, Наталью или Настасью, жену Дуная Дарью Збродовичну,

Апраксiю, также IV, *Прилож.*, стр. XCVIII, XCIX.

—

Мать Соловья Будимiровича; ср. его.

Соловьева матушка: IV, стр. 104, 105, ст. 163, 190.

Амелѳа Тимоѳеевна: IV, стр. 105, 106, ст. 191, 232.

Честна вдова: IV, стр. 105, 106, ст. 191, 232.

Провѣдавши о томъ, что сынъ ея сосватался на племянницѣ Владимiровой Запавѣ Путятишнѣ (ср. ее), отсрочила свадьбу, заставивъ сына съѣздить прежде за моря синiя и тамъ разторговаться: IV, стр. 105, ст. 190—195.

—

Остальныхъ женщинъ при богатыряхъ см. выше въ числѣ Княгинь-боярынь вокругъ Владимiра.

—

Давидъ Поповъ: IV, стр. 105—107, ст. 197—266.

Голой шапъ (голо-щапъ, пустяшный щеголь): IV, стр. 105—107, ст. 197—266.

Торговецъ, ѣздившiй за моря: IV, стр. 105, ст. 197, 198.

Въ одно время съ Соловьемъ Будимiровичемъ (ср. его) поѣхалъ торговать изъ Кiева за моря; скоро исторговался, скорѣй назадъ

прибѣжалъ, привезъ плохiе подарки, налгалъ на Соловья, что будто бы видѣлъ въ заморскомъ городѣ Леденцѣ; Владимiръ (см. его) съ женою рѣшили за него выдать племянницу, Запаву Путятишну (см. ее), обвѣнчали; но Соловей вернулся благополучно, Запава перешла къ нему, а Давида осрамила: IV, стр. 105—107, ст. 197—267.

—

а)

Владыка Черниговскiй: II, стр. 77, ст. 269 (держитъ споръ и закладъ противъ Кiевлянъ за Алешу Поповича); III, стр. 5, 8, ст. 51—58, 143—149 (противъ Кiевлянъ и Владимiра за Ивана Гостинаго; выигравши споръ, захватываетъ въ Кiевѣ корабли съ товарами, надѣется захватить князей и бояръ).

б)

Воевода Черниговскiй: I, стр. 36, ст. 60—77 (за спасенiе Чернигова, хочетъ перенять Илью къ себѣ на службу, а тотъ нейдетъ); *Прилож.*, стр. XVIII (благодаренъ за спасенiе Чернигова, угощаетъ Илью).

в)

Король или **царь Черниговъ** (=Черниговскiй): III,

стр. 11—15, ст. 66, 75, 110, 202; Черниговецъ, вольный Черниговецъ: III, стр. 12—15, ст. 123, 135, 178, 205, 207—211. — Въ споръ и неудовольствіяхъ съ Владиміромъ: III, стр. 11, ст. 74, 75.—У него служилъ Иванъ Годиновичь въ столовыхъ ключникахъ: III, стр. 13, ст. 125—128.—У него дочь Авдотья Лебедь Бѣлая (ср. ее), которую просваталъ было за поганаго Одолища (ср. его) изъ невѣрной Орды, но приневоленъ отдать за Ивана Годиновича: III, стр. 11—15, ст. 64—214.

г)

Князь Сиверскій (Сѣверскій): I, *Приложс.*, стр. XVIII (за спасеніе Чернигова угощаетъ Илью).

Ср. Димитрія Гостя Черниговскаго, Ивана Годиновича, Ивана Гостинаго, Алешу Поповича, Илью и Владиміра.

—

Данило Заморнинъ, скоморохъ: II, стр. 16, ст. 69 (за него выдаетъ себя Добрыня; ср. его).

—

Василій Буслаевичь: IV, стр. 108, ст. 7.—Гибнетъ вмѣстѣ съ другими шестерыми Русскими витязями на Сафатъ-рѣкѣ отъ силы нездѣшней, бѣжитъ въ пещеры, каменѣетъ (сомнительно): IV, стр. 108—115. При этомъ выводится названымъ братомъ съ Годенкомъ Блудовичемъ, Васильемъ Казиміровичемъ, Иваномъ Гостинымъ сыномъ, Алешею, Добрынею и Ильею.

—

Малюта Воскурлатовъ сынъ, близкій ко Владиміру, указываетъ ему, черезъ кого искать невѣсту, отыскиваетъ Дуная и приводитъ ко Владиміру: III, стр. 62, 63, ст. 90—137 (смѣшанъ съ Алешею Поповичемъ); ср. IV, *Прилож.*, стр. LVIII, и выше, въ Князьяхъ-боярахъ вокругъ Владиміра.

Скурлаты (палачи, отъ имени Малюты Скурлатова): I, стр. 67, 68, ст. 57, 91.

*

Суровенъ: III, стр. 107—110, ст. 2, 24, 72, 93, 98; **Суровецъ:** III, стр. 110—112, ст. 3, 4, 25, 26, 74, 75; *Прилож.*, стр. IX, X; IV, *Прилож.*, стр. XXVII—XXIX.

Сынъ Ивановичь: IV, *Прилож.*, стр. XXVII, XXIX.

Суздалецъ: III, стр. 107—110, ст. 2, 24, 72, 93, 98; *Прилож.*, стр. IX, X.

Суроженинъ: III, стр. 110—112, ст. 4, 26, 75.

Заморенинъ: III, *Прилож.*, стр. IX, X.

Жилъ на Руси: III, стр. 110, ст. 3.—По роду—города Суздаля: III, стр. 110, ст. 5.

Сынъ отца гостя богатаго: III, стр. 110, ст. 6; *Прилож.*, стр. IX, X.—Богатъ: III, стр. 107—110, ст. 2, 24, 72, 93, 98.—Охотничекъ, охочь ѣздить за охотою: III, стр. 107, ст. 1; стр. 110, ст. 7.—Молодецъ: III, стр. 107—110, ст. 6 и дал.—Богатырь: III, стр. 110—112, ст. 4, 26, 75; *Прилож.*, стр. IX, X; IV, *Прилож.*, стр. XXVII—XXIX.

Ѣздилъ въ полѣ, хотѣлъ было убить ворона, воронъ указалъ на врага—Татарскаго царя; поѣхалъ туда, побилъ Татаръ, прихватилъ царя: III, стр. 107—112, № 1 и 2; по другимъ—мирно разстался съ Татарскимъ княземъ: IV, *Прилож.*, стр. XXVII—XXIX; Ср. Кумбала, Курбана, Кургана, Кунгура и проч.

Полевалъ, потомъ ѣздилъ къ городу Покидошу, гдѣ принятъ и угощенъ княземъ Михайломъ Ефимонтьевичемъ: ср. его и III, *Прилож.*, стр. IX, X.

Молодцы удалые Суздальцы: III, стр. 10, ст. 39, 40 (ихъ не было въ Кіевѣ при Владимірѣ).

Ср. III, *Прилож.*, стр. VII—X.

—

Михайло Ефимонтьевичь, князь въ городѣ Покидошѣ, христіанскій, принявшій и угощавшій Суровца-Суздальца: ср. его и III, *Прилож.*, стр. IX, X; IV, *Прилож.*, стр. CXVIII.

—

Саулъ: III, стр. 116—124, ст. 1—307; **Cауръ:** III, стр. 113—115, ст. 2—86.—**Леванидовичь:** III, стр. 116—124, ст. 1—307; **Сынъ Ванидовичь:** III, стр. 113—115, ст. 2—86.

Князь: III, стр. 113—115, ст. 2—86.—Царь: III, стр. 116—124, ст. 1—307.—Въ царствѣ Алыберскомъ: см. царство Алыберское.—Имѣлъ жену Елену Александровну, Азвяковну: см. ее.—Сына Константина: см. его.

Ходилъ подъ царство Латынское, Литвинское, Сорочинское, въ дальну орду—Половецку землю; между тѣмъ родила молодая жена; по одной пѣсни попалъ въ плѣнъ и освобожденъ сыномъ, по другой—освободилъ сына: III, стр. 113—124, № 1 и 2.

Ср. III, *Прилож.*, стр. X.

—

Константинушка Сауловичъ: III, стр. 117 — 124, ст. 30—309.

Сынъ Саула Леванидовича или Саура Ванидовича (ср. его), рожденный въ его отсутствіе и отправившійся искать отца; попалъ по однимъ пѣснямъ въ царство Сорочинское, по другимъ въ Угличь, гдѣ избавляетъ отца отъ плѣна или имъ избавленъ; описанъ какъ сильный, но очень молодой и неопытный богатырь: III, стр. 113—116, ст. 17 — 93; 117 — 124, ст. 28 — 313. — Имѣлъ Мать Елену Александровну, Азвяковну, которая родила его отъ Змѣя, воспитала, и проч.: см. ее.

—

Царица Елена Александровна, Азвяковна: III, стр. 116—124, ст. 5—310.

Молода, жена Саула Леванидовича, въ отсутствіе его родившая сына Константинушку (см. ихъ обоихъ) и отправившая его искать отца: III, стр. 113, 114, ст. 9 — 42; стр. 115, 116, ст. 90—93; 116—119, ст. 5—108; 122, ст. 227 — 241; 124, ст. 307—310.

—

Царь Константинъ Боголюбовъ, Боголюбовичь: IV, стр. 22—36, № 5; 23—38, *разн.*

Ерусалимскій: IV, стр. 22 — 38, № 5. — Цареградскій: IV, *разн.*, стр. 23—38.

Его жена—Елена Александровна: ср. ее и IV, стр. 22—25, № 5; 23—38, *разн.*

Его спасаетъ Илья отъ Идолища: см. эти два лица.

Въ Царѣградѣ держитъ при себѣ богатырей, между прочимъ Идола Скоропита и Тугарина Змiевича (см. ихъ); богатыри его собираются на Кіевъ, но побиваются Русскими, кромѣ Идолища и Тугарина, которые возвращены: IV, *разн.*, стр. 23—38.

—

Царица Елена Александровна: IV, стр. 22—25, № 5; 23—38, *разн.*

Ерусалимская, жена Константина Боголюбовича: см. его и IV, стр. 22—25, № 5.— Цареградская, жена Константина Боголюбовича: см. его и IV, *разн.*, стр. 23—38.

Заступается въ Царѣградѣ за Тугарина Змiевича (ср. его), по просьбѣ его матери: IV, *разн.*, стр. 34, 35.

—

Аника, Оника, Воинъ: IV, стр. 115—138.

Жилъ во славномъ городѣ Евлесѣ (Едессѣ?): IV, стр. 119, *разн.*

Храбрый человѣкъ: IV, стр. 119, ст. 2 и *разн.*; 121, ст. 40; 129, ст. 1; 136, ст. 2.

Богатый: IV, стр. 115, *разн.*; 118, ст. 51, *разн.*; 123, ст. 69; 124, *разн.*; 132, 133, ст. 84, 85 и дал.

Сильный и славный: IV, стр. 136, ст. 1.

Жилъ 220 лѣтъ: IV, стр. 115, ст. 1, 2; 390 лѣтъ: *разн.*; 222 года: стр. 119, *разн.*; много по землѣ походилъ: стр. 129, ст. 2.

Разорялъ пустыни и монастыри: IV, стр. 115, *разн.*; много полонилъ и покорилъ царей и царевичей, королей, королевичей и сильныхъ-могучихъ богатырей, много Латынской силы облатынилъ, много Русской силы побѣдилъ: стр. 119, ст. 3 — 7 и *разн.*; воевалъ, соборныя церкви разбивалъ, Русскую кровь проливалъ: стр. 122, *разн.*; казна его кровавая: стр. 118, ст. 56; стр. 123, ст. 73; казна его не трудовая, праховая, слезовая, съ кроволитья нажитая: стр. 125, *разн.*; стр. 132, ст. 93 — 96; много войны повоевалъ, городовъ разорялъ, церквей растворилъ, ликъ Божіихъ поругалъ, святыхъ иконъ переколол, много христіанской вѣры облатынилъ: стр. 129, 130, ст. 2—8; много побилъ царей и королей, и сильныхъ богатырей: стр. 136, ст. 17, 18.

Все пасся да берегся Смерти: IV, стр. 115, *разн.*

Доживалъ останное, послѣднее время: IV, стр. 115, ст. 3.

Положилъ намѣреніе и похвалился разорить Ерусалимъ и всю его святыню: IV, стр. 115, ст. 4 — 9; *разн.*; стр. 119, ст. 8 — 12; стр. 120, *разн.*; стр. 130, ст. 9—20.

Ѣздя по полю, по пути къ Ерусалиму, повстрѣчалъ Смерть (ср. ее); сначала дивился Чуду и даже смѣялся; потомъ началъ хвалиться и пугать Смерть; скоро ослабѣлъ и началъ умолять Смерть, называя ее родной матерью, обѣщая подѣлиться съ ней казною, списать ея ликъ на икону, почитать ее какъ Бога; просился и домой, обѣщая казну раздать на пользу душѣ, увѣряя, что у него отецъ и мать, жена-дѣти, друзья-пріятели, нужно проститься; просилъ сроку на года, на часы; Смерть все отвергла и опровергла, Аника подкошенъ и подпиленъ, конецъ какъ въ Стихахъ о богатомъ Лазарѣ: IV, стр. 115—138.

Ср. Святогора, Никанора-богатыря и IV, *Прилож.*, стр. CIII—CXIII.

*

Осипъ Прекрасный. Всѣхъ больше по природѣ отличался красотою: II, стр. 31, ст. 279; ср. IV, *Прилож.*, стр. L, CXVI.

—

Царь Давидъ Евсеевичъ: III, *Прилож.*, стр. VIII (какъ примѣръ отдаленнаго времени).

—

Старецъ Макарій Захарьевичъ, современникъ Давида: III, *Прилож.*, стр. VIII (какъ примѣръ отдаленнаго времени).

—

Царь Александръ Македонскій: IV, *Прилож.*, стр. CVIII—CX (въ сказаніи; сходство съ Ильею Муромцемъ, ср. его).

—

Акиръ Премудрый: IV, *Прилож.*, стр. CIX (сказаніе).

—

Ср. выше, въ Старшихъ богатыряхъ, Самсона и Олоферна.

*

ВРАГЪ.

Борисъ Козловъ: I, стр. 6, ст. 9, 18; **Бориско:** стр. 9, ст. 65; 10, ст. 96 и др.—**Збутъ Борисъ королевичъ:** I, стр. 12, 13, ст. 33—100.

Паленица: IV, стр. 13—17, ст. 9 и дал. — Татарченокъ-бусурманченокъ: I, стр. 2, 3.—Нахвальщичекъ: I, стр. 54, ст. 92. — Сокольникъ, сокольничекъ, сокольщичекъ: I, стр. 54, 55, ст. 91, 99, 105, 118; IV, стр. 16—18, ст. 113 и дал.; описанъ какъ соколиный охотникъ: I, стр. 8, ст. 31—33; IV, стр. 13, ст. 11, 12; соколиный и гончій: I, стр. 12, ст. 35—44.

Смѣшанъ съ богатыремъ Жидовиномъ: см. его и I, стр. 54—56; IV, стр. 12—18, № 3.

Бѣлъ: I, стр. 6, ст. 9, 18; груди черныя: стр. 54, ст. 76, 94; малый отрокъ: стр. 10, ст. 101; наносокъ востеръ: стр. 10, ст. 96; у стремени прикована Змѣя Горынская: IV, стр. 13, ст. 13; описаніе его вышины, ширины, головы, глазъ (но здѣсь смѣшанъ вообще съ Татариномъ): I, стр. 4, ст. 35—39.

Мнимый сынъ Короля Задонскаго: см. его и I, стр. 13, ст. 74—84. — Дѣйствительный сынъ Ильи Муромца: см. его и I, стр. 10, ст. 112—115; 13, ст. 74—107; 54, 55, ст. 110—119; IV, стр. 17, ст. 149—161. — Отношенія его къ матери: см. ее и I, стр. 10, ст. 110—115; 13,

ст. 83—107; 54, 55, ст. 93—121; IV, стр. 17, ст. 144—161; убиваетъ мать: I, стр. 55, ст. 120, 121.

Битва его съ Алешей Поповичемъ: см. его и I, стр. 9; — битва съ Ильею и смерть: см. его и I, стр. 2 — 14; стр. 54 — 56 (смѣшанъ съ Жидовиномъ); IV, стр. 13—18 (то же).

Мать Збута: ср. его.

Амелѳа Тимоѳеевна. Вдова, родившая Збута отъ Ильи: см. его и I, стр. 54, 55, ст. 93 — 121; убита сыномъ: *тж.*, ст. 120, 121; то же, что Баба Латымірка: см. ее и IV, стр. 17, ст. 144—161.

*

Баба Латыгорка: IV, стр. 17, ст. 144 — 161 (то же, что Амелѳа Тимоѳеевна, см. ее); *Прилож.*, стр. I, V, VII, VIII.

Баба Латымірка: IV, *Прилож.*, стр. IV, V, VII.

Жена Короля Задонскаго: см. его и I, стр. 13, ст. 74—97. — Мать Бориса Збута: см. его и I, стр. 2, ст. 46; 10, ст. 110—115; 13, ст. 79, 85, 96; IV, стр. 17, ст. 144—161; — отъ Ильи: см. его и I, стр. 10, ст. 115; 13, ст. 74 — 107; IV, стр. 17, ст. 144—161. — Кума Ильи: I, стр. 2, ст. 46.

*

Баба Горынинка: I, стр. 11, ст. 18, 19, 22; 14, ст. 111, 120, 128—144.

Владѣетъ златомъ-серебромъ, ведетъ Илью и Добрыню (см. ихъ) въ глубокій погребъ, гдѣ ея золотая казна: I, стр. 14, 15, ст. 131—140; борется съ Добрыней и погибаетъ отъ него: I, стр. 11, 14, 15, ст. 15—27, 111—144.

*

Прекрасная королевична. У нея теремъ, подъ кроватью подземелье, въ подземельѣ плѣнники; хочетъ обольстить Илью Муромца (ср. его), но онъ, провалившись къ ней въ подземелье, убиваетъ ее, а плѣнниковъ выпускаетъ: I, стр. 88, 89, ст. 70—98.

*

Бабища Мамаишна. Борется, за Мамая (см. его), съ Ермакомъ (см. его), и отъ него погибаетъ по указанію Ильи (см. его): I, стр. 64—66, ст. 226—283. — Ея описаніе. Головища съ дощанище, глазищи съ пивны корцы: I, стр. 64, ст. 227, 228.

*

Баба-Яга, костяная нога. По сказкамъ, то помощница, то врагъ Ивану-богатырю: см. его и III, *Прилож.*, стр. XVIII, XX; IV, *Прилож.*, стр. VII, CLVII.

Соловей-разбойникъ: вып. I, IV, и др.; **Соловейко:** I, стр. 36—39; **разбойничекъ:** I, стр. 2, ст. 52; 31, ст. 12; 33, ст. 65 и др.; **воръ-разбойничекъ:** I, стр. 77, ст. 19 и дал. — **Ахматовъ, Ахматовичь:** I, стр. 78, 79, 82, 83, 84, ст. 50, 91, 204, 225, 252; **Атамановичь:** I, стр. 83, ст. 222.

Алатырецъ некрещеный: IV, стр. 2, ст. 47, 64; *Прилож.*, стр. I, VII.—Чудо: IV, стр. 4, ст. 86; Чудище: стр. 2, 3.— Сопостатъ великій: I, стр. 84, ст. 250.

Заложилъ дорогу между Кіевомъ и Черниговомъ, никого не пропускаетъ: I, стр. 30, ст. 178, 179; 33, ст. 91, 92; 36, ст. 82, 85—87; 41, ст. 10; 45, ст. 133, 134; 77, ст. 16 — 22; 82, ст. 198 — 201; IV, стр. 2, 3, ст. 46—65.—Всѣхъ побиваетъ: I, стр. 30, ст. 180.—Возитъ мужиковъ (мужчинъ) въ плѣнъ: I, стр. 28, ст. 130.

У него на дубахъ тепло гнѣздо: I, стр. 79, ст. 79, 87.—Сидитъ на трехъ дубахъ: I, стр. 30, 31, ст. 10—19;—на семи: стр. 41, ст. 38; — на девяти: стр. 42, ст. 30; IV, стр. 3, ст. 52, 53; — на двѣнадцати: I, *Прилож.*, стр. XIX (сказка);— на тридевяти: I, стр. 36, 37, ст. 86, 101.

У него крылья: I, стр. 28, ст. 122.

Его соловьиный свистъ: I, стр. 28, ст. 114, 115; 30, 31, ст. 189—197, 13 — 17; 33, ст. 70; 34, ст. 98—106; 36, ст. 91, 92; 38, 39, ст. 161 — 174; 42, ст. 35; 78, 83, 84; *Прилож.*, стр. XIX—XXI; IV, стр. 3, ст. 54—57.—Шипъ змѣиный: I, стр. 42, ст. 36; 78, 83, ст. 56, 240.—Зрявкаетъ по звѣриному: I, стр. 42, ст. 37; 78, 84, ст. 55, 241. — Бьетъ въ ладони: I, стр. 78, 83, ст. 54, 239.

Кромѣ гнѣзда на дубахъ, у него домъ, въ дому богатство: I, стр. 28, 29, 37, 43, 44, 80; *Прилож.*, стр. XIX; IV, стр. 3.

Въ семьѣ кровосмѣситель: I, стр. 37, ст. 120 — 122.—У него молодая жена, хитрая и мудрая: I, стр. 43, ст. 58, 59, 66, 90; — со дѣтками и со дѣвками: I, стр. 77, ст. 20; — малы дѣточки, дѣтушки: IV, стр. 3, ст. 71— 76; — семь сыновей: I, стр. 80, ст. 103 и дал.; — девять: I, стр. 43, 44, ст. 69 — 97; *Прилож.*, стр. XXXIII, XXXIV (преданіе); — двѣ дочери, старшая **Катюшенька** перевозила черезъ Дунай, хотѣла убить Илью (см. его), убита имъ: I, стр. 28, ст. 125, 139; 37, ст. 107, 110; 81, ст. 142 — 163; *Прилож.*, стр. XIX, XX; — два зятя (ошибочно **Добрыня** и **Алеша**, ср. ихъ):

I, стр. 28, ст. 125, 126; *Прилож.*, стр. XIX, XX.

Бьется съ Ильею: см. его и I, стр. 2; 28, 29, ст. 113—143; 30, 31, № 2; 33, ст. 61—76; 36, 37, ст. 85—125; 41, ст. 38, 1—17; 42, 43, 44, ст. 18—99; 78, 79, ст. 49—91; *Прилож.*, стр. X, XI, XIX, XX; IV, стр. 3, 4, ст. 62—87.—При этомъ Илья вышибаетъ ему правый глазъ: I, стр. 37, ст. 100; 42, ст. 51; 79, ст. 88; *Прилож.*, стр. XIX;—лѣвый: I, стр. 28, ст. 123.

Взятый въ плѣнъ, помогаетъ Ильѣ спасти Кряковъ: IV, стр. 4, ст. 88—96.

Привозится Ильею въ Кіевъ и убитъ: I, стр. 29, 30, ст. 152—198; 33, 34, ст. 77—106; 37—39, ст. 126—188; 41, ст. 42—46; 44—46, ст. 104—173; *Прилож.*, стр. XII—XIV, XX, XXI; IV, стр. 4—6, ст. 108—157.

Въ числѣ Старшихъ и славнѣйшихъ богатырей, покорившихся однако Смерти, рядомъ съ Олоферномъ, Святогоромъ и Самсономъ: ср. ихъ и IV, стр. 122, *разн.*

Ср. Соловья Будиміровича.

—

Семья Соловья-разбойника: см. его.

—

Жидовинъ-богатырь: I, стр. 47, ст. 24; IV, стр. 7, ст. 23.

Изъ земли Жидовскія: I, стр. 47, ст. 23; IV, стр. 7, ст. 21.—Нахвальщикъ, нахвальщина: I, стр. 47—51, № 1; IV, стр. 7—12, № 2.—Воръ-собака: I, стр. 48, ст. 87 и дал.; IV, стр. 9, ст. 88 и дал.—Самый страшный, даже для Ильи: I, стр. 52, ст. 210, 211; IV, стр. 12, ст. 207, 208.

Борьба его съ Добрынею и Ильею (см. ихъ), смерть отъ послѣдняго, на степяхъ Цицарскихъ, Цысарскихъ: I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 6—12, № 2.

Смѣшанъ со Збутомъ: см. его и I, стр. 54—56; IV, стр. 12—118.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. CXXXIV.

—

Идолище: IV, стр. 19—21, ст. 17, 34, 41, 42, 47, 53, 61, 68, 78, 79, 82, 83; стр. 30—35, *разн.*; I, *Прилож.*, стр. XV, XVI; XXI, XXII.—**Одолище**: IV, стр. 22—35, ст. 23, 24, 25, 26, 32, 65, 66, 84, 86, 87, 100, 102, 116, 118, 122, 128, 135; III, стр. 13—19, ст. 140 и дал.; IV, *Прилож.*, стр. IX.—**Идолъ Скоропитъ**: IV, *разн.*, стр. 33—36.

Поганое: IV, стр. 19—21, ст. 17, 34, 46, 53, 61, 68, 78,

стр. 22—35, ст. 23, 24, 65, 66, 84, 87, 100, 102, 115, 118, 128, 135; III, стр. 13—19, ст. 140 и дал.—Проклятое: IV, стр. 22, ст. 24.—Жидовское: *разн.*, стр. 30.—Великое: *разн.*, стр. 30, 32.

Сильный богатырь: I, *Прилож.*, стр. XXI.—Нечестивый: *тж.*—Невѣрный: *тж.*

У него своя земля Идольская, свое царство Идольское: IV, *Прилож.*, стр. X.

а)

Обнасильничалъ Кіевъ: IV, стр. 19, ст. 17; отъ него въ Кіевѣ не по старому звонъ звонятъ: 19, ст. 15; княженецкія гридни на боку, ставни мотаются: 19, ст. 29, 30; запрещаетъ просить милостыню: 19, 20, ст. 16, 34—39, 46—50; сидитъ у Владиміра (см. его) въ теремѣ: 19, ст. 18; у Апраксіи (см. ее) держитъ руки въ пазухѣ: 19, ст. 19.

Его описаніе. Вышины двухъ саженъ; ходитъ—шаговъ не слыхать; заразъ по три печи хлѣба ѣстъ, по сороковкѣ пива пьетъ: IV, стр. 19—21, ст. 41, 42, 70, 71; I, *Прилож.*, стр. XV (сомнительное): голова съ пивной котелъ, въ плечахъ сажень, промежь бровми пядь, промежь ушей калена стрѣла, ѣстъ по быку съ костьми, а пьетъ по котлу: I, *Прилож.*, стр. XXI, XXII (сказка).

Убитъ Ильею: см. его.

Онъ же—**Чудище Полканище, Полканъ Полкановичъ**: I, *Прилож.*, стр. XXXIV (преданіе); ср. Полкана и Чудо-Юдо.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. X.

б)

Разселилось въ Ерусалимѣ: IV, стр. 22, ст. 23 и дал.; отъ него нездорово живетъ царь: 22, ст. 20; не стало въ Ерусалимѣ четья-пѣтья церковнаго и звона колокольнаго: 22, ст. 21, 22.

Его убиваетъ Илья: см. его.

Его описаніе. Въ долину пяти сажень, промежду плечми коса сажень, головища какъ пивной котелъ, глаза какъ чаши питейныя, носище какъ палка дрововольная; заразъ хлѣба по три пуда ѣстъ, вина духомъ пьетъ по ведру на разъ: IV, стр. 23, 28, ст. 25—29, 102—104.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. X.

в)

Живетъ въ Царѣградѣ, богатырь при царѣ, сидитъ противъ царя Констатина Боголюбовича (см. его), насмѣхается, грозится на Русскихъ богатырей, собирается на Кіевъ, обруганъ за хвастовство Алешею Поповичемъ (см. его), а въ битвѣ взятъ живьемъ Русскими богатырями, послѣ же отпущенъ царю: IV, *разн.*, стр.

30—36; ср. Илью и другихъ богатырей, бывшихъ въ походѣ на Царьградъ изъ Кіева.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. X.

г)

Изъ Орды невѣрной, просваталъ у Короля или Царя Черниговскаго (см. его) дочь Авдотью Лебедь Бѣлую (см. ее), и, когда она взята была Иваномъ Годиновичемъ (см. его), настигъ погонею, переманилъ Авдотью, послѣ битвы одолѣлъ и связалъ Ивана, но убитъ собственною стрѣлой: III, стр. 13—19, ст. 139 и дал.—У него черны груди: стр. 16, 18, ст. 253, 256, 262, 317, 318.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. IX, X.

Ср. Афромея Афромеевича и Кощея Трицетова.

—

Тугаринъ: I, стр. 57, 58; II, стр. 72—80, ст. 68, 69 и дал.; *Прилож.*, стр. III—X; III, стр. 4, 5, ст. 21, 41; IV, *разн.*, стр. 29—37; **Тугаретинъ** (въ этомъ случаѣ называется **Змѣемъ**, ср. Змѣя): II, стр. 80, ст. 336; **Притугалище, Притугалиникъ**: ср. Змѣя.—**Змѣевичь, Зміевичь**: II, стр. 72—80, ст. 94, 98 и дал.; *Прилож.*, стр. III—X; III, стр. 4, 5, ст. 21, 41; IV, *разн.*, стр. 29—37; **Бѣлевичь**: I, стр. 57, ст. 29.

Обыкновенное прозвище — Молодой, младъ: безпрестанно.— Богатырь удалый: IV, *разн.*, стр. 34, 36.—Собака: II, стр. 79, *разн.*

Его описаніе. Въ вышину трехъ сажень, промежь плечей косая сажень, промежу глазъ калена стрѣла, конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ: II, стр. 72, ст. 69—74; голова съ пивной котелъ: 79, ст. 313; черная грудь: 74, ст. 114; цвѣтное дорогое платье: ст. 122, 123; огнемъ палитъ: 73, ст. 103; стр. 78, ст. 302; реветъ зычнымъ голосомъ, такъ что дрожитъ дубровушка: стр. 72, ст. 94—96; 78, ст. 300.

а)

Богатырь въ Царѣградѣ, при царѣ Константинѣ Боголюбовичѣ (см. его); имѣетъ тамъ мать (см. ее); собирается на Кіевъ, но разбитъ Русскими богатырями и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Идоломъ Скоропитомъ (ср. его); привозится въ Кіевъ ко Владиміру (ср. его), но, по просьбѣ матери и честному слову Русскихъ богатырей, отпускается назадъ въ Царьградъ: IV, *разн.*, стр. 29—38; ср. Илью и другихъ Кіевскихъ богатырей, ходившихъ на Царьградъ.

б)

У него въ Большой Ордѣ полонилъ Илья (см. его) воронаго коня: III, стр. 4, 5, ст. 19—21, 39—41.

Загорскій, изъ улусовъ Загорскихъ, нападаетъ на Кіевъ съ ратью, но бѣжитъ отъ Ильи (собственно—отъ жены его, ср. Илью): I, стр. 57, № 3.

в)

Господствуетъ въ Кіевѣ у Владиміра (см. его), тамъ носятъ его 12 богатырей на доскѣ красна золота, садится на пиру въ мѣсто большое, подлѣ княгини Апраксѣевны (ср. ее), по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, по цѣлой чашѣ охлестываетъ, ко княгинѣ руки въ пазуху кладетъ, цѣлуетъ ее какъ милый другъ, насмѣхается князю Владиміру, проглатываетъ по цѣлой лебеди (ср. Идолища); за него, противъ Алеши, держатъ поруки Кіевскіе князья-бояре, крестьяне, гости; летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ: II, стр. 75—78, ст. 184—312; стр. 79, *разн.*

Два раза бьется съ Алешей Поповичемъ (см. его): 1.) въ полѣ, близь Сафатъ-рѣки, по дорогѣ изъ Ростова въ Кіевъ: II, стр. 72, 73, ст. 68 — 124; 2.) выѣхавши изъ Кіева, въ полѣ, близь той же рѣки: стр. 75 — 79, ст.

184—319.—Въ обоихъ случаяхъ убитъ Алешею.

г)

По нѣкоторымъ пѣснямъ, вмѣсто Алеши, бьется съ Добрынею (см. его) и имъ убитъ: II, стр. 79, *разн.* — По сказкѣ, прибывши отъ царя Болгарскаго, нападаетъ на Кіевъ, бьется также съ Добрынею и убитъ имъ: II, *Прилож.*, стр. III—X.

*

Въ связи съ Лукоперомъ-богатыремъ: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI.

*

По лѣтописямъ **Тугарканъ**, **Тугорканъ:** IV, *Прилож.*, стр. CXV, CXVI.

Тугаринова мать. Въ Царѣградѣ, молитъ царицу Елену Александровну (см. ее), чтобы упросила Русскихъ богатырей, пришедшихъ изъ Кіева, отпустить схваченнаго ея сына: IV, *разн.*, стр. 34; ср. Тугарина.

Змѣй, Змія, Змѣище, Зміище, Змѣинище; Змѣй Горынчатъ, Горыничь; Горынчище, Горынище: II, стр. 24, ст. 54 и дал.; 41, ст.

17—34; 55, 56, 60, ст. 84, 101, 118, 236, 239, 242; *Прилож.*, стр. XIII. — **Притугалище**, **Притугалиникъ** (Тугаринище, ср. Тугарина; отъ притугать, лаять): II, стр. 41, ст. 19; 48, ст. 17.

Змѣй или змія: II, стр. 24—28, ст. 55, 56, 73—75, 77, 88, 92 и дал.; 41, ст. 17, 29; 45, 46, ст. 24, 26, 29; 48, ст. 17; 51, 52, ст. 51 (ошибкою звѣрь), 54, 56, 63, 70, 77, 79, 81, 84, 86, 91; 56, 57, ст. 104, 115, 122; IV, стр. 58, ст. 198, 203. — Большой змѣй: IV, стр. 58, ст. 198. — Змѣя проклятая: II, стр. 25—28, ст. 73, 88, 161, 163, 168, 173, 178. — Лютый, лютая, лютое: II, стр. 41, ст. 17, 18, 23; 42, 43, ст. 60—107; 45, 46, ст. 24, 26, 29; 51—53, ст. 51, 77, 95, 127; IV, стр. 58, ст. 203.

Груди бѣлыя: II, стр. 25, ст. 77. — Хоботъ: II, стр. 56, ст. 103; два хобота: 51, ст. 78; двѣнадцать хоботовъ: 24—28, ст. 55, 74. — Плаваетъ по рѣкѣ: II, стр. 41, ст. 17. — Когда летитъ, искры сыпятся: II, стр. 24, ст. 53. — Жжетъ и палитъ огнемъ, топитъ въ рѣкѣ, ушибаетъ хоботомъ, беретъ въ хоботъ, уноситъ или пожираетъ: II, стр. 24, 25, ст. 59—62; 41, ст. 20, 21; 45, 46, ст. 26, 31; 51, ст. 72, 73; 56, ст. 101—103; IV,

стр. 58, ст. 199. — Труситъ: II, стр. 56, 57, ст. 118—125.

Живетъ на горахъ Сорочинскихъ, далече во чистомъ полѣ: II, стр. 23—25, ст. 3—5, 26—29, 84—86; на Израй-рѣкѣ, въ пещерахъ бѣлокаменныхъ, въ гнѣздѣ, въ полатахъ, гдѣ много есть злата-серебра: стр. 50 — 52, ст. 50—101; въ норѣ глубокой, откуда выходитъ: стр. 26 — 28, ст. 94, 124, 161, 162, 179. — На горахъ Сорочинскихъ, въ чистомъ полѣ, живутъ и молодые Змiеныши, которыхъ топталъ Добрыня (ср. его): II, стр. 23 — 28; они хотѣли спалить Добрыню: стр. 45, 46, ст. 25, 27, 30; вся порода змѣиная на Израй-рѣкѣ: стр. 52, 53, ст. 92, 93, 128, 129. — Въ норѣ глубокой много сидитъ плѣнныхъ царей, царевичей, королей, королевичей, простой силы и смѣты нѣтъ, — ихъ всѣхъ освободилъ Добрыня (ср. его): II, стр. 28, ст. 179—189.

Летаетъ на Почай-рѣку: II, стр. 24, ст. 32—55; на Кострюху рѣку: 41, ст. 17 и дал.; на Израй-рѣку, при которой живетъ: 51, 52, ст. 51 и дал.; летаетъ, подъ облаками, на Святую Русь, спускаясь уноситъ людей Русскихъ, копитъ Русскихъ плѣнниковъ, — ихъ освобождалъ Добрыня (см. его): II, стр. 25, ст. 80—86 и друг., № 1; летитъ черезъ Кiевъ, уноситъ въ нору глу-

бокую племянницу Владиміра (см. его), Забаву (Запаву, см. ее), которую освободилъ также Добрыня (см. его): стр. 25, 26, ст. 88—94; ходитъ въ Кіевъ, чему помѣшалъ также Добрыня (см. его): стр. 41, ст. 29; утаскиваетъ изъ Кіева Марью Дивовну (см. ее), тетку Добрыни, также имъ спасенную (см. его): стр. 52, 53, ст. 97—137.

Старые люди пророчили, что быть Змѣю убитому отъ Добрыни Никитича (см. его): II, стр. 51, ст. 55—57.—Дважды, въ мѣстахъ жилища своего, бьется съ Добрынею и погибаетъ отъ него: см. его и II, стр. 25, 28, ст. 72—87, 174—178; 41, ст. 17—30; 51—53, ст. 51—101.—Какъ милый другъ Марины (см. ее), Змѣй летаетъ къ ней въ Кіевъ, встрѣчаетъ Добрыню (см. его), бьется въ третій разъ съ нимъ, изгоняется или погибаетъ отъ него: II, стр. 42, ст. 60, 66, 69—72; 45, ст. 24 (лежитъ у Марины на рукѣ); 48, 49, ст. 15—18; 55—57, ст. 84—125; *Прилож.*, стр. XIII. — Змій троеглавый убитъ въ четвертый разъ Добрынею (см. его) невзначай въ пещерѣ бѣлокаменной, куда залетѣла стрѣла сверхъ цѣли: II, стр. 89, ст. 173—175.

Ср. Тугарина.

Змѣй приползаетъ въ могилѣ къ Потоку и женѣ его Авдотьѣ

(ср. ихъ), убитъ Потокомъ, а головою его помазавши тѣло жены, Потокъ воскресилъ ее: IV, стр. 58, ст. 197—208. — Ср. IV, *Прилож.*, стр. CLXXX.

По сказкамъ, подъ именемъ Царя Ѳеодула Змѣя борется съ Иваномъ Русскимъ богатыремъ: см. сего послѣдняго.

Марина, Маринка, Маринушка, Маришка: II, стр. 42—49, 54—60; *Прилож.*, стр. XI—XVI. — **Игнатьева, Игнатьевна:** II, стр. 45—48, 54—60.

Сука: II, стр. 58, ст. 189, 193.—Непотребная: стр. 43, ст. 87, 105; 58, 60, ст. 189, 232.—Дура: стр. 48, ст. 105.—Кореньщица, готовитъ зелье лютое: стр. 44, ст. 12; 49, ст. 26.—Еретница, знала дѣла еретическія: стр. 44, ст. 12; 58, 60, ст. 189, 232; 60, ст. 245, 246.—Безбожница: стр. 60, ст. 232.

Напивалась пьяною: II, стр. 42, ст. 82; 58, ст. 156, 157; водилась съ княженецкими молодцами: стр. 57, ст. 155; творила надъ молодцами чары: стр. 44, ст. 34—37; 55, ст. 48—63 и дал.; оборачивала оборотнями: стр. 42, 43, ст. 75—100; 46, 47, ст. 38—46, 71 и дал.; 57—59, ст. 131—215; сама оборачивалась: стр. 47, ст. 67; 59, ст. 197—215; извела

девять князей — жениховъ своихъ, оборотивши ихъ въ туровъ: стр. 45—47, ст. 11, 12, 41, 42, 71—74; — девять богатырей, девять братанцковъ, такъ же: стр. 57—59, ст. 136—201; ходила въ пиръ-беседу ко князю Владиміру: см. его, княгинь-боярынь и II, стр. 42, ст. 63, 64, 79—83; 57, 58, ст. 146 и дал.; хвасталась, что въ Кіевѣ нѣтъ ея хитрѣе и мудрѣе: стр. 58, ст. 160—166; однако пуглива: стр. 59, ст. 196.

Живетъ въ Кіевѣ: II, стр. 41, ст. 39—41; — въ улицѣ Андреевской: стр. 44, ст. 10, 24; — въ улицѣ, по ея имени, Игнатьевской, въ переулкѣ Маринимомъ: 53, 54, ст. 6, 7, 14, 15. — У нея въ Кіевѣ дворъ съ тыномъ, терема, въ теремахъ богатства: стр. 41, 42, ст. 43 и дал.; 44, ст. 13—16; 48, ст. 6—11; 53—56, ст. 6—110; но въ теремѣ не было образа: стр. 59, ст. 225—228.

Милый другъ ея Змѣй, Змѣище и т. п. (см. его), который летаетъ къ ней въ Кіевъ, лежитъ у ней на рукѣ, зміеныши на другой: II, стр. 42, 43, ст. 60 и дал.; 45, ст. 24, 25; 48, 49, ст. 17, 18; 55—57, 60, ст. 84—133, 235—242.

Дѣло ея съ Добрынею и гибель отъ него: см. его, Сестру его и Крестовую мать; въ чистомъ полѣ они женилися, кругъ ракитова

куста вѣнчалися: II, стр. 59, ст. 217, 218; сестрой Добрыни оборочена въ суку долгохвостую: стр. 48, ст. 105—108.

О тожествѣ ея съ Марьей Дивовной: см. ту и IV, *Прилож.*, стр. CLXXX.

Афромей Афромеевичъ: III, стр. 21—27, ст. 44 и дал.— **Вахромей:** стр. 27, ст. 277, 281.

Царь: III, стр. 21—27, ст. 44 и дал.; Невѣрный: стр. 27, ст. 258, 261, 265; изъ дальной земли Загорской: стр. 21, 27, ст. 43 и дал., 282; у него пановья-улановья, мурзы-улановья, Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ: стр. 21—25, ст. 46—48, 73—76, 123, 196—198.

Умѣлъ чинить вражбу, обертываться и бѣгать оборотнемъ: III, стр. 24, 27, ст. 166—171, 283—285.

Просваталъ за себя у Дмитрія богатаго гостя Черниговскаго (см. его) дочь Настасью (ср. ее), прислалъ ей платье къ свадьбѣ, подошелъ за ней подъ Черниговъ, а когда она была увезена Иваномъ Годиновичемъ (см. его), настигъ погонею, одолѣлъ было съ помощью Настасьи, но, когда набѣжали изъ Кіева, былъ схваченъ, отвезенъ туда, встрѣченъ Владиміромъ (см. его) и княгинеей съ

почестью и радостью, а послѣ, какъ подданникъ, отпущенъ домой: III, стр. 21—27, ст. 41—285.

Ср. Идолище и Кощея Трипетова.

—

Царь Афронъ: III, *Прилож.*, стр. XXXI, XXXII (сказка объ Иванѣ-царевичѣ; то же отношеніе къ Ивану-царевичу, какъ у Афромея къ Ивану Годиновичу). Ср. Ивана-царевича.

—

Кощей Трипетовъ: III, *Прилож.*, стр. XXXI. То же дѣло съ Иваномъ Годиновичемъ, какъ у Идолища и Царя Афромея: см. ихъ.

Кощей Безсмертный, **Кошь**, иначе Дѣдъ, Вихорь, борется съ Иваномъ-богатыремъ, иногда же помогаетъ ему: см. его и III, *Прилож.*, стр. XVIII, XX, XXI; IV, *Прилож.*, стр. CLVII, CLIX—CLXI (сказки).

—

Царь Волшанъ, его княгиня Волшенская, дѣло съ Ванькой Вдовкинымъ Сыномъ: см. его и III, *Прилож.*, стр. XVI—XIX.

Родство его съ Анной Прекрасной Королевной: см. ее

и IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLVI (по сказкамъ).

—

Чудо-Юдо, сражается съ Иваномъ Водовичемъ (по сказкамъ): см. послѣдняго. — Родство съ Полканомъ и Идолищемъ: см. ихъ.

—

Водяной Царь, отецъ Василисы Премудрой и врагъ Ивана-богатыря: см. ихъ и IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLXXIII—CLXXVII (по сказкамъ).

—

Бѣлый Полянинъ, сперва товарищъ, потомъ врагъ Ивана-богатыря: см. его и Дворянина Бѣлую Палицу (Поляницу), Ивашка Бѣлую Эпанчу и Бѣлую Рубашку (по сказкамъ).

—

Царь Далматъ. У него служитъ Ивашка Бѣлая Эпанча, ради него подвизается Иванъ-царевичъ: см. ихъ, Еруслана и III, *Прилож.*, стр. XVI (по сказкамъ).

—

Лукоперъ-богатырь, владѣвшій особымъ конемъ: ср. Ивана Крестьянскаго сына и

III, *Прилож.*, стр. XXVII, XXVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV (сказка); въ битвѣ съ Бовою: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI (сказки); тожество съ Зятемъ Батыя: см. его; сходство съ Тугариномъ: см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV.

—

Шаркъ-великанъ, бьется съ Дюкомъ, убиваетъ Чурилу (см. ихъ), по лѣтописямъ **Шаруканъ:** IV, *Прилож.*, стр. XCI, XCII, CXV.

—

Калина, Калинъ царь: I, стр. 68, ст. 68, 82; 70—76, ст. 3 и дал.—**Калиновичъ:** I, стр. 70—74, ст. 4 и дал.

Злой: I, стр. 70, ст. 4; Злодѣй: 72, 74, ст. 74, 136; Собака: 72, 75, ст. 76, 162, 171; Проклятой: 75, ст. 162, 171.

Нападаетъ на Кіевъ, прогнанъ или убитъ Ильею: ср. его и I, стр. 68—70, ст. 68—149; 70—76, ст. 1—210.—Ср. Батыя, Мамая и другихъ ниже.

—

При немъ:

Сартакъ, зять любимый: I, стр. 72, 74, ст. 63, 64, 78—80, 84, 149—151 (убитъ Васильемъ Пьяницей, ср. его); ср. Лукопёра при Батыѣ.

Лонщекъ, сынъ: I, стр. 72, ст. 66.

—

Батый царь: IV, стр. 38—46, ст. 3 и дал.; II, стр. 83—89, ст. 8 и дал.; стр. 93—96, ст. 1 и дал., № 1; **Батырь:** II, стр. 90—92, ст. 15 и дал.—**Батыевичъ:** IV, стр. 38—45, ст. 3 и дал.; **Каймановичъ:** II, стр. 90, ст. 15, 33; 93—95, ст. 27 и дал.

Собака: IV, стр. 38, ст. 6, 12, 13, и дал. № 6; II, стр. 93, 94, ст. 4, 28, 57.

а)

Нападаетъ на Кіевъ и прогнанъ Ильею: ср. его и IV, стр. 38—46, № 6 (бѣжитъ изъ Руси «съ большими убытками, съ малыми прибытками, со срамотою вѣчною, на мелкихъ судахъ, на па́возкахъ»); обманутъ и побитъ Васильемъ Пьяницей: II, стр. 93—96, № 1.—Ср. Калина, Мамая и другихъ ниже, а также IV, *Прилож.*, стр. CXLVIII, CXLIX (по лѣтописи).

—

При немъ:

Ульюшка, зять: IV, стр. 38—42, ст. 5, 78, 111.

Зять **Лукопёръ-богатырь** (ему Василій Пьяница, ср.

его, попалъ въ правый глазъ): II, стр. 93—95, ст. 3, 75—77; см. в. Сартака.—Ср. в. Лукопёра, по сказкамъ, при Иванѣ Крестьянскомъ сынѣ и противъ Бовы Королевича: III, *Прилож.*, стр. XXVII, XXVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI.—Сходство съ Тугариномъ: см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV.—

Таракашка, сынъ: IV, стр. 38—42, ст. 4, 77, 110. — Два сына: II, стр. 93, ст. 2.

—

б)

Царь Заоданскій, Большой Орды: II, стр. 83—89, ст. 8, *разн.* и дал.; Орды невѣрной: стр. 90 — 92, ст. 14, 15 и дал.

Къ нему отъ Владиміра везутъ дани-пошлины Василій Казиміровичь и Добрыня (см. ихъ); съ Русскими богатырями играетъ въ тавлеи—обыгранъ, выпускаетъ борцовъ — побиты, даетъ уроки стрѣльбы изъ лука—надстрѣлянъ; тѣмъ лишается даней и пошлинъ: II, стр. 83—89, № 1; стр. 90—92, № 2.—Сравни:

—

Король Задонскій, Заоданскій, мнимый отецъ Бориса

Збута: см. послѣдняго, Мать его и I, стр. 13, ст. 74—97.

—

Уланище, Царище: III, стр. 48, 49, ст. 184, 203—209. — Царь невѣрный: III, стр. 43, ст. 52; Собака: 44, ст. 54, 57.

Его описаніе. Ушища будто блюдища, глазища будто чаши пивныя, носище будто палица боевая: III, стр. 49, ст. 206—209.

Подступилъ подъ Кіевъ съ невѣрною силою, побитъ съ нею отъ Михайлы Даниловича (ср. его), голова же его привезена въ Кіевъ: III, стр. 43—51, ст. 50—248. — Ср. Калина, Батыя, Мамая и др.

—

Мамай царь: I, стр. 58—64, ст. 6 и дал.

У него 9 сыновей, 9 дочерей, 9 зятьевъ: I, стр. 58, 62, 63, ст. 42, 150, 151, 190, 191.—Подъ защитой Бабищи Мамаишны: ср. ее и I, стр. 64, ст. 226—242.

Нападаетъ на Кіевъ и разбитъ богатырями: I, стр. 58 — 63, ст. 6—191. Ср. Калина, Батыя и др. — Ср. IV, *Прилож.*, стр. CXLIX.

—

Царь **Салтанъ Салтановичь**, по сказкамъ врагъ Бовы

Королевича и отецъ богатыря Лукопера, изъ царства Рахлинскаго, Арахлинскаго, Задонскаго: IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV—CLXXXVII; ср. Калина, Батыя, Мамая и др., Лукопера и Бову.

—

Кумбалъ царь: III, стр. 108—110, ст. 35—99; **Курбанъ царь:** стр. 111, 112, ст. 35—73; **Кунгуръ царь:** стр. 119—121, ст. 132—183; 123, ст. 261, 262; **Курганъ князь:** IV, *Прилож.*, стр. XXIX.—**Самородовичь:** III, стр. 108, ст. 36; 120, ст. 157, 160; **Курбановичь:** стр. 111, 112, ст. 36, 54, 64.

Врагъ Суровца-Суздальца (ср. его), погубившій было его съ помощью своихъ Татаръ, но потомъ умоляющій о прощеніи: III, стр. 108 — 110, ст. 35 — 96; 111, 112, ст. 35—73; IV, *Прилож.*, стр. XXIX (мирно разстался съ Суровцемъ); въ такомъ же отношеніи къ Константину Сауловичу (ср. его) и убитъ имъ: III, стр. 119—121, ст. 132 — 184; 123, ст. 261, 262.

—

Смерть: IV, стр. 115—138.

Гордая: IV, стр. 122, *разн.*; 124, *разн.* и дал.; 130, ст. 37; 132—135, ст. 79—153.—Сотворенна, попущенна, послана (отъ Бога, на землю, на людей): IV, стр. 121, ст. 34, 35; 122, *разн.*; 124, *разн.* и дал.; 130, ст. 37, 38; 132—135, ст. 79 — 173. — Страшная, Престрашная: IV, стр. 115, *разн.*; 117, *разн.*; 120, ст. 29; 122, ст. 50; 131, ст. 48.—Грозная: IV, стр. 120, ст. 29; 122, ст. 50; 131, ст. 48. — Вельми непомѣрная: IV, стр. 120, ст. 30; 131, ст. 48.—Сердцемъ своимъ непосульная: IV, стр. 121, ст. 31.—Чудная: IV, стр. 115, *разн.*—Чудо чудное: IV, стр. 115, *разн.*; стр. 116, 117, ст. 13, 15; *разн.*; стр. 120, ст. 14 — 25; стр. 121, *разн.*; стр. 130, ст. 23—30.—Чудо престрашное: IV, стр. 116, ст. 12.—Диво дивное: IV, стр. 116, 117, *разн.*; 121, *разн.*

Ноги звѣриныя, голова человѣческая, тулово лошадиное: IV, стр. 116, *разн.*; голова человѣческая, власы до пояса, тулово звѣриное, ноги лошадиныя: стр. 120, ст. 15—18; тулово звѣриное, ноги лошадиныя, голова человѣчья и руки человѣчьи, власы до пояса: стр. 121, *разн.*; ноги лошадины, тулово звѣрино, буйна глава человѣчья, власы до поясу: стр. 130, ст. 24—27.

Кривая коса, которою коситъ людей, пила или пилы, — коими подпиляетъ: IV, стр. 116, ст. 24;

117, ст. 39, 40; 121, ст. 36—39, 47, 48; 123, ст. 64 и дал. (силы невидимыя); 124, *разн.* (то же); 127, *разн.*; 131, ст. 40, 67, 68; 136, ст. 12 (оружіе); 138, ст. 57, 58.

Валяется на дорогѣ или встрѣчается, объявляется, подкрадывается: IV, стр. 116, ст. 11, 16; *разн.*; 117, ст. 37, 38; 120, ст. 14; 121, *разн.*; 130, ст. 22, 23; 136, ст. 4. — Завладѣвъ человѣкомъ, садится на него верхомъ: стр. 118, *разн.* — Гдѣ и въ чемъ ни застанетъ человѣка, губитъ: стр. 121, ст. 36—38; 127 *разн.*; 135, ст. 176—182.—Гдѣ тужутъ-плачутъ, тутъ ей праздникъ: стр. 135, ст. 183, 184. — Нѣтъ у ней ни отца ни матери, ни роду ни племени, ни сродниковъ ни пріятелевъ, ни друзи ни братіи, ни малыхъ дѣтей ни молодой жены: стр. 127, *разн.*; 134, ст. 168—171. — Кабы ей брать казну золотую, были бы у ней

горы золотыя отъ Востока до Запада: стр. 123, ст. 61—63; 124, *разн.*; 133, ст. 112—119. — Нельзя ей въ церкви стоять, нельзя ей молебновъ исправлять, ни въ канонъ читать: стр. 126, *разн.*; не можно ей строить соборную церковь, писать ея ликъ на иконахъ, стоять ей въ церкви на престолѣ, молиться на нее Богу, служить ей молебны, канунъ говорить, украшать ее каменьями драгоцѣнными: стр. 134, ст. 143—150.

Ей покорились и поклонились, скошены ею—Самсонъ, Святогоръ, Полканъ, Соловей, Олофернъ: ср. ихъ и IV, стр. 117, *разн.*; 121, ст. 45, 46; 122, *разн.*; 131, ст. 55—57.

Аникѣ Воину (ср. его) попалась Смерть и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ погубила его: IV, стр. 115—138.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. CX, CXI.

—

*

Б) Имя Собственное.

Земли, орды, царства, украйны, народы, города, села, деревни, горы, лѣса, луга, поля, степи, грязи, моря, рѣки, омуты, плеса, острова, камни, кресты, корабли, кони, звѣри, птицы, и т. п.

Русь: II, стр. 25, ст. 61; III, стр. 110, ст. 3; IV, стр. 45, ст. 243; 27, 28, ст. 68, 90.—**Святая Русь:** I, стр. 36, ст. 58, 59; II, стр. 2, ст. 13; 25, ст. 81; 61, ст. 1, 2; 91, ст. 62; III, стр. 102,

ст. 54; IV, стр. 20, ст. 55. — **Святорусска:** I, стр. 1, ст. 19. — **Земля Свято-Русская:** I, стр. 77, ст. 9. — Богатая: II, стр. 2, ст. 13.

Галицкая Русь: см. городъ Галичь, Далече Галичье — IV, стр. 91, ст. 1; ср. IV, *Прилож.*, стр. XCVIII—CII.

Волынь: ср. городъ Волынецъ и IV, *Прилож.*, стр. VII, XCVIII—CII.

Залѣсье, Заолѣсье: ср. Залѣшанъ, Никиту.

Суздаль, Суздальщина: ср. городъ Суздаль, Суровца-Суздальца и IV, *Прилож.*, стр. CXVII—CXXXII. — Ср. ниже Угличкй.

—

Литва: I, стр. 79, ст. 95 (некрещеная); *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе); III, стр. 58, ст. 3 и дал.; 121, ст. 197, 198; ср. царство Литвинское (обыкновеннѣе въ Литвѣ король, какъ въ Ордѣ царь).

Карела, Корела: I, стр. 88, ст. 72 (проклятая); III, стр. 81, ст. 2 (богатая); стр. 101, ст. 3 (то же).

Могозея: I, стр. 70, ст. 2 (богатая).

Латыміръ (*Латырь-міръ?*): IV, *Прилож.*, стр. IV—VII.

Индѣя: I, стр. 88, ст. 71 (богатая).

—

Украйна (сомнительно): II, стр. 79, *разн.*

Сибирская Украина, Сибирскія Украины: I, стр. 78—81, ст. 37, 100, 130, 166; IV, стр. 16, 17, ст. 120, 130, 138.

—

Земли:

Ляховинская: III, стр. 54, ст. 60.

Латынская (гдѣ закупали коней): II, стр. 93, ст. 10, 11. — Ср. Царство.

Половецкая: III, стр. 116, 118, ст. 3, 79 (дальная орда).

Загорская: III, стр. 21, 22, 27, ст. 43, 71, 282 (дальная). — **Загорскіе улусы:** I, стр. 57, ст. 61.

Заоданская: II, стр. 84, ст. 37; ср. Орду.

Черкасская (гдѣ закупали сѣдла): II, стр. 93, ст. 12, 13.

Сорочинская (гдѣ закупали пшено): II, стр. 93, ст. 14, 15. — Ср. Царство.

Жидовская: I, стр. 47, ст. 23; IV, стр. 7, ст. 21.

Греческая: II, стр. 25, ст. 70, 72; 50, 51, ст. 35—75; IV, стр. 19, 21, ст. 22, 81; 23, 31, 32, ст. 41, 42, 45, 126, 127. — Ср. п. Шляпу, Колпакъ.

Идольская: IV, *Прилож.*, стр. X. — Ср. Царство.

—

Орда. Невѣрная: II, стр. 90, ст. 14, 32; III, стр. 13, ст. 139; въ ней обыкновенно царь, какъ въ Литвѣ король: стр. 121, ст. 197, 198.

Орды, немирныя, дальныя, невѣрныя, великія: II, стр. 18, 19, 22, ст. 17 и дал.; III, стр. 39, 40, ст. 6, 18, 28.— Также:

Большая: II, стр. 83, 84, ст. 6, 7, 23, 24; III, стр. 4, ст. 19.

Золотая: I, стр. 70, ст. 1 (Орда, Золотая земля); III, стр. 8, ст. 134; 71 — 75, ст. 37 и дал.; IV, стр. 61, 62, ст. 74, 91, 95, 102; стр. 96, ст. 167 (мирная).

Заоданская: II, стр. 83, 84, ст. 7, 24; ср. Землю.

—

Царства:

Литвинское: III, стр. 113, 114, ст. 7, 45; ср. Литву.

Латынское: III, стр. 113, 114, ст. 6, 44; ср. Землю.

Алыберское: III, стр. 122—124, ст. 226, 306, 308; IV, *Прилож.*, стр. VII.

Астраханское: III, стр. 113, ст. 1 (сильное).

Сорочинское: III, стр. 113, 114, ст. 8, 45 и дал.; ср. Землю.

Идольское: IV, *Прилож.*, стр. X; ср. Землю.

Армянское, Задонское, Дадонское, Данское, Рахлинское—Рахлейское—Арахлинское (по сказкамъ): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV—CLXXXVIII, CXCII.

—

Народы:

Угличи (Уличи?), **Углицки мужики:** III, стр. 121 — 124, ст. 191 — 304 (лукавые, глупые, неразумные, старики — вѣчники, извощики, главные мужики).

Алюторы: II, стр. 18, 19, 22, ст. 25 и дал. —**Алатырецъ** (некрещеный): см. Соловья-разбойника и IV, стр. 2, ст. 47.— Ср. Царство Алыберское, Латымiръ, Бабу-Латыгорку, Море и Камень Латырь и IV, *Прилож.*, стр. I—IX.

Чудь (бѣлоглазая): II, стр. 18, 19, 22, ст. 21 и дал.

Чукши: II, стр. 18, 19, 22, ст. 25 и дал.

Козары: ср. Жидовина-богатыря и Михайлу Казарянина, также IV, *Прилож.*, стр. XCVIII—CII, CXXXIV.

Калмыки: I, стр. 23, ст. 15; II, стр. 18, 19, 22, ст. 24 и дал.

Черкесы (Пятигорскiе): II, стр. 18, 19, 22, ст. 23 и дал.

Сорочина (долгополая): II, стр. 18, 19, 22, ст. 22 и дал.

Агаряне (Горскiе Татары съ Калмыками и Турки): I, стр. 23, ст. 15 и *разн.*

Турки. Туркцкій ханъ (собака), Турки, Турчата, Турчаночки: I, стр. 15, ст. 6, 7; 91, ст. 12; 93, 94, № 5; III, стр. 92, ст. 107, 110.

Татары. Татаринъ, Татаровичь, Татарченокъ, Татара, Татары, Татарове, Татаровя, Татаровья, Татарищи: I, стр. 23, ст. 15 (Горскіе); 26, ст. 56, 62 (Черные); 34, ст. 16; 38, ст. 133; 67, ст. 31, 39 (Татаринъ бусурмановъ); 71—76, ст. 22—215 (съ особымъ описаніемъ); II, стр. 3, ст. 18 (три Татарченка); 5—7, ст. 49 и дал. (мурзынька Татаринъ); 18, 19, 22, ст. 24 и дал.; 81, 82, ст. 38—63 (два Татарина); 86—89 (съ описаніемъ); 92, ст. 79; III, стр. 31, ст. 89, 104 (въ службѣ Владиміру); 108—110, ст. 37—90; 112, ст. 67, 68; 119—121, ст. 133—184; IV, стр. 39—46 (съ описаніемъ); 50, ст. 37, 39; 95—98, ст. 135—241; 109—113, ст. 40—169; *Прилож.*, стр. XXIX.

Улановинъ поганый, голова уланова, уланове поганые, улановья, уланищи, мурзы-улановья, злые мужики улановья, мурзы-бурзы, пановя: II, стр. 92, ст. 80; III, стр. 21—25, ст. 47, 75, 123, 161, 197; 48—51, ст. 163, 179, 215, 221, 248; 108, 109, ст. 37, 59, 73; IV, стр. 39, ст. 21 и дал.; ср. Уланища-царища.

Богатыри: IV, *Прилож.* стр. XXIX; Наѣздники: IV, стр. 95—98, ст. 136—241; Некрещеные: II, стр. 81, ст. 39; Поганые: III, стр. 119, 120, ст. 133 и дал.; Злые, злые люди: I, стр. 90, ст. 16; IV, стр. 45, ст. 223; 109—111, ст. 41—104; *Прилож.*, стр. XXIX; Собаки: IV, стр. 95—98, ст. 136—241; Вислоухіе, висячіе: III, стр. 121, ст. 180, 181; Болваны, дураки неотесаные: I, стр. 73, 74, ст. 105, 106, 126; Сила бусурманская: IV, стр. 113, ст. 155, 164; —Невѣрная: I, стр. 58, ст. 7; 63, ст. 181, 188; 68, ст. 67, 81; 70, ст. 149; III, стр. 40, 41, ст. 55, 60; 44, 45, ст. 70, 84; —Поганая: I, стр. 70, ст. 6; III, стр. 50, ст. 236; IV, стр. 113, ст. 169; бросившись въ воду, поганятъ ее: I, стр. 63, ст. 185, 186.

Описаніе Татаръ (паръ конный, духъ Татарскій и проч.): I, стр. 70, 71, ст. 13 и дал.; IV, *Прилож.*, стр. CXLVIII, CXLIX.—Описаніе Татарскихъ борцовъ: II, стр. 86, ст. 97—100.—Описаніе одного изъ Татаръ: I, стр. 71, 75, 76, ст. 22—26, 187—198 (мѣра, сила, дерзость, грубость и т. п.); II, стр. 81, ст. 49, 50 (хорошій, дородный, въ косу сажень); III, стр. 41, ст. 59—67

(крѣпокъ и гибокъ, не рвется и не ломится); 109, 110, ст. 84—90; 112, ст. 67 — 70; IV, стр. 39, 40, ст. 34, 35, 45 — 64 (старъ-горбатъ, на передъ покляпъ, синь кафтанъ, голубой карманъ; дерзость и грубость); 46, ст. 257 — 260 (на жилѣ не рвется); 109—112, ст. 40—147.—Ср. Збута, Афромея, Калина, Батыя, Мамая и т. п.

—

Города:

Кіевъ, Кеивъ, Кѣевъ: I, стр. 11, ст. 1; 25, ст. 20; 28, ст. 109; 29, ст. 152, 173; 33, ст. 78; 36, ст. 79; 52, ст. 1; 57, ст. 47; 79, ст. 101 и дал.; II, стр. 12, ст. 60—67; 25, ст. 90; 37, ст. 495; 41, ст. 29, 33; 43, 44, ст. 2, 6, 18; 70, ст. 26; 93, ст. 1 и дал.; III, стр. 2, ст. 35, 43; 4, ст. 1 и дал.; 36—38, ст. 141 и дал.; 39, ст. 1; 41 — 51, ст. 1 и дал.; 61, ст. 66 и дал.; IV, стр. 2, ст. 45; 3, ст. 59, 61, 62; 4, ст. 109; 12, ст. 1; 2; 17, ст. 162; 47, ст. 4 и дал. — **Городъ Кіевскій:** III, стр. 3, ст. 3; 19, ст. 358. — Славный: I, стр. 34, ст. 7; 36, ст. 49; 46, ст. 1; 58, ст. 1; *Прилож.*, стр. XVII; II, стр. 40, ст. 1; 83, ст. 1; III, стр. 9, ст. 1; 24, ст. 163; 41, ст. 1; 52,

ст. 1; IV, стр. 6, ст. 1; 72, ст. 1; 101, ст. 63. — Стольный: I, стр. 34, ст. 7; 36, ст. 79; 41, ст. 5; 47, ст. 26; 70, 71, ст. 5, 20; II, стр. 18, ст. 1; 53, ст. 1, 7; 89, ст. 178; III, стр. 4, ст. 1; 20, ст. 1; 23, ст. 109; 27, ст. 268; 70, ст. 1; 82, ст. 34; IV, стр. 7, ст. 24; 19, ст. 25, 27; 23, *разн.*, и дал.; 38, ст. 12 и дал.; 47, ст. 7; 52, ст. 1; 59, ст. 1; 68, ст. 1; 78, ст. 1; 94, ст. 98. — Престольный: I, стр. 68, ст. 69, 83.—Бѣлокаменный (позднѣйшее, перенесено отъ Москвы, въ женск. родѣ): III, стр. 43, ст. 45 и *разн.*—Въ немъ улицы—Андреевская: II, стр. 44, ст. 10, 24;—Игнатьевская: стр. 53, ст. 14; слобода Ерусалимская: III, стр. 10, 19, ст. 39, 359.

Малый Кіевецъ (гдѣ жилъ Чурило съ отцемъ): IV, стр. 81, ст. 99.

Черниговъ, Черницинъ, Чернягинъ: I, стр. 26, ст. 50, 55; 33, ст. 62; 35, ст. 34—36; 38, ст. 144; 52, ст. 1; II, стр. 4, ст. 22; 70, ст. 25; III, стр. 4 — 6, ст. 22, 43, 79; 11 — 15, ст. 74 и дал.; 20 — 23, ст. 27, 91, 111, 112, 130; 34, 37, ст. 89, 90, 179. — **Городъ Черниговскій:** III, стр. 11, 12, ст. 65, 109. — Славный: I, стр. 36, ст. 62; III, стр. 20, ст. 19.— Ср. спасеніе его Ильею Муром-

цемъ и дѣло Ивана Гостинаго, Ивана Годиновича, а также Владыку, Воеводу, Короля или Царя Черниговскаго и Князя Сиверскаго.

Волынецъ: III, стр. 81, ст. 1; 101, ст. 2 (славный, красный, Галичій); IV, стр. 91, ст. 2; 97, ст. 191 (Галичій).— Сравни:

Галичъ: III, стр. 81, ст. 1 (какъ сторона, при городѣ Волынцѣ); 101, ст. 2 (Галичій, прозвище Волынца); IV, стр. 91, ст. 1 и 2 (то же и Далече Галичье, какъ сторона); 97, ст. 191.—Ср. в. Галицкую Русь, Дюка и Михайлу Казарянина.

Кряковъ: IV, стр. 4, ст. 88—107.—Ср. Королевичей изъ Крякова, Илью, Соловья-разбойника и IV, *Прилож.*, стр. IX, XVIII, XX, XCVIII, XCIX.

Леденецъ: IV, стр. 99, ст. 7, 8 (славный городъ, заморскій); 106, ст. 210, 211; *Прилож.*, стр. VII.—Ср. Соловья Будиміровича.

Угличъ: III, стр. 121—124, ст. 185—304.—Ср. Угличей (Уличи?).

Карачевъ: IV, *разн.*, стр. 26 (изъ него родомъ Никита, атаманъ каличій, ср. его).

Рязань: II, стр. 49, ст. 1—3 (была селомъ, а недавно стала городомъ, ср. Села).

Владиміръ, Владиміровъ: III, стр. 2, ст. 35, 43.—**Городъ Володимірскій** (= Владиміръ): 3, ст. 4.

Суздаль: III, стр. 110, ст. 5.—Ср. Суровца-Суздальца.

Муромъ: I, стр. 21, ст. 5 (еще какъ село, ср. Села); 25, ст. 1; 77, ст. 1; 82, ст. 195, 200; *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе); II, стр. 70, ст. 24; IV, стр. 2, ст. 45.—Славный: I, стр. 41, ст. 1; 77, ст. 1; *Прилож.*, стр. XVII.—Стольный (ошибка вмѣсто славный?): I, стр. 44, ст. 127.—Ср. Илью Муромца.

Ростовъ: II, стр. 70, ст. 1 (славный, красный); 73, 75, ст. 129, 172.—Ср. Алешу Поповича.

Новгородъ (Нижній): III, стр. 1, ст. 9; 102, ст. 42 (Нижній?); IV, стр. 108, ст. 17 (сомнительно).

Кидишъ, Кидашъ, Покидошъ: I, стр. 79, 82, ст. 92, 93 и *пр.*, 200, 201; III, *Прилож.*, стр. IX, X (славный городъ, съ княземъ); IV, *Прилож.*, стр. CXVIII—CXXXII (преданія о Маломъ и Большомъ Китежѣ).—Смѣшанъ съ Кинешмой:

Кинешма: I, *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе; смѣшана съ Китежемъ).

Москва: II, стр. 61, ст. 2 (каменная; позднѣйшее).

Казань: III, стр. 1, ст. 7.

Астрахань: II, стр. 91, ст. 57; III, стр. 1, ст. 8.

Царьградъ: I, стр. 15, ст. 5; 93, ст. 10; II, стр. 37, ст. 494; IV, стр. 24—37, *разн.*; 67, ст. 230; 101, 102, ст. 59, 85 (хитрости его, въ искусствѣ).

Ерусалимъ, Еросолимъ: III, стр. 84, 85, ст. 7, 36; 90, 96, ст. 4, 15, 34, 236 (святой градъ); IV, стр. 22, 24, ст. 14, 21, 49; 67, ст. 231; 101, 102, ст. 60, 86 (мудрости его, въ искусствѣ); 115, 116, ст. 7, 8, 26; 119, ст. 9—12; стр. 120 (начальное царство); 130, ст. 9 и дал. (начальный градъ); ср. IV, *Прилож.*, стр. CXVI.— Вездѣ въ означенныхъ мѣстахъ описаны святыни.

Евлесъ (Едесса?): IV, стр. 119, *разн.* (славный градъ).

—

Села:

Рязань: II, стр. 49, ст. 1, 2; ср. Города.

Муромъ: I, стр. 21, ст. 5; ср. Города.

Карачарово, Корачарово, Карачаево, Корочаево: I, стр. 25, ст. 2 (большое село); 41, ст. 2; 44, ст. 128; 77,

ст. 2; 82, ст. 195; 92, ст. 2, № 3; *Прилож.*, стр. IV и дал., XVII; IV, стр. 1, ст. 3; 2, ст. 18—26 (въ немъ церковь Троицкая). Сравни:

—

Деревня

Корочарово: I, стр. 21, ст. 6.

—

Горы:

Сарачинскія, Сорочинскія, Сарачанскія: I, стр. 33, ст. 63, 89; 41, ст. 36; 48, 50, ст. 82, 141; II, стр. 23, ст. 3 и дал.; III, *Прилож.*, стр. VIII (высокія); IV, стр. 9, 10, ст. 84, 141.

Сіонскія: I, стр. 26, ст. 51, 66; 29, ст. 174; IV, *Прилож.*, стр. CXVI.

Латырь: IV, стр. 17, ст. 144; *Прилож.*, стр. VII; ср. Бабу-Латыгорку.

Палачь, Скатъ и др.: ср. IV, *Прилож.*, стр. CXVII.

—

Лѣса:

Брынскіе, Брымскіе: I, стр. 26, ст. 50, 65; 29, ст. 175;

33, ст. 64, 90; 36, ст. 83, 89; 41, ст. 35, 36; 41, 42, ст. 8, 26, 29 (темные): *Прилож.*, стр. XIX (ошибочно Брянские); III, *Прилож.*, стр. VIII (темные).

Муромскіе: I, стр. 91, ст. 7, 11.

Аникіевскій, Оникіевскій: IV, *Прилож.*, стр. CXII, CXIII (преданіе); ср. Аника Воина.

—

Луга:

Леванидовы: III, стр. 34, 36, 37, ст. 72, 137, 194 (близь Кіева, между нимъ и Черниговымъ).

—

Поле:

Куликово: I, стр. 58 — 64, ст. 21, 53, 72, 119, 205, 222 (мѣсто сборища богатырей Кіевскихъ, любимой ихъ стоянки); II, стр. 69, ст. 75, 76 (мѣсто казни); IV, стр. 45, 46, ст. 243 — 251 (то же).—Ср. IV, *Прилож.*, стр. CXLIX, CL.

—

Степи:

Саратовская: II, стр. 81, 82, ст. 34, 58.

Цицарскія, Цысарскія: I, стр. 46, 47, ст. 2, 25; IV, стр. 6, 7, ст. 2, 23; 20, ст. 51.

—

Грязи

Смоленскія: I, стр. 41, 42, ст. 9, 27; III, *Прилож.*, стр. VIII (черныя).

—

Моря:

Океянъ, Окіанъ, Океанъ: III, стр. 100, ст. 21, 22; *Прилож.*, стр. VIII (глубока глубота); IV, стр. 99, ст. 2 (глубота—глубота); ср. IV, *Прилож.*, стр. III.

Латырь-море: IV, *Прилож.*, стр. II—V.

Студеное: IV, стр. 17, ст. 142 и *пр.*; *Прилож.*, стр. V.

Волынское: IV, *Прилож.*, стр. VII.

Синее Хвалынское: I, стр. 22, ст. 1, 2; 40, ст. 1; IV, *Прилож.*, стр. V.

Синее Каспицкое, Каспійское: I, стр. 22, *разн.*; IV, *Прилож.*, стр. V.

Синее: III, стр. 102, ст. 48, 49; IV, стр. 38 — 42, ст. 1, 2, 74, 75, 107, 108.

Черное: IV, стр. 38 — 42, ст. 2, 75, 108; *Прилож.*, стр. V (Теплое).

Сурожское, Сурожъ: ср. Суровца-Суздальца-Сурожанина, Плена или Пленка и IV, *Прилож.*, стр. LXXXIII.

—

Рѣки:

Днѣпръ, Нѣпръ, Нѣпра: I, стр. 8, ст. 3, 4; 70, ст. 8 (быстрый); II, стр. 1, ст. 12, 17; 2, ст. 8, 9; 11, ст. 9 (мать-рѣка); 77, ст. 268 (быстрый); III, стр. 8, ст. 146 (то же); 22, ст. 92 (то же); IV, стр. 67, ст. 245 (то же); 101, 106, ст. 64, 227, 236 (то же); *Прилож.*, стр. XXIX (**Нева**, испорчено изъ Нѣпра).

Почай, Пучай, Почапъ: I, стр. 63, ст. 184; II, стр. 23, 24, ст. 6—8, 33, 45—49 (съ краю кротка-смирна, будто лужа дождевая, а середня струйка какъ огонь сѣчетъ, рѣка свирѣпая); IV, стр. 44, ст. 180, 181.

Черега: I, стр. 11, ст. 7; III, стр. 91, ст. 38; IV, стр. 78, 80, ст. 20, 80 (на ней живетъ и подвизается до прибытія въ Кіевъ Чурило, ср. его).—То же, что **Сарога, Сорога:** IV, *Прилож.*, стр. LXXXIII. — Ср. Сурожское море, Сурожь.

Кострюха: II, стр. 41, ст. 30, 31.

Сухона (?): ср. Старшаго богатыря Сухана (отъ имени коего рѣка, подобно Дунаю).

Сафатъ, Салфа, Софа: I, стр. 3, 4, 5; 11, ст. 8, 29; II, стр. 50, ст. 22 (смѣшана съ Израемъ); 71, 72, ст. 36, 53, 93; 78, ст. 280; IV, стр. 108—113, ст. 1—154; *Прилож.*, стр. CXVI.

Израй: II, стр. 50—52, ст. 28—101 (быстрая, сердитая, матушка, славная; смѣшана съ Сафатомъ); IV, *Прилож.*, стр. CXVI.

Смугра: IV, *разн.*, стр. 25—32 (близъ Царьграда?).

Дунай: I, стр. 77, 81, ст. 27, 28, 138—156 (широкая и глубокая); III, стр. 58, ст. 69, 70 (матушка; протекла отъ крови богатыря Дуная); 69, ст. 291—293 и *разн.* (то же); 80, ст. 380—382 (то же; Быстра рѣка, своимъ устьемъ впала въ сине море); IV, стр. 44, ст. 183 (мѣсто стоянки богатырей), 190—196 (широкій); 119, *разн.* (припѣвъ).—Ср. богатыря Дуная и его прозвище Тихимъ.

Донъ: I, стр. 90, ст. 1, 3 (Тихій); ст. 5.

Смородина, Смородинка: I, стр. 26, ст. 53; 29, ст. 145, 147, 148, 176; 36, ст. 84; 38, ст. 146; 78, 84, ст. 58, 243 (мать); *Прилож.*, стр. XIX; II, стр. 62, 63, ст. 22—89

(мать, быстра рѣка; извѣстно, что широкимъ широкая, глубокимъ глубокая; на ней нѣтъ переходовъ частыхъ, перебродовъ мелкихъ; есть два моста калиновыхъ; говоритъ человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей; за слова ласковыя и поклоны низкіе перепускаетъ молодцевъ, другихъ же, за обиду, топитъ); III, стр. 119, ст. 131.

Ока: I, стр. 21; ст. 26, 27; 25, ст. 13; *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе).

Волга: I, стр. 90, 91, ст. 5, 7; III, стр. 1, ст. 6—9 (матушка, широка; широка подъ Казанью, пошире подъ Астраханью, великъ перевозъ подъ Новымъ Городомъ); 102, ст. 47.

Кама: I, стр. 90, ст. 5; III, стр. 102, ст. 46—49 (одна, что пала въ Волгу, другая за Синимъ моремъ, впала въ Сине море — Кума?).

Саратовка: II, стр. 81, 82, ст. 35, 59.

Понизовскія рѣки: III, *Прилож.*, стр. VIII (быстрыя).

Ердань: III, стр. 82, ст. 36; 90, 96, ст. 18, 239.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. CXVII.

—

Омуты

Днѣпровскіе: III, *Прилож.*,

стр. VIII; IV, стр. 99, ст. 4 (глубоки).

—

Плеса

Чевылецкія: III, *Прилож.*, стр. VIII (долги).

—

Острова:

Буянъ, Буяновъ: III, стр. 29, 30, ст. 38, 45, 79; IV, *Прилож.*, стр. III.

Кодольскій: IV, *Прилож.*, стр. VII.

Потѣшные: ср. Князя Владиміра и его охоту.

—

Камни:

Латырь, Алатырь, Бѣлый Латырь, Бѣлъ Латырь, Бѣлатырь, Илиторъ, Алабырь, Алаборъ, Ахтыръ: IV, стр. 17, ст. 143; *Прилож.*, стр. I—IX.

Антавентъ: III, стр. 85, ст. 23—26 (свѣтитъ ночью).

Яхонтъ: IV, стр. 100, ст. 17 (дорогъ).

Тиронъ: III, стр. 103, ст. 60, 61; 118, ст. 99—107 (дорогъ, самоцвѣтный).

—

Крестъ

Леванидовъ, Леванидовскій: III, стр. 97, ст. 279; *Прилож.*, стр. VIII (чуденъ).

—

Корабль

Соколъ: I, стр. 22, 23, № 7; 40, № 5; 77, ст. 8, 11 (черный, ясный); IV, стр. 100, ст. 14—40 (его описаніе); *Прилож.*, стр. CII.

Кони:

Бахматъ: III, стр. 100, ст. 6.

Сивка-бурка, вѣщая каурка: III, стр. 1—8; *Прилож.*, стр. XXVI—XXX; IV, *Прилож.*, стр. CLXI.

—

Звѣри:

Скименъ, Скиперъ: II, стр. 1, 2, № 1 и 2; стр. 9, 10, № 5; 11, ст. 1—9.

Норка: III, *Прилож.*, стр. XIX, XX; IV, *Прилож.*, стр. CLV (по сказкамъ).

Царь-Медвѣдь, Медвѣдь Желѣзная Шерсть: IV, *Прилож.*, стр. CLV; CLXV—CLXVII (по сказкамъ).

—

Птицы:

Могуль, Ногъ, Нога, Страфиль, Стратимъ, Жаръ-птица и т. п. (по пѣснямъ и сказкамъ): III, *Прилож.*, стр. XX; IV, *Прилож.*, стр. CLXI, CLXIX.

В) Прозвища отъ Имени Собственнаго.

Русскій (Русская, Русское, Русскіе, и т. д.). — *Людъ*: I, стр. 75, ст. 176—178 (описаніе со стороны Татаръ: «всегда хвастливъ, опутанъ весь будто лысой бѣсъ, а еще стоитъ—самъ хвастаетъ»). — Люди: I, стр. 76, ст. 214 — 216 («не дай Богъ видать Рускихъ людей,» говорятъ Татаре; «неужто въ Кіевѣ всѣ таковы,» какъ Илья?); II, стр. 25, ст. 82.—Языкъ: III, стр. 6, ст. 85 (человѣческій); IV, стр. 39, ст. 22 и дал. (то же).—Сила (войско): III, стр. 36, ст. 144, 151; IV, стр. 119, *разн.*—Воины **Свято-русскіе**: I, стр. 85, ст. 289.—Богатырь **Свѣто-**(свято-) **русскій**: IV, стр. 52, ст. 5, 7.—Богатырь: I, стр. 8, ст. 46, 47; 9, ст. 60; 13, ст. 80; 32, ст. 32, 38, 54; 45, ст. 143;

II, стр. 12, ст. 58; 18, ст. 6; 29, ст. 232; 32, 33, ст. 310, 340, 362; 80, ст. 2; III, стр. 4, ст. 6, 14; 22, ст. 84; 70, ст. 6; IV, стр. 24, *разн.* и дал.; 59, ст. 6; 78, ст. 6.—Удалой-добрый молодецъ (отличается отъ скомороха): II, стр. 37, ст. 497—501.—Полонида, поленица: IV, стр. 121, 122, *разн.*; 130, ст. 32, 36.—Полоны (плѣнники): II, стр. 23, 24, ст. 3, 44 и дал.—Дѣвица-полоняночка: IV, стр. 95, 96, ст. 138—182.—Кровь: IV, стр. 122, *разн.* — Грамота: III, стр. 33, ст. 43, 55. — Платье: I, стр. 15, ст. 140.—Города: I, стр. 90, ст. 6 (славные). — Застава: I, стр. 52, ст. 2. — Пташки: II, стр. 91, 92, ст. 61, 89.—Конь: IV, стр. 97, ст. 215 (богатырскій, отличается отъ Татарскаго).—Ср. Землю. — По Русскому, по Русски: I, стр. 17, ст. 24; 18, ст. 6; 20, ст. 32; 21, ст. 30; 24, ст. 17; 27, ст. 68, 73, 81; 40, ст. 21; III, стр. 46, ст. 128.

Христіанскій.—Вѣра: I, стр. 34, ст. 11; IV, стр. 130, ст. 8. — О Крестьянскомъ см. послѣ.

Кіевскій. — Князь: см. Владиміра.—Народъ: IV, стр. 71, ст. 96.—Городъ: см. Кіевъ.—Чудотворцы: I, стр. 34, ст. 8.—Богатыри: IV, *разн.*, стр. 30, 32.

Андреевскій. — Улица: см. Кіевъ.

Игнатьевскій. — Улица: см. Кіевъ.

Пещерскій. — Церковь: I, стр. 89, ст. 117, 119.

Заручайскій. — Микола: I, стр. 77, ст. 29.

Черниговскій.—Городъ: см. Черниговъ.

Володимірскій.—Городъ: см. Владиміръ.

Донской. — Козакъ, козаки: I, стр. 18, ст. 4; 20, ст. 56; III, стр. 31, ст. 90, 105; ср. Илью.—Богородица (**Донъ-Мать**): IV, стр. 9, 10, ст. 102, 125.

Сибирскій.—Соболь: III, стр. 61, 62, 64, ст. 83, 108, 155; IV, стр. 100, ст. 19, 20 (черный). — Ср. Украйну, Украйны.—По Сибирскому (нарѣчію): II, стр. 57, ст. 145; III, стр. 23, ст. 124.

Якутскій. — Соболь: IV, стр. 100, ст. 19, 20 (черный).

Тульскій. — Орелъ: III, стр. 100, ст. 20.

Камскій. — Птица (орелъ): III, стр. 102, ст. 46.

Боголюбовъ. — Монастырь: III, стр. 90, 99, ст. 2, 368.

Даниловъ. — Пустынь: III, стр. 81, ст. 3.

Ефимьевъ. — Пустынь: III, стр. 90, 99, ст. 1, 369.

Заоникіевскій. — Пустынь: IV, *Прилож.*, стр. CXII, CXIII (преданіе). — Ср. Лѣсъ.

Воскресенскій. — Приходъ (въ Москвѣ?): II, стр. 60, ст. 1 (позднѣйшее).

Устрѣтенскій. — Улица (въ Москвѣ?): II, стр. 60, ст. 2 (позднѣйшее).

Петровскій. — Кружало: I, стр. 76, ст. 220. — Жары: II, стр. 40, ст. 11; 50, ст. 19.

Греческій, Земле-грецкій. — Шляпа, Колпакъ: II, стр. 25, ст. 70, 72; 50, 51, ст. 35 — 75; 72, ст. 63 и дал.; III, стр. 61, ст. 68; 85, ст. 22; IV, стр. 19, ст. 22, 81; 23, 31, 32, ст. 41, 42, 45, 126, 127; IV, *Прилож.*, стр. LXXXV. — Ср. Землю.

Цареградскій. — Сыгрышь (мотивъ въ музыкѣ): IV, стр. 67, ст. 230.

Еврейскій. — Стихъ: IV, стр. 67, ст. 233.

Ерусалимскій. — Слобода: см. Кіевъ. — Танцы: IV, стр. 67, ст. 231.

Аліентарскій (оріентальный). — Жемчугъ: I, стр. 90, ст. 13.

Аравитскій. — Золото: I, стр.: 90, ст. 11; III, стр. 103, ст. 64.

Сарачинскій, Сорочинскій. — Пшено: II, стр. 93, ст. 14, 15; III, стр. 6, ст. 93. — Шляпа: II, стр. 72, ст. 63 и дал. — Ковры: III, стр. 24, ст. 156. — Старики: III, стр. 114, 115, ст. 47, 51, 54, 60. — Ср. Землю, Царство, Горы.

Шемаханскій, Шамаханскій, Шимаханскій. — Шелкъ (бѣлый): III, стр. 102, ст. 33; IV, стр. 14, ст. 57; 92, ст. 128.

Черкассвій, Черкавскій,

Черкесскій.—Сѣдло: I, стр. 48, 50, ст. 77, 136; 59, 61, ст. 59, 107; 70, ст. 136; 91, ст. 3; II, стр. 6, ст. 90; 14, ст. 2; 23, ст. 12, 15; 63, ст. 57, 87; 74, ст. 136; 93, ст. 12, 13; III, стр. 24, ст. 151; 118, 119, ст. 98, 110; IV, стр. 8, 10, ст. 79, 136; 109, ст. 47.—Ср. Землю.

Индѣйскій.—Церковь: I, стр. 89, ст. 116, 118.

Чебурацкій (?). — Свинецъ: II, стр. 72, ст. 65.

Ордынскій.—Телѣга: III, стр. 75, ст. 196.

Турецкій. — Ханъ: I, стр. 91, ст. 12.—Флотъ: I, стр. 23, *разн.*—Сафьянъ **(Турецъ-)**: III, стр. 85, ст. 21.

Татарскій.—Духъ: I, стр. 71, ст. 16. — Лагери: I, стр. 74, ст. 132.—Голова, Головы: I, стр. 76, ст. 196; IV, стр. 32, *разн.*—Шея: IV, стр. 45, ст. 235.—Языкъ (телячій): III, стр. 24, ст. 162; IV, стр. 27, *разн.*—Вымыслы (воинскія хитрости): III, стр. 121, ст. 178.—Конь (добрый, лучше всѣхъ Владиміровыхъ, противупологается Русскому-богатырскому): IV, стр. 97—99, ст. 214—216, 255, 256, 268—270.

Мурзавецкій, Мурзамецкій, Морзомецкій, Бурзамецкій, Бурзомецкій, Урзамецкій, Бержемецкій, Бржемецкій, Пурманецкій. — Мечь: II, стр. 25, ст. 68.—Копье: I, стр. 4, ст. 11; 69, ст. 133; III, стр. 16, ст. 243; 122, ст. 249; IV, стр. 12, ст. 201; 15, ст. 86; 45, ст. 213; 91, ст. 17; 100, ст. 24; 109, ст. 48.

Латынскій.—Конь: I, стр. 38, ст. 138, 140; IV, стр. 79, ст. 28. — Платье: II, стр. 7, ст. 111—118.—Сила: IV, стр. 119, *разн.*—Вѣра (смѣшана съ **Латышскою**): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXVII. — Ср. Землю и Царство.

Нѣмецкій.—Трубки (подзорныя): I, стр. 43, ст. 65; 72, ст. 73. — Языки (не-Русскіе): III, стр. 21, 22, 25, ст. 48, 76, 198.—Желѣза: III, стр. 121, ст. 210.

Аглицкій. — Стекла: I, стр. 84, ст. 246.

Меделянскій. — Кобели: III, стр. 74, ст. 156.

Ляховинскій, Половецкій, Загорскій, Заоданскій, Задонскій, Жидовскій, И-

дольскій, Литвинскій, Алыберскій, Астраханскій, Армянскій, Дадонскій, Данскій, Рахлинскій — Рахлейскій — Арахлинскій, Углицкій, Галичій, Сіонскій, Брынскій, Муромскій, Леванидовъ-Леванидовскій, Саратовскій, Цицарскій — Цысарскій,

Смоленскій, Волынскій, Хвалынскій, Каспицкій — Каспійскій, Сурожскій, Понизовскій, Днѣпровскій, Чевылецкій, Кодольскій: см. Земли, Царства, Народы, Города, Горы, Лѣса, Луга, Степи, Грязи, Моря, Рѣки, Омуты, Плеса, Острова, Крестъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kireevskij, Petr V.,

Pěsni sobrannyja P. V. Kirěevskim Izdany Obšěstvom ljubitelej rossijskoj slovesnosti

Bd.: 4

Moskva 1862

P.o.rel. 3164-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11016812-6